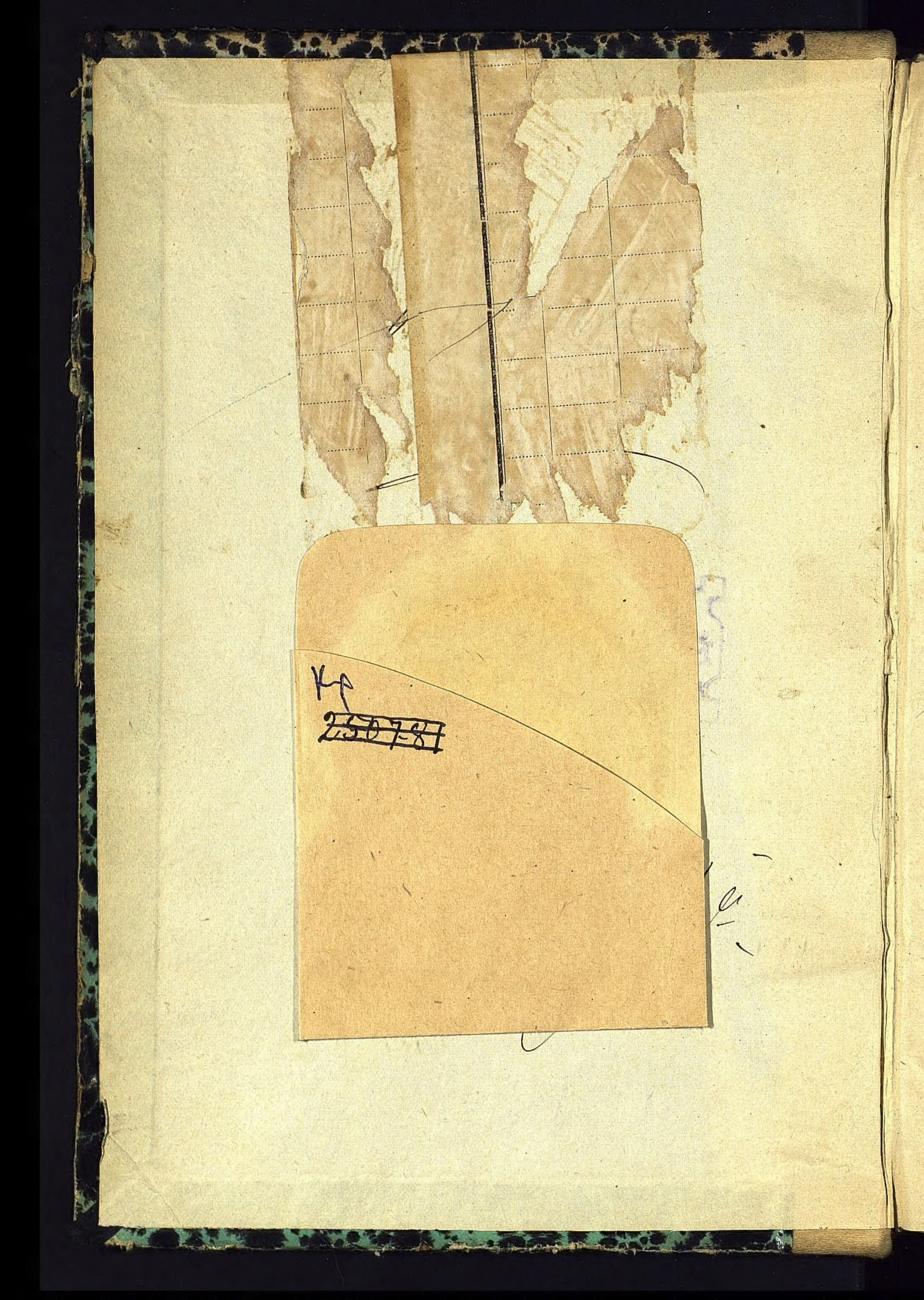
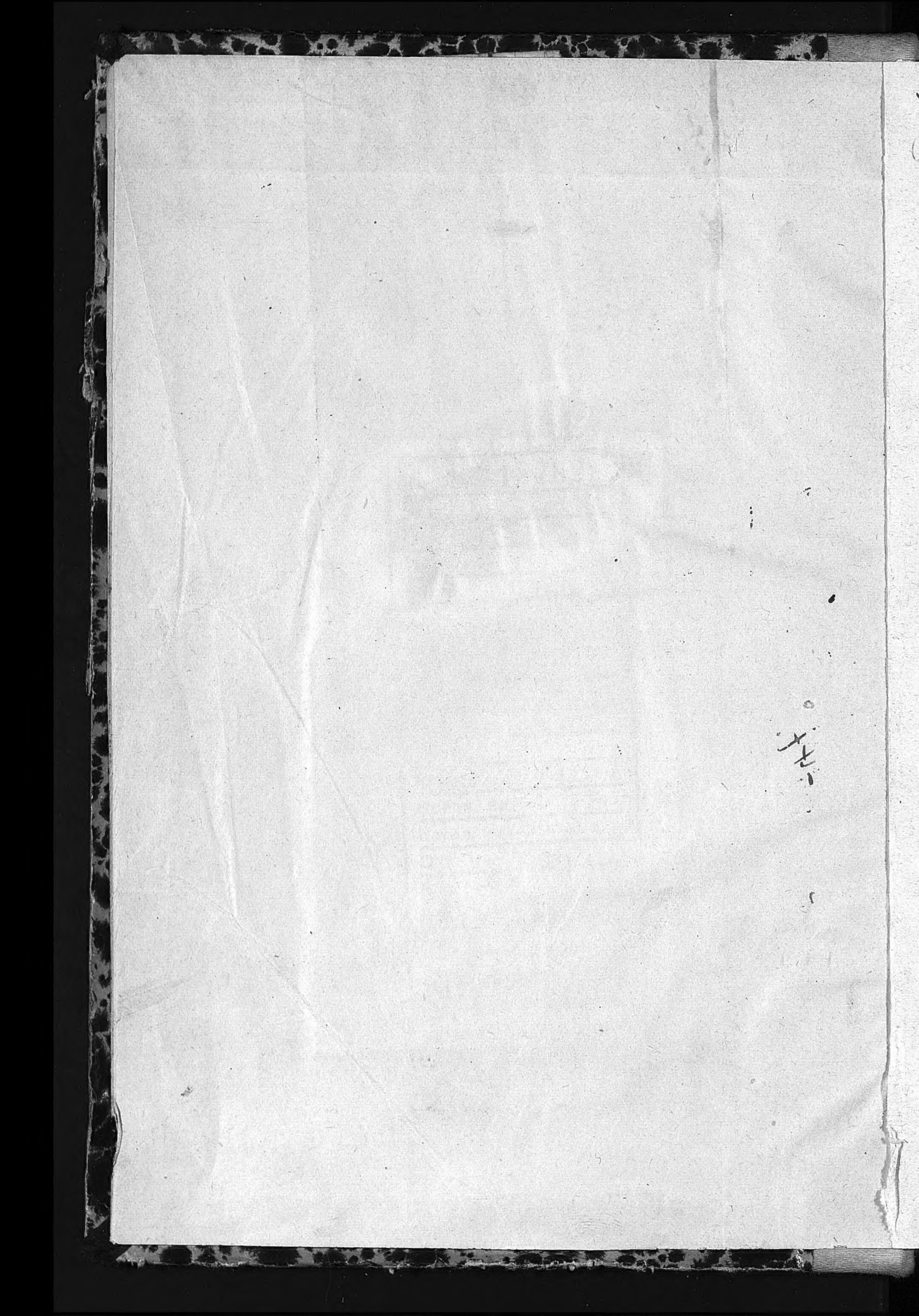
Т. 6

Муромцев С. А.

Сборник статей: Гредескула, Кизеветтера, Котляревского, Милюкова

Кр
25078

Сергѣй Андреевичъ

МУРОМЦЕВЪ.

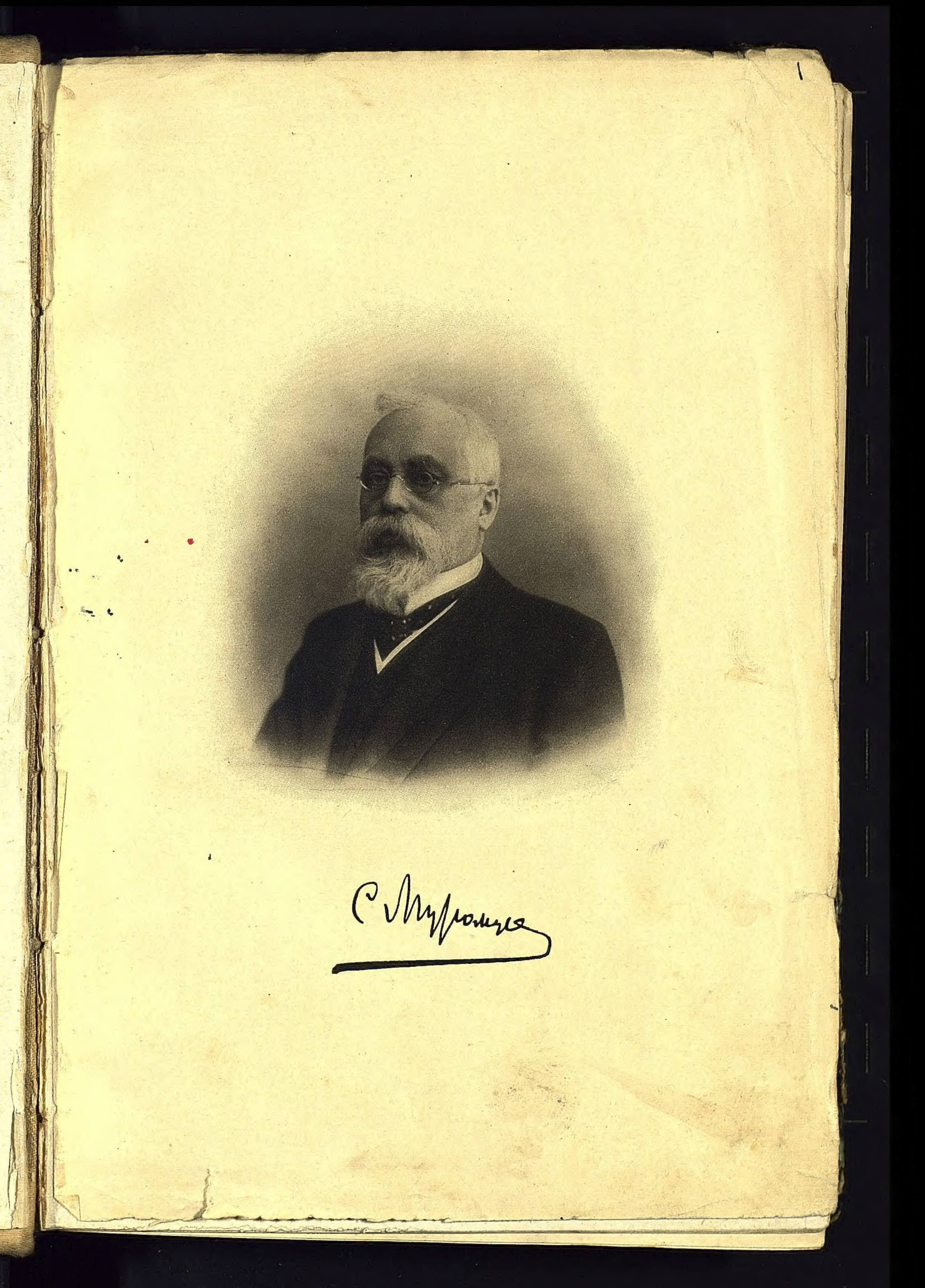

Сборникъ статей К. К. Арсеньева, Н. И. Астрова, С. И. Бондарева, М. М. Винавера, В. Н., Н. А. Гредескула, Н. В. Давыдова, Н. А. Каблукова, А. А. Кизеветтера, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, С. А. Котляревскаго, А. Р. Ледницкаго, П. Н. Милюкова, В. Д. Набокова, Н. В. Тесленко, А. А. Цурикова, кн. Д. И. Шаховского и Г. Ф. Шершеневича.

Съ приложенiемъ 7 портретовъ.

МОСКВА.
Изданiе М. и С. Сабашниковыхъ.
1911.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.

Кончина Сергѣя Андреевича Муромцева составила крупное событіе въ русской жизни. Послѣдовавшіе тотчасъ же отовсюду отклики наглядно показали, какъ много свѣтлыхъ воспоминаній и дорогихъ чаяній связалось съ его личностью и какъ жива въ странѣ память о предсѣдателѣ первой ея Думы.

У друзей и сотрудниковъ покойнаго естественно явилась потребность отозваться на тяжелую утрату собраніемъ воедино своихъ воспоминаній и другого матеріала о немъ.

Отвѣтомъ на эту потребность служитъ настоящая книга.

Слишкомъ еще близко стоимъ мы къ Сергѣю Андреевичу Муромцеву и къ дѣлу его жизни, чтобы книга о немъ теперь же могла сколько нибудь исчерпать тему. Многое осталось недосказаннымъ. На долю будущихъ изслѣдователей выпадаетъ благодарный трудъ изученія выдающейся личности въ связи съ современными событіями. Читатели пусть судятъ, насколько удалось выполнить болѣе скромную задачу — дать въ видѣ перваго опыта оцѣнку крупнаго человѣка и возсоздать теперь же дорогой его образъ, какъ онъ отразился въ памяти живыхъ свидѣтелей.

Всѣ статьи, вошедшія въ сборникъ, спеціально для него и написаны и предоставлены для сборника авторами безвозмездно. Статья В. Д. Набокова и часть статьи М. М. Винавера были доложены

въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, посвященномъ памяти С. А. Муромцева, и вмѣстѣ съ другими рѣчами, тамъ произнесенными, напечатаны затѣмъ въ № 50 „Права" за 1910 годъ. Все остальное появляется въ печати впервые.

Въ приложеніи помѣщены: текстъ двухъ законопроектовъ въ редакціи Сергѣя Андреевича (изъ „Русскихъ Вѣдомостей" 1905 года № 180) и Списокъ печатныхъ работъ его.

Сборникъ изданъ подъ редакціей кн. Д. И. Шаховского.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.
П. Н. Милюковъ.—Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. *Біографическій очеркъ* . . 1
В. Н.—Изъ семейной и личной жизни 53
Н. В. Давыдовъ.—Опытъ характеристики. *(Изъ личныхъ воспоминаній.)* . . 65
А. А. Цуриковъ.—Изъ воспоминаній стараго товарища 75
Г. Ф. Шершеневичъ.—С. А. Муромцевъ, какъ ученый 80
А. А. Кизеветтеръ.—Политическая дѣятельность до Государственной Думы . . 91
Н. А. Каблуковъ.—Въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ 116
К. К. Арсеньевъ.—„Письма изъ Москвы" 141
И. А. Кистяковскій.—Адвокатская дѣятельность 147
Н. И. Астровъ.—Въ Московской Городской Думѣ 158
Кн. Д. И. Шаховской.—Работа въ земствѣ 180
Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ.—С. А. Муромцевъ и земскіе съѣзды 205
М. М. Винаверъ.—Муромцевъ—адвокатъ и предсѣдатель Думы 251
С. И. Бондаревъ.—Воспоминанія депутата-трудовика 276
В. Д. Набоковъ.—Первый предсѣдатель Государственной Думы 281
С. А. Котляревскій.—С. А. Муромцевъ и думскій распорядокъ 297
Н. А. Гредескулъ.—Первая Дума и ея предсѣдатель 309
М. М. Винаверъ.—Отрывокъ изъ „Исторіи выборгскаго воззванія" 333
Н. В. Тесленко.—На скамьѣ подсудимыхъ 336
А. Р. Ледницкій.—С. А. Муромцевъ въ тюрьмѣ 350
Кн. Д. И. Шаховской.—Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни 373

Приложенія: Проектъ Основного и Избирательнаго законовъ въ редакціи С. А. Муромцева 384
Списокъ печатныхъ работъ С. А. Муромцева 407

КЪ ПОРТРЕТАМЪ И ГРУППАМЪ.

1. Въ началѣ книги. Съ послѣдней фотографіи, снятой въ Москвѣ въ 1910 году у Н. Высоцкаго и К. Круповича.
2. Передъ стр. 1. Дѣтскій портретъ, съ фотографіи около 1860 года.
3. Передъ стр. 17. Съ фотографіи, снятой въ серединѣ семидесятыхъ годовъ (въ группѣ съ сестрой, Анной Андреевной).
4. Передъ стр. 65. Примѣрное судебное разбирательство въ студенческіе годы. Съ фотографіи, сохранившейся у Мих. Мих. Духовского (см. объ этомъ его замѣтку въ № 266 „Утра Россіи" 6 окт. 1910 года) около 1870 года.

   На фотографіи изображены (слѣва направо): 1) М. В. Духовской, впослѣдствіи извѣстный присяжный повѣренный, общественный дѣятель и профессоръ московскаго университета (на фотографіи защитникъ), 2) неизвѣстный (присяжный засѣдатель), 3) Н. А. Мясоѣдовъ, бывшій потомъ губернаторомъ въ Або (секретарь суда), 4) В. Я. Фуксъ, впослѣдствіи цензоръ (прис. засѣдатель), 5) неизвѣстный (прис. засѣдатель), 6) кн. Л. С. Голицынъ, извѣстный винодѣлъ (старшина присяжныхъ), 7) Жданъ Пушкинъ (умеръ молодымъ, на фотографіи—членъ суда), 8) С. А. Муромцевъ (предсѣдатель суда), 9) А. С. Стишинскій, главноуправляющій Земледѣліемъ и Землеустройствомъ во время первой Думы, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта (членъ суда) и 10) Н. В. Муравьевъ, послѣ министръ юстиціи и посолъ въ Римѣ (на фотографіи—обвинитель).
5. Передъ стр. 129. Съ фотографіи Асикритова, снятой въ апрѣлѣ 1889 года.
6. Передъ стр. 273. Президіумъ первой Государственной Думы: предсѣдатель, два его товарища, секретарь и четыре его товарища (пятый отсутствуетъ). Съ фотографіи, снятой въ саду при Таврическомъ дворцѣ лѣтомъ 1906 года.

   На фотографіи изображены (слѣва направо): Г. Н. Шапошниковъ (тов. секр.), кн. Д. И. Шаховской (секретарь), Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ (тов. секр.), кн. Петръ Дм. Долгоруковъ (тов. предсѣдателя), С. А. Муромцевъ, Г. Ф. Шершеневичъ (тов. секр.), Н. А. Гредескулъ (тов. предсѣдателя) и Щ. А. Понятовскій (тов. секретаря).
7. Передъ стр. 288. С. А. Муромцевъ въ своемъ кабинетѣ предсѣдателя Государственной Думы въ Таврическомъ дворцѣ.

Большинство портретовъ доставлено при посредствѣ Ольги Сергѣевны Шарвиной, дочери покойнаго Сергѣя Андреевича. Всѣ они изготовлены для настоящаго изданія художественнымъ заведеніемъ товарищества F. Bruckmann въ Мюнхенѣ. При заказѣ портретовъ оказалъ свое любезное содѣйствіе художникъ Василій Васильевичъ Кандинскій.

Моск. Обл. Библиотеки

Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ.

Біографическій очеркъ.

I. Семья и дѣтство.

(1850—1860.)

С. А. Муромцевъ родился 23 сентября 1850 г. въ С.-Петербургѣ, въ казармахъ л.-гв. московскаго полка на Фонтанкѣ (гдѣ нынѣ казармы мѣстныхъ войскъ). Отецъ его, Андрей Алексѣевичъ, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, генеалогію котораго самъ Сергѣй Андреевичъ прослѣдилъ до начала XVII в. Предки С. А. бывали и въ жильцахъ, и въ стольникахъ, и въ бригадирахъ, дѣлали походы, жаловались вмѣстѣ съ другой служилой братіей государевымъ жалованіемъ,—словомъ, занимали не послѣднее мѣсто въ рядахъ столбового дворянства, записаннаго въ шестую книгу. Андрей Алексѣевичъ Муромцевъ родился въ 1818 году и, окончивъ въ 1837 г. сословную военную школу („Дворянскій полкъ"), былъ выпущенъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Московскій полкъ. Когда С. А. было четыре года (1854), отца произвели въ полковники, а весною слѣдующаго 1855 года назначили командующимъ вторымъ гренадерскимъ запаснымъ полкомъ. Слѣдующіе три года — 1855-58 — прошли въ постоянныхъ передвиженіяхъ полка. Семья слѣдовала за отцомъ, и въ памяти мальчика живо сохранились переѣзды въ допотопномъ фамильномъ рыдванѣ изъ Петербурга въ с. Коростынь, на берегъ Ильменя, оттуда въ Ямъ Бронницы, Новгородской же губерніи, изъ Бронницъ—въ Угличъ, на Волгу, изъ Углича — въ Опочку Псковской губерніи. Въ 1858 г. отецъ С. А. вышелъ въ отставку и купилъ себѣ, въ сорока верстахъ отъ одного изъ родовыхъ имѣній семьи „Предте-

чева“, имѣніе „Лазавку“, въ Новосильскомъ уѣздѣ Тульской губ., гдѣ всецѣло погрузился въ сельское хозяйство.

До 1858 года семья обыкновенно проводила лѣто въ „Харинѣ“, имѣніи бабушки С. А. по матери, Александры Михайловны Костомаровой. Съ этимъ имѣніемъ сохранялась память о самыхъ тяжелыхъ сторонахъ крѣпостного права. Братъ дѣда С. А. былъ тамъ задушенъ своими дворовыми за истязанія. Бабушка Александра Михайловна была женщина энергичная и властная и держала свою дочь, Анну Николаевну, мать С. А., въ большой строгости. Въ сорокъ лѣтъ, какъ въ пятнадцать, Анна Николаевна боялась матери и подчинялась ей безпрекословно, ведя и дѣтей своихъ по-старинному, въ страхѣ передъ отцомъ и бабкой. Къ роду Муромцевыхъ Александра Михайловна, происходившая изъ знатной и богатой семьи Борщевыхъ, относилась нѣсколько свысока. Родъ Костомаровыхъ она считала выше. Муромцевы во всякомъ случаѣ были беднѣе и вели жизнь попроще. Зато, въ противоположность „татарскому“ роду Костомаровыхъ, они были культурнѣе и талантливѣе, тѣлесное наказаніе задолго до отмѣны крѣпостного права уже не примѣнялось въ ихъ имѣніяхъ, и они особенно культивировали, изъ поколѣнія въ поколѣніе, фамильную склонность къ математикѣ. Костомаровы, по большей части черствые по природѣ, поддерживали однако въ семьѣ весьма строгіе нравы, въ семьѣ же Муромцевыхъ нерѣдко бывали примѣры расточительности и распущенности. Таково было по крайней мѣрѣ въ семьѣ представленіе о наслѣдіи „родового быта“. Самъ С. А. хорошо зналъ свою семейную старину, и семейныя связи крѣпко держались въ его жизни вплоть до смерти родителей (отецъ умеръ въ 1879, мать—въ 1901 г.).

Первоначальное воспитаніе С. А. получилъ подъ непосредственнымъ руководствомъ матери, женщины тихой, беззавѣтно преданной семьѣ и особенно нѣжно любившей старшаго сына Сергѣя. Сынъ отвѣчалъ ей самой нѣжной привязанностью и не разставался съ ней до конца ея жизни. Отецъ въ воспитаніе не вмѣшивался и вообще держалъ себя далеко отъ дѣтей, которыя его побаивались, такъ какъ Андрей Алексѣевичъ былъ вспыльчивъ и не всегда умѣлъ сдерживать вспышки своего гнѣва.

Безъ призора дядекъ и гувернантокъ мальчики были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ. С. А. былъ среди дѣтей старшимъ и съ раннихъ лѣтъ привыкъ къ роли руководителя и совѣтчика. Его собственные интересы сложились подъ вліяніемъ общенія съ взрос-

лыми и тѣхъ разговоровъ, которые онъ слышалъ кругомъ. Это были, преимущественно, разговоры о войнѣ, военной службѣ и обо всемъ, съ ней связаннымъ. Къ военнымъ интересамъ присоединился потомъ интересъ къ сельскому хозяйству. Еще нѣсколько позднѣе, въ сосѣднемъ съ „Лазавкою" „Предтечевѣ", въ семьѣ одного изъ дядей, Семена Алексѣевича Муромцева, мальчикъ столкнулся и съ болѣе широкимъ кругомъ интересовъ. Тамъ уже разсуждали о вводившихся тогда великихъ реформахъ, преимущественно судебной и земской. Мы увидимъ, какъ отразились эти впечатлѣнія при переходѣ изъ дѣтства въ отрочество.

Сергѣй Андреевичъ самъ вспоминаетъ о томъ, какое вліяніе имѣли на него въ дѣтствѣ военные разговоры окружающихъ. „Можно родиться въ половинѣ столѣтія,—говоритъ онъ въ начатой имъ автобіографіи,—а чувствовать себя какъ бы живущимъ съ самаго начала его. Благодаря живымъ разсказамъ дѣда по матери Ник. Анд. Костомарова (умеръ въ 1863 г.), участвовавшаго молодымъ офицеромъ въ кампаніи 1814 г., эпоха отечественной войны запечатлѣлась въ моей памяти такъ, какъ будто бы переживалась лично. Разсказы бабушки, бывшей на 16 лѣтъ моложе своего мужа и пережившей 1812 годъ въ десятилѣтнемъ возрастѣ, пополняли картины того времени подробностями треволненій, пережитыхъ въ условіяхъ домашней обстановки. Художественные образы „Войны и мира" вплетались потомъ въ уже готовую канву семейныхъ преданій. Воспоминанія отца и дядей относились къ николаевскому времени. Самого Николая я видѣлъ однажды изъ окна казармы лейбъ-гвардіи Московскаго полка во время ученья, происходившаго во дворѣ казармъ".

Другого рода впечатлѣнія остались въ памяти мальчика отъ самаго конца описываемаго десятилѣтія. Разъ въ недѣлю въ „Лазавку" доставлялись получавшіяся отцомъ „Московскія Вѣдомости". Семья собиралась по вечерамъ въ столовой, и газета читалась вслухъ. Въ деревенскомъ одиночествѣ громкія событія, происходившія въ Европѣ, возбуждали особый интересъ и служили предметомъ оживленныхъ разговоровъ. Въ памяти С. А. особенно рельефно сохранилось впечатлѣніе, какое производили на слушателей подвиги Гарибальди. Почти полвѣка спустя онъ съ умиленіемъ вспоминаетъ, какъ „въ массѣ русскихъ семействъ съ замираніемъ сердца ожидали и съ восторгомъ принимали извѣстія объ успѣхахъ освободительнаго движенія въ Италіи. Мы, подрастающее поколѣніе,

слушая старшихъ, принимали живое участіе въ общемъ восхищеніи, и образы Гарибальди и его соратниковъ навсегда запечатлѣлись въ нашей памяти, какъ свѣтлые образы героевъ національнаго освобожденія".

Смѣна военныхъ впечатлѣній цивическими на этомъ не остановилась. Въ качествѣ организатора дѣтскихъ игръ С. А. проявилъ большую изобрѣтательность: и направленіе, въ которомъ работала его дѣтская фантазія, уже обнаруживаетъ въ девяти-десятилѣтнемъ ребенкѣ зародышъ тѣхъ самыхъ склонностей, которыя широко разовьются впослѣдствіи. С. А. играетъ съ братьями и сестрами въ „государство". Объ устройствѣ „государства" онъ пока знаетъ только изъ „Справочной книжки для русскихъ офицеровъ" и, вѣроятно, изъ разсужденій предтечевскаго дяди. Тѣмъ не менѣе его игрушечное государство „Лазавка" уже конституціонное. Въ немъ имѣются двѣ палаты: „Государственный совѣтъ" и „Палата депутатовъ", помѣщавшіяся въ двухъ бесѣдкахъ деревенскаго сада. Государство это разбито на губерніи и уѣзды, которые года черезъ два были тщательно нанесены на карту „государства Лазавки". При этомъ $2^1/_2$ сажени семидесятиннаго сада приняты за версту, и съемка произведена самодѣльной мензулой изъ деревянной табуретки. Прилегающія къ усадьбѣ (т.-е. „государству") мѣстности постепенно завоевывались: такъ, завоеваны царства „Гумно", „Спарта" (скотный дворъ), „Дементьево", „Малая Лазавка" и т. д. С. А. выдавалъ сестеръ замужъ [за воображаемыхъ владѣтелей завоеванныхъ державъ, вводилъ въ нихъ реформы, строилъ города и т. д. Позднѣе онъ написалъ исторію своего государства, помѣстивъ его въ Малой Азіи, на берегу моря, съ точной хронологіей и описаніемъ событій. Переѣздъ въ Москву, какъ видимъ, не прервалъ начатой въ деревнѣ игры, а только распредѣлилъ ее на нѣсколько слѣдующихъ лѣтъ и обогатилъ пріобрѣтенными въ гимназіи познаніями. Интересно отмѣтить и другую игру С. А. въ ежедневную газету, которую (въ возрастѣ 9—10 лѣтъ) онъ издавалъ въ теченіе двухъ лѣтъ, не пропустивъ ни одного дня. Каждое утро на чайномъ столѣ, возлѣ отцовскаго мѣста, уже лежалъ до выхода отца къ чаю свѣжій нумеръ, составленный вечеромъ на основаніи самыхъ точныхъ свѣдѣній, собранныхъ въ кухнѣ, въ дѣтской, въ саду сотрудниками „редактора"—его братьями и сестрами. Газета составлялась такъ добросовѣстно, что по ней всегда можно было навести справку, когда

дѣти заболѣли корью, когда отелилась такая-то корова и т. п. Мы уже узнаемъ въ этихъ играхъ, въ формѣ и пріемахъ ихъ, будущую систематичность, точность и дѣловитость С. А., его умѣнье и любовь собирать и классифицировать обширный матеріалъ. По содержанію же своему, игры въ „государство" и въ „газету" какъ нельзя лучше иллюстрируютъ кругъ будущихъ интересовъ С. А.

II. Гимназія и отрочество.

(1860—1867.)

Въ сентябрѣ 1860 года Сергѣю Андреевичу минуло 10 лѣтъ. Наступила пора ученья, и семья переселилась въ московскій домъ бабушки, въ Скатертномъ переулкѣ. Муромцевы заняли антресоль одного дома, а въ другомъ, черезъ дворъ, помѣщалась бабушка. Близкое сосѣдство отозвалось кое-какими стѣсненіями. Требовалось часть дня „дежурить" у бабушки, считаться съ ея мнѣніемъ при выборѣ знакомствъ и вообще соблюдать церемоніи, къ которымъ у себя Муромцевы не привыкли. По-своему бабушка любила внуковъ, дарила ихъ и баловала. Отецъ, живя въ Москвѣ послѣ отставки, былъ завсегдатаемъ въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ игралъ шесть вечеровъ въ недѣлю въ ералашъ по маленькой, съ одними и тѣми же партнерами, неизмѣнными въ теченіе многихъ лѣтъ. Воскресные вечера онъ проводилъ вмѣстѣ съ семьей у „бабушки". На С. А., какъ на старшемъ, лежали нѣкоторыя обязанности по отношенію къ остальнымъ дѣтямъ. Когда выросли сестры, онъ давалъ имъ уроки, сопровождалъ ихъ по визитамъ и на балы.

Сперва мальчика отдали въ 4-ю гимназію, помѣщавшуюся въ зданіи теперешняго Румянцевскаго музея. На слѣдующій годъ ее перевели на Покровку. Тогда С. А. былъ переведенъ во 2-й классъ 3-й гимназіи. Въ этой гимназіи онъ и кончилъ курсъ въ 1867 г. Ученіе давалось ему легко, безъ особыхъ усилій; онъ шелъ вторымъ или третьимъ въ классѣ. Передъ выпускнымъ экзаменомъ С. А., однако, изъ самолюбія подтянулся, выдержалъ экзаменъ блестяще и получилъ золотую медаль.

Гимназическое преподаваніе не оставило сильнаго слѣда въ развитіи С. А. Быть можетъ, въ отрицательномъ отзывѣ о средней школѣ, который мы находимъ въ запискѣ 1880 года, слѣдуетъ

искать автобіографическихъ указаній на причины этого пробѣла [1]). Нѣсколько писемъ, уцѣлѣвшихъ отъ 1866 г., т.-е. отъ самаго конца гимназическаго періода, рисуютъ намъ личность шестнадцатилѣтняго С. А. уже значительно сложившейся. Но вліяніе родныхъ и уже начавшаяся собственная работа надъ собой при этомъ обрисовываются гораздо яснѣе, чѣмъ вліяніе гимназіи. Интересъ къ военнымъ вопросамъ еще сохранился у юноши. Но рядомъ съ этимъ выработался и болѣе широкій интересъ къ чтенію. Молодой Муромцевъ уже даетъ постоянные уроки и получаетъ до 15 руб. въ мѣсяцъ, главнымъ образомъ для того, чтобы имѣть возможность покупать книги. Читать ихъ, однако, „рѣшительно не удается, такъ какъ на это остается довольно немного времени". Не то, чтобы очень много труда требовала гимназическая наука. Напротивъ, „свободнаго времени, остающагося у меня отъ гимназическихъ занятій, довольно много". Но все оно уходитъ на занятія съ сестрами, а еще болѣе на то, что составляло тогдашнія, такъ сказать, соціальныя обязанности юноши, упомянутыя уже выше: вывозъ сестеръ на вечера, поддержаніе знакомствъ съ ихъ „кавалерами" и дежурства у бабушки. Всѣ эти обязанности С. А. выполняетъ, сознавая, какъ онъ самъ пишетъ, что „безъ этого рѣшительно нельзя". Но его собственные вкусы влекутъ его къ другому. Въ деревнѣ у бабушки онъ уже перечитываетъ старыя газеты и прислушивается къ разговорамъ относительно „земскаго дѣла и судебной реформы". Въ ожиданіи введенія новаго суда онъ „все старается подбить отца выбираться въ Новосилѣ, въ предсѣдатели съѣзда мировыхъ судей" и очень не одобряетъ замѣченную имъ склонность „почти всѣхъ болѣе или менѣе способныхъ людей, если не въ столицахъ, то въ провинціяхъ"—„отслонить отъ себя заботу быть избираемымъ въ какую-либо общественную должность". Самъ онъ пользуется свободными отъ гимназіи минутами, „чтобы побывать въ окружномъ судѣ", послушать „любопытные процессы" или послѣдить за „важными преніями" и „полезными постановленіями" московскаго земскаго собранія. С. А. продолжаетъ интересоваться и внѣшней политикой, именно восточнымъ вопросомъ. Продолжая думать, что „московское мнѣніе—то же, или по крайней мѣрѣ—

[1]) Ср. также замѣчаніе въ письмѣ къ двоюродному брату, Владиміру Семеновичу, отъ 12 февраля 1868 г.: „Я начинаю убѣждаться, что ни одно учебное заведеніе не можетъ быть воспитателемъ во всей полнотѣ и что главная движущая сила въ воспитаніи составляется семействомъ".

почти то же, что мнѣніе „Московскихъ Вѣдомостей“, С. А., однако, относится критически къ мнѣнію Каткова. „Катковъ настаиваетъ, чтобы Россія непремѣнно не уступала прочимъ державамъ, если онѣ вздумаютъ вмѣшаться въ турецкія дѣла“. По мнѣнію юнаго Муромцева, „говоря такъ, Катковъ позабываетъ о томъ, достанетъ ли у насъ средствъ вести упорную борьбу“.

Очевидно, къ этому же періоду жизни относятся тѣ тетрадки, въ которыхъ излагалось устройство фантастическаго государства [1]) и которыми, по выраженію С. А. въ письмѣ 1868 года, онъ когда-то „мучилъ“ своего двоюроднаго брата Владиміра (о немъ см. ниже). „Тебѣ извѣстно,—пишетъ онъ брату,—какъ такія вещи интересуютъ меня“: именно „государственное право“, ... предметъ, въ которомъ на ряду съ философскимъ воззрѣніемъ на государство, на верховную власть излагается то, что можно назвать словомъ „администрація“ или вообще государственное устройство Россіи сравнительно съ другими „государствами“.

Весь этотъ кругъ симпатій и интересовъ, очерчиваемый письмами 1866 года, очевидно, опредѣленъ не школой. Здѣсь мы встрѣчаемся съ вліяніемъ, которое, по признанію самого С. А., имѣло для него рѣшающее значеніе. Это вліяніе брата отца, Семена Алексѣевича, отставного конно-артиллерійскаго офицера. „Вольтеріанецъ, вольнодумецъ, какъ его звали въ уѣздѣ, весьма образованный по своему времени человѣкъ, рѣзкій на слова, но добрый по существу, онъ былъ грозою мѣстныхъ властей, священниковъ и полиціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ защитникомъ обездоленныхъ“ [2]).

Семенъ Алексѣевичъ заслужилъ огромную популярность среди мѣстнаго населенія сперва въ роли мирового посредника перваго призыва, а потомъ въ должности мирового судьи. Вотъ откуда идетъ интересъ молодого Муромцева къ очереднымъ великимъ реформамъ, только тогда проводившимся: судебной, земской и городской. Но отсюда же самъ Муромцевъ ведетъ начало своей способности къ борьбѣ за новыя истины и своей потребности въ самоанализѣ и въ критическомъ отношеніи къ готовымъ чужимъ мнѣніямъ. Посылая дядѣ, уже въ 1877 г., свою диссертацію, онъ

---

[1]) Несомнѣнна связь этихъ „тетрадокъ“ съ игрой въ „государство“ 1860—62 гг. Не было ли „устройство“ фантастическаго государства продолженіемъ той „исторіи“ его, о которой упоминалось выше?

[2]) По даннымъ самого С. А., сообщеннымъ А. Р. Ледницкому, „Право“, 1909, № 42.

пишетъ: „Вы прикосновенны, и очень прикосновенны къ моему сочиненію. Вы были человѣкомъ, у котораго я съ дѣтства научился относиться критически къ окружающему и не поддаваться чему-либо безсознательно, потому только, что оно есть старое. У Васъ я впервые научился смѣлости, съ которою слѣдуетъ громить предразсудки. То, что Вы сдѣлали въ практической жизни, я взялъ на себя въ сферѣ научной“. И, принимаясь въ 1878 г. за „Юридическій Вѣстникъ“, Муромцевъ опять пишетъ Семену Алексѣевичу: „каждый разъ, милый дядя, когда мнѣ приходится браться за новое дѣло и вести его съ борьбой противъ всякихъ предразсудковъ, невѣжества, пошлости, предо мною возстаетъ Вашъ образъ, служащій мнѣ символомъ борьбы за правду. Съ самаго дѣтства я привыкъ видѣть въ Васъ человѣка, который ставилъ своею жизнью такую борьбу и имѣлъ достаточно мужества и передъ властью, и передъ толпою (которая подчасъ бываетъ опаснѣе власти), чтобы дѣлать свое дѣло до конца, какъ слѣдуетъ“.

Въ этихъ цитатахъ если не взглядъ, не міровоззрѣніе, то общее направленіе будущей дѣятельности Муромцева, тотъ характеръ и темпераментъ, которые онъ внесетъ въ эту дѣятельность, вырисовываются, какъ уже вполнѣ сложившіеся и опредѣлившіеся въ годы его гимназическаго ученія, хотя и совершенно независимо отъ вліянія гимназіи.

III. Университетъ и наука.

(1867—1870.)

Среди набросковъ и афоризмомъ, напечатанныхъ С. А. въ концѣ I-го выпуска его „Статей и рѣчей“, имѣется замѣтка о выборѣ жизненнаго поприща. По мысли С. А. разочарованіе есть „удѣлъ того, кто преувеличилъ въ жизни свои способности и силу своихъ чувствъ, также того, кто съ самаго начала не отдалъ себѣ отчета въ трудностяхъ намѣченнаго жизненнаго пути или, по крайней мѣрѣ, не нашелъ въ себѣ достаточно силъ для борьбы съ ними“. Разочарованіе можетъ быть „принадлежностью неумѣренной притязательности“ или „спутникомъ непобѣжденнаго въ себѣ дилетантизма“. С. А. былъ горячимъ противникомъ того и другого, особенно послѣдняго. „Дилетантизмъ не совмѣщается съ истиннымъ трудолюбіемъ, безъ котораго неосуществима въ надлежащей

полнотѣ никакая дѣятельность". Недостаточно „интересоваться многимъ", „не стремясь узнать досконально, какъ именно изъ совокупности этого многаго то или другое достигается". Такое отношеніе къ дѣлу С. А. называетъ „барствомъ" и считаетъ „пережиткомъ". Для него лично „есть особая прелесть, чтобы, сосредоточиваясь на относительно небольшомъ количествѣ данныхъ, углубляться постепенно въ самое существо избраннаго предмета". Такая спеціализація, если общее направленіе правильно выбрано, спасаетъ отъ разочарованія и отъ запоздалыхъ сожалѣній, въ которыхъ правильнѣе всего винить самого себя. Конечно, „многое можно дать за то, чтобы предусмотрѣть впередъ жизненныя теченія, съ которыми каждому изъ насъ предстоитъ столкнуться, идя избранной дорогой". Но во всякомъ случаѣ „кто идетъ неуклонно по пути своего таланта и своихъ природныхъ влеченій, тотъ не раскаивается въ этомъ даже и при неудачахъ, хотя можетъ и страдать при этомъ".

Для С. А. Муромцева періодъ познанія самого себя и тщательнаго, сознательнаго, внимательно обдуманнаго выбора жизненнаго поприща наступилъ съ поступленіемъ въ университетъ. Въ теченіе четырехъ лѣтъ университетскаго курса задача эта, не безъ колебаній и борьбы, была твердо и окончательно рѣшена въ духѣ только что приведенныхъ афоризмовъ.

Исторія внутренней борьбы за самоопредѣленіе на этотъ разъ очень наглядно изображается въ письмахъ С. А. къ двоюродному брату Владиміру Семеновичу, сыну того самаго дяди, о которомъ говорилось выше. „Я люблю Тебя больше другихъ двоюродныхъ братьевъ,—пишетъ С. А. своему кузену,—и друженъ съ Тобой, какъ ни съ кѣмъ изъ товарищей... Я всегда говорилъ съ Тобой обо всемъ и рѣдко что скрываю". Заглянемъ же въ эту непрерывную лѣтопись событій и стремленій, усилій и паденій, приведшихъ, наконецъ, къ точной формулировкѣ своей собственной индивидуальности и жизненной задачи.

Осенью 1867 г. сестры С. А., съ которыми онъ ранѣе занимался, были отданы въ пансіонъ. Это освободило его отъ части уроковъ и отъ докучливой обязанности высиживать часами въ домѣ бабушки, гдѣ жили сестры. Занятій въ университетѣ на первый годъ было „сравнительно немного", и С. А. набросился на чтеніе. Строгій къ себѣ, онъ постоянно твердитъ, что „читаетъ немного". Однако уже въ три первые мѣсяца студенчества С. А. „прочелъ Бокля, Дрепера,

Герье, нѣсколько мелкихъ статей“ и принялся за исторію Соловьева. Наибольшее впечатлѣніе произвелъ на него Бокль. Правда, „проф. Герье не придаетъ сочиненію Бокля особаго значенія“. Но студентъ Муромцевъ съ нимъ несогласенъ. „Безъ сомнѣнія я могу еще при болѣе строгомъ обсужденіи перемѣнить свое мнѣніе, основанное на довольно нетвердой почвѣ (неопытности), но пока держусь высказаннаго: я согласенъ съ нимъ во многомъ, хотя не въ состояніи опредѣлить его значенія“. Слѣдующей осенью, 1868 г., С. А. принялся за Писарева и, хотя не безъ внутренняго сопротивленія, поддался отчасти его вліянію. Съ обычной своей осторожностью онъ признается кузену, что „чтеніе Писарева меня заинтересовало, хотя я до сихъ поръ еще не вполнѣ осмыслилъ этого автора... Писаревъ хорошъ, какъ критикъ, но болѣе всего слабъ въ историческихъ статьяхъ ... во всякомъ случаѣ, оставляю за собою право перемѣнить мое сужденіе о Писаревѣ, ибо теперь, произнося его, я не разсуждалъ очень много; къ тому же изъ 8 книгъ его сочиненія я прочелъ всего двѣ“. Сейчасъ мы увидимъ результаты этого чтенія.

Университетскія занятія въ первые два года не особенно тяготили С. А. Въ 1867—1868 годахъ С. А. слушалъ „только два спеціальныхъ предмета: энциклопедію права и статистику“. „Профессора недурны“, но С. А. предпочиталъ имъ Соловьева, „лекціи котораго, несмотря на небольшой внѣшній недостатокъ, во внутреннемъ отношеніи превосходны“. Съ этимъ надо сопоставить отзывъ Муромцева о Соловьевѣ, высказанный одиннадцать лѣтъ спустя въ некрологѣ [1]. „Нашъ историкъ раскрылъ передъ читателями и слушателями всю неизмѣримую прелесть энергичнаго движенія впередъ, неустанной борьбы изъ-за осуществленія идеаловъ“. „Онъ донесъ до насъ преданія лучшихъ людей своего времени (сороковыхъ годовъ), онъ пояснилъ намъ не случайный,—историческій смыслъ этихъ преданій, онъ научилъ насъ слѣдовать имъ“. И когда въ запискѣ 1880 г. мы читаемъ одушевленную защиту русской интеллигенціи, какъ дѣла Петра Великаго, мы чувствуемъ, что высказанная въ этихъ строкахъ благодарность Соловьеву—не пустая фраза. При помощи Соловьева и его толкованія русской исторіи С. А. окончательно укрѣпился въ своемъ „западничествѣ“.

---

[1]) Статьи и рѣчи, I, стр. 4—6.

Товарищескій кружокъ у С. А., повидимому, сложился не сразу. Только въ началѣ второго года онъ упоминаетъ въ письмахъ о двухъ товарищахъ, „нѣсколько примѣчательныхъ“: Н. В. Муравьевѣ (потомъ министрѣ юстиціи) и кн. Л. В. Шаховскомъ, не забывая прибавить, что „прочіе товарищи... не даютъ „графамъ“ и князьямъ гордиться и важничать; впрочемъ, они важничать не будутъ, потому что по убѣжденіямъ они окончательно либералы“. Къ концу курса „лучшимъ другомъ“ С. А. становится кн. Левъ Сергѣевичъ Голицынъ.

Кромѣ чтенія, слушанія лекцій, а также работы надъ сочиненіемъ на тему о „судѣ присяжныхъ“, С. А. развлекался на праздникахъ участіемъ въ домашнихъ спектакляхъ. Спектакли эти повели къ составленію „кружка любителей драматическаго искусства“, въ который вмѣстѣ съ родными вошли и университетскіе товарищи С. А. Здѣсь завязались у С. А. первыя сердечныя привязанности и соперничества, скоро вызвавшія у С. А. серьезный душевный переворотъ, о которомъ скажемъ ниже. Въ общемъ С. А. въ эти первые два года постоянно жалуется на свою неспособность сосредоточиться. „Я страшно увлекаюсь то однимъ, то другимъ и нерѣдко бываю непостояненъ“. „Трудиться постоянно, не имѣть свободной для бездѣлья минуты—вотъ мой идеалъ жизни; но достичь этого идеала мнѣ, вѣрно, никогда не удастся по моей лѣни и неподвижности; къ несчастію, у меня немало обломовщины“. Въ другихъ мѣстахъ онъ жалуется на переходы отъ „припадковъ дѣятельности“ къ „лѣни“ и горько „хвастается вполнѣ русской натурой, которая ни за что не принимается холодно и ничего не оканчиваетъ горячо“.

Скоро, однако, этому состоянію душевной и умственной разбросанности, при несомнѣнномъ прилежаніи, суждено было придти къ концу. Въ жизни С. А. произошли событія, которыя сильно встряхнули его и заставили сосредоточить все вниманіе на мысли о себѣ и о своей жизненной задачѣ.

IV. Первое чувство и нравственный переворотъ.

(1868—69.)

„Много воды утекло, и не мало перемѣнъ случилось со мной,— писалъ С. А. двоюродному брату 24 сент. 1868 г. — Главное... я

сдѣлался поэтомъ!“ А въ письмѣ отъ 1 марта 1869 г., послѣ долгаго молчанія, С. А. разсказываетъ брату „исторію своей первой любви“. Передадимъ эту „исторію“ словами ея автора.

„Все время я находился въ какомъ-то ненормальномъ состояніи, которое мѣшало мнѣ заниматься путно какимъ бы то ни было дѣломъ... Я увлекался одною дѣвушкой (а можетъ быть, дѣвочкой), и увлекался довольно сильно. Теперь, когда это увлеченіе прошло и осмѣяно, теперь я могу на него смотрѣть хладнокровно и объяснить себѣ его причины... Мѣсяцевъ шесть назадъ я былъ страшно неразвитъ или, по крайней мѣрѣ, развитъ односторонне. Я только что вступалъ въ свѣтъ, и свѣтъ этотъ казался мнѣ страшно дикъ и чуждъ, что легко объясняется моею застѣнчивостью. Съ другой стороны, въ дѣтствѣ я начитался романовъ съ волшебными небывалыми героинями и такою же любовью, и фантазія моя, несдержанная умомъ... разыгралась, распалилась на свободѣ и породила увлеченіе. Довольно было одного ласковаго взгляда, небольшаго вниманія, чтобы увлечь меня и заставить влюбиться. А между тѣмъ ласковый взглядъ былъ не одинъ, вниманіе велико, явилась взаимность.., и я увлекся такъ, какъ не увлекался ни одинъ изъ моихъ товарищей. Явились планы о женитьбѣ. Вся жизнь даже начала слагаться по этому плану. Я сталъ усиленно работать, чтобы имѣть средства для исполненія плана... сталъ изыскивать средства, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ покончить поскорѣе съ университетомъ и зажить семейною жизнью. Такъ прошло четыре мѣсяца, и 4 января 1869 г., почти неожиданно для меня, совершилась перемѣна. Я догадался, что она увлеклась уже другимъ, а потому рѣшилъ прежнія отношенія съ нею прервать“.

Въ этомъ рѣшеніи, повидимому, такую же роль сыгралъ вопросъ о женитьбѣ и вынужденная необходимость „покончить съ университетомъ“, какъ и разочарованіе въ личныхъ качествахъ любимой дѣвушки. Слишкомъ уже противорѣчили эти планы и намѣренія слагавшимся взглядамъ С. А. на жизнь и на свои личныя задачи. Едва освободившись отъ захватившаго его чувства, С. А. уже анализируетъ „пользу и вредъ“ своихъ „любовныхъ проказъ“. Онъ вполнѣ сознательно оцѣниваетъ совершившійся съ нимъ переворотъ и въ результатѣ признаетъ перевѣсъ „пользы“ надъ „вредомъ“. „Я здѣсь сталъ разомъ въ такое положеніе, которое меня заставило сильно и сильно размышлять. Слово „женитьба“...

заставляло бороться, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріискивать силы къ борьбѣ. Сверхъ того, пришлось бороться съ самимъ собой. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе я убѣждался, что я дѣлаю глупость. Я убѣждался, что я и неразвитъ, какъ слѣдуетъ, что я долженъ еще учиться и заботиться о развитіи, а не создавать себѣ уже рамку жизни. Далѣе, я убѣждался, что и дѣвушка, въ которую я влюбленъ, и пуста, и неразвита какъ слѣдуетъ, и во всякомъ случаѣ будетъ мнѣ въ тягость. Но рядомъ съ этимъ, несмотря на все это, я упорствовалъ на своемъ, на старомъ, и стремился во что бы то ни стало достигнуть своей цѣли. Борьба съ окружающими, борьба съ самимъ собой,—Ты понимаешь, какъ она должна была подѣйствовать. Ни минуты покоя, постоянно оглядываться, постоянно размышлять и приходить логическимъ путемъ къ результатамъ, которые отвергались на практикѣ, значило что-нибудь для развитія".

Побѣда надъ собой, дѣйствительно, сопровождалась полнымъ пересмотромъ вопроса о себѣ и объ окружающемъ. Старая „идилличность", привычка разбрасываться, неясность и расплывчатость рѣшеній уступаютъ мѣсто „взгляду на жизнь, болѣе трезвому и разумному", болѣе опредѣленному и смѣлому. Плодомъ новыхъ размышленій является твердое установленіе взгляда на задачу собственной жизни и на значеніе избраннаго предмета дѣятельности.

Со стороны, правда, видно, что переворотъ не такъ уже крутъ и радикаленъ, какъ это казалось переживавшему его С. А. Это скорѣе возвращеніе къ старымъ, уже ранѣе замѣчавшимся взглядамъ и настроеніямъ: правда, возвращеніе, уже вполнѣ продуманное и окончательное.

„Наконецъ-то я задумался надъ вопросомъ, что я и что буду",—пишетъ С. А. въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 4 мая 1869. „Со словъ другихъ я давно привыкъ повторять,—если не вслухъ, то мысленно,—что адвокатомъ, судьей, прокуроромъ; буду наживать деньги, жить хорошо и проч. Но вѣдь все это было со словъ другихъ, а самостоятельнаго ничего". Это самообличеніе не совсѣмъ основательно. Тотчасъ по поступленіи въ университетъ, осенью 1867 г. С. А. уже писалъ: „съ нѣкотораго времени меня сталъ занимать вопросъ о моей будущности, и я какъ-то чувствую, что я не совсѣмъ-то способенъ къ государственной службѣ, что у меня гораздо больше склонности къ кабинетнымъ ученымъ заня-

тіямъ". Въ декабрѣ того же 1867 года С. А. снова повторяетъ: „мысль объ ученой карьерѣ начинаетъ меня снова занимать, и я не вижу для себя большого прока въ государственной службѣ". Такимъ образомъ, если въ 1870 г. С. А. окончательно останавливается на мысли о профессурѣ, то мысль эта есть лишь логическій выводъ изъ настроенія, давно сложившагося. Выводу этому долго мѣшало лишь одно сомнѣніе, принимавшее разныя формы.

Можно ли юриспруденціей, любимымъ предметомъ С. А., заниматься не только какъ профессіей, а и какъ наукой? И въ какой связи стоятъ занятія правомъ съ задачами общаго образованія и саморазвитія? Отвѣтъ или, вѣрнѣе, рядъ отвѣтовъ, которые давалъ себѣ Муромцевъ на эти вопросы, введетъ насъ въ самую глубь процесса, которымъ сложились его понятія объ основномъ предметѣ его будущей спеціальности, о происхожденіи права.

V. Наука и жизнь.

„Умственное развитіе есть единственная разумная цѣль человѣка". „Но вмѣстѣ съ тѣмъ, ... не для отвлеченнаго чего-нибудь мы развиваемся, а развиваемся единственно для жизни, чтобы жить не какъ-нибудь, а по строго обдуманному плану, чтобы знать, чего хочешь, и чтобы, сходя въ могилу, сказать, подобно Августу: „я сдѣлалъ свое дѣло" или, по крайней мѣрѣ, „дѣлалъ свое дѣло".

Таковы двѣ основныя аксіомы, которыя формулировалъ С. А. въ самый моментъ совершившагося съ нимъ перелома, въ маѣ 1869 года. Какъ же отвѣчали этимъ аксіомамъ тѣ умственные и жизненные интересы, наличность которыхъ мы уже признали у Муромцева-гимназиста, не говоря о Муромцевѣ-студентѣ?

Входя въ университетъ въ сентябрѣ 1867 г., С. А. пытается дать первый отвѣтъ на тревожившія его сомнѣнія. „Предубѣжденіе, которое у меня было противъ науки о правѣ (мнѣ казалась она сухой), исчезло, хотя и теперь я не могу, по своему крайнему убѣжденію, поставить (ее) выше другихъ наукъ". Почему же? Въ отвѣтъ, С. А. развиваетъ теорію, очевидно, построенную на ходячей философіи сороковыхъ годовъ. Право „выше" другихъ наукъ, потому что это наука „о духѣ". Но для того, чтобы быть выше, право должно еще стать наукой. Таковъ смыслъ этого разсужде-

нія, которое еще путается въ терминахъ и понятіяхъ, но инстинктивно направляется по тому пути, по которому потомъ окончательно пойдетъ будущій ученый.

„По моему мнѣнію, первое мѣсто всегда должны занимать тѣ науки, которыя изслѣдуютъ законы проявленія духа человѣческаго. Въ этомъ отношеніи естественныя науки займутъ низшее мѣсто... Безспорно, что духъ человѣческій, какъ одерживающій верхъ въ борьбѣ (съ природой, „въ чемъ собственно и состоитъ цивилизація“), выше природы; безспорно... и то, что наука, изучающая высшій предметъ, выше науки, изучающей предметъ низшій. Слѣдовательно, правовѣдѣніе, математика, философія, исторія, изученіе литературы—выше географіи, естественныхъ наукъ, астрономіи и прочаго тому подобнаго. Обратимся къ праву. Право, какъ мы сказали, стоитъ выше, но тутъ-то и противорѣчіе. Высказанное положеніе вѣрно тогда, когда правовѣдѣніе изучаетъ *общія проявленія,* на которыхъ основывается право (законъ); но какъ скоро дойдетъ дѣло до изученія этихъ *законовъ,* большею частью несогласныхъ съ природою человѣка, какъ скоро необходимо давать этимъ законамъ толкованіе всегда въ извѣстную сторону, тогда правовѣдѣніе нисходитъ съ высоты. Вотъ почему у меня какъ-то не совсѣмъ лежитъ сердце къ юридическимъ наукамъ, вотъ почему я уважаю вполнѣ философію права, но не могу уважать практическую сторону правовѣдѣнія“.

Въ этой цитатѣ С. А. Муромцевъ еще употребляетъ терминъ „законъ“ въ смыслѣ положительнаго права, „практической стороны правовѣдѣнія“, противополагая послѣдней „изученіе общихъ проявленій“, соотвѣтствующихъ „природѣ человѣка“. Конечно, чтеніе Бокля и Писарева могло только подтвердить и укрѣпить это основное различеніе—юриспруденціи, какъ искусства и какъ науки,—изъ котораго развивается вся послѣдующая научная работа С. А. Но съ классификаціей наукъ на „высокія“ и „низкія“, на „науки о духѣ“ и „науки о природѣ“, теоріи шестидесятыхъ годовъ должны были покончить. И С. А., возвращаясь послѣ своего душевнаго переворота къ своему старому вопросу: „полезно ли заниматься юриспруденціей“, уже трактуетъ этотъ вопросъ значительно иначе. Онъ уже „успѣлъ дать себѣ отчетъ о той наукѣ, которая болѣе ему нравится: это огромная отрасль государственныхъ наукъ, куда входитъ и государственное право, и политическая экономія, и исторія и т. д.“. Но онъ теперь признаетъ, согласно духу усвоенной

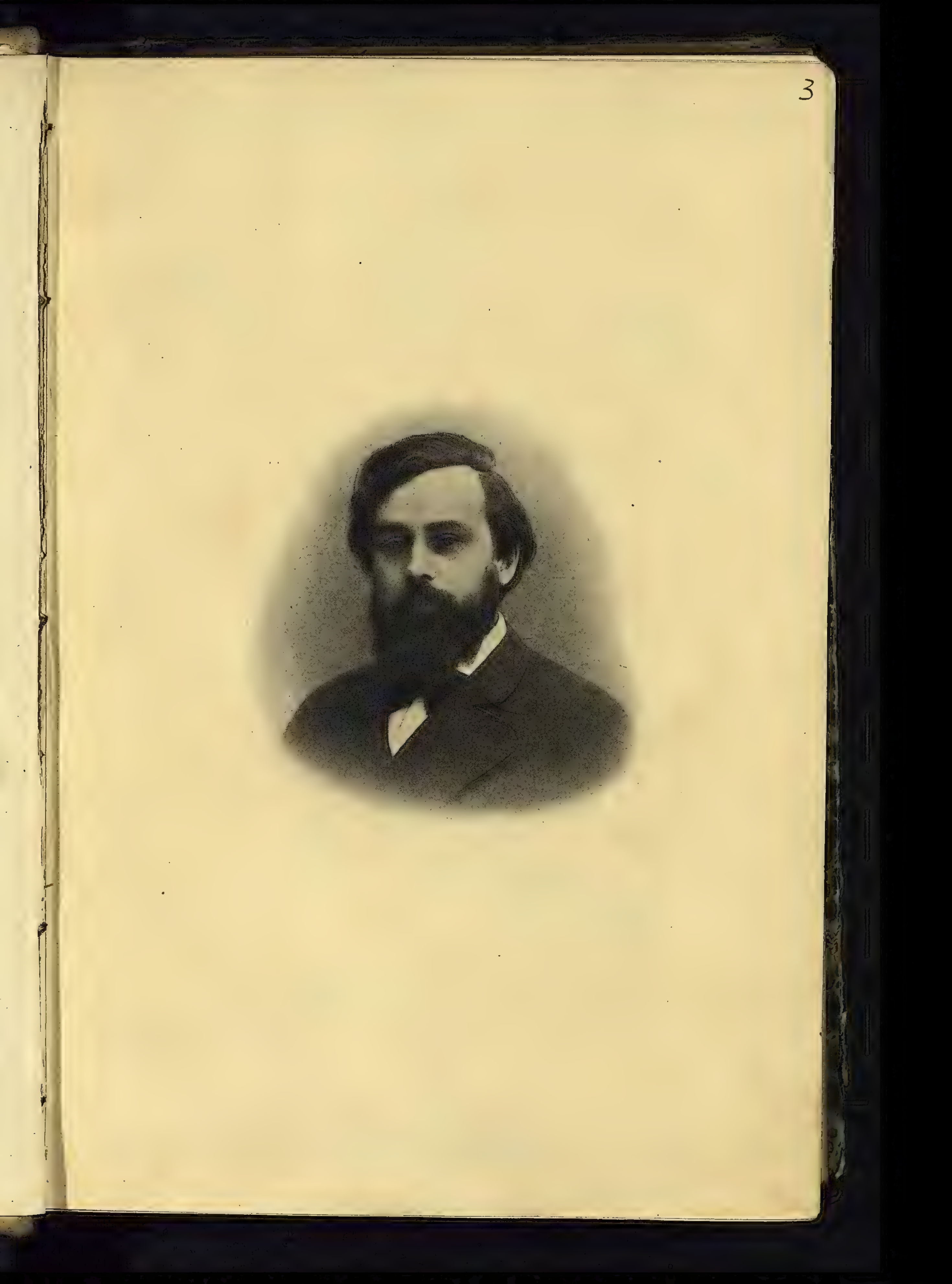
имъ литературы 60-хъ годовъ, что „изученіе этихъ наукъ невозможно безъ предварительнаго изученія естественныхъ наукъ“, ибо „приниматься за верхній этажъ, когда не построенъ фундаментъ, преждевременно“. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей у него „рисуется такой планъ: заняться по крайней мѣрѣ годъ математикой, которая укрѣпитъ мышленіе; затѣмъ приняться за естествознаніе и наконецъ уже за политическую экономію, статистику, исторію и государственное право“. „Если приду къ серьезному убѣжденію, что этотъ планъ необходимъ и полезенъ, то безъ малѣйшаго колебанія переверну свою жизнь въ ущербъ всякимъ карьерамъ, трудомъ заработаю рублей 300 въ годъ и всецѣло посвящу себя наукѣ“.

VI. Окончательный выборъ.

(1870.)

Рѣшивъ для себя „въ общихъ чертахъ“ мучившій его вопросъ, С. А. усердно принялся наверстывать время, потерянное въ „любовныхъ проказахъ“. Въ маѣ 1869 года онъ пишетъ, что занимается „часовъ 8, а иногда и 10 въ день“, и постоянно твердитъ себѣ, что „терять времени нечего“. На ближайшую зиму онъ намѣчаетъ „математику“. Лѣтомъ друзья составляютъ широкій планъ систематическаго самообразованія, включавшаго и математику, и физику, и естественныя науки. Съ осени С. А. бросаетъ даванье уроковъ и рѣшаетъ удовлетвориться 200 руб. въ годъ, которые даетъ ему отецъ, съ тѣмъ чтобы зато всецѣло предаться работѣ надъ самообразованіемъ.

Увы, проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и С. А. убѣждается, что составленнаго имъ плана онъ выполнить не можетъ. Для серьезнаго выполненія его надо перейти на математическій факультетъ. Но этого не позволяютъ средства. „А оставшись на юридическомъ, надо и быть юристомъ“. Вмѣсто „широкихъ мечтаній“ о саморазвитіи, наступаетъ время специализироваться. „Заботиться о томъ, чтобы дать себѣ общее образованіе съ самаго начала, теперь уже поздно; а если не поздно, то во всякомъ случаѣ несовмѣстимо. Остается вертѣться въ кругу своей юриспруденціи“. Къ этому минорному выводу С. А. скромно прибавляетъ: „кромѣ того, замѣчу, что юриспруденція мнѣ очень по сердцу“. И примиряя необходимсоть специализаціи съ потребностью общаго образованія,

3

С. А. еще разъ пытается выяснить себѣ, какая часть юриспруденціи и почему именно ему „по сердцу“. „Не то чтобы я чувствовалъ какое-нибудь сильное влеченіе къ отвлеченной философской догмѣ, отрѣшенной отъ всякой жизни (какъ въ естественномъ, философскомъ правѣ) или же стремящейся подвести жизнь подъ опредѣленныя рамки, не обращая никакого вниманія на требованія нравственныя (какъ въ гражданскомъ правѣ). Но меня привлекаетъ область права, имѣющая чисто практическій интересъ,— уголовное право“, потому что „въ немъ указанъ тотъ путь, по которому должно бы идти истинное уголовное право. Путь этотъ состоитъ въ изученіи существа преступленія и его причинъ, а затѣмъ и тѣхъ средствъ, которыя способны уничтожить эти причины. Проводится аналогія между уголовнымъ правомъ и медициной и совѣтуется въ первомъ заняться *анатоміей общества*—подобно тому какъ въ послѣдней начинаютъ съ анатоміи человѣка“. Итакъ, С. А. выбираетъ уголовное право, какъ спеціальный предметъ, на томъ основаніи, что эта отрасль юриспруденціи не замыкается ни въ односторонность „отвлеченной“ теоріи, какъ право естественное“, ни въ односторонность узкаго практицизма, какъ, по тогдашнему мнѣнію С. А., право гражданское. Выборъ еще не удаченъ: но мотивъ выбора—тотъ самый, которому всегда останется вѣренъ С. А.: его психологическая потребность соединить теорію съ жизнью въ своей дѣятельности.

Рѣшеніе специализироваться не устраняетъ, однако, окончательно плана энциклопедическаго самообразованія. Оно только отодвигаетъ его въ будущее. Тѣмъ болѣе С. А. считаетъ себя въ правѣ въ настоящемъ заняться уже исключительно своимъ ближайшимъ дѣломъ. „Въ полтора года, которые остаются для меня въ университетѣ,—пишетъ онъ 2 января 1870 г.,—едва ли можно много сдѣлать, а потому не надо спѣшить въ (общеобразовательныхъ) занятіяхъ, а во-вторыхъ, слѣдуетъ устроить такъ, чтобы и послѣ университета можно было заниматься нѣсколько лѣтъ на свободѣ“. Средство для этого—одно: быть оставленнымъ при университетѣ, а для этого усердно работать по выбранной спеціальности.

„Вотъ почему послѣдній годъ я старался извлечь какъ можно болѣе пользы изъ юридическихъ наукъ и потому все лѣто серьезно занимался прародительницей всей науки о правѣ—римскимъ правомъ“, пишетъ С. А. еще годъ спустя (22 февр. 1871), за три мѣсяца до окончанія курса. 4 апрѣля онъ прибавляетъ, что „цѣ-

лый годъ сидѣлъ въ комнатѣ надъ римскимъ правомъ—и совершенно не занимался другими предметами“.

Увлеченіе римскимъ правомъ, впрочемъ, объясняется совсѣмъ не одними практическими соображеніями, только что указанными самимъ С. А. Еще въ маѣ 1869 г., въ разгаръ увлеченія своимъ общеобразовательнымъ планомъ, С. А. пишетъ: „компетентные люди говорятъ, что догма римскаго права въ изложеніи профессора Крылова и, главное, въ трудахъ корифеевъ исторической и юридической литературы: Нибура, Савиньи, Гуго и др. представляетъ не менѣе превосходное средство для развитія (чѣмъ математика)“. Здѣсь впервые встрѣчаемъ темный пока намекъ на новое понятіе „закономѣрности“, способное примирить прежняго поклонника наукъ „о духѣ“ съ необходимостью отказаться отъ спеціальнаго изученія „природы“.

Приступивъ на третьемъ курсѣ къ слушанію лекцій Крылова, С. А. долженъ былъ натолкнуться на многое, что могло помочь ему разгадать наконецъ эту мучительную загадку объ отношеніи юриспруденціи, какъ науки, къ юриспруденціи, какъ практической дисциплинѣ. Въ своихъ письмахъ онъ уже дѣлаетъ замѣчаніе, которое потомъ повторилъ въ некрологѣ Крылова: „профессоръ этотъ заставляетъ долго думать слушателя и способенъ завлечь его въ дальнѣйшія занятія по своему предмету“. Но онъ объясняетъ этотъ интересъ пока въ своихъ прежнихъ терминахъ, намъ уже знакомыхъ. „Римское право, благодаря цѣлой фалангѣ даровитыхъ ученыхъ, благодаря тому практическому интересу, который оно имѣетъ въ Германіи и Франціи, гдѣ половина законовъ взята изъ Рима, развилось въ широкую, стройную, строго обработанную систему, щеголяющую математической точностью и ясностью опредѣленій, логичностью слѣдствій и вообше цѣльностью системы“. Въ своемъ некрологѣ Крылова С. А. углубилъ и осмыслилъ эту бѣглую характеристику. Онъ отмѣтилъ, что въ рукахъ Крылова „матеріалъ, очищенный критикой и приведенный въ ... систему... служилъ удобнымъ предметомъ для высшей работы сравненія и обобщенія“.

„Слушатель Крылова... присутствовалъ при цѣломъ процессѣ постепеннаго развитія и творчества римскаго гражданина, во всѣхъ его историческихъ положеніяхъ, преобразованіяхъ и столкновеніяхъ“. Другими словами, на лекціяхъ римскаго права С. А. встрѣтилъ первое осуществленіе своего идеала юриспруденціи, какъ науки „общихъ проявленій“ человѣческой природы. Профессоръ,

объявлявшій себя сторонникомъ „исторической школы“, съумѣлъ притомъ соединить идею самобытнаго происхожденія права съ идеей живой общественной борьбы и исторической смѣны соціальныхъ типовъ, творившихъ право: „миѳическаго патриція“, „заносчиваго и гордаго плебея“, „своевольнаго и развращеннаго гражданина конца республики“, „подловатаго клеврета имперіи“. С. А. отмѣтилъ, что „высокое достоинство чтеній Крылова заключалось въ роли, которую онъ отводилъ указаніямъ *психологическаго* свойства“. Позднѣе С. А. выразился бы, вѣроятно: „соціологическаго“ свойства. Процессъ развитія римскаго права, какъ цѣльное соціальное явленіе, давалъ на „маломъ количествѣ данныхъ“ наглядное пониманіе самаго „существа“ соціальнаго явленія. Это, очевидно, и было тою чертой, которая завлекла С. А. и сообщила въ его глазахъ курсу римскаго права „особую прелесть“ (см. выше).

Вотъ почему, слѣдовательно, С. А. теперь уже окончательно „полюбилъ юриспруденцію“. Она давала или обѣщала дать удовлетвореніе самымъ интимнымъ требованіямъ его умственнаго склада. Она обѣщала, при условіи широкаго пониманія, превратиться въ общеобразовательный предметъ съ непосредственнымъ гражданскимъ и общественнымъ значеніемъ и хоть отчасти замѣнить ему, въ этомъ качествѣ, его неосуществленную мечту объ энциклопедическомъ планѣ самообразованія.

Вопросъ о жизненной задачѣ былъ теперь рѣшенъ, и выборъ сдѣланъ. Разъ остановившись на этомъ выборѣ, С. А. нарисовалъ себѣ свою будущность съ прозорливостью ясновидца и съ опредѣленностью практическаго дѣятеля, точно взвѣсившаго свои задачи, свои средства и стоявшія на пути ихъ осуществленія трудности.

„Minimum черезъ 6 лѣтъ,—писалъ онъ 27 октября 1869 г.,—я буду защищать диссертацію на степень магистра... А лѣтъ черезъ 7 или 8, примѣрно сказать, въ 1877 г., начну читать лекціи... А до тѣхъ поръ буду жить безъ страстей и бурь, занимаясь и учась. Благодаря своей фантазіи я уже представилъ себѣ картину первой моей лекціи. Впрочемъ, фантазія была послѣдовательна. Вслѣдъ затѣмъ она писала мнѣ... повелѣніе объ отставкѣ за распространеніе либерализма...“ Какъ видимъ, опредѣливъ почти съ полной точностью ближайшія стадіи избраннаго имъ пути, С. А. за пятнадцать лѣтъ предсказалъ и исходъ своей профессорской карьеры.

Предназначая себя для научной дѣятельности, С. А. не хотѣлъ

преувеличивать свои силы. Съ присущей ему отчетливостью онъ опредѣлялъ и свою будущую роль въ разработкѣ науки. „Я не считаю себя великимъ человѣкомъ, а потому не думаю, чтобы я могъ открыть принципъ, по которому должна идти реформа науки. Но когда принципъ этотъ указанъ, то во мнѣ, я думаю, есть силы для его дальнѣйшей разработки и примѣненія. Реформація уголовнаго права, я думаю, должна пойти по указанному пути, и этотъ-то путь реформаціи меня и привлекаетъ".

Итакъ, выходя изъ университета въ жизнь, съ ея далекими и безвѣстными берегами, С. А. не обезпечилъ себя отъ крушеній: онъ даже ясно предсказалъ одно изъ нихъ. Но, вѣрный своимъ принципамъ, онъ, несомнѣнно, гарантировалъ себя отъ разочарованій и позднихъ сожалѣній. Путь былъ выбранъ вѣрно и точно соотвѣтствовалъ складу духовной природы С. А. Поставивъ себѣ на этомъ пути только минимальныя задачи, С. А. выполнилъ не только все, что себѣ предназначилъ, но былъ призванъ судьбой къ выполненію несравненно болѣе широкихъ задачъ общественнаго характера, о которыхъ не могъ и мечтать въ началѣ жизненнаго пути.

Но выбранная роль требовала отреченій и послушничества. С. А. принесъ своей задачѣ и эту жертву. Чувство одиночества начало тяготить его вновь довольно скоро послѣ перваго сердечнаго увлеченія; и онъ ясно сознавалъ причину этого настроенія [1]). Но, проученный первымъ урокомъ, С. А. рѣшилъ впредь быть насторожѣ. Свой жизненный стажъ, до 1882 года, онъ прожилъ одинъ. Нравственную поддержку за этотъ періодъ жизни онъ отчасти нашелъ въ своей младшей сестрѣ, Аннѣ, живой и привлекательной дѣвушкѣ, образованіемъ которой С. А. занялся самъ, съ особымъ стараніемъ. Анна Андреевна вышла замужъ въ одинъ годъ съ женитьбой С. А., и черезъ годъ уже умерла, вызвавъ своей кончиной въ С. А. тяжелое нравственное потрясеніе.

VII. Подготовка къ профессурѣ.

(1871—1875.)

7 іюня 1871 г. С. А. былъ утвержденъ совѣтомъ Московскаго университета въ степени кандидата „за отличные успѣхи". Тѣмъ

[1]) См., напр., письма къ двоюродному брату отъ 1 и 2 января 1870 г.

не менѣе надежды его сбылись далеко не сразу и не вполнѣ. Только 6 ноября 1871 г. совѣтъ утвердилъ ходатайство юридическаго факультета объ оставленіи С. А. „на два года для усовершенствованія въ наукахъ и приготовленія къ профессорскому званію", но „на свой счетъ" [1]. „Свой счетъ" состоялъ, какъ мы знаемъ, въ 200 р. въ годъ, выплачивавшихся С. А. отцомъ. Съ осени 1871 г. С. А. переселяется для занятій изъ Москвы въ село Зяблицкій погостъ Владимірской губерніи, имѣніе друга своего, кн. Л. С. Голицына, и проводитъ въ провинціальной глуши цѣлый годъ, „перетащивъ туда свои книги и записки". Однако и тамъ, на ряду съ научной работой, находится у С. А. другое, съ дѣтства привычное занятіе. „Развлеченій и пріятнаго общества поубавилось, — пишетъ онъ кузену въ декабрѣ 1871 года, — но за то вмѣсто нихъ явилось интересное для наблюденія уѣздное общество помѣщиковъ и еще болѣе интересное общество промышленныхъ крестьянъ, полусельчанъ - полуфабричныхъ". Уже въ сентябрѣ С. А. начинаетъ свои „наблюденія" и набрасываетъ „маленькій эскизъ Муромскаго уѣзднаго земскаго собранія" [2]. Въ февралѣ 1872 г. онъ пишетъ: „нашъ фамильный городъ (Муромъ) принялъ меня не совсѣмъ по-родственному... Теперь я веду преинтересную и прекурьезную борьбу съ разными предводителями, исправниками и tutti quanti". Такимъ образомъ, подготовка къ профессорскому званію неожиданно осложнилась подготовкой къ общественной дѣятельности. И С. А. съ удовольствіемъ подчеркиваетъ этотъ смыслъ своихъ „наблюденій". „Принимаюсь за изученіе жизни, братъ". „Вѣрно въ Твоемъ письмѣ то, что моя дѣятельность вращается въ сферѣ науки, но не вѣрно, что я чуждаюсь узкой житейской колеи. Въ извѣстныхъ случаяхъ, при извѣстномъ отношеніи къ ней, она далеко не узкая".

Жизнь „среди муромскихъ лѣсовъ и болотъ" такъ понравилась С. А., что онъ рѣшилъ остаться и на лѣто въ Зяблицкомъ по-

---

[1] Притомъ, С. А. былъ оставленъ „совершенно случайно", по выраженію А. Р. Ледницкаго, проф. Мюльгаузеномъ „по каѳедрѣ финансоваго права, хотя тогда же заявилъ ему, что имѣетъ въ виду заниматься исключительно гражданскимъ правомъ". Въ некрологѣ Мюльгаузена (1878) С. А. упоминаетъ, что послѣдній „былъ готовъ явиться ходатаемъ, по мѣрѣ своихъ силъ, во всѣхъ затрудненіяхъ, которыя могли встрѣтиться молодому человѣку на пути его университетской жизни".

[2] Результаты этихъ наблюденій сказались позже. Такъ, въ 1875 г. С. А. замѣчаетъ, что ему „тоже приходилось становиться въ близкія отношенія къ нашему крестьянству", и выводъ его весьма реалистиченъ. См. „Статьи и рѣчи", II, стр. 6, 7.

гостѣ [1]). „Теперь я наслаждаюсь деревенскою жизнью,—пишетъ онъ 30 апрѣля.—На берегу Оки, на возвышенномъ курганѣ, сохранившемъ большіе остатки каменнаго вѣка, построена маленькая дача, служащая прибѣжищемъ будущимъ ученымъ (очевидно, С. А. жилъ тамъ и занимался вмѣстѣ съ кн. Л. С. Голицынымъ). Вокругъ — вода Оки и окружающихъ ее озеръ и запруженныхъ маленькихъ рѣчекъ. На три стороны видъ, простирающійся верстъ на сто: длинная перспектива лѣсовъ и горъ, кое-гдѣ возвышающіяся колокольни церквей, чуть-чуть виднѣющаяся постройка ближайшихъ селъ, мачты баржъ, дымъ пароходовъ, точки чернѣющихъ людей, дичь, снующая подъ ногами — вотъ впечатлѣнія, представляющіяся наблюдателю. Съ четвертой стороны спускъ къ рѣкѣ, затѣмъ Ока и, наконецъ, противоположный высокій берегъ, съ горами, спускающимися круто въ воду. Жизнь соотвѣтствуетъ обстановкѣ. Купанье, катанье на водѣ, охота и проч., и проч., и проч."

Къ осени 1872 г. кн. Льву Сергѣевичу Голицыну удалось „уговорить отца С. А. отпустить сына за границу" [2]). С. А. „собирался выѣхать еще въ октябрѣ". Въ дѣйствительности, только въ мартѣ 1873 г. онъ вмѣстѣ съ кн. Голицынымъ добрался до Лейпцига. Причины отсрочки онъ самъ объясняетъ такимъ образомъ. „Сначала застрялъ въ провинціи, наблюдая все за земскимъ дѣломъ. Потомъ по дорогѣ цѣлый мѣсяцъ провелъ въ Варшавѣ, гдѣ не преминулъ познакомиться съ польскимъ духомъ [3]). Наконецъ прибылъ сюда (въ Лейпцигъ) слушать одного изъ талантливыхъ профессоровъ по римскому праву — Кунтце. Послушаю его — переберусь къ другому, въ другой какой-нибудь городокъ". Какъ видно, С. А. не сдѣлалъ еще въ 1873 г. опредѣленнаго выбора между германскими профессорами по своей спеціальности.

Какъ прошелъ первый семестръ занятій С. А. въ Лейпцигѣ, мы не знаемъ. Повидимому, молодой ученый еще не успѣлъ втянуться въ работу. „Германія меня ужасно занимаетъ,—пишетъ онъ кузену въ только что цитированномъ письмѣ:—Тебѣ она пришлась бы по душѣ—все система, самая строгая система и порядокъ. Но

---

1) Тогда же онъ купилъ себѣ маленькій участокъ возлѣ имѣнія кн. Голицына.

2) А. Р. Ледницкій въ „Правѣ", № 42, 1909.

3) Ср. рѣчь С. А. на русско-польскомъ съѣздѣ 1905 г., гдѣ онъ сравнилъ русское управленіе въ Польшѣ съ управленіемъ проконсуловъ въ римскихъ провинціяхъ.

я съ ней уживаюсь плохо. Не то чтобы система была не по мнѣ (какъ принципъ): въ противномъ Ты, вѣрно, давно еще успѣлъ убѣдиться. Но въ послѣдніе два - три года моей кочевой жизни я спозналъ и другое начало—независимость и отчасти безпорядокъ, а съ этими качествами здѣсь являешься какимъ-то пугаломъ".

Во всякомъ случаѣ пребываніе въ Лейпцигѣ продолжалось недолго. Точныхъ данныхъ о лѣтнемъ маршрутѣ мы не имѣемъ: С. А. назначилъ двоюродному брату свиданіе лѣтомъ того же 1873 года на выставкѣ въ Вѣнѣ, но тамъ свиданіе не состоялось. Можетъ быть С. А. тѣмъ же лѣтомъ побывалъ и въ Россіи. Въ письмѣ отъ осени 1873 г. С. А. сообщаетъ двоюродному брату, что послѣ свиданія онъ „сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, 10.000 верстъ, былъ въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Константинополѣ, Аѳинахъ, проѣхалъ всю Италію (но не былъ въ Римѣ), ...былъ въ Тиролѣ и Баваріи" и наконецъ „засѣлъ на всю зиму въ Геттингенѣ". Повидимому, мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ маршрутомъ, которымъ С. А. вновь вернулся къ осени изъ Россіи за границу. Зима 1873—74 г. и была тѣмъ временемъ, когда С. А., по сообщенію А. Р. Ледницкаго, уже „всецѣло отдался изученію нѣмецкой науки". Въ эту зиму онъ слушалъ вмѣстѣ съ кн. Л. С. Голицынымъ лекціи Рудольфа Іеринга [1]). Лекціи Іеринга окончательно опредѣлили научное направленіе С. А., или точнѣе, окончательно утвердили его въ томъ направленіи, которое, какъ мы видѣли, намѣтилось раньше и выяснилось для С. А. уже въ 1870—71 году, при слушаніи курса Никиты Крылова. Не даромъ С. А. называлъ своего любимаго профессора „русскимъ Іерингомъ".

Не дѣло біографа подробно изучать результаты вліянія Іеринга въ научной работѣ С. А. Но, выясняя цѣльную личность С. А., нельзя не остановиться на той внутренней, неразрывной связи, которая, несомнѣнно, существуетъ между усвоеннымъ имъ ученіемъ и интимнѣйшими сторонами его воззрѣній и идеаловъ, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля. Тутъ мы находимъ ключъ къ истолкованію всей—не только научной, но и общественной—дѣятельности С. А. Необходимо поэтому остановиться внимательнѣе на совпа-

[1]) Въ бумагахъ С. А. сохранилась рукопись Іеринга съ собственноручнымъ посвященіемъ: Dem Fürsten Leo Gallitzin vom Verfasser überreicht zum Andenken an ihn. Rd. Jhering, Göttingen, 8 aug(ust) 1873. Судя по послѣдней датѣ, кн. Голицынъ уже занимался у Іеринга ранѣе С. А. и показалъ послѣднему путь въ Геттингенъ.

деніи главной идеи новаго ученія о правѣ съ извѣстными уже намъ прежними научными взглядами и симпатіями С. А.

Усвоивъ основную идею шестидесятыхъ годовъ о закономѣрности, какъ основномъ принципѣ научнаго толкованія, С. А. не могъ не признать главной заслуги „исторической школы", которая именно и состояла въ выясненіи закономѣрности правообразованія. Но, съ другой стороны, ему не могла не претить эта доктрина, пока она находила закономѣрность лишь въ безсознательномъ процессѣ проявленія народнаго „духа", массоваго, неподвижнаго и неизмѣняемаго. Западникъ и сторонникъ „освободительнаго движенія",— представлялось ли оно Петромъ Великимъ или Гарибальди, — горячій поклонникъ великихъ общественныхъ реформъ дней своей юности, врагъ и противникъ косности русской провинціальной жизни, поставившій своей жизненной задачей борьбу съ этой косностью и проведеніе въ эту среду новыхъ правовыхъ идей, С. А долженъ былъ искать научной доктрины, которая бы одновременно удовлетворяла, какъ научной идеѣ закономѣрности, такъ и общественному идеалу прогресса. Пусть „духъ" народный воплощался въ „обычномъ правѣ". Но вѣдь и „область обычнаго права, въ его исторической дѣйствительности, представлялась" вовсе не простымъ, окончательнымъ и неизмѣннымъ отраженіемъ абсолютнаго духа. Она, напротивъ, являлась изучающему ее ближе изслѣдователю „неизбѣжно во всей пестротѣ многочисленныхъ, сходящихся и расходящихся между собой жизненныхъ теченій", подвижныхъ и подлежащихъ всевозможнымъ измѣненіямъ и воздѣйствіямъ. А съ этой точки зрѣнія — конкретнаго, реальнаго, историческаго или статистическаго изслѣдованія—„борьба заступала мѣсто непосредственнаго проявленія искони заложенныхъ началъ; наиболѣе основное („общечеловѣческое") выводило своими корнями за границы національнаго развитія, наиболѣе совершенное оказывалось вовсе не столь примитивнымъ" [1]).

При такихъ существенныхъ поправкахъ представлялось вполнѣ

---

[1]) Другими словами, „обычное право" не являлось первичнымъ, кореннымъ, неразложимымъ національнымъ явленіемъ. Эти опредѣленія принадлежатъ самому Муромцеву и взяты изъ его характеристики А. Ѳ. Кистяковскаго. Какъ онъ самъ отмѣтилъ, эволюція Кистяковскаго есть та же самая эволюція, „которая вообще имѣла мѣсто въ развитіи исторической школы правовѣдѣнія". Ср. замѣчанія Муромцева о реакціи противъ Савиньи и Пухты по вопросу объ обычномъ правѣ въ его „Образованіи права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи". Изд. 2-е. М., 1886, стр. 29 и слѣд.

возможнымъ соединить идею закономѣрности происхожденія права съ идеей его развитія, а въ идею развитія вложить и элементъ сознательнаго творчества, сознательныхъ усилій мыслящаго меньшинства народа и отдѣльной научно-подготовленной личности. Уже въ 1875 г., на первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ, С. А. заявляетъ, что положеніе о „безсиліи закона—измѣнить народное созерцаніе" „подлежитъ ограниченіямъ"; что „народъ состоитъ не изъ одного простонародья"; что при взаимодѣйствіи слоевъ, различныхъ по своей культурности, „перевѣсъ долженъ оказаться на сторонѣ наибольшей культурности", и что „наиболѣе образованная часть русскаго народа правильно пойметъ свою задачу, если не будетъ потакать грубымъ инстинктамъ массы", такъ какъ эта задача есть „цивилизовать массу" [1]).

Этотъ частный примѣръ наглядно показываетъ, какое теоретическое и практическое значеніе въ глазахъ С. А. имѣло усвоенное имъ окончательно у Іеринга въ Геттингенѣ „новое воззрѣніе". Формулируя впослѣдствіи научно его достоинства и преимущества сравнительно со старымъ воззрѣніемъ—европейской исторической школы и русскаго славянофильства, С. А. находитъ, что симпатичное ему ученіе 1) „не идетъ въ разрѣзъ съ исторической школой по вопросу о *закономѣрномъ* движеніи исторіи права"; 2) „вноситъ въ теорію права идею *постепенности* развитія"; 3) „не предрѣшаетъ философскихъ и психологическихъ вопросовъ, связанныхъ съ фактомъ образованія права"; 4) „различаетъ въ процессѣ образованія права участіе двухъ основныхъ факторовъ: жизни общества (народа) и... мыслительной дѣятельности, какъ всего общества, такъ въ особенности юристовъ"; 5) „ученіе о *борьбѣ* за право составляетъ *существенную принадлежность* новаго ученія", съ той только оговоркой, что доктрина борьбы не есть возвращеніе къ „доктринѣ случая и произвола", а самое понятіе борьбы объемлетъ борьбу не только „посредствомъ кулака или оружія", а также и „посредствомъ слова и примѣра", и допускаетъ возможность побѣды не только „грубыхъ силъ и интересовъ", а также и „духовныхъ силъ и интересовъ"; наконецъ, 6) „новое воззрѣніе даетъ удовлетворительное разъясненіе фактовъ *заимствованія* права однимъ народомъ у другого" [2]).

---

[1]) „Статьи и рѣчи", II, стр. 7. Рѣчь шла объ уравненіи въ правахъ законныхъ и внѣбрачныхъ дѣтей.

[2]) См. подробное „разъясненіе недоразумѣній" по поводу всѣхъ этихъ преимуществъ новаго воззрѣнія въ „Образованіи права", стр. 33—37.

Идейная основа для научной работы была теперь готова. Въ ученіи Іеринга С. А. нашелъ то, что ему было нужно. Уже къ веснѣ 1874 г. онъ возвращается въ Москву съ цѣлью написать магистерскую диссертацію и выдержать магистерскій экзаменъ. Но въ Москвѣ работа не спорится. „Сначала принялся было горячо, но потомъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше отставалъ, голова начала наполняться другимъ, и работа полетѣла къ чорту". „Давно уже я не жилъ въ обществѣ,—поясняетъ С. А.,—въ Москвѣ отыскалось много старыхъ знакомыхъ, завелись новые, приспѣли потомъ праздники". Наконецъ, въ маѣ С. А. „забился въ деревню, чтобы поправить грѣшки и натянуть потерянное время". „Теперь ни о чемъ, кромѣ римскаго права и диссертаціи, не думаю". Такъ прошло лѣто. Осенью пришлось прервать работу надъ диссертаціей, такъ какъ 17 октября предстояло держать экзаменъ по главному предмету на магистра. Экзаменъ „прошелъ блистательно, по офиціальному отзыву факультета и по мнѣніямъ, высказаннымъ частно". Второй экзаменъ назначенъ былъ 5 декабря. Къ нему С. А. готовился вмѣстѣ съ кн. Л. С. Голицынымъ и для этого переѣхалъ на мѣсяцъ въ Кіевъ. Исходъ этого экзамена, по словамъ С. А., „тоже должны были признать отличнымъ". Покончивъ съ экзаменами, С. А. быстро окончилъ и напечаталъ свою магистерскую диссертацію „О консерватизмѣ въ римской юриспруденціи". Ее „хотѣли, но не могли не пропустить". 5 апрѣля 1875 г. состоялся диспутъ. „Сверхъ ожиданія недоброжелателей, онъ окончился блистательно, и они первые поспѣшили предложить мнѣ каѳедру". Осенью С. А. началъ уже чтеніе курса: 2 сентября 1875 г. онъ читалъ свою первую вступительную лекцію по исторіи римскаго права.

Какъ видно изъ сообщенныхъ отзывовъ С. А., его вступленіе въ университетъ было встрѣчено далеко не единодушнымъ сочувствіемъ членовъ факультета. По собственнымъ словамъ С. А., онъ проходилъ свое испытаніе „при сильномъ недоброжелательствѣ стариковъ, которые старались всячески противодѣйствовать". Сочувствовала С. А. „молодая партія, довольно многочисленная, но по голосамъ еще слабая, ибо не всѣ профессора, а лишь доценты". Надо прибавить, что и С. А. платилъ „старикамъ" той же монетой. О старомъ составѣ профессоровъ юридическаго факультета онъ былъ самаго нелестнаго мнѣнія. Еще въ 1870 г. онъ говорилъ на студенческомъ обѣдѣ: „не ошибусь, если скажу, что всѣ мы

искренно желаемъ обновленія обветшалаго состава профессоровъ... Профессора, позволяющіе себѣ читать по книжкамъ, давно забытымъ не только книгопродавцами, но и учеными (Баршевъ, уголовное право, читалъ по учебнику 1842 г.), профессора, не имѣющіе самостоятельнаго взгляда на науку и замѣняющіе его компиляціей изъ нѣсколькихъ десятковъ учебниковъ (Никольскій, гражданское право), такіе профессора, будемъ надѣяться, просуществуютъ недолго".

„Вы *завоевали* себѣ каѳедру римскаго права", писалъ проф. Іерингъ въ отвѣтъ на сообщеніе С. А. о вступленіи на каѳедру, „и этотъ результатъ меня радуетъ одинаково за науку и за васъ, такъ какъ въ вашемъ лицѣ впервые въ Россіи всходитъ „оппозиція"—ученіе, которое я поднялъ въ Германіи противъ романтики исторической школы; а вы представляете столь крупную силу, что я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Вамъ придется еще, правда, бороться. Но борьба есть искусъ, школа, насущный хлѣбъ силы".

Муромцевъ входилъ въ составъ факультета въ то время, когда этотъ составъ вообще обновлялся учеными и профессорами „новаго направленія". Мы встрѣтимся скоро съ послѣдствіями этого обновленія.

VIII. Десятилѣтіе профессуры и общественной дѣятельности.

(1875—1884.)

Начавшееся теперь десятилѣтіе было самымъ плодотворнымъ въ жизни С. А. Въ это время написаны имъ, въ прямой связи съ преподавательской дѣятельностью въ университетѣ, главные его научные труды. Въ это же время С. А. энергично работалъ для юридическаго общества и для его органа „Юридическаго Вѣстника". Задача всей этой дѣятельности далеко не была исключительно ученая. Напротивъ, какъ скоро увидимъ, всю ее проникала одна господствующая мысль: подготовить профессіоналовъ законодательства къ широкой общественной реформѣ. Эта мысль особенно ярко освѣщала работу Муромцева въ пору наибольшаго общественнаго оживленія: въ 1879—81 гг. Подъ вліяніемъ этого оживленія С. А. уже не ограничиваетъ свою дѣятельность стѣнами университетской аудиторіи и засѣданіемъ ученаго общества. Онъ

хочетъ дѣйствовать на органы самоуправленія, какъ городской и губернскій гласный, на массу, какъ публицистъ, и на правительство, какъ политическій мыслитель. Однимъ словомъ, въ эти годы мы видимъ С. А. въ той самой роли, въ которой, уже на глазахъ всей страны, онъ выступилъ въ моментъ первой рѣшительной побѣды общественнаго мнѣнія, въ 1905—6 годахъ. И точно такъ же, какъ въ эти послѣдніе годы, за подъемомъ слѣдуетъ реакція, которая избираетъ С. А. одной изъ первыхъ своихъ жертвъ, заставляетъ его удалиться съ поприща общественной дѣятельности, такъ блистательно начавшейся, поневолѣ съуживаетъ кругъ его дѣятельности узко-практическими задачами, не подрывая, правда, его оптимистической увѣренности въ окончательномъ торжествѣ дорогихъ ему идей, но все же побуждая на время устраниться и стать въ сторонѣ.

Первые годы университетскаго преподаванія не легко дались молодому профессору. Репутація его, какъ серьезнаго ученаго и блестящаго лектора, установилась сразу. Аудиторія его привлекала многочисленныхъ слушателей. Но по письмамъ [1]) видно, какого большого труда стоилъ С. А. этотъ успѣхъ. „Первый годъ чтенія лекцій—штука нелегкая. Пять дней въ недѣлю у меня уходитъ на лекціи и на приготовленія къ нимъ“, пишетъ С. А. въ сентябрѣ 1875 г. А въ октябрѣ встрѣчаемъ замѣтку: „чувствую постоянно какую-то усталость,—давно вѣдь не отдыхалъ. Въ деревнѣ, какъ и теперь, все работалъ и работалъ“. Въ январѣ 1876 г. С. А. пишетъ: „вся недѣля уходитъ на лекціи; съ мѣсяцъ уже чувствую себя нехорошо, какъ-то ослабъ и энергія упала. Спокойный сонъ совсѣмъ меня оставилъ. Надѣюсь на весну и лѣто“. Мартъ 1876: „меня дѣла осадили по горло кругомъ... Пришлось назначить два часа лекцій лишнихъ... На рукахъ три диссертаціи“. 22 марта лекціи кончились, но остаются экзамены, ассистентство и т. д. Въ апрѣлѣ С. А. пишетъ: „много навалило работы... почти все послѣднее время провожу въ кабинетѣ у стола и жду, не дождусь, когда можно будетъ вырваться на свободу“. Наконецъ, наступаютъ каникулы. С. А. 17 мая уѣзжаетъ за границу, на этотъ разъ не для того, чтобы работать, а чтобы хорошенько отдохнуть. „Прогулялъ около мѣсяца, сдѣлалъ пѣшеходную прогулку въ Гарцъ, видѣлъ

[1]) Къ письмамъ къ двоюродному брату въ эти годы (1874—79) присоединяются немногочисленныя, но содержательныя письма къ любимому дядѣ Семену Алексѣевичу.

Рейнъ". Въ концѣ іюня онъ уже „съ кипою книгъ" возвращается въ деревню. „Я работаю теперь надъ новымъ сочиненіемъ, которое должно послужить мнѣ въ качествѣ докторской диссертаціи. Готовлю также нѣсколько критическихъ статей".

Лѣтомъ 1877 г., такъ же какъ и лѣтомъ 1878 г., С. А. снова бралъ отпуски за границу; но отпусками этими не воспользовался вовсе. Зато докторская диссертація С. А.—„Очеркъ общей теоріи гражданскаго права",—была окончена и напечатана къ ноябрю 1877 г. 3 декабря онъ защитилъ ее и получилъ степень доктора гражданскаго права. Затѣмъ 21 января 1878 г. С. А. получилъ экстраординатуру, а съ 22 февраля того же года утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Это, наконецъ, улучшило его матеріальное положеніе.

Русско-турецкая война въ связи съ внутренними событіями, какъ извѣстно, вызвала сильное возбужденіе въ русскомъ обществѣ. Слѣды этого возбужденія тотчасъ же отразились сперва въ области спеціальной дѣятельности С. А., а затѣмъ и въ томъ расширеніи круга этой дѣятельности, о которомъ мы только что упомянули.

1878 годъ „былъ годомъ перелома" въ жизни Московскаго Юридическаго Общества. „Совсѣмъ иная волна хлынула въ жизнь общества,—вспоминаетъ С. А. объ этомъ моментѣ десять лѣтъ спустя. „Вошедшіе въ его составъ новые дѣятели одинъ передъ другимъ спѣшатъ увлечь Общество въ область предметовъ, волнующихъ современную юридическую науку или общественную жизнь Запада". Но чисто-научнымъ оживленіемъ дѣло не ограничивается. Уже въ слѣдующемъ (1879) году въ Обществѣ читается „рядъ докладовъ, заключенія которыхъ клонятся къ указанію необходимыхъ реформъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ" Россіи. А въ 1880—1881 гг. эта работа Общества, подъ вліяніемъ возбужденныхъ въ интеллигенціи ожиданій, принимаетъ вполнѣ планомѣрный характеръ. Ея иниціаторы имѣютъ прямо въ виду выработать рядъ готовыхъ законопроектовъ по насущнымъ законодательнымъ вопросамъ, не дожидаясь болѣе, пока правительство поставитъ эти вопросы на очередь. Руководящая мысль этого плана очень ярко выражена С. А. въ корреспонденціи отъ 9 февраля 1881 г. въ „Порядокъ" и повторена имъ же, въ качествѣ предсѣдателя (съ 1880 г.), въ годичномъ засѣданіи Юридическаго Общества 23 февраля [1]). „На-

[1]) „Статьи и Рѣчи", вып. III, стр. 37 и вып. II, стр. 24—25.

дежда на то, что не въ очень далекомъ будущемъ русской общественной мысли придется играть подобающую ей роль, живетъ въ образованныхъ кругахъ какъ московскаго, такъ и провинціальнаго общества... Начинаютъ понимать, что ...надо подготовиться къ веденію не только земскаго дѣла и что надо запастись на этотъ конецъ необходимыми свѣдѣніями, *готовымъ планомъ идей и даже законопроектами.* Будущее не должно застать наше общество врасплохъ".

Въ ожиданіи наступленія этого „можетъ быть, недалекаго будущаго" С. А. рѣшается самъ выступить на поприщѣ публицистики, сперва въ своемъ спеціальномъ журналѣ. Съ конца 1878 г. С. А. не безъ сопротивленія своихъ факультетскихъ враговъ, какъ свидѣтельствуетъ М. М. Ковалевскій [1]), становится редакторомъ „Юридическаго Вѣстника". Редакторство беретъ у него массу труда и времени. Но С. А. считаетъ дѣло „весьма заманчивымъ и важнымъ", такъ какъ „важно, особенно при теперешней скупости правительства на разрѣшеніе новыхъ журналовъ, имѣть въ своихъ рукахъ журнальный органъ". „Я хочу придать этому журналу новый, живой характеръ, какъ въ научномъ отдѣлѣ, такъ и въ практическомъ", пишетъ онъ дядѣ 26 декабря 1878 г. —„Стараюсь завести организованную правильно судебную хронику и въ ней бросить въ нашу практику судовъ и адвокатовъ сѣмена новыхъ практическихъ идей... Послѣ моей профессорской дѣятельности дѣятельность моя по редакціи журнала, который долженъ служить средствомъ для вліянія на публику внѣ университета, представляется первою по значенію".

При быстро обострявшемся политическомъ положеніи спеціальный органъ, однако же, не могъ служить особенно сильнымъ средствомъ для вліянія на публику. Провожая 1879 г., редакторъ уже долженъ былъ задѣть въ отдѣлѣ хроники чисто политическую, а вовсе не „судебную" тему. Онъ высказывалъ пожеланіе, чтобы новый 1880 г. „принесъ русскому обществу возможность выразить активно всѣ свои живыя силы на пути законнаго и мирнаго развитія". Черезъ два мѣсяца по поводу учрежденія Верховной Распорядительной Комиссіи гр. Лорисъ-Меликова С. А. высказался въ своемъ журналѣ еще опредѣленнѣе. „Въ провинціяхъ зрѣетъ великая земская сила,—говорилъ онъ,—которая начинаетъ думать

---

[1]) „Право", № 50, 1910.

свою великую думу. Если протестъ подпольный и крамольный имѣетъ теперь почву, то только потому, что здоровая дума находится въ загонѣ... Дайте свободу ей, и всякая крамола потеряетъ смыслъ и силу... Откройте народу путь къ участію въ дѣлахъ страны; облеките каждое отдѣльное отправленіе государственной жизни въ строгія рамки порядка"... [1]).

Тогда же С. А. представилась возможность высказаться по коренному вопросу русской жизни вполнѣ опредѣленно и открыто, внѣ тѣсныхъ рамокъ спеціальнаго органа и стѣснительныхъ условій цензуры. Въ Москвѣ „стало извѣстно, что гр. Лорисъ-Меликовъ заявилъ открыто, что бѣда заключается не въ нигилизмѣ, а въ незаслуженной опалѣ всего общества. Общество было объявлено имѣющимъ право на самобытное существованіе" [2]). Основываясь на этомъ, двадцать московскихъ дѣятелей подали графу „Записку о внутреннемъ состояніи Россіи", написанную С. А. при участіи В. Ю. Скалона и А. И. Чупрова, въ мартѣ 1880 г. [3]). Главнымъ выводомъ этой замѣчательной записки былъ тотъ, что „вывести нашу страну изъ того заколдованнаго круга, въ которой она попала, не можетъ ничто, кромѣ призыва въ особое самостоятельное собраніе представителей земства къ участію въ государственной жизни и дѣятельности, съ прочнымъ обезпеченіемъ права личности на свободу мысли, слова и убѣжденія".

Скоро начались, однако, разочарованія въ прочности и серьезности новаго настроенія власти. Въ началѣ октября С. А. посѣтилъ на его квартирѣ Н. С. Абаза, тогдашній начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Рѣчь шла объ излишнихъ „забѣганіяхъ" печати впередъ, о стремленіи общества „слишкомъ рѣзко повернуть на новый путь", и цѣль этого поворота была охарактеризована, какъ „иллюзіи" и „мечтанія": выраженія, подъ которыми съ тѣхъ поръ С. А. сталъ разумѣть въ печати конституцію. Печать призывали быть терпѣливой. С. А. немедленно продолжилъ эту

---

[1]) Эти первыя попытки открыто формулировать основное общественное требованіе момента перепечатаны С. А. въ V выпускѣ „Статей и Рѣчей" изъ „разныхъ замѣтокъ" „Юрид. Вѣстника" (1880, №№ 1, 3, 4).

[2]) „Статьи и Рѣчи", V, стр. 40—41.

[3]) Черезъ годъ составители попытались напечатать записку въ „Вѣстникѣ Европы". Но она была вырѣзана, по требованію цензуры, изъ апрѣльской книжки журнала. Въ томъ же 1881 г. появилось въ Берлинѣ заграничное изданіе записки, а Джорджъ Кеннанъ сдѣлалъ ее извѣстной всему міру. Теперь записка перепечатана въ V выпускѣ „Статей и Рѣчей" С. А., стр. 11—38.

бесѣду письмомъ къ Н. С. Абазѣ отъ 9 октября, въ которомъ спрашивалъ, почему заставляютъ общество считаться съ „реакціонерами“, а не побуждаютъ реакціонеровъ считаться съ интеллигенціей. Зачѣмъ нужно медлить, когда и такъ уже „пять-шесть лѣтъ... никто не можетъ дѣлать путно собственнаго дѣла“, когда „русская мысль... воспитывается на протестѣ“ и отвыкаетъ отъ „положительной, созидающей работы“? Зачѣмъ молчать въ печати объ „иллюзіяхъ“ и „мечтаніяхъ“, когда „устное проповѣдничество“ того же самаго можетъ принять „тѣмъ болѣе рѣшительную форму“? „Печати нужно дать теперь же опредѣленную положительную тему и съ надеждою на то, что надъ этой темой работаетъ въ то же время и правительство“.

То же обращеніе, одновременно и къ правительству и къ обществу, читаемъ въ „замѣткахъ“ хроники послѣднихъ нумеровъ „Юрид. Вѣстн.“ за 1880 г. „У правительства нѣтъ опредѣленнаго плана дѣйствій“, съ грустью констатируетъ С. А. Но „нѣтъ его, повидимому, и у общества“. Правительство не дало „твердой увѣренности, искренно ли желаютъ той перемѣны, которая, повидимому, осуществляется съ весны этого года“. Общество же „еще недостаточно ясно сознало“, что дѣло идетъ теперь о реформѣ „всего государственнаго строя“. „Никакая революція не грозитъ Россіи. Въ возможность революціи можетъ вѣрить только или пылкій мечтатель, или близорукій бюрократъ“. Опасность грозитъ совсѣмъ съ другой стороны: она создана „пятнадцатью годами приниженія и подавленія общественныхъ силъ“, помѣшавшихъ и обществу, и самому правительству разобраться въ способахъ реагировать на совершившееся въ промежуткѣ усложненіе жизни.

Въ концѣ замѣтки С. А. приходится отмѣтить телеграмму изъ Петербурга о свиданіи гр. Лорисъ-Меликова съ редакторами большой прессы. Министръ „разъяснялъ имъ, чтобы они не волновали напрасно общественныхъ умовъ, настаивая на необходимости привлеченія общества къ участію въ законодательствѣ и управленіи“, ибо „ничего подобнаго въ виду не имѣется“, ни „въ видѣ представительныхъ собраній на манеръ европейскихъ“, ни даже „въ видѣ нашихъ бывшихъ земскихъ соборовъ“. Все дѣло въ томъ, чтобы „дать силу новымъ учрежденіямъ, уже существующимъ“. Печати же разрѣшалось обсуждать правительственныя мѣропріятія, но съ условіемъ—не смущать умы „мечтательными иллюзіями“.

Такимъ образомъ, 1880-й годъ, такъ радужно начавшійся, кон-

чался на минорной нотѣ. Тѣмъ не менѣе, С. А. не счелъ возможнымъ отойти и замолкнуть. Напротивъ, публицистическіе отклики на вопросы минуты стали для него потребностью. И съ самаго начала 1881 г. онъ переноситъ свои бесѣды съ читателемъ изъ спеціальнаго юридическаго журнала въ новый большой органъ ежедневной прессы, носящій симпатичное для него имя: „Порядокъ“ [1]). Этихъ бесѣдъ за промежутокъ отъ 26 декабря 1880 г. по 8 января 1882 имъ написано шестнадцать [2]). Главный предметъ ихъ—наблюденія надъ тѣмъ, какъ „новыя вѣянія“ отразились въ московскомъ обществѣ и въ органахъ самоуправленія, городскихъ и земскихъ. С. А. отнюдь не преувеличиваетъ размѣровъ общественнаго оживленія. Напротивъ, онъ постоянно подчеркиваетъ малую сознательность общества, проявленія въ немъ того „звѣря“, который скрывается въ каждомъ сословномъ эгоизмѣ. Онъ хорошо понимаетъ, что „никакими юридическими доводами, никакими ссылками на справедливость не прошибете вы гласнаго-помѣщика, когда проснулся въ немъ инстинктъ барина“. „Новые выборы покажутъ вамъ, въ какой мѣрѣ „звѣрь“ раздраженъ“. С. А. понимаетъ, что и общегосударственные вопросы интересуютъ провинцію, главнымъ образомъ, по связи съ мѣстными. „Земство начинаетъ чувствовать, что его дѣятельность рискуетъ оказаться безплодною, доколѣ живой преобразовательный токъ не захватитъ центры государственной жизни“. Но ученика Іеринга все это нисколько не смущаетъ. Полный вѣры въ окончательное торжество права, онъ съ радостью и удовлетвореніемъ отмѣчаетъ появленіе изъ этого самаго стараго матеріала новыхъ формъ и новой тактики общественной борьбы. С. А. указываетъ, что въ земствахъ, подъ вліяніемъ „новаго вѣянія“ даже и старые дѣятели,—тѣ, которые „вносятъ въ земское дѣло и запахъ постнаго масла, и крѣпостническія тенденціи“, все же „пойдутъ на многое полезное, не покушаясь только существеннымъ образомъ на свои помѣщичьи интересы“. Онъ доволенъ, что московскіе городскіе гласные „отстали отъ стараго взгляда, по которому предварительная спѣвка... представлялась не иначе, какъ въ формѣ личной интриги“.

---

[1]) Ср. „Статьи и рѣчи“, V, 8. „Все государство, въ его цѣломъ, есть не иное что какъ извѣстный *порядокъ* жизни. Каждое отдѣльное отправленіе государственной жизни, чтобы быть нормальнымъ, должно быть облечено въ строгія рамки порядка“.

[2]) Статьи изъ „Порядка“ перепечатаны въ „Статьяхъ и рѣчахъ“, вып. III, стр. 1—52.

„Такъ или иначе, и въ городскомъ, и въ земскомъ дѣлѣ мы постоянно встрѣчаемся съ попытками *организовать партіи*“. Онъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ появленіе и „другого цивилизованнаго способа вести общественное дѣло“: памфлетовъ на очередныя общественныя темы. Сельскіе хозяева несогласны на бюрократическую организацію ихъ съѣздовъ: „слава Богу, пишетъ С. А., что, наученные долгимъ опытомъ бюрократическаго безсилія, русскіе образованные люди начинаютъ наконецъ не довѣрять полумѣрамъ и отказываются принимать полууступки“.

Таково публицистическое настроеніе ученаго юриста, ставшаго въ первые ряды общественныхъ дѣятелей. Совершенно понятно, что взгляды эти не могли нравиться повернувшему на реакціонный путь правительству.

Столкновеніе должно было произойти на почвѣ университетской дѣятельности С. А. Здѣсь, какъ и въ печати, онъ не оставался исключительно на почвѣ своей преподавательской профессіи. Точнѣе говоря, онъ эту профессію понималъ такъ, что она превращалась въ призваніе, исполненіе котораго составляло гражданскую обязанность профессора. Это не значитъ, конечно, что въ свои лекціи С. А. вносилъ тенденціозность. Въ этомъ не могъ обвинить его даже отставившій его министръ Деляновъ [1]). Но для возобладавшаго направленія правительства, „тенденціей“ было уже самое пониманіе права, на которомъ основано было преподаваніе С. А. Помимо того, С. А. занялъ опредѣленную политическую позицію въ вопросѣ, ближе всего касавшемся профессоровъ, въ вопросѣ объ университетскомъ уставѣ. Извѣстно, что въ самомъ началѣ своей университетской службы С. А. не подалъ руки проф. Любимову, явившемуся застрѣльщикомъ офиціознаго похода противъ автономнаго устава 1863 года.

Вопросъ объ уставѣ обострился вновь съ общимъ обостреніемъ политическаго положенія; и С. А. опять сталъ на защиту универ-

---

[1]) В. М. Нечаевъ въ своей статьѣ „С. А. Муромцевъ какъ ученый и профессоръ“, передалъ отзывъ Делянова по этому поводу. Явившись къ министру передъ отъѣздомъ въ заграничную командировку и отвѣтивъ на его вопросъ, кто имъ руководилъ въ московскомъ университетѣ, В. М. Нечаевъ услышалъ отъ министра такую характеристику только что отставленнаго профессора: „да, большой ученый, умный, серьезный, дѣльный. Я вотъ все гляжу: трудъ за трудомъ появляется Много ли такихъ у насъ? Жаль вотъ только, что политическія-то идеи у него неподходящія. На лекціяхъ-то, правда, онъ о нихъ никогда не говоритъ, да мы-то ужъ знаемъ...“

ситетской автономіи противъ бюрократическихъ поползновеній на свободу университета. Не уклоняясь ни отъ какихъ общественныхъ обязанностей, С. А. взялъ на себя трудную роль проректора въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ жизни московскаго университета: въ разгаръ студенческихъ волненій весны 1881 г. [1]). Онъ отлично понималъ и рѣшительно это высказалъ, что „студенческій вопросъ—одно изъ частныхъ проявленій общаго государственнаго вопроса“ и, подобно другимъ вопросамъ русской жизни, не можетъ быть рѣшенъ безъ „преобразованій болѣе широкаго свойства“ [2]). С. А. зналъ, что „у насъ нѣтъ возможности рѣшить правильно ни одного вопроса частнаго или мѣстнаго характера, потому, что правильное рѣшеніе встрѣтитъ отпоръ въ общемъ порядкѣ вещей“. И, тѣмъ не менѣе, въ положеніи проректора онъ принужденъ былъ стать на эту „частную“ точку зрѣнія, несостоятельность которой самъ доказывалъ. Онъ взялъ на себя по отношенію къ студенчеству примирительную миссію, основываясь на обѣщаніяхъ тогдашняго министра Сабурова, „что организація учащейся молодежи недалека отъ ея признанія правительствомъ“ [3]). Отвлекаясь отъ политическаго характера студенческихъ волненій и сосредоточивая все вниманіе на томъ отдѣльномъ случаѣ, съ которымъ ему пришлось столкнуться практически, С. А. даже утверждалъ, что „волненія между студентами улягутся сами собой, когда будутъ разрѣшены касса, библіотека и кухмистерская, управляемыя самими студентами“. Эта увѣренность держалась, однако, тѣмъ болѣе недолго, что правительство, по обычаю, не удержалось и на этотъ разъ отъ „преждевременнаго вмѣшательства“. Въ результатѣ, положеніе, трудность котораго вытекала изъ его существа, лишь принесло С. А. нѣсколько самыхъ тяжелыхъ минутъ его жизни и разрѣшилось отставкой его отъ должности проректора [4]).

При всемъ томъ, гр. Д. А. Толстой не могъ забыть С. А., какъ

---

[1]) Избранъ, послѣ возстановленія статей устава 1863 г. и правилъ 1875 г., 5 февраля 1881 г., утвержденъ 7 февраля, подалъ прошеніе объ увольненіи отъ проректорства 30 мая и уволенъ 24 августа 1881 г. Интересный докладъ С. А. совѣту университета, свидѣтельствующій о трудности его положенія среди колебаній правительства, сохранился въ бумагахъ С. А.

[2]) „Статьи и рѣчи“, III, стр. 55.

[3]) „Статьи и рѣчи“, III, стр. 11 и 17—18.

[4]) Въ рукописяхъ С. А. сохранился экземпляръ извѣстной брошюры „Конституція Лорисъ-Меликова“, въ которой, между прочимъ, описаны волненія въ московскомъ университетѣ изъ-за вопроса о вѣнкѣ на гробъ императора Александра II. Про-

и В. А. Гольцеву, того, что они являлись противниками новаго устава и олицетворяли собой, вмѣстѣ съ М. М. Ковалевскимъ, какъ разъ тѣ научныя дисциплины, которыя новый уставъ 1884 г. пытался замѣнить „живымъ очеркомъ самодержавія". Съ побѣдой новаго устава судьба либеральныхъ профессоровъ была рѣшена. С. А., какъ другіе, получилъ отставку. По понятнымъ основаніямъ, упомянутымъ выше, онъ никогда не могъ выяснить формальныя причины своей опалы, хотя и пробовалъ бесѣдовать объ этомъ съ Деляновымъ [1].

Кипучая общественная дѣятельность, которою наполнено было описанное десятилѣтіе жизни С. А., не заглушила, однако, въ немъ того чувства личнаго одиночества, на которое онъ жаловался, принимаясь за осуществленіе своего жизненнаго плана. Теперь, когда планъ былъ выполненъ, С. А. далъ волю новому чувству, возникшему, какъ и первое, на почвѣ художественныхъ интересовъ С. А. Въ 1882 году онъ женился на извѣстной пѣвицѣ, Маріи Николаевнѣ Климентовой. Въ 1883 году родилась у него первая дочь, Ольга. Періодъ „скитальчества", кончился. Вмѣстѣ съ тѣмъ оборвались съ отставкой и завязанныя было нити широкой общественной дѣятельности. Не случайно, очевидно, пропадаетъ съ этого времени прежняя экспансивность въ письмахъ къ близкимъ людямъ. Въ душѣ С. А. должна была совершаться въ это время новая ломка. Но періодъ исповѣдей былъ теперь позади. С. А. весь ушелъ въ себя, въ свою личную и семейную жизнь. И о его внутренней жизни мы можемъ судить съ этихъ поръ только по ея результатамъ.

IX. Двадцатилѣтіе реакціи и частной жизни.

(1885—1904.)

Освобожденіе отъ профессорской дѣятельности, не говоря о тяжеломъ моральномъ впечатлѣніи, оставило даже внѣшнюю пу-

---

тивъ фразы: „явившийся на сходку проректоръ Муромцевъ былъ освистанъ, что не помѣшало ему употребить всѣ старанія, чтобы задушить начавшіеся безпорядки и настоять на посылкѣ вѣнка" С. А. сдѣлалъ двѣ отмѣтки: 1) при словахъ „былъ освистанъ"—„этого не было", 2) при словахъ „настоять на посылкѣ вѣнка"—„и этого не было. Старанія проректора клонились лишь къ тому, чтобы всѣмъ направленіямъ предоставить свободу дѣйствій".

[1]) Въ бумагѣ отъ 25 іюля отъ попечителя ректору увольненіе С. А. объясняется „сообщенными Е. В. (министру народнаго просвѣщенія) *министерствомъ внутреннихъ дѣлъ* свѣдѣніями о политической неблагонадежности" С. А.

стоту въ строѣ жизни С. А. Онъ продолжалъ, конечно, работать въ Юридическомъ Обществѣ, велъ „Юридическій Вѣстникъ“. Въ кружкѣ общественныхъ дѣятелей, собравшемся около журнала и Общества, теплился все время огонекъ, зажженный въ концѣ 70-хъ годовъ. Юридическое и статистическое отдѣленія Общества уже самымъ соединеніемъ своимъ въ одно цѣлое продолжали развивать и укрѣплять въ обществѣ сознаніе единства и связи той коренной конституціонной и соціальной реформы, которая была лишь отсрочена, но по общему сознанію не могла быть избѣгнута. Какъ бы то ни было, непосредственный практическій интересъ,—тотъ, который побуждалъ Общество спѣшно разрабатывать законопроекты, а правительство—обращаться къ Обществу съ порученіями подобнаго рода,—не существовалъ болѣе. Одно чтеніе рефератовъ и предсѣдательство не могли наполнить всего вниманія С. А. и замѣнить отпавшую основную работу. Въ качествѣ таковой, С. А. выбираетъ теперь адвокатуру. Уже 13 октября 1884 г. онъ былъ принятъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ московскаго округа. Черезъ три года (1887) онъ былъ избранъ членомъ совѣта, а еще три года спустя — товарищемъ предсѣдателя. Съ начала 90-хъ годовъ имя Муромцева, какъ адвоката, пріобрѣтаетъ громкую извѣстность.

Въ началѣ этого періода С. А. еще не рѣшается разстаться съ публицистикой. Пользуясь открывшимся досугомъ, онъ въ теченіе 1885 и начала 1886 г. ведетъ въ „Вѣстникѣ Европы“ отдѣлъ „писемъ изъ Москвы“. Благодаря имъ, мы получаемъ возможность заглянуть глубже въ тогдашнее настроеніе С. А. и познакомиться съ его оцѣнкой начинающагося періода реакціи.

„Зима пришла и городская жизнь вошла въ свою обычную колею“, пишетъ С. А. въ первой изъ этихъ корреспонденцій, отъ 15 дек. 1884 г. „Средній человѣкъ обезпеченной толпы завертѣлся въ своемъ колесѣ „дѣлъ“ и „увеселеній“, но нѣтъ и слѣда какого-либо благотворнаго возбужденія. Человѣка же мыслящаго не покидаетъ сѣрое, сумрачное настроеніе нашихъ дней... *Въ болѣющемъ сердцѣ не прекратилась отзывчивость* на явленія окружающаго міра, не водворился еще успокоительный индифферентизмъ, а затруднительность и безплодность личнаго участія въ общемъ токѣ помутившейся жизни чувствуется сильнѣе и сильнѣе“. С. А. изображаетъ далѣе, какъ даже „лица, которыя не отстали еще отъ политики“, перестали реагировать на вопросы, такъ еще недавно

считавшіеся „жгучими". „Интересъ совершенно иного рода овладѣлъ нашей интеллигенціей всѣхъ ярусовъ и оттѣнковъ... началось чуть не всеобщее столоверченіе... Прежде многіе воздерживались отъ спиритизма „изъ стыдливости", теперь тѣ же лица вертятъ другъ друга ради якобы „научной" цѣли. Въ домахъ, гдѣ собирались не иначе, какъ для „умныхъ" разговоровъ или съ какими-нибудь художественными цѣлями,— въ домахъ, гдѣ карточныхъ столовъ и въ заводѣ не было,—теперь вы встрѣтите „научные" опыты бишопизма. Такъ или иначе, они волнуютъ участвующихъ, отвлекаютъ вниманіе отъ нерадостныхъ впечатлѣній окружающаго міра и удовлетворяютъ извѣстнымъ образомъ естественную потребность въ нервномъ возбужденіи, въ нервной дѣятельности" [1]. У опытнаго наблюдателя общественныхъ настроеній уже готово и историческое сравненіе. „Повторяется то же, чему свидѣтелями мы были въ эпоху нравственнаго и умственнаго застоя передъ послѣдней турецкой войной".

Словомъ, психологія реакціи, не только правительственной, но и общественной, цѣликомъ налицо. У „серьезныхъ" людей преобладаютъ „дѣловые" интересы, описаніе которыхъ въ корреспонденціяхъ С. А. лучше всего показываетъ, почему, при всемъ желаніи, онъ не могъ ими увлечься. Въ культурномъ слоѣ начинаетъ преобладать, кромѣ „спиритизма", интересъ къ театру и къ музыкѣ. Игра Барная и Поссарта, юбилей и похороны актера И. В. Самарина, музыкальное торжество въ память Глинки въ Смоленскѣ— эти темы наполняютъ цѣлыя страницы корреспонденцій С. А. И даже на публичной лекціи ораторъ, желающій ободрить аудиторію, призываетъ ее „въ ожиданіи лучшихъ временъ къ нравственной работѣ надъ самими собою". Какъ видимъ, многое, что только что повторились на нашихъ глазахъ послѣ временной неудачи русскаго освободительнаго движенія въ 1907—9 годахъ, отмѣчено С. А., какъ характерные признаки реакціи второй половины 80-хъ годовъ.

Для наблюдателей, принадлежавшихъ къ болѣе молодому поколѣнію, было, правда, ясно, что уже съ начала 1890-хъ годовъ,

---

[1]) Автобіографическій характеръ этого отрывка подтверждается статьей С. А., изъ которой видно, что и самъ онъ отдалъ дань общему повѣтрію. 22 ноября 1884 г. С. А. точнѣйшимъ образомъ описываетъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" свой собственный опытъ „вожденія съ завязанными глазами" на сеансѣ Бишопа въ русскомъ драматическомъ театрѣ. См. Статьи и рѣчи, III, стр. 57.

послѣ извѣстнаго народнаго бѣдствія (голодъ 1891 г.) движеніе общественнаго отлива остановилось и начался снова медленный, но несомнѣнный приливъ. Такой наблюдатель, какъ С. А., конечно, не могъ не замѣтить этого. Но, „умудренный" ли „практикой обыденной жизни", онъ „предпочиталъ удалиться на время въ сторону, сохраняя выжидательное положеніе", пока моментъ не позоветъ на чреду активнаго общественнаго служенія; или же просто новое движеніе совершалось въ слояхъ и кругахъ, сравнительно далекихъ отъ людей поколѣнія и круга С. А.; или, наконецъ, были въ этомъ движеніи такіе элементы, которымъ С. А. не могъ вполнѣ сочувствовать,—какъ бы то ни было, подъемъ новаго общественнаго оживленія не сразу коснулся С. А. Онъ коснулся его, прежде всего, рикошетомъ,—новыми правительственными репрессіями, послѣдовавшими за новымъ оживленіемъ общества. Въ 1892 г. пришлось закрыть „Юридическій Вѣстникъ". Въ 1899 г. прекратилось и существованіе самого Юридическаго Общества, а вмѣстѣ и замѣнившаго „Юридическій Вѣстникъ" періодическаго сборника.

Впрочемъ, лично Муромцеву послѣдніе годы XIX столѣтія принесли возможность вернуться къ профессорской и общественной дѣятельности. Съ 1898 г. С. А. получаетъ лекціи по гражданскому праву и гражданскому судопроизводству въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ. За годъ передъ тѣмъ, по настоянію И. И. Петрункевича, С. А. баллотируется и вновь вступаетъ въ городскіе и земскіе гласные. Однако открывшееся такимъ образомъ поприще не давало еще простора для возобновленія прежней кипучей дѣятельности. Мало отзывчивая въ общемъ аудиторія лицея не особенно вдохновляла профессора, хотя нѣкоторые изъ слушателей и испытывали на себѣ вліяніе лекцій С. А. Что касается городскихъ дѣлъ, имъ С. А. посвятилъ очень много труда и вниманія. Одинъ изъ выпусковъ его „Статей и рѣчей" цѣликомъ посвященъ своду „положеній, которыя С. А. поддерживалъ" въ качествѣ предсѣдателя организаціонной комиссіи и комиссіи по составленію проектовъ обязательныхъ постановленій, а также члена другихъ комиссій московской городской думы. Особенно интересовалъ С. А. вопросъ о предѣлахъ „законодательства" при помощи „обязательныхъ постановленій", допустимаго для органовъ самоуправленія, и объ отношеніи этой функціи мѣстнаго законодательства къ общему закону и къ функціямъ другихъ органовъ управленія. Тщательно разра-

ботанъ имъ вопросъ о круговой московской желѣзной дорогѣ, въ которомъ онъ стоялъ за проектъ съуженнаго кольца. Наконецъ, будущій предсѣдатель Государственной Думы удѣлялъ много вниманія вопросамъ о думскомъ „порядкѣ занятій“, объ избирательной техникѣ и различныхъ процессуальныхъ подробностяхъ. Все это, однако, могло занимать С. А. лишь при отсутствіи болѣе крупнаго дѣла, и отсутствіе это продолжало болѣзненно чувствоваться имъ.

Судьба, наконецъ, улыбнулась С. А. Ему суждено было дожить до новаго, небывалаго періода общественнаго подъема 1904—6 гг. Что всего важнѣе,—и отсутствіе чего особенно тяжело чувствовалось С. А. въ періодъ перваго расцвѣта его общественной дѣятельности,—онъ теперь вдругъ почувствовалъ, что онъ не одинъ и не въ маленькомъ кружкѣ, что онъ можетъ работать на пользу родины въ стройно сомкнутыхъ рядахъ значительной общественной группы, плечо къ плечу съ понимающими его и дорожащими его личнымъ вкладомъ товарищами. Онъ увидалъ, что русское общество, наконецъ, созрѣло до той *организованной* политической дѣятельности, предвѣстія которой онъ такъ внимательно ловилъ въ органахъ русскаго самоуправленія 80-хъ годовъ. И онъ смѣло вступилъ въ ту изъ организованныхъ группъ, которая всего ближе стояла къ кругу его собственныхъ политическихъ и соціальныхъ идей. Русская жизнь, къ великой радости стараго конституціоналиста-демократа, создавала, наконецъ, собственную символику политической борьбы въ „цивилизованныхъ“ формахъ. С. А. горячо откликнулся на призывъ, не подозрѣвая, что высшимъ выраженіемъ и символомъ этого перваго опыта парламентарной борьбы суждено будетъ стать не кому иному, какъ именно ему, Муромцеву.

X. С. А. Муромцевъ—политическій дѣятель.

(1904—1906.)

Первое же сильное впечатлѣніе осуществляющейся на дѣлѣ общественной солидарности сразу встряхнуло С. А. и рѣшило его политическій выборъ. Это были достопамятные дни 6—9 ноября 1904 года, дни земскаго съѣзда въ Петербургѣ. Много разъ С. А. возвращался воспоминаніемъ къ этимъ минутамъ, явившимся для него и откровеніемъ грядущаго, и исполненіемъ старинныхъ, завѣтныхъ надеждъ. „По случайности, зала засѣданія съѣзда (въ

квартирѣ А. Н. Брянчанинова) болѣе чѣмъ когда-либо прообразуетъ собою залу будущей Государственной Думы...“ На очереди— знаменитое десятое положеніе (о законодательномъ или законосовѣщательномъ представительствѣ). Раздаются горячія рѣчи за и противъ; но на чьей сторонѣ большинство—неизвѣстно. Вниманіе напряжено до крайнихъ предѣловъ... Вдругъ изъ менѣе освѣщеннаго угла зала поднимается князь Н. С. Волконскій и отъ имени цѣлой группы присоединяется къ сторонникамъ законодательной думы. „Многимъ почувствовалось, что свершился рѣшающій моментъ засѣданія“, и оставалась уже только дѣловая разработка [1]). По ту сторону „безповоротно принятаго, отвѣтственнаго рѣшенія“ остался Д. Н. Шиповъ, разочарованный и не узнавшій болѣе своего собственнаго дѣтища, переросшаго его самого. Что касается С. А., онъ не колебался ни минуты. Шиповъ—земецъ, и только— земецъ: онъ врагъ бюрократіи, но и врагъ формальныхъ конституціонныхъ гарантій. Муромцевъ—убѣжденный сторонникъ этихъ гарантій, сторонникъ, воспитанный на государственной теоріи европейскаго права, знакомый съ его практикой, привыкшій отличать и понимать въ немъ элементы общечеловѣческой культуры. Раздѣленіе двухъ теченій совершилось: Муромцевъ былъ съ передовой Россіей.

„Не могу передать съ достаточной силой“, писалъ онъ менѣе года спустя [2]), „того торжественнаго свѣтлаго настроенія, которое царило въ средѣ собравшихся (7—9 ноября). Импонирующій обликъ собранія, состоявшаго въ значительной своей части изъ людей уже пожилого возраста, съ вѣсомъ и положеніемъ въ обществѣ; выдающійся внѣшній порядокъ и стройность рѣчей... сознаніе огромной государственной важности возбужденнаго вопроса; признаніе того, что желательная реформа, при всемъ своемъ коренномъ значеніи, должна быть произведена не иначе, какъ при непремѣнномъ и живомъ участіи самой власти... все это изобличало въ участникахъ общеземскаго съѣзда общественныхъ работниковъ, прошедшихъ практическую школу земской дѣятельности и умѣющихъ сочетать интересы индивидуальной и общественной свободы съ государственнымъ значеніемъ предпринятаго ими дѣла. Нельзя сомнѣваться, что общеземскій съѣздъ 6—9 ноября 1904 г. соста-

[1]) См. некрологъ кн. Н. С. Волконскаго въ вып. I „Статей и рѣчей“.
[2]) 29 іюля 1905 г. въ своемъ объясненіи сенатору Постовскому.

вилъ крупное историческое событіе, которое не изгладится со страницъ русской исторіи".

Съ этого момента, по выраженію А. Р. Ледницкаго, „мы видимъ С. А. точно помолодѣвшимъ, живымъ и бодрымъ, съ неописуемымъ подъемомъ, точно вступающимъ въ новую жизнь". Онъ весь и безъ оглядокъ отдается новому движенію. Въ кругу „солидныхъ" московскихъ буржуа, тотчасъ послѣ ноябрьскаго съѣзда 1904 г., онъ развиваетъ и доказываетъ подходящими аргументами тезисы съѣзда. Благодаря, главнымъ образомъ, его авторитетному активному выступленію [1]), въ концѣ того же ноября московская городская дума и совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ принимаютъ опредѣленно-конституціонныя заявленія. Немедленно московскій совѣтъ in corpore ѣдетъ въ Петербургъ, устраиваетъ совмѣстное совѣщаніе съ петербургскимъ, и оба совѣта отправляются къ кн. Святополкъ-Мирскому для заявленія ему о принятомъ рѣшеніи.

Слѣдующій 1905 годъ цѣликомъ занятъ разработкой программъ коренныхъ преобразованій, обсужденіемъ основныхъ вопросовъ на цѣломъ рядѣ земскихъ съѣздовъ, къ которымъ съ іюля присоединяются и городскіе дѣятели,—словомъ, подготовкой всѣхъ наличныхъ общественныхъ силъ къ правильной политической организаціи. Въ этихъ подготовительныхъ работахъ С. А. принадлежитъ одна изъ первыхъ ролей.

Исторія рѣшеній, обсужденныхъ и принятыхъ на съѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей (въ апрѣлѣ, маѣ, іюлѣ, сентябрѣ и ноябрѣ 1905 г.), документально изложена самимъ С. А. въ докладѣ, представленномъ московскому губернскому земскому собранію отъ имени членовъ этого собранія, принимавшихъ участіе въ съѣздахъ. Довольно трудно выдѣлить долю участія въ коллективной работѣ бюро съѣздовъ, которая лично принадлежитъ С. А. Но необходимо все же указать тѣ части работы, которыя должны быть неразрывно связаны съ его именемъ. Уже на страстной и на пасхѣ 1905 г. С. А. принялся за точную юридическую формулировку „освобожденскаго" проекта „основного закона Россійской Имперіи", а также пунктовъ программы объ основныхъ правахъ гражданъ. При этомъ попутно онъ набросалъ уже и нѣкоторыя

---

[1]) „Рѣчь Муромцева отличалась такою силой,—говоритъ А. Р. Ледницкій,—что самые колеблющіеся изъ членовъ совѣта немедленно и тутъ же подписали соотвѣтствующую резолюцію".

положенія будущаго наказа [1]). Вся эта работа осталась, однако, неоконченной до майскаго съѣзда. Тогда рѣшено было фиксировать общественное вниманіе на точныхъ конституціонныхъ формулахъ. Въ основу положенъ былъ проектъ С. А. Послѣ нѣсколькихъ сутокъ непрерывной работы при участіи Н. Н. Щепкина, Ѳ. Ѳ. Кокошкина и Н. Н. Львова 30-го іюня былъ установленъ окончательный текстъ основного закона. Достоинство этой редакціи самъ С. А. указываетъ въ томъ, что въ ней употребленъ „языкъ, терминологія и группировка матеріала, свойственные дѣйствующему законодательству“ [2]). Кое-кого смущала эта близость, кое-кто даже возражалъ противъ отдѣльныхъ пунктовъ проекта, слишкомъ близкихъ къ „дѣйствующему законодательству“. Зато проектъ русской конституціи С. А. оказалъ несомнѣнное практическое вліяніе при выработкѣ текста нынѣ дѣйствующихъ „основныхъ законовъ“,— конечно, въ ихъ лучшихъ частяхъ. Проектъ С. А., впрочемъ, не остался только его личнымъ проектомъ: онъ былъ напечатанъ въ № 180 (отъ 6 іюля) „Русскихъ Вѣдомостей“ (1905 г.), розданъ участникамъ іюльскаго (пятаго) земскаго съѣзда и принятъ en bloc, безъ преній, „въ первомъ чтеніи“. Такимъ образомъ, С. А. явился редакторомъ, а частью и авторомъ перваго проекта русской конституціи, принятаго большой общественной группой.

Кромѣ проекта основного закона, С. А. принадлежитъ ближайшимъ образомъ формулировка I и II главы программы земскихъ съѣздовъ и разработка законовъ о свободахъ.

Въ іюлѣ 1905 г. С. А. представился случай познакомить и петербургскія сферы съ московскимъ движеніемъ, о которомъ въ бюрократическихъ кругахъ имѣли очень слабое представленіе. При посредствѣ директора Александровскаго лицея онъ свидѣлся 3 іюля съ гр. Сольскимъ и велъ съ нимъ продолжительную бесѣду. Графъ Сольскій произвелъ на С. А. впечатлѣніе человѣка, „стоявшаго на высотѣ положенія“, „искренно преданнаго дѣлу народнаго представительства и достаточно просвѣщеннаго въ области конституціонныхъ вопросовъ“. По свидѣтельству С. А., „онъ во многомъ измѣнилъ къ лучшему диковинное творчество Булыгина, и *можно ду-*

---

[1]) Партійное постановленіе о составленіи проекта наказа для Государственной Думы было принято въ засѣданіи центральнаго комитета 19 марта 1906 г., для чего образовалась спеціальная комиссія подъ предсѣдательствомъ С. А. Муромцева. См. Отчетъ центральнаго комитета к.-д. партіи. Спб. 1907, стр. 51.

[2]) См. подробное объясненіе этой стороны проэкта въ запискѣ Постовскому.

мать, что *окончательный* проектъ графа Сольскаго также во многомъ былъ выше закона, опубликованнаго 6 августа 1905 г.". Въ послѣднихъ словахъ, кажется, слѣдуетъ видѣть отголосокъ бесѣды С. А. съ гр. Сольскимъ. Впрочемъ, практическихъ результатовъ отъ этой бесѣды С. А. не могъ ожидать уже потому, что, по сообщенію гр. Сольскаго, послѣднее засѣданіе совѣта министровъ, посвященное обсужденію проекта Булыгина, должно было состояться 4 іюля, на другой день послѣ свиданія съ С. А. Въ концѣ года С. А. имѣлъ случай бесѣдовать и съ гр. Витте и, по его приглашенію, принялъ участіе въ засѣданіи совѣта министровъ, посвященномъ пересмотру избирательнаго закона 6 августа.

Принятыя земскими съѣздами рѣшенія въ совокупности представляли почти въ полномъ видѣ программу будущей партіи народной свободы (конституціонно-демократической). Естественно, что „большинство" съѣздовъ и примкнуло къ этой партіи послѣ ея учредительнаго съѣзда (14—18 октября 1905 г.). Партіи предстояло, прежде всего, выдержать сильный натискъ со стороны болѣе лѣвыхъ общественныхъ элементовъ и отстоять въ глазахъ общественнаго мнѣнія необходимость участвовать въ выборахъ въ первую Государственную Думу, несмотря на несовершенство избирательнаго закона. Не разсчитывая вначалѣ получить большинство на выборахъ, партія, тѣмъ не менѣе, принялась готовиться къ отвѣтственной роли въ Думѣ. Пріемы этой подготовки были тѣ самые, которые еще въ 1880 г. указывалъ Муромцевъ. При его ближайшемъ участіи вырабатывались основные законопроекты, необходимые для немедленнаго осуществленія конституціонныхъ „свободъ" [1]). А самъ онъ былъ заблаговременно намѣченъ партіей въ предсѣдатели будущей Думы и принялся со свойственной ему энергіей и дѣловитостью за подготовку къ этой роли. Такимъ образомъ, въ значительной степени именно С. А. Муромцеву первая Государственная Дума обязана тѣмъ, что введеніе русскаго представительства, дѣйствительно, не застало „врасплохъ" наиболѣе подготовленную часть русской интеллигенціи. Оно застало врасплохъ лишь само правительство. С. А. не разъ разсказывалъ, какъ представители петербургской бюрократіи пришли въ ужасъ, когда узнали, что Дума будетъ работать, не отдыхая,

---

[1]) См. Законодательныя проекты и предположенія партіи народной свободы 1905—1907, Спб., 1907.

въ теченіе всѣхъ каникулъ, не останавливаясь передъ тѣмъ затрудненіемъ, что „министерство новое, не осмотрѣлось, не знаетъ положенія вещей“ и не успѣло еще приготовить своихъ законопроектовъ [1]).

Какъ понялъ С. А. высокую обязанность предсѣдателя перваго русскаго парламента, объ этомъ обстоятельно разсказано въ нѣсколькихъ статьяхъ настоящаго сборника. Своей не только главною, но исключительною задачей на предсѣдательской трибунѣ С. А. считалъ творчество обычнаго парламентскаго права, созданіе той процедуры и нравовъ, которыя явились бы непроницаемой броней парламентской свободы. Выборъ такого предмета, какъ цѣли самой по себѣ, вполнѣ соотвѣтствовалъ и теоретическому взгляду С. А. на творчество права, и практической задачѣ воспитанія русскаго общества въ уваженіи къ праву, автономно создаваемому. Съ этой точки зрѣнія, выработка обязательныхъ нормъ собственнаго поведенія, не допускающихъ никакихъ исключеній по частному случаю, представлялась, безъ сомнѣнія, задачей первостепенной важности для молодого русскаго представительства.

Такое пониманіе задачи, разумѣется, безусловно исключало всякую партійность и всякую политику [2]). Сдѣлавшись предсѣдателемъ, С. А., конечно, не выходилъ тѣмъ самымъ изъ партіи. Но онъ вышелъ формально изъ ея руководящихъ учрежденій и не принималъ съ этой минуты участія въ повседневной жизни фракціи. То невольное самоограниченіе, которое С. А. такимъ образомъ возложилъ на себя, лишило его, конечно, значительной доли непосредственнаго вліянія на матеріальное содержаніе дѣятельности

---

[1]) Статьи и Рѣчи, в. V, стр. 116.

[2]) Значеніе и сознательность жертвы, принесенной такимъ образомъ С. А., можно оцѣнить изъ слѣдующаго сопоставленія. Послѣ достопамятнаго засѣданія московской городской думы 18 октября 1905 года группа московскихъ гласныхъ обратилась къ Муромцеву съ просьбой выставить свою кандидатуру въ городскіе головы на мѣсто вышедшаго въ отставку кн. В. М. Голицына. С. А. отвѣчалъ на предложеніе письмомъ отъ 29 октября, въ которомъ отказался рѣшительно на томъ основаніи, что въ положеніи городского головы „есть нѣчто несовмѣстимое съ ролью политическаго руководителя Думы. Политическое руководство должно идти изъ нѣдръ самой Думы; и только въ этомъ случаѣ политическое настроеніе собранія можетъ быть прочно и можетъ импонировать собранію. Не надо, чтобы политическое настроеніе вносилось авторитетомъ предсѣдателя... Я хотѣлъ бы сохранить за собой то положеніе, которое до сихъ поръ занималъ“. Наоборотъ, въ Гос. Думѣ С. А. пожертвовалъ положеніемъ „политическаго руководителя“ для формальнаго руководства собраніемъ.

первой Думы. Но мы уже видѣли, что вліяніе это сказалось въ подготовительной стадіи, и весьма многіе изъ внесенныхъ фракціей законопроектовъ прошли первую стадію постепенной выработки при ближайшемъ участіи С. А. Точно такъ же несомнѣнно, что и принятая руководящей фракціей первой Думы тактика устраненія ненужныхъ „конфликтовъ“[1]), и ея отношеніе къ основному, сдѣлавшемуся конфликтнымъ, аграрному вопросу вполнѣ раздѣлялись С. А. Прямое указаніе на его личныя мнѣнія по этимъ вопросамъ можно найти въ его защитительной (если можно ее такъ назвать) рѣчи на выборгскомъ процессѣ.

Вмѣстѣ съ своей партіей С. А. усматривалъ тамъ главнѣйшую заслугу первой Думы въ томъ, что она „впервые придала неорганизованному, наполовину стихійному движенію народа формы организованныя“, что она заставила многія партіи „впервые понять, что пора сойти съ почвы митинга и встать на почву организованнаго собранія“, что тѣмъ самымъ эта Дума создала впервые формы легальной борьбы, въ которой предметомъ нападенія явилось министерство, признаваемое отвѣтственнымъ, а не безотвѣтственный монархъ; что, наконецъ, этимъ намѣчена была „хотя *возможность* уменьшенія той пропасти (между обществомъ и правительствомъ), объ уничтоженіи которой мечталъ даже такой государственный человѣкъ, какъ Плеве“. Все это были совсѣмъ не аргументы ad hoc, подсказанные необходимостью защищаться. Это были тѣ основныя политическія аксіомы, внѣдрить которыя въ умы власти и общества С. А. считалъ первой и главной задачей своей общественной дѣятельности, какъ четверть вѣка назадъ, такъ и теперь. Съ другой стороны, уже какъ предсѣдатель, С. А. могъ судить о важности соціальнаго вопроса, поставленнаго Думой, о неотложности его рѣшенія, о силѣ общественнаго давленія въ этомъ направленіи по обширной корреспонденціи, которая получалась на его имя. Это были, съ одной стороны, „цѣлыя кипы обращеній“ изъ рядовъ крестьянства, съ слезными жалобами на земельную нужду: съ другой стороны, „стонъ землевладѣльческаго класса, протестующаго“ противъ аграрной политики Думы: „ничѣмъ не сдерживаемыя надругательства“ надъ Государственной Думой и угрозы по ея адресу. С. А. видѣлъ и то, какъ въ отвѣтъ на угрозы роспу-

---

[1]) См. объ этомъ чрезвычайно поучительную статью Винавера, „Конфликты въ первой Гос. Думѣ,“ въ сборникѣ статей „Первая Гос. Дума“ (Спб. 1906) и отдѣльно.

скомъ, болѣе или менѣе прозрачно высказывавшіяся и со стороны министерства, полился изъ крестьянской среды уже новый потокъ не писемъ, а общественныхъ приговоровъ на имя предсѣдателя, съ требованіемъ, чтобы Гос. Дума „защищалась“, и съ „самыми недвусмысленными“ обѣщаніями „поддержать“ Гос. Думу „въ случаѣ, если на нее послѣдуетъ нападеніе сверху“.

Въ этомъ водоворотѣ взбудораженныхъ соціальныхъ противорѣчій и политическихъ конфликтовъ была одна возможная опорная точка, при помощи которой можно было надѣяться спасти положеніе, не жертвуя только что признаннымъ началомъ новаго строя. Примирить страну съ властью, „уменьшить пропасть“ можно было только при помощи „отвѣтственнаго“ министерства или, какъ выражалась офиціально сама Дума, министерства, избраннаго изъ большинства Гос. Думы. Эта мысль была такъ естественна, такъ неизбѣжна, что она не могла не привлечь вниманія даже тѣхъ людей, которые настаивали на скорѣйшемъ роспускѣ Думы и даже принимали для этого предварительныя мѣры [1]). Тѣмъ болѣе она занимала лицъ, не симпатизировавшихъ этой мѣрѣ или опасавшихся ея. Роспускъ или отвѣтственное министерство—такова альтернатива, оживленно обсуждавшаяся въ сферахъ въ теченіе болѣе мѣсяца передъ окончательной развязкой 9 іюля.

Въ замѣткахъ Муромцева имѣются указанія, свидѣтельствующія о томъ, что не разъ дѣлались попытки привлечь его къ предварительному обсужденію вопроса о „кадетскомъ“ министерствѣ. Первое предложеніе въ этомъ смыслѣ было сдѣлано С. А. въ іюнѣ генераломъ Треповымъ, который, какъ извѣстно, горячо принялся за подготовку этой комбинаціи. Но С. А. эту попытку отклонилъ. Затѣмъ, „по желанію двухъ-трехъ сановниковъ“, С. А. „бесѣдовалъ съ ними у себя о томъ же“. По его словамъ, нѣкоторые изъ сановниковъ показывали себя сторонниками чистаго кадетскаго министерства, другихъ надо было въ этомъ убѣждать“. Далѣе, по прямой просьбѣ А. С. Ермолова, имѣвшаго спеціальное порученіе, С. А. устроилъ ему у себя же, на Николаевской, свиданіе съ пишущимъ эти строки, „открывъ имъ такимъ образомъ возможность обмѣняться своими взглядами на означенный предметъ“. Наконецъ, товарищъ министра С. Е. Крыжановскій, посѣщая С. А. по дѣламъ службы, по словамъ

---

[1]) См. свидѣтельство генерала Рейнбота въ его объяснительной запискѣ передъ преданіемъ суду.

послѣдняго, „дважды заявлялъ о желательности для П. А. Столыпина встрѣчи съ С. А. въ какомъ-либо нейтральномъ мѣстѣ“. Но это „въ исполненіе приведено не было“. Между прочимъ, С. А. сообщаетъ, что С. Е. Крыжановскій „высказалъ воззрѣніе своего шефа о полной желательности и возможности занятія министерскихъ мѣстъ кадетами, при томъ, однако, непремѣнномъ условіи, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ вѣдающее охраной, оставалось въ рукахъ Столыпина или вообще въ рукахъ бюрократіи“.

Въ послѣднемъ указаніи кроется и объясненіе того, почему многократно высказывавшаяся и долго обсуждавшаяся мысль не могла получить никакого практическаго хода. Очевидно, что то, что было „желательно и возможно“ для одной стороны, было нежелательно и невозможно для другой. По существу дѣла С. А., „убѣждавшій“ даже нѣкоторыхъ „сановниковъ“ въ пользѣ к.-д. министерства, конечно, не могъ быть противникомъ этой идеи. Но практически его отношеніе къ вопросу вытекало изъ его положенія предсѣдателя Государственной Думы, непосредственнаго посредника между народомъ и Верховной властью. Онъ не могъ вести „секретныхъ переговоровъ“ или сговариваться съ министерствомъ, стоявшимъ у власти, о портфеляхъ. А другого пути и способа поднять вопросъ, поднять его такъ серьезно, какъ онъ этого заслуживалъ, не было найдено. По выраженію самого С. А., онъ „призыванъ къ обсужденію проектовъ составленія министерства не былъ и никакого „офиціальнаго“ предложенія по этому предмету не выслушивалъ“. Всѣ разговоры, толки и „переговоры“ о кадетскомъ министерствѣ въ теченіе мѣсяца топтались на одномъ мѣстѣ, отражая на себѣ судьбу закулисныхъ вліяній, поочередно одолѣвавшихъ одно другое. Не только до „офиціальныхъ“ предложеній, но даже до сколько-нибудь серьезнаго предварительнаго дѣлового обсужденія дѣло не дошло.

По своему положенію предсѣдателя Гос. Думы, которое ставило С. А. выше предсѣдателя совѣта министровъ, С. А. имѣлъ возможность и непосредственно представляться ко Двору. При иномъ политическомъ положеніи, чѣмъ то, которое сложилось въ 1906 г., а также и при иномъ взглядѣ на задачи предсѣдателя Гос. Думы, С. А., быть можетъ, воспользовался бы свободнѣе этой возможностью, чтобы дать толчокъ для разъясненія политической конъюнктуры. Но при данныхъ условіяхъ С. А. ограничился въ этомъ

отношеніи лишь безусловно необходимымъ. Онъ былъ принятъ при Дворѣ всего трижды: 28 апрѣля въ Петергофѣ, немедленно послѣ своего избранія [1]), 6 мая тамъ же и 11 мая Императрицей Маріей Ѳеодоровной въ Гатчинѣ. Только когда положеніе Государственной Думы стало явно угрожающимъ, С. А. рѣшился попытаться получить аудіенцію съ прямой цѣлью—выяснить положеніе. Но его ходатайство объ ауденціи опоздало. Онъ могъ быть принятъ, какъ ему 9 іюля сообщалъ И. Л. Горемыкинъ, лишь „въ качествѣ частнаго лица". Вечеромъ того же дня послано было и дополнительное указаніе, что пріемъ назначенъ на $12\frac{1}{2}$ часовъ 10 іюля. Однако же 9 іюля состоялся, какъ извѣстно, роспускъ Думы, и оба эти дня, 9 и 10 до вечера, Муромцевъ провелъ внѣ С.-Петербурга, въ Выборгѣ. Самый роспускъ былъ для предсѣдателя Думы въ той же мѣрѣ неожиданностью, какъ и для рядовыхъ ея членовъ.

О настроеніи, съ которымъ С. А. присутствовалъ и предсѣдательствовалъ на совѣщаніи 9—10 іюля въ Выборгѣ, мы имѣемъ его собственное свидѣтельство въ уже цитировавшейся выше его рѣчи во время процесса. Онъ разсказалъ тамъ, что, вернувшись 10 іюля вечеромъ изъ Выборга въ Петербургъ, онъ слышалъ отовсюду однѣ и тѣ же рѣчи („другихъ разговоровъ не было"): что близится возстаніе не въ Петербургѣ, „но въ селахъ и деревняхъ".

„Въ оцѣнкѣ момента тогда люди не расходились, — прибавилъ онъ, — ошибались, — да; но ошибались всѣ одинаково. Ошибались и наверху, ошибались и внизу". Какъ же отнесся С. А. къ указанной возможности? Разумѣется, невѣренъ слухъ, кѣмъ-то пущенный, о произнесенной будто бы имъ фразѣ, которою онъ открылъ совѣщанія въ Выборгѣ: „засѣданіе Гос. Думы продолжается". Ни для С. А., ни для его товарищей по партіи не было ни малѣйшей возможности считать совѣщаніе хотя бы и большинства членовъ Думы, собравшихся въ Выборгъ, за засѣданіе Государственной Думы. И когда представитель обвинительной власти въ процессѣ позволилъ себѣ сослаться на упомянутый слухъ, изъ рядовъ обвиняемыхъ раздалось категорическое опроверженіе. С. А. предсѣдательствовалъ, исполняя общее желаніе, и руководилъ преніями, не позволяя себѣ въ нихъ вмѣшиваться лично. Даже когда ему въ упоръ былъ поставленъ вопросъ, какъ самъ онъ относится къ принимаемому рѣшенію, С. А. отвѣтилъ... молчаніемъ. Онъ не молчалъ, однако,

[1]) См. о затрудненіяхъ, возникшихъ по этому поводу, въ брошюрѣ Винавера.

на процессѣ. „Когда идетъ могучій горный потокъ", говорилъ онъ, то остается „выборъ между двумя возможными формами политики": „строить плотины, чтобы потокъ остановить", или „прорыть каналы и отвести потокъ отъ угрожаемыхъ имъ жилищъ". „Строить плотины" противъ „своего народа" С. А. считалъ „непатріотическимъ" и „антигосударственнымъ". Онъ обращалъ затѣмъ вниманіе судей на то, что „въ выборгскомъ воззваніи раздражаетъ не столько вторая часть, которая ...представляется преступленіемъ, но первая", въ которой „бывшіе депутаты осмѣлились указать народу на опасность, которая грозитъ самому народному представительству". Всѣ эти соображенія не есть защита выборгскаго воззванія. Но С. А. подошелъ въ нихъ такъ близко къ его психологическому объясненію, какъ только позволяли его всегдашнія убѣжденія и его личное положеніе. Онъ далъ зато въ двухъ словахъ также и „психологическое" объясненіе самаго процесса въ мимолетномъ, но достаточно прозрачномъ намекѣ. „Казалось иногда, что нападеніе имѣетъ личный характеръ, что кому-то, въ чью-то угоду, кого-то непремѣнно нужно погубить".

Дѣйствительно, исходъ процесса „погубилъ" С. А., какъ активнаго политическаго дѣятеля, лишивъ его, какъ и другихъ „выборжцевъ", избирательнаго права. Но для С. А., какъ символическаго представителя первой Думы, противъ которой, больше, чѣмъ противъ отдѣльныхъ депутатовъ, была направлена вся „травля", этотъ исходъ имѣлъ свое важное преимущество. Онъ проводилъ черту между отошедшимъ въ прошлое историческимъ прологомъ къ развитію русскаго представительства и его дальнѣйшимъ этапомъ, въ которомъ предсѣдателю первой Думы уже не нашлось бы достойнаго его мѣста. „Губя" политическую репутацію С. А. въ глазахъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находилось ближайшее будущее, его враги тѣмъ самымъ сохраняли цѣльность и законченность его политическаго образа въ памяти потомства.

XI. Послѣдніе годы.

(1907—1910.)

Еще разъ С. А. былъ вынужденъ „независящими обстоятельствами" отойти въ сторону отъ колеса событій... и ждать. Горечь личнаго чувства на этотъ разъ смягчалась сознаніемъ хорошо исполненнаго долга и значительностью полученнаго результата. Она смяг-

чалась и тою увѣренностью, уже прошедшею четверть-вѣковое испытаніе и доказанною фактами, что столбовая дорога русскаго политическаго развитія окончательно проложена и что исторія рано или поздно вернетъ страну на эту самую дорогу. С. А. могъ ждать спокойно. Немало признаковъ указывали ему и его друзьямъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, что ждать придется на этотъ разъ не такъ долго.

Эти общія соображенія, однако, не могли уничтожить горечи невольнаго бездѣйствія, на которое обреченъ былъ снова С. А. Всѣ, наблюдавшіе С. А. въ эти послѣдніе годы, не могли не замѣтить, какъ разрушительно подѣйствовалъ новый переломъ на общее состояніе его здоровья. „Помолодѣвшій“ въ 1904 г., С. А. теперь на глазахъ у всѣхъ дряхлѣлъ и таялъ. Походка становилась нетвердой и старческой. Нервныя подергиванія усиливались. Классическій профиль лица началъ опадать. Въ голосѣ и во взглядѣ впавшихъ глазъ чувствовалось утомленіе. С. А. по мѣрѣ силъ перемогалъ себя, какъ бы чувствуя, что на немъ лежитъ долгъ— пронести черезъ новую полосу реакціи то драгоцѣнное наслѣдіе, символомъ котораго онъ сдѣлался.

Ничѣмъ не поступаясь изъ этого наслѣдія, С. А. внимательно слѣдилъ за ходомъ событій и ловилъ въ нихъ признаки грядущихъ перемѣнъ. Онъ привѣтствовалъ „оппозиціонные выборы“ во вторую Думу послѣ шести мѣсяцевъ „неприличія“, съ которымъ реакціонныя партія и власть „позорили первую Гос. Думу“. Въ этихъ выборахъ, въ которыхъ „люди бюрократической складки“ усматривали только „произведеніе дерзкой интриги нелегальныхъ партій, плодъ недосмотра мѣстныхъ административныхъ властей“, онъ видѣлъ „залогъ дѣйствительнаго политическаго обновленія русской жизни“. Послѣ „государственнаго переворота“, сопровождавшаго роспускъ второй Думы, и послѣ назначенія выборовъ по положенію 3 іюня 1907 г. С. А. спрашивалъ: „если чаемое сверху осуществится, если третьей Думѣ, дѣйствительно, суждено заслужить наименованіе... послушной Думы“, если въ ней „демократическіе элементы или, по меньшей мѣрѣ, демократическія тенденціи не будутъ представлены столь же полно“, какъ въ первыхъ двухъ, „то не сведется ли выигрышъ правительства“ къ тому, что на эту третью Думу, представляющую скорѣе призракъ, нежели дѣйствительность народнаго представительства, страна перенесетъ все то недовѣріе, все то недовольство, которое въ настоящее время она питаетъ къ бюрократіи“? Не будутъ ли при этомъ потеряны плоды

первой встрѣчи крестьянскихъ депутатовъ съ депутатами изъ „господъ“, результаты перваго сближенія двухъ столь различныхъ по своей природѣ соціальныхъ міросозерцаній? Не превратится ли такая Дума въ глазахъ крестьянства изъ народной въ „господскую“ Думу? И не будетъ ли это—„концомъ самой Думы,—концомъ ея вліянія и авторитета?“ [1])

Нѣтъ, отъ побѣды политическихъ противниковъ С. А. ни минуты не ждалъ торжества ихъ взглядовъ. Какъ въ 80-хъ годахъ онъ и теперь сомнѣвался даже въ степени ихъ собственной вѣры въ прочность ихъ побѣды. „Сила кроется въ сознаніи нашей собственной бодрости; она кроется и въ слабости противника“, говорилъ онъ подъ новый 1908 годъ. А только что выйдя въ августѣ того же года изъ тюрьмы, по отбытіи срока заключенія, онъ уже спрашивалъ друзей, отвѣчая на ихъ привѣтствія: „не стоимъ ли мы снова на рубежѣ двухъ политическихъ эпохъ?.. Не открываются ли передъ нами перспективы предстоящей новой работы“? Если „правда, что реакція уже успѣла заплутаться въ темнотѣ захолустныхъ тупиковъ, изъ которыхъ, пожалуй, ей не найдется выхода“, то не начинаетъ ли уже „брезжить свѣтъ новаго движенія на большихъ, прямыхъ дорогахъ“?

Ему отвѣтилъ на эти вопросы успокоительно два года спустя товарищъ по партіи и по тюрьмѣ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ: отвѣтилъ любимымъ изреченіемъ самого С. А. Но—увы!—отвѣтъ данъ былъ уже на его могилѣ. „Сторожъ, близокъ ли разсвѣтъ?“—„Еще темно, но утро близко!“

С. А. скончался скоропостижно, во время сна, 4 октября 1910 года. До новаго разсвѣта онъ не дожилъ. Но онъ завѣщалъ намъ свои надежды и самого себя, какъ воспоминаніе, какъ символъ, какъ знамя. Нашъ долгъ, оставшихся въ живыхъ, нести это знамя дальше, до полной побѣды, или передать его новымъ, молодымъ поколѣніямъ той самой русской интеллигенціи, въ которую такъ вѣрилъ покойный С. А., прошлое которой уже теряется въ глубокой исторической дали, а будущее, освѣщаемое такими свѣточами, какъ предсѣдатель первой Думы, такъ ободряюще ясно.

П. Милюковъ.

---

[1]) Всѣ эти оцѣнки и прогнозы сдѣланы въ 1907 году, въ статьяхъ, помѣщенныхъ во Frankfurter Zeitung, Le Temps и Neue Freie Presse (перепечатаны въ V вып. „Статей и Рѣчей“).

Изъ семейной и личной жизни.

И отецъ, и мать Сергѣя Андреевича Муромцева происходили изъ помѣстныхъ дворянскихъ семействъ центральной Россіи. Мужское поколѣніе въ обоихъ семействахъ проходило военную службу. Общія условія жизни накладывали одинаковыя бытовыя черты на представителей и того, и другого семейства, но каждое изъ нихъ—Муромцевы и Костомаровы—носило свой чрезвычайно опредѣленный отпечатокъ, въ большей или меньшей мѣрѣ налагавшій тѣ же черты на отдѣльныхъ представителей даннаго рода.

Общей чертой Муромцевыхъ было добросердечіе и крайне простое, благожелательное отношеніе къ людямъ. Они были демократичны и просты во всемъ; отличались веселымъ нравомъ и врожденнымъ чувствомъ юмора. Извѣстны были также своимъ хорошимъ, человѣчнымъ обращеніемъ съ крестьянами. Задолго до паденія крѣпостного права въ имѣніяхъ Муромцевыхъ не примѣнялись тѣлесныя наказанія. Зато большинство отличалось легкомысліемъ, безудержностью; бывали безпутны; многіе кутежами и пьянствомъ съ ранней молодости разстраивали свое состояніе и здоровье и окончательно губили свою жизнь. Отъ природы въ большинствѣ они были людьми одаренными. Особенно склонны къ занятіямъ математикой. Въ корпусахъ (всѣ мальчики въ нихъ воспитывались) Муромцевы бывали первыми по математикѣ, какъ бы плохо ни шли другія науки. Это превратилось въ традицію, которою сами Муромцевы гордились.

Очень симпатичной чертой Муромцевыхъ была ихъ исключительная сплоченность и взаимная дружба. Въ ихъ роду не бывало никогда ссоръ, процессовъ и т. п. Муромцевы поддерживали другъ друга; родственная связь между ними, даже для людей, не знавшихъ другъ друга лично, считалась обязывающей на извѣстное

отношеніе. Примѣромъ семейныхъ отношеній можетъ служить слѣдующій разсказъ, передававшійся въ семьѣ. Когда умеръ безъ завѣщанія Алексѣй Никитичъ, дѣдъ Сергѣя Андреевича, оставивъ большое состояніе, все въ землѣ—до 20 имѣній, большихъ и малыхъ, въ разныхъ губерніяхъ,—дѣти (12 человѣкъ), предоставивъ матери самое большое изъ нихъ, Дудино (родовое), съ тѣмъ, чтобы она передала его младшему, малолѣтнему брату по своей смерти,—сами оцѣнили и раздѣлили остальныя на 11 частей, признанныхъ равными по общему соглашенію; затѣмъ было взято 11 листковъ бумаги, на каждомъ обозначена та или другая часть, и мать, взявъ старую фуражку покойнаго отца, положила свернутые трубочкой листки въ фуражку; каждый изъ дѣтей по старшинству вынулъ по листку, и получилъ ту часть наслѣдства, которая была на немъ обозначена. Этотъ дѣлежъ былъ признанъ всѣми окончательнымъ и никогда впослѣдствіи не вызывалъ протеста или недовольства со стороны кого бы то ни было.

Прадѣдъ Сергѣя Андреевича, Никита Алексѣевичъ, отставной гвардейскій поручикъ, вышедшій въ отставку въ 1761 году, былъ богатымъ помѣщикомъ Медынскаго уѣзда, Калужской губерніи. Тамъ находилось родовое имѣніе его (Дудино), но помимо него онъ владѣлъ многими имѣніями въ Тульской, Орловской, Смоленской и другихъ губерніяхъ. Женатъ онъ былъ на Суриной, фрейлинѣ императрицы Елизаветы Петровны. Человѣкъ былъ крутой, державшій въ страхѣ всѣхъ. Жену сына не пускалъ къ себѣ на глаза два года за то, что долго не рожала ему внука, а все дѣвочекъ. Умеръ отъ удара въ припадкѣ гнѣва послѣ проигрыша въ клубѣ.

Сынъ его, Алексѣй Никитичъ (1769—1838),—совершенная противоположность отцу: мягкій, очень добрый человѣкъ: «преступной кротости», говорили въ семьѣ. Онъ безъ разбора раздавалъ всѣмъ, что только могъ. Къ его помощи прибѣгали издалека. Женился въ 1800 г., по любви, на бѣдной дворянкѣ Черниговской губерніи, Прасковьѣ Семеновнѣ Уманецъ. Въ XVIII столѣтіи бывалъ въ походахъ въ Финляндіи и Молдавіи, а въ началѣ XIX служилъ въ «земскомъ войскѣ» 1806 г. и въ ополченіи 1812 года. У него было 14 человѣкъ дѣтей; однимъ изъ младшихъ былъ отецъ Сергѣя Андреевича—Андрей (р. 1818 г.). Изъ братьевъ ближе другихъ ему были Семенъ и Викторъ. Послѣдній, уланскій офицеръ, жившій чрезвычайно весело и широко и совершенно разо-

рившійся, имѣлъ одну дочь, Александру, вышедшую во времена студенчества С. А. и Николая Валеріановича Муравьева (будущаго министра юстиціи) за этого послѣдняго.

Старше обоихъ—и Виктора и Андрея—былъ Семенъ Алексѣевичъ (род. 1815 г.), женатый на полькѣ (Жебровской) и имѣвшій четырехъ сыновей и одну дочь. Семенъ Алексѣевичъ пользовался большимъ уваженіемъ со стороны племянника — Сергѣя Андреевича, и примѣръ дядиной жизни, какъ Сергѣй Андреевичъ самъ часто говорилъ при жизни, былъ для него очень цѣннымъ руководствомъ въ первые годы молодости. Выйдя рано въ отставку, въ дореформенное время Семенъ Алексѣевичъ, кромѣ имѣнія Предтечево (Тульской губ., Новосильскаго уѣзда), треть котораго принадлежала ему, управлялъ по довѣренности имѣніями трехъ большихъ помѣщиковъ въ разныхъ губерніяхъ. Съ реформой—сталъ міровымъ посредникомъ перваго призыва и затѣмъ посредникомъ полюбовнаго размежеванія. Человѣкъ съ сильно развитымъ общественнымъ чувствомъ, гуманный, дѣятельный, справедливый, умный. Пользовался довѣріемъ въ одинаковой мѣрѣ и дворянъ, и крестьянъ, и для всѣхъ, знавшихъ его, былъ большимъ нравственнымъ авторитетомъ. С. А. вообще любилъ всю эту семью, особенно же сына Семена Алексѣевича—Владиміра. Будучи на нѣсколько лѣтъ старше С. А., послѣдній являлся его совѣтчикомъ, старшимъ товарищемъ. Съ наступленіемъ болѣе зрѣлаго возраста эти отношенія потеряли свой характеръ откровенности и умственнаго общенія, благодаря разности жизни и психики каждаго изъ нихъ. Но привязанность и сердечная близость сохранились на всю жизнь. Владиміръ Семеновичъ, оставшійся холостымъ и вышедшій въ отставку артиллерійскимъ генераломъ, живетъ до сихъ поръ въ Предтечевѣ.

Костомаровы представляли собой совсѣмъ иной типъ. Почти всѣ,—въ противоположность Муромцевымъ, отличавшимся физической красотой,—некрасивы. На внѣшности Костомаровыхъ отразилось ихъ татарское происхожденіе. Они отличались строгостью нравовъ; нѣкоторые извѣстны почти аскетическимъ образомъ жизни. Крайне замкнуты и почти до дикости необщительны. Семьи, усадьбы Костомаровыхъ никогда не славились гостепріимствомъ. Менѣе симпатичные изъ нихъ отличались жесткостью, и даже жестокостью натуры. Родовое имѣніе ихъ Харино, Тульской губ., Крапивенскаго уѣзда (принадлежащее теперь двоюрод-

ной сестрѣ Сергѣя Андреевича, дочери брата его матери, Анны Николаевны, Андрея Николаевича), полно самыхъ темныхъ воспоминанiй, относящихся ко временамъ крѣпостного права. И вообще въ Крапивенскомъ уѣздѣ, во многихъ селахъ и мѣстностяхъ, прежде принадлежавшихъ Костомаровымъ и теперь носящихъ имя «Костомарово», «Костомаровка» и т. п., существуютъ цѣлыя легенды о всевозможныхъ крайностяхъ и жестокомъ обращенiи ихъ съ крестьянами.

Съ самаго дѣтства сердце Сергѣя Андреевича лежало гораздо болѣе къ дружной и талантливой роднѣ отца, чѣмъ къ Костомаровымъ. Онъ былъ нѣжно привязанъ къ своей матери (Аннѣ Николаевнѣ), по отцу Костомаровой, но на ней сильнѣе отразилось влiянiе ея матери, Александры Михайловны, урожденной Борщевой. Дочь богатаго помѣщика, бѣлгородскаго уѣзднаго предводителя дворянства, Александра Михайловна (род. 1801 г.) воспитывалась въ Смольномъ и до конца жизни плохо говорила по-русски. Она была властной, энергичной, умной женщиной, которой подчинялись и мужъ, Николай Андреевичъ Костомаровъ,— умеръ отставнымъ генераломъ въ 1864 году,—и взрослыя дѣти, и въ первомъ перiодѣ жизни С. А. Муромцева, его братьевъ и сестеръ играла большую роль. До самой смерти своей († 1875 г.) изъ всѣхъ семерыхъ своихъ дѣтей она особенно близка была именно къ семьѣ своей дочери Муромцевой. Свой родъ Борщевыхъ и родъ Костомаровыхъ она считала выше рода Муромцевыхъ и бракъ своей дочери съ Муромцевымъ — не блестящей партiей. Но зятя скоро полюбила и уважала, совѣтовалась съ нимъ обо всемъ. По вкусамъ и убѣжденiямъ была консервативна и аристократична: за одну изъ ея младшихъ дочерей, некрасивую и поздно вышедшую замужъ, посватался богатый молодой человѣкъ, не дворянинъ, и прiѣхалъ просить ея руки; Александра Михайловна не только не допустила предложенiя, но дала приказанiе лакеямъ удалить его. Такое обращенiе даже въ то время было сочтено слишкомъ крайнимъ, и семьѣ нужно было впослѣдствiи прилагать старанiя для того, чтобы замять это дѣло.

Мать Сергѣя Андреевича, Анна Николаевна, была женщиной домовитой, хлопотливой и робкой, всецѣло преданной мужу и семьѣ. Старшiй сынъ ея, Сергѣй, былъ и ея, и всеобщимъ любимцемъ. До него у Анны Николаевны было трое дѣтей, но всѣ умирали въ возрастѣ до двухъ лѣтъ. Это было большимъ горемъ.

Незадолго до рожденія Сергѣя Андреевича она отправилась въ Сергіево-Троицкую лавру, гдѣ провела долгое время въ молитвахъ о сынѣ, которому св. Сергій, особенно чтимый ею святой, даровалъ бы долгую жизнь, и обѣщала назвать его Сергіемъ. Вскорѣ послѣ Сергѣя Андреевича у нея опять пошли дѣти, но «вымоленный» Сережа, рано, кромѣ того, начавшій проявлять даровитость и отличавшійся красотой, остался всеобщимъ любимцемъ. Въ свою очередь С. А. всегда очень трогательно относился къ матери. Онъ всегда, за исключеніемъ заграничныхъ поѣздокъ, жилъ съ нею, и до, и послѣ своей женитьбы. Уже будучи профессоромъ, онъ продолжалъ занимать въ ея домѣ свою комнату, хотя это для него уже представляло неудобства. Когда въ 1896 г. С. А. переѣхалъ изъ ея дома въ Скатертномъ переулкѣ въ Штатный переулокъ на Пречистенку, Анна Николаевна (которая никогда нигдѣ, кромѣ этого своего дома, въ Москвѣ не жила)—ей шелъ тогда 75-й годъ—переселилась въ свою очередь къ нему и такъ не разставалась съ нимъ до смерти. Своихъ дѣтей С. А. воспиталъ въ особомъ къ ней отношеніи, въ привычкахъ (помимо привязанности) почти несовременнаго почтенія, выражавшагося и во внѣшнихъ проявленіяхъ. Въ послѣдніе годы ея жизни онъ свободные часы своихъ вечеровъ почти всегда проводилъ у нея, въ ея небольшой гостиной, рядомъ съ его комнатами, и атмосфера нѣжности этихъ вечеровъ, которую никто, кромѣ домашнихъ, не могъ наблюдать, открыла бы біографу С. А. мало знакомую въ немъ область чувства, которую, благодаря его исключительной сдержанности, немногіе могли въ немъ подозрѣвать.

Отецъ С. А. былъ дѣтямъ дальше. Они его побаивались. Вспоминая свое дѣтство, С. А. впослѣдствіи самъ не объяснялъ себѣ почему, такъ какъ отецъ его, предоставляя ихъ всецѣло заботамъ матери, мало ихъ видѣлъ, но никогда не наказывалъ, что въ то время было рѣдкостью, и очень любилъ—не жалѣлъ ничего для ихъ здоровья и воспитанія и гордился ими. Подобное отношеніе, по словамъ С. А., могло быть слѣдствіемъ того, что Андрей Алексѣевичъ имѣлъ въ характерѣ сильно развитую черту, отличающую многихъ Муромцевыхъ и унаслѣдованную и самимъ Сергѣемъ Андреевичемъ отъ отца,—застѣнчивость въ выраженіи своихъ чувствъ, которая проявляется въ необычной внѣшней холодности, дѣтьми не понимаемой. Помимо этого, по натурѣ Андрей

Алексѣевичъ былъ очень вспыльчивъ и обуздывалъ себя сознательно (такъ какъ можетъ быть и стѣснялся въ себѣ этого недостатка), но не всегда удачно, и вспышки его гнѣва внушали страхъ домашнимъ.

И Сергѣй Андреевичъ, а въ особенности его братъ Николай и двоюродный братъ Владиміръ Семеновичъ Муромцевъ хорошо помнили свое дѣтство и любили сообща вспоминать разныя событія и судьбу своего рода, разныя даты и общую хронологію, начиная съ пра-пра-дѣдовъ, у нихъ сохранилось не мало старыхъ писемъ и другихъ родовыхъ бумагъ, до записныхъ книжекъ старшихъ представителей семьи включительно...

Раннія воспоминанія связаны были у С. А. съ переѣздами первыхъ годовъ жизни. У него и его младшаго брата имѣлись даже сдѣланные ими позднѣе рисунки ихъ дорожной кареты и подробное описаніе ея: откидныя ступеньки, сзади привинченная колясочка съ верхомъ, на мѣстѣ запятокъ, для прислуги; на верху, какъ теперь на автомобиляхъ, мѣста для «шляпниковъ» и «важъ» (важи—невысокіе, длинные, плоскіе сундуки, $2^1/_2$ арш. длиной, черной кожи, для дамскихъ платьевъ, и т. д.).

Лѣто 1857 г. дѣти провели у бабушки въ Харинѣ. По дорогѣ назадъ въ Псковскую губернію заѣзжали въ Троицкую лавру поклониться мощамъ св. Сергія. Въ Москвѣ карету поставили на открытую площадку пассажирскаго поѣзда Николаевской жел. дороги, съ которымъ до станціи Чудово ѣхала семья, и сѣли въ нее опять въ Чудовѣ.

Не дослуживъ два года до генеральскаго чина (къ огорченію жены), Андрей Алексѣевичъ, соскучившись по помѣщичьей жизни, пріобрѣлъ въ Новосильскомъ уѣздѣ, Тульской губ. около 600 десятинъ земли съ усадьбой—имѣніе Лазавка, перешедшее затѣмъ къ С. А. Выборъ мѣста обусловливался тѣмъ, что въ 40 верстахъ находилось имѣніе Предтечево, раздѣленное между тремя братьями Муромцевыми (Андреемъ, Семеномъ и Алексѣемъ Алексѣевичами), родовое, гдѣ и жили старшіе братья; но въ части Андрея Алексѣевича не было усадьбы, и онъ не могъ тамъ съ удобствомъ поселиться всей семьей. Выйдя въ отставку, Андрей Алексѣевичъ посвятилъ себя сельскому хозяйству, которымъ занимался, какъ всѣ помѣщики, по-барски, но съ увлеченіемъ. Два года, до октября 1860 года, вся семья прожила безвыѣздно въ деревнѣ. Дѣтство свое, особенно этотъ періодъ, С. А. и его братъ

и сестры вспоминали всегда съ благодарнымъ чувствомъ, особенно по отношенiю къ матери.

Дѣтей воспитывали просто. Только до 4—5 лѣтъ у старшихъ, Сергѣя и Николая, была няня. Послѣ нея не было у нихъ ни гувернантокъ, ни репетиторовъ, и въ деревнѣ они были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ. У сестеръ (младшихъ) была нѣмка, Амалія Ѳеодоровна, прожившая въ семьѣ долгіе годы, но мальчиковъ она не касалась. Мать сама подготовила ихъ къ первому классу гимназіи. Для того, чтобы имѣть время учить ихъ, она, выкормившая всѣхъ старшихъ дѣтей сама, отдала послѣднихъ кормилицѣ (послѣ долгихъ колебаній и обсужденій, такъ какъ подобное въ семьѣ не водилось и не одобрялось). Отецъ занимался съ дѣтьми ариѳметикой. Средства семьи были среднія, и весь бытъ, благодаря также вкусамъ отца,—простой. Вліяніе бабки Костомаровой сказывалось позднѣе, въ Москвѣ, но отъ всякой цензуры, строгости въ выборахъ знакомствъ, соблюденія приличій и т. п. болѣе страдали сестры.

По словамъ семьи С. А. въ дѣтствѣ онъ обладалъ громаднымъ воображеніемъ, постоянно занятымъ новымъ творчествомъ. Имѣя около себя дѣтей младше себя (братъ его къ тому же отличался необыкновенно кроткимъ нравомъ, во всемъ ему подражалъ и являлся безпрекословнымъ выполнителемъ всѣхъ его фантазій), С. А. являлся естественнымъ руководителемъ и организаторомъ игръ. Игралъ онъ постоянно, и до поздняго времени,—почти до окончанія гимназіи; постоянно изобрѣталъ новыя занятія, и не на кратковременный періодъ, а иногда на цѣлые мѣсяцы и годы. Такъ, еще съ 10-тилѣтняго возраста началась игра въ «государство», изъ года въ годъ дѣлавшаяся все болѣе и болѣе сложной и организованной. Государство «Лазавка» (резиденція главы его, Сергѣя Андреевича,—домъ) было конституціоннымъ, имѣло верхнюю и нижнюю палату. Надъ сочиненіемъ исторіи этого государства С. А. много трудился, и написалъ законченную тетрадь, съ выдержанной хронологіей, описаніемъ событій и т. п. Параллельно шла игра въ желѣзныя дороги, также прекращавшаяся осенью съ переѣздомъ въ Москву и возобновлявшаяся лѣтомъ. Вся усадьба была покрыта сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Было составлено расписаніе, обозначены станціи. Въ продолженіи двухъ лѣтъ онъ (въ возрастѣ 9—10 л.) издавалъ ежедневный журналъ, не пропустивъ ни одного дня; остановив-

шись на извѣстномъ форматѣ писчей бумаги и взявъ за образецъ, по внѣшности, получаемыя отцомъ разъ въ недѣлю московскія газеты, онъ каждый вечеръ составлялъ, конечно, рукописно, свой номеръ, въ которомъ описывались всѣ событія, происшедшія за день, какъ-то: событія дѣтской жизни—здоровье, поведеніе дѣтей; все происшедшее за день на гумнѣ, на скотномъ дворѣ и т. д. Газета эта уже не имѣла ничего общаго съ фантастическимъ государствомъ (два занятія шли параллельно) и передавала реальныя событія. Чтобы свѣдѣнія были точны и обширны, требовалось за день побывать вездѣ, все узнать; на каждомъ изъ младшихъ лежала обязанность слѣдить за одной изъ мѣстностей—кухней, дѣтской, садомъ, и т. д. Газету каждый день С. А. клалъ на столъ, на мѣсто отца, передъ тѣмъ, какъ тотъ выходилъ утромъ пить чай, и родители ее читали, а иногда пользовались ею для справокъ.

Въ октябрѣ 1860 года вся семья переѣхала въ Москву, въ Скатертный пер., у Никитскихъ Воротъ, въ домъ бабушки Костомаровой, уступившей дочери съ семьей антресоли одного дома (низъ сдавался) и жившей сама съ мужемъ, черезъ дворъ, въ другомъ. Переѣздъ былъ вызванъ рѣшеніемъ отдать въ гимназію старшаго сына, которому минуло 10 лѣтъ. Со времени поступленія въ гимназію въ деревню ѣздили на лѣто. Въ Москвѣ С. А. съ братомъ занимали одну комнату. Рядомъ жили двѣ сестры съ гувернанткой, двое маленькихъ (Лоло и Нюта) росли отдѣльно—благодаря разницѣ лѣтъ—и въ общей жизни старшихъ дѣтей не принимали участія. Мальчики утромъ вставали, шли въ гимназію одни; они сами должны были слѣдить за порядкомъ въ комнатѣ, считать и убирать въ комодѣ свое бѣлье. Въ исполненіи этихъ обязанностей они смѣняли другъ друга понедѣльно.

Въ Москвѣ родители С. А. продолжали вести семейный, спокойный образъ жизни, лишенный свѣтскости (визиты, балы начали свое существованіе, когда стали подрастать дочери). Поддерживались отношенія съ родней, соблюдались всѣ семейныя торжества; ежегодно говѣли, а каждое воскресенье вся семья бывала у обѣдни, а затѣмъ проводила день у бабушки. Дѣтямъ тамъ было скучно: у бабки все было чопорно, строго; впрочемъ, внуковъ, особенно этихъ, дѣтей любимой дочери, и особенно «своего прекраснаго Сережу»—бабушка любила, дарила ихъ, позднѣе устраивала для нихъ вечера, развлеченія. Только всегда по своему вку-

су, находя всякое нововведеніе въ этомъ отношеніи (даже домашніе спектакли) неприличнымъ. Мать каждый вечеръ проводила у своей матери, — и этотъ порядокъ ничѣмъ не нарушался, кромѣ случаевъ болѣзни дѣтей и т. п. Сама Анна Николаевна отличалась исключительнымъ здоровьемъ; во всю жизнь никогда не болѣла и не лѣчилась, и даже при рожденіи дѣтей она не всегда прибѣгала къ помощи повивальной бабки, а справлялась одна со старой нянькой.

Мальчики, одни въ своей комнатѣ, учили уроки, читали, ложились спать. Родители не опасались оставлять ихъ безъ присмотра. Крайне предпріимчивый, дѣятельный,—старшій изъ нихъ проявлялъ эти черты въ постоянномъ изобрѣтеніи новыхъ игръ, занятій, въ видѣ вышеописанныхъ; младшій былъ тихимъ ребенкомъ. «Озорства», мальчишескихъ шалостей за ними не водилось. Вообще всѣ четверо дѣтей были очень дружны; въ этомъ отношеніи ихъ ставили въ примѣръ. Слушались старшаго. Въ играхъ онъ бывалъ деспотиченъ, требовалъ педантичнаго выполненія созданныхъ имъ же правилъ. Если «поѣздъ» опаздывалъ по расписанію, «корреспонденты» доставляли въ «редакцію» неточныя свѣдѣнія, сердился, приходилъ въ отчаяніе. Съ 17—18-тилѣтняго возраста С. А. отдѣлился отъ младшихъ; тогда ему уже стало тѣсно въ патріархальной обстановкѣ и узкомъ кругѣ интересовъ дома. Младшіе не поспѣвали за нимъ. Въ этомъ возрастѣ вообще въ немъ произошелъ переломъ. Творческая энергія начинала направляться «внутрь». Для другихъ—у него исчезла живость. Онъ все больше уходилъ въ себя. Исчезла потребность откровенности, внѣшнихъ проявленій.

Въ гимназіи С. А. учился хорошо. Былъ вторымъ, третьимъ ученикомъ. (Ученіе давалось ему легко, безъ особаго прилежанія). Первымъ ученикомъ во время всего курса былъ въ его классѣ необыкновенно прилежный, тихій мальчикъ—Костя Андреевъ (теперь—деканъ математическаго факультета въ Московскомъ университетѣ). Передъ выпускнымъ экзаменомъ С. А. изъ самолюбія подтянулся, и выдержалъ его не только на круглое 5, но вообще блестяще, и получилъ медаль наравнѣ съ Андреевымъ. Въ семьѣ его положеніе «любимца» имѣло для него и тяжелыя стороны. Имъ гордились, надъ нимъ дрожали, но и требовали отъ него больше, чѣмъ отъ другихъ. Казалось естественнымъ, чтобы онъ всегда, во всемъ былъ первымъ. Разъ учитель латинскаго языка поставилъ ему единицу. Это было домашней трагедіей; мать плака-

ла; въ домѣ объ этомъ говорили шопотомъ; нѣсколько дней царила атмосфера несчастія. С. А. вспоминалъ, какимъ преступникомъ онъ тогда себѣ казался. Подобное отношеніе доставило ему въ дѣтствѣ много страданій самолюбія.

Въ четвертомъ классѣ гимназіи онъ задумалъ издавать журналъ «Польза», и привлекъ къ этому дѣлу нѣкоторыхъ изъ своихъ гимназическихъ товарищей. Напечаталъ бланки съ объявленіемъ и программой журнала, принялся за это горячо. Но остался скоро одинъ: дѣло къ его сожалѣнію не нашло достаточно энергичной поддержки въ классѣ.

Въ отроческіе годы его страстью сдѣлался театръ. 28 декабря 1860 г. его съ братомъ въ первый разъ повезли въ театръ; въ Большомъ театрѣ шла пьеса «Старый Капралъ». 28 дек. 1910 года братъ Сергѣя Андреевича праздновалъ 50-тилѣтіе этого событія; взялъ на этотъ вечеръ ту же ложу въ Большомъ театрѣ, № 2, бельэтажа, слѣва, самъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, какъ 50 лѣтъ назадъ, а на мѣсто С. А. посадилъ его сына Владиміра. Позднѣе С. А. брали иногда въ Итальянскую оперу. Будучи во второмъ классѣ гимназіи, онъ видѣлъ «Горе отъ ума», которое шло тогда въ блестящемъ составѣ (Щепкинъ, Ольгинъ, Васильева, Колосова), но съ многими цензурными урѣзками, а позднѣе—«Ревизора» Гоголя. Всѣ близкіе С. А. знаютъ его особую привязанность къ этимъ двумъ произведеніямъ. Между прочимъ, въ послѣдній вечеръ своей жизни, проведенный имъ въ своей семьѣ (3 октября), С. А. продекламировалъ сыну два дѣйствія изъ «Горе отъ ума», и былъ очень озабоченъ, что не все вспомнилъ, рѣшилъ непремѣнно подучить. «Горе отъ ума» имъ съ братомъ было еще въ тѣ годы выучено все наизусть. Кромѣ того, онъ самъ сочинялъ либретто оперъ, пьесъ и т. д. Маленькими играли такъ: изъ книгъ на столѣ дѣлались декораціи. Коробочки, шашки были актерами. С. А. былъ и режиссеромъ, и актеровъ передвигалъ, и пѣлъ за нихъ же. Позднѣе устраивали спектакли сами. Въ возрастѣ 17—19 лѣтъ—уже съ настоящими декораціями, гримомъ и костюмами. Бабушка предоставляла свой залъ, раздѣленный на-двое по архитектурѣ старыхъ домовъ. Репетировали, устраивали декораціи задолго. С. А. былъ душою дѣла. Но вначалѣ устройство этихъ спектаклей стоило большой борьбы. Выбранныя пьесы подвергались строгой цензурѣ. Водевиль, въ которомъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: «я поцѣловалъ ее въ губы», былъ разрѣшенъ

лишь при условіи, если эта фраза будетъ выпущена. Въ 1868 г. ставилась пьеса «Женихъ-мандаринъ», сочиненіе Н. В. Муравьева, бывшаго курсомъ ниже С. А. Въ это время С. А. былъ съ нимъ близокъ; отцы ихъ дружили и поощряли знакомство. Вскорѣ Муравьевъ женился на двоюродной сестрѣ С. А., Александрѣ Викторовнѣ Муромцевой. Вѣнчались потихоньку, противъ воли родителей съ той и съ другой стороны. У Муравьева былъ состоятельный дядя, получившій за заслуги по государственной службѣ въ Сибири титулъ графа Амурскаго; не имѣя дѣтей, онъ завѣщалъ титулъ и состояніе племяннику; женитьба послѣдняго на бѣдной дѣвушкѣ разгнѣвала дядю; онъ (такъ же, какъ и отецъ Муравьева) не пустилъ молодыхъ на глаза, и, измѣнивъ завѣщаніе въ пользу младшаго племянника, лишилъ будущаго министра юстиціи всякаго наслѣдства. Муромцевы почему-то тоже были недовольны этимъ бракомъ, и молодые Муравьевы не бывали и у родныхъ невѣсты. Отъ этого брака было трое дѣтей, но всѣ умерли.

Въ первые годы по возвращеніи изъ-за границы, С. А. очень сблизился съ младшей сестрой своей — Анной, бывшей на 10 лѣтъ моложе его—тогда 13 или 14-тилѣтней дѣвочкой. Онъ полюбилъ ее за ея необычную живость и одаренность. Къ 17-ти годамъ она сдѣлалась и внѣшне очень привлекательной и была блестящей дѣвушкой, пользовавшейся успѣхомъ. Не считая для этой изъ своихъ сестеръ достаточнымъ то образованіе, которое въ семьѣ давалось дочерямъ, онъ самъ занимался съ нею, направлялъ ее и удѣлялъ ей много времени. Выросши, она стала его самой близкой сотрудницей и помощницей въ его занятіяхъ. Такъ, когда С. А. взялъ въ свои руки «Юридическій Вѣстникъ», она была секретаремъ изданія и всецѣло себя ему посвящала. Въ январѣ 1882 г. С. А. женился; въ томъ же году Анна Андр. тоже вышла замужъ, за Огнева, и въ 1883 году въ маѣ умерла, оставивъ трехмѣсячнаго сына. Эта смерть была для С. А. большимъ ударомъ.

Отецъ С. А. умеръ, когда послѣднему было 29 лѣтъ. Случилось это такъ: вся семья сидѣла въ гостиной, Андрей Алексѣевичъ, чувствовавшій себя послѣднее время не по себѣ, вышелъ на балконъ, сказавъ, что онъ пойдетъ пройтись, и попросилъ приготовить ему чаю; переступивъ порогъ, онъ вдругъ упалъ; когда подошли къ нему, онъ былъ уже мертвъ. Анна Николаевна, не привык-

шая къ самостоятельной жизни, съ этого времени отдала себя подъ опеку старшему сыну.

Позднѣйшая жизнь и дѣятельность С. А. уже болѣе широко извѣстна. Скажу только кое-что о болѣе интимной сторонѣ этого періода жизни. С. А. былъ исключительно привязанъ къ своимъ дѣтямъ и остался въ ихъ воспоминаніи, окруженный самой горячей любовью и признательностью. Дѣти помнятъ его постоянно занятымъ, постоянно за работой, крайне сдержаннымъ и ровнымъ со всѣми, но очень нѣжнымъ и ласковымъ въ кругу самыхъ близкихъ людей. О его тревогахъ и заботахъ даже домашніе узнавали часто со стороны. Съ тѣми, кого онъ любилъ, онъ дѣлился только хорошимъ, беря на себя одного все тяжелое. С. А. былъ необыкновенно щедръ, никогда никому не отказывалъ въ поддержкѣ. Онъ почти никогда не говорилъ о себѣ. Въ работѣ онъ былъ исключительно точенъ, аккуратенъ, успѣшнѣе всего работалъ или рано утромъ, или поздно вечеромъ. Когда былъ чѣмъ-нибудь озабоченъ, или когда за работой приходила въ голову новая мысль, во что нужно было углубиться, вставалъ изъ-за письменнаго стола и ходилъ по комнатѣ, положа руки за спину. Любилъ опредѣленный, точный распорядокъ дня. Во всѣхъ своихъ привычкахъ былъ крайне консервативенъ, всегда писалъ тѣми же перьями, употреблялъ ту же бумагу, тотъ же покрой платья, всегда его кабинетъ и письменный столъ были обиты темно-красной матеріей (бордо). Любилъ простую обстановку, простой столъ, никогда не игралъ въ карты, не пилъ вина, не курилъ. Когда работалъ, любилъ, чтобы въ его кабинетѣ былъ кто-нибудь изъ дѣтей. Дѣтей своихъ училъ самъ, составлялъ для нихъ учебники, лекціи. Когда они болѣли,— самъ ходилъ за ними, былъ сидѣлкой и просиживалъ съ ними цѣлыя ночи. Свѣтской жизни не любилъ; вѣрнѣе, въ его взрослой жизни ей не было мѣста. Несмотря на крайне интенсивную постоянную работу, взрослымъ никогда не болѣлъ, кромѣ того, что одинъ періодъ, лѣтъ десять тому назадъ, страдалъ очень сильными головными болями вслѣдствіе мозгового переутомленія. Сохранялъ свои силы исключительно благодаря правильной жизни, лишенной всякихъ излишествъ. Въ первый разъ лѣчился въ лѣто 1910 г., передъ своей смертью.

В. Н.

Къ характеристикѣ С. А. Муромцева.

(Изъ личныхъ воспоминаній.)

Мы встрѣтились впервые съ Сергѣемъ Андреевичемъ въ 1867 году студентами юридическаго факультета Московскаго университета, при чемъ я былъ старше однимъ курсомъ; тогда же завязалась наша дружба, ничѣмъ не нарушавшаяся до конца жизни Сергѣя Андреевича.

Во все время студенчества, которое для меня окончилось въ 1870, а для Муромцева въ 1871 году, мы встрѣчались часто и въ университетѣ, и у общихъ знакомыхъ, изъ нихъ всего чаще у князя Л. С. Голицына, тоже штудировавшаго въ Московскомъ университетѣ, и у братьевъ Мартыновыхъ. Но къ небольшому кружку студентовъ, задавшемуся цѣлью практическаго, по подлиннымъ дѣламъ, изученія новаго тогда судебнаго дѣла, въ каковомъ кружкѣ Сергѣй Андреевичъ былъ какъ бы предсѣдателемъ, я не принадлежалъ. Въ составъ этого кружка входили, кромѣ Муромцева, студенты: Жданъ-Пушкинъ (рано умершій), Муравьевъ (бывшій министръ юстиціи), Духовской (покойный профессоръ Московскаго университета), А. С. Стишинскій, князь Л. С. Голицынъ, Ханенко, Фуксъ и Протасовъ. Въ этомъ кружкѣ, получавшемъ при содѣйствіи профессорской коллегіи изъ окружнаго суда подлинныя, уже разрѣшенныя уголовныя дѣла, дѣла эти изучались и затѣмъ по каждому изъ нихъ происходило примѣрное судебное засѣданіе, по возможности съ соблюденіемъ надлежащихъ формъ и обрядовъ судопроизводства. На кого-либо возлагалась обязанность докладчика фактической стороны дѣла, затѣмъ выбирались обвинитель и защитникъ, присяжные и коронные судьи и, наконецъ, предсѣдатель, функціи котораго обычно бралъ на себя Муромцевъ. Обвинителемъ чаще всѣхъ выступалъ Муравьевъ, какъ

бы намѣтивъ этимъ уже тотъ будущій путь, который привелъ его на постъ министра юстиціи.

Тогда же рельефно сказались особенности талантливой личности С. А. Муромцева, какъ будущаго судебнаго и общественнаго дѣятеля: совершенная объективность, спокойствіе и поразительное умѣніе быстро собрать расплывшіяся, неясно высказанныя мысли, конкретизировать ихъ, очистить отъ всего лишняго и выразить въ точной, сжатой, строго опредѣленной формѣ. Въ немъ сказывался уже тогда незамѣнимый предсѣдатель и юрисконсультъ. Эти качества Сергѣя Андреевича проявлялись не только на занятіяхъ кружка, о которомъ я говорилъ, но на всѣхъ нашихъ студенческихъ частныхъ собраніяхъ, всегда сопровождавшихся долгими и горячими спорами по вопросамъ, волновавшимъ въ ту пору молодежь и вращавшимся наиболѣе въ сферѣ вводившихся тогда и ожидавшихся реформъ государственно-общественнаго строя Россіи. Всѣ мы, я помню, восхищались умѣніемъ Сергѣя Андреевича схватить нашу же мысль и, выведя ее изъ почти хаотическаго состоянія, выразить ясно, рельефно, дать ей именно ту форму, которая ей необходима, и тѣмъ уяснить ее намъ же. Авторитетъ Сергѣя Андреевича поэтому, а также въ виду общей его талантливости, благородства мыслей, солидности и отсутствія всего мелочного, пошлаго, между товарищами былъ очень великъ, тѣмъ болѣе, что мы знали, какъ серьезно онъ работалъ въ научномъ направленіи, въ особенности по римскому праву, которое привлекло его именно опредѣленностью и строгостью своихъ положеній и формулъ.

Въ тѣ годы, про которые я теперь говорю, московское студенчество, въ той его части, въ которой я вращался,—а часть эта состояла изъ весьма разнообразныхъ элементовъ,—не увлекалось еще активной „политикой“ и хотя было настроено вполнѣ либерально, не шло еще въ ряды политическихъ дѣятелей и агитаторовъ, и возникшая уже тогда мысль о необходимости „идти въ народъ“ не приводилась въ исполненіе до окончанія курса. Возникавшіе и тогда, незначительные впрочемъ, студенческіе безпорядки, въ которыхъ и намъ доводилось принимать то или другое участіе, носили характеръ академическій. Припоминаю „Полунинскую“ исторію, повлекшую за собой исключеніе довольно многихъ студентовъ, въ пользу которыхъ немедленно же былъ учрежденъ тайный сборъ; припоминаю демонстративное чествованіе студентами считавшихся прогрессивными профессоровъ Чичерина, Рачинскаго, Дмитріева,

оставившихъ университетъ вслѣдствіе принципіальнаго несогласія съ реакціоннымъ направленіемъ господствовавшей тогда части профессоровъ; припоминаю нѣсколько сходокъ на старомъ университетскомъ дворѣ, „подъ деревомъ“, и около анатомическаго театра (ни того, ни другого теперь не существуетъ болѣе), состоявшихся по иниціативѣ студентовъ Петровской академіи, кончившихся, кажется, ничѣмъ; но того движенія, которое теперь имѣется между студентами, тогда не существовало. Надо имѣть въ виду, что шестидесятые годы относились еще къ „эпохѣ великихъ реформъ“, правда далеко не завершившихся, но уже давшихъ обществу уничтоженіе крѣпостного права, городское и земское самоуправленіе, судъ на новыхъ началахъ, а потому въ студенчествѣ мечталось тогда и говорилось объ участіи въ дѣятельности вновь созданныхъ либеральныхъ органовъ, о развитіи ихъ и о дальнѣйшихъ реформахъ, вѣнцомъ которыхъ неизбѣжно должно было явиться опирающееся на мѣстное самоуправленіе полноправное участіе общества въ государственномъ законодательствѣ. Никто изъ насъ въ этомъ не сомнѣвался даже, и мы открыто говорили объ этомъ между собою, разсчитывая по мѣрѣ силъ содѣйствовать осуществленію идеала государственнаго устройства, выработаннаго наукой на западѣ.

Къ такимъ же воззрѣніямъ примыкалъ и Сергѣй Андреевичъ, не принимавшій, насколько мнѣ извѣстно, какъ и всѣ ближайшіе его товарищи, участія въ какомъ-либо подпольномъ политическомъ движеніи. Къ тому же Сергѣй Андреевичъ настолько былъ поглощенъ научной работой, что у него не могло быть много свободнаго времени. Вліяніе Сергѣя Андреевича на товарищей въ этомъ отношеніи было велико и плодотворно, и именно ему обязаны очень многіе изъ нихъ тѣмъ, что, увлекаясь его примѣромъ и подчиняясь его обаянію и совѣтамъ, не ограничивались въ университетѣ случайнымъ, кое-когда, посѣщеніемъ лекцій да зубреніемъ ихъ передъ самымъ экзаменомъ, а, выбравъ ту или другую отрасль юридической науки, основательно, часто подъ руководствомъ профессора, изучали ее. Уже и въ студенческіе годы серьезный, сосредоточенный на видъ Муромцевъ не былъ, однако, сухимъ педантомъ, не признающимъ ничего въ мірѣ, кромѣ книги. Напротивъ, много работая и въ это время дѣйствительно замыкаясь, онъ, въ часы отдыха и перерыва занятій, охотно проводилъ время въ обществѣ товарищей и былъ, какъ оно и полагается въ

здоровой молодости, оживленъ и веселъ. Всѣ мы его любили и уважали.

Въ особенно близкой дружбѣ во время студенчества Сергѣй Андреевичъ состоялъ съ упомянутымъ уже мною княземъ Л. С. Голицынымъ. Свело ихъ, главнымъ образомъ, увлеченіе обоихъ римскимъ правомъ и читавшимъ его еще тогда профессоромъ, знаменитымъ Н. И. Крыловымъ. Оба они были ближайшими и любимыми учениками Крылова, постоянно его посѣщавшими и работавшими по его указаніямъ. Оба они, избравъ своей спеціальностью римское право, мечтали объ ученой карьерѣ и вмѣстѣ готовились къ ней. Князь Голицынъ представлялъ собою личность далеко не заурядную, а въ полной мѣрѣ интересную, оригинальную. Онъ воспитывался первоначально заграницей и въ первое время по пріѣздѣ, еще юношей, въ Россію плохо говорилъ по-русски, что не помѣшало ему поступить на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Но эта служба не удовлетворила Голицына, его влекло къ довершенію своего образованія, и онъ, оставивъ службу, быстро подготовился, выдержалъ выпускной гимназическій экзаменъ и поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ и познакомился съ Муромцевымъ. Жилъ Голицынъ, обладавшій порядочными матеріальными средствами, въ Кокоревской гостиницѣ. Не менѣе въ общемъ года студенческой своей жизни Сергѣй Андреевичъ прожилъ съ Голицынымъ въ разное время, урывками, въ „Кокоревкѣ“, хотя семья его имѣла постоянную квартиру въ Москвѣ. Эта совмѣстная жизнь была удобна и потому еще, что Голицынъ взялъ на себя изданіе, а Муромцевъ составленіе лекцій по Римскому праву (исторія и догма). Лекціи эти были и составлены, и изданы превосходно, и цѣлый рядъ поколѣній студентовъ изучали по нимъ впослѣдствіи римское право. Сергѣй Андреевичъ принималъ также участіе въ составленіи лекцій по государственному праву, которое въ то время читалось профессоромъ Сергѣевичемъ. Въ этомъ, тоже голицынскомъ, изданіи работали надъ лекціями еще, помнится, студенты Маковскій (нынѣ членъ московской судебной палаты) и Ханенко.

Дружба и близость Сергѣя Андреевича съ Голицынымъ продолжалась и по окончаніи ими университетскаго курса. Слѣдовавшій за этимъ годъ они провели почти полностью вмѣстѣ, во Владимірской губерніи, въ имѣніи Голицына, гдѣ оба, въ особенности же Сергѣй Андреевичъ, продолжали научныя занятія. Въ 1873 г.

во всѣхъ серьезныхъ мѣстныхъ дѣлахъ общественнаго характера (земство и городское самоуправленіе), и тѣмъ, въ ущербъ его личнымъ интересамъ, отвлекая отъ занятій избранной имъ спеціальностью. И въ частной жизни Сергѣй Андреевичъ оставался тѣмъ же вдумчивымъ, на видъ суровымъ, но по существу мягкимъ, отзывчивымъ и доброжелательнымъ человѣкомъ.

Въ одну изъ первыхъ же нашихъ поуниверситетскихъ встрѣчъ, когда Сергѣй Андреевичъ уже читалъ Римское право, онъ настоялъ на моемъ вступленіи въ Юридическое Общество, въ которомъ онъ тогда дѣятельно работалъ, отдавая особенно много времени и труда „Юридическому Вѣстнику". Около этого же времени я видался съ Сергѣемъ Андреевичемъ въ Тулѣ, куда онъ пріѣзжалъ въ качествѣ гласнаго отъ Новосильскаго уѣзда на губернское земское собраніе, въ которомъ въ то время (начало 80-хъ годовъ) имѣлъ крупное значеніе. Помню затѣмъ его невольное оставленіе университета и торжественное вступленіе въ московскую адвокатуру, болѣе чѣмъ охотно принявшую его въ свою среду. Это удаленіе изъ университета, несомнѣнно глубоко и горько поразившее Сергѣя Андреевича, но ни на мгновеніе не поколебавшее направленія его убѣжденій и дѣйствій, и внѣшне, казалось, ничѣмъ не нарушившее его спокойствія, было первою административною карой, которой онъ подвергся, первой жертвой, принесенной имъ тѣмъ убѣжденіямъ, которымъ онъ былъ вѣренъ съ университетской скамьи до конца жизни. Этихъ каръ затѣмъ послѣдовало много, такъ много, что подъ конецъ, казалось, Сергѣй Андреевичъ сталъ внѣправовой личностью—vogelfrei—и лишился возможности легально работать на пользу общества. Но это именно лишь казалось, ибо по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны нарастали репрессіи, съ другой—общественное значеніе Сергѣя Андреевича поднималось все выше, и имя его становилось все популярнѣе. Но удивительнѣе всего то, что принятіе репрессивныхъ мѣръ противъ Сергѣя Андреевича, устраненіе его отъ той и другой дѣятельности, ограниченіе его въ правахъ,—все это для лица, близко знавшаго Сергѣя Андреевича, даже стоя на точкѣ зрѣнія власть имущихъ,—сплошное недоразумѣніе, какое-то удивительное сплетеніе обстоятельствъ, ставившее внѣшне Сергѣя Андреевича въ положеніе, по существу не свойственное ему. Сергѣй Андреевичъ, какъ я уже говорилъ, по самой духовной природѣ своей, по складу ума былъ убѣжденный сторонникъ права и закона, сторонникъ

порядка, врагъ насилія и глубоко вѣрилъ, служа ей, въ идею неизбѣжной общей, а въ томъ числѣ и государственно-общественной эволюціи.

Не могу не остановиться на удивительной стойкости и твердости, проявленныхъ Сергѣемъ Андреевичемъ послѣ крушенія первой Думы. Изъ откровенной бесѣды съ Сергѣемъ Андреевичемъ я знаю, какой жестокій ударъ это былъ для него, но онъ его перенесъ мужественно и внѣшне лишь измѣнился тѣмъ, что казался постарѣвшимъ. Онъ остался попрежнему общественнымъ дѣятелемъ и, вступивъ вновь въ родную ему московскую профессорскую коллегію, занялъ въ ней тотчасъ же выдающееся положеніе и вложилъ въ профессорское дѣло явно несокрушимую энергію свою. Сколько разъ жизненная колея, которою шелъ Сергѣй Андреевичъ, обрывалась и ему приходилось выбирать другую! Отлученный отъ университета, онъ ушелъ въ адвокатуру, но эту дѣятельность ему пришлось оставить, жертвуя ради общественнаго дѣла своими личными и матеріальными интересами; судьба поставила его на высшій государственно-общественный постъ, онъ сталъ политическимъ дѣятелемъ, но и это поприще внезапно и навсегда закрылось для него, и на короткое время Сергѣй Андреевичъ остался внѣ всякой колеи и подъ давленіемъ тяжести удара, о которомъ я говорилъ. Но Сергѣй Андреевичъ не погибъ, даже не ослабѣлъ и не потерялъ свойственной ему объективности и душевнаго равновѣсія, не озлобился и покойно, убѣжденно вернулся на свой первый путь—ученаго и педагога. И какую поразительную по массѣ и продуктивности работы дѣятельность развилъ на этомъ поприщѣ Сергѣй Андреевичъ! Казалось, только мужу въ расцвѣтѣ силъ и молодости, а не старику, вынесшему все то, что вынесъ Сергѣй Андреевичъ, впору выполнять такую работу, но Сергѣй Андреевичъ шелъ твердо по избранному имъ самимъ пути, не уклоняясь ни отъ какой работы, и даже не казался утомленнымъ, по крайней мѣрѣ до осени 1910 года.

Нельзя забыть при этомъ, что въ теченіе описываемаго времени Сергѣю Андреевичу пришлось отбыть трехмѣсячное тюремное заключеніе, которое онъ перенесъ въ полной мѣрѣ стойко и бодро, такъ же, какъ и самый приговоръ. По поводу его Сергѣй Андреевичъ писалъ 24 декабря 1907 года общему нашему университетскому товарищу, князю В. М. Голицыну: „Спасибо Вамъ, дорогой и глубокоуважаемый князь, за привѣтливое слово. Отдавая

извѣстную дань философскому настроенію, чувствую себя бодро и спокойно; врагъ перестаетъ быть страшнымъ, когда распознаешь внутреннее ничтожество его природы. Думаю, что впереди есть еще будущее. Жму крѣпко Вашу руку".

Еще большими бодростью и спокойствіемъ дышитъ письмо, полученное мною отъ Сергѣя Андреевича изъ тюрьмы. Въ письмѣ этомъ онъ, между прочимъ, описываетъ, какъ онъ проводитъ время, и останавливается на томъ, насколько строго и систематически приводимое въ исполненіе распредѣленіе времени и занятій дѣйствуетъ успокоительно и помогаетъ при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находится, продуктивности работы.

За послѣднія 14 лѣтъ мы видались съ Сергѣемъ Андреевичемъ часто, особенно же къ концу этого періода, когда Сергѣй Андреевичъ вновь занялъ университетскую каѳедру. Не разъ за это время при серьезныхъ жизненныхъ обстоятельствахъ мнѣ приходилось обращаться за совѣтомъ къ Сергѣю Андреевичу. Онъ никогда не отказывалъ въ немъ, а я неуклонно слѣдовалъ указаніямъ Сергѣя Андреевича, которыя въ концѣ-концовъ приводили на добрый путь, все тотъ же путь серьезной культурной дѣятельности, направленный не къ достиженію того, что называется „карьерой", не исключительно къ личному благу, а къ участію въ работѣ на общее дѣло,—путь, на который звалъ Сергѣй Андреевичъ, будучи еще студентомъ. И не просто совѣты давалъ Сергѣй Андреевичъ, онъ давалъ свое сочувствіе, поддержку, подбодрялъ, брался помочь и помогалъ. Чувство глубокой благодарности къ Сергѣю Андреевичу осталось во мнѣ, какъ то бывало и раньше, послѣ совсѣмъ недавняго, незадолго до его смерти имѣвшаго мѣсто, разговора нашего, при которомъ Сергѣй Андреевичъ проявилъ много теплоты и сердечности. А вѣдь я же не одинъ обращался къ Сергѣю Андреевичу!

Заваленный по горло сугубой профессорской дѣятельностью, при которой онъ еще успѣвалъ печатать труды свои, Сергѣй Андреевичъ не отказывался однако отъ участія въ другихъ работахъ, разъ онѣ касались общественнаго дѣла. Такъ, много времени Сергѣй Андреевичъ посвятилъ совмѣстной съ нѣсколькими другими университетскими дѣятелями выработкѣ новаго устава юридическаго общества, а по открытіи его онъ неуклонно посѣщалъ всѣ засѣданія совѣта его. Онъ участвовалъ въ организаціи и открытіи въ Москвѣ общества мира, принялъ на себя и добросовѣстно,

какъ всегда, выполнялъ обязанности предсѣдателя суда чести при обществѣ дѣятелей періодической печати и литературы, предсѣдательствовалъ на собраніяхъ студенческихъ обществъ и помогалъ очень многимъ другимъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ. Сергѣй Андреевичъ оказалъ содѣйствіе созданію городского народнаго университета имени Шанявскаго, а по открытіи его не только участвовалъ въ занятіяхъ профессоровъ и членовъ правленія университета по выработкѣ первоначальной программы и плана преподаванія въ этомъ новомъ высшемъ учебномъ заведеніи, но принялъ на себя обязанности преподавателя гражданскаго права и посѣщалъ засѣданія общественно-юридической комиссіи академическаго совѣта университета. Кромѣ того, Сергѣй Андреевичъ помогъ организаторамъ состоящаго при университетѣ имени Шанявскаго вспомогательнаго общества составить и надлежаще изложить уставъ его. Участіе Сергѣя Андреевича въ массѣ такихъ организаціонныхъ работъ было особенно цѣнно въ силу его выдающагося умѣнія точно формулировать всѣ необходимые для дѣятельности будущаго учрежденія статуты, откидывая все лишнее и обременяющее уставы ихъ, но не упуская рѣшительно ничего существеннаго.

Если, какъ я уже говорилъ, жестокіе, все прогрессировавшіе по силѣ удары судьбы не сломили духовной мощи Сергѣя Андреевича, не ослабили его энергію и работоспособность, то они всетаки не прошли даромъ для него, и въ нихъ, во всемъ томъ, что ему пришлось перенести, какъ предсѣдателю первой Государственной Думы, надо искать происхожденіе той болѣзни сердца, которая свела преждевременно въ могилу Сергѣя Андреевича, обладавшаго крѣпкимъ, здоровымъ организмомъ, не расшатаннымъ никакими излишествами и нарушеніями правильнаго физическаго режима.

Сергѣй Андреевичъ твердо зналъ и также твердо исполнялъ обязанности и отстаивалъ права „гражданина“ и палъ жертвою исполненія этихъ обязанностей.

Н. Давыдовъ.

Изъ воспоминаній стараго товарища.

Сближеніе товарищей смолоду сохраняетъ на всю жизнь своеобразныя отношенія, независимо отъ дальнѣйшаго расхожденія ихъ путей. Юноши проще и легче сходятся, и при взаимномъ влеченіи и общности вкусовъ завязываются близкія, прочныя отношенія часто навсегда. Прирожденныя свойства человѣка въ этомъ возрастѣ не запылило, не запорошило жизнью, время мало наслоило еще пластовъ. Товарищи яснѣе разбираются и справедливѣе расцѣниваютъ другъ друга,—по природнымъ, первозданнымъ свойствамъ человѣка, а не по внѣшнимъ только его проявленіямъ въ дальнѣйшей жизни.

Многоразличная и выдающаяся дѣятельность Сергѣя Андреевича Муромцева, какъ общественнаго, научнаго, политическаго и государственнаго дѣятеля, обрисована и полно и ярко людьми, подвизавшимися съ нимъ на тѣхъ же поприщахъ; но чувствуется существенный пробѣлъ въ этихъ отзывахъ о крупномъ человѣкѣ. Сергѣй Андреевичъ трудно поддавался интимному изученію глубокихъ и основныхъ чертъ своего характера, заслоненныхъ внѣшнимъ блескомъ и величіемъ дѣятельности. 40-лѣтнее знакомство наше, сперва какъ товарищей по университету, перешло затѣмъ въ дружбу и закончилось, наконецъ, глубокою привязанностью. Это-то и даетъ мнѣ смѣлость подѣлиться своими впечатлѣніями о покойномъ не какъ объ общественномъ дѣятелѣ, а просто какъ о человѣкѣ.

Мы познакомились осенью 1869 года въ университетѣ. Первая встрѣча наша запечатлѣлась во мнѣ неизгладимо и навсегда. Я помню, какъ-то мы, первокурсники, поднимались за своимъ профессоромъ въ большую словесную аудиторію (перестроенную теперь). Навстрѣчу намъ шелъ, привлекая всеобщее вниманіе, знаменитый въ то время профессоръ римскаго права Никита Ивано-

вичъ Крыловъ. Его окружали студенты старшихъ курсовъ. Крыловъ, всегда остроумный, подчасъ насмѣшливый, возбуждавшій обычно нѣкоторый страхъ, внимательно слушалъ бесѣдовавшаго съ нимъ студента, какъ бы подчеркивая этимъ свое отношеніе къ нему. Помимо уваженія нашего къ старшимъ товарищамъ, меня привлекло къ себѣ вдумчивое лицо студента поразительной красоты. Студентъ этотъ былъ Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Его фамилія была уже извѣстна и не однимъ только юристамъ. Спокойный, съ виду холодный, строго одѣтый молодой человѣкъ (формы тогда не существовало) импонировалъ своимъ видомъ, походкой, спокойствіемъ всей повадки; когда же мы съ нимъ случайно встрѣтились глазами, меня приковалъ къ себѣ его нѣсколько усталый, немного скорбный взоръ женственной мягкости и доброты. Выраженіе это смѣнилось привычной холодностью,—взоръ погасъ; но тайна была случайно обнаружена, какъ бы подмѣчена врасплохъ. И скрыться отъ меня это выраженіе глазъ ужъ не могло ни тогда, ни впослѣдствіи. Въ тотъ же день насъ познакомилъ нашъ общій пріятель (Левъ Шаховской). Иниціатива исходила отъ Сергѣя Андреевича. Очевидно, онъ желалъ овладѣть положеніемъ и заслониться отъ перваго впечатлѣнія; но завѣсу ужъ не удалось задернуть. Какъ-то само собою сдѣлалось, что я проникъ въ глубь его существа. Предо мною открылись драгоцѣнные тайники души человѣка.

Вопреки ожиданію мы вскорѣ сошлись: помогло общее живое дѣло. Сергѣй Андреевичъ былъ тогда предсѣдателемъ кассы самопомощи студентовъ юристовъ. Я принялъ участіе въ этомъ полезномъ, болѣе того, необходимомъ учрежденіи. Бродили мы, юнцы, въ потемкахъ, очень ужъ мы были разобщены и слишкомъ рѣзки были контрасты между студентами. Глухое это было вообще время для студенчества. Общественные интересы у большинства, въ сущности, были въ зародышѣ. Разразилась исторія Лыткина на медицинскомъ факультетѣ. Пострадалъ выдающійся студентъ медикъ Б. (впрочемъ лѣтъ черезъ 30, вернувшись изъ ссылки, ужъ сѣдымъ студентомъ онъ кончилъ курсъ). Оторопѣли мы отъ нечаевскаго дѣла. Между тѣмъ за стѣнами университета жизнь била могучимъ притокомъ общественныхъ силъ, это отвлекало наше вниманіе отъ университета; онъ какъ-то потускнѣлъ. Мы спѣшили пройти университетъ кое-какъ: это былъ не курсъ, а только переходъ къ дальнѣйшему дѣлу. А нужды студенчества

были велики и многообразны. И вотъ въ самую гущу ихъ вошелъ еще юный, но уже крѣпкій разумомъ человѣкъ, съ трезвымъ, яснымъ умомъ, сильной волей, добросовѣстный въ трудѣ. Насъ надо было не сдерживать или тащить, а надо было намъ выяснять дѣло, наводить, вызывать насъ на свободный починъ, регулируя безцѣльныя выступленія. Вѣжливость, мягкость, благоволеніе были отличительными чертами его предсѣдательства. Онъ не обрывалъ, не осаживалъ. Его лучистый взоръ загорался такой добротой, въ очахъ самъ собой сквозилъ столь ясный и свѣтлый умъ, что невольно разрѣжался угаръ обострившагося спора, и работа шла своимъ чередомъ, трезво и дружно. Помню, одно время нашу кассу постигло какое-то доктринерское повѣтріе. Вспыхивали рѣзкіе абстрактные споры,—и надо было видѣть, какъ онъ умѣлъ разряжать готовый взрывъ однимъ своимъ участіемъ въ этихъ преніяхъ.

Съ первыхъ же дней нашего знакомства я замѣтилъ въ немъ рѣзкую разницу по сравненію со множествомъ другихъ товарищей. Онъ не былъ тѣмъ, что называется „добрымъ малымъ“, въ немъ не было ни фамильярности, ни панибратства. Онъ былъ всегда трезвъ и цѣломудренно застѣнчивъ. Не кутилъ, не любилъ картъ, никогда никто не слыхалъ отъ него ничего циничнаго, ни одного грубаго выраженія, ни одного хотя бы сомнительнаго разсказа или грязнаго анекдота, такъ часто, почти неизбѣжно окрашивающихъ разговоры молодыхъ людей,—такъ называемые „мужскіе разговоры“. Въ какомъ бы обществѣ онъ ни находился, при немъ чувствовался какъ бы притокъ чистаго воздуха. Онъ освѣжалъ сгущенную атмосферу однимъ своимъ присутствіемъ. Зато нѣсколько суровая застѣнчивость и настороженная сдержанность много мѣшали Сергѣю Андреевичу въ жизненныхъ успѣхахъ. Онъ никогда не былъ и не могъ стать „душою общества“, столь популярнымъ и пріятнымъ элементомъ въ жизненномъ обиходѣ. При немъ другіе не чувствовали себя удобно, привычно, окружающихъ онъ невольно смущалъ. Онъ былъ неотразимо привлекателенъ, а между тѣмъ никто не дерзалъ переступить заколдованнаго круга, какъ бы замкнутаго вокругъ него. Онъ былъ вѣжливъ, изященъ, привѣтливъ, а приблизиться и понять его не рѣшались. Толпа его не поглощала; за то она и не прощала ему его превосходства.

Многое объясняется тѣмъ, что Сергѣй Андреевичъ не былъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи. Онъ жилъ дома, и, помимо приро-

жденныхъ свойствъ характера, на немъ лежала неизгладимо печать бытовой, дружной и чистой семьи, незыблемо утвержденной на прочныхъ основахъ. Религіозныя традиціи семьи давали глубину всѣмъ явленіямъ ея жизни. Каждый изъ состава такой семьи не могъ не испытывать на себѣ мощнаго ея воздѣйствія. Безотносительно къ тѣмъ или инымъ личнымъ воззрѣніямъ человѣкъ, весьма даже обособившійся, все же неминуемо являетъ собою одно изъ звеньевъ непрерывной цѣпи смѣняющихся поколѣній. Тѣмъ болѣе это имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ. Основы семейной жизни особенно выявлялись у Сергѣя Андреевича въ томъ его свойствѣ, которое я и назвалъ бы чувствомъ „благочестія". Это былъ просто и легко дававшійся ему жизненный пріемъ и способъ относиться серьезно и вдумчиво ко всему, въ особенности къ человѣку. „Благочестіе" признаетъ чувства ближняго своего и не допускаетъ возможности отрицать достоинства человѣка. Вотъ почему признаніе человѣческаго достоинства было непререкаемой жизненной аксіомой Сергѣя Андреевича. Онъ никогда и ни надъ кѣмъ не глумился.

Широкая извѣстность Сергѣя Андреевича въ средѣ, въ которой ему когда-либо приходилось вращаться, всегда выдвигала его на видъ, помимо его воли. Впослѣдствіи его объяла слава. Въ обыденной жизни это создавало ему исключительное, несвойственное ему положеніе; онъ подвергался всестороннему обглядыванію, а подчасъ назойливости. Популярности онъ никогда не искалъ и даже лишенъ былъ способности пріобрѣтать ее. Онъ отъ нея сторонился, тяготила она его. Впрочемъ, привѣтливость, мягкость и доброта Сергѣя Андреевича не допускали его до отшельничества; но какъ онъ искренно оцѣнилъ и благосклонно встрѣтилъ даже одиночество вынужденное. Уединеніе было въ его характерѣ и жизненныхъ склонностяхъ. Причина иногда явной обидчивости и отчужденія, а большею частью скрытаго недоброжелательства къ нему многихъ глубоко таилась въ его характерѣ. Онъ былъ нравственно брезгливъ до болѣзненности и тщательно скрывалъ столь мѣшавшее ему свойство подъ пологомъ холодности, принимаемой посторонними за надменность и гордость. Этой основной чертѣ характера сопутствовала застѣнчивость. Нѣжная, тонко чувствовавшая природа его была подобна растенію — мимозѣ. Чуть тронь—свернется. Эта застѣнчивость какъ бы невольно застилала отъ него внѣшнія впечатлѣнія и, одѣвая, покрывала его самого отъ нескромныхъ взглядовъ, затрудняя, почти прекращая жизнен-

ный обмѣнъ въ извѣстныхъ областяхъ отношеній. Сильный, ясный умъ упорядочилъ, осмыслилъ и примѣнилъ къ жизни природное свойство, благодаря чему Сергѣй Андреевичъ никогда не обнаруживалъ своихъ страданій, какъ бы остры и мучительны они ни были, никогда не оправдывался, какъ бы лживы, злы и назойливы ни были нареканія. Тутъ-то сказался мощный духъ его, являя передъ нами античный ликъ философа-стоика.

Сергѣй Андреевичъ никогда не любилъ выступать на боевую тропу, не былъ борцомъ по существу своему. Онъ ненавидѣлъ насиліе. Лучшей наградой для него бывала возможность сосредоточиться на опредѣленной работѣ безъ помѣхъ и докучливыхъ задержекъ. Онъ успокаивался, отдыхалъ на дѣлѣ, чѣмъ и усугублялись его творческія силы.

Зато безцѣнная привычка не размѣниваться на внѣшнія раздраженія, не отзываться на пошлость, не растрачивать своихъ внутреннихъ силъ впустую сохранила жизненный запасъ тепла, горѣвшій до самой кончины Сергѣя Андреевича, не давъ остыть при жизни благородному, отзывчивому, любвеобильному сердцу.

Для насъ, близко знавшихъ его, образъ его былъ озаренъ внутреннимъ сіяніемъ любви. Доброта его была безпредѣльна. Доколѣ сердце это билось, оно не знало чужихъ,—всѣ были ему ближними. И помощь его всегда была застѣнчива; онъ изумительно изящно умѣлъ помогать. Беззавѣтною затратою себя онъ сохранилъ душу живу.

Чѣмъ сложнѣе натура, чѣмъ интимнѣе недоступная наблюденію область, тѣмъ опрометчивѣе и злѣе судитъ пошлость, которая не прощаетъ людямъ исключительнымъ выдающихся свойствъ, всегда стремясь низвести недоступное пониманію къ низменному уровню своему. Зато пошлость и расправилась съ нимъ по-своему.

Но я не желаю, въ память почившаго, никого и ничего осуждать. Месть, злоба не умѣщались въ немъ. Нѣтъ мѣста ей и здѣсь. Я умолкаю. Пусть посмертныя событія доскажутъ конецъ.

Москва смела весь соръ мелкихъ чувствъ и сужденій на пути къ вѣчности избранника своего. Могучая, громадная волна любви народной, отдавая землѣ тѣло, подняла память объ усопшемъ на высоту недосягаемую.

Гласъ народа—гласъ Божій!

Александръ Цуриковъ.

Москва,
4 декабря 1910 г.

С. А. Муромцевъ, какъ ученый.

Весь драматизмъ положенія русскаго профессора съ особенною наглядностью раскрылся въ лицѣ Сергѣя Андреевича Муромцева.

Въ то время, когда престарѣлый Фаустъ, истомленный долгимъ исканіемъ истины, подноситъ къ устамъ кубокъ съ ядомъ, въ окна его мрачнаго кабинета врывается молодая, веселая пѣснь,—рука дрожитъ и ядъ разливается по полу. Но въ кабинетъ русскаго ученаго, какъ бы глухо ни были закрыты его окна, доносятся жалобы и стоны, и капля по каплѣ вливаютъ ядъ въ его жизненную чашу. Не можетъ русскій ученый отдаться все-цѣло наукѣ. Держа въ одной рукѣ свѣтильникъ знанія, онъ на другую руку надѣваетъ щитъ гражданина, чтобы охранить священный огонь отъ холоднаго вѣтра, сквозняковъ и вихрей.

По своему духовному складу Муромцевъ былъ кабинетный ученый, а не политическій борецъ. Въ иныхъ условіяхъ, гдѣ-нибудь въ Германіи или въ Англіи, Муромцевъ прожилъ бы долгіе годы въ своемъ кабинетѣ, изъ котораго дарилъ бы науку цѣнными трудами, соотвѣтствующими всей широтѣ его міровоззрѣнія и всей высотѣ его побужденій.

Въ моментъ смерти Муромцева, изъ среды его противниковъ раздалось злобное шипѣніе, что Муромцевъ далеко не первоклассный ученый, и что за свои 60 лѣтъ онъ обнаружилъ небольшую научную производительность. Но они прежде всего забываютъ, что ученая карьера Муромцева продолжалась не 60 лѣтъ, а всего 13, а именно: 9 лѣтъ въ началѣ (1875—1884) и затѣмъ 4 въ концѣ (1906—1910), отдѣленные отъ первыхъ промежуткомъ въ 22 года, когда отбитый отъ Университета, гдѣ у насъ только и можно работать, Муромцевъ вынужденъ былъ сосредоточить свои силы на иной дѣятельности. Въ теченіе первыхъ лѣтъ Муромцевъ проявилъ

огромную научную плодовитость, что подтверждается спискомъ его трудовъ: „Консерватизмъ въ римской юриспруденціи“, 1875, „Очерки общей теоріи гражданскаго права“, 1877, „Опредѣленіе и основное раздѣленіе права“, 1879, „Гражданское право древняго Рима“, 1883, „Рецепція римскаго права на Западѣ“, 1885, „Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи“, 1886. Я не говорю о рядѣ статей, среди которыхъ такое видное мѣсто занимаютъ полемики съ профессорами Кавелинымъ, по вопрсу о содержаніи гражданскаго права, Пахманомъ и Гольмстеномъ по вопросу о методологіи гражданскаго права, а также выясненіе творческой роли суда. Многіе ли ученые способны развить такую интенсивность труда? И если остановилось ученое перо Муромцева, то въ этомъ онъ можетъ упрекать, но нельзя его упрекать.

Чтобы оцѣнить научное значеніе Муромцева, необходимо опредѣлить научную позицію, занятую имъ при вступленіи на научную арену. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду два обстоятельства: 1) условія, при которыхъ онъ выступалъ, и 2) характерныя черты его ума.

Къ началу 70-хъ годовъ въ нашей юридической литературѣ боролось два теченія: историческое и практическое.

Въ началѣ XIX вѣка въ Россіи, какъ и на Западѣ, господствовала школа естественнаго права. Но вскорѣ на нее воздвигнуто было гоненіе, какъ на ученіе революціонное. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія докладъ Магницкаго, который выставилъ науку естественнаго права, какъ изобрѣтеніе невѣрія [1]). „Она всегда была опасна; но когда Кантъ посадилъ въ преторы такъ называемый чистый разумъ, который вопросилъ истину Божью: что есть истина? и вышелъ вонъ, тогда наука естественнаго права сдѣлалась умозрительной и полной системою всего того, что мы видѣли въ революціи французской на самомъ дѣлѣ“. Главное обвиненіе, предъявляемое Магницкимъ естественному праву, заключалось въ томъ, что оно „исторгаетъ съ руки Божьей начальное звено златой цѣпи законодательства“. За устраненіемъ естественнаго права осталось свободное мѣсто, которое нужно же было чѣмъ-нибудь заполнить. Къ счастью, на Западѣ выдвинулась въ то время историческая школа, и русское правительство рѣшилось

---

[1]) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1861 кн. I, стр. 157—158.

направить университетскую науку по этому руслу. Министры народнаго просвѣщенія, гр. Уваровъ и князь Ширинскій-Шихматовъ, выражали университетамъ свое требованіе вести преподаваніе права непремѣнно въ историческомъ направленіи [1]). Для того, чтобы заставить профессоровъ проникнуться исторической точкой зрѣнія, правительство не пожалѣло денежныхъ средствъ и командировало не мало молодыхъ людей въ Германію, къ главѣ исторической школы, Савиньи. Въ одной группѣ посланныхъ съ этою цѣлью заграницу для подготовленія къ профессорскому званію находился и учитель С. А. Муромцева,— Никита Крыловъ. До семидесятыхъ годовъ это направленіе полностью захватывало нашу юридическую мысль. Успѣхъ ея въ обществѣ обусловливался отчасти тѣмъ, что, за отсутствіемъ приложенія силъ къ живой политической жизни, лучшіе умы готовы были довольствоваться исканіемъ въ прошломъ того правового творчества, которое не дано было въ современной дѣйствительности. Чѣмъ мечтать о неосуществимомъ, лучше вспомнить объ осуществленномъ. Это направленіе мысли привлекло къ себѣ такія ученыя силы, какъ Неволинъ, Калачовъ, Бѣляевъ, Кавелинъ, Энгельманъ, Пахманъ.

Судебные Уставы Императора Александра II вызвали новое движеніе, не прекратившее однако прежняго. Въ связи съ подъемомъ общественнаго настроенія, съ запросомъ на образованныхъ, вооруженныхъ знаніемъ права, юристовъ, въ литературѣ стали высказываться требованія, обращенныя къ университетской наукѣ, чтобы она служила жизни, бросила историческія изслѣдованія и вырабатывала бы оружіе для практики. Наука права должна отдать всѣ свои силы на разработку дѣйствующаго права для того, чтобы судьи, прокуроры и адвокаты не встрѣчали затрудненій въ осуществленіи своего высокаго общественнаго призванія. „Намъ нужны, — заявляетъ Мулловъ наканунѣ судебной реформы, — крайне нужны юристы - практики, юристы - чиновники, образованные адвокаты и именно въ настоящее время болѣе настоятельна эта потребность, чѣмъ была прежде. Намъ нужно вывести, по возможности, духъ кляузничества, ябеды, сутяжничества,—для этого намъ необходимо имѣть какъ можно болѣе честныхъ, образованныхъ и знающихъ юридическое дѣло адвокатовъ, ходатаевъ по

---

[1]) См. посвященіе Морошкина графу Уварову въ переводѣ книги Рейца (1836), а также Станиславскій, „О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи", стр. 60.

дѣламъ" [1]). Весьма извѣстный публицистъ-юристъ того времени, Думашевскій, рѣшительно заявляетъ, что „современное направленіе нашего правовѣдѣнія... не соотвѣтствуетъ ни задачамъ науки права, ни насущнымъ потребностямъ нашего отечества" [2]). Тотъ самый Калачовъ, который такъ много работалъ въ историческомъ направленіи, теперь обращается съ призывомъ: „Станемъ же изучать и комментировать тѣ отдѣлы гражданскихъ законовъ, которые каждому изъ насъ наиболѣе доступны; будемъ стараться выяснить ихъ примѣненіе на практикѣ" [3]).

Въ этотъ именно моментъ выдвигается Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Какъ долженъ былъ онъ отнестись къ этимъ теченіямъ мысли?

Двѣ основныя черты характеризуютъ умъ Муромцева: самостоятельность и теоретичность. Муромцевъ никогда не гулялъ по излюбленнымъ дорогамъ, а всегда выдумывалъ особые маршруты,—эту черту мы, его друзья, хорошо знаемъ. Точно также въ наукѣ Муромцевъ не могъ пойти по направленію, по которому шли толпы и которое при этомъ охранялось городовыми. Съ другой стороны Муромцевъ, выбирая тотъ или иной образъ поведенія, всегда искалъ теоретическаго обоснованія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, по обстоятельствамъ, приходилось рѣшаться, не имѣя времени на обоснованіе, Муромцевъ не успакаивался, пока впослѣдствіи не подводилъ подъ свой поступокъ теоретическаго фундамента.

Если мы примемъ во вниманіе эти черты интеллекта Муромцева, мы отвѣтимъ себѣ, какъ долженъ онъ былъ отнестись къ господствовавшимъ до него направленіямъ. Въ силу самостоятельности своего ума, онъ долженъ былъ отвернуться отъ исторической школы. Въ силу теоретичности своего ума, онъ долженъ былъ отнестись отрицательно къ практическому теченію. Первая черта сдѣлала его естественнымъ союзникомъ только что выдвинувшагося въ Германіи противника исторической школы —Рудольфа фонъ Іеринга. Вторая черта обратила его научные интересы въ сторону римскаго права, въ которомъ, въ то время, сосредоточивалась вся сила теоретической мысли.

---

[1]) Муллов ъ, Юрид. Вѣстникъ, 1861, кн. 17, стр. 27.

[2]) Думашевскій, Журн. Мин. Юст., 1867, т. 32, стр. 4.

[3]) Калачовъ, Рѣчь, произнесенная 1 декабря 1866 г. въ Московскомъ университетѣ на тему „О значеніи Карамзина въ исторіи русскаго законодательства".

Но та же самостоятельность не позволила Муромцеву отдаться все-цѣло и слѣпо ни Iерингу, ни римскому праву. Выступивъ въ первой своей работѣ вѣрнымъ послѣдователемъ Iеринга, Муромцевъ, въ дальнѣйшихъ своихъ работахъ, уходилъ все дальше въ сторону соцiологiи, на которой стремился основать науку права. Въ первыхъ его работахъ постоянно говорится объ историко-философскомъ направленiи. Въ дальнѣйшихъ работахъ Муромцевъ говоритъ уже только о соцiологическомъ направленiи. Не отрицая практическаго значенiя догматической юриспруденцiи, Муромцевъ полагалъ, что научная юриспруденцiя имѣетъ своею задачей устанавливать законы развитiя права, въ значенiи которыхъ можно было бы найти твердое обоснованiе законодательной политики. Въ то время, когда Муромцевъ выдвигалъ идею сближенiя науки права съ соцiологiей, въ Германiи, въ этомъ научномъ питомникѣ, объ этомъ и рѣчи не было, и только теперь все чаще и тверже раздаются на Западѣ голоса въ пользу соцiологическаго направленiя въ гражданскомъ правовѣдѣнiи.

Также самостоятельнымъ остался Муромцевъ и по отношенiю къ римскому праву. Его прельщала красота теоретическихъ построенiй, воздвигнутыхъ на фундаментѣ римскаго права, стройность системы, тонкость конструкцiи. Все это такъ гармонировало съ запросами его интеллекта. Но, восхищаясь многовѣковой работой надъ шлифованiемъ римскаго права, Муромцевъ жалѣлъ, что этотъ громадный трудъ былъ затраченъ на римскiй матерiалъ. Онъ призывалъ къ созданiю общей теорiи гражданскаго права, которая была бы основана не на римскомъ правѣ, а на правѣ современныхъ цивилизованныхъ народовъ. Эта мысль была имъ высказана въ 1879 году, и это была мысль, которою онъ былъ занятъ наканунѣ своей смерти. Предполагая, что ему придется занять освободившуюся въ Московскомъ Университетѣ каѳедру гражданскаго права, Муромцевъ мечталъ 3 октября о томъ, какъ онъ поставитъ этотъ предметъ. Онъ полагалъ, что преподаванiе гражданскаго права необходимо раздѣлить на теорiю гражданскаго права и русское гражданское право, подобно тому, какъ государственное право раздѣлено на конституцiонное право и русское государственное право. Оставивъ за собой теорiю гражданскаго права, такъ отвѣчающую складу его ума, Муромцевъ просилъ меня взять на себя русское гражданское право.

Муромцевъ нашелъ въ римскомъ правѣ и другую цѣнность,

но при этомъ вниманіе его было обращено уже не на право временъ Юстиніана, а на древнее право Рима. Для Муромцева оно было богатѣйшій матеріалъ, который, можетъ быть, лучше всякаго другого, способенъ служить раскрытію законовъ развитія гражданскаго права. „Истинное значеніе римскихъ юридическихъ сборниковъ въ томъ, что они служатъ памятниками могучаго живого творчества, и только тотъ, дѣйствительно, познаетъ римское право, кто освоится съ его конкретнымъ матеріаломъ, кто вникнетъ въ послѣдовательное историческое наростаніе этого матеріала по каждому отдѣльному вопросу, кто уловитъ общую связь многихъ параллельныхъ теченій, дѣйствующихъ въ этомъ случаѣ". Но эта уже не догма римскаго права. И его лекціи по римскому праву „Гражданское право древняго Рима", были „изображеніемъ живого процесса юридическаго творчества".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Муромцевъ усиленно обращалъ вниманіе на вредное вліяніе, оказанное римскимъ правомъ на юридическое мышленіе. Увлеченіе имъ, соединенное съ преклоненіемъ къ его мудрости, развило техническую сторону за счетъ творческой. Юристы не смѣли думать несогласно съ римскимъ правомъ, пока совсѣмъ не потеряли способности свободнаго творчества.

Муромцевъ не только самъ не поддался теченіямъ, встрѣченнымъ имъ при вступленіи на научное поприще, но остановилъ и другихъ, шедшихъ по пути исторической школы и практической догматики. За нимъ по соціологическому пути пошелъ рядъ молодыхъ ученыхъ. Муромцевъ съ полнымъ основаніемъ можетъ быть названъ главою соціологической школы въ гражданскомъ правовѣдѣніи. И если направленіе это быстро ослабѣло, то причины тому слѣдуетъ искать съ одной стороны въ устраненіи Муромцева отъ руководительства, а съ другой—въ легкости, съ какою молодая страна, Россія, воспринимаетъ новыя ученія, но также и оставляетъ ихъ для другихъ, болѣе новыхъ.

Область вопросовъ, затронутыхъ Муромцевымъ въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ, весьма значительна и характерна для него по темамъ. Юристъ съ теоретическимъ наклономъ ума не можетъ рѣшать отдѣльные вопросы, пока не выработаетъ себѣ тотъ или иной взглядъ на право. Дѣйствительно, Муромцевъ посвятилъ одну изъ своихъ лучшихъ работъ изслѣдованію вопроса, что такое право. Въ нахожденіи отвѣта на этотъ вопросъ, Муромцевъ идетъ соціологическимъ путемъ. Общество есть тамъ, гдѣ нѣсколько индиви-

довъ объединяютъ свою дѣятельность въ направленіи общаго результата. Общество—это сотрудничество. Присматриваясь къ отношеніямъ, имѣющимъ мѣсто въ общественной средѣ, можно подмѣтить, что общество защищаетъ отношенія, признанныя имъ цѣлесообразными. При этомъ защита эта можетъ быть обращена на все то, что извнѣ препятствуетъ обществу въ достиженіи имъ своихъ цѣлей. Опасность можетъ исходить отъ природы или отъ другихъ общественныхъ группъ. Индивиды, соединившіеся или соединенные въ общество, направляютъ свою совмѣстную дѣятельность на борьбу съ внѣшнимъ міромъ. Они сообща извлекаютъ все, что имъ необходимо для ихъ существованія, и отражаютъ общими силами все, чѣмъ этотъ внѣшній міръ грозитъ ихъ жизни. Это область экономической дѣятельности. Съ другой стороны опасность для сплотившихся въ общественную группу можетъ исходить отъ другихъ общественныхъ группъ, готовыхъ завладѣть тѣмъ благопріятнымъ положеніемъ, какое успѣла создать себѣ первая группа. Въ этой борьбѣ общество проявляетъ и развиваетъ свое политическое могущество. Въ обоихъ случаяхъ общество направляетъ свои силы на отраженіе опасностей, угрожающихъ ему извнѣ. Это — защита перваго рода. Съ другой стороны, общество стремится защитить отношенія, складывающіяся внутри его, противъ препятствій, исходящихъ отъ членовъ той же общественной группы. Это — защита второго рода. Здѣсь опять-таки необходимо различать тотъ случай, когда общество защищаетъ отношенія всѣми присущими ему силами, и тотъ случай, когда общество выдѣляетъ изъ себя особый органъ, спеціально предназначенный для защиты. На этомъ основаніи надо различать защиту неорганизованную и организованную. Въ борьбѣ противъ враждебныхъ силъ, нарождающихся въ общественной средѣ и препятствующихъ правильному развитію общества, общество, въ лицѣ всѣхъ своихъ членовъ, реагируетъ всѣми и всякими присущими ему средствами. Нѣтъ никакой возможности опредѣлить заранѣе, какіе элементы общества будутъ реагировать и какова будетъ сила проявленной конкретно реакціи. Здѣсь по преимуществу обнаруживается нравственное могущество общества. Но общество способно выдѣлить изъ себя особую силу, спеціально предназначенную на отраженіе тѣхъ опасностей, которыя исходятъ изъ самого общества, отъ отдѣльныхъ его членовъ, и разсчитанную на планомѣрную борьбу путемъ заранѣе предусмотрѣнныхъ средствъ. Выдѣляя изъ себя

эту силу и подчиняясь ей, общество организуетъ правовую защиту. Право—это и есть организованная защита, потому что въ возможности юридической, т.-е. путемъ иска, защиты лежитъ главное, основное и существенное свойство права. Такимъ образомъ, Муромцевъ строитъ право на моментѣ принудительности.

По вопросу о томъ, что такое гражданское право, Муромцевъ, въ своей полемикѣ съ Кавелинымъ, высказался въ томъ смыслѣ, что раздѣленіе права не можетъ быть построено на признакѣ, не имѣющемъ существенно юридическаго характера, какъ это предполагалъ, напр., сдѣлать Кавелинъ. Предложеніе Кавелина образовать гражданское право на признакѣ имущественности Муромцевъ рѣшительно отвергъ, какъ не допустимое съ точки зрѣнія требованій научной классификаціи. Затѣмъ, по вопросу о томъ, отличается ли гражданское право отъ публичнаго по матеріальному или по формальному признаку, т.-е. по характеру ли защищаемыхъ интересовъ или по способу ихъ защиты, Муромцевъ сталъ на точку зрѣнія формальную и посвятилъ обоснованію ея значительную часть своего изслѣдованія: „Опредѣленіе и основное раздѣленіе права“.

Какова же задача науки гражданскаго права? Исходя изъ того, что задача науки заключается въ опредѣленіи законовъ, по которымъ происходятъ явленія, Муромцевъ полагалъ, что правовѣдѣнію надлежитъ изучить законы развитія той области соціальныхъ явленій, которая извѣстна подъ именемъ права. Это начало должно быть примѣнено и къ постановкѣ гражданскаго правовѣдѣнія. „Мы должны различать: общее гражданское правовѣдѣніе и гражданско-правовую политику. Общее гражданское правовѣдѣніе есть наука въ строгомъ смыслѣ. Не преслѣдуя никакой практической цѣли, но руководствуясь исключительно требованіями любознательности, оно изучаетъ законы развитія гражданскаго права. Оно предполагаетъ, какъ подготовительную стадію, описательное гражданское правовѣдѣніе, которое описываетъ въ правильной системѣ факты гражданскаго права. Гражданско-правовая политика опредѣляетъ цѣли и пріемы, которыми должны руководиться гражданскій законодатель и судья. На основаніи ея указаній слагается догма гражданскихъ правоопредѣленій, которая излагаетъ дѣйствующія въ странѣ правоопредѣленія въ такомъ видѣ и по такой системѣ, которые прямо отвѣчаютъ требованіямъ гражданско-судебной политики“ [1]).

[1]) Опредѣленіе и основное раздѣленіе права, стр. 14.

Изъ приведеннаго мѣста обнаруживается прежде всего, что Муромцевъ, настаивая на соціологической постановкѣ гражданскаго правовѣдѣнія, въ то же время и не думалъ отрицать догматики. „Право на существованіе догмы остается неприкосновеннымъ. За догму говоритъ вѣковой опытъ юриспруденціи, и позитивистъ охотно признаетъ въ ней отдѣлъ правовѣдѣнія, какъ искусства“ [2]). И мы должны признать, что никто не сдѣлалъ такъ много для выясненія того, въ чемъ сущность догматическаго метода, какъ именно Муромцевъ, въ своей полемикѣ противъ Гольмстена.

Прежде всего, изъ представленія Муромцева о задачахъ гражданскаго правовѣдѣнія вытекаетъ сближеніе между догмою и законодательною политикой, какъ двумя отраслями гражданско-правовой политики. Этотъ взглядъ Муромцева находится въ тѣсной связи съ тою ролью, какую предназначалъ онъ суду въ дѣлѣ примѣненія нормъ права. Муромцевъ отрицалъ чисто логическое значеніе работы судьи и признавалъ въ ней творческій моментъ. „Наблюденіе надъ исторіей и жизнью... удостовѣряетъ, что законодательная функція не можетъ быть отдѣлена вполнѣ отъ власти судебной, вопреки всѣмъ направленнымъ къ тому мѣрамъ, и что толкованіе закона всегда содержитъ въ себѣ явное или скрытое преобразованіе его“ [2]). Такимъ образомъ Муромцевъ стремится разорвать старую связь между судебной и исполнительной властью и соединить судебную власть съ законодательной. Другими словами, тридцать лѣтъ тому назадъ Муромцевъ поднялъ вопросъ, который сейчасъ такъ волнуетъ юристовъ Франціи и Германіи, и обосновалъ рѣшеніе, которое находитъ сейчасъ многочисленныхъ сторонниковъ въ той и другой странѣ. Понятно поэтому, что Муромцевъ горячо привѣтствовалъ § 1 новаго гражданскаго кодекса Швейцаріи, возлагающаго на судью законодательную функцію.

Въ ученіи объ образованіи права, Муромцевъ рѣшительно отвергалъ формулу органическаго, безболѣзненнаго развитія, выставленнаго историческою школою. Отъ Савиньи и Пухты онъ принималъ только идею закономѣрнаго развитія. Но признать закономѣрность—не значитъ выяснить образованіе права, потому что остается открытымъ, какъ именно, въ какомъ порядкѣ происходитъ это образованіе. Муромцевъ выдвигаетъ положеніе, что обра-

---

[2]) Что такое догма права, стр. 8—9.

[2]) Очерки общей теоріи гражданскаго права, стр. 197.

зованіе права совершается не самопроизвольно, а человѣческою дѣятельностью,—„человѣкъ самъ творитъ свое право и ничего не получаетъ готовымъ“ [1]). Въ основѣ творческой работы, двигающей право, лежитъ психическій трудъ. Эта затрата психическаго труда представляется исторической причиной образованія права. Примыкая къ извѣстной формулѣ Іеринга, развитой имъ особенно въ его „Борьбѣ за право“, Муромцевъ утверждаетъ, что въ области гражданскаго права, какъ и публичнаго, развитіе права дается тяжелою и неустанной борьбой. „Процессъ образованія права есть процессъ борьбы: люди борятся изъ-за отношеній, которыя нуждаются въ правовой защитѣ или же имѣютъ таковую; они борятся также изъ-за нормъ, которыя защищаютъ отношенія или только предназначаются для того“ [2]). Въ мягкой натурѣ С. А. Муромцева суровая борьба принимаетъ образъ психическаго труда въ преобразованіи права.

Такимъ образомъ Муромцевъ стремится примирить школу естественнаго права съ исторической школой. „Современное воззрѣніе соединяетъ вмѣстѣ вѣрный элементъ обоихъ ученій,—естественнаго и историческаго, и отбрасываетъ ихъ ложные элементы“ [3]). Отъ исторической школы Муромцевъ беретъ идею закономѣрности, отъ школы естественнаго права—идею творчества. Идея творчества по началу закономѣрности,—такова основная научная идея Муромцева, которая становится и его политическимъ лозунгомъ.

Философское міровоззрѣніе Муромцева—строго позитивное, воспитанное на Миллѣ и Бэнѣ. И въ то же время въ этомъ человѣкѣ горѣлъ яркимъ свѣтомъ идеалистическій огонь. Противорѣчія здѣсь нѣтъ. Муромцевъ страстно желалъ улучшенія общественнаго быта, устраненія нескладности и несправедливости. Но никогда онъ не смѣшивалъ того, что есть, съ тѣмъ, чего онъ желалъ. И именно потому, что онъ желалъ видѣть дѣйствительность, измѣненную согласно своему идеалу, онъ никогда не обманывалъ себя относительно дѣйствительности и смотрѣлъ дѣйствительности прямо въ глаза. Чтобы дать вѣрное изображеніе С. А. Муромцева на полотнѣ, отражающее его духовный обликъ, художникъ не долженъ рисовать его ни съ опущеннымъ взоромъ, ни съ поднятыми кверху глазами: Муромцевъ смотрѣлъ прямо впередъ.

---

[1]) Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи, стр. 34.
[2]) Тамъ же, стр. 35.
[3]) Тамъ же, стр. 33.

Вѣрность положенія le style c'est l'homme, какъ нельзя болѣе оправдывалось на Муромцевѣ. Манера писанія его спокойная, величественная, и въ то же время пластичная. Та же манера отличала его устное изложеніе, и, когда при немъ говорили, что преподаватель въ своихъ лекціяхъ долженъ снизойти до уровня пониманія своихъ слушателей, то Муромцевъ неизмѣнно повторялъ: „я предпочитаю поднимать слушателей до уровня моего пониманія".

Если незабвенный образъ Сергѣя Андреевича, какъ человѣка, останется навсегда въ памяти тѣхъ, кто имѣлъ счастье знать его лично, если исторія введетъ его, какъ политическаго дѣятеля, въ кругъ коронованныхъ ею личностей, то русская наука права можетъ гордится тѣмъ слѣдомъ, который надолго отпечатанъ въ ней профессоромъ Муромцевымъ.

Г. Шершеневичъ.

Политическая дѣятельность до Государственной Думы.

Подъ сводами Таврическаго дворца величавая личность Сергѣя Андреевича Муромцева развернулась въ яркомъ блескѣ для взоровъ всего культурнаго міра, снискавъ себѣ историческое безсмертіе. Обстоятельства избранія Муромцева на постъ предсѣдателя первой Государственной Думы ясно показываютъ, что это избраніе было предуготовано всей предшествующей дѣятельностью этого человѣка на поприщѣ общественнаго служенія. Около его кандидатуры не было и слѣда не только какой-нибудь избирательной борьбы, но даже какихъ-либо мимолетныхъ сомнѣній и колебаній. При одномъ произнесеніи его имени всѣ и каждый безъ всякихъ оговорокъ находили, что это—кандидатъ единственный и безспорный. И это единодушіе не было результатомъ безотчетнаго порыва; наоборотъ, въ данномъ случаѣ „общая воля“ достигала полной сознательности и опредѣленности. Въ высшей степени рѣдки случаи столь единодушныхъ выборовъ; но еще болѣе рѣдки случаи столь блестящаго оправданія всеобщихъ ожиданій. Извѣстно, что дѣятельность первой Думы не была свободна отъ внутреннихъ конфликтовъ. Но была въ жизни первой Думы сторона, въ отношеніи которой, безъ всякаго исключенія, всѣ до одного перводумцы, независимо отъ различія своей политической окраски, жили „единымъ духомъ“ и высказывались „едиными усты“. Я разумѣю единодушіе въ безусловномъ признаніи высокаго и непререкаемаго авторитета личности предсѣдателя. Этотъ авторитетъ былъ признаваемъ всѣми депутатами и во всѣхъ случаяхъ, включая сюда и такіе моменты, въ которыхъ отдѣльные депутаты не соглашались съ точкой зрѣнія предсѣдателя.

Единодушіе выбора Сергѣя Андреевича на постъ предсѣдателя Думы показывало, какъ *высока* была всеобщая оцѣнка его предшествующей общественной дѣятельности; единодушіе всеобщаго восхищенія его предсѣдательствованіемъ въ Государственной Думѣ показываетъ, какъ *вѣрна* была эта высокая оцѣнка его предшествующей дѣятельности, выразившаяся въ его выборахъ.

Такимъ образомъ, если Муромцевъ сталъ историческимъ лицомъ въ качествѣ предсѣдателя первой Государственной Думы, то и въ задачу историческаго освѣщенія его личности неминуемо входятъ два вопроса: не только вопросъ о томъ, чѣмъ онъ былъ для Думы, какъ предсѣдатель, но и о томъ, почему онъ сталъ предсѣдателемъ Думы. Отвѣтомъ на второй вопросъ и можетъ послужить очеркъ той его общественной дѣятельности, которая открыла ему двери Таврическаго дворца и проложила ему никѣмъ не оспоренную дорогу къ трибунѣ предсѣдателя перваго русскаго парламента.

Обзоръ до-думской общественной дѣятельности Сергѣя Андреевича въ ея отдѣльныхъ развѣтвленіяхъ читатель найдетъ въ рядѣ спеціальныхъ очерковъ въ настоящемъ сборникѣ. На мою долю выпадаетъ задача отмѣтить нѣкоторыя общія характерныя черты этой дѣятельности въ связи съ тѣми условіями нашей общественности, въ которыхъ ей пришлось развертываться. Я глубоко сознаю отвѣтственность этой задачи и заранѣе прошу снисхожденія у читателя къ несовершенству ея выполненія.

I.

Предсѣдательствованіе Сергѣя Андреевича въ первой Государственной Думѣ показало всѣмъ и каждому, что это былъ человѣкъ, рожденный для широкой политической дѣятельности, для открытой парламентской общегосударственной работы. А между тѣмъ, волею суровой судьбы, онъ былъ обреченъ въ теченіе почти всей жизни развивать свою дѣятельность въ тискахъ политическаго безвременья, въ которыхъ самая легальная по существу своему общественная работа, если только она не была снабжена казенной маркой, неминуемо получала характеръ кружковой конспираціи. Но и этого мало. Не только частныя общественныя начинанія, но и сами правительственныя, Высочайшей властью установленныя учрежденія подпадали тогда подъ огульную опалу со стороны пра-

вящихъ сферъ, лишь только внутренній строй и направленіе дѣятельности этихъ учрежденій оказывались несовпадающими съ перемѣнчивыми теченіями петербургской политики. Такъ было, напримѣръ, съ городскимъ и въ еще большей мѣрѣ съ земскимъ самоуправленіемъ. Городскія думы и земскія собранія—эти офиціальные органы публичной власти—сплошь да рядомъ трактовались правящими сферами съ неменьшей подозрительностью и съ неменѣе легкомысленной неуважительностью, нежели и совершенно частные кружки или общества, если только правительство подмѣчало въ дѣятельности думъ и земствъ проявленіе свободной инициативы и независимости. При такихъ условіяхъ легко можно было подпасть подъ дѣйствіе строгихъ каръ за политическую неблагонадежность, не имѣя ничего общаго съ какою бы то ни было революціонною дѣятельностью, лишь за одно точное, но независимое выполненіе тѣхъ обязанностей городского или земскаго гласнаго, которыя самимъ закономъ были включены въ кругъ дѣятельности названныхъ учрежденій. Послѣ всѣхъ освободительныхъ реформъ 60-хъ годовъ минувшаго вѣка и несмотря на эти реформы, правительство продолжало относиться къ обществу точно такъ же, какъ относилось къ нему и правительство Николая I, не какъ къ совокупности сознательныхъ гражданъ, а какъ къ „публикѣ", которой разрѣшается лишь со стороны разсматривать происходящее на политической сценѣ, отнюдь не вмѣшиваясь въ ходъ совершающихся тамъ дѣйствій. И къ какому бы общественному дѣлу ни пожелалъ приложить свою энергію русскій гражданинъ, всюду неминуемо ожидала его эта глухая стѣна правительственной закоснѣлости въ отрицаніи за обществомъ всякаго права на самоопредѣленіе и самодѣятельность. Объявляя безпощадную войну политическимъ „утопіямъ", правительство само становилось на чисто утопическую почву, ибо цѣль, которую оно себѣ ставило, была явно неосуществимой. Вѣдь эта цѣль сводилась къ тому, чтобы начисто вытравить изъ общественной массы всякіе слѣды интереса къ государственнымъ вопросамъ, всякія стремленія къ участію въ улучшеніи своей собственной жизненной доли. Достиженіе такой цѣли не удавалось никогда никакому правительству, ибо она недостижима по самому своему существу, зато упорное стремленіе къ такой цѣли со стороны правительства всегда и всюду приводило къ результатамъ, вовсе не входившимъ въ расчеты правительственныхъ сферъ: не искореняя дочиста духа общественной инициативы, оно лишь за-

каляло въ противоправительственномъ направленіи тѣ элементы общества, которые не могли и не желали заглушить въ себѣ сознанія гражданскаго долга.

И вотъ, въ теченіе 70, 80 и 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія—какъ разъ періодъ до-думской общественной дѣятельности Муромцева—все росла и росла вглубь та бездна, которую само правительство начало рыть между собою и обществомъ еще съ конца 60-хъ годовъ этого столѣтія. Вся прогрессивная Россія была объявлена „красной“, „мятежной“, „крамольной“. Правительство сознательно разрывало со всѣми творческими теченіями въ обществѣ и спѣшило забаррикадироваться отъ нихъ полицейскими репрессіями всякаго рода.

Прогрессивные элементы общества весьма различно отзывались на этотъ образъ дѣйствій правительства. Часть этихъ элементовъ дѣйствительно ринулась туда, куда ихъ усиленно загоняла близорукая правительственная политика,—въ революціонное подполье. И какъ ни разнообразны были первоначально планы различныхъ революціонныхъ партій—въ концѣ-концовъ надъ всѣми теченіями тамъ превозобладало одно—активный терроръ.

Другая, значительнѣйшая часть прогрессивныхъ дѣятелей,—къ которой принадлежали многіе представители науки и многіе дѣятели мѣстнаго самоуправленія,—не видѣла въ террорѣ здороваго и цѣлесообразнаго способа политической борьбы за лучшее будущее родины. Они полагали, что революціонный терроръ, пугая правящія сферы, въ то же время пугаетъ и большинство населенія, и это чувство испуга вмѣсто распространенія въ обществѣ прогрессивныхъ стремленій бросаетъ его въ объятія политической реакціи. Они полагали далѣе, что разрушительная дѣятельность замкнутыхъ подпольныхъ кружковъ не можетъ создать настоящихъ гарантій для правильнаго использованія плодовъ побѣды надъ старымъ порядкомъ, если бы даже такая побѣда и выпала въ концѣ-концовъ на долю революціонныхъ организацій, ибо для дѣйствительнаго перехода къ лучшему порядку вещей необходимо предварительное гражданское воспитаніе общественныхъ массъ, а такое воспитаніе можетъ достигаться лишь при условіи самостоятельнаго участія этихъ массъ въ общественной борьбѣ, между тѣмъ это участіе немыслимо, когда самая борьба принимаетъ подпольный, заговорщическій характеръ.

Во имя этихъ соображеній сторонники широкой общественной

иниціативы въ ходѣ политическаго прогресса и представители идеи правового порядка ставили себѣ иную задачу, предначертывали для себя иной способъ дѣйствій, нежели послѣдователи подпольнаго террора. Правительство стремилось вытѣснить также и ихъ съ арены легальной общественной дѣятельности. Но они рѣшали, отнюдь не уступая этой арены и не скрываясь въ подполье, твердо отстаивать на всѣхъ легальныхъ позиціяхъ начала законности противъ постоянныхъ нарушеній этихъ началъ со стороны правительства. Они полагали, что такого рода дѣятельность, несмотря на всю ея затруднительность, не можетъ не приносить добрыхъ плодовъ двоякаго рода. Во-первыхъ, она должна будетъ ставить извѣстныя преграды царству произвола въ его различныхъ текущихъ проявленіяхъ; пусть даже въ большинствѣ такихъ случаевъ произволъ, опирающійся на силу, одерживаетъ верхъ; но громадная разница—будутъ ли встрѣчаться такіе акты произвола покорнымъ молчаніемъ тѣхъ мѣстъ, до которыхъ они будутъ относиться, или эти акты будутъ вызывать каждый разъ легальный протестъ во имя строгой законности; въ первомъ случаѣ господство произвола будетъ находить себѣ хотя бы внѣшнее оправданіе во всеобщемъ молчаливомъ его принятіи; во второмъ случаѣ,—каждый разъ будетъ громко и отчетливо заявлено о томъ, что произволъ есть насиліе и надъ гражданами, и надъ самимъ закономъ, и склоннымъ къ произволу носителямъ власти придется преодолѣвать не малыя тренія для проведенія своихъ произвольныхъ распоряженій, придется вступать въ борьбу съ послѣдовательными защитниками правомѣрной законности и въ такой борьбѣ обнажать вполнѣ свою собственную противозаконную сущность; при такихъ условіяхъ, чѣмъ грубѣе будетъ конечная побѣда произвола, тѣмъ она будетъ безславнѣе, тѣмъ очевиднѣе для всѣхъ и каждаго станетъ его внутренняя несостоятельность, его вредоносность и недопустимость.

Наряду съ этимъ, система легальной борьбы за правовыя начала имѣла въ виду и иные важные положительные результаты. Только такая борьба съ произволомъ могла явиться настоящей школой гражданскаго воспитанія для широкихъ слоевъ населенія, пріучая эти слои къ активному отстаиванію своихъ интересовъ и своихъ правъ на твердой почвѣ закона. Вѣдь ареной такой борьбы должны были служить учрежденія офиціальныя и частныя, непосредственно связанныя со всей общественной массой.

Городская дума, земское собраніе, то или иное просвѣтитель-

ное общество и т. п.,—все это органы широкихъ общественныхъ интересовъ, дѣятельность которыхъ и составляетъ существеннѣйшую часть внутренней жизни общества. Поддерживать въ такого рода учрежденіяхъ духъ независимости, сознаніе своихъ правъ и привычку къ послѣдовательному отстаиванію этихъ правъ противъ всякихъ произвольныхъ на нихъ посягательствъ,—не значило ли призывать все общество въ его совокупности къ сознательной гражданской жизни, къ практическому осуществленію правовыхъ началъ, къ законному протесту противъ неправомѣрной дѣятельности правительства? Сторонники этого метода общественной борьбы за правовыя начала полагали, что именно такое проясненіе гражданскаго сознанія въ общественной массѣ на практикѣ, на живомъ дѣлѣ, всего вѣрнѣе можетъ приблизить эпоху обновленія политической жизни Россіи, эпоху ея перехода къ болѣе совершеннымъ формамъ государственнаго устройства, основаннымъ на ограниченіи абсолютизма народнымъ представительствомъ.

Уходъ въ подполье означалъ добровольный отказъ ради цѣлей политической борьбы отъ пользованія законными правами, которыя правительственная власть не желала соблюдать.

Легальное отстаиваніе правовыхъ началъ сводилось къ настойчивому стремленію использовать непремѣнно и во всѣхъ случаяхъ свои несомнѣнныя права вопреки незаконному отрицанію этихъ правъ со стороны правительства.

Оба эти теченія—и подпольно-революціонное, и легально-оппозиціонное—встрѣтили въ лицѣ правительства одинаково безпощаднаго и не желавшаго идти ни на какія уступки врага. Но по своему внутреннему характеру боевыя позиціи каждаго изъ этихъ теченій были существенно различны. Подпольные борцы, ставившіе своей цѣлью непосредственную подготовку революціоннаго переворота, выступали мятежниками противъ всего существующаго порядка и стремились къ его немедленному насильственному ниспроверженію. Представители легальной оппозиціи, дорожившіе прежде всего прививкой правовыхъ идей общественному сознанію,—наоборотъ, объявляли реакціонную дѣятельность самого правительства незаконнымъ мятежомъ противъ законныхъ общественныхъ правъ [1]). И ихъ борьба съ правительствомъ сводилась прежде

---

1) Очень рельефно выражена эта точка зрѣнія на мятежническій характеръ реакціи въ новогодней публицистической статьѣ С. А. Муромцева на 1880 г. Здѣсь

всего къ борьбѣ за свободу своей открытой легально-оппозиционной дѣятельности. Загнать также и этихъ людей въ революціонное подполье—такова была цѣль правительственныхъ стремленій. А сами эти люди видѣли, наоборотъ, весь смыслъ своей дѣятельности какъ разъ въ проповѣди и практическомъ отстаиваніи правовыхъ началъ непремѣнно на открытой общественной аренѣ. Получалось прямо парадоксальное на первый взглядъ соотношеніе позицій: тѣ, кого сверху клеймили названіемъ „красныхъ", дорожили всего болѣе легальными формами общественной борьбы, а само правительство какъ будто полагало свой интересъ въ томъ, чтобы возможно большее количество общественныхъ дѣятелей было превращено въ подпольныхъ революціонеровъ.

Мнѣ кажется, изъ сказаннаго до сихъ поръ въ достаточной мѣрѣ явствуетъ, какъ отвѣтственна, сложна и тяжела была политическая роль сторонниковъ правомѣрной оппозиціи, какой великій запасъ несокрушимой вѣры въ свои идеалы былъ для нихъ необходимъ для того, чтобы настойчиво выдерживать эту роль среди всѣхъ затрудненій и превратностей, которыя изъ нея вытекали. Я говорю не объ опасности со стороны правительственныхъ репрессій. Эта опасность разумѣлась сама собой и была неизбѣжна въ то время для всякаго, кто не мирился съ простымъ растительнымъ существованіемъ, а хотѣлъ такъ или иначе участвовать въ общественной борьбѣ, какія бы формы этой борьбы онъ ни избиралъ для себя. Я говорю о сложности и трудности самаго существа той задачи, за которую брались общественные дѣятели интересующаго насъ типа. Смыслъ ихъ дѣятельности сводился къ тому, чтобы привлечь широкое общество къ сознательной правомѣрной борьбѣ за свои права въ существующихъ легальныхъ учрежденіяхъ. Участіе въ такой борьбѣ требуетъ значительной высоты общественнаго сознанія. Достиженіе этой высоты со стороны общественной массы возможно лишь путемъ продолжительной практики на поприщѣ открытой общественной дѣятельности; но установленіе такой практики какъ разъ и тормозилось совокуп-

---

читаемъ: „спрашивается, которое изъ двухъ стремленій, борющихся теперь въ обществѣ открыто, одержитъ верхъ въ ближайшемъ будущемъ? Останется ли побѣда на сторонѣ разрушителей, которые, прикрываясь именемъ „охранителей", подкапываются подъ лучшія идеи шестидесятыхъ годовъ, или же ее удержитъ противная сторона, сторона истинныхъ охранителей, консерваторовъ, которые стоятъ за охраненіе сказанныхъ идей?". См. С. Муромцевъ „Статьи и рѣчи". М. 1910 г., вып. V, стр. 1.

ностью наличныхъ условій, когда всѣ органы самоуправленія были взяты подъ огульное подозрѣніе въ неблагонадежности, а на всѣ частныя общественныя начинанія—будь то какіе-нибудь скромные кружки, будь то такія мощныя, всероссійскія организаціи, какимъ являлся, напр., въ прежніе годы Московскій Комитетъ Грамотности,—правительственная власть смотрѣла не иначе, какъ на гнѣздилища крамолы. При такихъ условіяхъ руководителямъ открытой оппозиціи приходилось одновременно бороться на два фронта—и съ репрессіями, которыя въ изобиліи сыпались сверху, и съ робостью, нерѣшительностью и недостаточнымъ пониманіемъ сущности ихъ стремленій со стороны той рядовой обывательской массы, на политическое воспитаніе которой были возложены всѣ ихъ надежды. Въ пылу самой борьбы, передъ лицомъ врага имъ приходилось только еще формировать свою будущую армію. Бывали случаи, когда самая жизненность очередныхъ вопросовъ собирала около ихъ лозунговъ внушительныя общественныя силы; но нерѣдко бывало иначе: масса частью еще не была проникнута сознаніемъ всей важности ихъ задачъ, частью сочувствовала этимъ задачамъ лишь платонически, пассивно, не выходя изъ своихъ житейскихъ норъ.

Но чѣмъ труднѣе была очерченная задача, тѣмъ большее значеніе придавали ея выполненію руководители легальной оппозиціи. Послѣдовательно стремились они къ тому, чтобы вездѣ, гдѣ только было возможно, создавать большіе или малые очаги сознательнаго культивированія идей правового порядка, открытой защиты этихъ идей въ практической общественной работѣ. Городское и земское самоуправленіе, журналистика, научныя, просвѣтительныя и другія общества, частные кружки съ болѣе узкими задачами и т. п.—таковы были наиболѣе обычныя точки приложенія для ихъ дѣятельности. Они считали необходимымъ во главѣ каждаго изъ такихъ учрежденій или начинаній образовать ядро преданныхъ дѣлу идейныхъ работниковъ, которое бы развивало затѣмъ сплачивающее и формирующее воздѣйствіе на окружающую среду. Пусть иногда такая организація будетъ невелика и скромна по кругу своего вліянія. Все-таки стоитъ надъ ней работать; ибо и капля долбитъ камень, и малое, но жизнеспособное сѣмя выпускаетъ высокій стебль. Пусть на всякую такую организацію сыпятся подозрѣнія сверху въ тайныхъ подпольныхъ стремленіяхъ, нужно до послѣдней возможности отстаивать свое право

на открытое оказательство своей дѣятельности, ибо въ этой-то борьбѣ за открытое осуществленіе своихъ законныхъ правъ какъ разъ и развертывается во всей яркости правовая идея и вырабатывается привычка и потребность проводить эту идею въ дѣйствительную жизнь.

II.

Въ предшествующемъ изложеніи я пытался намѣтить основныя, исходныя черты того типа общественныхъ борцовъ, яркимъ выразителемъ котораго являлся, по моему мнѣнію, Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ вплоть до той поры, когда русская революція 900-хъ г. открыла передъ нимъ иныя условія общественной работы. Въ той публицистической статьѣ, которую я уже цитировалъ и которая была написана Сергѣемъ Андреевичемъ въ концѣ царствованія Александра II, онъ съ большой отчетливостью формулируетъ характеризованную мною выше программу; отказываясь предрекать, по какому руслу пойдетъ въ ближайшемъ будущемъ потокъ общественной жизни, С. А. считаетъ нужнымъ напомнить тѣ „общія данныя", которыя съ его точки зрѣнія необходимы во всякомъ случаѣ для цѣлесообразной работы надъ усовершенствованіемъ окружающихъ условій и порядковъ. „Каждая идея, чтобы быть дѣйствительною силою, должна найти почву, подготовленную для ея воспріятія. Таково первое данное. Второе заключается въ томъ, что самый обыкновенный человѣкъ познаетъ все достоинство идей, сохраняющихъ его личное благосостояніе, именно въ такое время, когда идеи начинаютъ отвергаться. Цѣна собственности, напр., познается именно тогда, когда обнаруживаются посягательства на нее; цѣна праваго труда—тогда, когда подымаетъ голову неправый трудъ, неправое обогащеніе; цѣна личной неприкосновенности или неприкосновенности жилища,—когда неприкосновенность исчезаетъ и т. д., и т. д. Такимъ образомъ, есть идеи, которыя распространяются особенно быстро и усваиваются особенно сильно въ періоды, когда распространеніе ихъ обложено высокою пошлиною. Кто желаетъ руководить общественною жизнью, тотъ долженъ принять во вниманіе это свойство человѣческой мысли. Третье данное: сила, господствующая въ обществѣ, чтобы сохранить свой авторитетъ, должна быть послѣдовательною въ своихъ дѣйствіяхъ. Однажды положивъ въ основаніе жизни извѣстныя начала, надо сохранить къ нимъ уваженіе. Наконецъ,

еще данное: „чтобы разнообразные элементы силы могли имѣть вліяніе, они должны быть организованы“, говоритъ Милль. Чтобы общество могло бороться съ вредными стремленіями, откуда бы они ни происходили, оно должно быть организовано для такой борьбы. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей мы встрѣчаемъ новый годъ. Пусть онъ принесетъ русскому обществу возможность выразить активно всѣ свои живыя силы на пути законнаго и мирнаго развитія“ [1]).

Этотъ отрывокъ, думается мнѣ, въ высшей степени характеренъ для политическаго міровоззрѣнія Муромцева. „Законное и мирное развитіе“—таковъ его идеалъ. Пропаганда здравыхъ политическихъ идей и организація общественныхъ силъ для осуществленія этихъ идей и для борьбы съ вредоносными для нихъ вліяніями—таково средство приближенія къ этому идеалу. Но—чтобы идея стала силой, она должна найти готовую почву для своего воспріятія. И Муромцевъ настаиваетъ на томъ, что самое гоненіе на идею создаетъ почву для торжества гонимой идеи въ сознаніи общества. Вотъ—утвержденіе многозначительное въ устахъ того, кто дѣйствовалъ въ эпоху все усиливавшейся реакціи, воюя съ ея гнетомъ и не сгибаясь подъ нимъ. Таково дѣйствительно было основное стремленіе дѣятелей этого направленія: превратить самые удары реакціи въ орудіе борьбы съ ея силой, къ этому сводилась сущность ихъ боевой программы. Попраніе свободы должно заставить всѣхъ и каждаго особенно высоко цѣнить ея блага и стремиться къ ихъ достиженію. Нужно только помочь этому чувству любви къ свободѣ оформиться въ опредѣленно сознательныя убѣжденія и стремленія и сплотить проникнутые этими стремленіями элементы общества въ организованное цѣлое. Муромцевъ формулировалъ эти положенія въ статьѣ, написанной въ началѣ 1880 года, когда еще можно было гадать на-двое относительно дальнѣйшихъ изгибовъ курса нашей внутренней политики. Въ дѣйствительности оказалось, что Россія находилась тогда наканунѣ новаго тягчайшаго и затяжного пароксизма правительственной реакціи, который все обострялся въ теченіе двухъ слѣдующихъ десятилѣтій. И программа дѣйствій, набросанная въ 1880 г., стала на дѣлѣ для С. А. Муромцева руководящей нитью для всей его послѣдующей общественной работы вплоть до мо-

---

[1]) „Статьи и рѣчи“, вып. V, стр. 2.

мента его вступленія на предсѣдательскую трибуну первой Думы... Какъ ни разнообразны были отдѣльныя отрасли этой его работы, внутренній смыслъ каждой изъ нихъ сводился къ одной основной задачѣ: къ выковыванію оружія для борьбы съ реакціей изъ тѣхъ самыхъ условій общественной жизни, которыя этой реакціей создавались. Начала правомѣрнаго государственнаго порядка на каждомъ шагу попирались произвольными дѣйствіями власти. И Муромцевъ пользовался этимъ для иллюстрированія того глубокаго жизненнаго значенія, которое присуще исповѣдуемому имъ идеалу правомѣрной свободы и того тяжкаго ущерба, который наносится странѣ попираніемъ этого идеала. Въ любое учрежденіе, въ любую организацію, къ которой онъ примыкалъ, онъ входилъ именно для того, чтобы еще на новомъ пунктѣ развернуть все то же призывное знамя. И онъ доказалъ всей этой дѣятельностью, что не даромъ, не ради фразы были имъ написаны въ 1880 г. слова: „сила, желающая сохранить въ обществѣ авторитетъ, должна быть послѣдовательною въ своихъ дѣйствіяхъ; однажды положивъ въ основаніе жизни извѣстныя начала, надо сохранить къ нимъ уваженіе". Эти слова служили для Сергѣя Андреевича дѣйствительнымъ жизненнымъ лозунгомъ, неизмѣнно руководившимъ его поступками.

Онъ проводилъ свою программу и въ качествѣ профессора, и въ качествѣ журналиста, и въ качествѣ городского и земскаго гласнаго, и въ качествѣ предсѣдателя Юридическаго Общества, и въ качествѣ участника различныхъ частныхъ кружковъ и организацій.

Мы уже знаемъ, что это не была только его *личная* программа. Осуществляя ее, онъ примыкалъ къ цѣлой опредѣленной полосѣ общественнаго движенія, которую я пытался охарактеризовать въ началѣ настоящей статьи. Однако, работая плечо о плечо съ цѣлой фалангой дѣятелей однороднаго съ нимъ типа, Сергѣй Андреевичъ не могъ не вносить въ эту общую работу своихъ индивидуальныхъ чертъ, особенностей, присущихъ именно его личности. На этихъ-то личныхъ особенностяхъ его общественной работы я и позволю себѣ теперь остановить вниманіе читателя.

III.

Во всякое дѣло, въ которое входилъ Сергѣй Андреевичъ, онъ вносилъ съ собою прежде всего *устрояющую, формирующую*

струю. Если дѣло получало въ его глазахъ общественную важность, онъ прежде всего выступалъ съ требованіемъ строгаго внѣшняго упорядоченія его веденія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ послѣдователенъ до педантизма и тѣмъ болѣе настойчивъ, чѣмъ беззаботнѣе склонны были относиться къ этой сторонѣ дѣла окружающіе его сотоварищи. Ни одна мелочь не ускользала при этомъ отъ его зоркаго взгляда, ибо въ общественномъ дѣлѣ онъ и по существу не признавалъ мелочей. Общественное предпріятіе, правильно налаженное, рисовалось всегда въ его сознаніи цѣлостнымъ механизмомъ, для безпрепятственнаго дѣйствія котораго необходимъ одинаково тщательный уходъ за каждымъ колесикомъ, за каждымъ винтикомъ. Незадолго до кончины онъ разсказывалъ мнѣ объ организаціонномъ засѣданіи одного вновь открывшагося общества, на которомъ должны были происходить выборы членовъ бюро. „Пришелъ и сейчасъ же началъ порядокъ наводить, шутливо говорилъ Сергѣй Андреевичъ,—всѣ баллотировочные ящики велѣлъ переставить; поставили ихъ, какъ попало: послѣ предсѣдательскаго—секретарскій, а тамъ—товарища предсѣдателя и т. д. Мнѣ говорятъ—„все равно, не стоитъ переставлять"; какъ не стоитъ? при баллотированіи необходимо устранить возможность какой бы то ни было путаницы".

Вотъ штрихъ мимолетный, но глубоко-характерный. Надо сказать, что въ данномъ случаѣ исходъ выборовъ дѣйствительно не могъ возбуждать почти никакихъ сомнѣній, но для Сергѣя Андреевича это обстоятельство не имѣло значенія; безпорядокъ, небрежность въ веденіи общественнаго дѣла сами по себѣ уже претили его натурѣ, оскорбляли эстетическую сторону его общественныхъ чувствъ. Однако, помимо того, указанная черта имѣла и болѣе глубокіе корни въ душѣ Сергѣя Андреевича. Здѣсь сказывалась прежде всего присущая ему точная послѣдовательность во всѣхъ его дѣйствіяхъ и наклонностяхъ. Вѣдь правомѣрная организованность общественной жизни составляла какъ разъ сущность его политическаго идеала. Неустроенность, капризная случайность, хаосъ отождествлялись въ его представленіи съ господствомъ произвола и тираніи; точное установленіе общественныхъ формъ, одинаково всѣми соблюдаемыхъ и равно для всѣхъ обязательныхъ, онъ считалъ единственно надежнымъ условіемъ осуществленія свободы и правового порядка. И онъ полагалъ, что и самые пріемы борьбы за тотъ или иной идеалъ, должны нести на себѣ черты

этого идеала. Глашатаи правового порядка должны въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ и пріемахъ проявлять постоянно уваженіе къ правомѣрнымъ формамъ дѣятельности и умѣнье строго придерживаться ихъ на практикѣ. И потому-то Сергѣй Андреевичъ былъ такъ щепетиленъ и требователенъ въ вопросахъ внѣшняго распорядка при веденіи всякаго общественнаго начинанія, въ особенности, если оно имѣло политическое значеніе и должно было оказывать въ этомъ направленіи воспитательное воздѣйствіе на общество. Ярко выразилась эта черта въ томъ предложеніи, которое сдѣлалъ Сергѣй Андреевичъ при обсужденіи проекта конституціи на московскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ іюлѣ 1905 г. „Я предлагаю,—сказалъ тогда Муромцевъ,—примѣнить въ данномъ случаѣ заграничный способъ послѣдовательнаго чтенія проектовъ. Можно теперь принять проектъ en bloc въ первомъ чтеніи, затѣмъ уже мы приступимъ ко второму детальному его чтенію, а затѣмъ будемъ окончательно голосовать его въ третьемъ чтеніи. *Важно, чтобы передъ обществомъ была живая фигура конституціоннаго режима.* Предлагаю сегодня принять проектъ въ первомъ чтеніи, что нисколько не свяжетъ насъ въ отношеніи дальнѣйшихъ поправокъ. Второе чтеніе—на слѣдующемъ съѣздѣ. Въ промежуткѣ—чтеніе и разработка на мѣстахъ“ [1]).

Такъ, слѣдуя въ подобныхъ случаяхъ потребностямъ собственной натуры и складу своего ума, Сергѣй Андреевичъ въ то же время выдвигалъ необходимость соблюденія точнаго внѣшняго распорядка работъ и какъ дисциплинирующую мѣру, какъ одно изъ средствъ политическаго воспитанія общества. Нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи онъ необычайно чутко улавливалъ первостепенную по своей важности общественную потребность. Слишкомъ любятъ у насъ въ Россіи бравировать нападками на точное соблюденіе формъ, считая это излишнимъ, внѣшнимъ педантизмомъ. И какъ часто такимъ видимымъ предпочтеніемъ внутренней сути внѣшнему порядку прикрывается просто-напросто отсутствіе выдержки въ веденіи общественныхъ дѣлъ, халатность, умственная лѣнь, распущенность, въ которыхъ какъ разъ и гибнетъ самая суть предпринятаго дѣла. Эти свойства, столь часто встрѣчающіяся въ русскомъ обществѣ, находили въ Сергѣѣ Андреевичѣ неутомимаго врага. Онъ почиталъ одною изъ первыхъ своихъ

---

[1]) В. Д. Набоковъ, „Пять лѣтъ назадъ“—*Русская Мысль*, 1910, № 11.

гражданскихъ обязанностей—и личнымъ примѣромъ и предъявленіемъ соотвѣтствующихъ категорическихъ требованій своимъ сотрудникамъ—неустанно призывать общество къ сознанію отвѣтственности за каждый предпринимаемый шагъ, къ строгой упорядоченности всѣхъ своихъ дѣйствій, къ точному соблюденію однажды установленныхъ правилъ. Стоило хотя немного покороче узнать Сергѣя Андреевича, чтобы тотчасъ убѣдиться, что его влекло къ строгому соблюденію формъ въ общественныхъ дѣлахъ именно это сознаніе внутренней важности внѣшняго порядка для интересовъ самаго дѣла, а вовсе не какой-нибудь безотчетный педантизмъ. Только очень поверхностный наблюдатель могъ бы счесть Муромцева педантомъ въ виду его указанныхъ выше свойствъ и пріемовъ. Именно педантизмъ былъ совершенно чуждъ его натурѣ. Мнѣ много разъ приходилось слышать, какъ Муромцевъ съ неодобреніемъ и ироніей говорилъ о смѣшной страсти русскихъ людей при выработкѣ устава для какого-нибудь общества подробнѣйшимъ образомъ предрѣшать въ параграфахъ устава всѣ мелочи дѣлового распорядка. И когда ему доводилось принимать личное участіе въ такихъ обсужденіяхъ, онъ всегда рѣшительнымъ образомъ возражалъ противъ излишняго развитія регламентаціи. Для нѣкоторыхъ такія возраженія казались странными и неожиданными въ устахъ строгаго блюстителя формъ. На самомъ дѣлѣ здѣсь, какъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ Муромцева, была полная послѣдовательность.

Онъ отлично зналъ, что ярые охотники до составленія подробныхъ уставовъ первые потомъ начнутъ обходить и нарушать составленныя ими многочисленныя правила. Муромцевъ же потому и настаивалъ на сведеніи правилъ къ самому необходимому минимуму, что все уже вошедшее въ уставъ онъ почиталъ необходимымъ исполнять свято и неукоснительно. И вотъ, когда дѣйствительно педантичные умы увлекались логическими тонкостями, предлагая параграфъ за параграфомъ при выработкѣ какого-нибудь новаго устава, Муромцевъ вмѣсто этой отвлеченной игры ума взвѣшивалъ реальную, жизненную обстановку дѣятельности будущаго общества и только къ условіямъ этой обстановки пригонялъ свои предложенія. И не въ качествѣ педанта, а въ качествѣ дальновиднаго психолога властно и требовательно становился онъ на стражѣ соблюденія однажды принятаго порядка во всѣхъ тѣхъ организаціяхъ, которыми ему доводилось руководить. Онъ зналъ,

что внѣшняя неисполнительность нераздѣльна съ упадкомъ внутренняго усердія къ дѣлу. И этотъ внутренній смыслъ требовательности Сергѣя Андреевича по отношенію къ точному соблюденію формъ всегда прекрасно чувствовался всѣми, кто работалъ подъ его руководствомъ.

Общественно - воспитательная цѣль этой требовательности достигалась, такимъ образомъ, въ полной мѣрѣ. Предсѣдательствуя, онъ священнодѣйствовалъ. И для всѣхъ было ясно, что этимъ онъ лишь выражаетъ уваженіе высокому значенію того дѣла, которому служитъ. И каждый въ его присутствіи въ свою очередь проникался этимъ повышеннымъ настроеніемъ, сознательно или инстинктивно начиная относиться къ общественной работѣ, какъ къ общественному служенію. Въ воспоминаніяхъ о Сергѣѣ Андреевичѣ, напечатанныхъ г-жею Нелидовой-Маклаковой, находимъ любопытное указаніе на то, какъ дѣйствовали пріемы предсѣдательствованія Сергѣя Андреевича въ этомъ направленіи. Г-жа Нелидова разсказываетъ, какъ одинъ крестьянинъ, побывавшій въ первой Думѣ и спрошенный, нравится ли ему, какъ предсѣдательствуетъ Муромцевъ, съ чувствомъ и умиленнымъ выраженіемъ лица отвѣтилъ: „очень нравится,—точно митрополитъ въ соборѣ служитъ“,— не такимъ же ли видали мы его нѣкогда и на предсѣдательскомъ креслѣ Московскаго Юридическаго Общества? Позволю себѣ привести маленькое автобіографическое признаніе. Студентомъ перваго курса, только что прибывшимъ въ Москву изъ далекой восточной провинціальной окраины, я попалъ на одно изъ засѣданій названнаго Общества. Муромцевъ предсѣдательствовалъ. На этотъ разъ онъ не произносилъ никакой рѣчи, а только вставалъ съ своего мѣста—строгій и сосредоточенный—для доклада текущихъ дѣлъ. Но одинъ видъ его осанки, одинъ тонъ его голоса, въ которомъ какъ-то неуловимо сливались и выраженіе уваженія къ присутствующимъ, и выраженіе чувства собственнаго достоинства, и признаніе важности занимающаго всѣхъ дѣла, были цѣлымъ откровеніемъ для молодого провинціала студента. И я какъ-то сразу почувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, что отличаетъ гражданина отъ обывателя и общественное дѣло отъ частнаго времяпровожденія. Конечно, я и до того давно уже понималъ умомъ смыслъ этого различія. Но зрѣлище предсѣдательствованія Муромцева сразу развернуло передо мною живую сущность этихъ понятій.

Строгій блюститель внѣшней упорядоченности всякаго дѣла, Му-

ромцевъ неизмѣнно вносилъ требованіе такой же точности и опредѣленности и въ обсужденіе существа всякаго вопроса. Врагъ распущенности во всѣхъ пріемахъ работы, онъ былъ такимъ же врагомъ расплывчатости и отвлеченной безформенности въ пріемахъ мысли и въ постановкѣ программныхъ задачъ. Онъ ясно видѣлъ, какой ущербъ дѣлу приноситъ съ собой столь развитая у его согражданъ наклонность увлекаться всецѣло опредѣленіемъ цѣлей своихъ стремленій, пренебрегая обдумываніемъ тѣхъ путей, которыми эти цѣли могутъ быть достигаемы. Съ его точки зрѣнія высказать открыто пожеланіе чего-либо въ сферѣ политическихъ стремленій значило уже взять на себя обязательство отыскать способъ къ осуществленію желаемаго. Ни къ чему не обязывающій разбѣгъ мысли въ этой области представлялся ему словесной политической маниловщиной, вредно дѣйствующей на общественное сознаніе, убаюкивающей плодотворную энергію. Въ этомъ отношеніи мнѣ показалась очень характерной для Сергѣя Андреевича вырвавшаяся у него однажды страстная филиппика противъ распространившагося въ послѣднее время среди нѣкоторой части нашей газетной прессы обычая печатать въ новогоднихъ номерахъ „пожеланія“ различныхъ извѣстныхъ дѣятелей на предстоящій годъ. Нѣтъ сомнѣнія, что газетныя редакціи, затѣвая такія анкеты, не углубляются въ какія-нубудь сложныя соображенія, а просто ловятъ случай испестрить свои столбцы болѣе или менѣе извѣстными именами. Но Сергѣй Андреевичъ принялъ горячо къ сердцу это явленіе и усмотрѣлъ въ немъ глубоко отрицательныя стороны. И я точно сейчасъ слышу негодующій тонъ, которымъ онъ говорилъ объ этомъ, коснувшись указаннаго явленія въ одной изъ своихъ застольныхъ бесѣдъ. Чувствовалось, что этотъ случайный поводъ задѣлъ и потревожилъ цѣлый строй его мыслей, имѣвшихъ для него первостепенное значеніе. „Я отвѣтилъ редакціи,—говорилъ онъ, повышая голосъ,—что такія анкеты развращаютъ общество: онѣ пріучаютъ людей къ мысли, что высказать пожеланіе значитъ уже сдѣлать какое-то дѣло; а намъ въ тысячу разъ важнѣе пріучаться раздумывать не о томъ, чего мы склонны желать, а о томъ, чего мы съумѣемъ достигнуть и какъ мы примемся за это достиженіе“.

Эта застольная рѣчь не даромъ была произнесена Муромцевымъ съ особенною пылкостью. Въ ней выразилась, быть можетъ, завѣтнѣйшая наклонность его натуры. Нужно понять какъ слѣ-

дуетъ смыслъ этихъ его словъ. Конечно, они вовсе не означали призыва къ ограниченію круга своихъ интересовъ однѣми ближайшими задачами текущей повседневности. Муромцевъ никогда не упускалъ случая призывать какъ разъ къ работѣ для будущаго, во имя идеала, какъ бы далеко ни отстояли отъ этого идеала наличныя условія жизни. Но онъ всегда призывалъ именно къ *работѣ*, а не къ декламаціи, къ *дѣйствіямъ*, а не къ воздыханіямъ и ни къ чему не обязывающимъ пожеланіямъ. В. Д. Набоковъ въ цитированной уже мною статьѣ передаетъ знаменательныя въ этомъ отношеніи слова Сергѣя Андреевича. Настаивая въ своей рѣчи на съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей на необходимости составленія законченнаго проекта конституціи, С. А. сказалъ: „прежніе съѣзды уже выяснили свое отношеніе къ различнымъ конституціоннымъ вопросамъ. Для пропаганды идей вширь и для направленія ихъ кверху казалось важнымъ эти отвлеченные принципы представить въ живой формѣ, въ параграфахъ закона, *въ словахъ и запятыхъ*, чтобы люди могли сказать: вотъ что хотятъ намъ дать“. А въ одной изъ частныхъ бесѣдъ съ В. Д. Набоковымъ—С. А. убѣжденно и горячо доказывалъ, что каждая политическая партія, болѣе того, каждый политическій дѣятель въ каждую данную минуту долженъ имѣть готовую политическую программу: „вы должны твердо и точно знать, что вы станете дѣлать сейчасъ, если въ вашихъ рукахъ окажется власть“. Пожеланія, висящія въ воздухѣ и не опирающіяся на опредѣленно формулированную программу *дѣйствій*, не имѣли въ глазахъ С. А. никакого значенія или, вѣрнѣе сказать, имѣли значеніе отрицательное, какъ нѣчто размягчающее волю, убаюкивающее стремленіе къ активному почину.

И вотъ почему Муромцевъ самъ собою выдвигался впередъ каждый разъ, когда предстояло закрѣпить общія стремленія и требованія въ какомъ-либо точномъ текстѣ, въ какомъ-либо законченномъ документѣ. Здѣсь-то мы и подходимъ къ тому, что составляло истинное призваніе Сергѣя Андреевича, какъ участника общественной борьбы. Онъ не былъ рожденъ для роли политическаго агитатора. Онъ былъ прирожденнымъ кормчимъ, рулевымъ общественнаго движенія. Сущность этой миссіи прекрасно охарактеризована самимъ Сергѣемъ Андреевичемъ въ его рѣчи, посвященной памяти кн. Сергѣя Николаевича Трубецкого. „Счастливъ народъ, счастливо общество,—говорилъ С. А. въ этой рѣчи,—когда въ подобныя эпохи (т.-е. въ эпохи стихійнаго порыва къ лучшему

будущему) позади себя имѣютъ долгую школу политическаго воспитанія, научившую соединять напоръ историческаго движенія съ организаціонною силою народнаго творчества. Но когда прошлое не даетъ этого опыта, необходимость въ проявленіи устрояющаго начала отъ того не умаляется; и въ то время, когда встревоженный и близорукій средній человѣкъ оказывается готовымъ отъ надеждъ обратиться къ проклятіямъ, когда человѣкъ болѣе дальновидный, но умудренный практикою обыденной жизни, желающій дѣйствовать навѣрняка, предпочитаетъ удалиться на время въ сторону, сохраняя выжидательное положеніе, тогда гражданинъ-философъ, гражданинъ-моралистъ и гражданинъ-человѣкъ въ надвигающейся грозной бурѣ стихійнаго волненія въ кажущемся хаосѣ возникшихъ столкновеній... умѣетъ разгадать творческія струи новой жизни... Велика личная жертва, приносимая человѣкомъ, вносящимъ устроеніе въ потокъ лавы, еще горячій и не оформленный" [1]).

Не потому ли Сергѣю Андреевичу и удалась такъ блестяще эта характеристика, что въ ней вылилась его собственная душа, обрисовались черты, наиболѣе глубоко заложенныя въ основу его собственной природы?

Припомните „выступленія" Сергѣя Андреевича за всю его долговременную политическую дѣятельность. Обобщая эти припоминанія, вы получите такую схематическую картину. Идетъ шумное засѣданіе. Гремятъ страстныя рѣчи. Кипятъ споры. Всѣ одушевлены и взволнованы. Сергѣй Андреевичъ всегда въ центрѣ такахъ одушевленныхъ собраній, ибо его душа всегда на сторонѣ порывовъ къ лучшему будущему и противъ застоя и косности. Но онъ спокоенъ и сосредоточенъ среди общаго возбужденія. Наконецъ, въ результататѣ долгихъ бурныхъ преній настаетъ моментъ подведенія итоговъ тому, что можетъ быть оформлено, какъ положительный, твердый осадокъ отъ только что пронесшейся бури. Всѣ уже изнеможены. Многіе не могутъ никакъ придти къ взаимному соглашенію изъ-за различныхъ спорныхъ пунктовъ. И начинаетъ казаться, что вотъ-вотъ развалится все дѣло. Тогда выступаетъ Сергѣй Андреевичъ. Пока кипѣли споры, онъ сосредоточенно взвѣсилъ всѣ возможности. Среди общей изнуренности онъ чутствуетъ себя въ полномъ самообладаніи для того, чтобы твердой рукой намѣтить путь къ опредѣленному результату и закрѣ-

[1]) „Статьи и рѣчи", вып. I, стр. 35—36.

пить этотъ результатъ въ ясныхъ, точныхъ, не оставляющихъ мѣста ни для какихъ сомнѣній выраженіяхъ. И вотъ всѣ расходятся на отдыхъ, а Сергѣй Андреевичъ принимается за работу и изготовляетъ одинъ изъ тѣхъ шедевровъ, какими были всегда выходившіе изъ-подъ его пера документы, въ которыхъ такъ выпукло и вѣрно очерчивалось основное ядро всякаго вопроса и такъ умѣло отбрасывались въ сторону всѣ осложняющіе дѣло элементы, выдвинутые случайно въ пылу споровъ и плодившіе излишнія недоразумѣнія и несогласія. Именно такую картину даетъ намъ В. Д. Набоковъ, разсказывая въ дважды уже цитированной мною статьѣ своей о съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ іюлѣ 1905 г. Во второмъ часу ночи окончилось бурное засѣданіе бюро, въ которомъ обсуждался вопросъ о составленіи „обращенія“ къ народу для выясненія положенія дѣлъ въ странѣ и оглашенія только что принятаго съѣздомъ проекта конституціи. Спорили страстно и не пришли ни къ чему. А когда всѣ разошлись, Сергѣй Андреевичъ вмѣстѣ съ В. Д. Набоковымъ остались вдвоемъ для переработки проекта „обращенія“ съ цѣлью примиренія возникшихъ несогласій по поводу его текста. До пяти часовъ утра длилась эта работа.

„По временамъ,—пишетъ В. Д. Набоковъ,—я начиналъ уставать и нервничать, выражалъ опасеніе, что слишкомъ тщательное взвѣшиваніе и обдумываніе каждаго слова не дадутъ намъ возможности кончить. С. А. былъ неумолимъ и спокоенъ до самаго конца, до послѣдней точки вниманіе его не ослабѣвало ни на одну минуту. Когда мы встали изъ-за стола, я былъ совершенно измученъ,—онъ, казалось, могъ бы свободно просидѣть еще столько же. Вмѣстѣ мы вышли и поѣхали по соннымъ улицамъ. И когда черезъ нѣсколько часовъ мы встрѣтились въ бюро, оказалось, что С. А., вернувшись домой, не ложился спать, а взялъ ванну и занялся дѣлами. Я тогда почувствовалъ, какая огромная, напряженная сила таилась въ немъ,—сила упорства, сила воли, сила вниманія, не знающаго промаховъ и оплошностей. Наградой намъ было единогласное принятіе „обращенія“, сперва въ бюро, потомъ въ общемъ собраніи“ [1]).

Въ жизни Сергѣя Андреевича нѣчто подобное повторялось не разъ, ибо его вниманіе всегда было устремлено на закрѣпленіе

---

[1]) *Русская Мысль*, 1910 г., ноябрь.

достигнутыхъ результатовъ движенія такими формулами, которыя могли бы въ свою очередь явиться ясной отправной точкой для дальнѣйшей работы. И многіе документы, получившіе значеніе историческихъ манифестацій общественныхъ стремленій, являются въ то же время вѣхами политической дѣятельности Сергѣя Андреевича: именно онъ принималъ въ составленіи текста большинства такихъ документовъ наиболѣе видное участіе. Эта роль Сергѣя Андреевича раскроется во всей полнотѣ лишь тогда, когда будетъ написана его полная біографія, при иныхъ, чѣмъ теперь, цензурныхъ условіяхъ.—Но и теперь уже можно привести нѣсколько примѣровъ тому, какъ съ увеличеніемъ нашихъ свѣдѣній о различныхъ перипетіяхъ общественнаго движенія за рядъ недавнихъ лѣтъ указанная роль Сергѣя Андреевича развертывается передъ нами все въ болѣе широкихъ очертаніяхъ.—Такъ, изъ вышедшаго недавно V выпуска „Статей и рѣчей“ Сергѣя Андреевича становится извѣстнымъ, что именно ему принадлежало составленіе текста перваго коллективнаго протеста противъ смертной казни, напечатаннаго въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* 23 февраля 1906 г. Подъ названнымъ протестомъ кромѣ подписи самого Муромцева, стояли еще подписи Н. Щепкина, кн. Пав. Долгорукова, Ѳ. Головина, Ѳ. Кокошкина, Н. Хмѣлева, М. Челнокова, П. Столповскаго, Н. Михайлова, М. Щепкина, С. Соколова, М. Герценштейна, В. Скалона, Г. Іоллоса, Н. Каблукова.—Какъ видно изъ того же V выпуска „Статей и рѣчей“, разборъ архива Сергѣя Андреевича послѣ его смерти показалъ, что ему же принадлежала главная работа и по составленію извѣстной „Записки о внутреннемъ состояніи Россіи“, которая была подана весною 1880 г. графу Лорисъ-Меликову отъ имени 20 слишкомъ лицъ изъ числа московскихъ дѣятелей.

Это та самая записка, которая была напечатана въ апрѣльской книгѣ *Вѣстника Европы* за 1881 г., но была вырѣзана по требованію цензуры, задержавшей выпускъ книги. Содержаніе записки замѣчательно въ томъ отношеніи, что въ ней опять-таки сконцентрированы въ сжатой и чрезвычайно отчетливой формѣ сужденія и взгляды, объединявшіе широкіе общественные круги, давно бродившіе, такъ сказать, въ общественномъ сознаніи, но нуждавшіеся въ систематической, законченной формулировкѣ. Записка посвящена подробному обоснованію четырехъ тезисовъ: „1) главная причина болѣзненной формы борьбы (рѣчь шла объ успѣхахъ террористическаго движенія *А. К.*) заключается въ отсутствіи въ

Россіи свободнаго развитія общественной мысли и самодѣятельности; 2) никакими репрессивными мѣрами искоренить зло невозможно; 3) при современномъ положеніи общества, вслѣдствіе неудовлетворенія многихъ изъ важнѣйшихъ потребностей его, существуетъ обильный источникъ для недовольства, которое за отсутствіемъ свободныхъ путей для его выраженія по необходимости выливается въ формы болѣзненныя, и 4) для устраненія причинъ широко распространеннаго недовольства недостаточно однихъ правительственныхъ мѣропріятій, но необходимо дружное содѣйствіе всѣхъ живыхъ силъ русскаго общества".

Каждому изъ этихъ тезисовъ дано подробное развитіе, основывающееся на сопоставленіи соотвѣтствующихъ фактовъ русской жизни и на тонкомъ анализѣ этихъ фактовъ въ связи съ разсмотрѣніемъ общихъ условій внутренняго положенія Россіи въ данный моментъ. Выводы, къ которымъ приходитъ записка, сводятся къ необходимости послѣдовательно, безповоротно и рѣшительно осуществить то самое, что еще четверть вѣка спустя, послѣ страшныхъ катастрофъ и испытаній, неполно и призрачно было установлено манифестомъ 17 октября. Въ общемъ эта записка заключала въ себѣ такой же мастерской діагнозъ внутренняго положенія за соотвѣтствующій моментъ, какой былъ данъ въ свое время Юріемъ Самаринымъ наканунѣ паденія крѣпостного права въ его знаменитой „Запискѣ", написанной для обоснованія необходимости раскрѣпощенія крестьянъ.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что высокія достоинства „Записки" 1880 г., какъ политическаго манифеста, въ значительной мѣрѣ объясняются именно тѣмъ, что къ составленію „Записки" дѣятельно приложилъ свою опытную руку и свой политическій глазомѣръ Сергѣй Андреевичъ. Именно онъ умѣлъ, какъ никто, охватить многообъемлющее содержаніе въ сжатыхъ и сильныхъ фразахъ, значительныхъ глубокой обдуманностью каждаго слова, точнымъ соотвѣтствіемъ каждаго выраженія данному оттѣнку мысли. — Именно онъ умѣлъ облекать свои положенія въ такіе какъ бы чеканные обороты рѣчи, которые запоминались, какъ формула, и освѣщали вопросъ, какъ яркій рефлекторъ, блестя не внѣшней красивостью стиля, а внутренней красотой отборной точности всѣхъ выраженій.

Не эта ли многолѣтняя опытность Сергѣя Андреевича въ формулированіи сложныхъ общественныхъ теченій и явленій сказалась

во всемъ своемъ блескѣ и въ его исторической предсѣдательской рѣчи при открытіи первой Государственной Думы? То была по истинѣ одна изъ тѣхъ рѣчей, въ которыхъ нельзя ни прибавить, ни убавить ни одного слова; то былъ поистинѣ классическій образчикъ политическаго краснорѣчія, въ которомъ каждая фраза представляла собою доведенный до возможной степени краткости выраженія точный итогъ цѣлаго строя политическихъ идей. Способность такъ выражаться могла сложиться лишь въ результатѣ долговременнаго навыка къ глубокимъ размышленіямъ надъ сущностью политическихъ вопросовъ и необыкновенно зоркаго и яснаго взгляда на сложныя явленія народной жизни. Умѣть такъ говорить могъ лишь тотъ, кто привыкъ стоять у руля отвѣтственныхъ общественныхъ начинаній, напряженно вглядываясь вдаль и взвѣшивая всѣ предстоящія осложненія и трудности.

Все сказанное въ предшествующемъ изложеніи можетъ внушить читателю представленіе о Сергѣѣ Андреевичѣ, какъ о дѣятелѣ, не только всегда глубоко-сосредоточенномъ и величаво-спокойномъ, но и безстрастно-холодномъ. Человѣкъ, которому никогда не измѣняетъ самообладаніе, который уравновѣшенно-твердъ среди общаго волненія, который вноситъ спокойную точность въ обсужденіе вопросовъ, зажигающихъ сердца,—такой человѣкъ способенъ ли самъ къ страстнымъ порывамъ, къ жгучимъ душевнымъ переживаніямъ? Вотъ вопросъ, на который логика какъ будто подсказываетъ отрицательный отвѣтъ. И, однако, я съ полнымъ убѣжденіемъ отвѣчаю на этотъ вопросъ утвердительно.

Сергѣй Андреевичъ обладалъ душою страстной и горячей, хотя и прикрытой бронею величаваго самообладанія. Онъ зналъ высокую цѣну самообладанія въ политической борьбѣ; онъ ясно видѣлъ, какъ великъ недостатокъ именно этого свойства въ русскомъ обществѣ. И потому-то онъ такъ сурово сковывалъ горячность души внѣшнимъ спокойствіемъ своихъ обычныхъ пріемовъ.

И его страстность находила себѣ исходъ лишь въ упорной настойчивости, съ какою онъ велъ свою общественную работу; въ несокрушимой послѣдовательности, съ какою онъ стремился доводить до конца всякое предпринятое начинаніе, несмотря на тяжесть встрѣченныхъ препятствій.

Вѣдь его мѣсто было у руля, а рука рулевого никогда не должна дрожать, чтобы ни совершалось въ его душѣ. Но кто знаетъ, чего стоило ему во многихъ случаяхъ это внѣшнее спокойствіе?

Бывали однако рѣдкіе моменты, когда Сергѣй Андреевичъ внезапно давалъ волю непосредственному порыву своего чувства, и вотъ случайные свидѣтели такихъ-то моментовъ могли составить себѣ понятіе о томъ, какая желѣзная самодисциплина свойственна была этому человѣку, столь уравновѣшенному по виду, столь пылко чувствующему въ глубинѣ души.

Мнѣ припоминается торжественное засѣданіе въ актовомъ залѣ Московскаго университета въ маѣ 1899 г., въ день столѣтія со дня рожденія Пушкина. Первые ряды биткомъ набитой залы всѣ заняты представителями высшей московской администраціи съ Августѣйшимъ генералъ-губернаторомъ во главѣ. Муромцевъ входитъ на каѳедру и произноситъ привѣтствіе отъ имени Московскаго Юридическаго Общества.—Въ настоящее время текстъ этого привѣтствія читатель можетъ найти въ I выпускѣ „Статей и рѣчей" Сергѣя Андреевича. Сжато, но энергично обрисовано тамъ общественное значеніе поэзіи Пушкина, и великій русскій поэтъ представленъ „могучимъ провозвѣстникомъ русскаго Возрожденія".—Надо было слышать, какъ прочелъ Муромцевъ эту рѣчь. Его голосъ загремѣлъ на всю залу, увлекательно, властно... Какимъ-то страстнымъ вызовомъ зазвучали въ его устахъ слова адреса: „поэзія Пушкина была стономъ почуявшей свою силу русской личности... празднуя нынѣ память поэта, мы торжествуемъ вмѣстѣ съ тѣмъ побѣду, одержанную русской личностью надъ рутиною жизни и властной опеки". Это говорилъ не торжественно-спокойный привычный предсѣдатель собраній; точно отдавшись внезапному порыву долго сдерживаемаго горячаго чувства, Муромцевъ вдругъ повернулся къ намъ совершенно новой стороной своей личности, и на минуту блеснулъ неожиданной красотой могучаго душевнаго подъема.

Кому довелось видѣть Муромцева въ этотъ моментъ и слышать его рѣчь, тотъ представитъ себѣ, какія бури могъ незримо для всѣхъ носить въ своей душѣ этотъ съ виду столь строго уравновѣшенный человѣкъ.

Такимъ прошелъ Сергѣй Андреевичъ все поприще своей общественной дѣятельности. Долгое время ему пришлось дѣйствовать среди довольно унылыхъ общественныхъ сумерекъ. Жизнь русскаго, а въ частности и московскаго общества катилась однообразно, мало-

содержательно. Кое-гдѣ лишь теплились скромные очаги серьезныхъ общественныхъ интересовъ. Публичная лекція профессора, даже на чисто отвлеченно-научную тему, являлась уже рѣдкимъ общественнымъ событіемъ... На что-либо напоминающее политическія собранія не было и намека. Единственной формой публичнаго обсужденія общественныхъ вопросовъ служили застольныя рѣчи на юбилейныхъ обѣдахъ или на традиціонномъ обѣдѣ въ день 19 февраля.—Но и на эти обѣды сходилась сравнительно лишь очень небольшая кучка передовой интеллигенціи. А затѣмъ оставались тѣсные кружки единомышленниковъ и пріятелей, каѳедра, юридическое общество, двѣ-три дружественныхъ редакціи, да работа въ земствѣ и городской думѣ. Все это лишь въ слабой степени скрашивало царившее безвременье и давало пищу лишь для очень отдаленныхъ надеждъ. Мы уже знаемъ, что и во имя этихъ отдаленныхъ надеждъ Сергѣй Андреевичъ умѣлъ работать энергично и настойчиво, обнаруживая въ своемъ лицѣ общественнаго дѣятеля крупнаго калибра. Но все это было не то, къ чему онъ былъ рожденъ. Болѣе широкія перспективы настоящей общественной борьбы намѣтились передъ нимъ съ организаціей общеземскихъ съѣздовъ. И онъ тотчасъ же примкнулъ къ участію въ этихъ съѣздахъ, вложивъ столько души въ ихъ работы. А затѣмъ пришла еще болѣе высокая волна политическаго движенія. Все встрепенулось и подъ силою такихъ могучихъ толчковъ, какъ наше пораженіе на Дальнемъ Востокѣ, всеобщая забастовка, изданіе манифеста 17 октября, уже не одни только передовые кружки и крайніе политическіе элементы, но и вся рядовая общественная масса пришла въ возбужденіе, вдругъ почувствовавъ горячо и остро, что вопросы общегосударственнаго устроенія близко касаются всѣхъ и каждаго. Обыватели сознали себя гражданами. Открылась эра интенсивной политической жизни.—На арену выступили политическія партіи.

Цѣлую зиму передъ выборами въ первую Государственную Думу во всѣхъ частяхъ Москвы шли чуть ли не ежедневные многочисленные и бурные митинги, и тоже совершалось по всей Россіи. И лишь только безсомнительно обозначилось, что побѣда на выборахъ останется за партіей Народной Свободы, въ первыхъ рядахъ которой стоялъ Сергѣй Андреевичъ, какъ тотчасъ же единодушно была предрѣшена его кандидатура и въ члены Государственной Думы и въ ея предсѣдатели. На другой день послѣ

выборовъ выборщиковъ отъ города Москвы въ залахъ литературно-художественнаго кружка состоялся банкетъ, устроенный партіей Народной Свободы. Незабвененъ этотъ вечеръ. Появленіе Муромцева встрѣчено было громомъ аплодисментовъ. И въ отвѣтъ на эти апплодисменты онъ, сосредоточенный и величавый, съ высоко поднятой головой, всталъ и въ немногихъ словахъ напомнилъ присутствующимъ исторію долговременныхъ стремленій лучшихъ сыновъ родины къ созданію народнаго представительства.

Не проносилась ли въ этотъ моментъ передъ его умственнымъ взоромъ вся его предшествующая жизнь?

За четверть вѣка передъ тѣмъ онъ изложилъ въ своей „Запискѣ“ основанія необходимости введенія въ странѣ политической свободы, и эту записку оказалось возможнымъ представить по назначенію за подписями группы московскихъ дѣятелей лишь въ два десятка человѣкъ. Теперь его посылала въ первый русскій парламентъ вся Москва. А тамъ, за порогомъ законодательной палаты ему предстояло прибавить къ книгѣ своей жизни новую лучшую страницу, утвердившую историческое безсмертіе его имени. На предсѣдательской трибунѣ перваго русскаго парламента, во главѣ блестящей плеяды перворазрядныхъ политическихъ талантовъ онъ выпрямился во весь ростъ своихъ политическихъ дарованій. И, не согнувшись подъ тяжестью невзгодъ, съ такой же высоко поднятой головой вошелъ онъ затѣмъ вмѣстѣ съ своими политическими друзьями подъ своды тюрьмы.

Но описаніе этого героическаго періода дѣятельности Сергѣя Андреевича уже не входитъ въ мою задачу. Съ большей компетентностью эту задачу выполнятъ другіе участники настоящаго сборника.

А. Кизеветтеръ.

Въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ.

I.

„Бываютъ въ исторіи учрежденій моменты, когда представленіе объ учрежденіи какъ бы сливается съ представленіемъ объ извѣстной личности, и въ этой личности какъ бы воплощается въ лучшихъ своихъ чертахъ самая идея учрежденія". Такъ писалъ С. А. Муромцевъ въ некрологѣ Э. Н. Сумбула, виднаго дѣятеля въ московскомъ судебномъ мірѣ.

Эти слова, но въ примѣненіи къ личности С. А., сами собою приходятъ на память, когда въ ней возникаетъ представленіе о немъ, какъ предсѣдателѣ Московскаго Юридическаго Общества за періодъ времени съ 1880 г. до самаго закрытія Общества, т.-е. по 1899 годъ. Это не значитъ конечно, чтобы въ дѣятельности Юридическаго Общества личность С. А. поглощала все и затемняла бы то, что дѣлалось другими членами Общества, среди которыхъ было не мало лицъ, вписанныхъ неизгладимыми чертами въ исторію нашего культурнаго и общественнаго развитія. Не это хочу сказать я, примѣняя приведенныя выше слова С. А. къ нему самому. Этими его словами я хочу выразить именно то, что сказано у него, т.-е. что онъ былъ личностью, воплощавшей въ лучшихъ своихъ чертахъ самую идею Юридическаго Общества, а въ своей дѣятельности, какъ предсѣдатель послѣдняго и какъ редакторъ „Юридическаго Вѣстника", задачи Общества.

Въ эти задачи при самомъ появленіи мысли о созданіи Юридическаго Общества (въ 1863 г.) входило „содѣйствіе распространенію юридическихъ понятій и началъ въ публикѣ", ставилось цѣлью „распространеніе въ публикѣ здравыхъ юридическихъ понятій посредствомъ изданія трудовъ Общества" и другими средствами. Отсюда, между прочимъ, ясно, что съ самаго начала дѣятельность

Юдирическаго Общества должна была находить свое выраженіе и отраженіе въ его печатномъ органѣ и потому, говоря о С. А., какъ предсѣдателѣ Юридическаго Общества, приходится говорить о немъ и какъ о редакторѣ „Юридическаго Вѣстника", которымъ онъ былъ почти за то же время, т.-е. съ 1879 по 1892 г., когда „Юридическій Вѣстникъ" прекратилъ свое существованіе.

Необходимо, однако, отмѣтить, что первые годы дѣятельности Общества не обнаруживаютъ стремленія осуществлять только что указанныя задачи и цѣли; въ этомъ отношеніи проявляется какъ бы нѣкоторая воздержанность. Въ связи съ этимъ стоитъ и какъ бы отрицательное отношеніе къ обсужденію научныхъ вопросовъ; послѣдніе признаются носящими на себѣ отпечатокъ личности; „для коллегіальнаго же рѣшенія, какъ значится въ отчетѣ Общества за 1869 годъ, доступна только область практики и только практическіе вопросы могутъ быть предметомъ бесѣдъ". Правда нѣсколько позднѣе, въ 1872 г., начинаетъ уже пробиваться мысль, что рѣшеніе практическихъ вопросовъ права „зависитъ отъ признанія извѣстнаго начала и принципа, которые, съ своей стороны, требуютъ общаго воззрѣнія на природу права и на самый его источникъ". Но это были только еще слабые всходы, не давшіе надлежащихъ ростковъ. И лишь послѣ перваго и пока единственнаго съѣзда русскихъ юристовъ, происходившаго въ 1875 г. въ Москвѣ, Юридическому Обществу, какъ пишетъ С. А., „данъ былъ сильный урокъ".

Дѣло въ томъ, что съѣздъ былъ „выразителемъ наболѣвшихъ правовыхъ нуждъ страны". Заявляя о необходимости тѣхъ или иныхъ законодательныхъ реформъ, съѣздъ юристовъ тѣмъ самымъ указывалъ и на необходимость научной разработки вопросовъ права, такъ какъ „въ наше время законодательное творчество немыслимо безъ содѣйствія науки", какъ справедливо отмѣчаетъ это С. А. въ своей рѣчи о дѣятельности Московскаго Юридическаго Общества за первыя 25 лѣтъ его существованія. „Юридическому Обществу,—говоритъ С. А. тамъ же,—предстояло войти въ тѣсное общеніе съ наукой, расширить свой кругозоръ ознакомленіемъ съ ея послѣдними результатами для того, чтобы достойно приступить къ разработкѣ вопросовъ текущаго законодательства".

Такъ опредѣляетъ С. А. Муромцевъ тотъ путь, по которому должно было идти Юридическое Общество. По этому пути и шло оно за все время предсѣдательства въ немъ С. А. Въ 1875—78 гг.

началось сближеніе Общества съ юридическимъ факультетомъ Московскаго университета. Въ своей запискѣ о дѣятельности Юридическаго Общества за первые 25 лѣтъ его существованія С. А., согласно съ отчетомъ, усматриваетъ въ этомъ сближеніи съ юридическимъ факультетомъ главную причину перемѣны въ дѣятельности Общества. Отрицать этого, конечно, нельзя: „Совсѣмъ иная волна хлынула въ жизнь Общества,— какъ отмѣчаетъ С. А.— Вошедшіе въ его составъ новые дѣятели одинъ передъ другимъ спѣшатъ увлечь Общество въ область предметовъ, волнующихъ современную юридическую науку или общественную жизнь Запада". Среди этихъ новыхъ дѣятелей, заставившихъ хлынуть въ жизнь Общества иную волну, одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ и занимаетъ С. А., ставшій редакторомъ „Юридическаго Вѣстника" уже съ 1879 года. Такимъ образомъ то, что таилось, такъ сказать, въ числѣ задачъ Общества съ самаго возникновенія его, проявилось замѣтнымъ образомъ лишь къ концу семидесятыхъ годовъ и придало совершенно иной характеръ его дѣятельности. А съ 1880-го года мы уже видимъ С. А. Муромцева предсѣдателемъ Общества. Избраніе его въ предсѣдатели и явилось выраженіемъ того, что новые дѣятели считаютъ его личностью, „воплощающею въ лучшихъ своихъ чертахъ самую идею Общества", какъ ее понимали уже эти новые дѣятели и среди нихъ прежде всего вновь избранный предсѣдатель, остававшійся безсмѣннымъ до конца существованія Московскаго Юридическаго Общества.

Какъ же понималась эта идея? Имѣлось ли въ виду здѣсь сосредоточить преимущественное вниманіе на отвлеченныхъ вопросахъ науки, разрабатывать исключительно вопросы теоріи права?

Но такое пониманіе идеи Общества было бы черезчуръ одностороннимъ и не соотвѣтствовало бы задачѣ его. Оно было учреждено для „теоретической и практической разработки права". А это значило, что въ вопросахъ теоріи должны отражаться стремленія и нужды самой жизни; и только при этомъ условіи можно къ практическимъ вопросамъ права подойти съ живымъ источникомъ знанія. Такъ это и понималось новыми дѣятелями, и среди нихъ прежде всего избраннымъ ими предсѣдателемъ, который, напр., въ своемъ докладѣ „О нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ изъ практики гражданскаго суда", читанномъ въ засѣданіи 3 ноября 1886 г., развиваетъ мысль о томъ, что теорія и практика гражданскаго суда должны идти рука объ руку, и иллюстрируетъ это ря-

домъ примѣровъ, показывающихъ, къ какимъ нецѣлесообразнымъ результатамъ можетъ привести исключительно теоретическое разрѣшеніе вопросовъ, не обращающее вниманія на своеобразныя условія практики и какъ съ другой стороны къ такимъ же нецѣлесообразнымъ результатамъ приходитъ практика, если не обращаетъ вниманія на теоретическіе выводы.

И вотъ съ конца 70-хъ годовъ „рефераты съ теоретическимъ содержаніемъ составляли непрерывную канву, служившую опорою всей остальной дѣятельности Общества". Дѣятельность же эта получила опредѣленное направленіе: „Изслѣдованіе закона въ связи съ нуждами жизни; внимательное отношеніе къ народному творчеству, сказывающемуся въ обычномъ правѣ и въ дѣятельности суда присяжныхъ; возможно полное огражденіе общества отъ преступленій въ связи съ гуманнымъ отношеніемъ къ преступнику; укрѣпленіе суда по совѣсти въ сферѣ гражданскаго правосудія; огражденіе жизни, здоровья, умственнаго и нравственнаго развитія рабочаго противъ эгоизма предпринимателей; споспѣшествованіе международному правовому общенію въ междугосударственныхъ отношеніяхъ; въ области же чистой науки — признаніе закономѣрности явленій общественно-правовой жизни и познаваніе ихъ, въ частности, путемъ историко-сравнительнаго изслѣдованія—вотъ задачи, которыя Юридическое Общество дерзало рекомендовать современному ученому, государственному и судебному дѣятелю и къ разрѣшенію которыхъ оно приложило свои посильные труды". Такъ характеризуетъ дѣятельность Общества С. А. Но характеристика эта вполнѣ отвѣчаетъ дѣятельности Общества лишь со времени конца 70-хъ годовъ. Эти задачи Общества, этотъ планъ его дѣятельности, такъ характеризуемой его предсѣдателемъ при наступленіи 25-тилѣтія дѣятельности Общества, былъ намѣченъ Сергѣемъ Андреевичемъ въ самомъ началѣ его предсѣдательствованія. Вотъ что говорилъ онъ въ годичномъ собраніи Общества въ 1881 году: „Юридическое Общество должно быть учрежденіемъ, которому предстоитъ служить центромъ московскихъ юристовъ различныхъ профессій и положеній и объединять по возможности ихъ разнообразные интересы... Работа Общества группируется въ извѣстномъ направленіи... Вопросы de lege ferenda—вотъ что занимало насъ по преимуществу въ послѣдніе годы. Не столько толкованіе существующихъ законовъ, сколько забота объ ихъ усовершенствованіи, стремленіе содѣйствовать ихъ пре-

образованію проникали работы Московскаго Юридическаго Общества". Стремленіе же содѣйствовать усовершенствованію законовъ должно было вести къ развитію еще одной черты въ дѣятельности Общества. Еще въ 1875 году на первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ по поводу доклада А. М. Фальковскаго по вопросу о необходимости кодификаціи гражданскаго права С. А. говоритъ: „Изученіе обычнаго права, *изученіе народной жизни вообще* должно лечь въ основу законодательства". Отсюда необходимость сосредоточенія въ Юридическомъ Обществѣ всего круга интересовъ юридическаго факультета. Стремленіе къ усовершенствованію законовъ по заявленію С. А. также не есть случайность: „Мы извѣрились въ силу бюрократическаго творчества, мы не ожидаемъ отъ него ничего благотворнаго для внутренней политической жизни Россіи... Юридическое Общество признало, что задача его состоитъ въ проведеніи въ публику политическихъ идей, усвоеніе которыхъ требуется современнымъ общественнымъ состояніемъ Россіи". Это современное состояніе требовало, согласно тому же слову предсѣдателя, и можетъ быть въ недалекомъ будущемъ, участія общественныхъ силъ въ государственной жизни, и нельзя было оставлять себя безъ подготовки къ этому. По истеченіи 35-лѣтія Общества въ 1898 году С. А., характеризуя дѣятельность Общества за все время его тридцатипятилѣтія и отмѣчая „постепенно совершавшееся расширеніе кругозора Общества", заканчиваетъ свою рѣчь словами: „сохранимъ въ себѣ ту твердую увѣренность, что въ насъ самихъ найдется достаточно силъ, чтобы продолжать съ упорствомъ свой путь въ направленіи, созданномъ дружною работою первыхъ тридцати пяти лѣтъ".

Привожу всѣ эти мѣста изъ рѣчей С. А., чтобы его собственными словами показать, какъ онъ понималъ задачу Юридическаго Общества, въ чемъ должна состоять дѣятельность послѣдняго. Не трудно видѣть, что задачи эти сводились въ окончательномъ счетѣ къ сближенію науки и жизни. Общество въ качествѣ юридическаго должно было служить развитію общественнаго правосознанія. Но служить послѣднему можно было только принципіальнымъ обоснованіемъ тѣхъ или иныхъ положеній права. Это же принципіальное обоснованіе можетъ вытекать только изъ научной разработки вопросовъ права. Съ другой стороны, эта научная разработка можетъ быть плодотворна, можетъ вести дѣйствительно къ развитію общественнаго самосознанія, вырабатывать правосознаніе русскаго

общества, если она вытекаетъ изъ живыхъ потребностей послѣдняго, изъ того, что составляетъ его жизненный интересъ. Вотъ почему С. А. стремился къ тому, чтобы въ кругъ явленій и вопросовъ, занимающихъ Юридическое Общество, входили всѣ предметы, преподаваемые на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета.

Понятно поэтому, что, когда возникла мысль объ образованіи статистическаго общества, то С. А. самъ пошелъ навстрѣчу этому желанію и предложилъ организовать статистическое отдѣленіе при Юридическомъ Обществѣ. При этомъ, какъ и во всемъ, за что принимался, онъ проявилъ свой крупный организаторскій талантъ, свое умѣніе придать всему удобоосуществимую практическую форму, не поступаясь сущностью дѣла, а это при нашихъ условіяхъ далеко не такъ просто и легко. Быстро были составлены и точно, опредѣленно выражены собственноручно С. А. написанныя правила отдѣленія, получившія затѣмъ санкцію Юридическаго Общества и вошедшія потомъ въ его уставъ. А до тѣхъ поръ опять по мысли же С. А. и согласно выработаннымъ имъ правиламъ начала дѣйствовать Статистическая Комиссія. Желаніе С. А. образовать такую комиссію при Юридическомъ Обществѣ, — не уступая того Обществу сельскаго хозяйства, какъ то предполагалось было,—вытекало изъ того же стремленія объединить въ Юридическомъ Обществѣ все то, что объединялось юридическимъ факультетомъ. Но, кромѣ того, самыя задачи Статистическаго Отдѣленія вполнѣ отвѣчали и задачамъ и направленію дѣятельности Юридическаго Общества. Послѣднее имѣло цѣлью воздѣйствовать на развитіе правосознанія общественныхъ силъ и подготовить послѣднія къ участію въ государственной жизни. А для этого необходимо точное ознакомленіе съ явленіями жизни, такъ какъ оно—это ознакомленіе, говоря словами отчета о дѣятельности Статистической Комиссіи — „всего сильнѣе возбуждаетъ стремленіе къ воздѣйствію на явленія жизни, и слѣдовательно, это воздѣйствіе тѣмъ возможнѣе и ближе къ своему осуществленію, чѣмъ шире распространено въ обществѣ, какъ понятіе о цѣляхъ и задачахъ статистическихъ изслѣдованій, такъ и знакомство съ вскрываемыми ими явленіями“.

II.

Изъ сказаннаго можно между прочимъ видѣть, что съ самаго перваго года предсѣдательства С. А. въ Юридическомъ Обществѣ

онъ совершенно опредѣленно и прямо заявилъ программу дѣятельности послѣдняго, неуклонно и неизмѣнно выполнялъ ее до конца, дѣлалъ все для того необходимое, въ осуществленіе того же способствовалъ основанію Статистическаго Отдѣленія, а также и такихъ комиссій, какъ „Комиссія для организаціи правильнаго ряда рефератовъ по вопросамъ гражданскаго и уголовнаго законодательства", учрежденной въ 1879 г. Одной изъ первыхъ работъ этой комиссіи была выработка „проекта закона о вознагражденіи за вредъ, причиненный неисправностями желѣзнодорожныхъ предпріятій". Работа эта была совершена при непосредственномъ участіи предсѣдателя комиссіи, т.-е. С. А., который былъ и докладчикомъ по данному законопроекту. Изъ этой же комиссіи вышелъ „проектъ уголовнаго закона, относящагося до паровыхъ желѣзныхъ дорогъ". Изъ 21 доклада, прочитанныхъ въ 1880—81 гг. въ Обществѣ, 12 примыкали болѣе или менѣе близко къ очереднымъ законодательнымъ вопросамъ и три-четыре знакомили съ крупными явленіями въ законодательствѣ Запада. Въ слѣдующемъ году комиссія работала надъ проектомъ закона о перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ, проектомъ основныхъ положеній фабричнаго устава, проектомъ устава объ участіи служащихъ въ прибыляхъ предпріятія. Отсюда видно, что вопросы экономическаго законодательства пользовались также постояннымъ вниманіемъ Юридическаго Общества, дѣятельность котораго со времени предсѣдательства С. А. и была, если можно такъ выразиться, научно-политическою. И, какъ видимъ, этотъ научно-политическій характеръ ея не только не скрывался, но былъ — и притомъ неоднократно—совершенно опредѣленно и прямо формулированъ.

Признаніе основного значенія, такъ сказать, общественнаго элемента для научной дѣятельности юриста сказывалось у С. А. неоднократно и при всякихъ другихъ случаяхъ, не связанныхъ тѣсно съ дѣятельностью его какъ предсѣдателя Юридическаго Общества. Такъ, напр., въ своемъ привѣтствіи В. И. Герье при праздновании сорокалѣтія научно-общественной дѣятельности послѣдняго С. А. опредѣленно говоритъ: „Менѣе всего русскій юристъ можетъ пройти молчаніемъ общественную сторону вашей многосторонней дѣятельности". Какъ просвѣщенный юристъ, какъ человѣкъ науки, С. А., конечно, ни на мгновеніе не могъ упускать изъ виду, что юридическія нормы суть нормы тѣхъ отношеній, которыя развились среди населенія, которыя вытекаютъ изъ проявленія личности, что и

дальнѣйшее развитіе права, какъ жизненнаго института, а не какъ чего-то навѣяннаго извнѣ и ничѣмъ внутреннимъ не связаннаго съ тѣми, до коихъ это относится, что это дальнѣйшее развитіе можетъ происходить лишь на почвѣ развитія личности. Отсюда совершенно естественнымъ выраженіемъ всего этого было и то слово на празднествѣ столѣтія рожденія А. С. Пушкина, которое вызвало закрытіе Юридическаго Общества. Это слово отмѣчаетъ вынесенную Пушкинымъ борьбу „личности за независимость и свободное развитіе“ и торжествуетъ „побѣду, одержанную русской личностью надъ рутиной жизни и властной опеки“. Какое значеніе это имѣло въ устахъ предсѣдателя Московскаго Юридическаго Общества, это ясно изъ первыхъ словъ этого привѣтствія, гдѣ отмѣчается, что Пушкинъ былъ съ юности проникнутъ „мечтами о просвѣщенной свободѣ и законности, какъ лучшихъ опорахъ государственнаго порядка“.

Это послѣднее утвержденіе въ словахъ С. А. не было простой фразой. Это было убѣжденіе, проникавшее всѣ проявленія его дѣятельности. Это выражается и въ тѣхъ мысляхъ, которыя значатся въ набросках, напечатанныхъ С. А. лишь въ годъ его смерти въ I выпускѣ его „Статей и рѣчей“, и которыя ранѣе того и не предназначались для ознакомленія съ ними публики. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ тамъ задачу общественной дѣятельности: „Истинная задача того, кто выходитъ на поле общественной дѣятельности,— вести людей *силою ихъ лучшихъ чувствъ и высокихъ стремленій.* Каждая, даже *очень малая, профессія* изъ числа достойныхъ есть, хотя бы въ микроскопической формѣ, *осуществленіе высшихъ цѣлей человѣчности и общественности;* въ свое частное дѣло каждый гражданинъ призванъ вводить какую бы то ни было долю общественнаго служенія... Мы близимся къ вѣку свободы и демократизма. Въ этомъ состояніи общественности... каждый самъ призванъ стоять на стражѣ и свободы и равенства, ибо нѣтъ той силы, которая могла бы создать ихъ для человѣка, когда сознаніе ихъ ему самому чуждо. *Возможно большая вдумчивость въ дѣлѣ изученія природы человѣка и общества; осмотрительность въ рѣшеніяхъ, памятованіе о томъ, что лишь въ союзѣ—въ сотрудничествѣ съ другими на почвѣ общенія лучшихъ чувствъ и стремленій—обрѣтается вѣрный путь жизни; сознаніе, что личное спасеніе надо искать прежде всего въ собственной личной силѣ, въ собственномъ самообладаніи и энергіи, и, наконецъ, искреннее*

упорство въ трудѣ—вотъ что да ищетъ и лелѣетъ въ себѣ тотъ, кто, стоя въ преддверіи своей личной жизни, желаетъ быть въ ней ея хозяиномъ...“ (С. Муромцевъ. „Статьи и рѣчи“. Вып. I, стр. 79—80).

Вотъ программа жизни и дѣятельности, воспроизведенная С. А. передъ концомъ своей жизни, вотъ слово профессора къ жаждущей истины молодежи, вотъ то, что руководило предсѣдателя Московскаго Юридическаго Общества во всей его дѣятельности. Эта программа пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, говоритъ тѣмъ болѣе, что она проводилась С. А. въ жизнь съ первыхъ же лѣтъ пребыванія его на университетской скамьѣ, а можетъ быть и ранѣе. Я его знаю лишь съ университетской скамьи и потому не могу ничего сказать о томъ, что было ранѣе. Но и на университетской скамьѣ я зналъ его, какъ и большинство вступившихъ на юридическій факультетъ въ 1867 г. и кончившихъ курсъ въ 1871 г., не будучи лично знакомъ съ нимъ, а лишь потому, что онъ уже съ перваго курса проявилъ себя какъ человѣкъ науки и какъ общественный дѣятель. Въ то время печатныхъ профессорскихъ курсовъ почти не существовало. Царило издательство литографированныхъ лекцій. Были студенты, которые жили тѣмъ, что кропотливо записывали лекціи профессора и затѣмъ издавали ихъ, скудно поддерживая тѣмъ свое существованіе; были и настоящіе предприниматели-издатели, нанимавшіе для записыванія лекцій своихъ товарищей, а сами занимавшіеся издательствомъ нѣсколькихъ курсовъ. На удовлетворительность изданія въ томъ или другомъ отношеніи вниманія обращалось очень мало. Поэтому среди насъ существовало недовольство издаваемыми лекціями, которыя къ тому же обходились намъ и не особенно дешево. Надо полагать, что на почвѣ этого недовольства явилась было и конкуренція на почвѣ изданія одного и того же курса со стороны другого предпринимателя-студента, но съ убавкой одной или двухъ копеекъ въ цѣнѣ за литографированый листъ изданія. Это повергло насъ въ большое смущеніе. Съ одной стороны, какъ будто дешевле, но и это еще сомнительно, ибо какъ будто и писано разгонистѣе—можетъ быть, выйдетъ большее количество листовъ, съ другой стороны, лучше ли будетъ изданіе—неизвѣстно, и наконецъ и увѣренности нѣтъ въ прочности его, тогда какъ прежній предприниматель съ этой стороны уже зарекомендовалъ себя; но теперь при конкурентѣ онъ можетъ не выдержать. На комъ же остановиться? Но пока масса объ этомъ толковала и недоумѣвала, С. А. думалъ и огранизовалъ изда-

тельство лекцій, которое сразу рѣшило дѣло и снесло оба прежнихъ предпріятія. Я говорю: С. А. думалъ и организовалъ, но навѣрное этого не знаю, такъ какъ тогда не былъ знакомъ съ нимъ. Фактъ тотъ, что объявилось издательство въ компаніи четырехъ или пяти лицъ, въ числѣ которыхъ значился и С. А. Муромцевъ. Издательсто это продолжало свою дѣятельность и въ послѣдующіе годы по отношенію къ нѣкоторымъ лекціямъ, читавшимся на 2, 3 и 4-мъ курсахъ. При этомъ необходимо отмѣтить, что оно совсѣмъ не носило характера коммерческаго предпринимательства, не имѣло цѣлью поживиться на счетъ товарищей. Цѣна была доступная, но въ то же время не отзывалась филантропіей, такъ что и съ этой стороны ее не было обидно платить. Но я думаю, что душою дѣла былъ С. А., такъ какъ изъ всѣхъ участниковъ этого издательства онъ одинъ остался на стезѣ ученой дѣятельности. Не могу уже объяснить, какъ и почему, но сразу же это издательство завоевало полное довѣріе у всѣхъ. Думается, что прежде всего здѣсь имѣло значеніе то, что изданіе лекцій здѣсь совершенно отличалось отъ предшествующихъ. Это не были просто записки, это были тщательно составленныя лекціи, провѣренныя съ источниками, пополненныя цитатами—словомъ, тутъ, въ особенности въ изданіи лекцій Н. И. Крылова по римскому праву (исторіи, а потомъ и догмы), была видна работа, и притомъ усердная и тщательная, людей знающихъ; что эта работа если не исключительно, то въ весьма сильной степени принадлежала С. А., видно и изъ написаннаго имъ некролога Н. И. Крылова. Въ этомъ некрологѣ С. А. между прочимъ говоритъ: „Своихъ воспоминаній объ усопшемъ наставникѣ пишущій эти строки не можетъ окончить безъ того, чтобы не высказать глубокой личной признательности. Съ образомъ дорогого Никиты Ивановича у него соединена память о серьезной работѣ на студенческой скамьѣ,—работѣ, которая послужила ему преддверіемъ къ попыткамъ самостоятельнаго научнаго труда“. Этой серьезной работой и могло быть именно составленіе подъ руководствомъ Н. И. Крылова и его указаніямъ, издававшагося компаніей С. А. Муромцева курса лекцій по исторіи и догмѣ римскаго права. Такимъ образомъ и въ университетѣ, на студенческой скамьѣ, какъ впослѣдствіи во всей остальной дѣятельности и въ частности въ дѣятельности предсѣдателя Юридическаго Общества, наука и общественная дѣятельность въ С. А. соединялись въ одно неразрывное цѣлое.

Отчетливость въ работѣ по составленію лекцій тоже говоритъ, что роль С. А. здѣсь была одной изъ главныхъ. Сужу объ этомъ вотъ по чему. Въ одномъ изъ тѣхъ набросковъ, выдержку изъ которыхъ я привелъ нѣсколько выше, С. А. говоритъ: „Всѣ обыкновенно интересуются очень многимъ, но отнюдь не стремятся узнать досконально, *какъ* именно изъ совокупности этого многаго то или другое достигается. По виду всѣ какъ бы предпочитаютъ быть барами, гнушаясь отчетливымъ исполненіемъ своей работы въ ея *мельчайшихъ подробностяхъ*. Сколько еще пережитка въ этомъ пренебрежительномъ отношеніи къ составнымъ элементамъ *дѣйствительнаго труда*!“ (тамъ же, стр. 74). Вотъ этого то пережитка въ С. А. и не было совсѣмъ. И на тѣхъ же лекціяхъ, о которыхъ я упомянулъ, сказывалось именно „отчетливое исполненіе работы въ ея мельчайшихъ подробностяхъ“. Оно сказывалось неизмѣнно и постоянно во всей дѣятельности С. А. и какъ предсѣдателя Юридическаго Общества, и какъ редактора „Юридическаго Вѣстника“. Конечно, я могъ бы впослѣдствіи, уже познакомившись съ С. А. лично (въ концѣ 70-хъ годовъ) и затѣмъ сошедшись съ нимъ весьма близко, выяснить себѣ, какова была степень его участія въ изданіи лекцій, но, во-первыхъ, у меня какъ-то и не являлось вопроса, какъ-то само собою думалось, что главная роль была его, а во-вторыхъ, спросить его объ этомъ мнѣ даже было бы неловко, такъ какъ въ виду той скромности, которую онъ проявлялъ всегда, онъ, пожалуй, и не выдвинулъ бы своей роли. Скромность же эта сказалась между прочимъ и въ томъ, что въ отчетѣ о дѣятельности Московскаго Юридическаго Общества, перечисляя почетныхъ членовъ послѣдняго, С. А., говоря о К. Эсмархѣ, извѣстномъ романистѣ, знакомомъ съ русскимъ языкомъ и русской литературой и содѣйствовавшемъ ознакомленію западнаго ученаго міра съ работами русскихъ ученыхъ путемъ переводовъ и сообщеній на ученыхъ собраніяхъ, забываетъ лишь упомянуть, что работы русскихъ ученыхъ, съ которыми К. Эсмархъ знакомилъ западный ученый міръ, были работы самого С. А. Я былъ свидѣтелемъ того, какъ С. А. получилъ письмо К. Эсмарха, въ которомъ тотъ, выражая свое высокое удовлетвореніе знакомствомъ съ работами С. А. по римскому праву, спрашивалъ разрѣшенія на ихъ переводъ на нѣмецкій языкъ.

III.

Приведеннымъ до сихъ поръ и заимствованнымъ почти исключительно изъ писаннаго и сказаннаго самимъ покойнымъ С. А., думается мнѣ, достаточно опредѣляется содержаніе и, такъ сказать, внутренній характеръ его дѣятельности на посту предсѣдателя Московскаго Юридическаго Общества. Къ этому считаю нужнымъ лишь добавить, что и отмѣчено уже выше, что всѣ бывшіе свидѣтелями и наблюдателями дѣятельности этой, всѣ участники засѣданій Юридическаго Общества, всѣ члены бюро Общества выносили о немъ впечатлѣніе, какъ о человѣкѣ, который именно такъ мыслитъ и такъ дѣлаетъ, какъ это должно быть по тому опредѣленію задачъ дѣятельности каждаго, которое дано въ приведенныхъ выше словахъ С. А. Онъ именно не только „не гнушался отчетливымъ исполненіемъ своей работы въ ея мельчайшихъ подробностяхъ", но онъ исполнялъ ее, понимая именно такъ. Все, что надо было сдѣлать для осуществленія того или другого начинанія, онъ исполнялъ до „мельчайшихъ подробностей" самъ. Такъ это было въ дѣлахъ Юридическаго Общества, такъ и въ дѣлахъ „Юридическаго Вѣстника". При частномъ, такъ сказать не офиціальномъ, обсужденіи дѣлъ, касающихся Общества или журнала, С. А., конечно, принадлежала предсѣдательская роль, но онъ, сверхъ того, вопреки обычному порядку, почти всегда самъ и записывалъ всѣ заключенія, записывалъ статьи и порядокъ размѣщенія ихъ въ книжкѣ журнала, не прибѣгая къ помощи секретаря. При этомъ онъ все велъ въ образцовомъ порядкѣ, вписывалъ въ книгу полученныя статьи для журнала, отмѣчалъ, кому и когда онѣ переданы для просмотра, короче, продѣлывалъ лично все, что обыкновенно дѣлается спеціально для того приглашаемыми лицами. С. А. считалъ необходимымъ для каждаго исполнять отчетливо работу „во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ". И онъ исполнялъ это и доказалъ, что при правильномъ распредѣленіи времени все можно выполнить именно тогда, когда это нужно, и во всемъ успѣть.

О томъ какъ много онъ дѣлалъ, о его работоспособности свидѣтельствуетъ его литературное наслѣдіе, та обширная и многосторонняя газетная и журнальная дѣятельность, о которой при жизни его многіе и не знали. Она же свидѣтельствуетъ и о той отчетливости, съ которой онъ выполнялъ все, за что брался. О томъ

же свидѣтельствовало и его предсѣдательствованіе въ Юридическомъ Обществѣ. Невозможно представить себѣ болѣе стройный ходъ дѣлъ въ засѣданіяхъ, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ. Казалось, онъ все предвидѣлъ и предусмотрѣлъ напередъ. Все шло стройно, послѣдовательно, безъ всякой помѣхи. И происходило это отъ того, что все, что можно было предусмотрѣть, было предусмотрѣно, что надо было приготовить—приготовлено, а затѣмъ все обдумано заранѣе. Всякая же неожиданность не заставала предсѣдателя врасплохъ ибо онъ всегда былъ готовъ къ тому, что можетъ произойти что-нибудь такое, чего нельзя было предвидѣть заранѣе. Онъ всегда былъ проникнутъ серьезностью значенія того, что дѣлается въ Обществѣ; эта серьезность проникала всѣ его дѣйствія, все его поведеніе, она же въ связи съ его умомъ и твердой волей давала ему и средства и умѣнье выдерживать, такъ сказать, тотъ строгій стиль, который носили засѣданія Юридическаго Общества. Много значило и выработанное имъ самообладаніе, о значеніи котораго приведены выше его слова. Тѣ, кто мало знали его, поражались иногда его хладнокровіемъ, спокойствіемъ, какъ бы равнодушіемъ, отстутствіемъ отраженія на лицѣ его тѣхъ внутреннихъ душевныхъ движеній, которыя происходили въ немъ; многіе приписывали это внѣшнее спокойствіе внутреннему спокойствію или скорѣе равнодушію. Тѣ же, кто ближе знали С. А., которые внимательно наблюдали его, могли дивиться лишь его самообладанію; наличность душевнаго движенія, и очень глубокаго, можно было легко подмѣтить по нѣкоторому измѣненію въ цвѣтѣ лица, въ блескѣ „бархатныхъ“ глазъ, въ слабомъ измѣненіи звука голоса, но въ то же время все вмѣстѣ взятое, все положеніе фигуры продолжало какъ бы оставаться тѣмъ же самымъ, производило впечатлѣніе какого-то безстрастія и въ то же время беспристрастія. Замѣчу еще здѣсь, что все, что говорится мною о С. А. какъ предсѣдателѣ Юридическаго Общества, относится къ нему сполна и какъ къ человѣку—онъ былъ очень глубокой и сложной, но цѣльной личностью. Каковъ онъ былъ въ одномъ—таковъ и въ другомъ.

Много помогала стройности и, такъ сказать, содержательности предсѣдательствованія С. А. и многосторонность его знаній. Онъ всегда былъ въ курсѣ того, что составляло предметъ засѣданія. Если С. А. стремился, какъ то выяснено выше, ввести въ кругъ интересовъ Юридическаго Общества всю совокупность пред-

С. Муромцев

метовъ, входящихъ въ составъ преподаванія на юридическомъ факультетѣ, если онъ придавалъ такое значеніе для юриста знакомству съ проявленіями самой жизни, то это вытекало у него не изъ теоретическихъ только предпосылокъ, но и изъ той совокупности знаній и интересовъ, которыми былъ полонъ онъ самъ. Объ этой совокупности интересовъ и знаній свидѣтельствуютъ не только его участіе еще въ 70-хъ годахъ въ засѣданіяхъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, не только его послѣдующая дѣятельность земскаго и городского гласнаго, не только его корреспонденціи въ газету „Порядокъ“ и статьи въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“, гдѣ онъ съ знаніемъ дѣла пишетъ о самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ общественной жизни, но и его дѣятельность по редактированію „Юридическаго Вѣстника“.

Редакторами послѣдняго, помимо С. А., были, какъ извѣстно, еще В. А. Гольцевъ и В. М. Пржевальскій, затѣмъ съ учрежденіемъ при Юридическомъ Обществѣ Статистическаго Отдѣленія, при предстоявшемъ расширеніи экономическаго и статистическаго отдѣла, Общество нашло нужнымъ избрать еще редакторомъ и пишущаго эти строки. Офиціальнаго утвержденія меня редакторомъ не послѣдовало, но „Юридическій Вѣстникъ“, какъ значилось въ отчетахъ, издавался при моемъ ближайшемъ участіи въ редакціи, такъ что фактически я и редактировалъ экономическій отдѣлъ. Статьи для этого отдѣла, число которыхъ увеличилось, для просмотра, обыкновенно, направлялись ко мнѣ. Но затѣмъ передъ составленіемъ каждой книжки собиралось обыкновенно у С. А. бюро редакціи, бывало и такъ, что намъ вдвоемъ съ нимъ приходилось останавливаться на обсужденіи содержанія будущей книжки журнала. При этомъ постоянно приходилось убѣждаться, что С. А. уже намѣтилъ составъ книжки, что передъ нимъ находится записанное имъ лично названіе имѣющихся въ портфелѣ редакціи статей, затѣмъ списокъ того, что предполагается для будущей книжки. И вотъ тутъ-то обнаруживалось, что С. А. знакомъ съ содержаніемъ всѣхъ присланныхъ статей, что онѣ имъ просмотрѣны и онъ вполнѣ правильно опредѣляетъ пригодность или непригодность и значеніе той или другой статьи, какова бы ни была спеціальная тема ея изъ числа предметовъ и вопросовъ, входящихъ въ программу журнала.

Долженъ при этомъ отмѣтить еще и слѣдующее. С. А. былъ человѣкъ несомнѣнно твердой воли, обладалъ опредѣленными,

строго продуманными взглядами, опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, отчетливымъ представленіемъ объ условіяхъ русской общественной жизни, о задачахъ нашего ближайшаго общественнаго развитія, о задачахъ своей дѣятельности; имѣлъ онъ и свой опредѣленный и послѣдовательно систематически проводимый взглядъ на задачи Юридическаго Общества, на направленіе его дѣятельности и на направленіе „Юридическаго Вѣстника". Въ выборѣ статей, въ приглашеніи сотрудниковъ онъ былъ крайне остороженъ, строго держался опредѣленныхъ принципіальныхъ точекъ зрѣнія. Случалось такъ, что, желая имѣть отъ спеціалиста статью по какому-либо вопросу, укажешь ему на свѣдущее лицо и притомъ извѣстное, къ которому можно было бы обратиться, а С. А. на это отвѣчаетъ, что къ такому-то не слѣдуетъ обращаться, такъ какъ еще вопросъ, сойдется ли его взглядъ на это съ общимъ направленіемъ журнала. Это не исключало однако того, что въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" помѣщались иногда статьи, авторы которыхъ приходили по нѣкоторымъ вопросамъ къ инымъ выводамъ, нежели тѣ, которые признавались правильными редакціей журнала. Но это бывало тогда, когда статьи эти при научномъ характерѣ ихъ не носили на себѣ печати узкой партійности, при чемъ, конечно, редакція отъ себя дѣлала примѣчаніе, объясняющее, почему при несогласіи съ положеніями автора статья помѣщается. Привожу все это къ тому, чтобы отмѣтить, что какъ въ своей во внѣ проявляемой дѣятельности, такъ и въ стѣнахъ редакціи, при кабинетномъ обсужденіи той или другой статьи, того или другого вопроса С. А. проявлялъ полную терпимость, уваженіе къ чужому мнѣнію, готовность отказаться отъ своего взгляда, если убѣждался въ невѣрности его. Короче, работать съ нимъ можно было вполнѣ коллегіально, и эта работа доставляла одно удовольствіе, и я не могу привести ни одного случая, когда между нимъ и его коллегами по редакціи или по бюро Юридическаго Общества происходило бы какое-либо столкновеніе, которое оставляло бы хоть малѣйшую тѣнь неудовольствія, хотя, конечно, совѣщанія не могли обходиться, да и не обходились безъ нѣкоторыхъ разногласій по отдѣльнымъ вопросамъ.

Тотъ же строго конституціонный образъ дѣйствія, ту же коллегіальность проявлялъ С. А. и во всѣхъ дѣлахъ, касающихся Юридическаго Общества. Сколько-нибудь новый вопросъ, новое положеніе, и тотчасъ созывалось все бюро и совмѣстно рѣшалось, какъ поступать и дѣйствовать. Такъ было при появленіи требо-

ванія сообщать о предстоящихъ засѣданіяхъ и намѣчаемыхъ для прочтенія въ нихъ докладахъ, такъ—при рѣшеніи вопроса о томъ, продолжать ли изданіе „Юридическаго Вѣстника“ при подчиненіи его предварительной цензурѣ. И никогда, ни по одному вопросу, С. А. не стремился подчинить рѣшеніе своему вліянію, не стремился оказать какое-либо давленіе. И это при томъ условіи, что онъ былъ, что называется, человѣкъ властный, т.-е. человѣкъ, который не склоненъ былъ къ подчиненію, человѣкъ самостоятельный и стремившійся устраивать свою жизнь соотвѣтственно задачамъ, которыя онъ самъ себѣ поставилъ. Но въ то же время онъ, и именно уважая собственное достоинство, уважалъ его и цѣнилъ стойкость и опредѣленность мнѣній и въ другихъ.

Сказывалось въ немъ уваженіе къ человѣческой личности и въ томъ, что, будучи требователенъ къ самому себѣ и къ другимъ во взятыхъ ими на себя обязанностямъ и притомъ требователенъ безусловно, категорично, онъ, однако, не былъ взыскателенъ и недоступенъ по отношенію къ прислугѣ, къ сторожамъ и т. п. Онъ всегда былъ простъ съ ними, простъ именно по-человѣчески, безъ всякой, однако, что называется, фамильярности; не случалось мнѣ слышать и видѣть съ его стороны и довольно обычныхъ у насъ окриковъ на прислугу; думаю, что и здѣсь его не оставляло уваженіе къ чужой личности и къ своему собственному достоинству. Въ его отношеніи къ прислугѣ выражалось и уваженіе ко всякому добросовѣстному труду. Беря С. А. въ цѣломъ, со всѣми его свойствами, съ отсутствіемъ въ немъ того, что называется экспансивностью, съ его внѣшней сухостью, нужно именно уваженіемъ къ чужому труду объяснить устроенное, напр., имъ чествованіе одного изъ университетскихъ сторожей. Сторожъ этотъ состоялъ при помѣщеніи зала правленія университета, гдѣ обычно происходили засѣданія Юридическаго Общества, и за свои услуги Обществу получалъ опредѣленное вознагражденіе. Когда исполнилось 25 лѣтъ служенія этого сторожа при университетѣ, тогда по мысли и предложенію С. А. сторожу этому былъ поднесенъ отъ Юридическаго Общества цѣнный подарокъ съ соотвѣтственной вырѣзанной на немъ надписью и переданъ при привѣтствіи, сказанномъ С. А. въ очень серьезномъ, дѣловомъ, но тепломъ тонѣ, безъ всякой, однако, тѣни сентиментальности.

Если имѣть въ виду все сказанное о С. А. какъ предсѣдателѣ Юридическаго Общества, то понятно, что послѣднее должно было

относиться къ нему постоянно съ выраженіемъ самаго высокаго почтенія и любви. И это сказывалось не только неизмѣннымъ избраніемъ его въ теченіе 19 лѣтъ въ предсѣдатели Общества и почти всегда единогласно, но и инымъ способомъ. Такъ, уже въ 1885 г. въ засѣданіи 25 февраля, по предложенію, подписанному 37-ю членами Общества, С. А. былъ избранъ въ почетные члены Юридическаго Общества посредствомъ баллотировки шарами большинствомъ 40 голосовъ противъ одного. Затѣмъ въ 1889 году въ засѣданіи 16 января за подписью 38 членовъ Общества было прочитано слѣдующее предложеніе. „Въ январѣ наступившаго года исполнилось десять лѣтъ редактированія „Юридическаго Вѣстника“ С. А. Муромцевымъ. Въ теченіе всего этого времени изданіе нашего Общества стояло на высотѣ своей задачи, удовлетворяя насущныя нужды теоретической и практической юриспруденціи. При умѣломъ и компетентномъ руководительствѣ С. А. Муромцева, благодаря его трудамъ и матеріальнымъ жертвамъ, „Юридическій Вѣстникъ“ получилъ заслуженную и прочную извѣстность. Нижеподписавшіеся считаютъ поэтому своимъ долгомъ обратиться въ Юридическое Общество съ предложеніемъ выразить почетному члену Общества и редактору нашего изданія С. А. Муромцеву глубокую благодарность Общества“. Затѣмъ отъ имени бюро Статистическаго Отдѣленія было прочитано слѣдующее обращеніе къ С. А. Муромцеву: „Сергѣй Андреевичъ! Бюро Статистическаго Отдѣленія Московскаго Юридическаго Общества пользуется настоящимъ случаемъ, чтобы выразить Вамъ глубокое сочувствіе и искреннюю признательность за то направленіе, въ которомъ Вы въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ вели журналъ нашего Общества. Подъ Вашимъ просвѣщеннымъ руководствомъ „Ю. В.“, не переставая быть серьезнымъ органомъ практическаго правовѣдѣнія, сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли не единственнымъ въ Россіи органомъ по части обществознанія въ широкомъ смыслѣ этого слова. На страницахъ редактируемаго Вами изданія нашли себѣ мѣсто и различныя отрасли публичнаго права, политическая экономія, теоретическая и прикладная, и статистика, въ особенности статистика Россіи. Съ самыхъ первыхъ годовъ Вашей редакторской дѣятельности Вы вѣрно оцѣнили ту важную роль, какую начинаетъ играть систематическое изученіе нашего отечества, преимущественно благодаря трудамъ земской статистики, и гостепріимно открыли Вашъ журналъ для трудовъ этихъ тогда еще едва начинавшихъ свое

поприще научныхъ дѣятелей; со времени же основанія Статистическаго Отдѣленія, которое совершилось главнымъ образомъ благодаря Вашей энергіи и иниціативѣ, рѣдкая книжка „Ю. В." не заключаетъ въ себѣ одного или нѣсколькихъ статистическихъ трудовъ. Высоко цѣня это постоянное вниманіе къ дорогой намъ отрасли знанія, мы отъ всей души желаемъ, чтобы и на будущее время Вы съ такой же энергіей, талантливостью и искусствомъ выполняли Вашу почтенную задачу". Затѣмъ было прочитано краткое привѣтствіе отъ профессоровъ Демидовскаго юридическаго лицея. Далѣе, по предложенію А. Н. Миклашевскаго, было сдѣлано постановленіе о разсылкѣ всѣмъ членамъ Юридическаго Общества портрета С. А. Это постановленіе, насколько мнѣ извѣстно, единственное, которое С. А. при всемъ строгомъ своемъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ и къ исполненію постановленій Юридическаго Общества такъ-таки и не выполнилъ за всѣ десять лѣтъ, протекшія со времени постановленія этого въ 1889 г. до закрытія Общества въ 1899 году.

Я привелъ тексты привѣтствій, съ которыми обращалось Общество къ С. А., потому, что они рисуютъ намъ, каковъ онъ былъ какъ редакторъ „Юридическаго Вѣстника" и какъ предсѣдатель Общества въ представленіи членовъ послѣдняго, и, какъ видимъ, сказанное въ этихъ привѣтствіяхъ подтверждаетъ все то, что было отмѣчено ранѣе. Но оно не только подтверждаетъ, но и добавляетъ еще одну черту, о которой не было сказано ранѣе. Именно, въ привѣтствіи 1889 г. упоминается, между прочимъ, о матеріальныхъ жертвахъ С. А. И дѣйствительно, въ первомъ же году редакторства С. А. Муромцева въ приходѣ „Юридическаго Вѣстника" значится отъ С. А. Муромцева 1907 р. 80 к. безвозвратно и 2000 р. заимообразно. Въ слѣдующемъ 1880 г.—1200 р. безвозвратно и 2114 р. 77 к. заимообразно, въ 1881 г.—1200 р. безвозвратно и 1315 р. 50 к. заимообразно. Противъ суммъ, значащихся заимообразно въ отчетѣ 1884—5 гг., значится въ подстрочномъ примѣчаніи, что С. А. удерживаетъ за собой право на возвращеніе сихъ денегъ изъ прибыли отъ изданія въ будущихъ годахъ, если таковая получится, ни въ какомъ случаѣ не распространяя своей претензіи къ самому Обществу. Правомъ этимъ, однако, С. А. воспользоваться такъ и не пришлось за отсутствіемъ такихъ прибылей. Напротивъ, безвозвратныя поступленія отъ него продолжались и въ послѣдующіе годы, но уже по 600 рублей въ

годъ, начиная съ 1882 г., когда и второй тогдашній редакторъ В. М. Пржевальскій (извѣстный присяжный повѣренный того времени) сталъ вносить такую же сумму ежегодно на изданіе „Юридическаго Вѣстника". Такъ продолжалось до 1887 года, когда еще нѣсколько лицъ приняло участіе въ изданіи „Юридическаго Вѣстника" опредѣленными ежегодными взносами, что не избавило С. А. отъ взносовъ, а лишь уменьшило нѣсколько размѣръ ихъ. Если, однако, имѣть въ виду, что редакція „Юридическаго Вѣстника", а въ сущности С. А., продолжала издавать, кромѣ журнала, разные научные труды, не преслѣдуя при этомъ никакой коммерческой цѣли и тоже не получая прибылей отъ изданія, то надо думать, что матеріальныя жертвы С. А. и въ послѣдующее время были врядъ ли многимъ меньше, чѣмъ въ первые годы его редакторства. Между тѣмъ извѣстно, что С. А. вовсе не обладалъ какимъ-либо значительнымъ состояніемъ; далѣе, извѣстно, что дѣятельность редактора не приноситъ обыкновенно и особой литературной извѣстности и въ то же время доставляетъ при нашихъ условіяхъ не розы, а шипы, какъ доставляла ихъ и С. А. При всѣхъ этихъ условіяхъ въ матеріальныхъ жертвахъ С. А. нельзя не видѣть опять-таки его твердости и послѣдовательности въ проведеніи въ жизнь своихъ научнообщественныхъ воззрѣній и стремленій.

IV.

Остается еще сказать нѣсколько по поводу закрытія Юридическаго Общества, послѣдовавшаго въ іюлѣ 1899 г. Врядъ ли нужно говорить, что тутъ С. А. неповиненъ ни съ какой точки зрѣнія. Я хочу сказать этимъ, что дѣйствительнымъ основаніемъ и поводомъ къ закрытію Общества не были и не могли быть какія-либо безтактныя или неосторожныя дѣйствія или рѣчи со стороны С. А. Это ясно видно даже изъ того рапорта въ Правительствующій Сенатъ, который представленъ былъ 5 іюня 1900 г. министромъ народнаго просвѣщенія по поводу жалобы на закрытіе Общества, поданной С. А. Муромцевымъ и П. Н. Обнинскимъ (одинъ изъ Московскихъ судебныхъ дѣятелей, пользовавшійся весьма почетной извѣстностью). Въ своей жалобѣ С. А. Муромцевъ и П. Н. Обнинскій находятъ неправильнымъ закрытіе Общества, такъ какъ 1) нѣтъ закона, который бы уполномочивалъ на это министра, 2) такъ какъ Общество состоитъ при университетѣ

и ходатайство объ учрежденіи его исходило отъ совѣта университета, то и закрытіе его не можетъ состояться безъ обсужденія совѣтомъ вопроса о цѣлесообразности дальнѣйшаго существованія его; 3) Обществу принадлежали права, связанныя съ имуществомъ; судьба этихъ правъ не предусмотрѣна ни уставомъ, ни общими гражданскими законами и не можетъ опредѣляться властью министра; 4) къ закрытію Общества не было поводовъ, указанныхъ закономъ. Жалоба эта, какъ извѣстно, не повела къ ожидаемымъ послѣдствіямъ, такъ какъ изъ указа Сената отъ 5 сентября 1905 г. явствуетъ, что Государь Императоръ въ 10 день іюля 1904 г. Высочайше соизволилъ утвердить распоряженіе о закрытіи Юридическаго Общества при Московскомъ университетѣ, почему Сенатъ опредѣлилъ принесенныя на то распоряженіе жалобы оставить безъ разсмотрѣнія. Но въ свое время по поводу этихъ жалобъ былъ представленъ упомянутый выше рапортъ министра народнаго просвѣщенія. Такъ вотъ въ этомъ рапортѣ, между прочимъ, говорится, что „съ общимъ направленіемъ Московскаго Юридическаго Общества совершенно гармонировалъ частный эпизодъ, непосредственно повлекшій закрытіе этого Общества и состоящій въ прочтеніи г. Муромцевымъ въ первый день пушкинскихъ торжествъ... неумѣстнаго адреса... Адресъ отъ имени Московскаго Юридическаго Общества..., истолковывавшій творчество великаго русскаго поэта въ томъ смыслѣ, что онъ освобождаетъ личность отъ властной опеки, вызвалъ... оглушительные аплодисменты, показавшіе, какъ публика, среди которой были и учащіеся поняла этотъ намекъ. Чтеніе подобнаго адреса тѣмъ болѣе непростительно, что въ засѣданіи присутствовалъ Его Императорское Высочество Августѣйшій генералъ - губернаторъ и представители властей. Признавая, что при такомъ направленіи Общества дальнѣйшее существованіе его представляется вреднымъ, такъ какъ развиваемое оппозиціонное направленіе среди студентовъ не только университета, но и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, подрываетъ въ учащихся правильное понятіе объ ихъ обязанностяхъ и о правахъ власти, я, согласно мнѣнію попечителя Московскаго Учебнаго Округа, вполнѣ раздѣляемому и одобряемому Его Императорскимъ Высочествомъ московскимъ генералъ - губернаторомъ, призналъ необходимымъ закрыть Общество и положить конецъ его вредной дѣятельности“.

Какъ видимъ, министръ усматривалъ вредъ въ „общемъ напра-

вленіи дѣятельности Общества“ и въ адресѣ видитъ лишь „частный эпизодъ“, но опять-таки такого рода, что нравственная отвѣтственность за него падаетъ на все Общество въ его цѣломъ, которое, какъ говорится въ томъ же рапортѣ, „въ послѣднее время дѣйствительно уклонилось отъ намѣченнаго его уставомъ пути и приняло направленіе, вредное съ педагогической точки зрѣнія“.

Какъ на проявленіе вреднаго направленія указывается на докладъ „Къ вопросу объ административной неправдѣ и объ административномъ судѣ“, при чемъ докладъ этотъ, намѣченный къ прочтенію въ 1899 г., не состоялся вслѣдствіе распоряженія московскаго генералъ-губернатора. Упоминается и о прочитанномъ въ 1889 г. пишущимъ эти строки рефератѣ „Юридическіе и экономическіе мотивы произведеній М. Е. Салтыкова“, въ которомъ „мрачными красками изображалось прошедшее и настоящее Россіи“. Указывается и на помѣщенную въ 1893 г. въ трудахъ Общества статью В. И. Семевскаго „Изъ исторіи крестьянскаго вопроса“, въ которой „въ заслугу Салтыкову ставилась принадлежность его въ молодости къ тайному обществу Петрашевскаго“. Не упомянуто лишь почему-то про читанный тоже въ 1889 г. докладъ Г. А. Джаншіева, представлявшій критику положенія о земскихъ начальникахъ, по поводу котораго въ бытность министромъ народнаго просвѣщенія гр. Делянова Обществу тоже было сдѣлано предостереженіе.

Въ приведенномъ перечисленіи грѣховъ Юридическаго Общества упоминаются доклады и работы Юридическаго Общества— не ранѣе 1889 г., откуда дѣйствительно можетъ получиться впечатлѣніе, что оно, какъ говорится въ рапортѣ министра, „въ последнее время уклонилось отъ намѣченнаго его уставомъ пути“. Но изъ всего приведеннаго мною до сихъ поръ несомнѣнно вытекаетъ, что со времени предсѣдательства С. А. Муромцева и до самого закрытія Общества, оно шло по одному пути, тому самому, который былъ намѣченъ С. А. Муромцевымъ въ 1881 г., т.-е. въ первомъ же отчетѣ С. А. Муромцева, какъ предсѣдателя Общества. Что путь этотъ и ранѣе не совсѣмъ одобрялся въ правительственныхъ сферахъ, ясно изъ того, что въ октябрѣ 1892 г. безъ всякаго специальнаго повода состоялось распоряженіе о подчиненіи органа Общества „Юридическаго Вѣстника“ предварительной цензурѣ. Подчиненіе это, однако, не состоялось, такъ какъ и бюро Общества, и бюро редакціи единодушно пришли къ заклю-

ченію, что лучше прекратить изданіе журнала, нежели, подчинивъ его предварительной цензурѣ, отказаться отъ того, ради чего онъ и издается, т.-е. отъ того, чтобы онъ былъ прямымъ выраженіемъ нашихъ взглядовъ и представленій. Съ этимъ согласилось и Общество, сдѣлавъ постановленіе о прекращеніи съ 1893 г. изданія журнала. Но въ томъ же 1893 г. постановлено было издавать „Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній"—отдѣльными томами, безъ предварительной подписки, да и безъ предварительной цензуры. Въ изданіяхъ этихъ помѣщались труды членовъ Общества и протоколы его засѣданій. Ясно было, что Общество неуклонно слѣдуетъ своему пути, опредѣленно намѣченному и выполняемому имъ съ 1880 года. Это же высказано было предсѣдателемъ его на годовомъ засѣданіи 9 марта 1898 г., гдѣ онъ, характеризуя дѣятельность Общества, отмѣтилъ, что оно „не сошло съ однажды намѣченнаго имъ пути... Занимаясь текущими вопросами судебнаго права и законодательства, Общество не связано рамками того оффиціальнаго опортунизма, который не дозволяетъ расширять возникшія предположенія за границы достижимаго лишь въ ближайшемъ будущемъ... Вотъ это-то постоянно бодрящее и научную и практическую жизнь воздѣйствіе и составляетъ прямую и непосредственную задачу Общества—задачу, выполненіе которой въ тяжелыя годины пріобрѣтаетъ невольно оборонительный характеръ, а при болѣе благопріятныхъ условіяхъ можетъ пріобрѣсти широкое положительное развитіе". Какъ видимъ, это иными словами, но выражаетъ тоже самое, что говорилось и въ 1881 г. Итакъ, какого-либо уклоненія отъ намѣченнаго пути не было. Ясно, что вся предшествующая дѣятельность Общества вызывала отрицательное къ нему отношеніе, но не было и не могло быть никакихъ законныхъ поводовъ къ закрытію его. Ссылки на указанные доклады опять ничего не говорятъ о рѣшающемъ значеніи послѣднихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, по поводу моего доклада о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова нужно отмѣтить, что онъ заключалъ въ себѣ лишь систематическій сводъ того, что въ сочиненіяхъ сатирика характеризовало наше юридическое и экономическое положеніе — слѣдовательно не заключалъ въ себѣ чего-либо новаго сравнительно съ тѣмъ, что проникало въ публику изъ печатавшихся сатиръ Щедрина, проходившихъ нерѣдко довольно суровую цензуру. Но и послѣ этой цензуры онѣ представляли собою настолько яркую картину нашего юридическаго безправія и нашей экономической

безпомощности, что появленіе ихъ въ русской печати того времени поражало иностранцевъ, знавшихъ русскій языкъ. Такъ, К. Марксъ, читавшій по-русски и любившій русскую литературу, о чемъ свидѣтельствовало хотя бы то обстоятельство, что у него въ кабинетѣ на каминной полкѣ стоялъ портретъ Н. А. Добролюбова, прочитывалъ постоянно произведенія Щедрина по мѣрѣ появленія ихъ въ печати и выражалъ крайнее удивленіе, какимъ образомъ при нашихъ условіяхъ онѣ могутъ появляться у насъ въ печати въ одномъ изъ наиболѣе распространенныхъ журналовъ. А между тѣмъ онѣ все же появлялись ежемѣсячно, въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ, появлялись дѣйствительно въ наиболѣе распространенномъ журналѣ. Такъ что же послѣ этого могъ значить систематическій сводъ наиболѣе характерныхъ мѣстъ изъ произведеній М. Е. Салтыкова, прочитанныхъ въ сравнительно небольшой залѣ, гдѣ и не могло быть много слушателей? И, однако, этотъ докладъ обратилъ на себя вниманіе. Что же это значитъ? Вѣдь онъ въ то время не былъ даже напечатанъ. Правда, онъ былъ набранъ и уже даже сверстанъ для „Юридическаго Вѣстника“, но когда изъ прочтенія его былъ сдѣланъ „очень большой шумъ“, когда пріѣхавшіе изъ С.-Петербурга благопріятели сообщили, что тамъ идетъ очень большой разговоръ по этому поводу, тогда я самъ, опасаясь, что при такихъ условіяхъ появленіе моего доклада на страницахъ „Юридическаго Вѣстника“ можетъ повести къ закрытію послѣдняго, предложилъ не печатать моего доклада. Такимъ образомъ и подчиненіе „Юридическаго Вѣстника“ предварительной цензурѣ остается безъ ближайшаго повода.

Еще менѣе можно признать уклоненіемъ отъ устава Общества докладъГ. А. Джаншіева. Тема его: Положеніе о земскихъ начальникахъ—безспорно юридическая; напечатанъ онъ былъ въ „Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права“ — оффиціальномъ органѣ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, не навлекавшаго на себя никогда никакихъ воздѣйствій. Не потому ли въ упомянутомъ рапортѣ министра народнаго просвѣщенія Сенату на этотъ докладъ никакихъ указаній и не дѣлается?

Чѣмъ же объясняется, что въ свое время эти доклады вызвали замѣчанія министерства, а также и то, что адресъ по поводу юбилея Пушкина повелъ къ закрытію Общества?

Объясненіе этому находится исключительно въ томъ, что, какъ по поводу моего доклада, такъ и по поводу доклада Г. А. Джан-

шіева забили тревогу „Московскія Вѣдомости", ну, а разъ такъ, разъ поднятъ большой шумъ, который можетъ привлечь вниманіе начальства, то уже, конечно, ни одинъ чиновникъ, отвѣтственный передъ своимъ начальствомъ и не желающій потерять свое мѣсто, не можетъ оставаться покойнымъ и бездѣятельнымъ. Что это дѣйствительно такъ, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, напр., что послѣ статьи „Московскихъ Вѣдомостей" по поводу моего доклада ко мнѣ обратился тогдашній попечитель Московскаго Учебнаго Округа графъ П. А. Капнистъ, знавшій меня лично, съ просьбой ознакомить его съ моимъ рефератомъ, такъ какъ „теперь послѣ статьи „Московскихъ Вѣдомостей" онъ ждетъ запроса изъ Петербурга и ему надо знать, въ чемъ тутъ дѣло". Точно также, адресъ по поводу юбилея Пушкина, прочитанный С. А. Муромцевымъ, не повелъ бы къ закрытію Общества и даже заключавшимся въ немъ словамъ „о властной опекѣ" не было бы придано какого-либо устрашающаго смысла, если бы это не произвело на нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ такого впечатлѣнія, что тотчасъ же полетѣло въ Петербургъ соотвѣтствующее „заявленіе". Самое впечатлѣніе обусловливалось не столько данными словами, сколько тономъ голоса, той силой выраженія, съ которой все это было прочитано Сергѣемъ Андреевичемъ и въ которой дѣйствительно звучалъ неустранимый, сильнѣйшій протестъ противъ властной опеки.

Привожу все это въ свидѣтельство того, что въ отношеніи Министерства Народнаго Просвѣщенія и вообще властей къ Юридическому Обществу не было какой-либо опредѣленной системы, не было у нихъ и яснаго представленія о дѣятельности Общества и ея значеніи. Всѣ воздѣйствія являлись дѣломъ случая, и, конечно, С. А. съ его правосознаніемъ, съ его представленіемъ о дѣйствительныхъ опорахъ государственнаго порядка, въ его яснымъ представленіемъ о закономѣрности общественныхъ явленій, съ его привычкой и любовью къ порядку вообще во всей своей дѣятельности, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ былъ полной противоположностью какой-либо безсистемности и вообще такому строю, въ которомъ вершителемъ судебъ того или иного начинанія, того или иного учрежденія является чистая случайность. Въ то же время закрытіе Юридическаго Общества при тѣхъ мотивахъ, которыми объясняется оно, служитъ свидѣтельствомъ того, что дѣятельность Юридическаго Общества имѣла свое глубокое значеніе. Развивало ли оно „оппозиціонное направленіе" или нѣтъ,

объ этомъ судить не берусь. Добавлю лишь, что въ упомянутомъ рапортѣ оппозиціонное направленіе усматривается и въ томъ, что Общество и послѣ оставленія С. А. Муромцевымъ въ 1884 г. „не по своей волѣ“ профессорской каѳедры продолжало избирать его своимъ предсѣдателемъ, что „не могло не имѣть въ глазахъ юношей значенія протеста со стороны Общества противъ распоряженія высшей административной власти“. Но если Юридическое Общество и развивало оппозиціонное направленіе, что весьма вѣроятно, то причина этого лежала не столько въ дѣятельности Общества и его предсѣдателя, не въ задачахъ, цѣляхъ и пріемахъ этой дѣятельности, а въ условіяхъ той дѣйствительности, при которой проявлялась эта дѣятельность. Самыя же задачи и цѣли заключались въ томъ, чтобы развивать въ русскомъ обществѣ правосознаніе, ясное представленіе о правѣ, законности, о дѣйствительныхъ основахъ порядка, которыя по всему духу и смыслу ученія С. А., соотвѣтствующему всему складу его личности, могли развиваться послѣдовательно путемъ постепеннаго эволюціонированія условій жизни и нормъ законодательства, регулирующихъ житейскія отношенія.

Въ заключеніе отмѣчу еще одну черту, свидѣтельствующую, насколько цѣльной личностью былъ С. А. и насколько у него слово являлось точнымъ отраженіемъ того, что онъ мыслитъ, сознаетъ, чувствуетъ. Выше были приведены слова С. А., что задача общественнаго дѣятеля состоитъ въ томъ, чтобы „вести людей силою ихъ лучшихъ чувствъ“. Уже изъ этого слѣдуетъ, что для С. А. задачею являлось развитіе въ людяхъ того положительнаго, что имѣетъ созидающее значеніе, такъ какъ обращеніемъ къ лучшимъ чувствамъ въ людяхъ вырабатываются обыкновенно не разрушительныя стремленія, а то, что ведетъ къ „осуществленію высшихъ цѣлей человѣчности и общественности“. Извѣстно, что изъ числа московскихъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей такой взглядъ принадлежалъ и А. И. Чупрову, который къ тому же отличался и необыкновеннымъ умѣньемъ отыскивать въ каждомъ то лучшее, что въ немъ имѣется, и вызывать проявленіе этого лучшаго. И вотъ люди, близко знавшіе Сергѣя Андреевича Муромцева, могутъ засвидѣтельствовать, что изъ всѣхъ его друзей и пріятелей онъ выше всего цѣнилъ Александра Ивановича Чупрова.

Н. Каблуковъ.

„Письма изъ Москвы“.

Два раза С. А. Муромцевъ принимался за послѣдовательное веденіе хроники московской общественной жизни: въ 1881 г., въ качествѣ московскаго корреспондента газеты „Порядокъ“, только что основанной М. М. Стасюлевичемъ, и въ 1885 г., въ качествѣ московскаго корреспондента „Вѣстника Европы“ [1]). Близкія между собою по времени, эти эпохи очень различны по характеру и настроенію. Въ началѣ 1881-го года—а изъ шестнадцати корреспонденцій, напечатанныхъ въ „Порядкѣ“, только три написаны послѣ катастрофы 1-го марта—передовое русское общество чего-то смутно, но радостно ожидало. Совершившаяся передъ тѣмъ перемѣна коснулась, въ сущности, только лицъ, но этого, какъ видно изъ первой же корреспонденціи Муромцева, было достаточно, чтобы вызвать нѣкоторое оживленіе. „Надежда на то, что не въ очень далекомъ будущемъ русской общественной мысли придется играть подобающую ей роль“, пишетъ Муромцевъ 9-го февраля, „живетъ въ образованныхъ кругахъ, какъ московскаго, такъ и провинціальнаго общества... Начинаютъ понимать, что въ виду, можетъ быть, недалекаго будущаго надо подготовиться къ веденію не только земскаго дѣла и надо запастись на этотъ конецъ необходимыми свѣдѣніями, готовымъ планомъ и даже законопроектами. Будущее не должно застать наше общество врасплохъ“. Мы узнаемъ въ этихъ словахъ тотъ идейный и вмѣстѣ съ тѣмъ практическій умственный складъ, который, по словамъ ближайшихъ друзей покойнаго, составлялъ отличительную особенность его натуры. Какъ лѣтомъ 1905-го года, на зарѣ освободительнаго движенія, Му-

[1]) Всѣ эти письма вошли въ составъ вышедшаго еще при жизни Сергѣя Андреевича третьяго выпуска его „Статей и рѣчей“.

ромцевъ, по разсказу В. Д. Набокова, придавалъ огромное значеніе заранѣе составленному, разработанному во всѣхъ деталяхъ проекту конституціи, какъ еще раньше, весной того же года, онъ трудился, по разсказу А. М. Колюбакина надъ Наказомъ не существовавшей тогда даже на бумагѣ Думы, такъ и за четверть вѣка передъ тѣмъ онъ чувствовалъ потребность въ готовыхъ формахъ для новаго содержанія. Ему несвойственно было пассивное отношеніе къ надвигающимся событіямъ: онъ хотѣлъ, чтобы они были встрѣчены русской интеллигенціей во всеоружіи, чтобы общественныя силы не были опережены государственною властью. И онъ старался повліять на эти силы вездѣ, гдѣ только приходилъ съ ними въ соприкосновеніе: въ земствѣ, въ Городской Думѣ, въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ, гдѣ онъ тогда начиналъ свою неутомимую, непрерывную дѣятельность. Онъ стремился доказать, что „русскіе люди, не одѣтые въ вицмундиры, далеко не такъ мало смыслятъ въ государственныхъ дѣлахъ, какъ обыкновенно утверждаютъ, когда говорятъ о неспособности русскаго общества къ осуществленію того, что съ нѣкотораго времени очень опредѣленно подразумѣвается подъ столь неопредѣленными словами, каковы *мечтанія* и *иллюзіи*". Его радовало, что въ земскихъ собраніяхъ „начинали играть видную роль теоретическіе или, вѣрнѣе, общегосударственные вопросы". Онъ понималъ, что „мѣстное дѣло тормозится медленностью и косностью дѣла государственнаго". „Земство,—читаемъ мы въ томъ же письмѣ,—„начинаетъ чувствовать, что его дѣятельность рискуетъ оказаться безплодною, доколѣ живой преобразовательный токъ не захватитъ центры государственной жизни. Интересы дня теперь именно въ государственныхъ вопросахъ". Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 19-го февраля, С. А. сѣтуетъ о томъ, что правительство, желая, повидимому, самодѣятельности общества, не рѣшается даже въ сравнительно неважныхъ случаяхъ—напр., при организаціи сельскохозяйственныхъ съѣздовъ—расширять права общественныхъ представителей.

Несмотря на нѣкоторый подъемъ общественнаго духа, земство—по крайней мѣрѣ московское, къ которому всего ближе стоялъ Сергѣй Андреевичъ—и въ 1881-мъ году не успѣло стряхнуть съ себя впечатлѣнія долгихъ лѣтъ застоя и гнета. Узко-консервативная группа, составлявшая большинство въ Московскомъ Губернскомъ Земскомъ Собраніи, „вообще какъ-то сробѣла" и пошла на уступки, но только въ деталяхъ: перуставъ, напримѣръ, отрицать

въ принципѣ участіе земства въ расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, она согласилась ассигновать, въ видѣ пособія крестьянамъ при покупкѣ земли, сумму... въ девять тысячъ рублей. Вопреки примѣру, данному нѣсколькими провинціальными земскими собраніями, Московское Губернское Земство воздержалось отъ возбужденія ходатайства о коренной реформѣ народной школы. Прозорливый взглядъ Муромцева уловилъ въ этихъ и имъ подобныхъ фактахъ предвѣстія настроенія, съ такою яркостью обнаруживающагося въ наше время. Въ негодованіи, которымъ было встрѣчено частью земцевъ предложеніе понизить таксу вознагражденія за лѣсныя порубки, С. А. услышалъ „ревъ просыпающагося звѣря“ — того самаго звѣря, который извѣстенъ теперь всей Россіи подъ именемъ *зубра*. „Никакими юридическими доводами“, читаемъ мы въ письмѣ отъ 26-го декабря 1880-го года, „никакими ссылками на справедливость не прошибете вы гласнаго помѣщика, когда проснулся въ немъ инстинктъ барина“... Звѣрь, пробужденіе котораго сигнализируетъ Муромцевъ, „не одинаковъ въ дворянствѣ и въ купечествѣ; но вездѣ есть свой звѣрь“. Когда, наканунѣ открытія Московскаго Дворянскаго Собранія, „Московскія Вѣдомости“ рѣшились замѣтить, что дворянство, *хотя и потерявшее свое значеніе въ государственной организаціи,* все же можетъ еще сослужить службу, благодаря таящейся въ немъ внутренней силѣ, эти слова были приняты „истыми дворянами“ не съ признательностью, а съ негодованіемъ: они нашли, что Катковъ посягнулъ на священныя права сословія и оскорбилъ его. „Сословный звѣрь, сидящій во всѣхъ сословіяхъ“, говоритъ по этому поводу Муромцевъ, „не любитъ правды, сказанной въ глаза, хотя бы и доброжелательной“... Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 17-го января нарисована жалкая картина, какую представляло собою очередное Московское Дворянское Собраніе. „Собраніе изъ двухсотъ слишкомъ человѣкъ“, восклицаетъ С. А., „сходилось для того, чтобы одобрить въ принципѣ мысль о пенсіяхъ служащимъ въ пансіонѣ-пріютѣ. И это былъ крупнѣйшій интересъ изъ подлежавшихъ разсмотрѣнію!...“ Немногимъ выше Дворянскаго Собранія стоитъ и Московская Городская Дума, гдѣ въ то время господствовалъ почти безраздѣльно „купеческій звѣрь“, покровительствуемый администраціей и находившій прочную точку опоры въ явно несостоятельной избирательной системѣ...

Одно изъ послѣднихъ писемъ первой категоріи (отъ 20-го сентября 1881-го года) посвящено характеристикѣ „Московскихъ Вѣдомостей", именно тогда, послѣ вынужденнаго смиренія, вновь начинавшихъ чувствовать за собою внѣшнюю поддержку—и злоупотреблять ею. Газета Каткова „не борется, въ строгомъ смыслѣ этого слова, не оспариваетъ противоположныя мнѣнія, не обсуждаетъ непріятныя явленія, но старается поднять ихъ на смѣхъ. Но какъ жалокъ выходитъ самый смѣхъ! Шутка оказывается грубою и плоскою; въ концѣ-концовъ она сводится на простую брань. Въ этомъ смѣхѣ обнаруживается собственное безсиліе. Шутка—приговоръ надъ самимъ шутникомъ. За мнимымъ достоинствомъ, которое она предназначена оберегать, не выступаетъ ничего". И въ этихъ словахъ многое примѣнимо къ настоящей минутѣ. Реакціонная печать спустилась въ наше время еще ниже того уровня, на которомъ она стояла тридцать лѣтъ тому назадъ.

Во второмъ отдѣлѣ корреспонденцій, относящемся къ 1885-му году, нѣтъ даже тѣхъ немногихъ свѣтлыхъ точекъ, которыя виднѣлись въ туманѣ „диктатуры сердца". „Средній человѣкъ обезпеченной толпы", читаемъ мы въ первомъ же письмѣ этой серіи, „завертѣлся въ своемъ колесѣ „дѣлъ" и „увеселеній"; но нѣтъ и слѣда какого-либо благотворнаго возбужденія. Человѣка мыслящаго не покидаетъ сѣрое, сумрачное настроеніе нашихъ дней... Въ болѣющемъ сердцѣ не прекратилась отзывчивость на явленія окружающаго міра, не водворился еще успокоительный индифферентизмъ, а затруднительность и безплодность личнаго участія въ общемъ токѣ помутившейся жизни чувствуется все сильнѣе и сильнѣе. Тина, никогда не исчезавшая, вновь даетъ знать себя". Въ Московскомъ Уѣздномъ Земствѣ старые хозяева (В. Ю. Скалонъ и его товарищи) вытѣснены „кирпичниками", оберегателями собственнаго кармана, противниками народнаго образованія, чующими „неблагонамѣренность"... въ чтеніи Некрасова. Въ Губернскомъ Земскомъ Собраніи большинство, состоящее изъ представителей помѣщичьяго класса, возстаетъ противъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью уменьшить количество недоимокъ; вѣдь „помѣщики и суть первые земскіе недоимщики" (эту роль они удерживаютъ за собою, какъ извѣстно, вплоть до настоящаго времени). Особенно печально положеніе городского хозяйства. Въ Московской Городской Думѣ зарождается именно тогда явленіе, въ наши дни достигшее пышнаго расцвѣта и вышедшее далеко за предѣлы тѣсныхъ рамокъ

городского самоуправленія. Въ письмѣ отъ 13-го января 1885-го года мы встрѣчаемся въ первый разъ съ новымъ смысломъ выраженія: *черная сотня*. „У насъ", говоритъ С. А., „разумѣютъ подъ этимъ именемъ весьма сплоченную группу мѣщанъ и ремесленниковъ, выходящую изъ третьяго разряда избирателей... Члены городской администраціи были отдаваемы на истязаніе черной сотни. Выходъ изъ головъ С. М. Третьякова находился въ прямой связи съ однимъ изъ возникшихъ такимъ путемъ скандаловъ. Ораторы черной сотни, при необыкновенной словоохотливости, выражались неуклюже, часто вовсе непонятно, но за ораторами, плохо выслушиваемыми, стояла сплоченная толпа, въ родѣ театральнаго хора". Ошибочно было бы видѣть въ ней представительство низшаго слоя городского населенія, его рабочаго класса. „Совершенно напротивъ. Черная сотня, какъ и купечество, состоитъ изъ тѣхъ же хозяевъ, только разрядомъ ниже, побѣднѣе. Это — хозяева разныхъ промышленныхъ заведеній малаго калибра, которые очень хорошо понимаютъ свои хозяйскіе интересы и, можетъ быть, еще энергичнѣе богатыхъ фабрикантовъ готовы постоять за свои прерогативы". Сходство между черными сотнями тогдашней и нынѣшней существуетъ, такимъ образомъ, несомнѣнно: обѣ склонны къ скандаламъ, обѣ отличаются словоохотливостью и неуклюжестью рѣчи, иногда доходящею до невразумительности, обѣ далеки отъ народныхъ массъ, обѣ преслѣдуютъ свои особые интересы. Но есть—помимо неодинаковаго сословнаго состава—и существенное различіе между ними, всецѣло невыгодное для новѣйшей черной сотни: старая черная сотня искренно желала болѣе широкаго распространенія народнаго образованія и, сознавая свою неразвитость, дорожила, по крайней мѣрѣ иногда, союзомъ съ интеллигенціей... Неприглядныя стороны обѣихъ соперничествовавшихъ московскихъ группъ—купечества и черной сотни—выступаютъ на видъ особенно рельефно въ послѣднемъ письмѣ второй серіи, изображающемъ борьбу между представителями крупныхъ и мелкихъ трактирныхъ заведеній. И въ этой борьбѣ слышится кое-что, напоминающее настоящую минуту: произносятся громкія фразы о возвышеніи нравственности обывателей, проектируется водвореніе трезвости путемъ обязательныхъ постановленій—и вмѣстѣ съ тѣмъ оставляются безъ вниманія самыя вопіющія нужды населенія.

Невелики, къ сожалѣнію, промежутки времени, на которые бросаютъ свѣтъ московскія письма С. А. Муромцева, но не ма-

лованенъ вкладъ, внесенный этими письмами въ новѣйшую исторію русскаго общества. Они показываютъ наглядно, какъ лучшая его часть готовилась расправить крылья при первомъ дуновеніи теплаго вѣтра—и какой мракъ водворился въ ея средѣ, когда возобновившееся затишье заставляло предвидѣть рѣшительное движеніе назадъ. Повторяющіяся въ послѣднее время съ особою назойливостью попытки идеализировать эпоху восьмидесятыхъ годовъ—эпоху, хуже которой на самомъ дѣлѣ немного найдется моментовъ въ нашемъ прошломъ—встрѣчаютъ неотразимый отпоръ въ свидѣтельствѣ С. А. Муромцева, спокойномъ, нелицепріятномъ и правдивомъ, какъ самъ свидѣтель.

К. Арсеньевъ.

Адвокатская дѣятельность.

Не влеченіе сердца, не призваніе, сознанное въ молодые годы, не соображенія практическія привели Сергѣя Андреевича Муромцева въ ряды русской адвокатуры.

Стремленія и желанія его съ юныхъ лѣтъ были далеки отъ дѣятельности практической. Еще студентомъ третьяго курса онъ писалъ другу дѣтства [1]): „итакъ, черезъ 6 лѣтъ я буду защищать диссертацію на степень магистра, положимъ, хотя уголовнаго права. А лѣтъ черезъ семь или восемь, примѣрно сказать въ 1877 г., начну читать лекціи въ одномъ изъ университетовъ. А до тѣхъ поръ буду жить безъ страстей и бурь, занимаясь и учась. Благодаря своей фантазіи я уже представилъ картину первой моей лекціи. Впрочемъ, фантазія была послѣдовательна. Вслѣдъ затѣмъ она писала мнѣ Высочайшее повелѣніе объ отставкѣ за распространеніе либерализма“.

Эти поразительныя слова девятнадцатилѣтняго юноши были выраженіемъ рано сложившихся желаній. Работа ученаго, преподавательская дѣятельность, общественное служеніе—вотъ о чемъ мечтаетъ С. А. на студенческой скамьѣ. Эти мечты оказались дѣйствительностью полнѣе, совершеннѣе и ранѣе, нежели предсказывалъ юноша-студентъ. Къ моменту отставки „за распространеніе либерализма“ С. А. былъ не магистромъ, прочитавшимъ вступительныя лекціи, а знаменитымъ ученымъ, учителемъ молодыхъ поколѣній, крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ.

Несомнѣнно, чѣмъ полнѣе въ первоначальной дѣятельности С. А. нашли свое выраженіе его искреннія желанія и стремленія,

---

[1]) Письмо къ двоюродному брату Владиміру Семеновичу Муромцеву отъ 27 октября 1869 г.

тѣмъ болѣе рѣзкимъ переломомъ должна была явиться въ 1884 г. неожиданная отставка. Такіе переломы въ жизни людей слабыхъ бываютъ роковыми. Но не таковъ былъ С. А. Муромцевъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ вступилъ въ ряды русской адвокатуры, и С. А. не ошибся, избравъ именно этотъ путь для своей дальнѣйшей работы.

Въ адвокатурѣ С. А. прежде всего остался ученымъ. Обликъ адвоката-ученаго едва ли представленъ въ русской адвокатурѣ кѣмъ-либо съ такой послѣдовательностью, какъ именно имъ. Адвокатомъ-ученымъ С. А. явился не потому, что глубоко зналъ науку гражданскаго права, пользовался ея результатами и умѣлъ примѣнять ее къ практикѣ. Исторія российской адвокатуры знаетъ не мало именъ, составившихъ себѣ извѣстность въ наукѣ права, однако съ ихъ именами нельзя поставить рядомъ характеристику адвоката-ученаго.

Наука права въ ея разработкѣ содержитъ и истины, и ошибки, и глубокія противорѣчія. Возможно смотрѣть на нее, какъ на запасъ разнообразныхъ свѣдѣній, и въ любой моментъ черпать изъ нея подходящіе доводы, не думая о ихъ дѣйствительной научной цѣнности и даже зная, что данное положеніе отброшено научной мыслью, какъ негодное. При такомъ взглядѣ на науку права, какъ на источникъ тѣхъ аргументовъ, которые должны поразить неподготовленнаго противника, независимо отъ ихъ дѣйствительной научной цѣнности, нельзя быть и оставаться адвокатомъ-ученымъ.

Не таково было отношеніе С. А. къ своей адвокатской работѣ. Наука и при адвокатской работѣ оставалась для него самоцѣнностью, цѣлью, а не средствомъ. Стремясь къ успѣху отдѣльнаго дѣла, С. А. вмѣстѣ съ тѣмъ неуклонно стремился къ проведенію дѣйствительно научныхъ принциповъ въ дѣйствующее право.

Въ своихъ трудахъ, обращаясь къ изслѣдованію образованія юридическихъ нормъ, С. А. училъ: „процессъ этотъ есть результатъ взаимодѣйствія двухъ дѣятелей: жизни народа, творящей потребности въ нормахъ, и мыслительной способности всего народа вообще и сословія юристовъ въ особенности... каждая юридическая норма и есть явленіе, непосредственно вызванное потребностью, но явленіе, вызванное потребностью при содѣйствіи мышленія человѣка“.

Высказываясь, такимъ образомъ, противъ ученія исторической школы объ органическомъ развитіи права, безъ участія человѣче-

ской мысли и человѣческаго творчества, С. А., какъ ученый, выдвигалъ взглядъ на юриспруденцію и на работу юристовъ, какъ на источникъ образованія права.

Этому взгляду соотвѣтствовала вся работа С. А., какъ адвоката-практика. Не только въ тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда имѣлась въ виду сознательная цѣль провести въ практику новый правовой принципъ, онъ являлся юристомъ, творящимъ правовыя нормы, но и въ его обычной повседневной адвокатской работѣ неуклонно шла работа созиданія правовыхъ нормъ, такъ какъ самый методъ разработки имъ дѣйствующаго права былъ методомъ раскрытія юридическихъ принциповъ.

Какъ юристъ практикъ, С. А. интересуется не статьей закона, а нормой права. Свое изслѣдованіе дѣйствующаго права С. А. никогда не ограничивалъ грамматическимъ или логическимъ толкованіемъ статьи. Статья для него была матеріаломъ, но онъ ее изучалъ въ связи съ тѣми цѣлями, для достиженія коихъ она назначалась. Внѣ задачъ и цѣлей юридическихъ нормъ С. А. не мыслилъ самой экзегезы дѣйствующаго права. Это было его пониманіемъ права, благодаря которому разъясненіе Сергѣемъ Андреевичемъ самой обычной, самой извѣстной статьи дѣйствующаго права пріобрѣтало характеръ спеціальной научно-догматической работы. При этомъ методѣ разработки дѣйствующаго права С. А. своей повседневной работой адвоката-практика творилъ работу юриста-ученаго.

Если бы мы пожелали эту мысль подтвердить примѣрами, намъ пришлось бы приводить выдержки изъ огромнаго количества написанныхъ С. А. состязательныхъ бумагъ, но мысль станетъ вполнѣ ясна, если мы иллюстрируемъ ее хотя бы однимъ примѣромъ.

Въ томѣ X ч. I имѣется весьма извѣстная статья 1066[14], гласящая объ отдачѣ завѣщаннаго имѣнія въ опекунское управленіе въ случаяхъ предъявленія исковъ о недѣйствительности духовнаго завѣщанія. Статья эта нашла свое точное разъясненіе въ практикѣ Правительствующаго Сената. Однако ни ясность статьи, ни возможность сдѣлать ссылки на номера департаментскихъ рѣшеній не могли удовлетворить С. А. Заявляя ходатайство о примѣненіи этой статьи, онъ считаетъ необходимымъ дать слѣдующее разъясненіе. „Мѣра, означенная въ ст. 1066[14], не есть обыкновенная мѣра обезпеченія иска, обусловленная его достовѣрностью (ст. 591 уст. гр. суд.), но особенная квалифицированная мѣра огражденія

правъ и интересовъ законныхъ наслѣдниковъ, точно указанная въ законѣ и вызываемая самимъ существомъ „лежачаго наслѣдства“. Доколѣ не окончится споръ, возникшій по завѣщанію, и завѣщаніе не будетъ судомъ или отвергнуто, или утверждено къ исполненію, остается открытымъ вопросъ, кому именно и въ какихъ частяхъ поступаетъ наслѣдственное имущество. Между тѣмъ это послѣднее требуетъ извѣстныхъ хозяйственныхъ распоряженій и мѣропріятій, другими словами—управленія, ибо необходимо получать и платить долги, извлекать изъ имѣнія доходы, производить эксплоатаціонные и иные расходы, нанимать и увольнять служащихъ, ограждать имущество отъ возможныхъ на него посягательствъ и т. д. и т. д. За отсутствіемъ признанныхъ по суду наслѣдниковъ, будутъ ли то наслѣдники по закону или по завѣщанію, вся совокупность означенныхъ хозяйственныхъ дѣйствій должна быть возложена на опеку, которая за силой ст. 262 и 266—275 Зак. Гр., имѣетъ право и обязанность управлять наслѣдственнымъ имѣніемъ, какъ доброму хозяину свойственно. Никто, кромѣ опеки, не могъ бы при данномъ положеніи вещей принять на себя подобное управленіе. Обыкновенный „хранитель“ имѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣнію произведена охранительная опись, есть только неподвижный стражъ имѣнія, не имѣющій полномочій на управленіе, а посему не могущій предпринимать никакихъ дѣйствій для продолженія хозяйственной эксплоатаціи имѣнія. Оставленное въ рукахъ хранителя, наслѣдственное имущество должно было бы прекратить свое хозяйственное развитіе, обратиться въ бездоходное и даже убыточное—къ общему ущербу всѣхъ преемниковъ наслѣдодателя. Такое же отрицательное значеніе имѣло бы простое обезпеченіе иска—въ видѣ запрещенія или ареста. Оно не обезпечивало бы правильнаго управленія имѣніемъ“.

Юристы оцѣнятъ элегантность развиваемыхъ доводовъ. Только проникновеніе въ существо „лежачаго наслѣдства“, которое римскихъ юристовъ привело къ признанію за нимъ значенія самостоятельной юридической личности, приводитъ С. А. къ обоснованію неумѣстности „неподвижнаго стража“, къ требованію живого органа, который даетъ дальнѣйшую жизнь „лежачему наслѣдству“.

Но не только въ *методѣ* своей работы С. А. являлся повседневно адвокатомъ-ученымъ. Воспитанный на образцахъ римской юриспруденціи, С. А. еще въ первыхъ работахъ своихъ, отводя вообще важное значеніе технической сторонѣ права, особенно ярко под-

черкиваетъ значеніе „формулированія юридическихъ нормъ“. „Суды и юрисконсульты, училъ С. А., творятъ право по преимуществу въ формѣ рѣшеній; но особенно въ наше время судебное творчество проявляется такъ же въ формулированіи юридическихъ нормъ. Законодатель по преимуществу творитъ право юридическими нормами; точно такъ же поступаетъ догматикъ“.

Эта была одна изъ любимыхъ идей С. А., которую онъ и перенесъ всецѣло въ свою адвокатскую дѣятельность. Для него недостаточно было установить правовую идею. Эта идея должна была еще вылиться въ ту форму, которая сама по себѣ должна была явиться юридическимъ творчествомъ. Этотъ взглядъ С. А. преслѣдовалъ неуклонно. Каждый, кто будетъ изучать работу С. А. какъ адвоката, тотъ признаетъ, что С. А. былъ истинный мастеръ въ „формулированіи“ правовыхъ идей. Образцовая формулировка доставляла С. А. величайшее удовольствіе. Будучи строгъ въ этомъ отношеніи къ себѣ, онъ и чужую работу оцѣнивалъ прежде всего съ этой точки зрѣнія. Неразборчивость въ выборѣ юридическихъ терминовъ, неряшливость въ выраженіяхъ, отсутствіе точности въ формулировкѣ принциповъ отталкивали С. А. и совершенно обезцѣнивали въ его глазахъ подобную работу. Точная формулировка для С. А. была не формой. Осуществляя научное творчество въ формулировкѣ юридическихъ нормъ, С. А. остался адвокатомъ-ученымъ не по торжественнымъ днямъ, а въ своей повседневной работѣ. Отмѣченная черта адвокатской работы— черта рѣдчайшая. Она встрѣчается рѣдко вообще, и она чужда недисциплинированной русской натурѣ въ частности. Только этимъ возможно объяснить, что именно это драгоцѣннѣйшее свойство творческой дѣятельности С. А. являлось источникомъ непониманія. Въ мысли точной нѣтъ мѣста блесткамъ. Мысль точная требуетъ отъ слушателей порой напряженія. Для пониманія и воспріятія она требуетъ иногда знаній. Въ виду этого неудивительно, что цѣнители просто краснорѣчія не понимали глубокой, истинно эстетической красоты точной и сжатой рѣчи С. А., и передъ многими открылись глаза лишь въ тотъ моментъ, когда на всю Россію прозвучали, какъ звонъ чеканнаго золота, слова: „совершается великое дѣло, воля народа получаетъ свое выраженіе въ формѣ правильнаго, постоянно дѣйствующаго, на неотъемлемыхъ законахъ основаннаго законодательнаго учрежденія. Великое дѣло налагаетъ на насъ и великій подвигъ, призываетъ къ великому труду“...

Русская адвокатура знаетъ много талантовъ, богатыхъ житейскимъ краснорѣчіемъ, но въ смыслѣ того *юридическаго* краснорѣчія, гдѣ слово—чеканъ, С. А. остается недосягаемымъ образцомъ. Это не краснорѣчіе внѣшняго и широкаго успѣха, оно не трогаетъ чувства, но нужна великая дисциплина ума, дабы явиться носителемъ именно этого краснорѣчія.

И въ краснорѣчіи, и въ методѣ обработки матеріала С. А. остался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до вступленія своего въ адвокатуру. Адвокатъ не побѣдилъ ученаго. Напротивъ, сохранивъ всѣ свойства своего истинно научнаго мышленія, С. А. обогатилъ ими русскую адвокатуру. Но не только въ этихъ чертахъ, осуществлявшихся непроизвольно въ работахъ С. А., онъ оставался ученымъ. Онъ оставался имъ и благодаря вполнѣ намѣренному *отношенію своему* къ адвокатской работѣ. Мысль, юридически невѣрная, негодная и фальшивая, отталкивала С. А. Онъ искренно не понималъ, какъ возможно отстаивать завѣдомо неправильное положеніе. Лишенный той святой простоты, которая по добросовѣстному невѣдѣнію берется отстаивать передъ судомъ первый подсказанный непосредственной интуиціей доводъ, Сергѣй Андреевичъ самъ судилъ доводы, и мысль, осужденная имъ, не находила защиты ни въ его сердцѣ, ни въ богатомъ арсеналѣ его знаній. Это налагало своеобразный отпечатокъ на его адвокатскую работу. Крайне осторожный въ выборѣ доводовъ, онъ и доводы, признанные имъ правильными, разцѣнивалъ по относительному достоинству, выдвигая на первый планъ доводъ особой, по его мнѣнію, цѣнности. Но эти доводы С. А. отстаивалъ съ рѣдчайшей настойчивостью, со всѣмъ запасомъ возможныхъ аргументовъ. Это давало адвокатской работѣ его рѣдкую внутреннюю какъ бы архитектурную стройность. Дѣло у Сергѣя Андреевича получало своеобразную постановку, оно выходило изъ его кабинета сведеннымъ къ ряду принципіальныхъ вопросовъ, которые и ставились передъ судомъ не какъ эпизоды дѣла, а какъ стройная система логическихъ заключеній. Это драгоцѣнное свойство порой ослабляло разработку мелкихъ нюансовъ, но поднимало самое обычное дѣло до высоты принципіальной проблемы. Въ этомъ свойствѣ и лежалъ источникъ того, что С. А. былъ рѣдкій и незамѣнимый кассаторъ. Уже при первой постановкѣ имъ спорнаго вопроса дѣло пріобрѣтало кассаціонный характеръ, ибо тамъ, гдѣ есть проблема, тамъ есть и мѣсто *принципіальнымъ* отвѣтамъ. Ни Палата, ни Сенатъ не могли

обойти вопросы, поставленные Муромцевымъ: это были преграды, которыя возможно было разобрать и разрушить, но которыя нельзя было обойти, сведя дѣло къ нѣсколькимъ брошеннымъ фразамъ, устраняющимъ кассаціонный доводъ, такъ какъ споръ яко бы касается существа судебнаго рѣшенія.

Требуя строгаго отношенія къ приведеннымъ соображеніямъ, С. А. не цѣнилъ работы, лишенной этого свойства, что онъ называлъ отсутствіемъ „перспективы“. Однимъ изъ любимыхъ разсказовъ Сергѣя Андреевича былъ его разговоръ съ однимъ изъ видныхъ представителей нашей адвокатуры. Выслушавъ на судѣ обширныя объясненія его, содержащія на ряду съ цѣнными мыслями и положенія явно негодныя, осужденныя при предварительномъ обсужденіи дѣла, С. А. невольно спросилъ, почему онъ приводитъ доводы неправильные, которые онъ самъ едва ли раздѣляетъ? Отвѣтъ былъ въ высшей степени интересенъ: это мой методъ, вѣдь я не знаю заранѣе, какой именно доводъ покажется суду правильнымъ. Этого метода С. А. не признавалъ никогда. Каждый лишній и невѣрный доводъ онъ считалъ недопустимымъ, и эту идею С. А. проводилъ въ своей практикѣ съ истиннымъ ригоризмомъ. Онъ обрекалъ на полную негодность не только доводы, не соотвѣтствовавшіе данному дѣлу, но и положенія, невѣрныя объективно, наконецъ идеи, которыя, по его мнѣнію, не слѣдовало внѣдрять въ дѣйствующее право. Какъ бы ни была подходяща идея для даннаго дѣла, но если С. А. признавалъ ее вредной для развитія права, онъ отбрасывалъ ее, какъ негодную. Еще незадолго до смерти на обсужденіе его былъ поставленъ въ высшей степени интересный вопросъ. Какъ извѣстно, въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской—мѣстности бывшаго господства Литовскаго Статута—дѣйствуетъ принципъ, по которому родовое имущество запрещается *завѣщать*, но разрѣшается *дарить*. Предметомъ обсужденія явилась дарственная, по которой родовое имущество было подарено съ тѣмъ, что за дарителемъ сохранялось право пожизненнаго владѣнія и къ одаряемому имущество переходило въ пользованіе и распоряженіе лишь послѣ смерти дарителя. Пришлось установить, что Литовскому Статуту, помимо нашихъ институтовъ даренія и завѣщанія, извѣстенъ былъ и институтъ римскаго права—дареніе на случай смерти. Дальнѣйшій анализъ привелъ къ заключенію, что между институтомъ даренія на случай смерти, допустимымъ по Литовскому Статуту, и дареніемъ,

являющимся по существу завѣщаніемъ, лежитъ различіе во вводѣ во владѣніе. Гдѣ былъ вводъ во владѣніе, тамъ имѣется допустимое дареніе на случай смерти, гдѣ не было ввода—завѣщаніе, облеченное въ форму даренія. Пришлось установить также, что практика Сената по этому вопросу противорѣчива. Представлялась такимъ образомъ возможность свести дѣло къ вопросу о вводѣ во владѣніе, отстаивая, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе, что практика Сената, замѣнивъ въ Имперіи вводъ во владѣніе моментомъ утвержденія актовъ у старшаго нотаріуса, не примѣнима къ данному, совершенно спеціальному, своеобразному случаю, возникшему въ мѣстностяхъ дѣйствія нормъ Литовскаго Статута. Сергѣй Андреевичъ не только не считалъ возможнымъ самъ взять дѣло подъ свою защиту, но даже не находилъ возможнымъ вообще рекомендовать построить на этомъ принципѣ искъ. „Я не вѣрю,—говорилъ онъ,—что эта точка зрѣнія побѣдитъ въ Сенатѣ. Я не могу рекомендовать этой точки зрѣнія, такъ какъ, по-моему, она будетъ извращеніемъ желательнаго права. Я вообще не защитникъ родовыхъ имѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ свое время высказывался, что вводъ во владѣніе, какъ историческій пережитокъ, долженъ быть замѣненъ укрѣпленіемъ актовъ у старшихъ нотаріусовъ, а посему отстаивать иную точку зрѣнія для Черниговской и Полтавской губ. я лично нахожу недопустимымъ“.

Такъ возвышенно смотрѣлъ Сергѣй Андреевичъ на свои обязанности. Это свойство создавало изъ него незамѣнимаго консультанта. Онъ былъ рожденный юрисконсультъ и не только потому, что онъ обладалъ богатыми знаніями, но, главное, потому, что онъ превыше всего ставилъ объективное уясненіе дѣла. Явно выраженное желаніе стороны найти въ его консультаціяхъ непремѣнное утѣшеніе, мысль о возможномъ въ будущемъ процессѣ—все это было чуждо Сергѣю Андреевичу. Онъ оставался консультантомъ въ идеальномъ смыслѣ этого слова и, какъ консультантъ, онъ не зналъ соперниковъ.

Всѣ эти свойства невольно ставили С. А. на особую высоту. Оставаясь въ адвокатурѣ ученымъ, онъ невольно, помимо своего желанія, являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и учителемъ. Его учительство проявлялось не только въ примѣрѣ личности, не только во всѣхъ методахъ его работы, но и въ спокойно, объективно строгомъ, лишенномъ всякихъ рѣзкостей, отношеніи его къ противнику. Со-

вершенно невольно это же свойство проявлялось и въ отношеніи С. А. къ суду. Къ суду онъ относился съ полнымъ уваженіемъ. Великую идею судебной власти онъ искренно и сознательно переносилъ на представителей ея въ то время, когда они творили судъ. Выслушивая сѣтованія на то или другое рѣшеніе суда, С. А. неуклонно, съ особой ему свойственной мягкостью, подчеркивалъ, что сторонѣ трудно дать объективное сужденіе по дѣлу. „Трудно,— говорилъ онъ,—учесть всѣ тѣ мотивы, которые склонили судъ именно къ такому рѣшенію. Нельзя забывать, что за всѣми мотивами стоитъ судейская совѣсть, которая и является часто истиннымъ источникомъ юридически слабо обоснованнаго рѣшенія“. При спокойномъ отношеніи къ суду, при внутреннемъ желаніи получить отъ суда объективно добросовѣстный отвѣтъ по спорному вопросу, С. А. не позволялъ себѣ увлекать судъ въ свою пользу. Онъ принципіально отрицалъ *лиризмъ* въ гражданскомъ процессѣ, не позволялъ себѣ возстанавливать судъ противъ личности противника или, напротивъ, возбуждать въ судѣ ненужную жалость къ своему довѣрителю. Онъ стремился помочь суду разобраться въ спорномъ вопросѣ, онъ желалъ прежде всего разъяснить дѣло, и невольно рѣчь его передъ судомъ пріобрѣтала иногда характеръ учительскаго слова. Но не наставникомъ желалъ явиться С. А., а лишь добросовѣстнымъ сотрудникомъ, и не его вина была въ томъ, что его богатая эрудиція и спокойный тонъ рѣчи придавали его объясненіямъ порою характеръ учительскій. Помимо его воли выходило такъ, что на его дѣлахъ учились слушавшіе его, учились его противники, а порою невольно учился судъ, воспринимая правду его мыслей.

Все это—черты, не дѣлающія С. А. адвокатомъ дня. Каждое дѣло, чтобы поступить подъ его защиту, должно было пройти стадію строжайшей провѣрки. Сергѣй Андреевичъ провѣрялъ его и съ точки зрѣнія юридическаго обоснованія, и съ точки зрѣнія тѣхъ объективныхъ принциповъ, на которыхъ должна была быть построена защита. Но превыше всего С. А. ставилъ нравственную сторону дѣла. Здѣсь онъ доходилъ прямо до мнительности. Приблизительно за годъ до созыва Государственной Думы къ С. А. обратились съ очень крупнымъ дѣломъ. Предлагалось вознагражденіе, во много разъ превышавшее всѣ тѣ скромныя средства, которыя остались послѣ его смерти. Уже самый фактъ, что дѣло крупное, заставило С. А. особо насторожиться и со всею тщатель-

ностью отнестись къ разсмотрѣнію дѣла. При ближайшемъ анализѣ приходилось придти къ заключенію, что дѣло правое и безусловно должно быть выиграно. Это прямо начало смущать С. А., и онъ началъ настойчиво доискиваться скрытыхъ дефектовъ. Наконецъ С. А. указалъ, что его смущаетъ одинъ важный документъ въ дѣлѣ, что когда лица, обратившіяся къ нему, говорятъ объ этомъ документѣ, то ему чувствуется нѣкоторое ихъ смущеніе, а потому у него является предположеніе, не подложный ли это документъ. Никакихъ объективныхъ данныхъ въ пользу такого предположенія не было. Я лично бралъ на себя смѣлость указывать, что дѣло надлежитъ принять къ производству, и отъ дѣла возможно будетъ отказаться, если позднѣе оправдается догадка Сергѣя Андреевича и споръ о подлогѣ дѣйствительно будетъ заявленъ. С. А. нѣсколько дней думалъ и, наконецъ, отъ дѣла отказался. Это дѣло поступило впослѣдствіи въ производство другого адвоката, было имъ выиграно, и никакого спора о подлогѣ документа предъявлено не было.

Но если это была мнительность, то это была великая мнительность. Возможно было бы привести рядъ примѣровъ, иллюстрирующихъ богатство тѣхъ разнообразныхъ мотивовъ, по которымъ С. А. постоянно отклонялъ отъ себя тѣ или другія дѣла. Можно смѣло сказать, что, приступая къ изученію дѣла, онъ прежде всего ставилъ себѣ вопросъ: нельзя ли усмотрѣть тѣхъ основаній, по которымъ дѣло не можетъ быть принято именно имъ въ производство. При такомъ отношеніи не удивительно, если количество дѣлъ, находившихся въ производствѣ С. А., было всегда не велико. Постоянно являлись попытки вовлечь его въ дѣла, чуждыя его духу, но С. А. былъ слишкомъ цѣльной натурой для того, чтобы попытки эти имѣли успѣхъ. Въ отношеніи С. А. къ дѣламъ находили полное осуществленіе его высокіе взгляды на обязанности адвоката. Примѣняя ихъ со всей строгостью лично къ себѣ, онъ въ смягченномъ видѣ старался проводить ихъ въ жизнь московской адвокатуры въ своей дѣятельности то какъ членъ, то какъ товарищъ предсѣдателя Совѣта.

Дѣятельность С. А. какъ сословнаго судьи настолько богата оригинальными чертами, что должна быть возстановлена кѣмъ-либо изъ товарищей его по Совѣту, ибо черты живыя могутъ возстанавливаться только при живомъ наблюденіи. Сказать, что дѣла сословныя и вопросы адвокатской чести глубоко затрагивали

С. А., это значило бы не сказать ничего, ибо на свое служеніе сословію онъ смотрѣлъ, какъ на служеніе общественное. На работѣ въ Совѣтѣ наиболѣе ярко отражалась другая основная черта личности С. А.: его удивительная отзывчивость къ общественной дѣятельности и тонкое пониманіе общественнаго долга. Особенно здѣсь Сергѣй Андреевичъ и въ адвокатурѣ оставался общественнымъ дѣятелемъ.

Итакъ, ученымъ, учителемъ, общественнымъ дѣятелемъ вошелъ Сергѣй Андреевичъ въ ряды русской адвокатуры, таковымъ онъ въ ней и остался.

Не разъ приходится слышать попытки давать сравнительную оцѣнку признанныхъ корифеевъ адвокатуры. Едва ли при выясненіи дѣйствительно крупной личности можно выбирать что-либо болѣе неудачное, какъ такой способъ разцѣнки. Какъ нельзя ставить вопросы, кто выше: Микель Анджело или Рафаэль, Бетховенъ или Моцартъ, такъ нельзя и къ Муромцеву, какъ адвокату, подходить съ опредѣленной мѣркой, чтобы опредѣлить его удѣльный вѣсъ среди другихъ именъ, заслуженно занявшихъ видное мѣсто въ русской адвокатурѣ. Имя Муромцева, какъ адвоката, тѣмъ и велико, что онъ былъ именно Муромцевымъ, индивидуальность котораго остается самостоятельнымъ вкладомъ въ общую сокровищницу творческой работы русской адвокатуры. Какъ адвокатъ-ученый, какъ адвокатъ-учитель, онъ не былъ адвокатомъ чувства. Тамъ, гдѣ нужно подойти къ чувству человѣческому, тамъ нужна иная индивидуальность. Муромцевъ былъ адвокатомъ разума. Создавая и въ адвокатской дѣятельности чеканную научную мысль, онъ шелъ къ уму человѣка, и поскольку труднѣе повліять на умъ, нежели на чувство, побѣдить мысль, нежели непосредственное движеніе сердца, постольку работа С. А. была труднѣе той работы, которую производитъ талантъ, рожденный играть на струнахъ человѣческой души. Въ русскую адвокатуру Муромцевъ внесъ свой великій умъ, свою науку, свое учительство, свое служеніе общественному дѣлу родины, въ своей адвокатской дѣятельности онъ создалъ образъ адвоката-ученаго, учителя и общественнаго дѣятеля и въ пантеонѣ русской адвокатуры онъ стоитъ въ первѣйшихъ мѣстахъ, для всѣхъ желательнымъ образцомъ.

И. Кистяковскій.

Въ Московской Городской Думѣ.

Въ короткомъ очеркѣ нѣтъ возможности исчерпать все то, что сдѣлано С. А. Муромцевымъ для Московскаго Городского Управленія. Нельзя перечислить всѣ доклады, составленные или редактированные имъ, какъ предсѣдателемъ комиссій, или какъ изумительнымъ и неподражаемымъ редакторомъ, къ которому въ трудныя минуты обращались тѣ, кому нужно было углубить свою работу и облечь ее въ безукоризненную по точности и стройности форму. Попытка подобнаго изложенія потребовала бы изслѣдованія громаднаго и разнообразнаго матеріала, въ созданіи или обработкѣ котораго въ той или иной мѣрѣ проявилось участіе Сергѣя Андреевича. Между тѣмъ послѣдній самъ незадолго до своей неожиданной и безвременной кончины сосредоточилъ свои мысли на вопросахъ, возникавшихъ и проходившихъ передъ Московской Городской Думой, въ разрѣшеніи которыхъ онъ принималъ участіе. Четвертый выпускъ его „Статей и рѣчей“ носитъ названіе—„Въ Московской Городской Думѣ“. Выпускъ этотъ, лично редактированный и приготовленный къ печати Сергѣемъ Андреевичемъ, быть можетъ, является его послѣдней завершонной работой, и работа эта заключаетъ въ себѣ „положенія, которыя авторъ поддерживалъ“, какъ гласный Московской Городской Думы.

Не ставя себѣ задачей въ полной мѣрѣ опредѣлить значеніе Муромцева, какъ гласнаго Московской Городской Думы, мнѣ хотѣлось бы, хотя бы въ отрывочной формѣ, отмѣтить нѣсколько чертъ изъ дѣятельности этого выдающагося работника, который считалъ себя обязаннымъ посвятить свой трудъ, отдать свои богатыя дарованія, свою мысль и обширныя знанія городскому общественному управленію.

Результаты общественной работы, общественной мысли тѣмъ

ярче, опредѣленнѣе и качественно выше, чѣмъ ярче и крупнѣе индивидуальности, входящія въ составъ общественной среды, призванной осуществлять свою волю.

Уже этого одного достаточно, чтобы признать, что пребываніе С. А. Муромцева въ составѣ Московской Городской Думы создавало ей извѣстнаго рода преимущества. Какъ бы хулители въ исключительномъ усердіи все обезличить, все сравнять ни стремились представить С. А. Муромцева какъ зауряднаго гласнаго, ничѣмъ не выдѣлявшагося изъ сѣрой массы, ихъ злобствованіе не принизитъ величественной фигуры Муромцева, ихъ хула и поношенія не умалятъ значенія того, что сдѣлано имъ для города во время его пребыванія въ Московскомъ Городскомъ Управленіи.

С. А. не бралъ на себя разрѣшенія вопросовъ, имѣющихъ спеціально хозяйственное значеніе, предоставляя эту сферу городского управленія болѣе компетентнымъ лицамъ. Однако, онъ постоянно отмѣчалъ, что задачи городского управленія далеко не исчерпываются одними хозяйственными вопросами, какое бы сложное содержаніе ни разумѣлось подъ понятіемъ хозяйства. Многообразіе функцій городского управленія, осуществляемыхъ черезъ посредство хотя и несовершеннаго представительства, создаетъ ту общественную сферу, въ которой совершается общественная работа. Въ условіяхъ общественной работы, совмѣстной, коллективной дѣятельности разнородныхъ элементовъ С. А. видѣлъ условія, совершенно необходимыя для развитія началъ гражданственности.

Въ эпоху могучаго подъема народныхъ силъ, въ эпоху стремленія къ новому, къ свѣту, къ свободѣ, когда на пути этого стремленія воздвиглись темныя громады старыхъ устоевъ и стремленіе впередъ ударилось о сопротивленіе стараго, Муромцевъ, сохраняя спокойствіе духа и вглядываясь въ даль, произносилъ слова, по которымъ можно было бы судить, какъ оцѣниваетъ онъ положеніе дѣлъ и какъ рисуетъ себѣ ближайшія перспективы. Онъ говорилъ, что только развитая, воспитанная, имѣющая глубокіе корни общественность можетъ быть залогомъ освобожденія народа. Въ Россіи велась постоянная борьба со всякими проявленіями общественности, поражаемой въ самыхъ первоначальныхъ ячейкахъ. Пока не сложатся эти ячейки общественности—стремленія къ освобожденію будутъ обречены на неудачу.

Оцѣнивая такъ значеніе общественности, видя въ ней школу

развитія гражданъ, необходимое условіе жизни народа, роста его правосознанія, С. А. Муромцевъ отдавался общественной работѣ, исполняя высокій долгъ гражданина и давая законченный образъ дѣятеля, проникнутаго лучшими общественными идеалами. Онъ не отыскивалъ въ этой работѣ положеній, которыя удовлетворяли бы его самолюбію, не добивался вліянія и руководительства, а несъ на себѣ тяжелую будничную работу, мастерски исполняя ее и открывая въ незначительныхъ предметахъ и вопросахъ положенія принципіальнаго свойства, обобщая явленія и давая точные выводы, помогающіе разбираться во всемъ многообразіи городского дѣла. Участвуя въ общественной работѣ, какъ одинъ изъ элементовъ составного и сложнаго цѣлаго, С. А. своими высокими качествами и дарованіями повышалъ общій тонъ этого цѣлаго и пріобрѣталъ все большее и большее вліяніе на ходъ дѣлъ въ Городской Думѣ.

I.

Дѣятельность С. А. Муромцева въ Московской Городской Думѣ распадается на два періода. Къ первому періоду относятся два четырехлѣтія 1881—1884 и 1889—1893 годовъ, ко второму періоду— 1897—1908 годы. Активная дѣятельность С. А. во второмъ періодѣ продолжалась безпрерывно до избранія его предсѣдателемъ Государственной Думы перваго созыва.

Оба періода имѣютъ черты сходства, но и отличаются другъ отъ друга весьма значительно. Если во второмъ періодѣ С. А. весь входитъ въ общественное дѣло, неся на себѣ огромную работу въ качествѣ предсѣдателя двухъ комиссій, широко развившихъ при немъ свою дѣятельность, то въ первый періодъ онъ держится какъ бы въ сторонѣ отъ текущаго дѣла, наблюдая, изслѣдуя, изучая, вглядываясь въ техническія условія работы общественнаго собранія, провѣряя свои теоретическія знанія и подготовляясь... Его выступленія въ Думѣ носятъ случайный характеръ. Но въ нихъ нельзя не замѣтить характерной черты, опредѣленно отмѣчающей каждое его выступленіе. Его особенное вниманіе привлекаютъ всѣ вопросы, касающіеся техники веденія дѣла въ Думѣ. Онъ не упускаетъ случая со свойственной ему точностью и отчетливостью установить строеніе общаго собранія, его составные элементы, взаимное отношеніе этихъ элементовъ. Лишь только возникала коллизія правъ Думы съ властью предсѣдателя, лишь

только правамъ собранія или отдѣльныхъ его членовъ угрожала опасность, С. А. поднимался на защиту этихъ правъ, разъясняя слагавшіяся положенія, установляя принципъ и точно опредѣляя форму, какъ внѣшнюю гарантію неприкосновенности принципа. Его убѣжденный голосъ раздавался всегда, какъ только онъ замѣчалъ, что общественной идеѣ грозитъ опасность со стороны лицъ, входящихъ въ составъ собранія и плохо понимающихъ какъ свои права, такъ и права собранія, или извнѣ. Эти выступленія имѣли тѣмъ большій вѣсъ и значеніе, что представляли объективную оцѣнку создававшагося положенія и происходили въ то время, когда Дума не имѣла еще писанныхъ правилъ для производства дѣлъ въ ея засѣданіяхъ.

Подобное выступленіе съ разъясненіемъ правъ собранія и обязанностей предсѣдателя и права каждаго гласнаго на свободное выраженіе своего мнѣнія было сдѣлано С. А. въ одномъ изъ первыхъ засѣданій новаго состава Городской Думы 1881 г. тотчасъ послѣ его избранія гласнымъ. 15 сентября того же года С. А. въ сильной рѣчи опредѣляетъ отношеніе гласнаго къ собранію и устанавливаетъ обязанность каждаго гласнаго уважительно относиться къ собранію, „ибо это собраніе выше всякаго лица". Въ этой рѣчи онъ призываетъ Думу на защиту правъ города отъ посягательства третьихъ лицъ (отводъ земли на Моисеевской площади Обществу Трудолюбія). Далѣе, въ другихъ рѣчахъ онъ устанавливаетъ право Думы имѣть точныя свѣдѣнія о дѣлахъ, которыя будутъ обсуждаться въ собраніи (10 ноября 1881 г.), настаиваетъ на томъ, что каждый членъ Думы имѣетъ право входить въ Думу съ предложеніемъ и Дума должна разсмотрѣть это предложеніе по существу, принять или отвергнуть его, уклониться же отъ разсмотрѣнія его не можетъ (24 ноября 1881 г.). Попутно при обсужденіи отдѣльныхъ вопросовъ онъ настаиваетъ на неуклонномъ соблюденіи формъ, какъ условіи, обезпечивающемъ права собранія. Такъ, 4 января 1882 г., „привѣтствуя счастливую мысль Н. А. Найденова, указавшаго на Д. Ѳ. Самарина, какъ на представителя города при составленіи новаго устава реальнаго училища", Муромцевъ настаиваетъ на необходимости сохраненія за Думой права произвести выборы обычнымъ порядкомъ. Въ другомъ случаѣ онъ горячо протестуетъ противъ попытки установить нѣкоторое различіе между новыми и старыми гласными; далѣе, устанавливаетъ характеръ и существо дѣятельности исполнительныхъ комиссій (11 янв.

1883 г.), разъясняетъ существо правъ города въ дѣлѣ заключенія займовъ (16 ноября 1882 г.).

По приведеннымъ примѣрамъ, казалось бы, можно было предугадать будущаго составителя перваго проекта Наказа Государственной Думы и ея перваго блестящаго предсѣдателя. Казалось, что С. А. на протяженіи десятковъ лѣтъ, еще въ 80-ыхъ годахъ, когда представленіе о конституціи, о русскомъ парламентѣ существовало лишь въ завѣтныхъ и запрещенныхъ мечтахъ, уже готовился, вдумывался, изучалъ существо и природу большихъ общественныхъ собраній, чтобы въ свѣтлую эпоху осуществившихся надеждъ отдать первому народному собранію свои провѣренные и сбереженные для него опытъ и знаніе.

Защита права, служеніе общественнымъ идеаламъ и напоминаніе объ этихъ идеалахъ—вотъ какими словами можно было бы отмѣтить первый періодъ дѣятельности С. А. въ качествѣ гласнаго Городской Думы.

8 марта 1881 г., по предложенію С. А. Городская Дума приняла на средства города погребеніе Н. Г. Рубинштейна. Дѣлая Думѣ это предложеніе, С. А. между прочимъ говорилъ: „Николай Григорьевичъ въ силу одного своего таланта составляетъ гордость своего города, имя его навсегда останется въ памяти населенія того города, въ которомъ онъ жилъ, и будетъ служить однимъ изъ лучшихъ украшеній его исторіи... на Рубинштейнѣ мы видимъ, какъ много можетъ сдѣлать человѣкъ, когда у него съ выдающеюся силой таланта соединена столь рѣдкая въ Россіи сила характера... Дума поступитъ вполнѣ правильно, если признаетъ, что преимущественное право хоронить такихъ людей должно принадлежать городу“.

12 сентября 1883 г. С. А. Муромцевъ предложилъ „составить нынѣ же постановленіе, что Дума съ крайнимъ прискорбіемъ принимаетъ извѣстіе о смерти великаго писателя И. С. Тургенева, и по составленіи приговора прочесть его и выслушать всѣмъ гласнымъ въ полномъ составѣ, стоя. Просить г. предсѣдателя назначить, по его усмотрѣнію, въ ближайшемъ будущемъ день, когда отслужить въ залѣ Городской Думы панихиду по покойномъ. Назначить депутацію, которая отъ имени города Москвы присутствовала бы на похоронахъ И. С. Тургенева“.

При обсужденіи вопроса о томъ, при какихъ условіяхъ Московское Городское Общественное Управленіе могло бы пользоваться

своимъ правомъ издавать обязательныя постановленія, когда закономъ 14 августа 1881 г. предоставлено генералъ-губернатору издавать обязательныя постановленія по предметамъ, касающимся охраненія общественнаго порядка и государственной безопасности, другими словами, въ тѣхъ случаяхъ и по тѣмъ предметамъ, которые генералъ-губернаторъ признаетъ нужнымъ, Муромцевъ въ засѣданіи 4 января 1882 г. переноситъ обсужденіе вопроса съ подробностей на существо, предлагая „посмотрѣть вопросу въ лицо". Вопросъ, по мнѣнію Муромцева, въ томъ, „какъ освободить, наконецъ, городъ отъ того тяжелаго полицейскаго режима, который накладывается на его обывателей и, несомнѣнно, не однимъ произволомъ административной власти, а самимъ закономъ", въ виду чего онъ предложилъ Думѣ возбудить ходатайство объ отмѣнѣ для Москвы закона 14 августа 1881 года [1]).

Какъ предсѣдатель комиссіи по разсмотрѣнію отчета по постройкѣ Александровскихъ казармъ, Муромцевъ 26 октября 1882 г. заявилъ Думѣ, что при осмотрѣ казармъ солдаты говорили, что въ помѣщеніяхъ ихъ нѣтъ удобствъ для храненія хлѣба и мелкихъ вещей, въ виду чего, „если просьба гг. офицеровъ о расширеніи офицерскаго собранія заслуживаетъ уваженія, то удовлетвореніе солдатскихъ нуждъ должно предшествовать удовлетворенію нуждъ гг. офицеровъ".

22 декабря 1889 г. при разсмотрѣніи смѣты возникъ вопросъ объ упорядоченіи Цвѣтного бульвара. По этому поводу Муромцевъ напомнилъ, что 13 лѣтъ тому назадъ, когда въ Москвѣ существовала желѣзнодорожная комиссія подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта гр. Баранова, въ нее былъ внесенъ проектъ устройства на Цвѣтномъ бульварѣ центральной пассажирской станціи... Онъ съ особеннымъ интересомъ останавливался на этомъ вопросѣ, указывая, что это мѣсто можетъ понадобиться для соединительной станціи всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, или для особой станціи окружной желѣзной дороги, „до которой Москва когда-нибудь доживетъ". Когда впослѣдствіи Городской Думѣ въ 1897 году были представлены на разсмотрѣніе два проекта окружной дороги, Муромцевъ съ увлеченіемъ отдался ихъ изученію, и ему принадлежитъ какъ редактированіе особаго мнѣнія, отстаи-

---

[1]) Еще ранѣе Муромцевъ разбиралъ законъ 14 августа 1881 года, извѣстный подъ именемъ „Положенія объ усиленной охранѣ", въ газетѣ „Земство", см. „Статьи и рѣчи", вып. V, стр. 52—65.

вавшаго идею съуженнаго кольца, такъ и изложеніе этой точки зрѣнія передъ Думой, которая раздѣлила мнѣніе меньшинства [1]).

Въ этотъ періодъ времени Муромцевъ состоялъ гласнымъ отъ города въ Московскомъ Губернскомъ Земскомъ Собраніи, участвовалъ въ комиссіи организаціонной по разсмотрѣнію порядка избранія гласныхъ Городской Думы, по устройству въ Москвѣ безплатной читальни имени И. С. Тургенева, для разсмотрѣнія отчета по постройкѣ Александровскихъ казармъ.

Вотъ въ самыхъ краткихъ чертахъ указаніе нѣкоторыхъ вопросовъ, привлекавшихъ вниманіе Сергѣя Андреевича въ первый періодъ его пребыванія гласнымъ Московской Думы. Этотъ короткій перечень рисуетъ до нѣкоторой степени его общее настроеніе, его кругъ мыслей и вкусовъ.

Затѣмъ наступаетъ перерывъ въ участіи Муромцева въ городскихъ дѣлахъ до 1897 года, когда онъ, будучи избранъ гласнымъ по второму избирательному участку, становится въ ряды наиболѣе дѣятельныхъ гласныхъ, немедленно берется за большую и сложную работу предсѣдательствованія въ двухъ постоянныхъ подготовительныхъ комиссіяхъ (по составленію проектовъ обязательныхъ для мѣстныхъ жителей постановленій и организаціонной), участвуетъ въ разнообразныхъ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ, въ которыя привлекались наиболѣе дѣятельные и интересующіеся городскими дѣлами гласные. Въ теченіе этого второго періода, охватывающаго цѣлое десятилѣтіе (1897—1906 гг.), онъ работалъ, кромѣ названныхъ выше комиссій, въ разные годы въ комиссіяхъ: финансовой, желѣзнодорожной, канализаціонной, по вопросу объ устройствѣ окружной жел. дор., по газовому освѣщенію, по урегулированію отношеній между городомъ и земствомъ и нѣкоторыхъ другихъ.

Изъ этого перечня комиссій, въ которыхъ въ разное время принялъ участіе С. А., можно заключить, какую массу труда и энергіи онъ отдалъ Городскому Управленію. Вѣдь Муромцевъ не могъ только числиться въ составѣ. Если часть вопросовъ, въ которыхъ онъ не считалъ себя достаточно компетентнымъ, онъ предоставлялъ другимъ, внимательно прислушиваясь къ сужденіямъ этихъ болѣе компетентныхъ лицъ, то другую часть вопросовъ и дѣлъ городского управленія, для которой онъ находилъ себя до-

---

[1]) Статьи и рѣчи, вып. IV, стр. 72.

статочно свѣдущимъ, онъ оставилъ за собой и далъ блестящій образецъ того, какъ нужно работать и что можно сдѣлать, войдя въ городское дѣло ради успѣха этого дѣла.

II.

Что мы имѣемъ для сужденія о дѣятельности С. А. Муромцева въ Городской Думѣ? Ошибочно думать, что эту дѣятельность можно измѣрить и исчерпать количествомъ рѣчей, произнесенныхъ въ собраніяхъ, числомъ докладовъ и заявленій, подписанныхъ даннымъ лицомъ. Роль дѣятельнаго гласнаго далеко не исчерпывается этими формами участія въ общественной работѣ, и эти формы, взятыя отдѣльно, далеко не всегда составляютъ основную и главную работу гласнаго. По преимуществу выводы докладовъ являются результатомъ коллективнаго труда, а изложеніе и редактированіе ихъ составляетъ важную, но все же служебную, часть работы. Если произнесенная въ собраніи рѣчь убѣждаетъ Думу принять то или иное рѣшеніе, то весьма часто эта рѣчь строится на данныхъ, собранныхъ въ комиссіи и получившихъ отраженіе въ докладѣ. Весьма часто основная, первоначальная работа, требующая детальнаго изученія предмета, ознакомленія съ обширнымъ историческимъ и цифровымъ матеріаломъ, требующая вдумчивости, умѣнья разобраться въ предметѣ, остроумія и находчивости, словомъ, всѣхъ качествъ лучшаго работника—совершается въ тиши кабинета, а впослѣдствіи въ закрытомъ засѣданіи комиссіи, гдѣ мысли и предположенія докладчика встрѣчаютъ провѣрку, критику, получаютъ подтвержденіе, или пополняются и видоизмѣняются. Вотъ эта сторона работы остается всегда закрытой отъ вниманія постороннихъ, и возстановленіе ея въ отношеніи къ лицамъ, работавшимъ долго и много, становится невозможнымъ. Указанія на эту сторону работы могли бы быть сдѣланы только самими лицами, ее производившими.

Къ счастью, въ отношеніи къ Муромцеву мы имѣемъ именно такое положеніе. Въ названномъ IV выпускѣ „Статей и рѣчей“ С. А. собралъ въ систему многое изъ того, что было плодомъ его мысли, его труда, его творчества, что онъ въ пояснительныхъ строкахъ къ тексту со скромностью называетъ „положеніями“, которыя онъ „поддерживалъ“ въ Городской Думѣ. Этотъ сборникъ „положеній“ далеко не исчерпываетъ работъ Муромцева въ Го-

родской Думѣ. Въ немъ нѣтъ упоминаній объ обширномъ трудѣ его по вопросу о нормальномъ отдыхѣ торговыхъ служащихъ, не упомятуто о составленіи имъ проекта положенія о Городскомъ Народномъ Университетѣ имени А. Л. Шанявскаго и о многомъ другомъ. Однако этотъ сборникъ даетъ достаточное представленіе о характерѣ его работы и ея направленіи.

Что представляетъ собой эта книжка? Каково ея содержаніе и значеніе? Пересказывать ее, входить въ частичную оцѣнку изложенныхъ въ ней положеній—не время и не мѣсто. Тѣ, кому дорого воспоминаніе о С. А. Муромцевѣ, кто чтитъ его память и дорожитъ всѣмъ тѣмъ, около чего была мысль покойнаго, конечно сами ознакомятся съ нею въ подлинникѣ. Наконецъ, тѣ, кому небезразличны интересы и успѣхъ общественныхъ самоуправленій, должны будутъ изучить эту книжку, содержащую въ себѣ драгоцѣнные выводы и заключенія, мысли и изслѣдованія, изложенныя иногда въ лаконической формѣ, почти въ видѣ афоризмовъ вдумчиваго наблюдателя, просвѣщеннаго и талантливаго знатока права, въ которомъ счастливо сочетались точный умъ математика и тонкій вкусъ художника.

Въ первой части книжки помѣщены матеріалы „по организаціи городского управленія“: тутъ даны отвѣты по цѣлому ряду вопросовъ, имѣющихъ принципіальное значеніе и непосредственный практическій интересъ; во второй части приведены сведенныя въ систему положенія „изъ области обязательныхъ постановленій“. Среди спеціальной литературы, посвященной мѣстнымъ самоуправленіямъ, этотъ сборникъ занимаетъ совершенно исключительное положеніе и по своему содержанію могъ бы быть приравненъ къ сборникамъ рѣшеній Сената, къ которымъ такъ часто прибѣгаютъ городскія и земскія управленія при разрѣшеніи возникающихъ вопросовъ. Въ отдѣлѣ „по организаціи городского управленія“ представлены разсужденія и мотивированные тезисы по ряду вопросовъ, организаціонныхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, такъ и по вопросамъ общественной этики (стр. 8), правъ города, взаимныхъ отношеній администраціи и городского управленія (стр. 34) и отдѣльнымъ предметамъ. Въ этомъ отдѣлѣ мы находимъ разсужденія по вопросамъ о совмѣстимости званія гласнаго съ платной службой по городу, о принятіи подрядовъ по городскому хозяйству, о порядкѣ занятій въ думѣ, о комиссіяхъ подготовительныхъ и исполнительныхъ, объ участковыхъ попечителяхъ по на-

блюденію за исполненіемъ обязательныхъ постановленій, о періодическихъ прибавкахъ къ содержанію служащихъ, объ организаціи управленія Городской Художественной Галлереи П. М. и С. М. Третьяковыхъ, объ организаціи юрисконсультской части, о больничномъ сборѣ, о платѣ за ученіе въ городскихъ начальныхъ училищахъ, о налогѣ на тотализаторъ и др. Въ области обязательныхъ постановленій, гдѣ городамъ и земствамъ предоставлено создавать мѣстный законъ, много спорнаго, неяснаго и неразрѣшеннаго ни практикой, ни толкованіемъ, С. А. Муромцевъ въ своемъ сборникѣ излагаетъ рядъ мыслей и положеній, касающихся предѣловъ правъ города въ этой области, содержанія этихъ правъ, отношенія ихъ къ закону, инструкціи, контракту, касается технической стороны составленія обязательныхъ постановленій и дѣлаетъ попытку свести въ систему все относящееся до осуществленія правъ города по созданію мѣстнаго закона.

Всѣ эти положенія, какъ сказано было выше, излагались С. А. въ докладахъ и рѣчахъ по разнымъ предметамъ. Изъ этого можно заключить, сколь широко ставилъ онъ вопросы и сколь разносторонне ихъ освѣщалъ. Естественно, что эти „положенія", имѣющія всѣ свойства мотивированныхъ „разъясненій", представляютъ интересъ не только для Московской Городской Думы, не только для городскихъ управленій, но и для всѣхъ общественныхъ управленій, права коихъ опредѣляются родственными между собой Городовымъ Положеніемъ и Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ.

Поводами къ такимъ „разъясненіямъ" для С. А. оказывались и порученія, даваемыя Думой комиссіямъ, которыми онъ руководилъ или въ которыхъ принималъ участіе, и вопросы, возникавшіе въ Думѣ при обсужденіи того или иного дѣла, и запросы, обращаемые непосредственно къ нему со стороны Городской Управы и должностныхъ лицъ Городского Управленія, и, наконецъ, неисчислимыя частныя бесѣды - консультаціи, въ которыхъ С. А. никогда не отказывалъ, тѣмъ самымъ принимая невидимое для постороннихъ, но непосредственное участіе въ направленіи общаго хода дѣлъ въ Городскомъ Управленіи.

Уже въ то время, когда порвалась официальная связь между Городскимъ Управленіемъ и Муромцевымъ, онъ продолжаетъ по приглашенію представителей Городского Управленія появляться въ зданіи Московской Городской Думы въ качествѣ консультанта-эксперта, свѣдущаго лица по вопросамъ права.

Такъ, 13 января 1910 г. Муромцевъ участвуетъ въ обсужденіи проекта комиссіи по общимъ вопросамъ городского устройства по преобразованію подготовительныхъ комиссій. 25 января того же года онъ даетъ свое заключеніе по сложному вопросу, возникшему изъ требованія объ удовлетвореніи нѣкоторыхъ чиновъ полиціи квартирнымъ довольствіемъ.

Въ то же время онъ даетъ рядъ консультацій по крупнѣйшимъ правовымъ вопросамъ, разрѣшеніе которыхъ должно послѣдовать еще въ будущемъ.

Пишущему эти строки въ теченіе многихъ лѣтъ приходилось пользоваться совѣтами и разъясненіями С. А., и нерѣдко эти разъясненія полагались въ основаніе практическаго разрѣшенія вопросовъ, устанавливавшихъ систему дѣйствій въ той или иной области практическаго примѣненія закона (разъясненія по поводу производства выборовъ).

Сознаніе, что С. А. съ нами, что мы можемъ обратиться къ нему за совѣтомъ, что онъ всегда вдумчиво отнесется къ поставленному вопросу, создавало увѣренность, что интересы Городского Управленія защищены въ должной мѣрѣ. Если предлагаемый вопросъ оказывался сложнымъ, С. А. просилъ прислать къ нему всѣ относящіеся къ дѣлу матеріалы и черезъ короткое время самъ приносилъ свое заключеніе, изложенное нерѣдко въ письменной формѣ въ строгой и точной формулѣ, изображенной его характернымъ красивымъ и твердымъ почеркомъ.

Большую часть докладовъ, представленныхъ его комиссіями, С. А. излагалъ самъ, придавая громадное значеніе соотвѣтствію между содержаніемъ и формой, въ которую вливается это содержаніе, считая, что ясная и точная мысль должна быть выражена въ столь же точной и ясной внѣшней формѣ. Обладая способностью глубоко и точно мыслить, обладая умомъ математика, С. А. имѣлъ и свой стиль, свои формы, въ которыя облекалъ свои мысли. Его построенія текста докладовъ всегда можно было отличить по особенной точности изложенія и нѣкоторымъ внѣшнимъ пріемамъ, сообщавшимъ имъ особенный своеобразный оттѣнокъ. Эти тексты, прежде чѣмъ получить окончательную форму, подвергались неоднократнымъ переработкамъ и поправкамъ, и С. А. сдавалъ ихъ въ печать только тогда, когда изложеніе и форма въ должной степени отвѣчали излагаемому содержанію. Давая ясную и точную форму изложенія, С. А. любилъ приближать эту форму къ стилю

старыхъ законовъ, находя ихъ языкъ образнымъ, отчетливымъ и соотвѣтствующимъ достоинству излагаемаго содержанія. Въ этомъ стилѣ изложенъ имъ и проектъ основного закона, напечатанный въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" 6 іюля 1905 года.

Такими же чертами точности и опредѣленности отличались его разсужденія въ Городской Думѣ. Какъ ораторъ, онъ занималъ въ Думѣ такъ же, какъ и во всемъ остальномъ, совершенно обособленное положеніе. Его нельзя было сравнить ни съ кѣмъ изъ говорившихъ, и никого изъ послѣднихъ нельзя было приблизить къ нему по свойствамъ и характернымъ особенностямъ рѣчи. Въ нихъ была всегда нѣкоторая торжественность, чуть приподнятый тонъ, дѣлавшій его рѣчь особенной среди другихъ пріемовъ ораторскаго искусства. Въ разсужденіяхъ онъ постоянно допускалъ широкія обобщенія, что придавало особенный интересъ его рѣчамъ и дѣлало ихъ, можетъ быть, нѣсколько трудными. Этотъ общій тонъ рѣчи, какъ нельзя болѣе гармонировавшій съ его изящными и прекрасными чертами, еще болѣе подчеркивался эпитетами, съ которыми С. А. любилъ обращаться къ собранію, къ предсѣдателю, къ своему противнику. Эти эпитеты „уважаемый", „почтенный" въ его произношеніи подчеркивали серьезность и значеніе всего того, что происходитъ, напоминали о достоинствѣ общественнаго собранія и его членовъ, устраняли всякую возможность какихъ-либо выходокъ и непристойностей въ его присутствіи. Въ присутствіи Муромцева предсѣдатель собранія могъ быть увѣренъ, что ему не придется напоминать о значеніи и достоинствѣ собранія, что въ лицѣ Муромцева общественное собраніе имѣетъ лучшаго истолкователя его правъ и защитника его достоинства.

Новыя драгоцѣнныя черты личности С. А. раскрывались въ его трудахъ въ подготовительныхъ комиссіяхъ. Это былъ не только образцовый предсѣдатель, имѣвшій всѣ достоинства и качества для несенія этой нелегкой обязанности, но обнаруживалъ исключительное умѣнье каждую работу сдѣлать работой общей, коллективной, въ которой каждый членъ комиссіи принималъ живое участіе и могъ по праву считать себя однимъ изъ авторовъ общей работы, однимъ изъ собственниковъ той формулы, которая добыта была комиссіей подъ руководствомъ Муромцева. Муромцевъ умѣлъ воспитывать своихъ сочленовъ для большой общественной работы, умѣлъ иногда малодисциплинированную мысль удержать около обсуждаемаго предмета, заставляя эту мысль отдать именно то,

что она могла бы создать въ интересахъ общей работы. Онъ былъ не только терпимъ и снисходителенъ къ чужому мнѣнію, но усиленно вызывалъ выраженіе этого мнѣнія, въ то же время никогда не опуская тона работы, не сводя его до простого разговора, всегда памятуя, что всякая совмѣстная работа есть уже общественное служеніе. И этотъ повышенный нѣсколько тонъ работы никогда не былъ утомителенъ, не смущалъ лицъ неподготовленныхъ къ нему и, напротивъ, вызывалъ чувство глубокаго удовлетворенія. Я знаю лицъ, до сихъ поръ питающихъ непримиримую вражду къ покойному, какъ политическому дѣятелю, и въ то же время съ благодарнымъ чувствомъ вспоминающихъ его руководительство работами въ комиссіяхъ.

Нельзя не отмѣтить того особаго отношенія, которое С. А. проявлялъ и къ внѣшней сторонѣ самаго исполненія работы. И здѣсь все то же стремленіе—сочетать содержаніе съ формой—заставляло его предъявлять строгія требованія даже къ такимъ, казалось бы, мелочамъ, какъ переписка его текстовъ четкимъ и круглымъ почеркомъ. Съ особенною строгостью относился онъ къ печатанію докладовъ. Самъ тщательно корректируя текстъ, Сергѣй Андреевичъ глубоко огорчался, когда въ докладѣ находилъ опечатку или типографскую погрѣшность. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему доставляло видимое удовольствіе изящно исполненная на пишущей машинѣ работа или быстро и безъ ошибокъ отпечатанный въ типографіи текстъ. Неоднократно приходилось слышать отъ него восхваленіе достоинствъ типографскаго труда за границей и точнаго исполненія въ этихъ типографіяхъ указаній автора.

Много разъ покойный Сергѣй Андреевичъ ссылался вообще на умѣнье работать и распредѣлять время за границей, обращалъ вниманіе на то, что мы, русскіе, не умѣемъ работать по плану, не умѣемъ беречь своего и чужого времени, лишены искусства соразмѣрять силы съ работой, что влечетъ за собой усталость, пониженіе качества труда, а иногда и преждевременную смерть.

Значеніе С. А. Муромцева какъ глубокаго знатока права и незамѣнимаго консультанта получило оцѣнку со стороны Московской Городской Думы даже послѣдняго состава, когда онъ уже лишился права быть гласнымъ. 26 января 1910 года Городская Дума единогласно постановила „выразить С. А. Муромцеву глубокую благодарность Городской Думы за непрестанно оказываемое имъ со-

дѣйствіе Городскому Управленію въ вопросахъ, требующихъ юридическихъ познаній".

Послѣ кончины Сергѣя Андреевича Муромцева, Московская Городская Дума, склонившись передъ его памятью, приговоромъ своимъ постановила учредить при юридическомъ факультетѣ Московскаго Университета стипендію и премію его имени и приняла рѣшеніе помѣстить портретъ С. А. Муромцева въ одномъ изъ залъ ея собраній.

Портретъ Муромцева украшаетъ теперь Московскую Городскую Думу. Этимъ актомъ Дума выразила дань почтенія Муромцеву и навѣки вписала его имя въ списокъ именъ, составляющихъ ея славу и гордость.

III.

Говоря о С. А. Муромцевѣ, думая о немъ, вспоминая его въ общественной жизни, въ какихъ бы формахъ эта жизнь ни проявлялась при многообразіи и разносторонности его таланта, я не могу не остановиться на основномъ свойствѣ его, которое, какъ мнѣ кажется, проявлялось во всѣхъ его дѣлахъ, дѣйствіяхъ и движеніяхъ. Муромцевъ — ученый, профессоръ, адвокатъ, писатель, гласный думы, общественный дѣятель, членъ Государственной Думы, первый предсѣдатель ея, Муромцевъ—подсудимый, заключенный, отстраненный отъ формальнаго участія въ офиціальныхъ общественныхъ дѣлахъ, Муромцевъ—писатель, оглядывающійся на совершонный жизненный путь, Муромцевъ собесѣдникъ—всегда и вездѣ, быть можетъ, незамѣтно для самого себя, остается неизмѣнно учителемъ. Считая его стоящимъ выше его среды и времени и отыскивая мыслью, что принесъ съ собой въ жизнь этотъ незаурядный человѣкъ, какую миссію имѣлъ онъ и что осуществилъ въ жизни, общественная оцѣнка не называетъ его пророкомъ, не видитъ въ немъ руководителя или вождя въ ходѣ общественной жизни, получившей впослѣдствіи всѣ черты могучаго общественнаго движенія, но мы всѣ чувствуемъ въ немъ въ каждый моментъ его личной и общественной жизни—учителя.

Одаренный, богатый знаніями и постоянно пріобрѣтавшій все новыя, обладавшій свойствомъ глубоко проникать въ существо изслѣдуемаго предмета или наблюдаемаго общественнаго явленія,— Муромцевъ свои знанія, свои наблюденія, свои опыты не хранилъ какъ собственное достояніе, а возвращалъ ихъ той самой жизни,

тому самому обществу, отъ которыхъ эти знанія и опыты были получены. Онъ возвращалъ ихъ, поучая и наставляя, толкуя и разъясняя, какъ дѣлаетъ это учитель, постигшій и открывшій болѣе, чѣмъ тѣ, мимо которыхъ проходитъ жизнь, не обнаруживая сама и не открывая своего содержанія.

Муромцевъ одаренъ былъ свойствомъ поучать тѣхъ, кто желалъ учиться, кто желалъ его слушать. Но онъ не имѣлъ дара увлекать толпу, вдохновлять массы. Этимъ и опредѣляется его роль, его миссія въ общественной жизни.

Сдержанный, строгій, уравновѣшенный, весьма рѣдко теряющій спокойствіе, мыслящій отвлеченіями, широко обобщающій конкретныя явленія, величественный, нѣсколько холодный по внѣшности, съ гордой осанкой и высоко поднятой прекрасной головой, Муромцевъ не могъ руководить толпой, онъ могъ ее только поучать.

Излагая слушателямъ свои лекціи, завершая громадную ученую работу, разсуждая на тему о томъ, какъ нужно составлять обязательныя постановленія, отстаивая въ гражданскомъ процессѣ доводы кассаціонной жалобы, давая разъясненія на съѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ 1905 г., произнося первыя слова, обращенныя къ Государственной Думѣ, въ которыхъ выразилъ существо правъ народнаго представительства, дѣлая свои замѣчанія съ предсѣдательской трибуны, въ своихъ отвѣтахъ и объясненіяхъ судившему его коронному суду, во время прогулокъ на тюремномъ дворѣ, въ своихъ „Статьяхъ и рѣчахъ" и, наконецъ, въ бесѣдахъ съ близкими и случайно подходившими къ нему людьми—онъ поучалъ и наставлялъ, разъяснялъ и открывалъ глубины, недоступныя взору обычныхъ и даже вдумчивыхъ людей.

Это свойство поучать было основнымъ общественнымъ служеніемъ Муромцева,—служеніемъ, которое онъ отыскивалъ всюду и которое осуществлялъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Всякій, кто имѣлъ случай бесѣдовать съ Сергѣемъ Андреевичемъ, вспомнитъ, что бесѣда очень быстро переходила въ живой и интересный разсказъ С. А., въ которомъ онъ охотно, искренно, отъ души передавалъ свои мысли, воспоминанія, строилъ предположенія, вглядываясь въ будущее. Эти разговоры велись въ простой и дружелюбной формѣ и всегда были полны глубокаго содержанія. Будь то бесѣды о надеждахъ Россіи на лучшее будущее,

о русскомъ обществѣ, разслоенномъ на пласты, столь чуждые другъ другу, объ устройствѣ государственномъ, будь то суровая оцѣнка условій дѣятельности адвоката, будь то, наконецъ, его увлекательные разсказы по поводу „Горя отъ ума“,—случайный собесѣдникъ Сергѣя Андреевича уходилъ отъ него, унося съ собой обильный, интересный, оригинальный матеріалъ и сознаніе какъ бы духовной близости, установившейся между нимъ и этимъ человѣкомъ съ гордо поднятой головой.

IV.

Въ сѣрыхъ сумеркахъ русской жизни ярко выдѣляется 1905 годъ. Этотъ годъ стоитъ особнякомъ какъ для всей Россіи, такъ и для Московской Городской Думы. Въ этотъ годъ величайшаго напряженія силъ все въ странѣ встало полнымъ своимъ ростомъ. Всталъ и Муромцевъ, и его фигура, мощная и сильная, стала еще выше, еще виднѣй, и не замѣтить ее уже не было возможности. Мечта цѣлой жизни, цѣль всего существованія, мечта, которой было уже принесено много жертвъ, торжество права и свободы близилось къ осуществленію. Переворотъ совершался, и совершался безповоротно, безвозвратно. Пускай реакція должна смѣнить поспѣшное стремленіе впередъ, стремленіе разрозненныхъ и лишенныхъ единаго жизнепониманія силъ, пускай ударъ ея по силѣ долженъ быть пропорціоналенъ общественной неподготовленности страны, пускай новыя жертвы потребуются отъ него лично,—онъ всталъ, устремивъ свои взоры въ даль грядущаго, и видѣлъ тамъ свѣтъ, видѣлъ и весь тернистый и трудный, но неизбѣжный путь къ нему.

Событія съ поразительной силой развертывались и опережали одно другое. Еще не ликвидировалось одно, какъ новой волной поднималось новое, еще неясное, грозное и таинственное. Потокъ вышелъ изъ береговъ и старыхъ гранитовъ, и страшенъ былъ его могучій разливъ, ибо его никто раньше не видалъ.

Лица, личности, фигуры, цѣлыя группы людей мелькали, возносились на несвойственную имъ высоту, приходили изъ неизвѣстности и исчезали въ ней.

Онъ же шелъ своимъ путемъ, шелъ, давно начавъ этотъ путь и совершая его въ предвѣдѣніи будущаго. Свойство его духа не влекло его къ положенію вождя. Но вожди въ своемъ стремленіи впередъ, къ свѣту, къ освобожденію, къ новой жизни не сводили

глазъ съ шествующей впереди высокой фигуры съ очами, устремленными вдаль.

Въ этотъ періодъ русской жизни, когда народъ и носители власти пришли въ острое соприкосновеніе, все было ярко и съ рѣзкой отчетливостью выдѣлялось на обычно монотонномъ фонѣ повседневной жизни. Великая эпоха еще ждетъ своего изслѣдователя и чѣмъ скорѣй будетъ совершена его работа, тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ чертъ сохранится для потомства.

Въ развернувшихся событіяхъ и Московской Городской Думѣ принадлежитъ видное мѣсто. Продолжая неуклонно свою текущую хозяйственную работу, Московская Городская Дума чутко отзывалась на все, что совершалось въ жизни страны и что имѣло общественное значеніе. Подавляющее большинство состава Городской Думы, при протестѣ лишь единичныхъ голосовъ, сознавало, что общественное управленіе, какъ бы далеко оно ни было поставлено отъ населенія, не можетъ остаться изолированнымъ въ общемъ движеніи и что его задача въ эпоху громаднаго общественнаго подъема и порыва—быть голосомъ общественнымъ, который, какъ набатъ въ тревожную пору, долженъ нестись къ народу и достигать вершинъ, негодуя и предупреждая...

Вспоминая Муромцева въ эту эпоху, достаточно отмѣтить нѣсколько наиболѣе яркихъ моментовъ изъ жизни Московскаго Городского Общественнаго Управленія, которые отражали послѣдніе этапы на трудномъ пути, совершонномъ Россіей въ ея стремленіи къ созданію народнаго представительства. Во всѣхъ этихъ моментахъ въ той или иной формѣ принималъ участіе С. А. Муромцевъ, подготовляя заявленіе, выступая съ предложеніемъ или исполняя порученіе, возлагаемое на него Думой.

30 ноября 1904 г. въ Московскую Думу было внесено за подписью 74 гласныхъ заявленіе, въ которомъ предлагалось Думѣ „представить высшему правительству, что по мнѣнію Московской Городской Думы неотложно необходимо: 1) установить огражденіе личности отъ внѣсудебнаго усмотрѣнія, 2) отмѣнить дѣйствіе исключительныхъ законовъ, 3) обезпечить свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, свободу слова и печати, свободу собраній и союзовъ, 4) провести вышеуказанныя начала въ жизнь на обезпечивающихъ ихъ неизмѣнность незыблемыхъ основахъ, выработанныхъ при участіи свободно избранныхъ представителей населенія, 5) установить правильное взаимодѣйствіе правительственной дѣятельности

съ постояннымъ, на законѣ основаннымъ, контролемъ общественныхъ силъ надъ законностью дѣйствій администраціи“.

Это заявленіе, явившееся отзвукомъ положеній съѣзда земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г. и принятое Думой, положило начало цѣлому потоку заявленій и адресовъ, существо и смыслъ которыхъ были: реформа, права и свобода...

Сдѣлавъ это заявленіе, Московская Городская Дума вступила въ тревожную пору.

Общественное настроеніе поднималось и росло, выходило изъ береговъ, какъ растетъ и поднимается рѣка, сломавшая ледъ, поднимается и уноситъ съ собой все, что способно подняться, и затопляетъ, обращая въ развалины, то, что, переживъ себя, не можетъ двинуться за потокомъ жизни.

22 февраля 1905 г. въ чрезвычайномъ собраніи, созванномъ для выслушанія Высочайшихъ актовъ отъ 18 февраля 1905 г. о призваніи довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія, людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній, а также о возложеніи на совѣтъ министровъ разсмотрѣнія и обсужденія поступающихъ отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія,—Московская Дума приняла текстъ всеподданнѣйшаго адреса, въ которомъ между прочимъ говорилось: „Москва вѣритъ, что въ скоромъ осуществленіи государственныхъ реформъ лежитъ надежный залогъ прекращенія внутренней распри, измучившей всю Россію“; „призывъ свободно избранныхъ представителей народа къ участію въ осуществленіи законодательной власти установитъ въ странѣ прочный правопорядокъ“...

29 марта Городской Думѣ докладывалось, что особая депутація въ составѣ московскаго городского головы кн. В. М. Голицына и гласныхъ Думы Вл. А. Бахрушина, А. А. Мануилова и С. А. Муромцева 11 марта представила министру внутреннихъ дѣлъ ходатайство Городской Думы о томъ, чтобы въ составъ Особаго Совѣщанія, учрежденнаго въ силу Высочайшаго рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгина 18 февраля 1905 г., были включены выборные отъ Московской Городской Думы и чтобы было допущено свободное обсужденіе въ печати вопросовъ, составляющихъ предметъ работы этого Совѣщанія и гласность по отношенію къ его занятіямъ...

По поводу гибели флота при Цусимѣ въ Думѣ вновь заявлено было, что дальнѣйшая отсрочка созыва народныхъ представителей невозможна и что насталъ часъ, когда самому народу предстоитъ разрѣшить вопросъ о войнѣ или мирѣ, достойныхъ Россіи, и приступить къ государственному строительству.

10 іюня Дума выслушала слова Государя, обращенныя къ земскимъ и городскимъ дѣятелямъ, представлявшимся Государю 6 іюня 1905 г., о непреклонной волѣ Его Величества созвать выборныхъ отъ народа для привлеченія ихъ къ работѣ государственной.

Въ томъ же собраніи былъ разсмотрѣнъ и принятъ Думой обширный докладъ Комиссіи по общимъ вопросамъ № 180—объ основаніяхъ организаціи народнаго представительства въ Россіи, внесенный въ Думу на основаніи Высочайшаго указа Сенату 18 февраля 1905 г. По этому докладу предлагалась организація народнаго представительства по системѣ двухъ палатъ, а выборы должны были производиться по системѣ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ.

15 и 16 іюня того же года въ стѣнахъ Московской Городской Думы происходилъ съѣздъ представителей городскихъ управленій, носившій названіе частнаго совѣщанія городскихъ дѣятелей.

Въ постановленіяхъ этого съѣзда при участіи С. А. Муромцева была установлена полная солидарность съ положеніями, принятыми на съѣздѣ земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г., и было между прочимъ признано „настоятельно неотложнымъ введеніе въ Россіи народнаго представительства на конституціонныхъ началахъ, т.-е. предоставленіе народному представительству рѣшающаго голоса въ вопросахъ законодательства, государственнаго бюджета, объ отвѣтственности министровъ и контроля надъ дѣйствіями администраціи, а равно права законодательнаго почина“.

9 августа Городской Думѣ былъ объявленъ Высочайшій манифестъ объ учрежденіи Государственной Думы.

Городская Дума, оцѣнивъ законодательный актъ 6 августа, какъ первый шагъ въ дѣлѣ призыва общественныхъ силъ къ участію въ законодательствѣ и государственномъ управленіи, въ своемъ постановленіи выразила свое глубокое убѣжденіе, что „осуществленіе высокихъ намѣреній законодателя, начертанныхъ въ этомъ актѣ, возможно лишь при непремѣнномъ условіи немедленнаго дарованія всему населенію Россіи основныхъ правъ

гражданственности: свободы слова и печати, собраній и союзовъ и неприкосновенности личности каждаго". Вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ же постановленіи было выражено, что дальнѣйшее усовершенствованіе Учрежденія Государственной Думы, необходимое для полнаго умиротворенія страны, должно быть основано „на началахъ всеобщаго избирательнаго права и полноправнаго участія Государственной Думы въ осуществленіи законодательной власти".

Въ октябрѣ 1905 г., когда рабочее движеніе приняло угрожающія формы, по предложенію С. А. Муромцева Городская Дума въ своемъ постановленіи отъ 11 октября признала, что „рабочее движеніе является лишь частью общаго политическаго движенія страны, находящаго себѣ особые источники не только въ неудовлетворительности экономическаго положенія рабочаго класса, но не въ меньшей степени въ непризнаніи его политическихъ правъ обнародованною государственной реформой, что крайне напряженное состояніе населенія Имперіи, переживаемое въ настоящее время, близится къ тому предѣлу, когда могутъ быть затронуты самые основы государственной жизни, и что коренная реформа политическаго строя болѣе чѣмъ когда-либо представляется неотложной и необходимой въ интересахъ возможнаго еще успокоенія" и что поэтому необходимо пересмотрѣть Учрежденіе Государственной Думы и Положеніе о выборахъ на конституціонныхъ началахъ, созвать народныхъ представителей, избранныхъ на основахъ всеобщаго избирательнаго права, для окончательной выработки основного государственнаго закона и немедленно установить начала свободы, обезпечивающія каждому безпрепятственное проявленіе его политической личности.

Затѣмъ наступали тяжелые дни громаднаго напряженія силъ. Среди повсемѣстно остановившейся жизни, среди общей тревоги и томительнаго ожиданія разрѣшенія наступавшаго кризиса роль Городской Думы свелась къ поддержанію тѣхъ минимальныхъ формъ общественной жизни, которыя сохранились среди общаго смятенія и растерянности. Многое было сдѣлано Московской Думой въ эту пору для смягченія сложившагося положенія и для обезпеченія городского достоянія.

Томленіе кончилось, и Москва вмѣстѣ съ Россіей облегченно вздохнула, выслушавъ вѣсть о дарованіи русскому народу основныхъ началъ гражданской свободы, провозглашенную въ Манифестѣ 17 октября 1905 г.

Московская Городская Дума въ чрезвычайномъ собранiи 18 октября, заслушавъ заявленiе, сдѣланное С. А. Муромцевымъ отъ лица 54 гласныхъ, громаднымъ большинствомъ голосовъ постановила: почтить вставанiемъ память всѣхъ, положившихъ свою жизнь на дѣло русскаго освобожденiя, признать безусловную необходимость полной амнистiи всѣмъ пострадавшимъ за свои политическiя и религiозныя убѣжденiя и отмѣны существующаго въ разныхъ мѣстахъ Имперiи исключительнаго положенiя и ознаменовать настоящiй торжественный день широкими мѣропрiятiями въ области свободнаго просвѣщенiя народнаго и благотворительности, принявъ во вниманiе бѣдственное положенiе семей рабочихъ, принимавшихъ участiе въ забастовкѣ.

Недолга была радость, вызванная этимъ актомъ, начавшимъ новую эру въ жизни страны. Послѣ короткаго затишья, озареннаго лучомъ солнца, снова сдвинулись темныя тучи, снова поднялись и заходили, громоздясь другъ на друга, темныя волны. Снова повелась ожесточенная борьба изъ-за потерянныхъ позицiй.

Политическая роль Городской Думы окончилась. Общественное вниманiе все сосредоточилось на ожидаемыхъ государственныхъ выборахъ.

Наступаетъ 14 апрѣля 1906 года—ясный, радостный, ликующiй, залитый весеннимъ солнцемъ день первыхъ въ жизни страны народныхъ выборовъ.

18 апрѣля Московская Дума посылаетъ свои привѣтствiя первоизбранникамъ города Москвы гласнымъ Думы С. А. Муромцеву и М. Я. Герценштейну, а 2 мая привѣтствуетъ С. А. Муромцева съ высокопочетнымъ избранiемъ предсѣдателемъ Государственной Думы.

Первая Дума, какъ символъ, какъ олицетворенiе вѣковыхъ надеждъ и ожиданiй. Дума, неразрывно связанная съ именемъ Муромцева. Предостерегающiй возгласъ протеста и ударъ волны метнувшагося назадъ теченiя, ударъ, принятый открытой грудью. Снова жизнь приватнаго человѣка, формально устраненнаго отъ общественныхъ дѣлъ и возвращеннаго къ нимъ самою жизнью, говорящей, что судъ и кары не разрѣшаютъ еще вопросовъ, которые ставитъ и на которые отвѣчаетъ только она. Безвременный конецъ въ разгаръ работъ, рамки которыхъ все шире раздвигала его неукротимая энергiя.

Вотъ путь, совершонный носителемъ лучшихъ надеждъ народа,

надеждъ не умирающихъ и, по завѣту Муромцева, долженствующихъ возродиться.

„Мы еще вернемся въ Государственную Думу", сказалъ однажды С. А. Муромцевъ во время разговора, готоваго принять безнадежный характеръ.

Идеалы народные, его мечты не умираютъ, какъ не гаснутъ въ небѣ горящія въ немъ свѣтила. Носители общественныхъ идеаловъ Муромцева еще вернутся въ Государственную Думу.

Н. Астровъ.

Работа въ земствѣ.

Вся жизнь С. А. Муромцева прошла въ сознаніи живой связи съ земскимъ дѣломъ. Въ біографическомъ очеркѣ (стр. 6) уже приводились выдержки изъ гимназическихъ писемъ 1866 года, сначала изъ деревни, затѣмъ изъ Москвы, съ отзывами о земствѣ. Въ лѣтнихъ письмахъ двоюродному брату изъ Тульской деревни между прочимъ читаемъ: „Въ будущемъ письмѣ передамъ Тебѣ мои впечатлѣнія, которыя произвели на меня разговоры, слышанные мною въ Варыпаевкѣ; разговоры эти касались земскаго дѣла и судебной реформы". Къ сожалѣнію, мы этихъ впечатлѣній въ дальнѣйшихъ письмахъ не находимъ. Но что мальчика слышанные разговоры задѣли за живое, видно изъ дальнѣйшихъ строкъ того же письма: „Я все стараюсь подбить отца выбираться въ предсѣдатели съѣзда мировыхъ судей. Постарайся о томъ же". Въ зимнихъ московскихъ письмахъ С. А. выражаетъ сожалѣніе о томъ, что лучшіе люди въ провинціи избѣгаютъ участія въ земской работѣ, и противополагаетъ провинціальнымъ земствамъ столичныя. Съ интересомъ слѣдитъ онъ за занятіями Московскаго Губернскаго Земскаго Собранія, которое „засѣдаетъ уже цѣлый мѣсяцъ", сообщаетъ о рѣшенныхъ этимъ собраніемъ важныхъ вопросахъ и упоминаетъ о сдѣланныхъ въ немъ полезныхъ постановленіяхъ.

Въ этихъ двухъ письмахъ о Тульскихъ и Московскихъ земскихъ дѣлахъ при самомъ началѣ дѣятельности земства какъ бы предопредѣлены тѣ внѣшнія рамки земской работы самого Сергѣя Андреевича, которыя ему довелось заполнить позднѣе, когда онъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, тотчасъ по смерти отца, началъ свою земскую работу. Впрочемъ, еще гораздо раньше, тотчасъ послѣ окончанія университета, ему пришлось во время продолжи-

тельнаго пребыванія въ Муромскомъ уѣздѣ у пріятеля своего князя Л. С. Голицына столкнуться съ земскими дѣлами и людьми въ самыхъ различныхъ комбинаціяхъ (См. Біогр. очеркъ, стр. 21.). Черезъ десять лѣтъ, въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ моментъ нѣкотораго оживленія русской общественной жизни, онъ попадаетъ почти одновременно, во-первыхъ, въ гласные Новосильскаго Уѣзднаго и Тульскаго Губернскаго Собраній, во-вторыхъ, въ Московское Губернское Земское Собраніе по избранію отъ Московской Городской Думы. Очевидно, онъ не нашелъ возможнымъ уклониться отъ участія въ своемъ родномъ провинціальномъ Тульскомъ Земствѣ, какъ ни трудно было согласовать это участіе съ массой разнообразныхъ дѣлъ, бывшихъ у него въ то время на рукахъ. Къ сожалѣнію, мы въ настоящее время не можемъ ничего сообщить о томъ, въ чемъ именно это участіе въ Тульскомъ Земствѣ проявилось. О вліятельномъ положеніи его тамъ мелькомъ указывается въ воспоминаніяхъ Н. В. Давыдова, о Тульскихъ общественныхъ дѣлахъ имѣются упоминанія и въ различныхъ статьяхъ того времени самого С. А. Но журналовъ Тульскихъ Земскихъ Собраній намъ не удалось достать въ Москвѣ. Во всякомъ случаѣ сколько-нибудь продолжительная и постоянная земская работа тамъ была непосильна и волей-неволей пришлось вскорѣ уклониться отъ нея.

Гораздо продолжительнѣе было участіе Сергѣя Андреевича въ Московскомъ земствѣ, къ преніямъ и постановленіямъ котораго онъ прислушивался въ юношескіе годы. Московскимъ губернскимъ гласнымъ (всегда только отъ Городской Думы) С. А. пробылъ все четырехлѣтіе 1881—1884 годовъ, затѣмъ съ 1889 по 1890 годъ и наконецъ, послѣ избранія вновь въ городскіе гласные въ 1897 году, съ этого года по 1906 годъ. Кромѣ того два трехлѣтія подъ рядъ— съ 1897 по 1902 годъ—С. А. былъ также гласнымъ и Московскаго уѣзднаго земства. Надо думать однако, что участіемъ своимъ въ Московскихъ уѣздныхъ выборахъ онъ оказывалъ просто поддержку своимъ единомышленникамъ въ избирательной борьбѣ и давалъ имъ возможность пользоваться въ случаѣ надобности его авторитетнымъ голосомъ. Сколько-нибудь живого участія С. А. въ повседневной дѣятельности уѣзднаго земства за эти 6 лѣтъ мы не видимъ: лишь два-три раза въ 1898 и 1900 годахъ онъ выступалъ въ собраніи съ разъясненіями по различнымъ юридическимъ вопросамъ.

Постояннаго и дѣятельнаго участія вслѣдствіе множества другихъ разнообразныхъ занятій не могъ принимать С. А. и въ работахъ Губернскаго Земства. Однако же внесенный имъ туда вкладъ и вынесенныя изъ участія въ земской дѣятельности наблюденія и опытъ довольно существенны, и обойти эту дѣятельность въ сборникѣ, посвященномъ выясненію личности покойнаго, невозможно. Слѣдуетъ ожидать, что въ свое время кто-либо изъ товарищей С. А. по земской работѣ представитъ по своимъ личнымъ впечатлѣніямъ, а можетъ быть и по архивному матеріалу, болѣе цѣльный очеркъ его земской работы. Но можетъ быть не излишней будетъ и эта краткая лѣтописная справка, въ которой передъ читателемъ пройдутъ событія изъ жизни Московскаго Губернскаго Земства на протяженіи почти четверти столѣтія.

I.

Уже за мѣсяцъ до своего избранія въ губернскіе гласные С. А. останавливается въ первомъ же своемъ письмѣ изъ Москвы въ газету „Порядокъ" отъ 26 декабря 1880 года на характеристикѣ Московскаго губернскаго земства. Не повторяя подробностей, которыя желающій самъ найдетъ на 2—4 страницахъ III выпуска „Статей и рѣчей", приведу лишь общую оцѣнку собранія: „Попрежнему господство осталось за людьми, которые вносятъ въ земское дѣло и запахъ постнаго масла, и крѣпостническія тенденціи, еще не совсѣмъ угасшія въ московскомъ дворянствѣ. Попрежнему на собраніи выказано много толковости и дѣловитости по части мѣстныхъ интересовъ, но много и формальнаго отношенія къ нимъ; попрежнему не мало заботъ о соблюденіи тонкихъ приличій въ преніяхъ и много страху передъ разсмотрѣніемъ вопросовъ по существу". Но съ другой стороны „живая земская сила, наполняющая теперь ряды оппозиціи, крѣпнетъ и бодрствуетъ". Притомъ же „надо думать, что обновленная Городская Дума, посылая новыхъ представителей въ земство, увеличитъ нѣсколько ряды земскаго меньшинства". При этомъ авторъ письма ожидаетъ, что „большинство, главнымъ представителямъ котораго нельзя отказать ни въ способностяхъ, ни въ знаніяхъ, ни въ тактѣ, пойдетъ на многое полезное, не покушаясь только существеннымъ образомъ на свои помѣщичьи интересы". На выборахъ гласныхъ отъ Думы, сопровождавшихся своеобразными отношеніями между тремя

группами городскихъ гласныхъ: купечества, „цеховыхъ“ и интеллигенціи, былъ выбранъ и С. А. и получилъ такимъ образомъ возможность подкрѣпить со своей стороны ряды оппозиціи въ Губернскомъ Земствѣ.

Непосредственное участіе въ преніяхъ С. А. принялъ лишь черезъ годъ по вступленіи въ собраніе, въ январѣ 1882 года, главнымъ образомъ по важному вопросу о переустройствѣ крестьянскихъ учрежденій и о мелкой земской единицѣ.

Въ замѣчательномъ по глубокой и трезвой оцѣнкѣ окружающаго письмѣ своемъ къ одному изъ сотрудниковъ графа Лорисъ-Меликова, Н. С. Абазѣ, написанномъ 9 октября 1880 года послѣ продолжительнаго разговора съ послѣднимъ о политическомъ положеніи, какъ разъ передъ самымъ вступленіемъ своимъ въ число городскихъ и земскихъ гласныхъ, С. А. между прочимъ говоритъ: „Нужно еще, чтобы правительство кромѣ чисто отрицательной задачи—успокоенія... выступило въ какой-либо хотя бы относительно ограниченной сферѣ дѣйствій съ положительной дѣятельностью... Печати нужно дать теперь же опредѣленную положительную тему и съ надеждой на то, что надъ этой темой работаетъ въ то же время и правительство. Почему бы, напримѣръ, уже теперь въ содѣйствіе сенаторскимъ ревизіямъ не поднять въ печати вопросъ о положеніи и нуждахъ мѣстной администраціи и самоуправленія? Неужели же полагаютъ, что общество не обладаетъ никакими по этому предмету свѣдѣніями, которыя, будучи обнародованы черезъ печать, могли бы оказать услугу и правительству въ предположенной реформѣ“. („Статьи и рѣчи“, выпускъ V, стр. 42).

Дѣло здѣсь сведено къ узкимъ рамкамъ печати: Н. С. Абаза, который посѣтилъ Сергѣя Андреевича на его квартирѣ и которому послѣдній писалъ, занималъ тогда мѣсто начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, и бесѣда естественно касалась по преимуществу ея положенія. Но мысль С. А. имѣла, конечно, гораздо болѣе общее значеніе: тутъ высказана его всегдашняя любимая мечта о привлеченіи общественныхъ силъ къ творческой работѣ, работѣ свободной, не чиновничьей, но разсчитанной на дѣловыя осязаемыя послѣдствія. Какъ бы въ отвѣтъ на эту мысль послѣдовалъ черезъ $2^1/_2$ мѣсяца, 22 декабря 1880 года, циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ во всѣ земства съ предложеніемъ разсмотрѣть вопросъ о крестьянскихъ учрежденіяхъ. Изъ работъ

ближайшаго друга и соратника С. А. по земскому дѣлу, Василія Юрьевича Скалона, извѣстно, какія интересныя сужденія въ земствахъ вызвалъ въ свое время этотъ циркуляръ. И вотъ въ обсужденіи вызванныхъ имъ предположеній и пришлось С. А. принять участіе въ Московскомъ Земскомъ Собраніи. Понятно, съ какимъ интересомъ долженъ былъ къ этому отнестись ученый и публицистъ, который въ самыхъ разнообразныхъ своихъ выступленіяхъ и работахъ настойчиво указывалъ на необходимость сплотить общественныя силы на положительной законодательной работѣ и съ особенной радостью привѣтствовалъ въ началѣ 1881 года пробудившійся въ земствахъ интересъ къ общимъ вопросамъ („Статьи и рѣчи", вып. III, стр. 36). На самомъ дѣлѣ обсужденіе желательныхъ преобразованій въ Московскомъ Земствѣ получило довольно жалкій видъ и должно было тяжело подѣйствовать на начинающаго свое земское поприще гласнаго. Дѣло въ томъ, что обсужденіе имѣло мѣсто въ началѣ 1882 года, когда, правда, началась дѣятельность такъ называемой Кахановской комиссіи, но въ обществѣ уже не могло быть никакой увѣренности въ осуществимости сколько-нибудь широкихъ преобразовательныхъ начинаній.

При первоначальной постановкѣ вопроса въ февральскомъ собраніи 1881 года сужденія о немъ по существу были отложены, вотъ какъ пишетъ объ этомъ въ своемъ „Письмѣ изъ Москвы" отъ 10 февраля 1881 г. самъ С. А.: „Вопросъ этотъ (о пересмотрѣ положенія 27 іюня 1874 г.) глубоко затрогиваетъ нужды крестьянскаго самоуправленія; онъ назрѣлъ давно и давно ожидаетъ своей очереди. Но, къ сожалѣнію, собраніе оказалось въ данномъ случаѣ не на высотѣ своего призванія и отложило дѣло въ долгій ящикъ. Прежде всего было рѣшено выбрать комиссію, а потомъ начались продолжительныя и весьма оживленныя пренія по поводу плана ея работъ. Голоса раздѣлились. Въ результатѣ дебатовъ постановлено—не стѣснять комиссію никакимъ предрѣшеніемъ вопроса о планѣ ея работъ, предоставивъ ей самой выработку этого плана. Подписано—и съ рукъ долой!"

Общество оказалось не готовымъ дать отвѣтъ въ надлежащее время, и обсужденіе вопроса по существу совпало съ временемъ, гораздо менѣе для этого благопріятнымъ.

Черезъ годъ, въ началѣ 1882 года, комиссія представила свой докладъ, и онъ обсуждался въ засѣданіяхъ Собранія 11—21 января. Докладъ предлагалъ уничтожить крестьянскую сословную волость,

но замѣнить ее не настоящей самоуправляющейся ячейкой, а учрежденіемъ, хотя и всесословнымъ, но съ весьма ограниченной долей самостоятельности и съ избираемымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ старшиной во главѣ. Совершенно естественно, что голоса гласныхъ при обсужденіи проекта комиссіи разбились на три группы: на защитниковъ сословной крестьянской волости, на защитниковъ волости всесословной, но дѣйствительно самоуправляющейся, и на защитниковъ проекта комиссіи, совершенно упраздняющей принципъ самоуправленія въ меньшихъ, нежели уѣздъ, единицахъ, а переносящей все дѣло организаціи мелкихъ земскихъ единицъ на уѣздное земское собраніе. С. А. Муромцевъ вмѣстѣ съ В. Ю. Скалономъ былъ всецѣло за настоящую всесословную волость. Онъ защищалъ ее, упрекая проектъ комиссіи въ „излишнемъ радикализмѣ". По его мнѣнію, слѣдовало принять въ основаніе порядокъ положенія 19 февраля 1861 года, расширивъ лишь составъ волости, т.-е. превративъ ее изъ сословной во всесословную единицу, каковой она по своимъ задачамъ уже и стала въ силу жизненныхъ условій. „Порядокъ 19 февраля 1861 года положилъ въ основаніе самоуправленія начало мелкой самоуправляющейся единицы. Недостатокъ, который въ 1861 году можетъ быть не могъ быть устраненъ, состоитъ въ томъ, что эта мелкая единица не была вполнѣ координирована съ большими земскими единицами. Но сама жизнь въ продолженіе 20 лѣтъ выработала указанія на этотъ счетъ: съ одной стороны, чувствовалось все болѣе и болѣе связи между волостью чисто сословной и управленіемъ земскимъ; съ другой—чувствовалась односторонность волости, какъ учрежденія сословнаго. Хотя волость по положенію 19 февраля признается сословною, но нельзя сказать, чтобы она была и на практикѣ таковою. Мы, землевладѣльцы, давно уже принадлежимъ къ волости на дѣлѣ, хотя не принадлежимъ къ ней по закону. Каждый помѣщикъ имѣетъ извѣстные интересы въ волости. Нуждаясь въ засвидѣтельствованіи акта, онъ обращается въ волостное правленіе. Онъ нуждается въ извѣстной власти на своей территоріи, и она есть—въ лицѣ волостного старшины, къ содѣйствію котораго, какъ извѣстно каждому, мы прибѣгаемъ, но который, однако, не обязанъ въ этомъ случаѣ оказывать намъ какое-либо содѣйствіе. Значитъ, сама жизнь создаетъ необходимость въ извѣстной власти, общей для всѣхъ сословій. Поэтому полагаю, что слѣдуетъ принять всесословную волость, въ этомъ смыслѣ сдѣлать прибавку

къ дѣйствующему порядку, не уничтожая того, что создано положеніемъ 19 февраля 1861 года, и, сохраняя принципъ самоуправленія, оставить за волостью всѣ тѣ признаки, которые существуютъ и которые поддерживаетъ В. Ю. Скалонъ. Должно согласиться, что волость должна быть самоуправляющейся единицей и стало быть должна имѣть право собраній, право выбора своихъ должностныхъ лицъ, даже право самообложенія. Затѣмъ къ сказанному В. Ю. Скалономъ прибавлю, что старшина, приглашенный уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, будетъ начальникомъ и страшнымъ начальникомъ. Если мы теперь видимъ, что и теперешніе старшины превышаютъ предѣлы своей власти, то тѣмъ болѣе старшина, приглашенный отъ земства, будетъ относиться пренебрежительно къ волости, отданной ему подъ начало. Мнѣ кажется, вообще, что въ спорѣ о безсословной волости обѣ спорящія стороны впадаютъ въ нѣкоторыя крайности. Съ одной стороны, защищающіе крестьянское управленіе отъ элемента помѣщичьяго опасаются, что онъ пріобрѣтетъ вліяніе и раздавитъ крестьянство въ дѣлахъ волости. Съ другой стороны защищающіе интересы помѣщика опасаются, что мѣстное крестьянство большинствомъ своимъ задавитъ землевладѣльца, если волость останется хозяйственною единицею. Я же думаю, что во всесословной волости не будетъ ни того, ни другого. Самый фактъ существованія крайнихъ мнѣній доказываетъ, что тутъ есть преувеличеніе, ибо измѣненіе закона никогда не вызываетъ взаимнаго измѣненія фактическихъ отношеній: фактическія отношенія будутъ существовать и по изданіи закона. Разумѣется, новый законъ дастъ толчокъ, который почувствуется; это такъ и нужно. Но рѣзкій результатъ можетъ высказаться только черезъ многія десятилѣтія, и я не вижу ничего отталкивающаго въ томъ, если тогда осуществится порядокъ, къ которому мы все-таки рано или поздно должны прійти"... Такъ ставилъ С. А. вопросъ, который съ тѣхъ поръ столько разъ сходилъ со сцены русской общественности и снова на нее возвращался, но и сейчасъ еще ждетъ своего разрѣшенія. Всѣ элементы спорнаго вопроса схвачены съ большой проницательностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ видно огромное усиліе сдѣлать защищаемую точку зрѣнія удобопріемлемой для московскихъ земцевъ, избѣгающихъ слишкомъ рѣзкой постановки вопросовъ, проявляющихъ много знаній и такта, готовыхъ и на многое полезное, лишь бы не покушались существеннымъ образомъ на помѣщичьи интересы.

За предложенія Муромцева и Скалона не нашлось въ собраніи большинства, предоставить самостоятельность мелкому всесословному союзу не рѣшались. Послѣ того какъ было отвергнуто предложеніе первой группы собранія о сохраненіи существующей крестьянской волостной организаціи (21 голосомъ противъ 12), были отклонены затѣмъ и главныя предложенія защитниковъ самоуправляющейся всесословной волости: право самообложенія (30 голосами противъ 10) и выборовъ (24 противъ 17); однако же послѣ этого соединенными силами обѣихъ потерпѣвшихъ пораженіе группъ былъ отвергнутъ и проектъ комиссіи о замѣнѣ крестьянской волости административными органами по выбору уѣзднаго земства, и собраніе осталось безъ всякаго конкретнаго предложенія. Пришлось превратить все собраніе въ комиссію, которая въ теченіе четырехъ дней и выработала нѣсколько пунктовъ, по существу повторявшихъ прежній проектъ. Онъ и былъ принятъ безъ всякаго одушевленія, какъ бы по необходимости. Но еще ранѣе его голосованія С. А. Муромцевъ подчеркнулъ безсиліе земства при создавшихся условіяхъ справиться съ возложенной на него задачей и предложилъ облечь сознаніе этого безсилія въ опредѣленное постановленіе. „Думаю, что должно констатировать и довести до свѣдѣнія правительства,—говорилъ онъ,—что много дней собраніе засѣдало, занимаясь этимъ вопросомъ и въ собраніи, и въ комиссіи, и пришло къ убѣжденію, что не можетъ принять какое-либо мнѣніе, за которое стояло бы большинство. Собраніе раздѣлилось на три группы, изъ которыхъ ни одна не представляетъ большинства. Фактъ этотъ можетъ быть случайнымъ, но можетъ указывать и на то, что условія земскаго самоуправленія не таковы, чтобы разсматривать эти вопросы. Я желалъ бы довести до свѣдѣнія правительства это обстоятельство... и думаю, что путемъ коренныхъ преобразованій этотъ вопросъ можетъ быть выдвинутъ какъ слѣдуетъ". „Я бы просилъ баллотировать мое предложеніе: констатировать фактъ, что земское собраніе считаетъ себя въ невозможности и не находитъ причинъ отвѣтить на вопросы, стоящіе внѣ связи съ болѣе широкими преобразованіями".

Предложеніе С. А. встрѣтило возраженіе со стороны гласныхъ и рѣшительный отказъ со стороны предсѣдателя поставить его на баллотировку. „Ваша власть", сказалъ ему на его заявленіе объ этомъ С. А. Но что, дѣйствительно, настроеніе собранія

въ ту пору обнаружившейся уже ясно реакціи вовсе не соотвѣтствовало серьезной постановкѣ въ немъ вопросовъ о преобразованіяхъ, лучше всего видно изъ заявленій, сдѣланныхъ самими гласными. Возражая С. А. Муромцеву, И. И. Мусинъ-Пушкинъ между прочимъ говорилъ: „Я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что дѣло идетъ вяло и что работы наши какъ въ собраніи, такъ и въ комиссіи отличались даже необычайной апатіей". Только причину этой апатіи по столь обычной психологіи людей въ началѣ реакціоннаго періода возражавшій видѣлъ не въ общихъ условіяхъ, а въ личныхъ недостаткахъ: „горе въ насъ самихъ и въ существенныхъ нашихъ недостаткахъ. Недостатки эти коренятся глубоко въ русской натурѣ... Здѣсь учрежденіе не при чемъ: при болѣе широкихъ рамкахъ коренныя условія, внутреннія стороны нашей природы останутся тѣ же, и мы чудеснымъ образомъ не перескочимъ вдругъ въ новую сумму правъ, если бы она даже и дарована была намъ закономъ". А Д. С. Сипягинъ (будущій министръ внутреннихъ дѣлъ, бывшій въ то время московскимъ земскимъ гласнымъ) откровенно сказалъ: „каждый гласный, какъ мы убѣдились въ настоящую сессію, имѣетъ только свое готовое мнѣніе и, если придетъ въ чемъ-нибудь къ соглашенію, то это будетъ значить только то, что сдѣлана уступка въ пользу другихъ". Точно такъ же главный защитникъ сохраненія существующей крестьянской волости, лишь съ подчиненіемъ ея и всего крестьянскаго самоуправленія надзору особыхъ „завѣдующихъ участкомъ" — П. Д. Ахлестышевъ (впослѣдствіи извѣстный тверской губернаторъ) такъ объяснилъ составившееся въ концѣ-концовъ большинство: „главная причина успѣха принятія новаго проекта заключается въ боязни, чтобы голоса не разбились и правительство тѣмъ самымъ не осталось безъ отвѣта".

Въ преніяхъ 1882 года о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій выдѣлился поставленный А. А. Оленинымъ частный вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Предложеніе его ходатайствовать объ этомъ встрѣтило однако возраженія. Противъ него высказались И. И. Мусинъ-Пушкинъ, Д. Ѳ. Самаринъ (съ удивительнымъ упорствомъ оставшійся и тутъ на той точкѣ зрѣнія, которую защищалъ его знаменитый братъ въ 1861 году) и Д. С. Сипягинъ. Послѣдній находилъ даже, что земство не имѣетъ права возбуждать такое ходатайство, такъ какъ „крестьяне насъ на это не уполномачивали". А Д. Ѳ. Самаринъ разсуждалъ такъ: „Я по-

дамъ голосъ противъ предложенія. Я признаю тѣлесное наказаніе за безнравственное и унижающее человѣческое достоинство. Это было сказано, и я согласенъ. Но я иду далѣе. Утвержденное закономъ заключеніе въ тюрьму развѣ не есть униженіе человѣческаго достоинства? Разъ человѣкъ лишенъ воли и свободы, то тѣмъ самымъ унижается человѣческое достоинство. Поэтому утверждать, что только тѣлесное наказаніе унижаетъ достоинство человѣка, я нахожу и неправильнымъ, и несправедливымъ. Далѣе полагаю, что разъ крестьянамъ дано право пользоваться извѣстнымъ родомъ наказаній, то отъ нихъ долженъ зависѣть выборъ наказаній, которыя они находятъ болѣе цѣлесообразными и достигающими цѣли. Ставить себя въ роль ихъ учителей и неудобно, и нежелательно"...

Произнесенная по этому вопросу С. А. Муромцевымъ рѣчь противъ тѣлесныхъ наказаній перепечатана въ V выпускѣ его „Статей и рѣчей" (стр. 66—67). Онъ указываетъ въ ней, что если придерживаться взгляда защитниковъ розги на томъ основаніи, что ее нечѣмъ замѣнить (таковъ былъ главный аргументъ противниковъ предложенія), то слѣдовало бы удержать въ слѣдственномъ производствѣ и пытку, такъ какъ и ее замѣнить нечѣмъ, во всей же аргументаціи противниковъ ходатайства онъ видѣлъ скрытую крѣпостническую тенденцію, которая объясняетъ и ихъ желаніе, при помощи *ихъ* устройства волости укрѣпить господство одного сословія надъ другимъ. Кромѣ того, спеціально въ отвѣтъ на столь привычную въ такихъ случаяхъ аргументацію Д. Ѳ. Самарина, С. А. возразилъ: „Несравненно пріятнѣе вести борьбу съ противникомъ, который высказывается открыто и не скрывается за ширмы. Поэтому я съ большимъ удовольствіемъ буду отвѣчать почтенному гласному Д. Ѳ. Самарину. Я удивляюсь одному: почему здѣсь въ собраніи не затрудняются рѣшить вопросъ о крестьянскихъ интересахъ такъ или иначе по существу и не рѣшаются ставить вопросъ: уполномочили ли насъ крестьяне или нѣтъ, и почему въ данномъ вопросѣ поднимается споръ объ этомъ предметѣ. Двадцать лѣтъ назадъ дворянское сословіе разсуждало объ отмѣнѣ крѣпостного права, и это не считалось нарушеніемъ права крестьянскаго сословія. Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ нужно держаться этой постановки. Мы уполномочены правительствомъ разсуждать объ этомъ предметѣ. Правительство требуетъ отъ насъ обсужденія о мѣрахъ преобразованія крестьянскаго

управленія. Отвѣчая на эти вопросы мы имѣемъ право ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія въ крестьянскомъ судѣ по отношенію къ крестьянамъ".

Собраніе значительнымъ большинствомъ приняло предложеніе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія въ волостномъ судѣ—даже и П. Д. Ахлестышевъ прямо и рѣшительно высказался за него,—но все же въ меньшинствѣ голосовало 10 гласныхъ. Нѣсколько лѣтъ спустя С. А. все еще хорошо помнилъ этихъ „представителей стараго барства, горячихъ защитниковъ розги" (См. „Статьи и рѣчи", вып. III, стр. 85.).

Еще ранѣе въ томъ же собраніи лично С. А. Муромцевымъ было внесено предложеніе, единогласно принятое: объ избраніи представителей на съѣздъ земствъ для составленія плана борьбы съ чумой рогатаго скота, не дожидаясь разрѣшенія этого съѣзда, о которомъ только что постановлено было ходатайствовать. Несмотря на кажущуюся незначительность предложенія, оно не безынтересно: въ немъ отражается общая тенденція того времени хотя бы въ мелочахъ отстаивать самостоятельность органовъ самоуправленія и на дѣловой почвѣ создавать единеніе общественныхъ силъ.

Этимъ и ограничивается все участіе С. А. въ дѣлахъ Московскаго Губернскаго Земскаго Собранія въ первое четырехлѣтіе. Надо думать, что при незначительности внѣшнихъ результатовъ земская работа дала Сергѣю Андреевичу нѣкоторый матеріалъ для пониманія того общаго положенія, которое сложилось въ обществѣ къ началу восьмидесятыхъ годовъ. Впечатлѣнія не могли быть отрадными. Они дополняли собой тотъ рядъ ударовъ и разочарованій, которыя пришлось испытать за это время С. А. и въ другихъ областяхъ дѣятельности, и должны были укрѣпить его въ той политикѣ чрезвычайной внѣшней сдержанности, которую онъ себѣ усвоилъ въ восьмидесятыхъ годахъ.

Разочаровать его въ земскомъ дѣлѣ вообще это однако не могло. Онъ всегда былъ одинаково далекъ и отъ идеализаціи земства, и отъ пренебрежительнаго къ нему отношенія. Признавая за земствомъ значеніе крупной общественной силы, онъ и ранѣе въ высшей степени опасливо относился къ возможнымъ обнаруженіямъ въ немъ, какъ и въ другихъ областяхъ русской общественности, сословнаго „звѣря", но тѣмъ не менѣе онъ не находилъ возможнымъ вычеркивать земство изъ числа важныхъ явле-

ній русской жизни и не отказывался и въ дальнѣйшемъ пользоваться своимъ голосомъ въ немъ, насколько это могло быть полезнымъ для общественнаго дѣла.

II.

Послѣ перерыва въ нѣсколько лѣтъ С. А. вернулся въ Московское Губернское Земство въ 1889 году. Теперь онъ уже не выдвигаетъ общихъ вопросовъ, онъ спѣшитъ войти въ дѣловую жизнь земства и съ первой же сессіи принимаетъ самое дѣятельное участіе въ очередныхъ дѣлахъ. Вездѣ онъ становится на защиту болѣе раціональныхъ и культурныхъ пріемовъ хозяйства, но дѣлаетъ это попутно и по частнымъ вопросамъ. Онъ говоритъ о неумѣстности преподаванія сельскаго хозяйства въ сельскихъ начальныхъ школахъ и въ пользу устройства въ цѣляхъ распространенія сельскохозяйственныхъ знаній показательныхъ хозяйствъ (засѣданіе 8 декабря), указываетъ на нежелательность упраздненія печатныхъ отчетовъ санитарныхъ совѣтовъ изъ-за усмотрѣнныхъ въ нихъ рѣзкостей (11 дек.), даетъ общую, весьма хвалебную оцѣнку земской медицинской организаціи (12 дек.), по частному вопросу о предоставленіи въ совѣтахъ права рѣшающаго голоса приглашеннымъ врачамъ, не состоящимъ на службѣ земства, оспариваетъ возможность такого предоставленія (12 дек.), горячо ратуетъ за общепринятыя въ земскомъ дѣлѣ общія начала организаціи примѣнительно къ поддержанію кустарныхъ промысловъ, оспаривая разныя предположенія объ организаціи всего дѣла при помощи частныхъ любителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ защищаетъ необходимость распространенія техническихъ знаній среди кустарей (нѣсколько большихъ рѣчей въ засѣданіи 14 дек.), высказывается противъ слишкомъ многочисленнаго состава экономическаго совѣта (17 дек.), приводитъ юридическія соображенія о порядкѣ изданія обязательныхъ правилъ объ эпизоотіяхъ (15 дек.); избранный въ комиссію по разсмотрѣнію жалобъ на управу, онъ докладываетъ (20 дек.) собранію ея заключенія. Въ послѣдній день собранія онъ выбранъ въ члены ревизіонной комиссіи.

Слѣдующая сессія была одной изъ самыхъ бурныхъ въ Московскомъ Губернскомъ Земствѣ. Противъ Д. А. Наумова, состоявшаго безсмѣннымъ предсѣдателемъ управы съ основанія земства, повелъ дѣятельную атаку бывшій въ апогеѣ своей силы, дарови-

тый, но самовластный и своенравный московскій городской голова Н. А. Алексѣевъ. Главнымъ предметомъ боя служили два вопроса: объ устройствѣ губернскимъ земствомъ призрѣнія душевно-больныхъ и объ обложеніи губернскимъ сборомъ недвижимыхъ имуществъ города Москвы. Но нападки Алексѣева не ограничивались этими основными пунктами разногласія: онъ старался въ теченіе всей сессіи наносить управѣ тяжкіе удары, не пропуская ни одного мало-мальски подходящаго случая и придавая своимъ ударамъ особенно крикливый и обидный характеръ. За управой и ея предсѣдателемъ были недочеты, которые облегчали роль нападающаго и заставляли по многимъ вопросамъ большинство собранія голосовать противъ управы, несмотря на то, что по основнымъ пунктамъ разногласія представители уѣздовъ, составлявшіе значительное большинство собранія, должны бы были защищать предположенія, вызвавшія неудовольствія группы гласныхъ отъ города Москвы, составлявшихъ въ собраніи ничтожное меньшинство.

С. А. не принималъ участія во всѣхъ перипетіяхъ этого боя. Но по основному вопросу о правѣ губернскаго земства облагать въ той или другой формѣ недвижимыя имущества города Москвы онъ не могъ не признать юридическаго права и даже вѣсскихъ основаній по существу для такого обложенія, которымъ ранѣе Губернское Собраніе не пользовалось. Въ установленіи юридической аргументаціи защитниковъ обложенія С. А. принялъ дѣятельное участіе. Онъ же произнесъ интересную рѣчь, въ которой доказывалъ, что отрицать живую связь между интересами такого крупнаго центра, какъ Москва, и интересами окружающаго его населенія и обслуживающаго потребности этого населенія земства немыслимо.

Вставъ на защиту непреложныхъ правовыхъ основаній и широко понимаемаго начала общественности, С. А. однако столкнулся въ этомъ вопросѣ съ болѣе узкими непосредственными интересами города, представителемъ котораго онъ былъ въ Земскомъ Собраніи, и отдѣлился отъ прочихъ гласныхъ, избираемыхъ въ Земское Собраніе отъ Городской Думы. Положеніе создавалось двусмысленное, и когда черезъ два года (въ 1891 г.) составъ земскихъ гласныхъ отъ города обновился (вслѣдствіе введенія въ дѣйствіе новаго земскаго положенія), мы уже не видимъ С. А. въ числѣ губернскихъ гласныхъ.

Вновь вступилъ С. А. въ ихъ число лишь въ 1897 году.

Первыя двѣ сессіи послѣ новаго избранія были годами наиболѣе напряженной и постоянной его земской работы. Въ сессію 1897 года онъ сталъ во главѣ редакціонной комиссіи, смѣнивъ на этомъ посту неожиданно отказавшагося вновь взять на себя должность предсѣдателя ранѣе цѣлый рядъ лѣтъ работавшаго на этомъ мѣстѣ Ѳ. Д. Самарина, сына антагониста С. А. въ 1882 году, а въ 1898 году, за уничтоженіемъ редакціонной комиссіи, С. А. становится предсѣдателемъ финансовой комиссіи, дававшей заключенія по наиболѣе важнымъ докладамъ управы. Такимъ образомъ центръ тяжести его работы переносится въ комиссіи, и становится, какъ по отношенію къ дѣятельности въ Городской Думѣ это уже отмѣчено Н. И. Астровымъ, чрезвычайно трудно судить о долѣ труда и вліянія, которая принадлежитъ предсѣдателю. Въ сессію 1897 года подъ 15 докладами редакціонной комиссіи, обнимающими собою всѣ стороны земской дѣятельностн, стоитъ его подпись и, судя по содержанію этихъ докладовъ, можно думать, что предсѣдатель не только подписывалъ ихъ и докладывалъ въ собраніи, но и усердно приложилъ руку къ ихъ составленію. Повидимому, С. А. принялъ дѣятельное участіе и въ выработкѣ новаго порядка предварительнаго разсмотрѣнія подлежащихъ вѣдѣнію собранія дѣлъ, когда, вслѣдствіе внесенной по этому вопросу записки Митр. Павл. Щепкина, вся постановка подготовительныхъ комиссій была измѣнена и, согласно обширнаго доклада управы и редакціонной комиссіи, въ началѣ сессіи 1898 года редакціонная комиссія была совершенно упразднена и помимо разныхъ спеціальныхъ дѣлъ, по которымъ имѣлись соотвѣтствующіе подготовительные органы, доклады управы въ видѣ общаго правила не стали вовсе подвергаться предварительному комиссіонному разсмотрѣнію, за исключеніемъ смѣтъ и нѣкоторыхъ опредѣленныхъ категорій докладовъ, по которымъ заключеніе должна была давать постоянная финансовая комиссія, избираемая на трехлѣтіе. Какъ указано выше, въ сессію 1898 года предсѣдателемъ этой финансовой комиссіи былъ С. А. и, повидимому, принималъ въ ея работѣ самое дѣятельное участіе, но уже въ слѣдующую сессію участіе его въ очередной работѣ собранія становится слабѣй, и, хотя въ 1900 году онъ вновь избранъ членомъ финансовой комиссіи на слѣдующее трехлѣтіе, однако же какъ разъ въ 1901, 1902 и 1903 годахъ С. А., оставаясь губернскимъ гласнымъ, не принимаетъ почти никакого участія въ собраніяхъ.

Помимо участія въ очередной работѣ, въ началѣ этого періода С. А. много способствовалъ благополучному разрѣшенію кризиса, который переживало Московское земство за 1897—1900 годы. Внѣшнимъ образомъ кризисъ этотъ выражался въ рядѣ столкновеній между собраніемъ и предсѣдателемъ земской управы Д. Н. Шиповымъ, общія же причины, его вызывавшія, заключались въ неопредѣленности отношеній между губернскимъ земствомъ и уѣздными и въ отсутствіи твердыхъ основаній въ дѣлѣ оказанія помощи со стороны губернскаго земства уѣздамъ. При нѣсколько своеобразной структурѣ Московскаго земства и той выдающейся роли, которую, особенно съ 1890 года, въ бюджетѣ его играетъ столь мощный объектъ обложенія, какъ Москва, вопросъ объ устойчивой политикѣ губернскаго земства по отношенію къ уѣзднымъ пріобрѣтаетъ здѣсь огромное практическое значеніе, такъ какъ, съ одной стороны, весьма легко возбуждаются уѣздами преувеличенныя требованія по оказанію имъ помощи, подчасъ на случайныхъ и шаткихъ основаніяхъ, а съ другой—проявляется съ ихъ стороны отпоръ противъ кажущейся имъ стѣснительной и убивающей ихъ самодѣятельностъ регламентаціи, неизбѣжно связанной съ участіемъ губернскаго земства въ удовлетвореніи нуждъ отдѣльныхъ уѣздовъ.

Уже въ теченіе всей сессіи 1897 года Д. Н. Шиповъ опредѣленно подчеркивалъ, что онъ не выставитъ своей кандидатуры въ предсѣдатели управы. Вынужденный все же по настоятельному требованію гласныхъ баллотироваться, онъ выразилъ согласіе подчиниться рѣшенію Собранія только послѣ произнесенной имъ программной рѣчи, въ которой изложилъ свой взглядъ на желательныя отношенія между губернскимъ и уѣздными земствами. По его словамъ, „земская дѣятельность для болѣе правильнаго ея направленія и успѣшнаго развитія каждой своей отрасли должна руководствоваться опредѣленной системой, твердо установленными принципами“. Разработка этихъ руководящихъ началъ должна принадлежать губернскому земству, разумѣется, безъ всякаго нарушенія самостоятельности уѣздовъ. „Съ другой стороны, губернское земство при назначеніи пособій уѣздамъ должно въ интересахъ справедливости принимать во вниманіе различіе въ финансовомъ положеніи уѣздныхъ земствъ“. Губернское земство составляетъ какъ бы союзъ взаимопомощи населенія всей губерніи, поэтому, и въ виду неравномѣрнаго распредѣленія по уѣздамъ источниковъ обло-

женія, оно „должно являться нѣкоторымъ регуляторомъ для равномѣрнаго по возможности использованія всѣхъ источниковъ земскаго обложенія въ губерніи и направлять общегубернскія средства преимущественно въ тѣ мѣстности губерніи, въ которыхъ вслѣдствіе недостатка мѣстныхъ средствъ потребности населенія остаются неудовлетворенными“. Въ заключеніе Д. Н. Шиповъ замѣтилъ: „Мнѣ пріятнѣе быть не выбраннымъ, если тѣ мысли, которыя я высказываю, не раздѣляются большинствомъ собранія, чѣмъ быть избраннымъ и впослѣдствіи не найти нравственной поддержки со стороны большинства собранія“. Непосредственно послѣ этой рѣчи, 5 февраля 1898 года, Шиповъ былъ выбранъ большинствомъ 34 голосовъ противъ 19. Но не далѣе какъ въ заключеніе слѣдующей сессіи, 17 марта 1899 года, онъ заявилъ, что, „хотя всѣ доклады губернской управы по вопросамъ, касающимся вѣдѣнія исключительно губернскаго земства, одобрены и приняты собраніемъ, но при разсмотрѣніи вопросовъ, касающихся взаимныхъ отношеній губернскаго и уѣздныхъ земствъ, губернская управа не только встрѣтила сплоченное противодѣйствіе со стороны большинства представителей уѣздныхъ управъ, но и не нашла поддержки въ средѣ собранія“. Поэтому онъ сложилъ возложенныя на него собраніемъ полномочія.

Въ увѣнчавшихся въ концѣ-концовъ успѣхомъ усиліяхъ гласныхъ удержать на своемъ посту незамѣнимаго земскаго работника выдающуюся, рѣшающую роль сыгралъ С. А. Муромцевъ. Произнесенная имъ 26 марта послѣ цѣлаго ряда безуспѣшныхъ настояній удивительно сильная и проникнутая глубокимъ чувствомъ общественности рѣчь заставила Шипова поколебаться и подчиниться мнѣнію большинства, настаивавшаго на продолженіи имъ своей службы. Отставка его къ тому времени уже состоялась, требовалось новое избраніе, которое и послѣдовало, давъ ему 48 избирательныхъ шаровъ противъ 10 неизбирательныхъ. По предложенію В. И. Герье, немедленно вслѣдъ за избраніемъ учреждена была комиссія для разработки вопроса объ отношеніяхъ между губернскимъ и уѣздными земствами. Среди семи членовъ комиссіи болѣе всѣхъ голосовъ получилъ С. А. Муромцевъ. Кромѣ него, оказались избранными: кн. Пав. Д. Долгоруковъ, В. И. Герье, гр. Пав. С. Шереметьевъ, Н. Н. Щепкинъ, В. В. Пржевальскій и А. Ѳ. Шнейдеръ. О томъ участіи, какое принималъ С. А. въ трудахъ комиссіи, мы не имѣемъ свѣдѣній, но въ защитѣ ея столь

извѣстнаго доклада и ея заключеній въ земскомъ собраніи въ засѣданіяхъ 8—9 декабря 1900 года—какъ это между прочимъ удостовѣряетъ очевидецъ и участникъ обсужденія Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ,— С. А. проявилъ чрезвычайную находчивость, убѣдительность и силу и оказалъ наиболѣе сильное вліяніе на принятіе общихъ основаній, выработанныхъ комиссіей и въ общемъ совпадавшихъ съ программой Шипова.

Такимъ образомъ съ земской дѣятельностью Д. Н. Шипова за этотъ періодъ, имѣвшею громадное значеніе и для губерніи, и для всего русскаго земскаго дѣла, а также и для общеземскаго движенія первыхъ годовъ XX столѣтія, С. А. прочно связалъ и свое имя.

III.

Какъ было указано выше, за первые три года XX вѣка въ земской дѣятельности С. А. не было ничего, достойнаго упоминанія. Хотя онъ и состоялъ все это время гласнымъ, но почти никакого участія въ засѣданіяхъ не принималъ. Онъ вернулся къ дѣятельной работѣ въ собраніи лишь послѣ общеземскаго съѣзда въ ноябрѣ 1904 года, къ сессіи этого года, растянувшейся съ декабря по мартъ и отмѣченной цѣлымъ рядомъ выдающихся эпизодовъ. Надо впрочемъ сказать, что той руководящей роли, какую въ этотъ какъ разъ періодъ С. А. игралъ въ другихъ общественныхъ учрежденіяхъ, въ составъ которыхъ онъ входилъ, въ своей дѣятельности по Московскому земству онъ не проявилъ. Повидимому, онъ съ расчетомъ распредѣлялъ свои силы и менѣе всего считалъ нужнымъ затрачивать ихъ здѣсь, гдѣ была сильная группа лицъ, умѣло и рѣшительно проводившая освободительныя идеи. С. А. даже отсутствовалъ какъ разъ на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ засѣданій, гдѣ принимались Собраніемъ особенно отвѣтственныя рѣшенія.

Въ первомъ же засѣданіи сессіи 1904 года (13 декабря) Московское Губернское Земское Собраніе, выслушавъ рѣчь предсѣдателя управы Ѳ. А. Головина о современномъ политическомъ положеніи, приняло предложеніе управы объ ознаменованіи радостнаго событія рожденія Наслѣдника Россійскаго престола составленіемъ особаго капитала на постройку училищъ и постановило представить Государю Императору адресъ съ указаніемъ на назрѣвшую потребность дарованія болѣе свободныхъ политическихъ учрежденій. Въ соотвѣтствіи съ общими положеніями общеземскаго съѣзда 6—19

ноября центральное мѣсто адреса гласило: „Мы твердо вѣримъ, Государь, что близокъ тотъ счастливый день, когда по волѣ Вашего Величества будетъ отмѣненъ существующій бюрократическій строй, разобщающій Верховную власть съ народомъ, когда Царь призоветъ свободно избранныхъ представителей всей земли русской къ участію въ законодательствѣ, дабы при содѣйствіи ихъ упрочить могущество государства, величіе Престола и процвѣтаніе родины на незыблемыхъ началахъ законности, личной неприкосновенности и равноправности всѣхъ гражданъ, свободы слова и вѣроисповѣданія“. Противъ текста адреса высказались 16 гласныхъ, подавшихъ три особыхъ мнѣнія. Большинство составили приблизительно 45 голосовъ. На слѣдующій день стало извѣстно правительственное сообщеніе отъ 13 декабря, направленное прямо противъ земскаго съѣзда 6—19 ноября, законодательная разработка большинства пожеланій котораго наканунѣ, 12 декабря, была поставлена на очередь Высочайшимъ указомъ, и все засѣданіе земскаго собранія ограничилось лишь заслушаніемъ заявленія 44 гласныхъ объ отсрочкѣ занятій, такъ какъ „глубоко взволнованные сегодняшнимъ правительственнымъ сообщеніемъ“ они не находятъ въ себѣ должнаго спокойствія для продолженія занятій. Сессія прервалась, и послѣ одного чисто формальнаго засѣданія 8 января 1905 года, какъ разъ наканунѣ 9 января съ его грозными событіями, которыя, конечно, въ свою очередь нарушили бы ходъ Собранія, если бы оно продолжалось, возобновилось 11 февраля. На обоихъ декабрьскихъ засѣданіяхъ С. А. Муромцева не было. Не было его какъ разъ и въ засѣданіи 19 февраля, когда снова въ занятія Собранія съ неудержимой силой ворвалась политика. Самъ предсѣдатель, гр. П. С. Шереметевъ, подъ вліяніемъ извѣстія объ извѣстномъ рескриптѣ Булыгину, предложилъ отправить Государю телеграмму. Прочитанный Д. Н. Шиповымъ текстъ ея выражаетъ горячую радость по поводу возвѣщеннаго, по словамъ телеграммы, рѣшенія „привлечь достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ законодательной работѣ“. Губернскій гласный А. А. Мануиловъ отъ группы гласныхъ прочиталъ немедленно вслѣдъ за этимъ заявленіе о необходимости тотчасъ откликнуться на призывъ и на основаніи даннаго Сенату указа сообщить совѣту министровъ „свои виды и предположенія по вопросу объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія“. Кромѣ того, по

мнѣнію группы, „земству надлежитъ представить свои соображенія относительно порядка введенія въ жизнь преобразованій, возвѣщенныхъ въ рескриптѣ министру внутреннихъ дѣлъ".

Со своей стороны Ѳ. А. Головинъ отъ имени управы внесъ предложеніе избрать особую комиссію изъ 10 лицъ и поручить ей совмѣстно съ губернской управой составить проектъ представленія (въ совѣтъ министровъ) и представить его въ возможно скоромъ времени на обсужденіе собранія. Предложеніе это было принято единогласно. Къ нему примкнула даже группа 11-ти гласныхъ, голосовавшая противъ телеграммы. Но сдѣлавъ это единогласное постановленіе, собраніе не легко добилось возможности произвести самые выборы въ комиссію. Въ слѣдующемъ засѣданіи, 22 февраля, цѣлый рядъ гласныхъ: А. И. Цыбульскій, кн. П. Д. Долгоруковъ, Д. Н. Шиповъ и Ѳ. А. Головинъ настойчиво указываютъ предсѣдателю на неотложность приступить къ выборамъ комиссіи, имѣющей срочную задачу; предсѣдатель собранія заявилъ, что порядокъ занятій зависитъ отъ него, что выборы онъ полагаетъ произвести въ концѣ занятій собранія, что въ настоящее время составъ собранія не достаточно полонъ и что, внимательно выслушавъ всѣ мнѣнія, онъ проситъ болѣе не обсуждать вопроса объ избраніи комиссіи. Собраніе разошлось, и только въ слѣдующемъ засѣданіи, послѣ продолжительнаго перерыва въ занятіяхъ собранія, 7 марта, послѣдовали, наконецъ, выборы. Послѣ подачи записокъ предсѣдатель собранія потребовалъ, чтобы выборы были произведены шарами. Абсолютное большинство получили слѣдующія 10 лицъ: Н. Ѳ. Рихтеръ (51 противъ 13), Д. Н. Шиповъ (48—16), кн. П. Д. Долгоруковъ (42—22), С. А. Муромцевъ (42—22), М. П. Щепкинъ (42—22), Н. И. Гучковъ (38—26), Н. Н. Щепкинъ (38—26), кн. П. Н. Трубецкой (38—26), А. А. Мануиловъ (36—28) и М. Я. Герценштейнъ (36—28). Не получили большинства гр. П. С. Шереметевъ (предсѣдательствовавшій въ собраніи, 30 изб. и 34 неизб.), М. В. Челноковъ (32—32), кн. В. С. Мещерскій (25—39), П. А. Тучковъ (24—40), А. Д. Самаринъ (27—37).

Уже на слѣдующій день внесенъ былъ въ собраніе докладъ управы и избранной наканунѣ комиссіи. Меньшинство въ собраніи возражало противъ такой поспѣшности; но Ѳ. А. Головинъ и Н. Н. Щепкинъ рѣшительно возстали противъ дальнѣйшихъ проволочекъ. Д. Н. Шиповъ прочиталъ докладъ слѣдующаго содержанія:

„Въ рескриптѣ, данномъ 18 февраля с. г. на имя министра внутреннихъ дѣлъ, Государю Императору благоугодно было выразить свою волю—отнынѣ съ Божьей помощью привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній. Рѣшеніе Государя, съ радостью и упованіемъ принятое русскимъ обществомъ, знаменуетъ собою начало новаго періода русской исторіи на основѣ совмѣстной работы правительства и зрѣлыхъ силъ общественныхъ. Для обсужденія путей осуществленія Высочайшей воли учреждается особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ гофмейстера А. Г. Булыгина, но составъ его не опредѣленъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, между тѣмъ этому совѣщанію предстоитъ чрезвычайно важная задача, при разрѣшеніи которой правительствомъ участіе общественныхъ силъ представляется безусловно необходимымъ. Составъ учреждаемаго совѣщанія по существу предстоящей ему задачи и для продуктивности его работы не можетъ быть многочисленнымъ и могъ бы быть опредѣленъ числомъ 40—50 членовъ, при чемъ представлялось бы правильнымъ, чтобы не менѣе половины ихъ были привлечены правительствомъ изъ среды общества. Представители общества, привлеченные въ составъ совѣщанія, должны обладать знаніями и опытностью, гарантирующими компетентность ихъ въ вопросѣ, подлежащемъ обсужденію совѣщанія, и въ то же время они должны пользоваться авторитетомъ и довѣріемъ со стороны общества. Важно также, чтобы въ совѣщаніе были приглашены лица, принадлежащія къ различнымъ общественнымъ группамъ, и чтобы въ совѣщаніи приняли участіе представители различныхъ направленій политической мысли общества. Привлеченіе въ составъ совѣщанія общественныхъ силъ, удовлетворяющихъ указаннымъ условіямъ, возможно лишь при участіи въ выборѣ ихъ существующихъ всесословныхъ общественныхъ учрежденій. Въ этихъ цѣляхъ желательно, чтобы правительствомъ было предложено въ самомъ ближайшемъ времени всѣмъ губернскимъ земскимъ собраніямъ и всѣмъ думамъ городовъ съ населеніемъ свыше 50.000 жителей избрать по два представителя отъ каждой губерніи и городовъ, имѣющихъ населеніе болѣе 100.000 жителей, и по одному представителю отъ городовъ съ меньшимъ населеніемъ. Избранные представители, собравшись въ Петербургѣ, по общему соглашенію изберутъ лицъ, которыхъ правительству надлежало бы привлечь въ составъ совѣщанія, имѣющаго образоваться подъ предсѣдательствомъ гофмейстера А. Г. Булыгина. Выборнымъ отъ земствъ и городовъ должно быть предоставлено право указать лицъ какъ изъ своей среды, такъ и изъ среды другихъ общественныхъ дѣятелей и представителей науки. Такъ какъ правительство имѣетъ въ виду привлечь къ пересмотру земскаго и городского положенія избранныхъ общественными учрежденіями представителей, то задача эта могла бы быть возложена на тѣхъ представителей, которые будутъ избраны непосредственно общественными учрежденіями для указанной выше цѣли, но при непремѣнномъ условіи, чтобы это не могло послужить причиной замедленія созыва земскихъ и городскихъ выборныхъ для указанія лицъ, которыя будутъ приглашены въ совѣщаніе для обсужденія путей осуществленія Высочайшей воли, выраженной въ рескриптѣ 18 февраля с. г. Организація этого совѣщанія для успокоенія общественнаго настроенія необходима возможно безотлагательно. По открытіи совѣщанія трудамъ его слѣдуетъ придать широкую гласность, которая облегчила бы обществу возможность быть всегда освѣдомленнымъ относительно хода работы совѣщанія и предоставило бы печати, общественнымъ собраніямъ и ученымъ обществамъ

своевременно высказываться по поводу ожидаемаго преобразованія. Независимо отъ сего, гласность является главнымъ условіемъ, которое только и можетъ облегчить общественнымъ представителямъ въ совѣщаніи нести возлагаемую на нихъ серьезую нравственную отвѣтственность.

Изложенныя соображенія губернская управа и комиссія имѣютъ честь предложить собранію представить г. министру внутреннихъ дѣлъ черезъ особо избранную депутацію".

Докладъ этотъ, удивительно конкретно схватывавшій общія очертанія организаціи предстоявшаго дѣла и доказывающій, что въ извѣстные моменты общество быстро осваивается съ положеніемъ вещей и неожиданно оказывается болѣе подготовленнымъ къ политической жизни, чѣмъ этого можно было бы отъ него ожидать, былъ цѣликомъ принятъ послѣ нѣкоторыхъ разъясненій большинствомъ всѣхъ противъ 11 голосовъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи съ разрѣшенія губернатора избрана и особая депутація изъ 4 лицъ для представленія министру внутреннихъ дѣлъ соображеній о составѣ особаго совѣщанія. Избранными оказались: Д. Н. Шиповъ, М. П. Щепкинъ, кн. П. Д. Долгоруковъ и Н. Ѳ. Рихтеръ. С. А. Муромцевъ въ это самое время былъ избранъ въ подобную же депутацію отъ Московской Городской Думы и въ составѣ ея получилъ возможность бесѣдовать съ А. Г. Булыгинымъ. Депутаціи же Московскаго Земства не удалось выполнить возложеннаго на нее порученія, какъ это видно изъ подробнаго доклада, сдѣланнаго въ собраніи 12 марта. Накануне депутація являлась въ Петербургѣ къ министру, предупрежденному объ ея пріѣздѣ телеграммой губернатора, но „дежурный чиновникъ“ объяснилъ, что у министра нѣтъ свободной минуты, чтобы принять депутацію. Предлагалось депутатамъ явиться на другой день во время общаго пріема у министра. Ходатайство земской депутаціи о принятіи ея одновременно съ городской, которая какъ разъ въ это время должна была бесѣдовать съ министромъ, успѣха не имѣло, и депутація, не считая возможнымъ дожидаться пріема послѣ такого къ ней отношенія, вернулась въ Москву, чтобы поспѣть на заключительное засѣданіе Собранія и сообщить ему о своихъ дѣйствіяхъ. Министру было сдѣлано письменное представленіе съ приложеніемъ документовъ.

Насколько силенъ былъ за это время въ обществѣ интересъ къ занятіямъ Земскаго Собранія, видно изъ внесеннаго С. А. Муромцевымъ и Н. Н. Щепкинымъ еще 18 февраля и затѣмъ подробно развитого 22 февраля предложенія о необходимости по-

строить специальное помѣщеніе для земскихъ собраній, такъ какъ въ помѣщеніи, гдѣ происходятъ засѣданія (домъ Благороднаго Собранія), земство не является хозяиномъ, и приходится пользоваться малой залой, гдѣ въ этотъ періодъ земской жизни вдругъ обнаружился страшный недостатокъ мѣстъ для публики.

Сверхъ того, въ эту же сессію (12 марта) внесено С. А. Муромцевымъ еще и слѣдующее предложеніе объ избавленіи отъ специальной цензуры отчетовъ о засѣданіяхъ земскихъ собраній.

„Въ статьѣ 82 дѣйствующаго устава о цензурѣ и печати постановлено, что „состоявшіяся на земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ постановленія, отчеты о засѣданіяхъ, а также сужденія, пренія и рѣчи“ печатаются не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора. Принимая во вниманіе, что по буквальному смыслу этой статьи помянутое разрѣшеніе требуется лишь на напечатаніе постановленій отчетовъ, сужденій, преній и рѣчей въ ихъ дословномъ изложеніи; что подъ отчетами закономъ въ этомъ случаѣ разумѣются, очевидно, отчеты въ буквальномъ смыслѣ, т.-е. официальные отчеты о засѣданіяхъ; что посему подъ понятіе отчета о засѣданіи не могутъ подходить замѣтки и сообщенія о засѣданіяхъ, помѣщаемыя въ частныхъ газетахъ ихъ сотрудниками; что именно въ такомъ смыслѣ 82-я статья закона была разъяснена Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати, какъ это засвидѣтельствовано бывшимъ старшимъ инспекторомъ типографій и книжной торговли въ Москвѣ Мсеріанцемъ въ его изданіи законовъ о печати (изданіе 1899 г., стр. 55) и что на практикѣ, какъ это общеизвѣстно, такое пониманіе статьи 82-й не пользуется признаніемъ и требованіе разрѣшенія губернатора распространяется на всѣ газетныя сообщенія о засѣданіяхъ московскаго губернскаго земскаго собранія, я имѣю честь предложить губернскому земскому собранію представить на основаніи п. 14 ст. 63 Пол. о зем. учр. о примѣненіи статьи 82-й Устава о цензурѣ и печати согласно ея истинному смыслу въ виду того обстоятельства, что полное безъ какихъ-либо сокращеній воспроизведеніе въ текущей періодической прессѣ сообщеній о происходящемъ на земскомъ собраніи, способствуя вѣрному впечатлѣнію о томъ въ обществѣ, касается ближе всего интересовъ земскаго населенія, которое имѣетъ право ожидать, что отъ него ни въ чемъ не будетъ сокрываема дѣятельность земскаго собранія. По тому же соображенію представляло бы существенную важность и представленіе о самой отмѣнѣ статьи 82-й Устава о цензурѣ и печати и о предоставленіи московскому губернскому земскому собранію права, наравнѣ съ прочими государственными установленіями, придавать гласности свои постановленія, отчеты, журналы и проч“.

Заявленіе это, направленное ближайшимъ образомъ опять же къ тому, чтобы вѣрнѣе познакомить общество съ работой земства по подготовкѣ политическихъ преобразованій,— работой, вызывавшей понятный интересъ, но далеко не достаточно широко извѣстной и нелегко находившей полное отраженіе въ газетахъ вслѣдствіе специальной губернаторской цензуры, встрѣтило возраженіе со стороны одного гласнаго и всѣми голосами противъ

одного было принято. Возражавшій, Ю. П. Бартеневъ, началъ свою рѣчь словами: „По своему служебному положенію цензора, живо интересуясь всѣмъ до цензуры относящимся, какъ общественный дѣятель, долгомъ считаю сдѣлать слѣдующее замѣчаніе на докладъ С. А. Муромцева“... Замѣчаніе сводилось къ порицанію *той* цензуры, которую проявляютъ либеральные органы печати, не помѣщающіе обыкновенно въ свои отчеты того, что не подходитъ подъ ихъ катехизисъ, а также и земское собраніе, обсуждающее важныя дѣла предварительно въ частныхъ совѣщаніяхъ. При этомъ самое стремленіе освободить себя отъ цензуры, разъ ей подвержены другіе, возражавшій находилъ несправедливымъ требованіемъ привилегій и преимуществъ, между тѣмъ какъ по убѣжденіямъ народа тяготы надо нести всѣмъ дружно сообща. Какъ видно изъ результатовъ голосованія, высказанные аргументы не показались убѣдительными гласнымъ...

Стоитъ отмѣтить еще одно почти вскользь брошенное въ эту сессію замѣчаніе С. А., которое свидѣтельствуетъ о занимавшихъ его въ это время мысляхъ. Въ томъ же послѣднемъ засѣданіи 12 марта, когда зашла рѣчь о томъ, кто имѣетъ право на подачу особыхъ мнѣній, С. А. высказалъ мысль о желательности „составить на будущее время родъ *наказа* для засѣданій собранія, какъ это сдѣлано во многихъ общественныхъ собраніяхъ“...

Тутъ же С. А. былъ избранъ въ комиссію по ознаменованію дѣятельности Д. Н. Шипова и по пересмотру положенія о крестьянахъ, но едва ли онъ успѣлъ проявить въ этихъ комиссіяхъ какое-либо участіе.

Участіемъ въ занятіяхъ Московскаго Губернскаго Земскаго Собранія въ февралѣ—мартѣ 1905 года въ сущности и закончилась земская работа С. А. Въ апрѣлѣ, какъ объ этомъ разсказано въ слѣдующей статьѣ, онъ былъ въ частномъ совѣщаніи членовъ Московскаго Губернскаго Земскаго Собранія избранъ однимъ изъ четырехъ гласныхъ, уполномоченныхъ на участіе въ общеземскихъ съѣздахъ; собранію сессіи 1905 года (начавшемуся 17 февраля 1906 г.) имъ была представлена весьма обстоятельная записка, подписанная всѣми участниками земскихъ съѣздовъ изъ состава Московскаго Земскаго Собранія, но внесеніе этой записки на обсужденіе Собранія, признаннаго администраціей вслѣдствіе поздняго созыва чрезвычайнымъ, а не очереднымъ, не было допущено губернаторомъ. Въ этомъ Собраніи, во время котораго было нѣсколько немаловажныхъ

инцидентовъ, свидѣтельствовавшихъ о начавшемся поворотѣ въ земскомъ настроеніи въ сторону реакціи, С. А. совсѣмъ не выступалъ: повидимому, онъ былъ всецѣло поглощенъ мыслью о другихъ политическихъ позиціяхъ, на которыя предстояло перевести бой съ земской... Въ чрезвычайномъ Земскомъ Собраніи 10 апр. 1905 г., на которомъ былъ избранъ членомъ отъ Губернскаго Земства въ Государственный Совѣтъ Д. Н. Шиповъ, С. А. высказалъ нѣсколько замѣчаній о техникѣ голосованій... Это были послѣднія его слова въ Московскомъ Земствѣ. Имя его встрѣчается еще въ журналахъ слѣдующаго собранія, когда 18 декабря 1906 г. предсѣдатель Собранія доложилъ отношеніе московскаго губернатора объ устраненіи гласныхъ Муромцева и Коммиссарова до окончанія возбужденнаго противъ нихъ судебнаго слѣдствія по дѣлу о выборгскомъ воззваніи.

На это отношеніе губернатора Собраніе ничѣмъ не отозвалось. Однако С. А. показывался еще отсутствующимъ гласнымъ во всѣхъ журналахъ этой и слѣдующей сессіи. Сужденія о томъ, насколько устраненіе земскаго гласнаго, состоящаго подъ слѣдствіемъ, законно, по вопросу, вызвавшему въ свое время рядъ серьезныхъ статей въ печати и по меньшей мѣрѣ спорному,—въ Собраніи не было.

Съ мыслью о земствѣ связанъ еще одинъ эпизодъ въ жизни С. А., повидимому совершенно забытый, а между тѣмъ заслуживающій, особенно теперь, наканунѣ пятидесятилѣтія со дня изданія перваго Земскаго Положенія, общественнаго къ себѣ вниманія. 23 ноября 1879 года С. А., только что избранный въ члены Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, внесъ въ него предложеніе объ учрежденіи при Обществѣ земской библіотеки, въ которой могли бы быть сосредоточены всѣ земскія изданія. Предложеніе встрѣчено выраженіемъ сочувствія, но и указаніемъ на трудности осуществленія. Извѣстный А. И. Кошелевъ, уже не состоявшій въ то время президентомъ Общества, предложилъ передать его на обсужденіе совѣта. Къ сожалѣнію, какъ объ этомъ черезъ нѣсколько лѣтъ вспоминаетъ самъ С. А., изъ предложенія ничего не вышло, несмотря на то, что позднѣе „А. И. Кошелевъ", обѣщавъ на это предпріятіе десять тысячъ рублей, предложилъ публичной библіотекѣ при Румянцевскомъ музеѣ принять на себя осуществленіе задуманнаго учрежденія. Но директоръ музея отнесся къ предложенію самымъ холоднымъ образомъ, такъ что все дѣло заглохло въ самомъ его началѣ" („Статьи и рѣчи", вып. III, стр. 102).

И Москва до сихъ поръ остается безъ столь необходимой для работъ по исторіи русской общественности достаточно обширной библіотеки земскихъ изданій.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній объ участіи С. А. въ земской работѣ на первый взглядъ можно вынести впечатлѣніе, будто участіе это было какъ-то слишкомъ неровнымъ, иногда даже случайнымъ. Здѣсь какъ будто нарушено всегда предъявлявшееся Сергѣемъ Андреевичемъ и къ самому себѣ, и къ другимъ требованіе относиться серьезно ко всякому взятому на себя дѣлу; можетъ показаться, что и С. А. принесъ дань тому самому столь обычному у насъ русскихъ диллетантству, противъ котораго онъ такъ рѣшительно ополчался. Но впечатлѣніе это, если оно у кого и возникнетъ, совершенно неправильно. Болѣе пристально вглядываясь въ эти кажущіяся колебанія, мы легко подмѣтимъ въ нихъ опредѣленную закономѣрность. С. А. оказывался на своемъ мѣстѣ въ земской работѣ всякій разъ, когда это вызывалось насущными требованіями самого дѣла, когда разрѣшался крупный вопросъ и когда для его разрѣшенія не было въ наличности другихъ, помимо С. А., достаточныхъ силъ, или же тогда, когда ему надо было войти въ пониманіе положенія земскаго хозяйства въ извѣстномъ его фазисѣ. Когда такіе моменты проходили, С. А. какъ бы отходилъ отъ дѣла.

У лучшихъ элементовъ стариннаго русскаго служилаго дворянства существовало твердое правило: на службу не навязываться, но отъ службы не отказываться. Этотъ профессіональный завѣтъ своихъ предковъ С. А. претворилъ въ осмысленный принципъ общественнаго служенія и послѣдовательно проводилъ его въ земской своей работѣ, какъ и во всѣхъ областяхъ общественной дѣятельности. Онъ разсчетливо распредѣлялъ свои силы, примѣняя ихъ тамъ и тогда, когда и гдѣ это было необходимо для дѣла, и весь настоящій очеркъ показываетъ, что онъ едва ли допустилъ крупныя ошибки при слѣдованіи этому принципу по отношенію къ участію своему въ земствѣ.

Кн. Д. Шаховской.

С. А. Муромцевъ и земскіе съѣзды.

I.

Въ концѣ апрѣля 1905 года во многихъ англійскихъ газетахъ появились обширныя, занимавшія цѣлыя страницы, корреспонденціи изъ Москвы, посвященныя новому и неожиданному для западно-европейцевъ явленію русской политической жизни. Въ одной изъ газетъ эти корреспонденціи носили знаменательное заглавіе: „*The Mother of Russian Parliaments*“ (Мать русскихъ парламентовъ). Это пророческое названіе прилагалось къ земскимъ съѣздамъ, одинъ изъ которыхъ (второй, считая отъ извѣстнаго ноябрьскаго съѣзда 1904 года) засѣдалъ тогда въ Москвѣ. Англійскіе журналисты, присутствовавшіе на съѣздѣ, съ горячимъ, почти восторженнымъ сочувствіемъ и въ то же время съ глубокимъ изумленіемъ описывали то, что совершалось на ихъ глазахъ. И удивленіе ихъ было вполнѣ понятно. Въ странѣ, гдѣ абсолютизмъ, казалось, пустилъ столь глубокіе корни, что многіе иностранные наблюдатели готовы были признать его нормальнымъ для русскаго народа строемъ, гдѣ путешествовавшій за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ небезызвѣстный мистеръ Стэдъ, глядя изъ оконъ вагона на раскиданные среди полей и лѣсовъ деревни и города, представлялъ ихъ себѣ въ видѣ „овецъ“, собираемыхъ въ единое стадо лишь патріархальнымъ пастырскимъ жезломъ, гдѣ, кромѣ управляющихъ чиновниковъ и безмолвствующаго народа, европейскій глазъ различалъ лишь „нигилистовъ“, бросающихъ бомбы,—въ этой самой странѣ—и не у „прорубленнаго на Западъ окна“, не въ европеизированномъ Петербургѣ, а въ самыхъ нѣдрахъ ея, въ центрѣ „руссизма“—возникли—не только безъ содѣйствія всесильнаго правительства, но при прямомъ противодѣйствіи его—періодическія политическія собранія выборныхъ представителей, обна-

руживавшія передъ опытными взорами англичанъ явственныя черты парламентскихъ дебатовъ, и притомъ дебатовъ высокаго уровня, проникнутыхъ энтузіазмомъ и стремленіемъ впередъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уравновѣшенныхъ опытомъ, сдержанныхъ и дисциплинированныхъ. Страна, казавшаяся „безглагольной и недвижимой" подъ внѣшней оболочкой бюрократическаго абсолютизма, созрѣла въ тиши для представительныхъ учрежденій и, еще не имѣя ихъ, создавала собственными силами временную замѣну ихъ въ видѣ представительства тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые были болѣе всего подготовлены для парламентской работы. Люди, несшіе скромную общественную службу на мѣстахъ и снискавшіе ею довѣріе мѣстнаго общества, въ большинствѣ пожилые, посѣдѣвшіе на общественной работѣ, безъ офиціальнаго зова, преодолѣвая препятствія со стороны администраціи, съ весьма вѣроятнымъ рискомъ репрессій, съѣзжались съ различныхъ концовъ громадной имперіи, чтобы сообща обсудить критическое положеніе государства, выработать планъ его коренного преобразованія и приложить всѣ старанія для проведенія его въ жизни. Они намѣчали основы назрѣвшихъ реформъ, вырабатывали проекты конституціонныхъ и иныхъ неотложныхъ законовъ, обращались къ Монарху съ адресами и посылали депутаціи, подвергали критической оцѣнкѣ правительственную политику, отмѣчали и осуждали акты административнаго произвола и злоупотребленія властью, указывали на необходимость разслѣдованій и обновленія административнаго персонала. Въ то же время они поддерживали живую связь съ обществомъ; они приносили съ собой изъ разныхъ концовъ страны отголоски чаяній и стремленій мѣстнаго населенія и, въ свою очередь, несли туда плоды совмѣстной организованной работы въ центрѣ. Ихъ заявленія находили сочувственный откликъ не только въ земской средѣ, но и въ другихъ слояхъ русскаго общества. И хотя выработанный ими планъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій, въ большей своей части, остается и понынѣ неосуществленнымъ, но дѣятельность ихъ оказала глубокое вліяніе на ходъ нашей общественной и государственной жизни.

Собранія такого рода были бы замѣчательнымъ явленіемъ не только въ Россіи, но и въ любой странѣ, опередившей ее на пути культуры и гражданственности. И фактъ возникновенія ихъ именно у насъ можетъ по справедливости быть для насъ однимъ изъ предметовъ народной гордости. При всемъ общемъ сходствѣ, ко-

торое обнаруживаетъ процессъ перехода Россіи къ представительному строю съ соотвѣтствующими процессами на Западѣ, земскіе съѣзды остаются своеобразнымъ явленіемъ русской общественности, для котораго трудно найти вполнѣ подходящую аналогію въ исторіи западныхъ народовъ. „Собранія нотаблей", „предварительные парламенты", а также самочинныя представительныя собранія, возникавшія въ критическіе моменты народной жизни въ нѣкоторыхъ странахъ, собирались при иныхъ обстоятельствахъ и имѣли иныя задачи.

Ближе всего, пожалуй, подходитъ къ съѣздамъ германскій *Vorparlament* 1848 года. Но онъ собрался въ странѣ, уже имѣвшей конституціонныя учрежденія, и опирался на эти учрежденія. Какъ извѣстно, въ *Vorparlament* были приглашены всѣ настоящіе и бывшіе депутаты законодательныхъ палатъ, существовавшихъ тогда въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ. Въ лицѣ его южная конституціонная Германія взяла на себя необходимыя подготовительныя мѣры для образованія единаго общегерманскаго парламента.

Земскіе съѣзды организовались въ Россіи въ то время, когда бюрократическій абсолютизмъ, хотя уже поколебленный морально, располагалъ еще огромными силами и казался многимъ несокрушимымъ на долгіе годы, когда у насъ не только не было какихъ-либо реальныхъ зачатковъ конституціонализма, но и конституціонныя стремленія еще не получили широкаго распространенія въ обществѣ. Въ отличіе отъ западныхъ однократныхъ собраній, выполнявшихъ одну опредѣленную миссію, земскіе съѣзды собирались періодически, постепенно укрѣпляя и расширяя свою организацію, и дѣятельность ихъ, не ограничиваясь какой-либо одной спеціальной задачей, касалась всѣхъ сторонъ государственной жизни. Они не только подготовили почву для народнаго представительства, но стремились, насколько это было возможно, заполнить пробѣлъ, создаваемый его отсутствіемъ.

Возможность такого явленія обусловливалась тѣмъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ эпохи великихъ реформъ XIX вѣка, котораго еще не успѣла уничтожить бюрократическая реакція. Россія въ своихъ центральныхъ частяхъ обладала мѣстнымъ самоуправленіемъ, которое у насъ съ самаго начала было поставлено въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже правильнѣе и шире, чѣмъ во многихъ западноевропейскихъ государствахъ, и которое, несмотря на позднѣе на-

несенные ему удары, сохранило жизнеспособность. Земство, искаженное сословной реставраціей, приниженное бюрократической опекой, урѣзанное въ своей компетенціи, угрожаемое въ самомъ своемъ существованіи, въ критическій моментъ народной жизни нашло въ себѣ достаточно силъ, чтобы создать средоточіе для освободительныхъ стремленій широкихъ слоевъ общества и подготовительную ступень къ народному представительству. Въ исторіи нашего перехода къ конституціонализму нашла себѣ своеобразное подтвержденіе мысль Гнейста, повторенная въ извѣстной запискѣ Витте, о тѣсной связи между мѣстнымъ самоуправленіемъ и представительнымъ строемъ. Но эта теорія, помимо поправокъ, внесенныхъ въ нее демократическимъ движеніемъ народныхъ массъ, отразилась въ нашей жизни какъ бы въ раккурсѣ. Эволюція, которой Гнейстъ отводилъ многія десятилѣтія, совершилась у насъ, подъ давленіемъ накопленной въ теченіе долгаго времени неудовлетворенной потребности, съ необыкновенной быстротой. Въ маѣ 1902 года первый общеземскій съѣздъ, созванный передъ сельско-хозяйственными комитетами Д. Н. Шиповымъ, еще не касаясь формы правленія, сдѣлалъ первую послѣ 80-хъ годовъ попытку перекинуть мостъ отъ земской дѣятельности къ основнымъ вопросамъ общегосударственной политики. Въ ноябрѣ 1905 года послѣдній земскій съѣздъ, расходясь, оставилъ въ наслѣдство уже установленной закономъ Государственной Думѣ широкую программу политическихъ и соціальныхъ реформъ, готовый кадръ парламентскихъ дѣятелей [1]) и уже намѣченнаго общимъ голосомъ предсѣдателя.

Двусмысленное предсказаніе Витте о будущей роли земствъ, пущенное въ ходъ въ качествѣ орудія междоусобной бюрократической борьбы, оказалось настоящимъ пророчествомъ и сбылось скорѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Общеземскихъ съѣздомъ той эпохи насчитываютъ обыкновенно семь. Но первый съѣздъ 1902 года, явившійся, несомнѣнно, зародышемъ послѣдующихъ, отдѣленъ отъ нихъ сравнительно значительнымъ промежуткомъ времени, а также иными задачами и условіями своей дѣятельности, такъ что, кажется, будетъ правильнѣе поставить его особнякомъ. Остальные же шесть съѣздовъ, происходившіе въ теченіе года, отъ ноября 1904 года до ноября

---

[1]) Въ первую Думу вошло свыше 60 членовъ съѣздовъ.

1905 года, составляютъ одинъ законченный циклъ собранiй, тѣсно связанныхъ между собой, какъ своимъ личнымъ составомъ, такъ и характеромъ и обстановкой своей дѣятельности. Они-то и послужили для С. А. Муромцева, какъ и для многихъ другихъ участниковъ освободительнаго движенiя, переходной стадiей отъ общественной дѣятельности въ старыхъ доконституцiонныхъ рамкахъ къ дѣятельности парламентской.

II.

Чтобы сдѣлать роль С. А. Муромцева на земскихъ съѣздахъ вполнѣ понятной, мнѣ необходимо прежде всего коснуться общаго облика его, какъ политическаго дѣятеля.

С. А. Муромцевъ не былъ политическимъ бойцомъ въ тѣсномъ специфическомъ смыслѣ этого слова. Я не хочу сказать, чтобы онъ не могъ выступать въ качествѣ смѣлаго, искуснаго и находчиваго борца, когда этого требовали обстоятельства, когда онъ видѣлъ въ этомъ свой долгъ. Еще отъ тѣхъ временъ, когда земскiя собранiя были у насъ единственной общественной ареной, напоминающей парламентскую, у меня осталось яркое воспоминанiе о его блестящемъ выступленiи въ Московскомъ Губернскомъ Собранiи въ качествѣ защитника доклада управы и комиссiи по острому въ то время вопросу о взаимныхъ отношенiяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ, и я никогда не забуду, съ какимъ мастерствомъ, съ какою отчетливостью въ воспроизведенiи аргументовъ противниковъ и съ какою силою и мѣткостью въ ихъ опроверженiи онъ отражалъ нападенiя на этотъ докладъ. Онъ не отступалъ также никогда предъ политической борьбой въ широкомъ смыслѣ этого слова и предъ сопряженными съ ней тревогами и опасностями. Въ критическiй перiодъ нашей политической жизни, въ такiе моменты, когда стушевываются и отходятъ въ сторону дѣятели, созданные для болѣе спокойныхъ и безопасныхъ временъ, С. А. выступалъ рѣшительно и опредѣленно и смѣло бралъ на себя отвѣтственность. Мы знаемъ даже, что онъ подставлялъ добровольно свою голову подъ удары судьбы и тогда, когда его побуждало къ этому лишь чувство солидарности съ друзьями и единомышленниками, подвергшими себя риску. Но прирожденнаго темперамента политическаго бойца у него не было. Процессъ борьбы, самъ по себѣ, не затягивалъ и не увлекалъ его. Неизбѣжная въ пылу борьбы

страстная, односторонняя оцѣнка людей и событій была внутренно чужда ему; она противорѣчила безпристрастію и объективности, проникавшимъ все его существо. Всѣми свойствами своей природы онъ былъ предрасположенъ скорѣе къ роли судьи, чѣмъ къ роли обвинителя или защитника. Когда мнѣ случалось задаваться вопросомъ, какое положеніе могъ бы занимать С. А. Муромцевъ, если бы ему пришлось жить въ странѣ, гдѣ политическая борьба уже лишилась своего героическаго характера и не требуетъ болѣе напряженія всѣхъ силъ общества, гдѣ она обратилась въ профессію, въ повседневное, будничное дѣло, воображеніе всегда охотнѣе рисовало его въ надпартійной роли предсѣдателя парламента или высшаго конституціоннаго суда, чѣмъ въ роли партійнаго лидера. Но ему пришлось переживать времена, когда политика была не профессіей, не спортомъ, не исполненіемъ обычныхъ ежедневныхъ обязанностей, а подвигомъ. И онъ не уклонился отъ этого подвига. Онъ взялъ тяжелое бремя, легшее на его плечи, и снесъ его до конца.

Правда, къ этому подвигу онъ готовился въ теченіе всей своей предшествующей жизни, или, вѣрнѣе, онъ считалъ обязанностью каждаго русскаго гражданина быть готовымъ къ нему въ каждый моментъ и бодрствовать, хотя бы ночь была безпросвѣтна, хотя бы не было никакихъ предвѣстій зари. Помню хорошо слова, сказанныя имъ въ глухую пору средины 90-хъ годовъ, въ одной изъ дружескихъ бесѣдъ, происходившихъ обыкновенно послѣ засѣданій Московскаго Юридическаго Общества. Разговоръ зашелъ о положительныхъ сторонахъ дѣятельности тѣхъ людей, которые, не задаваясь широкими вопросами о будущности нашей государственности и принимая существующія формы политическаго быта, какъ данныя, стремятся принести посильную пользу обществу въ этихъ узкихъ рамкахъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ замѣтилъ, что, кажется, ничего больше и не остается дѣлать, такъ какъ существующаго порядка „на нашъ вѣкъ хватитъ". „Нѣтъ,— возразилъ съ необычной для него живостью С. А.,— „надо всегда имѣть предъ глазами главную цѣль, хотя бы и не было надежды дожить до ея осуществленія". Этой главной цѣлью была для него и тогда конституція.

Для многихъ участіе въ освободительнымъ движеніи было связано съ внутренней эволюціей ихъ политическаго міросозерцанія. Немало людей, не вѣрившихъ въ возможность русской конститу-

ціи, пришло такимъ путемъ къ активному конституціонализму; были и конституціоналисты, ранѣе питавшіе недовѣріе къ демократіи, которые по мѣрѣ развертывавшихся передъ ними событій постепенно оцѣнивали современное значеніе демократическихъ учрежденій. С. А. Муромцевъ не нуждался въ такого рода эволюціи. Онъ не былъ увлеченъ потокомъ общественнаго движенія, а свободно и обдуманно пошелъ вмѣстѣ съ нимъ туда, куда направляли его давно сложившіяся непоколебимыя убѣжденія. Его конституціонализмъ, бывшій какъ бы частью его существа, былъ логически и практически необходимымъ выводомъ изъ той идеи, которая захватила его съ ранней молодости и которой онъ на различныхъ поприщахъ служилъ въ теченіе всей своей жизни,—изъ идеи права. Еще въ тѣ времена, когда дѣятельность С. А. вращалась въ скромныхъ рамкахъ городского и земскаго самоуправленія, въ духѣ и пріемахъ его работы чувствовался убѣжденный, строгій и послѣдовательный парламентарій. Обостренное враждою чутье противниковъ конституціоннаго строя различало этотъ оттѣнокъ, быть можетъ, даже быстрѣе, чѣмъ сочувственнее вниманіе единомышленниковъ. Мнѣ уже приходилось вспоминать въ печати мой разговоръ въ 90-хъ годахъ съ однимъ убѣжденнымъ консерваторомъ, который, разсказывая о засѣданіи Московской Городской Думы, съ раздраженной ироніей говорилъ: „Когда всталъ С. А. Муромцевъ, мы почувствовали себя въ школѣ парламентаризма“.

Но если конституціонализмъ С. А. Муромцева былъ ясенъ для всѣхъ, вступавшихъ въ соприкосновеніе съ нимъ, то, быть можетъ, не всѣмъ такъ хорошо было извѣстно, что онъ въ тоже время былъ не менѣе убѣжденнымъ демократомъ, не только по разсудку, но и по чувству, хотя безъ малѣйшей примѣси демагогизма. Подъ строгой, корректной, чисто-европейской внѣшностью западника жилъ своеобразнаго склада народникъ. Общественное настроеніе 60-хъ и 70-хъ годовъ, обвѣявшее его въ дѣтствѣ и юности, наложило неизгладимый отпечатокъ на его внутренній міръ и связывалось въ немъ непрерывной преемственной связью съ общественнымъ движеніемъ настоящаго столѣтія. Онъ глубоко вѣрилъ въ русскій народъ, и именно въ крестьянскіе низы его, вѣрилъ прежде всего въ правосознаніе народа и высоко цѣнилъ демократичность этого правосознанія. Онъ былъ всегда твердо убѣжденъ, что народныя массы оцѣнятъ и усвоятъ конституціонныя формы жизни и съумѣютъ наполнить ихъ живымъ содержаніемъ. Конечно, онъ не ждалъ

отъ демократіи чудесъ. Онъ хорошо зналъ, что путь къ свободѣ въ основныхъ чертахъ одинаковъ для всѣхъ народовъ. Но онъ не считалъ невозможнымъ, что русскій народъ пройдетъ нѣкоторыя стадіи этого пути быстрѣе, чѣмъ многіе другіе народы. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако никто, быть можетъ, не оцѣнивалъ такъ высоко важность предварительной подготовки къ парламентской жизни, и съ этой точки зрѣнія ему было особенно дорого мѣстное самоуправленіе. Онъ не могъ поэтому не оцѣнить и огромной важности земскихъ съѣздовъ, какъ историческаго связующаго звена между самоуправленіемъ и представительнымъ строемъ.

III.

С. А. Муромцевъ принималъ участіе во всѣхъ земскихъ съѣздахъ 1904—1905 года. По окончаніи ихъ, уже въ началѣ 1906 года, онъ въ качествѣ делегата Московскаго Земства представилъ Московскому Губернскому Собранію докладъ, дающій сжатый, но въ высшей степени полный и точный обзоръ дѣятельности съѣздовъ. Этотъ докладъ подписанъ всѣми представителями Московскаго Губернскаго Земства, участвовавшими въ съѣздахъ, но составленъ онъ Сергѣемъ Андреевичемъ, и въ немъ нетрудно узнать его точный, строгій, выдержанный стиль.

Но участіе С. А. Муромцева въ работѣ съѣздовъ во второй половинѣ ихъ существованія, начиная съ іюльскаго, проявляется болѣе яркимъ образомъ, чѣмъ на первыхъ трехъ съѣздахъ. Это объясняется отчасти случайными, внѣшними обстоятельствами, но въ связи съ ними и усвоенными имъ пріемами общественной работы.

С. А. Муромцевъ не любилъ импровизированныхъ выступленій въ общественныхъ собраніяхъ. Онъ не былъ по натурѣ тѣмъ, что англичане называютъ непереводимымъ словомъ *debater*. Конечно, при его обширныхъ и всестороннихъ познаніяхъ и огромномъ общественномъ опытѣ онъ могъ принять плодотворное участіе въ обсужденіи вопросовъ, волновавшихъ тогда русское общество, безъ всякой предварительной подготовки. Но это не было въ его характерѣ. Обыкновенно, онъ выступалъ послѣ тщательнаго, детальнаго изученія вопроса, привлекавшаго въ данный моментъ его вниманіе, и послѣ ознакомленія съ общественной средой, въ которой ему приходилось проводить свои взгляды, выступалъ, имѣя

передъ собой опредѣленный напередъ планъ и зная заранѣе, чего именно можно и должно добиваться въ данномъ собраніи при данныхъ условіяхъ. Между тѣмъ обстоятельства сложились такъ, что С. А. не участвовалъ въ начальномъ, подготовительномъ періодѣ земскаго движенія, хотя онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ Московскаго Земства, сыгравшаго въ этомъ движеніи центральную роль, и, въ частности, находился всегда въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Д. Н. Шиповымъ, съ которымъ въ чисто-земскихъ дѣлахъ шелъ всегда рука объ руку, несмотря на разность политическихъ убѣжденій. Дѣло въ томъ, что наиболѣе дѣятельная работа С. А. Муромцева въ Московскомъ Губернскомъ Земствѣ относится ко второй половинѣ 90-хъ годовъ. Позднѣе, преподаваніе въ петербургскомъ лицеѣ, чрезвычайно интересовавшее его, какъ стараго профессора, передъ тѣмъ надолго оторваннаго „независящими обстоятельствами" отъ любимаго дѣла, а также адвокатская практика, требовавшая отъ него частаго посѣщенія сената, заставили его на нѣкоторое время наполовину переселиться въ Петербургъ. Съ другой стороны, будучи гласнымъ Московской Городской Думы (отъ которой онъ и избирался въ Губернское Земское Собраніе) и предсѣдателемъ двухъ думскихъ комиссій, обремененныхъ весьма сложной работой, С. А. долженъ былъ значительную часть того времени, которое онъ проводилъ въ Москвѣ, отдавать городскимъ дѣламъ. Все это не позволяло ему удѣлять земской работѣ столько же времени, какъ раньше, и нѣсколько отдалило его отъ центра земскаго движенія въ то самое время, когда оно начиналось. С. А. не принималъ участія въ съѣздѣ 1902 года и не вошелъ поэтому въ составъ организаціоннаго бюро, подготовившаго ноябрьскій съѣздъ 1904 года. Его имени также нѣтъ въ первоначальномъ спискѣ членовъ ноябрьскаго съѣзда. Въ объясненіе этого нужно замѣтить слѣдующее. Ноябрьскій съѣздъ, согласно постановленію создавшаго земское организаціонное бюро съѣзда 1902 г., составился: 1) изъ выборныхъ предсѣдателей губернскихъ управъ; 2) изъ членовъ бюро; 3) изъ земскихъ гласныхъ, участвовавшихъ въ предыдущемъ съѣздѣ; 4) изъ земцевъ, приглашенныхъ организаціоннымъ бюро. С. А. могъ войти лишь въ послѣднюю категорію. Но когда бюро, пользуясь предоставленнымъ ему правомъ, дополняло списокъ членовъ съѣзда 1902 года новыми лицами, между прочимъ имѣлось въ виду по возможности соблюсти рав-

номѣрность представительства по губерніямъ. Это обязывало московскихъ членовъ бюро къ крайней сдержанности въ предложеніи новыхъ членовъ-москвичей, ибо, вслѣдствіе включенія въ составъ бюро и съѣзда всей московской губернской управы, московская губернія и безъ того была представлена гораздо сильнѣе, чѣмъ остальныя. Увеличивать же значительно общее число участниковъ съѣзда при тогдашнихъ условіяхъ не представлялось возможнымъ. Къ тому же С. А. Муромцева въ то время не было въ Москвѣ, и члены бюро не могли знать съ полной увѣренностью, какъ онъ отнесется къ идеѣ съѣзда, будущая физіономія котораго представлялась имъ самимъ еще не вполнѣ опредѣленной. Нѣкоторые не ожидали отъ большинства съѣзда того твердаго и опредѣленнаго отношенія къ конституціонному вопросу, которое оно обнаружило, и опасались компромисныхъ рѣшеній.

Въ день открытія съѣзда, 6 ноября, послѣ засѣданія, Д. Н. Шиповъ и другіе члены съѣзда встрѣтили С. А. Муромцева въ „Европейской гостинницѣ“ и обмѣнялись съ нимъ мыслями по поводу съѣзда. Въ тотъ же день вечеромъ бюро единогласно рѣшило пригласить С. А. въ составъ съѣзда. Онъ принялъ участіе въ трехъ послѣдующихъ засѣданіяхъ и подписалъ извѣстные 11 пунктовъ.

Въ настоящее время, когда при всемъ несоотвѣтствіи русской жизни конституціоннымъ началамъ формальное признаніе ихъ сдѣлалось совершившимся фактомъ, а, съ другой стороны, отъ начальнаго момента открытаго освободительнаго движенія насъ отдѣляетъ періодъ острой борьбы, широкихъ надеждъ и тяжелыхъ разочарованій, лицамъ, не участвовавшимъ въ земскомъ съѣздѣ 1904 года, трудно представить себѣ то проникнутое высокимъ подъемомъ, „возвышающееся чуть не до благоговѣйнаго восторга“ (какъ его характеризовалъ потомъ С. А.) и въ то же время торжественно-сосредоточенное настроеніе, которое царило въ собраніи, впервые послѣ долгаго безмолвія развернувшемъ передъ страной знамя политической свободы. Это настроеніе оставило неизгладимый и свѣтлый слѣдъ даже въ памяти тѣхъ членовъ съѣзда, которые не согласились съ постановленіями его большинства. Тѣмъ болѣе оно должно было захватить людей, для которыхъ, какъ для С. А. Муромцева, рѣшенія съѣзда были началомъ осуществленія завѣтной мысли всей жизни. Насколько глубоко было впечатлѣніе, произведенное ноябрьскимъ съѣздомъ на

С. А., видно изъ того, что въ одномъ позднѣйшемъ документѣ полуофиціальнаго характера, о которомъ подробнѣе будетъ сказано ниже, именно въ письменномъ отвѣтѣ сенатору Постовскому, С. А., говоря объ этомъ съѣздѣ, отступаетъ отъ своей обычной сдержанности въ выраженіи личныхъ чувствъ. „Не могу передать съ достаточной силой, — пишетъ онъ, — того торжественнаго и свѣтлаго настроенія, которое царило въ средѣ собравшихся. Импонирующій обликъ собранія, состоявшаго въ значительной своей части изъ людей уже пожилого возраста, съ вѣсомъ и положеніемъ въ обществѣ, выдающійся внѣшній порядокъ и стройность рѣчей, хотя и горячихъ, но всегда сохранявшихъ полное достоинство и чуждыхъ всего рѣзкаго, вообще въ высшей степени серьезное отношеніе къ предмету обсужденія, сознаніе огромной государственной важности возбужденнаго вопроса, признаніе того, что желательная реформа при всемъ своемъ коренномъ значеніи должна быть произведена не иначе, какъ при непремѣнномъ и живомъ участіи самой власти (что и выразилось въ формулировкѣ 11 пункта постановленій, потребовавшаго для своего обсужденія почти цѣлаго дня 8 ноября),—все это изобличало въ участникахъ общеземскаго съѣзда общественныхъ работниковъ, прошедшихъ практическую школу земской дѣятельности и умѣющихъ сочетать интересы индивидуальной и общественной свободы съ государственнымъ значеніемъ предпринятаго ими дѣла. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что общеземскій съѣздъ 6—9 ноября составилъ крупное историческое событіе, которое не изгладится со страницъ русской исторіи“.

Оцѣнивъ сразу значеніе съѣздовъ, С. А. былъ съ самаго начала озабоченъ тѣмъ, чтобы оно было правильно понято, какъ самими участниками земскаго движенія, такъ и другими общественными кругами. Эта забота ясно обнаружилась въ его выступленіи на ноябрьскомъ съѣздѣ при обсужденіи вышеупомянутаго 11-го пункта тезисовъ, который въ окончательной редакціи выражалъ надежду, что „въ виду важности и трудности внутренняго и внѣшняго состоянія, переживаемаго Россіей, Верховная Власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа“. Этотъ пунктъ, помѣщенный послѣ 10-го, въ которомъ большинство и меньшинство съѣзда

высказали по вопросу о правахъ будущаго народнаго представительства различныя мнѣнія, имѣлъ для съѣзда особое и весьма важное значеніе. Онъ объединялъ два только что столкнувшіяся между собой теченія въ одномъ общемъ имъ обоимъ пожеланіи. Бюро, предвидя расколъ по 10-му пункту, заранѣе заготовило проектъ этого заключительнаго заявленія, но первоначальная редакція его была неудачна.

Его выраженія можно было истолковать (хотя этого и не имѣли въ виду составители) въ томъ смыслѣ, что съѣздъ выражаетъ лишь личныя мнѣнія случайной по своему составу группы и что общественное мнѣніе по вопросу о конституціи не можетъ опредѣлиться до созыва народнаго представительства. С. А. одинъ изъ первыхъ рѣшительно возсталъ противъ этой редакціи, указавъ, что „не слѣдуетъ умалять значеніе совѣщанія“, которое „стремится посильно выразить настроеніе земской среды“ и относительно состава котораго уже одно присутствіе предсѣдателей губернскихъ управъ „даетъ основаніе исключать всякое понятіе случайности“. На другой день съѣзду была представлена новая редакція, вызвавшая однако иныя возраженія, и только уже во время самыхъ преній нѣсколькимъ членамъ бюро удалось составить текстъ 11-го пункта, встрѣченный рукоплесканіями и удовлетворившій почти всѣхъ (онъ былъ принятъ 101 голосомъ противъ 2).

Ноябрьскій съѣздъ показалъ С. А. Муромцеву то русло освободительнаго теченія, которое болѣе всего соотвѣтствовало его убѣжденіямъ и настроенію и въ которомъ дѣятельность его могла бы быть наиболѣе широкой и плодотворной. Поднявшееся вслѣдъ затѣмъ аналогичное движеніе въ близкихъ земству по духу кругахъ, съ которыми С. А. былъ связанъ своей предшествовавшей общественной работой, потребовало также его дѣятельнаго участія. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ при подготовкѣ политическаго заявленія Московской Городской Думы 30 ноября 1904 года, которое въ свое время произвело огромное впечатлѣніе на бюрократію, считавшую до того времени московское городское населеніе однимъ изъ самыхъ прочныхъ оплотовъ стараго порядка. С. А. оказалъ едва ли не рѣшающее вліяніе на конституціонныя постановленія въ ноябрѣ 1904 года московскаго и петербургскаго совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, явившихся затѣмъ въ полномъ составѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ, кн. Святополкъ-Мирскому, съ цѣлью поддержки требованій земцевъ.

Позднѣе, уже послѣ рескрипта 18 февраля 1905 года, мы видимъ его въ составѣ депутаціи Московской Городской Думы, представившей министру внутреннихъ дѣлъ Булыгину ходатайство о томъ, чтобы въ составъ особаго совѣщанія, предусмотрѣннаго рескриптомъ, были включены выборные отъ Московской Городской Думы и чтобы занятія совѣщанія были гласными и подлежали свободному обсужденію въ печати. Но главнымъ поприщемъ общественно-политической дѣятельности С. А. Муромцева вплоть до конца 1905 года были земскіе съѣзды, съ іюля превратившіеся въ земско-городскіе.

Въ составъ слѣдовавшаго за ноябрьскимъ апрѣльскаго съѣзда онъ вошелъ уже въ качествѣ выборнаго представителя Московскаго Губернскаго Земства.

Ноябрьскій съѣздъ, какъ мы видѣли, не былъ выборнымъ въ строгомъ смыслѣ слова, т.-е. не былъ избранъ *ad hoc*, но подавляющее большинство его, согласно предложенію организаціоннаго бюро, признало необходимымъ придать будущимъ съѣздамъ характеръ выборнаго представительства всей земской Россіи. Соотвѣтственно этому было постановлено, что съѣзды въ будущемъ должны состоять: 1) изъ всѣхъ выборныхъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ; 2) изъ губернскихъ делегатовъ, въ количествѣ 4-хъ отъ каждой губерніи, избранныхъ изъ своей среды губернскими земскими собраніями, или—если бы произвести такіе выборы въ засѣданіяхъ земскихъ собраній оказалось невозможнымъ вслѣдствіе препятствій со стороны администраціи — то избранныхъ въ частныхъ совѣщаніяхъ губернскихъ гласныхъ. На эти совѣщанія, созывъ которыхъ былъ возложенъ на членовъ ноябрьскаго съѣзда, должны были быть приглашаемы всѣ безъ исключенія гласные даннаго губернскаго собранія, но „уклоненіе какого бы то ни было числа ихъ отъ участія въ совѣщаніи“ не считалось препятствіемъ къ производству выборовъ. Такимъ порядкомъ и былъ избранъ слѣдующій съѣздъ, собравшійся въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1905 года. На немъ въ свою очередь было переизбрано организаціонное бюро.

Изъ сказаннаго видно, насколько были безосновательны раздающіяся понынѣ изъ реакціоннаго лагеря обвиненія устроителей съѣздовъ въ искусственномъ, партійномъ подборѣ ихъ состава. Къ участію въ выборахъ членовъ съѣзда приглашались земцы всѣхъ направленій, и если во многихъ губерніяхъ лица консерва-

тивныхъ убѣжденій, уклонившись отъ участія въ избирательныхъ совѣщаніяхъ, упустили возможность усилить правое крыло съѣздовъ, то обвинять въ этомъ они могли лишь самихъ себя. Предъ моими глазами лежитъ въ настоящую минуту документъ, рисующій картину выборовъ въ земскіе съѣзды отъ Московской губерніи, однимъ изъ представителей которой на съѣздахъ былъ С. А. Муромцевъ. Это—подробный протоколъ частнаго совѣщанія московскихъ губернскихъ гласныхъ, происходившаго 8 апрѣля 1905 года подъ предсѣдательствомъ С. А.

Изъ названнаго протокола видно, что на совѣщаніе были приглашены не только гласные въ тѣсномъ смыслѣ слова и предсѣдатели уѣздныхъ управъ, но и предводители дворянства (изъ которыхъ однако прибылъ, если не ошибаюсь, одинъ кн. П. Д. Долгоруковъ). Собралось 37 членовъ Московскаго Губернскаго Земскаго Собранія. 22 лица прислали мотивированный отказъ отъ участія въ совѣщаніи. Собравшіеся, обсудивъ политическія программы большинства и меньшинства ноябрьскаго съѣзда, одобривъ большинствомъ 36 голосовъ противъ 1 конституціонную программу, произвели выборы. Нужно замѣтить однако, что консервативная часть земскихъ собраній не вездѣ уклонилась отъ участія въ выборахъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ правые земцы уже тогда оцѣнили огромное политическое значеніе съѣздовъ и явились на совѣщанія. Кое-гдѣ они одержали побѣду и провели своихъ кандидатовъ. Поэтому среди членовъ съѣзда мы видимъ не только будущихъ октябристовъ гучковскаго типа, но и крайнихъ правыхъ, какъ, напримѣръ, кн. Касаткина-Ростовскаго и Говоруху-Отрока отъ Курской губерніи. Они встрѣчали со стороны большинства безукоризненно-корректное отношеніе и имѣли полную возможность высказать свои убѣжденія. Конечно, они были въ меньшинствѣ и при тогдашнемъ составѣ и настроеніи земскихъ собраній не могли бы получить преобладанія даже въ случаѣ повсемѣстнаго участія въ выборахъ. Но въ такомъ положеніи можетъ оказаться въ представительномъ собраніи всякая партія, и фактъ преобладанія противной партіи, разумѣется, не даетъ ей права признавать и самое собраніе партійнымъ.

Участіе С. А. въ апрѣльскомъ съѣздѣ выразилось прежде всего въ его заботѣ о сохраненіи преемственной связи между этимъ съѣздомъ и предыдущимъ и о закрѣпленіи результатовъ работы послѣдняго. Апрѣльскій съѣздъ, считая основной вопросъ о кон-

ституціи разрѣшеннымъ въ ноябрѣ, уже не возвращался къ нему, а перешелъ къ обсужденію основъ организаціи народнаго представительства. Но такъ какъ въ 10-мъ пунктѣ ноябрьскихъ тезисовъ рядомъ съ мнѣніемъ конституціоннаго большинства было помѣщено и мнѣніе меньшинства, а съ другой стороны, составъ съѣзда былъ обновленъ путемъ выборомъ, то отношеніе съѣзда къ вопросу, вызвавшему расколъ въ ноябрѣ, могло остаться не вполнѣ выясненнымъ для широкихъ слоевъ общества. Въ виду этого, по предложенію С. А., съѣздомъ была принята (единогласно) слѣдующая вступительная формула ко всѣмъ его постановленіямъ: „Совѣщаніе земскихъ дѣятелей 22—26 апрѣля 1905 г., продолжая работу совѣщанія 6—9 ноября 1904 г. на основаніи установленныхъ имъ началъ и въ твердомъ убѣжденіи, что лишь *правильное участіе народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственнаго бюджета и въ контролѣ надъ закономѣрностью администраціи* [1]) можетъ не только создать правовой порядокъ, но и облегчить успѣшное проведеніе мѣропріятій, настоятельно необходимыхъ для народнаго благосостоянія,—пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ“.

С. А. участвовалъ также въ апрѣлѣ въ обсужденіи организаціи народнаго представительства. Всецѣло примыкая къ требованію всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, онъ обратилъ вниманіе на необходимыя для его правильнаго дѣйствія гарантіи, заключающіяся: 1) въ раздѣленіи избирательныхъ округовъ на достаточное число избирательныхъ участковъ; 2) въ предварительной заявкѣ кандидатовъ; 3) въ свободѣ предвыборной агитаціи; 4) въ надлежащемъ составѣ непосредственно завѣдующихъ выборами участковыхъ бюро. Наилучшимъ контингентомъ для этихъ послѣднихъ являлись бы, по его мнѣнію, земскіе гласные, учителя, чины судебнаго вѣдомства и мировые судьи, возстановленіе которыхъ онъ считалъ одной изъ мѣръ, подлежащихъ немедленному осуществленію. Далѣе, С. А. выступилъ въ защиту двухпалатной системы, указавъ ея противникамъ, что центръ тяжести вопроса заключается не въ сдерживающемъ значеніи верхней палаты относительно нижней, а въ вытекающемъ изъ согласнаго дѣйствія ихъ обѣихъ усиленіи парламента по отношенію къ правительству.

---

[1]) Напечатанныя курсивомъ слова повторяютъ формулировку конституціоннаго принципа, принятую большинствомъ ноябрьскаго съѣзда.

Въ частности, въ Россіи было бы весьма важно усиленіе голоса непосредственныхъ народныхъ избранниковъ голосомъ представителей издавна заявившихъ себя съ культурной стороны органовъ мѣстнаго самоуправленія. Своевременное выставленіе проекта выборной верхней палаты имѣло съ его точки зрѣнія особое практическое значеніе потому, что въ случаѣ октроированія конституціи въ правительственныхъ сферахъ неизбѣжно должна всплыть мысль о противопоставленіи народному представительству назначенной второй палаты и что даже при формальномъ проведеніи однопалатной системы такая палата легко можетъ образоваться фактически въ видѣ бюрократическаго тайнаго совѣта. Время показало дальновидность соображеній С. А. Мы дѣйствительно получили верхнюю палату, хотя о ней и не было упомянуто въ манифестѣ 17 октября, при чемъ она оказалась наполовину состоящей изъ назначенныхъ лицъ. Но отголоски земскихъ стремленій сказались все-таки въ введеніи въ Государственный Совѣтъ выборныхъ представителей губернскихъ земствъ. Нужно только прибавить, что неосуществленіе демократической реформы мѣстнаго самоуправленія и сословная реакція въ земствахъ лишили этихъ представителей того значенія, которое они должны были имѣть по мысли земскихъ съѣздовъ.

Въ журналахъ майскаго „коалиціоннаго“ съѣзда, обратившагося къ Монарху черезъ извѣстную іюньскую депутацію, мы не находимъ слѣдовъ участія С. А. Муромцева. Это обстоятельство едва ли является совершенно случайнымъ. Мнѣ не приходилось никогда въ бесѣдахъ съ С. А. касаться вопроса о его отношеніи къ этому съѣзду, но я позволю себѣ тѣмъ не менѣе высказать мое личное предположеніе по этому предмету. Если лица, имѣющія болѣе точныя свѣдѣнія, поправятъ меня, я буду весьма благодаренъ имъ. Мнѣ кажется, что С. А. не могъ не относиться къ майскому съѣзду нѣсколько холодно. Онъ придавалъ большое значеніе правильности состава съѣздовъ и, какъ мы видѣли, заботливо оберегалъ преемственность и устойчивость дѣятельности съѣздовъ. Между тѣмъ именно майскій съѣздъ представлялъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ временное уклоненіе отъ пути, по которому шли его предшественники. Онъ былъ созванъ экстренно телеграммами подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ цусимскаго разгрома. Случилось такъ, что одновременно съ нимъ въ Москвѣ должно было засѣдать особое совѣщаніе земцевъ, организованное Д. Н. Шиповымъ и другими

лицами, разошедшимися съ большинствомъ съѣздовъ въ ноябрѣ по конституціонному вопросу, а въ апрѣлѣ—по вопросу о прямыхъ выборахъ въ законодательное собраніе. Въ виду исключительности момента, чтобы избѣгнуть раздвоенія въ земской средѣ, рѣшено было на данный случай слить оба съѣзда воедино и сверхъ того пригласить къ участію въ совмѣстномъ обсужденіи положенія государства городскихъ головъ и губернскихъ предводителей дворянства. Такимъ образомъ, въ составъ майскаго съѣзда вошла масса новыхъ лицъ, внѣ правилъ, установленныхъ самими съѣздами, и притомъ, главнымъ образомъ, изъ среды тѣхъ земскихъ элементовъ, которые составили меньшинство на ноябрьскомъ съѣздѣ и почти не были представлены на апрѣльскомъ. Число новыхъ, такъ сказать, иррегулярныхъ членовъ съѣзда превышало число прежнихъ, получившихъ свои полномочія въ установленномъ порядкѣ. Это не могло не смущать С. А.; косвеннымъ подтвержденіемъ этому можетъ служить то обстоятельство, что въ состоявшемся по окончаніи коалиціоннаго съѣзда отдѣльномъ засѣданіи лицъ, регулярно избранныхъ губернскими совѣщаніями, при обсужденіи вопроса о расширеніи состава съѣздовъ, онъ, очевидно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ коалиціоннаго совѣщанія, выражалъ сомнѣнія въ своевременности измѣненія организаціи, установленной въ ноябрѣ, мотивируя это сомнѣніе опасеніями за устойчивость направленія съѣздовъ. Составъ майскаго съѣзда, дѣйствительно, отразился на его работѣ.

Стремленіе къ единодушному рѣшенію вынуждало къ компромису. Въ адресѣ, несмотря на его общій тонъ, прямой, рѣшительный и проникнутый глубокимъ подъемомъ національнаго чувства, не нашли себѣ вполнѣ опредѣленнаго выраженія конституціонныя начала. Съ другой стороны, умѣренные и консервативные члены „коалиціоннаго“ собранія, которымъ въ видахъ достиженія единодушія были сдѣланы уступки, въ послѣдній моментъ отказались подписать адресъ и войти въ составъ депутаціи. Въ результатѣ получилось положеніе, не лишенное значительныхъ трудностей. Депутація съѣзда, состоявшая цѣликомъ изъ конституціоналистовъ чистѣйшей воды, повезла въ Петербургъ адресъ, въ которомъ мнѣніе земцевъ о правахъ народнаго представительства не могло быть выяснено съ полной опредѣленностью, и ораторъ депутаціи кн. С. Н. Трубецкой, самъ непоколебимо убѣжденный и страстный сторонникъ конституціонныхъ началъ, былъ вынужденъ сказать

въ своей рѣчи, что депутація „не считаетъ себя уполномоченной говорить о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное представительство“. Пламенное краснорѣчіе кн. С. Н. Трубецкого сгладило эти шероховатости положенія и дало возможность русскому обществу оцѣнить внутреннее значеніе іюньской депутаціи, но извѣстная недосказанность при данныхъ условіяхъ была неизбѣжна, а С. А. Муромцевъ, для котораго точная и ясная формулировка правовыхъ началъ была всегда дѣломъ огромной важности, былъ способенъ, острѣе, чѣмъ кто-либо другой, почувствовать эту недосказанность.

IV.

Апрѣльскій съѣздъ при переизбраніи организаціонннаго бюро избралъ въ составъ его С. А. Муромцева. Приблизительно съ этого момента и начинается наиболѣе активная работа его для съѣздовъ. Уже давно онъ былъ занятъ мыслью воплотить конституціонныя стремленія русскаго общества въ законченной юридической формѣ, „врубить въ представленія русскаго общества надлежащій образъ россійской конституціи“, какъ выражался онъ самъ. Онъ думалъ также, что предъявленіе отъ имени авторитетной общественной организаціи готоваго проекта основного конституціоннаго закона при извѣстныхъ условіяхъ можетъ оказать существенное вліяніе на будущій конституціонный строй Россіи. Земскіе съѣзды какъ разъ и явились организаціей, наиболѣе соотвѣтствующей этому плану. Исходный пунктъ для задуманной С. А. работы былъ уже данъ въ видѣ проекта „Основного Государственнаго Закона Россійской Имперіи“, составленнаго въ октябрѣ 1904 года въ Москвѣ группою членовъ „Союза Освобожденія“ и напечатаннаго въ мартѣ 1905 года въ Парижѣ П. Б. Струве въ качествѣ изданія редакціи „Освобожденія“ (и позднѣе перепечатаннаго въ газетѣ „Право“ и въ сборникѣ „Конституціонное государство“). Основанія этого проекта были весьма близки къ тѣмъ, которыя были потомъ приняты апрѣльскимъ земскимъ съѣздомъ. С. А., одобряя эти основанія, не былъ однако вполнѣ удовлетворенъ редакціей проекта, группировкой матеріала, расположеніемъ частей, недостаточнымъ развитіемъ нѣкоторыхъ положеній и включеніемъ отдѣльныхъ постановленій, представлявшихся ему практически неосуществимыми въ ближайшемъ будущемъ. Съ его точки зрѣнія была необходима

переработка проекта и прежде всего въ духѣ: „а) строгой юридической формулировки положеній, б) разработки подробностей; и в) приближенія, не въ ущербъ смыслу, языка проекта къ языку, уже усвоенному русскимъ законодательствомъ“. Еще на Пасхѣ 1905 года С. А. приступилъ къ этой работѣ. Дальнѣйшій толчокъ къ ней былъ данъ апрѣльскимъ съѣздомъ, основныя положенія котораго по вопросу объ организаціи народнаго представительства совпали съ положеніями проекта, принятаго въ качествѣ главнаго матеріала. Къ участію въ работѣ въ качествѣ сотрудниковъ С. А. пригласилъ Н. Н. Щепкина, Н. Н. Львова и пишущаго эти строки, участвовавшаго также въ выработкѣ первоначальнаго проекта. Всѣ трое были, какъ и самъ С. А., членами земскаго организаціоннаго бюро. Съ наступленіемъ лѣта С. А. переселился на принадлежащую ему дачу въ Царицынѣ, стоявшую особнякомъ отъ прочихъ дачъ въ тѣнистомъ саду. На этой дачѣ, наверху, въ „классной“ комнатѣ дѣтей С. А., увѣшанной по стѣнамъ географическими картами, происходили наши совмѣстныя засѣданія, о которыхъ вспоминалъ Н. Н. Щепкинъ на могилѣ Сергѣя Андреевича.

Я жилъ тогда самъ въ Царицынѣ, Н. Н. Львовъ нѣкоторое время гостилъ у С. А., Н. Н. Щепкинъ пріѣзжалъ къ нему изъ Москвы и иногда оставался ночевать. Занятія, начинавшіяся днемъ, продолжались порой и въ теченіе всей ночи до разсвѣта.

Главное измѣненіе, внесенное въ московскій проектъ 1904 г., заключалось въ томъ, что, по настоянію С. А., обычный въ конституціонныхъ актахъ отдѣлъ, посвященный опредѣленію юридическаго положенія и исчисленію прерогативъ монарха, былъ исключенъ, а съ другой стороны, во главѣ проекта былъ поставленъ новый отдѣлъ „О законахъ“, провозглашавшій принципъ верховенства закона и установлявшій гарантіи этого верховенства. Изъ постановленій этого отдѣла, а также отдѣла, касавшагося правъ народнаго представительства, вытекало само собой и новое правовое положеніе монарха. Исключенъ былъ и отдѣлъ первоначальнаго проекта, вводившій верховный конституціонный судъ, учрежденіе котораго представлялось С. А. практически неосуществимымъ въ современной Россіи. Но взамѣнъ того было установлено положеніе, по которому судебныя установленія должны были „отказывать въ примѣненіи законодательныхъ постановленій, хотя бы и обнародованныхъ въ видѣ законовъ, когда таковыя

постановленія нарушаютъ своимъ содержаніемъ точный смыслъ освовного закона".

Весь проектъ, сохраняя, насколько это было возможно, терминологію и систему дѣйствовавшаго законодательства, былъ составленъ такъ, что при переходѣ къ конституціонному строю могъ бы быть включенъ въ Сводъ Законовъ въ замѣну статей 47—81 первой части перваго тома. С. А., предвидя, что наша конституція будетъ октроированной, полагалъ, что такая редакція проекта въ рѣшительный моментъ облегчитъ его законодательное осуществленіе. Нельзя не упомянуть, что именно этотъ характеръ проекта вызвалъ потомъ принципіальныя возраженія со стороны одного изъ самыхъ выдающихся членовъ земскихъ съѣздовъ, отдававшаго предпочтеніе первоначальному проекту, обособленному отъ дѣйствовавшаго законодательства. Здѣсь не мѣсто входить въ существо этого спора, въ которомъ обѣ стороны выдвигали вѣскіе доводы. Замѣчу лишь одно: хотя дѣйствующіе нынѣ Основные Законы, по образцу многихъ западныхъ конституцій и въ отличіе отъ проекта С. А., содержатъ перечисленіе правъ монарха, но они отнюдь не выигрываютъ отъ этого въ отношеніи послѣдовательности проведенія конституціонныхъ началъ. Упомянутое перечисленіе, съ одной стороны, въ нѣкоторыхъ пунктахъ не только не способствуетъ точному разграниченію компетенціи законодательной и правительственной власти, а, напротивъ, затемняетъ разграничительную черту, какъ это, напр. недавно обнаружилось по вопросу о военномъ законодательствѣ; съ другой стороны, существенно съуживаетъ компетенцію законодательства сравнительно съ его нормальнымъ объемомъ.

На ряду съ измѣненіемъ общей системы были переработаны отдѣльныя статьи первоначальнаго проекта. Нѣкоторыя важныя положенія, страдавшія чрезмѣрной краткостью и неполнотой, получили подробное развитіе. Особенно тщательно разработалъ С. А. постановленія о порядкѣ занятій Государственной Думы, а также объ участіи ея въ заключеніи международныхъ договоровъ и въ финансовомъ управленіи. Наконецъ, были введены новыя статьи о разрѣшеніи разногласій между палатами путемъ обращенія къ избирателямъ и совмѣстнаго засѣданія и голосованія обновленной нижней палаты съ верхней. При этомъ члены первой, благодаря ихъ большей численности, получали перевѣсъ. Если память мнѣ не измѣняетъ, иниціаторомъ этого постановленія былъ

Н. Н. Щепкинъ. Стиль проекта былъ приближенъ къ языку Свода Законовъ, но въ то же время усовершенствованъ въ смыслѣ юридической точности. Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести въ качествѣ образчика мастерства С. А. въ дѣлѣ законодательной техники замѣчательное по сжатости, точности и изяществу опредѣленіе парламента, не встрѣчающееся, сколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ конституціонномъ актѣ. Это статья 36 проекта, гласящая: *„Государственная Дума образуется собраніями довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія лицъ, призываемыхъ симъ избраніемъ къ участію въ осуществленіи законодательной власти и въ дѣлахъ высшаго государственнаго управленія“*. Здѣсь отдѣльныя слова, въ большинствѣ, взяты частью изъ рескрипта 18 февраля, частью изъ постановленій земскихъ съѣздовъ, но, благодаря удачной комбинаціи ихъ съ дополненіями составителя, въ вышеприведенныхъ немногихъ строкахъ заключается цѣлая конституціонная теорія.

Къ проектированному тексту конституціи, по примѣру освобожденческаго проекта 1904 года, былъ приложенъ проектъ избирательнаго закона, основаннаго на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и закрытаго голосованія.

30 іюня проектъ былъ совершенно законченъ. 6 іюля, въ день открытія іюльскаго земско-городского съѣзда, онъ былъ напечатанъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* и розданъ собравшимся представителямъ земствъ и городовъ. О разсмотрѣніи его на съѣздѣ будетъ сказано ниже въ связи съ дѣятельностью этого послѣдняго вообще, а теперь, въ интересахъ внутренней цѣльности изложенія нѣсколько нарушая его хронологическую послѣдовательность, я коснусь того практическаго значенія, которое имѣлъ проектъ С. А. Муромцева въ нашей политической жизни. Одобренный принципіально съѣздомъ, напечатанный въ распространенной газетѣ и сверхъ того разосланный по постановленію съѣзда мѣстнымъ общественнымъ учрежденіямъ съ просьбой образовать для обсужденія его мѣстныя совѣщанія и сообщить бюро заключенія этихъ послѣднихъ, онъ, несомнѣнно, значительно способствовалъ усиленію интереса къ конституціонныхъ вопросамъ и уясненію структуры конституціоннаго государства. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, отзывы и замѣчанія на проектъ, поступившіе съ мѣстъ въ бюро.

Указаннымъ воздѣйствіемъ на общество не исчерпывалась однако

цѣль, которую съ самаго начала поставилъ для своего труда С. А. Признавая въ высшей степени важнымъ имѣть готовый, тщательно разработанный проектъ конституціи, „который можно было бы въ каждый данный моментъ предъявить взамѣнъ выдвигаемыхъ правительствомъ законодательныхъ предположеній“ [1]), онъ разсчитывалъ повліять и на наше будущее законодательство. Эта цѣль была отчасти достигнута, хотя далеко не въ томъ объемѣ, въ какомъ это представлялось бы желательнымъ. Въ этомъ частичномъ воздѣйствіи проекта на позднѣйшіе законодательные акты сыграли большую роль личный авторитетъ и вліяніе С. А. Муромцева. При общемъ отрицательномъ отношеніи правительства къ съѣздамъ, въ которыхъ, повидимому, усматривалось лишь одно изъ проявленій „смуты“, въ рядахъ высшей петербургской бюрократіи были однако отдѣльныя лица, которыя понимали неотразимую необходимость государственнаго обновленія и были способны оцѣнить съ этой точки зрѣнія значеніе земскихъ съѣздовъ, хотя и имъ мѣшала своевременно произвести такую оцѣнку господствовавшая въ оффиціальномъ Петербургѣ поразительная неосвѣдомленность о происходившемъ въ Россіи общественномъ движеніи. Къ числу такихъ лицъ, возвышавшихся надъ общимъ уровнемъ бюрократической среды, принадлежалъ покойный гр. Д. М. Сольскій, который въ 1905 году предсѣдательствовалъ въ особомъ совѣщаніи, пересматривавшемъ булыгинскій проектъ Думы и вырабатывавшемъ дополнительныя къ нему узаконенія. Познакомившись ближе съ характеромъ земскаго движенія черезъ директора петербургскаго лицея А. П. Саломона, который въ свою очередь, будучи проѣздомъ въ Москвѣ, имѣлъ по этому предмету бесѣду съ С. А. Муромцевымъ, произведшую на него сильное впечатлѣніе, гр. Сольскій чрезвычайно заинтересовался дѣятельностью съѣздовъ и пожелалъ вступить въ личныя сношенія съ С. А. Въ первыхъ числахъ іюля состоялась первая ихъ бесѣда. С. А. обрисовалъ Сольскому характеръ и задачи земскаго движенія и познакомилъ его съ выработаннымъ для іюльскаго съѣзда проектомъ конституціи. Это свиданіе не могло оказать существеннаго вліянія на предстоявшіе непосредственно законодательные акты 6 августа, такъ какъ порученная Сольскому работа была въ то время уже

---

[1]) Докладъ членовъ съѣздовъ отъ Московской губерніи Московскому Губернскому Земскому Собранію очередной сессіи 1905 г., стр. 4.

совершенно закончена. Къ тому же гр. Сольскій, какъ отмѣчено въ оставленныхъ С. А. Муромцевымъ замѣткахъ, „стоя по образу мыслей на высотѣ положенія“, не обладалъ ни достаточнымъ вліяніемъ, ни достаточной рѣшительностью характера, чтобы побудить правительство пойти навстрѣчу земскому движенію. Но есть основаніе думать, что отношенія, завязавшіяся между нимъ и С. А., способствовали болѣе правильной оцѣнкѣ земскихъ съѣздовъ въ правительственныхъ кругахъ и, въ частности, возбудили въ этихъ послѣднихъ интересъ, какъ къ проекту конституціи, такъ и къ позднѣйшимъ трудамъ С. А. Муромцева для съѣздовъ (именно къ проектамъ законовъ о свободахъ, представленнымъ послѣднему земскому съѣзду и сообщеннымъ графу Витте). Проектъ конституціи, въ концѣ-концовъ, оказалъ несомнѣнное вліяніе на дѣйствующіе нынѣ Основные Законы, хотя, къ сожалѣнію, болѣе со стороны редакціи ихъ отдѣльныхъ частей, чѣмъ въ главной ихъ сущности. Можно съ большой степенью вѣроятія предположить, что это вліяніе было бы гораздо сильнѣе, если бы наша конституція была октроирована еще въ 1905 году, одновременно съ манифестомъ 17 октября или вскорѣ послѣ него. Но акты 20 февраля 1906 г., установившіе важнѣйшія положенія дѣйствующаго у насъ государственнаго права, и актъ 23 апрѣля 1906 г., развившій и дополнившій эти положенія въ формѣ конституціонной хартіи, состоялись уже при иной обстановкѣ, когда правительство гораздо менѣе считалось съ требованіями общественнаго мнѣнія. Однако ясные слѣды вліянія проекта С. А. Муромцева (а черезъ него и можетъ быть даже отчасти наряду съ нимъ освобожденческаго проекта 1904 года) сказываются всетаки въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ постановленій дѣйствующихъ Основныхъ Законовъ, въ особенности въ главѣ восьмой „О правахъ и обязанностяхъ россійскихъ подданныхъ“ и въ главѣ девятой „О законахъ“.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сличить, напримѣръ, статьи 69, 72—76, 78—80, 82, 83, 85, 89, 91—94 Основныхъ Законовъ съ статьями 15, 19, 20, 23, 25, 26, 30, 28, 31, 32, 34, 35, 10, 3, 6, 7, 9 и 11 проекта С. А. Муромцева (а также статьи 69, 72—76, 78—80 и 83 Основныхъ Законовъ со статьями 2, 10, 7, 12, 9, 16, 14, 17 и 22 московскаго проекта 1904 года).

Слѣдуетъ лишь замѣтить, что составители Основныхъ Законовъ, воспроизводя общія конституціонныя положенія, которыя, являясь директивами для законодательства, нуждаются для своего

осуществленія въ жизни въ дополнительныхъ законахъ и безъ этихъ послѣднихъ имѣютъ только теоретическое значеніе, въ то же время отбрасывали тѣ статьи или части статей проекта, въ которыхъ содержались непосредственныя, прямыя гарантіи верховенства закона и правъ гражданской свободы. Редакція заимствуемыхъ постановленій нерѣдко видоизмѣнялась, почти всегда въ ущербъ точности, ясности и полнотѣ содержанія. Чтобы дать читателю понятіе о характерѣ заимствованія, я привожу ниже текстъ нѣкоторыхъ статей проекта С. А. Муромцева параллельно съ текстомъ Основныхъ Законовъ, отмѣчая курсивомъ мѣста, обнаруживающія существенныя различія.

Проектъ С. А. Муромцева.	**Основные Законы.**
6. Законы обнародуются во всеобщее свѣдѣніе правительствующимъ сенатомъ *посредствомъ напечатанія* въ установленномъ порядкѣ и прежде обнародованія въ дѣйствіе не приводятся.	91. Законы обнародываются во всеобщее свѣдѣніе Правительствующимъ Сенатомъ въ установленномъ порядкѣ и прежде обнародованія въ дѣйствіе не приводятся.
7. Законодательныя постановленія не подлежатъ обнародованію, если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ положеніямъ сего основного закона, *или когда таковыя постановленія нарушаютъ въ чемъ-либо точный смыслъ сего основного закона.*	92. Законодательныя постановленія не подлежатъ обнародованію, если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ положеніямъ сихъ Основныхъ Законовъ.
11. Законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ только силою закона.	94. Законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ только силою закона. *Посему, доколѣ новымъ закономъ положительно не отмѣненъ законъ существующій, онъ сохраняетъ полную силу закона* [1].

[1] Здѣсь составители дѣствующихъ Основныхъ Законовъ воспроизвели положеніе, содержавшееся въ статьѣ 72 старыхъ Основныхъ Законовъ въ переработкѣ С. А. Муромцева, но вмѣстѣ съ тѣмъ сочли нужнымъ присоединить къ новой редакціи и старый текстъ ст. 72, что было совершенно излишне.

14. *Нарушающее законы распоряженіе правительствующаго мѣста или лица не имѣетъ ни для кого обязательной силы. Не пріемлется ссылка должностного лица на то, что дѣйствіе его, нарушившее законъ или право отдѣльныхъ лицъ, совершено имъ по приказанію начальства.*

19. Никто не можетъ подлежать преслѣдованію иначе, какъ въ порядкѣ, закономъ опредѣленномъ.

20. Никто не можетъ быть задержанъ иначе, какъ по основаніямъ, опредѣленнымъ въ законѣ.

21. *Всякое задержанное лицо въ городахъ и другихъ мѣстахъ пребыванія судебной власти въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, а въ прочихъ мѣстностяхъ Имперіи не позднѣе какъ въ теченіе трехъ сутокъ со времени задержанія должно быть или освобождено, или представлено судебной власти, которая по немедленномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ задержанія или освобождаетъ задержаннаго, или постановляетъ, съ объясненіемъ основаній, о дальнѣйшемъ его задержаніи. Для отдаленныхъ сельскихъ мѣстностей, гдѣ соблюденіе вышеуказаннаго срока представится невозможнымъ, онъ можетъ быть продленъ особымъ закономъ.*

72. Никто не можетъ подлежать преслѣдованіе *за преступное дѣяніе* иначе, какъ въ порядкѣ, закономъ опредѣленномъ.

73. Никто не можетъ быть задержанъ *подъ стражей* иначе, какъ въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ.

22. *Каждый, кому станетъ извѣстно о задержаніи кого-либо другого, имѣетъ право заявить о томъ ближайшему судьѣ, который по такому заявленію изслѣдуетъ наличность законныхъ основаній къ задержанію или его продолженію.*

28. Каждый воленъ въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно *обнародовать* ихъ и распространять путемъ печати или иными способами.

29. *Никакая цензура не допускается.*

30. Всѣ россійскіе *граждане* вольны собираться *какъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, такъ и подъ открытымъ небомъ*, мирно и безъ оружія, *не испрашивая на то предварительнаго разрѣшенія.*

Условія предувѣдомленія мѣстныхъ властей о предстоящихъ собраніяхъ, присутствія сихъ властей на собраніяхъ и обязательнаго закрытія сихъ послѣднихъ, а также ограниченія мѣстъ для собраній *подъ открытымъ небомъ* опредѣляются *не иначе, какъ* закономъ.

31. Всѣ россійскіе *граждане* вольны составлять общества и союзы въ цѣляхъ, не противныхъ *уголовнымъ* законамъ, *не испрашивая на то предварительнаго разрѣшенія.*

79. Каждый можетъ въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять ихъ путемъ печати или иными способами.

78. Россійскіе *подданные* имѣютъ право устраивать собранія *въ цѣляхъ, не противныхъ законамъ,* мирно и безъ оружія. Закономъ опредѣляются *условія, при которыхъ могутъ происходить собранія, порядокъ ихъ закрытія,* а равно ограниченія мѣстъ для собраній.

80. Россійскіе подданные имѣютъ право образовывать общества и союзы въ цѣляхъ, не противныхъ законамъ. *Условія образованія* обществъ и союзовъ, *порядокъ ихъ дѣйствій,* условія

Условія освѣдомленія власти о составленіи обществъ и ихъ обязательнаго, въ случаяхъ нарушенія ими уголовнаго закона, закрытія опредѣляются *не иначе, какъ* закономъ.

32. Условія и порядокъ сообщенія обществамъ и союзамъ правъ юридическаго лица опредѣляются закономъ.

и порядокъ сообщенія имъ правъ юридическаго лица, равно какъ *порядокъ закрытія* обществъ и союзовъ опредѣляются закономъ.

Значительно слабѣе отразилось вліяніе проекта С. А. Муромцева на тѣхъ частяхъ дѣйствующаго законодательства, гдѣ опредѣляется организація законодательныхъ учрежденій и отношенія ихъ къ правительственной власти. Здѣсь составители существующихъ узаконеній, поскольку было невозможно пользоваться въ качествѣ матеріала нашимъ старымъ законодательствомъ, руководились образцами наименѣе совершенныхъ иностранныхъ конституцій, въ особенности японской. Но и тутъ можно указать редакціонныя позаимствованія изъ одобреннаго іюльскимъ съѣздомъ проекта. Важнѣйшимъ примѣромъ внѣшняго редакціоннаго сходства при различіи по существу могутъ служить слѣдующія статьи:

Проектъ С. А. Муромцева [1]**).**

100. Каждый министръ въ отдѣльности отвѣтствуетъ: 1) за свои личныя дѣйствія или распоряженія; 2) *за дѣйствія и распоряженія подчиненныхъ ему властей, основанныя на его указаніяхъ;* 3) *за скрѣпленные его подписью указы и иные акты Императора.*

Основные Законы.

123. Предсѣдатель Совѣта Министровъ, Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями отвѣтствуютъ *передъ Государемъ Императоромъ* за общій ходъ государственнаго управленія. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности отвѣтствуетъ за свои дѣйствія и распоряженія.

---

[1]) Приведенныя ниже статьи проекта, одобреннаго іюльскимъ съѣздомъ, воспроизводятъ съ нѣкоторыми (б. ч. лишь редакціонными) измѣненіями статьи 60, 61, 62 и 63 московскаго проекта 1904 года.

101. Государственный канцлеръ [1]) и прочіе министры въ совокупности отвѣтствуютъ *передъ палатами Государственной Думы* [2]) за общій ходъ государственнаго управленія.

102. За *совершонныя при отправленіи должности нарушенія законовъ или правъ гражданъ* министры подлежатъ гражданской и уголовной отвѣтственности.

За умышленныя нарушенія постановленій сего основного закона и за нанесеніе тяжкаго ущерба интересамъ государства превышеніемъ, бездѣйствіемъ или злоупотребленіемъ власти министры могутъ быть привлекаемы каждою изъ палатъ Государственной Думы къ отвѣтственности съ преданіемъ суду общаго собранія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената.

124. За *преступныя по должности дѣянія* Предсѣдатель Совѣта Министровъ, Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями подлежатъ гражданской и уголовной отвѣтственности *на основаніяхъ, въ законѣ опредѣленныхъ.*

Нѣтъ надобности говорить о томъ, что проекту С. А. Муромцева, какъ и его прототипу, были совершенно чужды тѣ ограниченія законодательной и бюджетной компетенціи Государственной Думы, которыя содержатся въ статьяхъ 14, 15, 18, 19, 21, 96, 97, 115—119 и особенно въ извѣстной ст. 87 Основныхъ Законовъ, а также въ правилахъ о государственной росписи 8 марта 1906 г.

---

[1]) Терминомъ „государственный канцлеръ" въ проектѣ, вслѣдъ за освобожденческой конституціей, обозначается глава кабинета, именуемый въ Основныхъ Законахъ „предсѣдателемъ совѣта министровъ".

[2]) Терминъ „Государственная Дума" въ проектѣ С. А., какъ и въ проектѣ, послужившемъ для него матеріаломъ, обозначаетъ обѣ палаты („палату народныхъ представителей" и „земскую") въ совокупности.

V.

Іюльскій съѣздъ, въ которомъ на ряду съ земскими дѣятелями приняли участіе и выборные представители городовъ, былъ созванъ при нѣсколько иной обстановкѣ, чѣмъ предшествующіе съѣзды. Политическое броженіе въ странѣ къ тому времени значительно усилилось и охватило широкіе слои населенія. Наряду съ земскимъ движеніемъ явственно обозначились другія болѣе крайнія общественныя теченія. Съ другой стороны, сдѣлавшіяся извѣстными основы булыгинскаго проекта подрывали въ земскихъ кругахъ явившуюся было подъ впечатлѣніемъ іюньской депутаціи надежду на соглашеніе съ правительствомъ. Впослѣдствіи, уже по окончаніи съѣзда, въ правящихъ кругахъ высказывалось удивленіе по поводу образа дѣйствій земцевъ, въ которомъ усматривалось неожиданное и непонятное уклоненіе съ того пути, на которомъ стоялъ майскій съѣздъ. Едва ли однако отвѣтственность за обнаружившееся въ іюлѣ обостреніе отношеній между правительствомъ и съѣздами могла быть въ какой-либо мѣрѣ возложена на участниковъ этихъ послѣднихъ. Напротивъ, изъ хода событій совершенно ясно, что въ бюрократическихъ сферахъ хорошо сознавали противорѣчіе правительственной политики надеждамъ, возникшимъ въ обществѣ подъ вліяніемъ іюньской депутаціи, и что именно поэтому предстоящій съѣздъ вызывалъ опасенія, шедшія, какъ мы увидимъ, чрезвычайно далеко. Иначе было бы совершенно необъяснимо то отношеніе правительства къ іюльскому съѣзду, которое обнаружилось задолго до его открытія. Положеніе предыдущихъ съѣздовъ въ смыслѣ офиціальнаго къ нимъ отношенія было неопредѣленное. Они не были разрѣшены, но фактически допускались. Апрѣльскій съѣздъ былъ даже запрещенъ, но тѣмъ не менѣе засѣдалъ безпрепятственно. Напротивъ, іюльскій съѣздъ состоялся вопреки не только формальному правительственному запрещенію, но и прямому противодѣйствію со стороны администраціи. Еще съ половины іюня, когда приготовленія къ съѣзду, производившіяся совершенно открыто, стали извѣстными правительству, московская администрація завязала съ предсѣдателемъ организаціоннаго бюро Ѳ. А. Головинымъ длинную переписку, сопровождавшуюся личными объясненіями. Представители администраціи указывали сначала, что съѣздъ не можетъ быть допущенъ безъ предварительнаго разрѣшенія, а затѣмъ,—что онъ не

можетъ быть и разрѣшенъ, равно какъ и засѣданія организаціоннаго бюро. Воспрещеніе съѣзда было офиціально объявлено и подтверждено распоряженіями губернаторовъ, обращенными къ земскимъ и городскимъ управамъ. Одинъ изъ губернаторовъ объявлялъ даже предстоящій съѣздъ стоящимъ „внѣ закона". Организаціонное бюро, съ своей стороны, циркулярно подтвердило разосланныя приглашенія и обратилось къ тогдашнему московскому генералъ-губернатору А. А. Козлову съ коллективнымъ письмомъ, въ которомъ, доводя до его свѣдѣнія, что „созывъ съѣзда ни въ какомъ случаѣ отмѣненъ быть не можетъ" и указывая, что „представители общества не могутъ не употреблять всѣ силы къ тому, чтобы вывести Россію мирнымъ путемъ изъ переживаемаго ею тяжелаго кризиса", просило ген. Козлова „не только какъ генералъ-губернатора, но и какъ русскаго" „принять въ соображеніе всѣ послѣдствія, къ которымъ приведетъ попытка силою воспрепятствовать собранію съѣзда". Несмотря на то, что при передачѣ письма А. А. Козловъ согласился съ доводами о невозможности отмѣны съѣзда, на слѣдующій день (какъ оказалось, безъ вѣдома генералъ-губернатора, по предписанію, полученному градоначальникомъ изъ Петербурга) на квартиру Ѳ. А. Головина, гдѣ засѣдало бюро, явился полицмейстеръ въ сопровожденіи участковаго пристава и потребовалъ прекращенія засѣданія. Бюро отвѣтило отказомъ, ссылаясь на указъ 18 февраля о правѣ петицій и на слова Государя, обращенныя къ іюньской депутаціи и призывавшія земскихъ и городскихъ дѣятелей содѣйствовать предначертаннымъ государственнымъ преобразованіямъ. Прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ полиція не рѣшилась, хотя, повидимому, на этотъ случай у дома стоялъ заготовленный нарядъ городовыхъ. Переговоры закончились составленіемъ протокола, къ которому бюро пріобщило письменный протестъ и послѣ котораго засѣданіе продолжалось. Аналогичная сцена въ болѣе крупныхъ размѣрахъ разыгралась на самомъ съѣздѣ въ день его открытія. Явившаяся въ домъ кн. Долгоруковыхъ полиція объявила распоряженіе градоначальника о распущеніи съѣзда и предложила присутствующимъ разойтись. Съѣздъ отказался подчиниться этому требованію, и дѣло ограничилось тѣмъ, что члены съѣзда, расходясь на время перерыва засѣданія, вручили дежурившему у входа полицейскому чину карточки и бумажки съ обозначеніемъ ихъ именъ и адресовъ.

Какъ выяснилось изъ предварительныхъ переговоровъ предсѣ-

дателя бюро съ московской администраціей и какъ это позднѣе было подтверждено сенаторомъ Постовскимъ, вышеописанныя попытки недопустить съѣзда стояли въ связи съ распространившимся въ бюрократическихъ сферахъ опасеніемъ, что съѣздъ провозгласитъ себя учредительнымъ собраніемъ и приступитъ къ организаціи временнаго правительства. Сообщеніе объ этомъ опасеніи на съѣздѣ было встрѣчено взрывомъ дружнаго смѣха. Дѣйствительно, помимо несоотвѣтствія этого предположенія общему направленію дѣятельности съѣздовъ, оно представлялось несообразнымъ и потому, что земцы никогда не переоцѣнивали своихъ силъ. При обсужденіи вопроса объ организаціи народнаго представительства всегда указывалось, что только собраніе, избранное всеобщимъ голосованіемъ, можетъ имѣть подъ собой въ Россіи вполнѣ твердую почву.

Послѣ исчерпанія инцидента съ полицейскимъ вмѣшательствомъ съѣздъ выслушалъ докладъ кн. С. Н. Трубецкого объ іюньской депутаціи и выразилъ благодарность этой послѣдней. Затѣмъ началось обсужденіе доклада бюро о булыгинскомъ проектѣ, закончившееся признаніемъ, что проектъ этотъ, не создающій народнаго представительства въ истинномъ смыслѣ этого слова, не можетъ вывести страну на путь правильнаго и мирнаго развитія на основахъ твердаго государственнаго правопорядка.

На другой день на разсмотрѣніе съѣзда былъ представленъ проектъ конституціи. С. А. Муромцевъ сопроводилъ это представленіе устнымъ докладомъ, въ которомъ онъ выяснилъ мотивы составленія проекта и его общій характеръ. Коснувшись его отдѣльныхъ частей, С. А. отмѣтилъ значеніе второй „земской“ палаты, какъ органа охраны мѣстныхъ интересовъ, и имѣя въ виду возбужденные уже тогда вопросы объ особыхъ нуждахъ окраинъ, высказалъ, что предварительнымъ условіемъ удовлетворенія этихъ потребностей является осуществленіе общей свободы. По поводу отдѣла проекта, касающагося „правъ россійскихъ гражданъ“, онъ предупредилъ, что соотвѣтствующія постановленія конституціи предполагаютъ въ качествѣ своего необходимаго дополненія рядъ законовъ, примѣняющихъ установленные принципы къ отдѣльнымъ видамъ гражданской свободы.

Обсужденіе проекта въ съѣздѣ встрѣчало одно существенное затрудненіе. Съѣздъ могъ засѣдать лишь нѣсколько дней и имѣлъ передъ собой другія неотложныя дѣла. Разсмотрѣть проектъ по

статьямъ при этихъ условіяхъ было немыслимо; разсмотрѣть же лишь часть проекта и отложить остальныя части до слѣдующаго съѣзда было бы, очевидно, крайне нецѣлесообразно. С. А. вывелъ собраніе изъ затрудненія, предложивъ, примѣнительно къ парламентской процедурѣ, обсудить и принять проектъ „въ первомъ чтеніи", т.-е. одобрить его лишь въ принципѣ. Такъ и было сдѣлано. Были и несогласные принципіально съ проектомъ, но подавляющимъ большинствомъ съѣзда онъ былъ принятъ „въ первомъ чтеніи". Съ особенно горячимъ сочувствіемъ къ проекту отнесся пользующійся европейской извѣстностью писатель-соціологъ Я. А. Новиковъ, бывшій членомъ съѣзда отъ Херсонскаго земства. По предложенію бюро, съѣздъ постановилъ разослать одобренный принципіально проектъ во всѣ земскія и городскія управы съ обращенной къ нимъ просьбой образовать для обсужденія его мѣстныя совѣщанія и сообщить бюро ихъ заключенія. Такимъ образомъ, съѣздъ, не ограничившись критикой булыгинскаго проекта, противопоставилъ ему проектъ, вышедшій изъ его собственной среды и имъ принципіально одобренный.

Другимъ важнымъ моментомъ іюльскаго съѣзда, въ которомъ С. А. Муромцевъ также сыгралъ выдающуюся роль, былъ вопросъ объ обращеніи къ народу. Возникновеніе такого вопроса логически вытекало изъ положенія съѣзда. Отношеніе къ съѣзду правительства закрывало для него тотъ путь воздѣйствія на жизнь, къ которымъ прибѣгали ноябрьскій и майскій съѣзды, путь обращенія къ власти. Положеніе іюльскаго съѣзда было сложно и съ другой стороны. Наряду съ нимъ складывались и другія общественныя организаціи. Изъ рядовъ болѣе лѣвыхъ общественныхъ группъ высказывались иногда совершенно неосновательныя обвиненія земцевъ въ стремленіи пріобрѣсти права только для себя, но не для всего народа. При такихъ условіяхъ явилась мысль широко распространить свѣдѣнія объ истинныхъ намѣреніяхъ земцевъ и постараться объединить населеніе въ общемъ стремленіи къ намѣченнымъ съѣздомъ реформамъ.

И. И. Петрункевичъ въ горячей рѣчи, произведшей глубокое впечатлѣніе и вызвавшей бурные аплодисменты, предложилъ опубликовать отъ имени съѣзда обращеніе къ населенію въ этомъ смыслѣ. Но многіе увидѣли и въ самой идеѣ обращенія, и въ намѣченномъ ораторомъ содержаніи его переходъ съѣздовъ къ новой тактикѣ, грозящей чрезвычайными осложненіями. Споръ по

этому предмету, возобновившийся вечеромъ въ засѣданіи бюро, принялъ весьма страстный характеръ и грозилъ расколомъ въ средѣ лицъ, до сихъ поръ дружно шедшихъ по одному пути. Этотъ расколъ былъ предотвращенъ выступленіемъ С. А. Муромцева. Высказавшись за самую идею обращенія, онъ выяснилъ, что возраженія противниковъ могутъ быть въ значительной мѣрѣ устранены путемъ измѣненія редакціи намѣченнаго текста. Эта мысль вызвала общее сочувствіе. Переработка „обращенія" была поручена С. А. Муромцеву и В. Д. Набокову, которые остались въ квартирѣ кн. Долгорукова и просидѣли надъ работой [1]) весь остатокъ ночи.

На слѣдующій день обращеніе въ новой редакціи было одобрено организаціоннымъ бюро и вслѣдъ затѣмъ доложено съѣзду С. А. Муромцевымъ, который, какъ значится въ протоколѣ, указалъ на необходимость „обобщить всѣ пожеланія о привлеченіи широкихъ массъ населенія къ работѣ по политическимъ вопросамъ и обратиться къ странѣ съ яснымъ и общедоступнымъ изложеніемъ постановленій земскихъ съѣздовъ, высказанныхъ ими же пожеланій и съ сообщеніемъ о мѣрахъ, принятыхъ для проведенія этихъ пожеланій въ жизнь". Обращеніе заканчивалось призывомъ къ объединенному и мирному содѣйствію обновленію государственнаго строя путемъ совмѣстнаго обсужденія связанныхъ съ нимъ вопросовъ на сходкахъ и собраніяхъ. Съѣздъ, признавъ большинствомъ противъ 5 голосовъ своевременность обращенія къ странѣ, единогласно одобрилъ предложенный текстъ, поручивъ лишь бюро при окончательномъ редактированіи принять во вниманіе частныя замѣчанія, высказанныя въ теченіе преній. Подлинникъ обращенія былъ затѣмъ подписанъ присутствовавшими представителями земствъ и городовъ въ количествѣ 123 лицъ. Опубликованіе его въ печати однако оказалось невозможнымъ. Своевременной разсылкѣ его на мѣста помѣшала выемка, произведенная послѣ съѣзда у одного изъ секретарей.

Отказъ іюльскаго съѣзда подчиниться распоряженію о его роспускѣ, критика правительственной политики и въ особенности обращеніе къ населенію вызвали новую тревогу въ бюрократи-

[1]) Подробный разсказъ объ этомъ эпизодѣ, а также живую и яркую характеристику обстановки іюльскаго съѣзда и участія въ немъ С. А. Муромцева читатель можетъ найти въ статьѣ В. Д. Набокова „Пять лѣтъ назадъ", помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ *Русской Мысли* 1910 года.

ческихъ сферахъ. Усиленію ея, между прочимъ, способствовалъ вечерній банкетъ, устроенный въ помѣщеніи московскаго „Литературно-Художественнаго Кружка“ съ цѣлью взаимнаго ознакомленія и сближенія московской интеллигенціи, съ одной стороны, и собравшихся съ различныхъ концовъ Россіи земскихъ и городскихъ дѣятелей, съ другой. Въ этомъ банкетѣ, на которомъ были произнесены рѣчи политическаго содержанія, былъ, повидимому усмотрѣнъ шагъ къ объединенію земцевъ съ крайними партіями.

Вскорѣ послѣ съѣзда на квартирахъ предсѣдателя бюро и одного изъ секретарей съѣзда былъ произведенъ обыскъ, закончившійся выемкой относящихся къ съѣзду бумагъ. Затѣмъ для разслѣдованія дѣятельности съѣздовъ вообще и іюльскаго въ частности былъ командированъ въ Москву по Высочайшему повелѣнію сенаторъ Постовскій, при которомъ въ качествѣ дѣлопроизводителя состоялъ Камышанскій. Постовскій вызывалъ къ себѣ по-очереди намѣченныхъ имъ членовъ съѣзда и предлагалъ имъ вопросы, на которые они давали устные, а затѣмъ, по его желанію, и письменные отвѣты [1]). Хотя предварительнаго сговора не было, но отвѣты, по крайней мѣрѣ тѣ, которые мнѣ пришлось видѣть (мы показывали потомъ другъ другу ихъ черновики) оказались въ основномъ содержаніи весьма сходными между собой. Какъ можно было заключить изъ словъ Постовскаго, дѣятельность іюльскаго съѣзда истолковывалась въ Петербургѣ, какъ вступленіе земцевъ на революціонный путь, казавшееся особенно неожиданнымъ послѣ іюньской депутаціи. Лицамъ, дававшимъ отвѣты, не стоило большого труда выяснить, что съѣзды, не исключая и іюльскаго, всегда проводили ясную разграничительную черту между монархомъ и бюрократіей, что, ведя мирную борьбу за осуществленіе конституціонныхъ началъ, они никогда не стремились къ ниспроверженію монархіи и что антагонизмъ, установившійся между ними и правительствомъ, не можетъ быть возложенъ на ихъ отвѣтственность.

---

[1]) Имъ было вызвано, насколько мнѣ извѣстно, всего 22 лица, а именно: К. К. Арсеньевъ, В. И. Вернадскій, гр. П. А. Гейденъ, М. Я. Герценштейнъ, Ѳ. А. Головинъ, В. М. Кашкаровъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, М. Г. Коммиссаровъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, С. М. Леонтьевъ, А. А. Мануиловъ, С. А. Муромцевъ, Ю. А. Новосильцевъ, Н. А. Оппель, И. И. Петрункевичъ, Т. И. Полнеръ, В. В. Пржевальскій, Н. В. Раевскій, В. А. Розенбергъ, кн. С. Н. Трубецкой, кн. Д. И. Шаховской и Н. Н. Щепкинъ.

С. А. Муромцевъ въ своемъ письменномъ заявленіи, со всей силою подчеркивалъ государственное значеніе съѣздовъ. Изложивъ вкратцѣ ихъ исторію, онъ указывалъ между прочимъ, что „въ земскихъ съѣздахъ нашла себѣ яркое выраженіе та струя русскаго освободительнаго движенія, которая съ горячимъ стремленіемъ къ освобожденію личности отъ многовѣковыхъ путъ властной опеки [1]) съумѣла сочетать заботу о вящшемъ утвержденіи въ странѣ авторитета государственной власти на началахъ законности и личной свободы“, что, „выросши на почвѣ земской практической дѣятельности, съѣзды составляютъ явленіе, возникшее не изъ искусственныхъ махинацій, но изъ коренныхъ потребностей жизни, потому вполнѣ жизнеспособное и устойчивое“, что участники ихъ „сознаютъ себя представителями земскаго строительства на почвѣ русской государственности и свободы“, и что „такое движеніе не можетъ быть погашено какими-либо полицейскими придирками или даже преслѣдованіями“, и что „дальнѣйшее повтореніе этихъ послѣднихъ способно лишь столкнуть съ прямого пути здоровое теченіе земской политической мысли и направить ее въ сторону такихъ перспективъ, о которыхъ нынѣ земскіе съѣзды не думаютъ и не хотѣли бы думать“. „Исторія учитъ“—такъ заканчивалъ С. А.,— что въ великія эпохи государственнаго переустройства, когда правительство опасается опирать свою политику на стремленія созидательныхъ элементовъ страны, центръ тяжести политическаго положенія какъ-то неизбѣжно перебрасывается изъ круговъ, называющихъ себя охранителями, прямо въ круги разрушенія и нѣтъ уже въ такомъ случаѣ пощады какимъ-либо „историческимъ основамъ“ государства и общества“.

Каково было содержаніе и судьба доклада Постовскаго, мнѣ неизвѣстно. Былъ слухъ, промелькнувшій, если не ошибаюсь, и въ печати, что докладъ былъ составленъ въ благопріятномъ для съѣздовъ духѣ. Во всякомъ случаѣ, будетъ долгомъ справедливости отмѣтить, что личное отношеніе нынѣ уже покойнаго сенатора къ участникамъ съѣзда было въ высшей степени корректное и, повидимому, совершенно чуждое предвзятаго враждебнаго взгляда на земское движеніе.

---

[1]) Тутъ и далѣе повторены Муромцевымъ послѣднія слова его знаменитой рѣчи, произнесенной отъ имени Московскаго Юридическаго Общества въ столѣтнюю годовщину дня рожденія Пушкина и повлекшей за собой закрытіе Общества См. Статьи и рѣчи, вып. I, стр. 28.

VI.

Изданіе закона 6 августа о совѣщательной Думѣ вызвало необходимость новаго съѣзда для обсужденія отношенія къ вновь созданному учрежденію. На этомъ съѣздѣ, происходившемъ въ половинѣ сентября, впервые появились представители неземскихъ губерній, избранные различными общественными организаціями (такъ, напримѣръ, въ Западномъ краѣ—сельскохозяйственными обществами). Отношеніе администраціи къ сентябрьскому съѣзду первоначально было столь же отрицательное, какъ къ іюльскому. Бюро, чтобы избѣжать посѣщеній полиціи, собиралось не въ Москвѣ, а на царицынской дачѣ С. А. Муромцева. Съ невольной улыбкой вспоминается, какъ люди, готовившіе открытое собраніе для гласнаго обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ осуществленіемъ правъ, офиціально предоставленныхъ населенію, по окончаніи засѣданія, таинственно расходились въ темную осеннюю ночь по переулкамъ Царицына, стараясь не привлекать къ себѣ вниманія мѣстныхъ властей и тѣмъ не помѣшать занятіямъ бюро. Одно изъ послѣднихъ засѣданій бюро было устроено въ Москвѣ на квартирѣ Н. Н. Баженова. На него не преминулъ явиться чинъ полиціи, который, впрочемъ, не пытался воспрепятствовать силой собранію, а лишь, сѣвъ у стола, присутствовалъ при обсужденіи программы занятій съѣзда. Передъ самымъ созывомъ съѣзда отношеніе къ нему въ офиціальныхъ сферахъ нѣсколько измѣнилось. Было ли это результатомъ доклада Постовскаго, или вліянія гр. Сольскаго, или общаго сознанія невозможности сдержать полицейскими мѣрами растущее общественное движеніе, я рѣшить не берусь. Возможно, что одновременно дѣйствовали всѣ упомянутыя причины. Во всякомъ случаѣ земскій съѣздъ былъ впервые офиціально допущенъ при условіи присутствія на немъ представителя администраціи. Затрудненія, встрѣченныя сначала московской печатью въ помѣщеніи отчетовъ о засѣданіяхъ съѣзда и вызвавшія протесты на этомъ послѣднемъ, были позднѣе устранены.

Главнымъ предметомъ занятій былъ вопросъ объ участіи въ выборахъ въ Думу 6 августа. Какъ извѣстно, нѣкоторыя общественныя группы рѣшили тогда бойкотировать совѣщательное представительство. Съѣздъ отнесся къ этому рѣшенію отрица-

тельно и, напротивъ, постановилъ призвать слои населенія, получившіе избирательныя права, къ дѣятельному осуществленію этихъ правъ.

Уже тогда въ средѣ участниковъ земскаго движенія существовали извѣстныя разногласія (главнымъ образомъ по вопросу о прямыхъ или двухстепенныхъ выборахъ), но представлялось, что отсутствіе правъ гражданской свободы и законодательнаго собранія съ рѣшающимъ голосомъ создаетъ для всѣхъ искреннихъ конституціоналистовъ одну общую цѣль, покрывающую различія мнѣній по болѣе частнымъ вопросамъ. Въ принятой относительно участія въ выборахъ резолюціи съѣздъ, „полагая, что Государственная Дума, которая должна быть созвана на основаніи закона 6 августа, не является народнымъ представительствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду, что выборное собраніе, объединяющее значительную часть общественныхъ силъ на всемъ пространствѣ Имперіи, можетъ послужить средоточіемъ и точкой опоры для общественнаго движенія, стремящагося къ достиженію политической свободы и правильнаго народнаго представительства",—признавалъ желательнымъ, чтобы „русскіе граждане, примкнувшіе къ политической программѣ съѣздовъ, вошли въ возможно большемъ числѣ въ Государственную Думу". Упомянутая въ резолюціи политическая программа была составлена С. А. Муромцевымъ на основаніи постановленій предыдущихъ съѣздовъ и утверждена съ нѣкоторыми частными видоизмѣненіями. Кромѣ нея, съѣздомъ были приняты доложенныя другими членами бюро программы по вопросамъ мѣстнаго самоуправленія, народнаго образованія, аграрному, рабочему, финансовому, а также положенія, касающіяся правъ національностей и автономіи Польши. Было составлено и опубликовано воззваніе къ избирателямъ, которое, послѣ характеристики Учрежденія Думы 6 августа и изложенія выработаннаго съѣздами плана реформъ въ различныхъ областяхъ жизни, указывало, что предварительнымъ условіемъ для осуществленія ихъ является реформа самой Думы и обезпеченіе основныхъ правъ гражданина, и призывало поэтому избирателей, безъ различія оттѣнковъ взглядовъ на другіе вопросы, объединиться на слѣдующей избирательной платформѣ: 1) обезпеченіе правъ личности, свобода слова и печати, свобода сходокъ, собраній, союзовъ; 2) установленіе выборовъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права; 3) рѣшающій голосъ Думы въ

законодательствѣ и право дѣйствительнаго контроля надъ бюджетомъ и администраціей.

Часть собравшихся находила, что съѣздъ, не ограничиваясь опубликованіемъ программы реформъ и избирательной платформы, долженъ принять активное участіе въ выборахъ въ качествѣ единой организаціи и для руководства выборной кампаніей избрать изъ своей среды комитетъ. Но другіе члены съѣзда, предвидя, что политическая борьба въ новыхъ условіяхъ должна вестись въ иныхъ строго-партійныхъ рамкахъ, воспротивились вышеупомянутой мысли и настояли на томъ, чтобы съѣздомъ былъ избранъ комитетъ только для содѣйствія населенію въ осуществленіи избирательныхъ правъ и въ частности для юридическихъ справокъ и разъясненій. Въ составъ этого комитета вошелъ и С. А. Муромцевъ.

VII.

Октябрьскія событія кореннымъ образомъ измѣнили положеніе и сдѣлали выборы на основаніи закона 6 августа невозможными. Главная цѣль земскаго движенія, намѣченная съѣздомъ 1904 года, представлялась достигнутой. Вмѣстѣ съ тѣмъ началось политическое разслоеніе освободительнаго движенія. Господствовавшая ранѣе группировка его участниковъ по профессіональнымъ и классовымъ признакамъ стала замѣняться группировкой партійной. Еще съ начала осени 1905 года намѣтилось сліяніе земской конституціонной партіи, преобладавшей на съѣздахъ [1]), съ близкимъ къ ней по направленію и отчасти по составу „Союзомъ Освобожденія" въ одну „конституціонно-демократическую" партію. Во время октябрьской забастовки состоялось формальное учрежденіе этой партіи, къ которой вмѣстѣ съ большинствомъ участниковъ земскихъ съѣздовъ примкнулъ и С. А. Муромцевъ. Но роль съѣздовъ еще не кончилась. Пріобрѣтенный ими за время ихъ существованія авторитетъ сказался между прочимъ въ томъ, что гр. Витте, искавшій на первыхъ порахъ своего премьерства опоры въ общественныхъ кругахъ, черезъ нѣсколько дней послѣ манифеста

[1]) Эта группа, составлявшая большинство на земскихъ съѣздахъ, иногда называла себя и „конституціонно-демократической". Главныя отличія ея отъ позднѣйшей к.-д. партіи заключались въ ограниченности состава кругомъ земскихъ дѣятелей и близкихъ къ нимъ лицъ, въ отсутствіи правильной партійной организаціи и въ менѣе детальной разработкѣ программы.

17 октября обратился по телеграфу къ организаціонному бюро, прося его прислать въ Петербургъ своихъ представителей для переговоровъ. Я не буду разсказывать здѣсь объ этихъ первыхъ переговорахъ земцевъ съ гр. Витте, въ свое время оглашенныхъ въ печати, такъ какъ они не имѣютъ прямого отношенія къ дѣятельности С. А. Муромцева. (Онъ не участвовалъ въ посланной отъ бюро делегаціи и, какъ помнится, во время засѣданія бюро, созваннаго въ Москвѣ для обсужденія отвѣта графу Витте, находился въ Петербургѣ.) Отмѣчу лишь, что делегаты, высказавъ мнѣніе бюро о создавшемся политическомъ положеніи, вмѣстѣ съ тѣмъ указали, что отношеніе земской среды къ новому правительственному курсу можетъ быть окончательно выяснено лишь на созываемомъ бюро съѣздѣ.

С. А. и въ эти времена, когда вниманіе всѣхъ было приковано къ смѣнявшимъ другъ друга событіямъ чрезвычайной важности, не оставлялъ заботы о продолженіи созидательной работы съѣздовъ. Еще до октябрьскихъ дней бюро, по его настоянію, приступило къ выработкѣ законопроектовъ о гражданскихъ свободахъ и подробнаго, примѣненнаго во всѣхъ подробностяхъ къ русскимъ условіямъ избирательнаго закона. Позднѣе былъ составленъ проектъ закона, регулирующаго дѣятельность перваго законодательнаго собранія, которому, согласно съ постановленіями перваго съѣзда к.-д. партіи было присвоено названіе „учредительнаго“. Впослѣдствіи въ виду недоразумѣній, порожденныхъ этимъ терминомъ, онъ былъ замѣненъ описательнымъ выраженіемъ „собраніе народныхъ представителей Россійской имперіи для выработки основного государственнаго закона“. Здѣсь будетъ умѣстно коснуться того неправильнаго истолкованія, которое—сначала, быть можетъ, вслѣдствіе искренняго заблужденія, но потомъ, несомнѣнно, умышленно—придавали и придаютъ даже до сихъ поръ этому требованію к.-д. партіи ея противники. Подъ учредительнымъ собраніемъ противники эти подразумѣвали собраніе, сосредоточивающее въ себѣ всю полноту государственной власти, и требованіе такого собранія отождествляли поэтому съ республиканской политической программой. Невѣрность такого пониманія неоднократно была доказана примѣрами изъ исторіи законодательствъ западныхъ народовъ. Но и для незнакомыхъ съ этими примѣрами истинный смыслъ термина съ полной очевидностью вытекалъ изъ представленнаго послѣднему земскому съѣзду проекта „положенія объ

учредительномъ собраніи". Согласно статьямъ 6 и 23 этого проекта, выборы въ учредительное собраніе назначались императорскимъ указомъ, и самое собраніе открывалось „Императоромъ или отъ имени Его Величества предсѣдателемъ совѣта министровъ", а статья 37 гласила: „Проектъ Основного Государственнаго Закона и проекты прочихъ законовъ, принятые Собраніемъ, представляются предсѣдателемъ совѣта министровъ *на утвержденіе Императора* и по утвержденіи обнародуются въ установленномъ порядкѣ". Революціонеры, собирающіеся водворить республику съ утвержденія монарха, представили бы поистинѣ поразительное и небывалое въ исторіи явленіе.

Заявленія объ учредительномъ собраніи въ устахъ к.-д. партіи и участниковъ земскихъ съѣздовъ имѣли, конечно, лишь одинъ вполнѣ опредѣленный смыслъ, сводившійся къ требованію, чтобы основные законы были составлены не бюрократическимъ путемъ, а въ порядкѣ конституціоннаго законодательства, т.-е. народными представителями съ утвержденія Монарха. Та же самая мысль выражена и въ постановленіи ноябрьскаго земскаго съѣзда о присвоеніи Думѣ учредительныхъ функцій.

Кромѣ только что цитированнаго „Положенія" съѣзду были представлены отъ бюро составленные въ Москвѣ проекты: 1) необходимыхъ мѣръ къ обезпеченію дѣйствительной неприкосновенности личности, 2) закона о собраніяхъ, 3) закона о союзахъ, 4) избирательнаго закона, а также составленный въ Петербургѣ проектъ временныхъ правилъ о печати. Я лично передъ съѣздомъ былъ занятъ въ организованной при бюро комиссіи, вырабатывавшей избирательный законъ, и у меня не сохранилось точныхъ воспоминаній о томъ, какимъ именно порядкомъ были выработаны остальные четыре московскіе законопроекта (о собраніи народныхъ представителей, о неприкосновенности личности, о собраніяхъ и о союзахъ), т.-е. работалъ ли С. А. Муромцевъ надъ ними одинъ или при помощи другихъ членовъ бюро. Но первенствующая роль его въ этой работѣ не подлежитъ сомнѣнію. Текстъ проектовъ носитъ ясную печать его изящнаго и точнаго юридическаго стиля. Весьма вѣроятно, что они были составлены имъ единолично.

Ноябрьскій съѣздъ (6—13 ноября 1905 года), поглощенный вопросами текущаго политическаго момента, не успѣлъ разсмотрѣть этихъ проектовъ и отложилъ ихъ обсужденіе до предпола-

гавшагося въ ближайшемъ будущемъ новаго съѣзда, который однако не состоялся. Они были переданы частнымъ образомъ гр. Витте, который проявилъ къ нимъ большой интересъ, хотя это и не отразилось замѣтнымъ образомъ на изданныхъ въ эпоху его премьерства „временныхъ правилахъ". Впослѣдствіи проекты о свободахъ послужили основой для законопроектовъ, внесенныхъ партіей Народной Свободы въ первую и вторую Думы.

Большое значеніе для послѣдующихъ событій, связанныхъ съ именемъ С. А. Муромцева, имѣло его предсѣдательство въ дневныхъ и вечернихъ засѣданіяхъ съѣзда 11 и 12 ноября. Рѣдкія предсѣдательскія качества С. А. и ранѣе были извѣстны москвичамъ. На послѣднемъ земскомъ съѣздѣ они проявились уже предъ собравшимися со всѣхъ концовъ Россіи общественными представителями и въ обстановкѣ, ближе напоминающей обстановку парламента, чѣмъ собранія, въ которыхъ онъ выступалъ въ роли предсѣдателя ранѣе. Съ первыхъ же словъ его, раздавшихся съ предсѣдательскаго мѣста, всѣ почувствовали, что передъ ними находится идеальный, незамѣнимый предсѣдатель. Онъ руководилъ преніями съ импонирующей твердостью, но въ то же время безъ малѣйшаго оттѣнка рѣзкости или нетерпѣнія, и, щепетительно воздерживаясь отъ какого-либо давленія на ходъ обсужденія вопросовъ, незамѣтно и искусно вводилъ его въ рамки правильной парламентской процедуры. Отъ самыхъ незначительныхъ эпизодовъ его предсѣдательства, какъ, напримѣръ, отъ своевременнаго и находчиваго вмѣшательства, положившаго конецъ возникшему было личному конфликту между двумя членами собранія, или отъ замѣчанія по поводу характеристики, данной при обсужденіи польскаго вопроса однимъ ораторомъ политикѣ германскаго императора на насъ вѣяло настоящимъ, подлиннымъ парламентскимъ духомъ.

Первоначально съѣздъ выбиралъ на каждое дневное и вечернее засѣданіе новаго предсѣдателя. Но С. А., по желанію съѣзда, предсѣдательствовалъ въ теченіе четырехъ засѣданій сряду, и только въ послѣдній день, 13 ноября, когда онъ по неотложнымъ дѣламъ долженъ былъ выѣхать изъ Москвы, съѣздъ засѣдалъ утромъ и вечеромъ подъ предсѣдательствомъ Ю. А. Новосильцова.

Послѣ ноябрьскаго съѣзда въ широкихъ общественныхъ кругахъ уже не было двухъ мнѣній о томъ, кто долженъ быть предсѣдателемъ русскаго парламента. Общимъ голосомъ на этотъ постъ былъ намѣченъ Муромцевъ.

VIII.

Самой настоятельной задачей ноябрьскаго съѣзда было опредѣленіе его отношенія къ правительству гр. Витте. Вопросъ этотъ представлялъ большія трудности. Съ одной стороны, государственный дѣятель, связавшій свое имя съ манифестомъ 17 октября, казалось, имѣлъ основанія разсчитывать на поддержку общественной организаціи, уже въ теченіе года боровшейся за осуществленіе тѣхъ самыхъ началъ, которыя были провозглашены въ манифестѣ. Съ другой стороны, дѣятельность кабинета на практикѣ обнаруживала рѣзкія противорѣчія упомянутымъ началамъ. Правда, установившаяся помимо правительства фактическая свобода печати и собраній имъ терпѣлась до поры до времени, но о неприкосновенности личности не было и рѣчи. Нагляднымъ примѣромъ для съѣзда могъ служить инцидентъ съ его собственными членами отъ Царства Польскаго: гр. Тышкевичемъ, Либицкимъ и Янценомъ. Они не могли прибыть на съѣздъ, такъ какъ состоялось административное распоряженіе о ссылкѣ ихъ въ Архангельскую губернію. Земскому бюро удалось добиться остановки и отмѣны приказа о препровожденіи ихъ на мѣсто ссылки, но имъ не было разрѣшено ни участвовать въ съѣздѣ, ни вернуться на родину.

Послѣ продолжительныхъ и горячихъ преній по вопросу о правительственной политикѣ съѣздъ остановился на единственномъ возможномъ для него рѣшеніи: привѣтствуя манифестъ 17 октября, заявить, что „министерство можетъ разсчитывать на содѣйствіе и поддержку широкихъ слоевъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, поскольку оно будетъ проводить конституціонныя идеи манифеста правильно и послѣдовательно", и что, напротивъ, „отступленіе отъ этихъ началъ встрѣтитъ въ земскихъ и городскихъ сферахъ рѣшительное противодѣйствіе". Къ резолюціи, развивавшей это положеніе, были присоединены указанія на необходимость всеобщаго и прямого голосованія, признанія за Думой учредительныхъ функцій, осуществленія гражданской свободы, амнистіи, отмѣны смертной казни и нѣкоторыхъ другихъ мѣръ, направленныхъ къ умиротворенію страны. Согласно постановленію съѣзда, его резолюціи должны были быть сообщены гр. Витте избранной организаціоннымъ бюро делегаціей. Въ составъ этой делегаціи вошли С. А. Муромцевъ, И. И. Петрункевичъ и авторъ настоящей статьи. 22 ноября делегаты вручили предсѣдателю совѣта министровъ резолю-

ціи съѣзда, присовокупивъ къ нимъ составленное ими письменное заявленіе, которое затѣмъ было опубликовано въ газетахъ.

Въ этомъ заявленіи указывалось на опасности, вытекающія изъ непослѣдовательности и неустойчивости политики кабинета, и подчеркивалось, что требованія съѣзда представляютъ собой не эгоистическія домогательства какого-либо общественнаго класса, а тщательно, съ государственной и національной точки зрѣнія взвѣшенныя необходимыя условія установленія въ странѣ свободы, права и общественнаго мира. Гр. Витте, выслушавъ делегатовъ, заявилъ, что дастъ отвѣтъ по совѣщаніи съ своими товарищами по кабинету. Черезъ недѣлю, когда делегація, въ виду долгаго молчанія главы кабинета признала уже свою миссію законченной, одинъ изъ членовъ ея, остававшійся по своимъ личнымъ дѣламъ въ Петербургѣ, получилъ обращенное къ делегаціи приглашеніе къ гр. Витте, который и вручилъ ему одобренный на засѣданіи совѣта министровъ отвѣтъ отъ имени правительства. Подобно заявленію делегатовъ онъ былъ опубликованъ въ печати. Въ немъ сообщалось, что главная цѣль правительства заключается въ исполненіи манифеста и Высочайше утвержденной программы предсѣдателя совѣта министровъ, что правительство не можетъ уклониться съ этого пути, и въ заключеніе земскіе дѣятели въ предостерегающемъ тонѣ приглашались „дать себѣ отчетъ въ тѣхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ можетъ привести отечество наше нежеланіе ихъ содѣйствовать въ нынѣшнее рѣшительное для судебъ Россіи время государственной власти". Такимъ образомъ переговоры не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Впослѣдствіи мнѣ приходилось неоднократно слышать выраженія сожалѣнія, что ноябрьскій съѣздъ рѣзкой критикой политики гр. Витте сдѣлалъ невозможнымъ соглашеніе между правительствомъ и земцами, которое могло бы оказать огромное вліяніе на послѣдующій ходъ событій. Я всегда считалъ и считаю до сихъ поръ это мнѣніе ошибочнымъ. Для меня несомнѣнно, что въ октябрѣ, тотчасъ послѣ манифеста, гр. Витте придавалъ большую цѣну поддержкѣ земскихъ конституціонныхъ круговъ. Но во второй половинѣ ноября дѣло уже обстояло иначе. Положеніе не улучшилось, конечно, но оно въ значительной мѣрѣ выяснилось и опредѣлилось. Освободительное движеніе потеряло свое прежнее единство и дифференцировалось. Правительство съ своей точки зрѣнія могло различить въ немъ три главныя группы: во-первыхъ, кре-

стьянство, для котораго на первомъ планѣ стоялъ земельный вопросъ, вовторыхъ, рабочихъ и крайнія группы интеллигенціи, слѣдовавшія за соціалистическими партіями, въ-третьихъ, конституціонные общественные круги, группировавшіеся вокругъ земскихъ съѣздовъ. Въ реальномъ соотношеніи общественныхъ силъ гр. Витте придавалъ, несомнѣнно, наибольшее значеніе крестьянству и разсчитывалъ оторвать его отъ радикальныхъ партій при помощи дополнительнаго надѣленія землей. Какъ извѣстно, принудительный выкупъ части частновладѣльческихъ земель признавался тогда пріемлемымъ и былъ отвергнутъ лишь позднѣе. Что касается движенія крайнихъ элементовъ, то оно, увлекаемое неизбѣжнымъ ходомъ вещей, подталкиваемое реакціей, шло къ тому взрыву, который произошелъ въ декабрѣ. Оставались земцы - конституціоналисты и близкія къ нимъ по духу общественныя группы. Поддержка ихъ могла быть, конечно, цѣнной, но взятые сами по себѣ, отдѣльно отъ народныхъ массъ, они не представлялись Витте силой, достаточно „реальной" для того, чтобы ради союза съ ними стоило рисковать своимъ собственнымъ положеніемъ у кормила власти, а это положеніе едва ли было когда-либо въ теченіе этого періода вполнѣ прочнымъ. Къ тому же Витте въ то время не былъ полнымъ хозяиномъ и въ дѣлахъ, предоставленныхъ кабинету. Въ самой важной области, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, распоряжался Дурново, и было ясно, что положеніе его, быть можетъ, даже болѣе твердо, чѣмъ положеніе самого премьера. При такихъ условіяхъ для соглашенія между правительствомъ и земскими дѣятелями не было въ сущности почвы, хотя земскій съѣздъ, въ особенности послѣ перваго шага, сдѣланнаго главой правительства, не могъ отказаться отъ попытки въ этомъ направленіи, не навлекая всецѣло на себя отвѣтственности за продолженіе разлада между властью и обществомъ. Небезынтересно отмѣтить, что органы европейской либеральной печати, въ общемъ относившіеся къ гр. Витте съ симпатіей, признавали, что земскій съѣздъ оказалъ возможную для него при данныхъ обстоятельствахъ поддержку правительству. Въ этомъ смыслѣ высказался, напр., *Berliner Tageblatt*.

С. А. Муромцевъ, какъ я хорошо помню, отнесся къ исходу нашей миссіи съ полнымъ спокойствіемъ. Мнѣ кажется, онъ вообще никогда не возлагалъ особыхъ надеждъ на попытки съѣздовъ оказать непосредственное и прямое вліяніе на текущую прави-

тельственную политику и придавалъ гораздо болѣе значенія тому косвенному воздѣйствію на ходъ государственной жизни, которое вытекало изъ всей дѣятельности съѣздовъ и, въ частности, изъ ихъ работы въ области законодательнаго строительства. О важности, которую имѣла въ его глазахъ эта работа, можно судить по слѣдующему письму его изъ Петербурга на имя предсѣдателя земскаго бюро Ѳ. А. Головина, помѣченному 5-мъ декабря 1905 г.:

„Глубокоуважаемый Ѳедоръ Александровичъ, препровождаю Вамъ законопроекты (всего—пять), исправленные по замѣчаніямъ членовъ съѣзда (переданнымъ мнѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ) и по нѣкоторымъ другимъ даннымъ. Можетъ быть, бюро найдетъ время просмотрѣть всѣ эти работы и потомъ отпечатать для доклада съѣзду".

Присланные при письмѣ печатные экземпляры законопроектовъ (тѣхъ самыхъ, о которыхъ шла рѣчь выше) снабжены собственноручными рукописными поправками С. А., свидѣтельствующими о тщательной, кропотливой, не оставляющей безъ вниманія малѣйшихъ деталей работѣ надъ текстомъ проектовъ.

Съѣздъ, который имѣлъ въ виду С. А., предназначался прежде всего для обсужденія результатовъ переговоровъ съ гр. Витте. Но такъ какъ никакихъ опредѣленныхъ результатовъ налицо не было, то онъ былъ отложенъ. А позднѣе уже стало ясно, что время съѣздовъ прошло. Они выполнили свою историческую функцію. Начались выборы въ Думу, на которыхъ выступили уже партіи и одержала побѣду к.-д. партія, унаслѣдовавшая главныя основы своей программы отъ съѣздовъ. Она и воспользовалась трудами С. А. для съѣзда при составленіи своихъ законопроектовъ.

Я останавливался до сихъ поръ на отдѣльныхъ сторонахъ дѣятельности С. А. на съѣздахъ и для съѣздовъ. Но мой очеркъ страдалъ бы крупнымъ пробѣломъ, если бы я не упомянулъ въ заключеніе объ одной общей чертѣ, проникающей эту дѣятельность во всѣхъ ея проявленіяхъ. С. А. не только проповѣдывалъ конституціонныя начала и боролся за нихъ: онъ самъ былъ какъ бы живымъ ихъ воплощеніемъ. Тотъ особый духъ, который въ широкихъ общественныхъ кругахъ воспитывается продолжительной привычкой къ конституціоннымъ учрежденіямъ, былъ всегда неотдѣлимымъ составнымъ элементомъ его личности и невольно передавался тѣмъ, кто работалъ вмѣстѣ съ нимъ. Всему, что необходимо для свободной политической жизни и чему нельзя научить

словомъ: уваженію къ праву, самообладанію, выдержкѣ и корректности въ политической борьбѣ, терпимости къ чужому мнѣнію, подчиненію рѣшеніямъ большинства, точному соблюденію формъ, служащихъ гарантіями правъ меньшинства,— всему этому онъ училъ не словомъ, а живымъ примѣромъ. И постоянно возраставшее его значеніе на съѣздахъ можетъ служить мѣриломъ все большаго проникновенія ихъ парламентарнымъ духомъ.

Земскіе съѣзды начались въ ноябрѣ 1904 года подъ предсѣдательствомъ организатора земскаго движенія Д. Н. Шипова. Они заканчивались въ ноябрѣ 1905 года подъ предсѣдательствомъ руководителя перваго русскаго парламента С. А. Муромцева.

Въ этихъ двухъ много говорящихъ русскому обществу политическихъ фигурахъ, стоящихъ одна у истоковъ земскаго конституціоннаго теченія, другая у устьевъ его, отразилось символически значеніе съѣздовъ, какъ переходнаго звена, связывающаго два періода русской жизни. Они были вѣнцомъ многолѣтней работы органовъ мѣстнаго самоуправленія и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣнью, которую бросалъ впереди себя грядущій русскій парламентъ. Конституціонная Россія обязана съѣздамъ многимъ, но первымъ и совершеннѣйшимъ даромъ ихъ юному русскому парламенту былъ первый его предсѣдатель.

Ѳ. Кокошкинъ.

Муромцевъ—адвокатъ и предсѣдатель Думы.

„Господа, соблюденіе извѣстныхъ формъ „есть гарантія нашей свободы и нашихъ „правъ; если мы не будемъ уважать фор„му, ... мы во многихъ случаяхъ будемъ „рисковать посягательствомъ и на нашу „свободу.“

Это было въ маѣ нынѣшняго года. Въ той самой Національной гостиницѣ, въ которой онъ пять мѣсяцевъ спустя съ такой суровою для насъ неожиданностью почилъ навѣки, мы съ нимъ сидѣли два дня подъ рядъ, работая надъ общимъ адвокатскимъ дѣломъ; въ перерывахъ весело болтали, подшучивая надъ ожидавшейся въ ту ночь кометой Галлея и связанными съ нею зловѣщими пророчествами. Онъ былъ необыкновенно бодръ, почти моложавъ. Явился ко мнѣ въ первый день утромъ и просидѣлъ до третьяго часа ночи, прервавъ занятія лишь къ вечеру часа на три, въ теченіе которыхъ производилъ экзаменъ въ Коммерческомъ институтѣ. Часовъ въ 9 вернулся и, несмотря на такую интенсивную цѣлодневную работу, продолжалъ заниматься со всею свѣжестью умственныхъ силъ.

Размышленія о кометѣ Галлея нѣтъ-нѣтъ да врывались въ нашу работу. Муромцевъ съ точностью и полнотою изложилъ и даже изобразилъ графически весь планъ путешествія коварной кометы, передавалъ, улыбаясь, слышанные имъ въ конкѣ разговоры старухъ и увѣрялъ, что вотъ-вотъ черезъ часъ смететъ она насъ, пожалуй, вмѣстѣ со всѣмъ земнымъ шаромъ.

— Такъ неужели же, С. А.,—говорю я,—это событіе должно насъ застать за столь скучнымъ судебнымъ дѣломъ? Давайте, поболтаемъ.

— Давайте.

— Знаете, чѣмъ я теперь занятъ? — началъ С. А. бесѣду.— Подготовляю законопроэкты для будущей «нашей» Думы. Не улыбайтесь. Нужно, чтобы все было готово въ совершенно законченномъ, средактированномъ видѣ. Бѣда наша въ томъ, что мы никогда не готовы. Когда настанетъ моментъ, необходимо, чтобы мы могли въ нѣсколько дней принять нужные законы.

— А такъ ли скоро настанетъ?—спросилъ я серьезно, отнюдь не намекая на комету Галлея, благодаря которой, собственно, и разговоръ весь завязался.

— Скоро ли? Это вамъ въ Петербургѣ лучше знать,—отвѣтилъ онъ съ полуиронической улыбкой. — Только настанетъ несомнѣнно. А потому надо готовиться.

Вспомнился мнѣ при этомъ разговоръ, который мы вели ровно пять лѣтъ тому назадъ, въ апрѣлѣ 1905 года, въ Петербургѣ, гуляя по большой пріемной залѣ кассаціоннаго департамента Сената. Муромцевъ тогда поразилъ меня еще больше теперешняго. То было время незаживших еще ранъ 9 января, все новыхъ позоровъ японской войны, безсильнаго, но тупого упорства старой власти, не сдававшей пока ни одной изъ своихъ позицій.

— Знаете что,—говорилъ мнѣ въ эту минуту Муромцевъ,— конституція-то у насъ будетъ, а вотъ когда будетъ конституція, и парламентъ будетъ собранъ, люди съѣдутся и никто не будетъ знать, куда сѣсть, куда встать. Не смѣйтесь, пожалуйста, если скажу вамъ, что я пишу уже инструкцію для нашего будущаго парламента и для этого изучаю всѣ иностранные регламенты.

Онъ такъ и говорилъ: «инструкція», «парламентъ»; не было еще русскихъ словъ для обозначенія того, что ему мерещилось вдали. Впослѣдствіи на обложкѣ муромцевской работы было начертано: «Наказъ Государственной Думы», и этотъ наказъ былъ положенъ въ основу всей работы нашего народнаго представительства.

Въ ночь кометы Галлея, въ ночь чудовищныхъ возможностей, это сопоставленіе двухъ разговоровъ могло показаться вѣщимъ.

Но мы на немъ не останавливались, перешли къ другимъ темамъ: къ профессорской его работѣ, которая все болѣе его засасывала и изнуряла—приходилось читать чуть ли не 15 или 20 часовъ въ недѣлю въ разныхъ мѣстахъ,—къ адвокатской дѣятельности, болѣе покойной въ послѣдніе годы, носящей почти исключительно консультаціонный характеръ. Вся бесѣда, всѣ его замѣчанія носили отпечатокъ полной уравновѣшенности человѣка,

который не растерялся подъ вліяніемъ испытанныхъ перемѣнъ, а нашелъ себя вновь во всѣхъ областяхъ привычной своей дѣятельности и мужественно и спокойно ждетъ грядущихъ событій.

Попрощались мы, «быть можетъ, навсегда». Слова эти были сказаны имъ шутливо, въ разсужденіи все той же кометы Галлея, въ томъ же корридорѣ гостинницы, откуда теперь пронесли его бренные останки. И въ нѣкоторой мѣрѣ вѣдь оправдались и эти слова. Одинъ только разъ видѣлись мы съ тѣхъ поръ—одинъ только слѣдующій день.

Онъ пришелъ ко мнѣ утромъ,—мы быстро засѣли за работу, отъ времени до времени прерывая ее.

Въ бесѣдѣ, завязавшейся въ одинъ изъ такихъ перерывовъ, припоминаю одинъ только особенно для меня цѣнный эпизодъ.

— А знаете, С. А.,—сказалъ я ему какъ-то,—я передъ вами въ долгу и долгъ свой хочу заплатить.

— Какъ такъ?

— Былъ недавно вашъ 25-лѣтній юбилей. Я долженъ былъ написать о васъ статью для одного журнала, но не могъ къ сроку поспѣть и отказался. А потомъ пожалѣлъ, потому что сталъ какъ то обдумывать и нашелъ, кажется, правильную концепцію вашей личности.

И изложилъ ему основную идею моей «концепціи».

Мы ходили по комнатѣ, онъ слушалъ, глядѣлъ на меня тѣмъ растроганнымъ, не то сдержанно-радостнымъ, не то застѣнчивымъ взглядомъ своихъ темныхъ глазъ, какимъ онъ всегда встрѣчалъ обращаемыя къ нему такъ часто въ послѣдніе годы слова признанія. А въ заключеніе, улыбаясь, повторилъ нѣсколько разъ:

— Да, это вѣрно. Только вы это напишите.

— Напишу непремѣнно, уже не дожидаясь случая; какъ только со временемъ соберусь.

Увы, печальный «случай» подошелъ скорѣе, чѣмъ мы оба думали.

* * *

Начало знакомства моего съ Муромцевымъ относится къ той средней, самой сѣрой эпохѣ его жизни, когда онъ не былъ уже профессоромъ и еще не былъ политическимъ дѣятелемъ въ широкомъ смыслѣ слова. Онъ былъ адвокатомъ, и въ теченіе шести-семи лѣтъ я наблюдалъ его только, какъ адвоката. Затѣмъ случай-

ными путями мы встрѣтились въ области политики, оказались членами центральнаго комитета одной партіи, соратниками по Думѣ и по Выборгу. Характерныя черты человѣка остались вездѣ однѣ и тѣ же; но самое крупное и значительное проявилось, конечно, въ послѣдней сферѣ—въ политикѣ. И, быть можетъ, въ интересахъ концентраціи вниманія, правильнѣе было бы пріурочить свои воспоминанія и наблюденія именно къ этой области,—главнымъ образомъ къ предсѣдательствованію въ Государственной Думѣ. Однако и то, что сохранилось въ памяти о Муромцевѣ, какъ адвокатѣ, не должно быть безынтересно для современниковъ и въ особенности для будущихъ поколѣній. Къ тому же коекакія характерныя черты въ Муромцевѣ, какъ адвокатѣ, освѣтятъ, быть можетъ, нѣчто, оставшееся неяснымъ въ фигурѣ Муромцева, какъ предсѣдателя Думы. Я рѣшаюсь потому соединить въ одномъ очеркѣ мысли и воспоминанія о Муромцевѣ, какъ адвокатѣ, и о Муромцевѣ, какъ предсѣдателѣ Думы, слѣдуя въ изложеніи внѣшнему хронологическому порядку событій его жизни и моихъ надъ нимъ наблюденій.

I.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ совершился подневольный исходъ профессоровъ петербургскаго университета, одарившій русскую адвокатуру Спасовичемъ; двадцать лѣтъ спустя такой же исходъ московскихъ профессоровъ одарилъ русскую адвокатуру Муромцевымъ. «Мы какъ кошъ казацкій,—писалъ впослѣдствіи Спасовичъ,—или какъ римское asylum, гдѣ стоимъ и съ радостью подаемъ братски руки бѣглецамъ, которые по красноватому цвѣту своихъ убѣжденій найдены неподходящими въ другомъ мѣстѣ». А въ отплату за эту поддержку, за любовь и теплоту эти бѣглецы озаряютъ пріютившую ихъ среду блескомъ своей неувядаемой славы, прилагаютъ свое мастерство къ укрѣпленію самой корпораціи, свободной и свободолюбивой, но часто гонимой и тѣснимой, и сохраняютъ навсегда нѣжное, родственное чувство къ ней, даже тогда, когда, идя навстрѣчу высшимъ призывамъ, покидаютъ ее.

Оба бѣглые профессора стали красою и гордостью русской адвокатуры. Одинъ въ Петербургѣ, другой въ Москвѣ,—одинъ на уголовномъ, другой на гражданскомъ поприщѣ, они переросли вскорѣ эти условныя категоріи мѣста и спеціальности и засіяли

солнцами первой величины на общемъ небѣ всей русской адвокатуры. И оба, удостоиваемые избраніемъ товарищей, десятки лѣтъ стояли у руля единственной свободно управляемой общественной ладьи, затрачивая свой талантъ и энергію на укрѣпленіе ея силы и достоинства. И оба они, при всемъ различіи темпераментовъ и характера дарованій, одинаково глубоко восприняли и воплотили основную сущность адвокатскаго служенія. Спасовичъ всю жизнь былъ глашатай борьбы за «права единицы страдающей, тѣснимой и защищающейся»,—за созданіе для нея крѣпкихъ правовыхъ гарантій. Муромцевъ, поминая покойнаго Ал. Ив. Урусова, спрашиваетъ: «Въ чемъ же крылся источникъ выдающагося его значенія... этого тончайшаго и талантливѣйшаго выразителя задачъ русской адвокатуры?» И отвѣчаетъ: «Глубокое уваженіе человѣческой личности, какъ таковой, горячее и стойкое стремленіе къ защитѣ ея правъ—вотъ откуда проистекала мощь Александра Ивановича. Этотъ именно стимулъ... поднялъ на такую высоту его адвокатское служеніе» [1]. Этотъ стимулъ, прибавимъ мы, поднялъ на высоту и всѣхъ корифеевъ русской адвокатуры,—онъ поднялъ и самого Муромцева.

Борьба за права личности, защита ея отъ безраздѣльнаго владычества государственныхъ началъ—такова арена дѣятельности свободной адвокатуры. И человѣкъ, выросшій въ теоретической вѣрѣ въ самодовлѣющую цѣнность человѣческой личности, крѣпнетъ и закаляется въ жесткой повседневной борьбѣ, въ созерцаніи жизненныхъ конфликтовъ и въ дѣятельномъ напряженіи къ ихъ разрѣшенію. И какъ знать: быть можетъ, только это сочетаніе абстрактной, взрощенной на профессорской каѳедрѣ, идеи съ практическимъ закаломъ, пріобрѣтеннымъ въ повседневномъ адвокатскомъ бою за право, и создало этотъ стальной панцырь неизмѣннаго и непреклоннаго, не гнущагося ни передъ какой преградой, уваженія къ праву и свободѣ, чистѣйшаго въ своемъ источникѣ, возвышеннѣйшаго въ своихъ конечныхъ цѣляхъ, съ какимъ вышелъ затѣмъ на высокое общественное служеніе С. А. Муромцевъ.

II.

Борьба за право... Таковъ общій лозунгъ. Но она идетъ столь многоразличными путями; она такъ разнообразится въ зависимо-

---

[1] Отчетъ Моск. Сов. Прис. Пов. за 1900/1901, стр. 50.

сти отъ склада ума, отъ темперамента, отъ характера міровоззрѣнія. Во имя права борется моралистъ, вѣруя въ него постольку, поскольку оно исполняетъ опредѣленную моральную программу жизни; во имя права борется формальный логикъ, связывающій его силу съ адэкватностью логическимъ построеніямъ ума; во имя права борется тотъ, кто видитъ въ немъ силу строительную, организующую, пластическую, лѣпящую жизненныя и общественныя отношенія, какъ художникъ лѣпитъ изъ глины свое изваяніе. Такое художественное, организующее отношеніе къ праву воодушевляется не логическою послѣдовательностью вывода и даже не всегда матеріальною справедливостью содержанія,—оно воодушевляется самымъ процессомъ формулированія, закругленія жизнеспособныхъ нормъ. Оно относится часто особенно любовно къ нормамъ формальнымъ, проявляетъ особую склонность и чуткость къ выработкѣ и защитѣ этихъ именно нормъ. Въ огромной массѣ явленій, на которыя направляется строительство, матеріальная основа представляется ему ясною, впередъ данною; важно только ее уловить въ правильно дѣйствующую, на неотъемлемыхъ, внутреннихъ законахъ основанную форму. И это строительство жаждетъ шириться, оно заходитъ во всѣ области человѣческаго духа, въ общественную, моральную, всюду желаетъ внести чинъ, порядокъ, всѣ сферы жизни закрѣпить самодовлѣющими, природѣ каждой отдѣльной сферы свойственными, правовыми нормами. Такому воззрѣнію на право сопутствуетъ, а отчасти имъ и обусловливается извѣстный жизненный укладъ, извѣстное специфическое отношеніе къ прекрасному въ природѣ и въ искусствѣ,—если угодно, извѣстная внѣшность. Отчего каждый, кто хоть разъ видѣлъ Муромцева, невольно восклицалъ: «Эллинъ! античное изваяніе!» И это впечатлѣніе получалось не только отъ линій его поистинѣ прекраснаго лица, но и отъ природно размѣренныхъ движеній, отъ стройно поднятой головы, отъ гармонически законченной фразы, отъ звонкаго, кристально-чистаго голоса. Во всемъ была пластика, стихійная—или даже сознательная—работа надъ созданіемъ чего-то законченнаго, цѣльнаго, отточеннаго. И въ области прекраснаго онъ былъ чувствителенъ не къ краскамъ, а къ линіямъ. И въ мірозданіи его интересовала гармонія линій, распланировка всего сущаго, взаимная связь и соотношеніе частей. Онъ *такъ* наблюдалъ природу, такъ, сквозь *такую* призму оріентировался во всемъ окружающемъ. Въ разсказахъ о многочислен-

ныхъ путешествіяхъ своихъ онъ никогда не давалъ картины, не отражалъ яркости видѣннаго, но передавалъ точно и съ любовью соотношеніе размѣровъ, взаимное расположеніе, перспективу. Онъ любилъ потому странствовать не столько на лонѣ природы, гдѣ очертанія могли быть для него слишкомъ однообразны, но и среди городовъ, по улицамъ и площадямъ, съ ихъ разнообразіемъ угловъ и изгибовъ, съ оригинальнымъ расположеніемъ частей,—ходить много и далеко, чтобы, вобравъ въ себя большую перспективу, тотчасъ же возсоздать и связать части въ ракурсѣ у себя въ головѣ. И, разсказывая объ этихъ странствіяхъ, онъ тутъ же на второмъ словѣ бралъ карандашъ и бумагу, чертилъ планъ и затѣмъ водилъ васъ уже по этому своему плану. Такъ онъ описывалъ свои странствія по Парижу, гдѣ каждый день совершалъ пѣшкомъ обходы отъ предмѣстья до предмѣстья, такъ онъ разсказывалъ и о своихъ любимыхъ странствіяхъ въ томъ узлѣ германскихъ городовъ и мѣстечекъ, центромъ которыхъ является Веймаръ и Іена, мѣста Шиллера и Гете. Въ одной московской газетѣ, среди посмертныхъ воспоминаній о Муромцевѣ, я нашелъ даже воспроизведеніе такого плана, сочиненнаго имъ при бесѣдѣ съ авторомъ воспоминаній,—съ характерными кружками, линіями и съ выписанными четко, красиво краткими ремарками.

И этотъ вкусъ къ внѣшнему правильному укладу, къ плану, къ приведенію всего въ ясность и гармонію, замѣчался въ Муромцевѣ во всѣхъ его дѣлахъ, большихъ и малыхъ. Муромцевъ слѣдовалъ ему не слѣпо, не по одной привычкѣ. Онъ сознавалъ, что въ его методѣ мышленія и воспріятія есть творческія, устроительныя начала. Въ глубоко трогательномъ поминальномъ словѣ, посвященномъ памяти товарища и друга, Сергѣя Трубецкого, онъ влагаетъ это свое міропониманіе въ заключительныя краткія задушевныя слова: «Рѣдко кто такъ умиралъ—ради дѣла, которое все была жизнь, *устроеніе* и *гармонія*. Велика личная жертва, приносимая человѣкомъ, вносящимъ *устроеніе* въ потокъ лавы, еще горячій и неоформленный».

Любить гармонію—значитъ ли это быть ея пассивнымъ зрителемъ? Натура созерцательная только воспринимаетъ, натура дѣйственная творитъ ее. Муромцевъ былъ par excellence натура дѣйственная, человѣкъ воли. Активность его была не бурная, не порывистая, подмываемая страстью; она была ровна, непрерывна, неустанна и неизмѣнна, точно подземнымъ, ровнымъ, чистымъ

родникомъ питающаяся. Огромный трудъ исполненъ въ теченіе этой, въ сущности недолгой, жизни. Этотъ трудъ имѣлъ и свой канонъ, свою систему. Муромцевъ искалъ приложенія своихъ силъ къ цѣлямъ непосредственнымъ, реальнымъ, ближайшимъ. Онъ точно искупить хотѣлъ старый грѣхъ русской интеллигенціи, прекраснодушной, но безвольной. Онъ такъ и мотивировалъ всегда выборъ своихъ путей:

— Вѣдь *мы* всегда такъ, ближайшаго не сдѣлаемъ. *Мы* никогда не готовы.

Оттого-то, когда еще о конституціи у насъ не было рѣчи, онъ сталъ готовить наказъ для Думы. Оттого онъ еще до послѣднихъ дней готовилъ и оттачивалъ законопроекты для будущихъ, лучшихъ временъ.

«Non multa, sed multum»,—пишетъ онъ въ своихъ наброскахъ («На заданныя темы»),—эту, казалось бы, избитую истину русская дѣйствительность всегда готова игнорировать. Стремленіе къ multum предполагаетъ упорство въ трудѣ, тогда какъ multa манятъ къ себѣ перспективою пріятнаго разнообразія... Всѣ какъ бы предпочитаютъ быть барами, гнушаясь отчетливымъ исполненіемъ своей работы въ ея мельчайшихъ подробностяхъ. Сколько еще пережитка въ этомъ пренебрежительномъ отношеніи къ составнымъ элементамъ труда. А между тѣмъ, есть особая прелесть въ томъ, чтобы, сосредоточившись на относительно небольшомъ количествѣ данныхъ, углубляться постепенно въ самое существо избраннаго предмета» [1]).

III.

Мы провели съ Муромцевымъ много дней, а подчасъ и ночей, въ общей умственной работѣ. И если не считать политической дѣятельности послѣднихъ лѣтъ, гдѣ работа его также отчасти происходила на людяхъ,—это, можетъ быть, была единственная область, въ которой можно было постороннему глазу слѣдить за процессомъ его творчества. Да и политическая дѣятельность собственно была не столь интимна; и она обнаруживала только изрѣдка процессъ, чаще—результаты творчества. Мы вели съ нимъ вмѣстѣ судебныя дѣла, разрабатывали ихъ вмѣстѣ, вмѣстѣ на глазахъ другъ у друга искали и находили разрѣшеніе сложныхъ проблемъ

---

[1]) Статьи и рѣчи, вып. I, стр. 73, 74.

права, дополняли другъ друга, критиковали другъ друга, вмѣстѣ ликовали и отчаивались.

Бывало въ маленькой, но уютной, не совсѣмъ по-петербургски устроенной, квартиркѣ на Николаевской улицѣ сидимъ до поздней ночи, вмѣстѣ «на четыре руки»—какъ мы выражались—сочиняемъ состязательныя бумаги или обдумываемъ планъ защиты. И при составленіи бумагъ, и при обдумываніи защиты его интересовалъ прежде всего планъ. Отмежеванный ему отдѣлъ онъ тотчасъ же разбивалъ на рубрики и выписывалъ ихъ заголовки и подзаголовки на бѣломъ листѣ бумаги крупнымъ почеркомъ, кое-что подчеркивая цвѣтнымъ карандашомъ, а главное, стараясь придать и этимъ замѣткамъ возможно точную редакцію. Больше ужъ онъ къ рѣчи не готовился. Рѣчей впередъ не писалъ. Достаточно ему было закрѣпить на бумагѣ планъ,—развитіе, содержаніе, фраза были уже дѣломъ момента, когда рѣчь произносилась.

При разрѣшеніи самихъ юридическихъ проблемъ по существу Муромцевъ никогда не искалъ путей діалектическихъ, хитроумныхъ логическихъ комбинацій, внѣшне-стройныхъ, но безжизненныхъ. Онъ слишкомъ былъ эстетикъ, слишкомъ было ему дорого трепетаніе жизни, чтобы, создавая логическую конструкцію, не чувствовать, гдѣ уже уходитъ у него изъ-подъ ногъ жизненная почва. Но тѣ комбинаціи, которыя онъ создавалъ или долженъ былъ проводить, должны были быть строго очерчены внѣшними контурами, ясно, до прозрачности формулированы. Иначе онъ ихъ не могъ защищать. Матерію жизни текучую, не поддающуюся еще закрѣпленію въ форму, металлъ въ расплавленномъ состояніи онъ ни воспринять, ни передать не могъ.

Онъ мыслилъ и образами, но образы эти были простѣйшіе, на шагъ только отстоящіе отъ обобщенія; въ нихъ не было яркости, разнообразія, но была элементарная выпуклость. И они выходили у него особенно сильно и величественно, когда въ нихъ должна была отразиться защита какой-нибудь главной, основной, формальной гарантіи личности, въ борьбѣ ея за право. Къ этимъ формальнымъ прерогативамъ, ограждающимъ личность и въ гражданскомъ правѣ, и въ особенности въ гражданскомъ процессѣ, онъ былъ особенно чутокъ. «Процессуальные вопросы, — говоритъ онъ въ одной сохранившейся у меня, ненапечатанной, но имъ самимъ исправленной судебной рѣчи,—процессуальные вопросы, возраженія, которыя строятся на несоблюденіи истцомъ какихъ-либо процес-

суальныхъ требованій, вовсе не такая ничтожная вещь въ каждомъ судебномъ дѣлѣ... Эти формальныя правила, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, могутъ быть иногда несправедливы, но они логически и справедливо юридически вытекаютъ изъ особыхъ свойствъ гражданскихъ правъ, съ которыми нужно считаться,— гражданскихъ правъ, которыя защищаются только по иниціативѣ лицъ, которымъ они принадлежатъ, и только въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ эти лица хотятъ защищаться».

Подъ покровомъ вопросовъ формальныхъ онъ какъ бы инстинктивно ощущалъ грань дозволеннаго вторженія въ предѣлы личности и съ особеннымъ подъемомъ, почти съ паѳосомъ, становился на ея защиту. Онъ и любилъ потому гражданскій процессъ больше, чѣмъ гражданское право. И въ дѣлахъ, когда мы распредѣляли между собою работу, всегда просилъ отмежевывать ему вопросы процессуальные и сознавался, что питаетъ къ нимъ особенную слабость. Это можетъ казаться страннымъ въ устахъ человѣка, самый классическій трудъ котораго посвященъ изображенію «Гражданскаго права древняго Рима», который на профессорской каѳедрѣ читалъ матеріальное гражданское право. Разгадка тутъ, можетъ быть, кроется отчасти въ томъ пути, которымъ шло само классическое право: развиваясь и вбирая въ себя новыя струи жизни, оно всегда закрѣпляло свои завоеванія въ строго опредѣленныя формы,—отчасти же въ томъ особомъ методѣ изложенія, которымъ проникнутъ его классическій трудъ, который, вѣроятно, отражался и на его лекціяхъ по гражданскому праву. Въ этомъ методѣ онъ былъ воленъ,—онъ могъ, пользуясь только болѣе широкой матеріально-правовой базой, примѣнять и въ этой сферѣ свою основную тенденцію, вносить пластическія начала, оформливать въ видѣ нормъ самочинныхъ, внутреннему своему закону подчиненныхъ, къ защитѣ интересовъ личности и общежитія направленныхъ, назрѣвшія въ сознаніи общества основныя жизненныя потребности. Самаго содержанія этихъ жизненныхъ потребностей онъ не разрабатывалъ, — соціальныхъ проблемъ самихъ по себѣ не разрѣшалъ. Это была не его сфера. Онъ бралъ выводы для нихъ изъ общей сокровищницы, накопленной столѣтіями культурнаго Запада и почти вѣковою, возвышенною и мученическою, работою русской интеллигенціи. Онъ старался ихъ только насадить, найти для нихъ форму бытія.

М. М. Ковалевскій въ своихъ статьяхъ и рѣчахъ о Муромцевѣ

нѣсколько разъ подчеркивалъ его организаторскій талантъ. Не знаю, можно ли это назвать организаторствомъ—это не былъ во всякомъ случаѣ талантъ организовать непосредственно людей на опредѣленное дѣло, а талантъ внутренно организующій, создающій формы незыблемыя, прочныя, въ которыхъ можетъ не на мигъ только, а прочно протекать человѣческое общежитіе.

Среди основъ этого общежитія была одна, которая занимала и въ творчествѣ и въ психикѣ его иное мѣсто, нежели всѣ прочія соціальныя требованія, имъ исповѣдуемыя. Это—принципъ свободы, наивысшее формальное благо, столь же, если не болѣе, ему дорогое, какъ гармонія, красота, порядокъ. Онъ принадлежалъ къ тому типу идеалистовъ эпохи Шиллера и Гете, для которыхъ красота и свобода внутренне неразлучны. Свобода была для него нѣчто первичное, неразложимое, не требующее ни обоснованій, ни оправданій,—та предпосылка всякаго личнаго и соціальнаго существованія, ради охраны которой только и идетъ вся борьба за созданіе формальныхъ устоевъ жизни, за гармоническую связь общежитія. «Не пренебрегайте формой—она охраняетъ вашу свободу». Эту максиму онъ любилъ повторять часто, и въ дѣлахъ судебныхъ, и въ дѣлахъ политическихъ. Она запечатлѣна имъ съ особенною торжественностью и въ одной изъ немногихъ рѣчей, обращенныхъ къ первой Государственной Думѣ: «Господа, соблюденіе извѣстныхъ формъ есть гарантія нашей свободы и нашихъ правъ; если мы не будемъ уважать форму въ ходѣ нашихъ сужденій и рѣшеній, мы во многихъ случаяхъ будемъ рисковать посягательствомъ и на наши права, и на нашу свободу» [1]).

IV.

Муромцевъ былъ принятъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ московскаго округа 13 октября 1884 года и пробылъ въ сословіи до самой своей смерти. Уже въ 1887 году избранный членомъ Совѣта, а три года спустя—товарищемъ предсѣдателя Совѣта, онъ выбирался затѣмъ на эту послѣднюю должность безсмѣнно вплоть до конца 1905 года, когда политическая дѣятельность отозвала его отъ адвокатуры. Практикуя первоначально въ Москвѣ, онъ появлялся среди насъ въ Петербургѣ сравнительно рѣдко, прі-

[1]) Стеногр. Отчетъ I-й Думы, т. I, стр. 62.

ѣзжалъ только для защиты своихъ московскихъ дѣлъ въ кассаціонномъ Сенатѣ. Но приблизительно съ середины девятидесятыхъ годовъ имя его, какъ адвоката, пріобрѣтаетъ такую извѣстность, что къ нему стекаются сенатскія дѣла изъ всей Россіи, а затѣмъ и мѣстное петербургское населеніе начинаетъ прибѣгать къ его совѣту и помощи въ дѣлахъ наиболѣе крупныхъ, отвѣтственныхъ, поручая ему веденіе ихъ отъ начала, съ первой судебной инстанціи. Въ эту эпоху не проходило недѣли, чтобы Муромцевъ не появлялся и у насъ въ Петербургѣ у адвокатской каѳедры въ томъ или иномъ судебномъ установленіи. Къ концу девятидесятыхъ годовъ относится и начало его лекцій въ Александровскомъ лицеѣ, для которыхъ пришлось уже регулярно пріѣзжать въ Петербургъ еженедѣльно на два дня. Эта періодичность пріѣздовъ склонила Муромцева въ концѣ-концовъ къ мысли обосноваться прочнѣе въ Петербургѣ; онъ нанялъ постоянную квартирку на Николаевской, въ которой и прожилъ затѣмъ всѣ годы своей работы въ адвокатурѣ и въ лицеѣ и краткіе дни своего предсѣдательствованія въ Думѣ.

Къ этому времени, къ концу девятидесятыхъ годовъ—къ 1899 или 1898 году—относится и мое первое знакомство съ Муромцевымъ. Мы встрѣтились въ процессѣ, какъ противники; но въ слѣдующемъ же дѣлѣ стали союзниками и съ тѣхъ поръ не переставали, кажется, быть союзниками въ дѣлахъ судебныхъ до самой его кончины. За всѣ годы нашей общей работы я имѣлъ, естественно, возможность наблюдать Муромцева не только въ рабочемъ кабинетѣ, но въ минуты, особенно важныя для оцѣнки дѣятельности адвоката: на судѣ, у адвокатской каѳедры. Къ сожалѣнію, этимъ непосредственнымъ наблюденіемъ и исчерпываются всѣ источники для сужденія о судебной дѣятельности Муромцева. Рѣчей своихъ цивилисты наши не записываютъ и во всякомъ случаѣ ихъ не печатаютъ. Древній Демосѳенъ записалъ свои рѣчи по гражданскимъ дѣламъ, и теперь въ великолѣпныхъ европейскихъ переводахъ онѣ служатъ въ назиданіе потомству. Гражданскія рѣчи Цицерона переводятся и тщательно комментируются даже русскими учеными. Великіе французскіе, англійскіе цивилисты сохраняютъ въ печати плоды своихъ подчасъ огромныхъ умственныхъ усилій. У насъ работа юриста-практика, даже самая углубленная, самая талантливая, открывающая иногда новыя перспективы въ неизвѣданныя области, чаще всего обрѣтаемыя только при свѣтѣ

живого, конкретнаго случая—пропадаетъ втунѣ, умирая въ стѣнахъ судебнаго зала. Умеръ Муромцевъ, умеръ недавно Пассоверъ, живъ и здравствуетъ, но отошелъ отъ адвокатуры третій корифей нашей цивилистики, Потѣхинъ. А много ли осталось отъ всего блеска ихъ таланта, отъ всѣхъ изумительныхъ по силѣ и красотѣ построеній? Одни разсѣянныя, блекнущія отъ времени, а затѣмъ и совсѣмъ исчезающія воспоминанія современниковъ.

И это особенно досадно именно у Муромцева. Не потому, чтобы онъ былъ выше тѣхъ—на этихъ высотахъ нѣтъ ранговъ, а есть лишь индивидуальныя различія—но потому, что манера его творчества сильно облегчала такую именно систему закрѣпленія результатовъ творчества. Склонный и пріученный къ абстрактному мышленію, войдя въ адвокатуру съ профессорской закваской, онъ умѣлъ очень быстро возноситься отъ конкретнаго случая къ абстрагирующей его общей схемѣ и уже затѣмъ непрерывно въ ней оставался. Онъ не добирался до сути ощупью, то притягиваемый, то отталкиваемый отъ нея новыми, невидимыми сразу сторонами явленія; онъ и не оплодотворялъ своихъ построеній мыслями, рождающимися только въ пылу спора. Споръ и борьба не были для него животворящей стихіей; его мысль не крѣпла въ пылу защиты и нападенія. Искра его творчества не возжигалась отъ все новаго и непосредственнаго соприкосновенія съ живою жизнью. Онъ находилъ свой путь въ тиши уединенія, при ясномъ и ровномъ свѣтѣ вѣчныхъ путеводныхъ идей. И творя такъ, въ свободныхъ, размѣренныхъ, адэкватныхъ душѣ его формахъ, онъ сразу вырисовывалъ всѣ линіи зданія, клалъ фундаментъ и возводилъ куполъ. И эти изящныя, граненыя, прозрачныя постройки, которыя такъ и просились на бумагу, которыя такъ легко было запечатлѣть, погибли всѣ, просіявъ на мигъ, въ пучинѣ забвенія. Изъ всѣхъ судебныхъ рѣчей Муромцева напечатана, если не ошибаюсь, одна, и то не изъ лучшихъ.

Я упомянулъ о трехъ корифеяхъ нашей цивилистики,—своеобразныхъ, чрезвычайно рельефныхъ, выпуклыхъ фигурахъ,—и упомянулъ не случайно. Имъ приходилось всѣмъ тремъ дѣйствовать часто вмѣстѣ, въ качествѣ союзниковъ и противниковъ, и характерныя особенности каждаго изъ нихъ въ отдѣльности выступали—и выступаютъ, быть можетъ, сейчасъ, въ воспоминаніи—рельефнѣе при контрастномъ свѣтѣ, падающемъ отъ остальныхъ. Одинъ—поражающій блескомъ неожиданныхъ, незамѣтно для глаза

нанизываемыхъ и разомъ вспыхивающихъ абстракцій, властно приковывающій и завлекающій васъ, вопреки вашей волѣ, подчасъ вопреки непосредственному ощущенію, на неизмѣримыя выси логическихъ конструктивныхъ отвлеченій, творящій тутъ же на вашихъ глазахъ, воспламеняющійся, оживающій, пріобрѣтающій глубокіе грудные тоны въ самомъ процессѣ своего творчества и тутъ же на вашихъ глазахъ мертвѣющій, застывающій подъ маской непроницаемости съ момента, когда актъ священнодѣйствія оконченъ. Таковъ былъ Пассоверъ. Другой, стихійно чуждый всякимъ излишествамъ логическихъ построеній, отметающій ихъ своимъ непосредственнымъ здоровымъ ощущеніемъ, никогда ни на минуту не возвышающійся до обобщенія, котораго нельзя было бы выразить въ терминахъ закона или житейскаго здраваго смысла, покоряющій самою наивностью и властностью этого здраваго смысла, который не вѣдаетъ и не желаетъ вѣдать никакихъ другихъ выспреннихъ, научныхъ и иныхъ высшихъ инстанцій, съ здоровымъ, заразительнымъ, басистымъ хохотомъ отворачивается отъ нихъ и переводитъ всѣ словопренія въ простую, обывательскую, подкупающую силою живой непосредственности, бесѣду судьи съ адвокатомъ. Таковъ Потѣхинъ. Третій... Третій былъ Муромцевъ.

Стройная, съ прямою спиною фигура поднимается съ мѣста и ровнымъ, неторопливымъ шагомъ приближается къ каѳедрѣ. Онъ не прилипаетъ къ каѳедрѣ, не виснетъ у нея и не странствуетъ безпорядочно впереди ея, а стоитъ свободно, рядомъ съ каѳедрой,—линіи стройной фигуры рѣзко вырисовываются въ воздухѣ, античная голова съ матовымъ лицомъ, обрамленная черными, какъ смоль—въ концѣ жизни побѣлѣвшими—волосами, водруженная на цоколѣ, случайно, казалось, одѣтомъ въ черный фракъ со звѣздочкою, а не въ бѣлую мантію. Рѣчь начинается плавно, размѣренно, входя сразу in medias res, безъ приступовъ, безъ искусственныхъ или естественныхъ заминокъ. Она захватываетъ слушателя не сразу и захватываетъ его не въ какой-либо отдѣльный моментъ, не феерической молніей или громомъ. Слушатель подпадаетъ лишь подъ очарованіе рѣчи въ цѣломъ, ея внутренней гармоніи, связанности частей, изъ которыхъ постепенно вылупливается основная, главная идея, складывается нѣчто цѣльное, подкупающее этою своею цѣльностью, своею простою, нѣсколько холодною, но все же такою чистою, плѣнительною, мраморною красотою. Глаза оратора по временамъ вспыхиваютъ какимъ-то особымъ теплымъ,

интимнымъ блескомъ, движенія нѣсколько оживаютъ, голова гордо поднимается,—то онъ добирается до самой святая святыхъ своего творчества, созерцаетъ уже созданное, отдѣлившееся отъ него твореніе. Ни рѣзкаго выкрика, ни страстнаго движенія. А вы все же у него въ плѣну; васъ держатъ чары той гармоніи, которая такъ всецѣло владѣла имъ, отблески которой живы въ душѣ каждаго человѣка; васъ держитъ вѣра въ силу идеи, гармонически воплощающейся въ живую, законченную форму.

И такой же плѣнительный, такой же мраморный, какъ человѣкъ, какъ его голосъ, какъ его рѣчь, былъ самый языкъ его. Въ этомъ языкѣ не было блестокъ, не было игривости, легкости, извилистости, но въ немъ была крѣпость и особенная изысканная простота. Муромцевъ любилъ обращаться къ старому, суровому, но ядреному языку древнихъ памятниковъ, къ языку Сперанскаго, и въ немъ находилъ украшенія и узоры для своей, вполнѣ гармонирующей съ ними по тону рѣчи. Онъ любилъ говорить: «Господа Правительствующій Сенатъ», какъ писали еще въ петровское время,—и совершенно одинаково послѣднее слово подсудимаго въ выборгскомъ процессѣ и благодарственное слово Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ въ день своего юбилея начиналъ неизмѣнно: «Господа Особое Присутствіе», «Господа Совѣтъ». Въ отвѣтъ на привѣтствіе Совѣта онъ не «благодарилъ», а «низко кланялся» Совѣту. И самую знаменитую первую рѣчь свою къ Государственной Думѣ началъ съ простой, но торжественной, на старинный ладъ формулы: «Кланяюсь Государственной Думѣ». Онъ былъ изысканъ въ выраженіяхъ, какъ изысканъ былъ въ мысляхъ. Уродство слова, какъ и уродство мысли причиняли ему боль.

Есть въ области адвокатской дѣятельности еще одна своеобразная сторона. Воплощенная въ живыхъ лицахъ, борьба двухъ интересовъ имѣетъ опасную склонность переходить за предѣлы необходимаго состязанія въ интересахъ права. Борьба интересовъ переходитъ въ борьбу лицъ. Азартъ спора ослѣпляетъ, и очень рѣдко даже самые высокіе умы и сильные таланты умѣютъ начертать себѣ предѣльную линію и не переступать ея. Между тѣмъ въ этомъ умѣніи безпощадно бороться съ идеею и бережно щадить человѣческое достоинство противника—главный залогъ, основная предпосылка всего строя судебнаго процесса, неизбѣжно разсѣченнаго между отдѣльными живыми лицами, мыслимаго и живучаго только при условіи такого разсѣченія. *Здѣсь* неизбѣжны *два*

мнѣнія, и неизбѣжно ихъ столкновеніе. Здѣсь истина *не можетъ* рождаться иначе, какъ изъ столкновенія мнѣній. И изъ всѣхъ адвокатовъ нашихъ и не нашихъ, корифеевъ и не корифеевъ, никто не провзошелъ Муромцева въ пониманіи этой особенности судебнаго спора и въ вытекающей отсюда категорической обязанности оставаться всегда въ предѣлахъ объективнаго состязанія, не вторгаясь въ области, внѣ его лежащія, и не принижая своего противника, не дѣлая изъ лица его мишени для обстрѣла. Онъ былъ олицетвореніемъ деликатности и терпимости, джентльменъ съ ногъ до головы. Подъ внѣшнимъ, нѣсколько суровымъ и холоднымъ покровомъ всегда радушный и снисходительный, онъ не только не задѣвалъ чужого самолюбія, но самъ стоически переносилъ, не всегда, увы, сдерживавшіеся даже по отношенію къ нему эксцессы слова; онъ не снисходилъ къ отвѣту на нихъ и тѣмъ менѣе къ отраженію ихъ тѣмъ же оружіемъ. Эта сдержанность, переходившая иногда въ какую-то особенную, несоотвѣтственную даже возрасту, застѣнчивость, несомнѣнно связывалась съ основными чертами его характера; но она имѣла въ своемъ источникѣ и особенное, специфическое отношеніе именно къ дѣятельности его въ качествѣ адвоката. Ни въ одной области онъ не цѣнилъ такъ скромно своихъ заслугъ, какъ въ адвокатурѣ. Бѣглецъ, смущенно пріютившійся въ чужомъ станѣ, онъ всю жизнь какъ будто не переставалъ испытывать это смущеніе, всю жизнь чувствовалъ себя не вполнѣ своимъ на этомъ мѣстѣ.

«Господа Совѣтъ,—говорилъ онъ въ день своего 25-лѣтняго юбилея,—открою̀сь вамъ, что трепетомъ сопровождалось во мнѣ ожиданіе нашей сегодняшней встрѣчи. Вы пришли сюда привѣтствовать адвоката, но что стоящій передъ вами можетъ сказать, какъ адвокатъ? Съ увлеченіемъ онъ слѣдилъ въ годы своей юности за первыми мощными проявленіями русской адвокатуры, но себя въ адвокаты не готовилъ. Судьба привела его въ эту область... и двадцать пять лѣтъ онъ употребилъ на то, чтобы учиться на вновь избранномъ поприщѣ. Онъ учился у тѣхъ, кто, будучи старше его, по праву почитались первоклассными свѣтилами, онъ учился у своихъ бывшихъ учениковъ» [1]).

Такая аттестація въ устахъ Муромцева не была пустой фразой, скроенной для юбилея. Это была истина. Крайне строгій къ себѣ,

---

[1]) Статьи и рѣчи, Вып. I, стр. 68.

онъ охотно спрашивалъ совѣта у насъ, младшихъ, охотно выслушивалъ нашу критику, охотно примѣнялся къ нашимъ указаніямъ. Онъ точно опасался всегда своей неловкости въ средѣ, въ которой онъ не ставилъ первыхъ шаговъ, не пріобрѣлъ въ свое время первичныхъ навыковъ. И онъ никогда не чувствовалъ себя къ этой средѣ окончательно прикрѣпленнымъ.

До конца дней адвокатура все же оставалась для него только asylum — теплымъ, привѣтливымъ гнѣздомъ, въ которомъ онъ укрылся, пережидая непогоду. А когда прояснилось небо, онъ потянулся на широкій просторъ—не назадъ, къ профессорской каѳедрѣ, а въ новую, озаряемую первыми яркими вешними лучами, политическую жизнь.

V.

То была пора государственнаго строительства, вырисовавшагося въ невиданныхъ доселѣ, величественныхъ размѣрахъ. Когда, въ какой моментъ человѣческой исторіи такое множество политическихъ и соціальныхъ проблемъ, въ такой пестрой и необъятной человѣческой средѣ, ждали своего устроенія въ формѣ незыблемыхъ нормъ закона? И впереди всѣхъ главнѣйшая,—та, во имя которой шелъ въ теченіе столѣтія самый тяжкій бой: проблема участія воли народной въ рѣшеніи судебъ страны,—облеченія ея въ прочныя, «природѣ народнаго представительства свойственныя» формы. Какъ эта среда должна была манить, возбуждать правотворческій духъ! И въ какомъ блескѣ долженъ былъ сказаться здѣсь даръ создавать изъ аморфной человѣческой массы по опредѣленнымъ архитектурнымъ планамъ новыя, исполненныя гармоніи формы! И какъ этотъ даръ необходимъ былъ именно въ послѣдній день творенія... Не тогда, когда еще бушевали стихіи, когда споръ рѣшался азартомъ, страстью, подчасъ авторитетомъ силы. А тогда, когда улеглись воды и встала твердь земли,—когда провозглашена была основа права и свободы, и на нихъ приходилось строить въ благородномъ, чистомъ стилѣ крѣпкое, незыблемо охраняющее связь общественную учрежденіе. Доброму генію исторіи угодно было именно Муромцева выдвинуть на роль творца и хранителя этого учрежденія.

Говорятъ, онъ къ этому готовился чуть ли не годъ, два или больше. Это не совсѣмъ вѣрно: онъ готовилъ не себя, а готовилъ для новой формы жизни, самой по себѣ, основу, на которой долж-

на была встать и упрочиться новая постройка. Онъ зналъ, что хватитъ въ русскомъ обществѣ идей и высокихъ помысловъ для лучшаго устроенія жизни, но боялся, что не будетъ зодчихъ и ваятелей, чтобы ихъ отлить въ формы, дающія имъ жизнь и силу. Самъ ваятель, онъ заблаговременно готовилъ матеріалъ и инструментъ; и, какъ истый художникъ, впередъ всею душою полюбилъ свой творческій замыселъ. Кто будетъ окончательно его отдѣлывать, это ему и самому далеко не было ясно. Помню, какъ еще примѣрно въ серединѣ 1905 года, уже погруженный въ изученіе регламентовъ, онъ говорилъ какъ-то, со свойственною ему точностью, что если будетъ дана конституція и будутъ въ Москвѣ выборы, то онъ, Муромцевъ, будетъ только пятымъ кандидатомъ— именно пятымъ, а отъ Москвы вѣдь пяти депутатовъ не дадутъ. Первымъ представлялся ему тогдашній городской голова кн. Голицынъ, вторымъ, если не ошибаюсь, Шиповъ; третьимъ «нѣкій Гучковъ, человѣкъ съ энергическою купеческою складкою, ѣздившій на дальній Востокъ и съумѣвшій понравиться въ сферахъ», четвертымъ, не помню, кого называлъ, только не себя. То было время предразсвѣтное, общественныя силы еще не выступили наружу, не дифференцировались; естественно, что расчеты дѣлались изъ наличныхъ, оказавшихся случайно на поверхности элементовъ.

Явился октябрьскій манифестъ, пошла реальная, кипучая подготовительная работа къ первой Думѣ, и за все это время Муромцевъ погруженъ въ работу надъ редакціей законовъ о формальныхъ конституціонныхъ гарантіяхъ и, главнымъ образомъ, надъ редакціей Наказа. Ни вопросы общей тактики, ни избирательная кампанія, ни вопросы программы не могли его оторвать отъ этого пути. На наказъ Думы онъ смотрѣлъ не только какъ на расписаніе о томъ, гдѣ сѣсть и гдѣ встать: онъ видѣлъ въ немъ актъ самоопредѣленія новаго государственнаго организма. Въ мучительный періодъ, протекшій между обѣщаніями 17 октября и воплощеніемъ ихъ въ видѣ Положенія о Государственной Думѣ, многія изъ прерогативъ Думы были урѣзаны. Актомъ самоопредѣленія надо было закрѣпить, фиксировать права, вытекающія изъ природы народнаго представительства, которыхъ не успѣлъ урѣзать положительный законъ; актомъ самоопредѣленія надо было установить формы и предѣлы *своей* дѣятельности, дабы этимъ самымъ установить предѣлы вторженія властей сопредѣльныхъ. Наконецъ—и это главное—для высокой миссіи, для законодательства именемъ

народа, надо было создать высокіе, безупречные способы проявленія воли народа.

Впрочемъ, на дѣлѣ оказалось, что этотъ писанный Наказъ и не понадобился, ибо... предсѣдателемъ былъ самъ Муромцевъ. Наказъ былъ сданъ въ комиссію, тамъ разсматривался, потомъ разсматривался въ Думѣ, а тѣмъ временемъ Дума жила, дѣйствовала и выросла, какъ по волшебному манію, въ стройное законодательное учрежденіе, двигаясь въ путяхъ и формахъ, повелительно указуемыхъ вдохновеннымъ своею миссіей предсѣдателемъ.

Именно вдохновеннымъ. Нужна была вся глубокая вѣра въ самодовлѣющее значеніе правовой формы, въ самый процессъ выдѣленія новыхъ формъ жизни, нужна была вся любовь творца-художника къ воплощаемому въ жизни, въ мукахъ вынесенному замыслу, чтобы такъ непрерывно, неусыпно отдѣлывать и заканчивать эту новую форму, чтобы такъ душевно слиться съ нею, давать ей чеканъ собственной мысли, собственной чистоты и достоинства. «Свершалось великое» въ жизни страны. Но въ каждомъ движеніи того, кто произносилъ эти торжественныя слова, чувствовалось, что самое великое свершается въ его душѣ. Онъ видѣлъ воплощеніе не только нашей общей, но и своей особенной мечты, такъ полно и всецѣло соотвѣтствующей его міропониманію и міроощущенію. Воля народная получала внѣшнее выраженіе, охраняемая незыблемыми гранями закона. Вотъ тутъ, на его глазахъ, подъ его руками, эта безформенная масса 500 разрозненныхъ единицъ отливается въ нѣчто новое, особное, цѣльное — въ государственное учрежденіе. Съ этого мгновенія оно будетъ само жить, двигаться, этою жизнью своею создавать благо. Только бы не дать расплыться матеріи и не слишкомъ ее сдавить тугою формою. Все, все должно быть принесено въ жертву этой цѣли: лишь бы твореніе проявило свое, отдѣльное бытіе... Здѣсь исчезаетъ даже грань между важнымъ и неважнымъ съ точки зрѣнія конечныхъ цѣлей. *Каждое* движеніе, правильное, организованное, знаменуетъ жизнь, ростъ, зрѣлость. Среди бурь и треволненій, среди лязга скрещивающагося оружія, подъ шумъ радостно ликующей новой жизни и гнѣвно вздымающихся волнъ реакціи, среди горячечной спѣшности законодательнаго творчества и страстнаго натиска на произволъ старой власти—*надо* методически провести голосованіе о часѣ слѣдующаго засѣданія, *надо* углубиться въ провѣрку полномочій, *надо* стройно провести

работы комиссій, *надо* оттачивать статьи наказа. Вспыхнуть ликованіемъ, скорбью или возмущеніемъ можетъ толпа, можетъ митингъ; создавать орудіе, всегда и неизмѣнно пригодное для дѣйственнаго выраженія мыслей—такова задача творцовъ *учрежденія*.

Въ ту же сторону, организаціи Думы какъ учрежденія, направлена была не только всѣмъ видимая, торжественная сторона дѣятельности Муромцева на трибунѣ Думы, запечатлѣнная на страницахъ думскихъ отчетовъ, но и вся огромная, хотя и никому не видимая, дѣятельность внѣ засѣданій Думы. Работать *такъ*, какъ работалъ предсѣдатель первой Думы и его канцелярія, не можетъ ни одно постоянное, непрерывно дѣйствующее государственное учрежденіе. Темпъ у нея былъ другой, не обычный. Никакое учрежденіе и никакой человѣкъ, во главѣ его стоящій, не въ состояніи были бы въ теченіе мѣсяцевъ, а то и годовъ, исполнить ту огромную, не всегда замѣтную, кропотливую работу, которую исполнила Дума въ теченіе своего 72-дневнаго, исполненнаго горечи и тревогъ, существованія. Старые думскіе служащіе еще и теперь вспоминаютъ предсѣдателя, уходившаго вмѣстѣ съ секретаремъ въ три часа ночи изъ своего кабинета, для того чтобы на слѣдующій день явиться ровно къ 10 часамъ и опять не выходить изъ зданія Думы до 3 час. ночи. Въ 11 часовъ онъ уже на трибунѣ. Засѣданія идутъ часто дневныя и вечернія. Предѣльныхъ часовъ для засѣданій нѣтъ,—ихъ быть не можетъ: работы такъ много и такой спѣшной. Дневное засѣданіе кончается въ 7—8 час., вечернее затягивается далеко за полночь. А тутъ только начинается канцелярія, работа съ секретаремъ, сношенія съ властями. Машину надо еще только налаживать, никто ее не приготовилъ, а между тѣмъ надо ее сразу двигать—двигать въ совершенствѣ, какъ подобаетъ канцеляріи муромцевской Думы.

И этотъ тяжелый крестъ адской, до отупѣнія тяжелой работы онъ взялъ на себя съ первой же минуты, съ той самой минуты, когда не остыли еще восторги, когда только что «совершилось великое». Торжественное засѣданіе кончено; Дума разошлась; городъ ликуетъ; депутаты, радостные, осыпаемые цвѣтами, идутъ среди ликующей толпы; съ балконовъ льются рѣчи, народъ рукоплещетъ.

А Муромцевъ? Гдѣ Муромцевъ? герой минуты, первоизбранникъ среди первоизбранниковъ народныхъ? Нѣкоторые изъ общихъ друзей нашихъ, вѣроятно, припомнятъ вечеръ 27 апрѣля.

Упоенные счастьемъ, мы собрались, человѣкъ 10—15, у меня на квартирѣ для рѣшенія неотложныхъ вопросовъ: объ отвѣтномъ адресѣ и другихъ событіяхъ ближайшихъ дней. Вечеръ былъ лѣтній, теплый, почти іюльскій. Пришли всѣ по-лѣтнему, налегкѣ, всѣ успѣли уже и пообѣдать и отдохнуть; головы свѣжія, полныя живыхъ впечатлѣній, бесѣда такъ и брызжетъ, веселая, возбужденная,—никому не охота заниматься. Часовъ въ 10 стали, наконецъ, засѣдать. Черезъ часъ звонокъ: появляется предсѣдатель Думы, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, все еще сіяющій тѣмъ же свѣтомъ глубокаго внутренняго восторга, въ какомъ сходилъ въ первый разъ съ трибуны Думы.

— Что это? Откуда?

— Изъ канцеляріи Думы. Надо же было все устроить, наладить; я и предпочелъ остаться и все сдѣлать. Только накормите ради Бога; съ утра ничего не ѣлъ.

Часъ былъ поздній; оказавшаяся подъ рукою скромная закуска послужила трапезою перваго предсѣдателя первой Думы въ первый день его избранія.

Затѣмъ шли дни радостные и нерадостные, а работа все росла и росла. Были у предсѣдателя два товарища, но онъ очень рѣдко сваливалъ тяжесть на ихъ плечи. Время было тревожное, отвѣтственное, поминутно требовался весь талантъ, весь тактъ, вся уравновѣшенность предсѣдателя. И предсѣдатель всегда оказывался на посту...

VI.

Муромцевъ не былъ вожакомъ движенія, и тѣмъ не менѣе онъ сталъ предсѣдателемъ первой Государственной Думы. Не знаю, осуществлялась ли когда-нибудь такая комбинація. Въ предсѣдатели первыхъ представительныхъ учрежденій, особенно вынесенныхъ такими бурными волнами, выбираются обыкновенно люди боевые, сами направлявшіе событія,—люди, могущіе не только представлять учрежденіе, но имѣющіе право и смѣлость направлять и мѣнять самое движеніе. Трудно сказать, что было бы, если бы во главѣ перваго нашего народнаго представительства сталъ человѣкъ такого калибра. Возможно, что онъ съумѣлъ бы болѣе ловко и во-время предохранить Думу отъ того или другого удара; но возможно также, что онъ уронилъ бы народную святыню. Одно несомнѣнно: онъ никогда не могъ бы остаться

въ такой мѣрѣ представителемъ учрежденія, какъ таковаго, символомъ и носителемъ самой идеи народнаго представительства, какъ особаго правового организма, противополагаемаго всѣмъ прочимъ властямъ въ государствѣ. А въ эпоху борьбы, которую намъ суждено вести—быть можетъ, долго еще—за идею народнаго представительства, возвысить такъ эту идею въ народномъ сознаніи, умѣть стать ея обожаемымъ воплощеніемъ важнѣе, быть можетъ, временнаго практическаго успѣха въ борьбѣ за власть.

Нельзя сказать, чтобы Муромцевъ не сознавалъ указанной особенности своего положенія. Единственное соединительное звено между Монархомъ и народнымъ представительствомъ, онъ естественно являлся лицомъ, на которое направлялись взоры всѣхъ жаждавшихъ мирнаго разрѣшенія конфликта. Между тѣмъ предпринимать что-либо для этой цѣли онъ не могъ. Онъ не имѣлъ необходимой для этого увѣренности въ своемъ вліяніи, въ *политическомъ* своемъ авторитетѣ въ глазахъ общества. Вождь движенія можетъ въ рѣшительныя минуты дерзать: онъ знаетъ, что душа его звучитъ въ унисонъ съ тѣми, кто его вознесъ, что его поймутъ, за нимъ пойдутъ. Муромцевъ *такъ* поступать не могъ: онъ психологически былъ связанъ. И пришлось ему и здѣсь искать спасенія въ формальныхъ устояхъ права—въ правовыхъ традиціяхъ конституціоннаго строя. А традиціи эти гласили, что предсѣдатель Думы можетъ вступить въ сферу переговоровъ о власти только *по непосредственному призыву Монарха.* Эту правовую точку зрѣнія Муромцевъ усвоилъ и строго выдержалъ въ самые затруднительные моменты, когда «съ того берега», со стороны высшихъ сановниковъ, начались переговоры и предложенія, направленныя къ образованію такъ называемаго «кадетскаго министерства». Предложенія эти были достаточно солидны; они исходили отъ лица, приближеннаго къ Верховной Власти, и въ перепискѣ съ Муромцевымъ оно ссылалось на докладъ, сдѣланный непосредственно Государю Императору,—они исходили затѣмъ отъ сильнѣйшаго уже въ то время члена правительства и предлагали опредѣленную комбинацію кадетскаго министерства съ однимъ лишь представителемъ бюрократіи въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Что же сдѣлалъ Муромцевъ? Онъ передалъ то, что слышалъ, своимъ товарищамъ. Самъ онъ не счелъ себя въ правѣ предпринять ни одного шага. И это поведеніе его всецѣло объясняется сохранившеюся въ запискахъ его краткою фразою: «*я призыванъ не*

былъ». Только непосредственный призывъ конституціоннаго монарха могъ, по понятіямъ Муромцева, заставить конституціоннаго предсѣдателя Думы нарушить выжидательное положеніе и вмѣшаться въ споръ о власти, безъ урона для силы и достоинства представляемаго имъ учрежденія.

На предсѣдательское мѣсто выдвинулъ Муромцева его общеизвѣстный предсѣдательскій талантъ. Огненную пробу талантъ этотъ выдержалъ еще въ отдаленные, преддумскіе забастовочные дни, въ знаменитомъ засѣданіи Московской Городской Думы 15 октября 1905 года. Москва была объята забастовочнымъ движеніемъ. Столкновенія власти съ населеніемъ грозили ежеминутно разразиться кровавымъ побоищемъ. По почину Московской Городской Думы организовано было въ самомъ большомъ думскомъ залѣ огромное собраніе представителей всѣхъ общественныхъ и партійныхъ организацій, въ томъ числѣ и гласныхъ Городской Думы. И веденіе этого небывалаго по своему составу, состоявшаго изъ самыхъ разнообразныхъ, разрозненныхъ и бурныхъ элементовъ, крайне отвѣтственнаго по послѣдствіямъ своимъ собранія возложено было на Муромцева. И Муромцевъ показалъ себя здѣсь во весь ростъ. Почтенные отцы города мало-помалу незамѣтно исчезали, тонъ наиболѣе крайнихъ организацій становился все болѣе требовательнымъ, подчасъ нестерпимымъ, основная цѣль—созданіе изъ общественныхъ элементовъ умиротворяющаго средостѣнія между властью и населеніемъ—все болѣе оттѣснялась; а онъ стоялъ, ровный, спокойный, среди бушующихъ волнъ и дѣлалъ свое дѣло, претворяя разнородныя части въ правильно дѣйствующее и формулирующее свою волю цѣлое.

Конечно, одного этого спеціальнаго предсѣдательскаго дарованія было бы недостаточно для избранія въ предсѣдатели первой Думы, но, несомнѣнно, оно играло первенствующую роль.

Предсѣдателемъ Муромцевъ былъ особаго, непривычнаго для насъ типа. Въ одномъ изъ посмертныхъ воспоминаній, посвященныхъ Муромцеву, кто-то изъ участниковъ послѣдняго (ноябрьскаго) земскаго съѣзда, на которомъ Муромцевъ два дня предсѣдательствовалъ, разсказываетъ, что земцамъ было какъ-то не по себѣ съ его предсѣдательствованіемъ, что оно было холодно, сухо, жестко. Я присутствовалъ на этихъ засѣданіяхъ и долженъ признать, что наблюденіе вѣрно—дѣйствительно было жестко.

Такое же впечатлѣніе было и отъ предсѣдательствованія его

въ теченіе одного вечера на нашемъ преддумскомъ кадетскомъ съѣздѣ въ апрѣлѣ 1906 года. И тутъ и тамъ Муромцевъ, оставаясь вѣрнымъ своей теоріи безучастности предсѣдателя къ содержанію того, что происходитъ въ собраніи, ставилъ рѣзко свой ультиматумъ: «Кто имѣетъ предложенія, пусть ихъ формулируетъ. Предсѣдатель только голосуетъ дѣлаемыя ему участниками предложенія». Эта система сократила сильно число вопросовъ и голосованій,—это несомнѣнно; только она и упорядочила на земскомъ съѣздѣ доставшееся Муромцеву отъ предшественника весьма запутанное положеніе—до того упорядочила, что земцы, поеживаясь на сухость, попросили его, не въ примѣръ прочимъ, предсѣдательствовать на слѣдующій день. Но вѣрно то, что эта система не совсѣмъ подходитъ для нашихъ — а можетъ быть, и не только нашихъ — непостоянно дѣйствующихъ, не организованныхъ принудительнымъ образомъ, общественныхъ собраній, когда люди разнородные сходятся на мигъ и должны въ теченіе краткаго мгновенія выковать единую волю, всѣхъ объединяющую мысль по вопросамъ сложнымъ, многограннымъ, въ положеніяхъ, крайне отвѣтственныхъ. Здѣсь нужна нѣкая централизующая воля, умѣющая прислушиваться къ шороху каждой индивидуальной мысли среди этого многоголоваго моря, подготовленная технически къ улавливанію этой мысли въ твердую и ясную формулу, имѣющая смѣлость доразвить мысль несозрѣвшую, пользующаяся достаточнымъ авторитетомъ и обаяніемъ, чтобы самой отметать съ пути все лишнее, сохраняя и выкристаллизовывая лишь важное.

И тѣмъ не менѣе большое счастье выпало на долю Государственной Думы, что она получила предсѣдателя именно муромцевскаго типа. Государственное учрежденіе, постоянно дѣйствующее, работающее не на спѣхъ, создающее нормы, обязательныя для милліоновъ, должно быть воспитано такъ, чтобы каждый участникъ умѣлъ и желалъ самъ нести отвѣтственность за формулировку своей мысли. Каждая пядь, уступленная въ этомъ отношеніи комулибо одному, хотя бы и первоизбранному, будь то въ области прерогативъ или обязанностей, есть подрывъ подъ принципъ осуществленія народной воли. Народное представительство, уважающее свою роль, должно *требовать* такого ограниченія власти предсѣдателя. Муромцевъ самъ себя ограничилъ и проводилъ это самоограниченіе съ необычайною послѣдовательностью, почти что съ упорствомъ. «Предсѣдатель предсѣдательствуетъ; Дума обсужда-

етъ и рѣшаетъ; дѣло другихъ органовъ—дѣлать практическіе выводы изъ этихъ рѣшеній». Такъ онъ недавно еще формулировалъ свое credo одному изъ газетныхъ интервьюеровъ. «Въ нѣкоторые моменты жизни первой Думы,—прибавилъ онъ,—члены ея, особенно крестьяне, не разъ обращались ко мнѣ съ просьбой: «Вы бы съѣздили куда слѣдуетъ, объяснили бы». Я категорически отказывался, такъ какъ такое совмѣстительство функцій у предсѣдателя не считалъ конституціоннымъ».

Да, это жестко, сухо, но только такъ выковывается самостоятельное государственное учрежденіе,—такъ воспитывается уваженіе къ нему. Не даромъ лучшіе законы—желѣзные законы.

Для Думы, призванной стать государственнымъ учрежденіемъ, Муромцевъ былъ предсѣдатель волею Божіею, совершенный, незамѣнимый.

Теперь, когда прошли годы, когда первая Дума въ непосильной борьбѣ пала, когда отошелъ въ вѣчность и ея знаменосецъ, многіе—даже изъ друзей, искренно оплакивающихъ Муромцева—склонны не безъ ироніи изображать трагизмъ положенія, въ которомъ очутился Муромцевъ во главѣ Думы, великолѣпно управляемой, но никѣмъ не признаваемой. Это очень игриво, но и очень близоруко. Если первую Думу, даже по ученію самыхъ ярыхъ скептиковъ, надо было во всякомъ случаѣ использовать для того, чтобы съ трибуны ея просвѣтить населеніе для временъ будущихъ, то по меньшей мѣрѣ съ такой же, если не съ большей, настоятельностью диктовалась обязанность использовать ее для временъ и будущихъ, и ближайшихъ, организуя ее, какъ правильно и независимо дѣйствующее учрежденіе, какъ сосудъ, готовый вмѣстить блага, ожидаемыя отъ временъ грядущихъ. Первая Дума пала; но Дума, какъ учрежденіе, существуетъ даже теперь, и какая бы ни прилипла къ ней муть и гниль, онѣ безсильны пока поколебать заложенные Муромцевымъ устои Думы, какъ организаціи.

И если въ памяти народной личность можетъ превратиться въ символъ, то символомъ нарожденія на Руси учрежденія, воплощающаго въ правовой формѣ волю народную, навсегда останется Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ.

М. Винаверъ.

Ноябрь 1910 г.

Воспоминанія депутата-трудовика.

Трудовая группа первой Государственной Думы узнала впервые С. А. Муромцева за нѣсколько дней до открытія засѣданій Думы. Въ клубѣ к.-д. мы совѣщались о выборѣ членовъ президіума, и когда зашла рѣчь о первыхъ дняхъ предстоящей работы и о распорядкѣ самой работы, слово предоставлено было Муромцеву. Фамилію мы слышали и раньше, слышали, что его выдвигаютъ въ предсѣдатели Думы, но до сихъ поръ не знали его,— и, понятно, теперь съ интересомъ мы обратились въ ту сторону, откуда поднялся онъ. Сѣдой, въ сюртукѣ, въ очкахъ, невысокаго роста, даже и голосъ негромкій, незвучный... Онъ говорилъ о распорядкѣ перваго дня, о первыхъ рабочихъ шагахъ организовавшейся Думы, разсказывалъ о техникѣ работы западно-европейскихъ парламентовъ, разсказывалъ такъ много, полно, обстоятельно... Онъ вскорѣ ушелъ, а когда расходились мы,—мы невольно удивлялись этому точному, обстоятельному знакомству съ парламентской работой.

Промелькнули дни нервной работы, и насталъ первый думскій день, 27-е апрѣля, день выбора предсѣдателя Думы. На предсѣдательскомъ мѣстѣ маленькій, сгорбленный, въ золотомъ шитьѣ тайный совѣтникъ Фришъ; депутаты пишутъ записки, пристава собираютъ записки, въ залѣ за колоннами подсчитываютъ записки, докладываютъ, и старческій голосъ тайнаго совѣтника спрашиваетъ:

— Согласенъ ли баллотироваться депутатъ Муромцевъ?

Въ переднемъ ряду поднимается...

— Да, согласенъ.

И голосъ звучитъ отчетливо, громко.

Возбужденно шумитъ Дума, суета вокругъ каѳедры, суетливо

повертывается въ стороны тайный совѣтникъ въ золотомъ шитьѣ, передъ кѣмъ-то сгибается, торопливо протягиваетъ руку... Мы смотримъ впередъ, ждемъ человѣка съ сѣдой головой, въ сюртукѣ, съ негромкимъ голосомъ: на каѳедру входитъ величавая фигура... Звонокъ; немного склонился впередъ, и навстрѣчу восторгамъ отчетливо громко звучитъ:

— Кланяюсь Государственной Думѣ...

Во фракѣ, немного склонившись впередъ, тихо, торжественно, полный величавой силы—предсѣдатель Думы... И въ первой Государственной Думѣ звучитъ рѣчь: короткая и отчетливая; мало словъ, но вѣситъ каждое слово, и каждое слово подчеркиваетъ... Восторженно шумитъ Дума; выпрямляется онъ; звонокъ:

— Объявляю засѣданіе Государственной Думы открытымъ...

Быстрымъ взглядомъ окидываетъ онъ залъ, кладетъ на звонокъ руку,—и съ предсѣдательской трибуны властно звучитъ:

— Прошу постороннихъ удалиться...

Смотримъ кругомъ. У дверей, въ проходахъ растерянно остановились какія-то фигуры во фракахъ и мундирахъ; поднялись въ ложѣ министровъ, растерянно смотрятъ на предсѣдателя Думы. А съ предсѣдательскаго мѣста еще болѣе властно звучитъ:

— Господа пристава, прошу удалить постороннихъ!..

И когда мы подняли головы и оглянулись кругомъ, постороннихъ въ Думѣ не было.

Исторически развивается жизнь: отмираетъ одна эпоха, поднимается новая; и на раздѣльной грани, отмежевывающей одну изъ нихъ отъ другой, для силъ, созидающихъ новое, звучитъ величавый призывъ:

— Постороннихъ прошу удалиться...

Исторически развивается жизнь; вѣка скованныя народныя силы освобождаются для политической жизни; подъ усмотрѣніемъ жившія народныя трудовыя массы идутъ къ избирательнымъ урнамъ, въ законодательное собраніе посылаютъ своихъ представителей. Они приходятъ: крестьяне отъ крестьянъ; неувѣренно нащупываютъ почву; пытливо оглядываются по сторонамъ, пытаясь поднять голову кверху, впередъ, навстрѣчу человѣческой, гражданской жизни. И, наклоняясь къ нимъ, человѣкъ-гражданинъ расчищаетъ имъ русло работы:

— Впередъ!.. Постороннихъ нѣтъ!..

Сознавалъ или не сознавалъ онъ, но онъ такъ ярко выразилъ

настроеніе страны; крылатыя слова произнесъ онъ, и не меньше иныхъ страстныхъ призывовъ врѣзались они въ сердцѣ и памяти тѣхъ, кто изъ глубокихъ нѣдръ жизни пришелъ къ законодательному устроенію жизни.

Днемъ, вечеромъ, ночами кипѣла работа; долгіе часы днемъ, вечеромъ до глубокой ночи, не покидая предсѣдательскаго мѣста, велъ засѣданія Думы ея предсѣдатель—Муромцевъ. Все крѣпче и крѣпче привязывались мы къ нему. Полный авторитета и обаянія стоялъ онъ передъ нами въ Думѣ. Онъ сошелъ въ могилу: и полный глубокаго благородства величественный обликъ его навсегда останется живымъ въ сердцѣ трудовой группы первой Государственной Думы.

Кто не знаетъ Муромцева, какъ предсѣдателя Думы?

Это было необычайное зрѣлище. Онъ былъ не просто знатокомъ своего дѣла, усвоившимъ тонкости парламентской техники,—нѣтъ, казалось, онъ органически былъ созданъ для этой роли, какъ бы вылитъ и выкованъ для этого; что-то чарующее было въ этомъ историческомъ противорѣчіи—свободномъ, сильномъ умѣніи вести парламентское дѣло человѣкомъ страны, никогда не знавшей парламента... И когда онъ поднимался на предсѣдательское мѣсто, клалъ на звонокъ правую руку, коротко ударялъ въ звонокъ, немного наклонялся впередъ, мы спокойно откидывались на своихъ мѣстахъ, мы знали: работа введена въ свое русло.

Для трудовой группы Первая Дума не была послѣднимъ словомъ народнаго представительства; формы парламентской работы не были для нея довлѣющими сами по себѣ: но передъ нами былъ человѣкъ со всей полнотой умѣлаго руководительства,—и ему неслись наши рукоплесканія.

Это умѣніе было такъ необходимо, такъ цѣнно; за это ему признательность наша; но не въ этомъ было его обаяніе для насъ.

Было 72 дня нервной, страстной работы; дни, когда остро и рѣзко сталкивались въ своемъ различіи и противорѣчіи политическіе интересы думскихъ политическихъ группъ, но на предсѣдательскомъ мѣстѣ былъ Муромцевъ, и своимъ звонкомъ онъ одинаково призывалъ къ порядку всѣ стороны Думы. Въ историческій моментъ перваго народнаго представительства, вышедшій изъ среды руководящаго большинства Думы, онъ съумѣлъ подняться до положенія—быть только предсѣдателемъ Думы; и когда онъ

обращался къ Думѣ, то говорилъ *только* ея предсѣдатель, и рукоплесканія наши выражали ему наше довѣріе и одобреніе.

Стоило ли ему это труда или нѣтъ,—мы не знали и не интересовались знать; но онъ съумѣлъ быть такимъ, и это было такъ правильно, такъ необходимо, такъ цѣнно.

Но еще и не это цѣнное и необходимое вѣнчало его благороднымъ достоинствомъ. Когда въ человѣкѣ съ сѣдой головой работаетъ живая мысль и въ великомъ юномъ порывѣ служенія родинѣ бьется его сердце, вотъ *это* импонируетъ; и вполнѣ понятно, что, возвращаясь послѣ бесѣды съ нимъ, крестьяне передавали:

— Вотъ, кажется, всегда бы и говорилъ съ нимъ...

Онъ говорилъ мало, кратко, но каждое слово было взвѣшено. Онъ стоялъ въ центрѣ думской политической жизни, направляя ея офиціальную сторону; но для насъ было ясно, что для него это былъ не вопросъ внѣшней стороны, но одухотворенное занятіе высокаго поста, не вопросъ личнаго интереса, не вопросы политикана.

Офиціальный представитель Думы, онъ сносился съ исполнительной властью, имѣлъ аудіенціи. Что было тамъ—въ этихъ сношеніяхъ, аудіенціяхъ,—онъ намъ не сообщалъ, и мы не добивались этого знать. Мы смотрѣли на него и чувствовали: въ нужную, отвѣтственную минуту, всегда, вездѣ и передъ всѣми онъ сохранитъ благородное мужество, сохранитъ величіе и достоинство своего поста, величіе и достоинство народнаго представительства. Ибо, стоя на высокомъ мѣстѣ, онъ и выкованъ былъ для славнаго поста.

Этимъ приковалъ онъ насъ къ себѣ въ Думѣ; такимъ остался онъ для насъ и послѣ Думы.

Рано утромъ, въ воскресенье, 9 іюля, мы узнали о роспускѣ Думы. Все утро шли переговоры между комитетами думскихъ фракцій о способахъ дѣйствій; въ полдень мы отправились въ Выборгъ; и, право, трудно выразить словами ту удовлетворенную радость, которую пережили мы, узнавъ, что въ Выборгъ ѣдетъ и Муромцевъ! Такъ вѣренъ себѣ! И такимъ остался онъ и тогда, когда на вопросъ одного изъ бывшихъ депутатовъ—подпишется ли онъ, Муромцевъ, подъ обращеніемъ депутатовъ къ народу—онъ отвѣчалъ:

— Я подпишусь подъ всякимъ постановленіемъ собранія...

Судъ надъ бывшими депутатами. Опять крылатыя слова Муромцева:

— Я желаю знать, кто меня судитъ...

Его заключительная рѣчь на судѣ, такого высокаго подъема достигшая въ моментъ, когда онъ заговорилъ о трагедіи страны, въ которой народъ объявляется внутреннимъ врагомъ...

Послѣ суда. Мы въ большомъ политическомъ салонѣ. Выступаетъ ораторъ одинъ за другимъ, одинъ за другимъ привѣтствуютъ осужденныхъ—призванныхъ лучшихъ людей, не склонившихъ своего знамени ни въ дни Думы, ни въ дни испытаній...

Поднимается Муромцевъ. Коротко, отчетливо говоритъ онъ. Говоритъ о лучшемъ будущемъ страны; о томъ, что *придетъ* оно; о томъ, что если въ недавніе дни народъ, никогда не жившій политической жизнью, съумѣлъ выбрать себѣ достойныхъ представителей—значитъ, живы силы народныя, значитъ, выйдетъ страна на дорогу свободы, права, гражданства...

И въ дни торжества, и въ дни испытаній благородный сынъ страны одинаково твердо стоялъ на своемъ посту...

С. Бондаревъ.

Первый предсѣдатель Государственной Думы.

Съ 27-го апрѣля 1906 года, когда сперва 426 записками изъ 436, а вслѣдъ затѣмъ единогласнымъ признаніемъ всей Думы, что этими записками выражено мнѣніе всѣхъ присутствовавшихъ, С. А. Муромцевъ былъ выбранъ предсѣдателемъ первой Государственной Думы, началась его историческая роль, закончившаяся 72 дня спустя—9-го іюля, въ день роспуска.

Какъ ни крупно значеніе Муромцева въ наукѣ, какъ ни цѣнны и ни велики его заслуги на поприщѣ общественной дѣятельности, какъ ни прочна, ни безупречна и ни высока его репутація, какъ адвоката, все же Муромцевъ—предсѣдатель Государственной Думы—заслоняетъ Муромцева ученаго, общественнаго дѣятеля, адвоката. Это настолько общепризнано, что даже стало общимъ мѣстомъ. И тѣ несмѣтныя массы народа, которыя 7-го минувшаго октября провожали тѣло Муромцева на послѣдній покой, прежде всего чтили память предсѣдателя первой Думы.

Какъ извѣстно, въ самые первые дни предсѣдательствованія Муромцева вокругъ имени его какъ бы сложилась легенда. Онъ сталъ какъ бы воплощеніемъ той первой Думы, которая, въ свою очередь, являлась хотя и неполнымъ и несовершеннымъ, но все же воплощеніемъ надеждъ и стремленій широкихъ массъ русскаго народа. Но этого недостаточно. Роль Муромцева въ первой Думѣ была не только внѣшней, не только символической; нѣтъ, прежде всего—и въ этомъ главное ея значеніе—она была ролью творческой, организаціонной.

Если предсѣдательствованіе въ любомъ общественномъ собраніи, несущемъ серьезныя и отвѣтственныя функціи, является

трудной, далеко не всѣмъ доступной и въ высокой степени отвѣтственной задачей, то тѣмъ болѣе, конечно, это слѣдуетъ сказать о предсѣдательствованiи въ законодательномъ учрежденiи. Прежде всего, благодаря свойству задачъ этого учрежденiя, высшихъ и наиболѣе значительныхъ во всей государственной дѣятельности. Сложность парламентской процедуры, великое разнообразiе ея формъ, хитрый и тонкiй механизмъ постановки вопросовъ, голосованiя и т. п.,—все это налагаетъ на предсѣдателя огромный трудъ, все это должно вызывать колоссальное напряженiе всѣхъ его силъ,—умственныхъ, нравственныхъ и даже физическихъ. Къ тому же эта дѣятельность происходитъ не въ тиши кабинета, она не допускаетъ спокойнаго и хладнокровнаго сосредоточенiя, она по самому своему существу зачастую экспромптна, и принимать отвѣтственныя рѣшенiя приходится нерѣдко въ разгаръ партiйной борьбы, среди взрывовъ партiйныхъ страстей; приходится вести твердой рукой корабль по бушующимъ волнамъ и довести его до желанной пристани. Здѣсь требуются не только вниманiе, тщательность, не только находчивость и самообладанiе,—здѣсь прежде всего требуются безпристрастiе и справедливость.

Но этого мало. Огромное многоголовое собранiе, раздѣленное на враждебныя группы, можетъ работать успѣшно только тогда, когда нравственный авторитетъ предсѣдателя стоитъ незыблемо и высоко.

Въ конституцiонныхъ странахъ Запада цѣлая масса условiй облегчаетъ роль предсѣдателя. Здѣсь имѣется комплексъ издавна сложившихся традицiй; имѣются тщательно выработанные и точные регламенты, давно вошедшiе въ плоть и кровь не только предсѣдателя и его помощниковъ, но и всѣхъ членовъ собранiя; имѣется, наконецъ, парламентскiй навыкъ, правильное пониманiе задачъ законодательнаго учрежденiя, извѣстная рутина, смягчающая конфликты и дающая выходъ изъ самыхъ острыхъ положенiй.

Въ первой русской Государственной Думѣ этихъ условiй не было. Ей приходилось дѣйствовать на новой почвѣ, въ новой, доселѣ невиданной, обстановкѣ, безъ наказа, безъ традицiй. Скудны и часто неопредѣленны указанiя закона—Учрежденiя Гос. Думы,—опредѣляющаго порядокъ производства въ Думѣ. Рядъ важныхъ и крупныхъ отраслей, отнесенныхъ къ внутреннему распорядку, по указанiю самого закона должны были быть нормированы наказомъ. Въ Думу пришли люди, зачастую не имѣвшiе ни малѣй-

шаго представленія о формахъ и смыслѣ парламентской работы. Вспомнимъ къ тому же особенности тогдашняго историческаго момента, который еще недавно въ печати названъ былъ героическимъ. Задачи Государственной Думы въ пониманіи разныхъ политическихъ теченій, которыя въ ней были представлены, рисовались совершенно различно. Если съ точки зрѣнія однихъ Государственная Дума представлялась законодательнымъ учрежденіемъ, дѣйствующимъ въ опредѣленныхъ конституціонныхъ рамкахъ, то для другихъ она была трибуной и только трибуной для политической пропаганды, разносящейся по всей странѣ.

Муромцевъ естественно и очевидно держался перваго взгляда, выраженнаго имъ съ неподражаемой яркостью и выпуклостью при самомъ открытіи Думы. Величіе историческаго момента онъ усматривалъ не въ томъ, что открылась первая всероссійская каѳедра свободнаго политическаго краснорѣчія, политической пропаганды, а въ томъ, что въ Государственной Думѣ «воля народа получаетъ свое выраженіе въ формѣ правильнаго, постоянно дѣйствующаго, на неотъемлемыхъ законахъ основаннаго законодательнаго учрежденія». И работа этого учрежденія должна была совершаться «на основахъ подобающаго уваженія къ прерогативамъ конституціоннаго Монарха и на почвѣ совершеннаго осуществленія правъ Государственной Думы, вытекающихъ изъ самой природы народнаго представительства». Дума съ огромнымъ единодушіемъ бурными аплодисментами привѣтствовала эту рѣчь. Тѣмъ не менѣе указанныя два воззрѣнія нерѣдко впослѣдствіи сталкивались и нерѣдко обнаруживалась большая трудность компромисса между ними. Правда, въ первой Государственной Думѣ, за рѣдкими исключеніями, не проявлялось острой партійной вражды, и всѣ члены ея, расходясь въ пониманіи ближайшихъ практическихъ средствъ и различно оцѣнивая возможные результаты, объединены были однимъ общимъ горячимъ стремленіемъ достигнуть освобожденія народа, «создать изъ Россіи свободное, счастливое, могущественное, единое государство» [1]). Но тѣмъ не менѣе понятно, что взаимное непониманіе и различная оцѣнка самаго существа дѣятельности Думы усугубляли трудность парламентской работы и вносили въ нее безконечныя осложненія.

Къ этому еще надо прибавить слѣдующее. Дума дѣйство-

---

[1]) Изъ рѣчи Ѳ. Ѳ. Кокошкина на процессѣ о выборгскомъ воззваніи.

вала въ пустомъ пространствѣ; между ней и тогдашнимъ правительствомъ не установилось, да и не могло установиться никакой связи. Правительство, какъ извѣстно, игнорировало Думу, не вносило законодательныхъ предположеній, тормозило думскую иниціативу и препятствовало ей и словно задалось цѣлью толкнуть Думу съ пути правильнаго законодательнаго дѣйствованія на путь безпорядочнаго и буйнаго митинга. Все это сказалось на первыхъ же порахъ; и, если мы вспомнимъ обстановку открытія первой Государственной Думы, вспомнимъ, что волна общественнаго возбужденія въ то время достигла наивысшей своей точки, что на Думу нетерпѣливо напирали со всѣхъ сторонъ, требуя отъ нея невозможнаго, и съ первыхъ же дней угрожая ей недовѣріемъ и охлажденіемъ народныхъ массъ за то, что она ничего еще не сдѣлала, то мы поймемъ, какая требовалась огромная нравственная сила для того, чтобы всѣмъ этимъ страстнымъ требованіямъ, грозящимъ сразу сорвать Думу съ рельсовъ и дать удобное и безспорное основаніе для роспуска, противопоставить требованіе соблюденія конституціонныхъ формъ и дѣйствованія, основаннаго на законѣ.

До настоящаго времени нерѣдко слышатся голоса, утверждающіе, что такая тактика была ошибкой, что Думѣ надлежало отрѣшиться отъ тѣхъ путъ, которыя на ней лежали, и прямо и открыто вступить на путь самостоятельнаго дѣйствованія, осуществляющаго народныя требованія и игнорирующаго все остальное. Повторяется то, что мы слышали въ Думѣ, что она должна была что-то принять, что-то провозгласить, что-то отмѣнить и что въ тотъ моментъ всѣ бы подчинились. И съ этой точки зрѣнія дѣятельность руководящихъ силъ первой Государственной Думы и самого предсѣдателя ея подвергается критикѣ и осужденію. Другіе, менѣе близорукіе и вѣрнѣе оцѣнивающіе соотношеніе силъ, находятъ, что значеніе первой Государственной Думы, съ точки зрѣнія исторической оцѣнки, исчерпывается значеніемъ ея трибуны и тѣхъ горячихъ рѣчей, которыя расходились по странѣ «и въ свою очередь вызывали дальнѣйшіе отклики, дальнѣйшій ростъ народнаго самосознанія», а привитіе парламентскихъ нравовъ и выработка думскаго наказа—явленіе второстепенное и сравнительно незначительное [1]). Мы здѣсь не будемъ говорить о томъ,

[1]) В. А. Мякотинъ въ „Русск. Богатствѣ“ за октябрь 1910 г., статья о С. А. Муромцевѣ.

что могло бы быть, а только о томъ, что было и осталось. Будущій историкъ нашей государственности, болѣе объективный и разсматривающій явленія въ исторической перспективѣ, лучше съумѣетъ оцѣнить тотъ фактъ, отмѣченный Муромцевымъ въ его послѣднемъ словѣ на процессѣ о выборгскомъ воззваніи, «что первая Дума впервые придала неорганизованному, наполовину стихійному, движенію народа формы организованныя, что въ стѣнахъ Государственной Думы партіи, встрѣтившись между собою, впервые поняли, что пора сойти съ почвы митинга и встать на почву организованнаго собранія». Онъ лучше оцѣнитъ и роль перваго предсѣдателя.

С. А. Муромцевъ къ этой роли былъ какъ бы предопредѣленъ. Все въ немъ, начиная съ его внѣшности и съ его пріемовъ, соединяясь въ одно гармоничное цѣлое, рождало представленіе о человѣкѣ, естественно призванномъ руководить законодательнымъ собраніемъ. Любопытно, что объ избраніи его ни среди выставившей его партіи, ни въ самой Государственной Думѣ не было ни особенныхъ споровъ, ни особеннаго сговора. Какъ-то сразу всѣ поняли и повѣрили, что лучше Муромцева никто не справится съ огромной и тягостной задачей. Я упомянулъ о его внѣшности. Это можетъ показаться мелочью. Но если оцѣнивать и мелочи по тому, зачастую, крупному вліянію, которое онѣ имѣютъ на умы и сердца, то отмѣченная благородной красотой фигура Муромцева, не напускная, а естественная величавость ея, столь замѣтная на предсѣдательской каѳедрѣ, внушительная серьезность его обращенія, его звучный, красивый, удивительно ясный и отчетливый голосъ, строгій взглядъ его живыхъ и умныхъ глазъ,—все это какъ-то соединялось въ одно, чтобы производить неотразимое впечатлѣніе. Напомню колоссальный эффектъ его вступительной рѣчи, достигнутый не только тѣмъ, *что* было сказано, но и тѣмъ, *какъ* были произнесены эти немногія слова, исполненныя такого большого внутренняго значенія. Этой рѣчью Муромцевъ сразу укрѣпилъ тотъ нравственный авторитетъ, который затѣмъ ни на минуту не ослабѣвалъ, а только, наоборотъ, усиливался за все время существованія Думы. Но этого мало. Съ своей изумительной, рѣдкой добросовѣстностью Муромцевъ основательно подготовился къ внѣшней сторонѣ той роли, которая ему выпала. Онъ внимательно и пристально изучилъ западно-европейскіе парламентскіе регламенты, онъ какъ бы проникся ду-

хомъ парламентской работы, сроднился съ нею, еще не вступивъ въ залу Таврическаго дворца, и взошелъ на предсѣдательскую каѳедру во всеоружіи знаній. Онъ сразу чувствовалъ себя на этомъ мѣстѣ вполнѣ свободно и во всѣхъ самыхъ трудныхъ положеніяхъ сохранялъ увѣренность, спокойствіе и самообладаніе.

Я упомянулъ о его подготовкѣ: она была не теоретическая только, но и практическая. Какъ извѣстно, Муромцевъ еще зимою 1906 года работалъ надъ составленіемъ проекта наказа Государственной Думы. Въ этомъ онъ сошелся съ другимъ лицомъ, имя котораго, конечно, не будетъ забыто въ исторіи нашего парламентскаго права. Я говорю о членѣ первой Думы, нашемъ товарищѣ Острогорскомъ. Онъ также въ январѣ 1906 г. остановился на вопросѣ о предстоящей дѣятельности Думы и понялъ необходимость облегчить ея работу составленіемъ регламента, который на первыхъ порахъ могъ бы явиться руководствомъ для предсѣдателя, а затѣмъ и лечь въ основу думскаго наказа. Въ концѣ марта 1906 года Острогорскій встрѣтился съ Муромцевымъ въ Петербургѣ. Проекты того и другого подверглись совмѣстному обсужденію и къ концу преддумія большая насть наказа была въ проектѣ закончена. И Муромцевъ, и Острогорскій имѣли въ виду, что парламентскій регламентъ долженъ сослужить двойную работу, способствуя, съ одной стороны, урегулированію думскихъ порядковъ и—что еще важнѣе—развитію конституціоннаго права. Такъ оно и случилось. Проектъ, готовый къ началу первой сессіи, легъ въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ работъ и находится во внутреннемъ сродствѣ съ наказомъ второй Думы, значительная часть котораго осталась неразсмотрѣнной или непринятой, а также съ нынѣ дѣйствующимъ наказомъ третьей Думы.

Какъ извѣстно, и послѣ роспуска первой Думы Муромцевъ продолжалъ работать надъ наказомъ. Въ 1907 году онъ издалъ книжку, озаглавленную «Внутренній распорядокъ Государственной Думы», въ которую вошли принятыя Думой первыя три главы наказа, далѣе сводъ временныхъ правилъ, одобренныхъ постановленіями и практикой Государственной Думы, и проектъ остальныхъ главъ наказа съ объясненіями. Къ вопросу о наказѣ Муромцевъ нерѣдко возвращался и въ журнальныхъ статьяхъ. Онъ справедливо считалъ, что дѣятельность Государственной Думы только тогда освободится отъ всего случайнаго и наноснаго, когда будутъ даны твердыя формы, для всѣхъ обязательныя. «Соблюденіе из-

вѣстныхъ формъ,—говорилъ Муромцевъ въ первой Думѣ,—есть гарантія нашей свободы и нашихъ правъ. Если мы не будемъ уважать форму въ ходѣ нашихъ сужденій и рѣшеній, мы во многихъ случаяхъ будемъ рисковать посягательствомъ и на наши права, и на нашу свободу».

Но, конечно, истинное значеніе Муромцева не только въ этой крупной и важной работѣ его надъ наказомъ. Эта работа могла быть выполнена Муромцевымъ, если бы онъ остался и рядовымъ работникомъ партіи, даже не вступая въ Государственную Думу и не занимая въ ней предсѣдательскаго кресла. Настоящее организаціонное значеніе имѣли не только работы по составленію наказа, а вся совокупность указаній и разъясненій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ парламентскаго права, которые въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ непрерывно исходили отъ предсѣдателя. Въ офиціальномъ предметномъ указателѣ къ стенографическимъ отчетамъ эти указанія занимаютъ $12^1/_2$ столбцовъ убористой печати, свидѣтельствующихъ о невидномъ, многими забытомъ, ждущемъ еще полной оцѣнки трудѣ. И здѣсь я не претендую на такую полную оцѣнку. Мнѣ хотѣлось бы только напомнить о важнѣйшихъ сторонахъ парламентской работы и всей парламентской жизни, которыя получили данное направленіе силою авторитета С. А. Муромцева.

Отмѣчу прежде всего тотъ ясный и точный взглядъ на особенности положенія предсѣдателя Государственной Думы, который неизмѣнно проводился Муромцевымъ. Онъ указывалъ, что законъ поставилъ предсѣдателя Думы для руководительства ея занятіями. «Однако,—говорилъ онъ,—есть особенности въ положеніи предсѣдателя парламента по сравненію съ предсѣдателями другихъ общественныхъ собраній... Обычною практикою общественныхъ собраній предсѣдателю присваивается еще и роль руководителя по самому существу происходящаго обсужденія. Отъ предсѣдателя обыкновенно ожидаютъ, что, сообщивъ собранію о томъ или другомъ поступившемъ дѣлѣ, онъ тутъ же подскажетъ дальнѣйшее его направленіе, заявитъ о его крайней срочности, предложитъ его немедленное разсмотрѣніе или, наоборотъ, передачу въ комиссію. Во время преній и по окончаніи ихъ отъ предсѣдателя собраніе всегда готово выслушать его личное мнѣніе по дѣлу, принять отъ него проектъ постановленія по дѣлу и т. д. Особенность парламентской процедуры состоитъ въ томъ,

что отъ дѣятельности этого рода она совсѣмъ или почти совсѣмъ устраняетъ предсѣдателя собранія. Въ такомъ многолюдномъ собраніи, какъ Государственная Дума, раздѣленная притомъ на многія фракціи и группы, съ совершенно различными, часто взаимно-противоположными политическими воззрѣніями, приходится особенно заботиться о томъ, чтобы предсѣдательствующій въ собраніи могъ сохранить полное спокойствіе и безпристрастіе. Онъ не долженъ вступать въ борьбу, которую по данному вопросу ведутъ между собою парламентскія фракціи и группы, сосредоточивая все свое вниманіе на внѣшнемъ регулированіи этой борьбы. Инициатива, которую въ обыкновенныхъ общественныхъ собраніяхъ столь охотно присваиваютъ предсѣдателю, должна въ стѣнахъ парламента перейти въ среду самого собранія».

«На этотъ именно путь,—прибавляетъ С. А. Муромцевъ—и стала практика первой Государственной Думы».

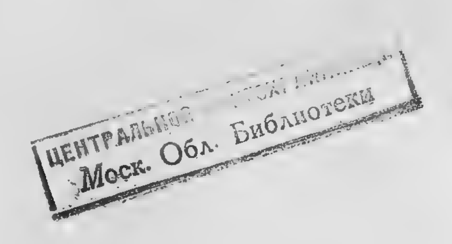
Въ этихъ словахъ очень отчетливо формулирована внѣшняя роль предсѣдателя, отчетливо и вѣрно. Но такое пониманіе правъ и обязанности предсѣдателя, на первыхъ порахъ въ особенности, нерѣдко сталкивалось съ непривычкой законодательнаго собранія, принимать на себя ту иниціативу, которую правильно слагалъ съ себя предсѣдатель. Я помню случай, когда послѣ довольно продолжительныхъ преній, не закончившихся какимъ-либо опредѣленнымъ предложеніемъ, Муромцевъ, выждавъ нѣсколько минутъ, строгимъ голосомъ произнесъ:

«Такъ какъ не сдѣлано никакого предложенія, то мы переходимъ къ очередному дѣлу».

Неоднократно онъ возвращался къ тому, что только изъ среды самого собранія могутъ исходить проекты волеизъявленія Государственной Думы и что предсѣдатель ея перешелъ бы предѣлы своей компетенціи, если бы такъ или иначе вторгся въ эту область. Мало того, когда по одному частному случаю было сдѣлано предложеніе о томъ, чтобы при внесеніи запроса предсѣдатель заявлялъ Думѣ о томъ, имѣется ли по этому запросу большой или малый матеріалъ, Муромцевъ категорически отклонилъ отъ себя даже и такое право. «Я не считаю себя въ правѣ,—заявилъ онъ,—оцѣнивать впередъ всякое дѣло; я его долженъ сообщить; если я оцѣниваю его впередъ,—я какъ будто вызываю извѣстное рѣшеніе, чего я не считаю себя въ правѣ дѣлать».

Съ предсѣдательской каѳедры Муромцеву приходилось касать-

26

ЦЕНТРАЛЬНОЙ
Моск. Обл. Библиотеки

ся и вопроса о значеніи предсѣдателя, какъ представителя всей Государственной Думы. «Самое избраніе предсѣдателя,—сказалъ онъ въ своей первой рѣчи,—представляетъ собою первый шагъ на пути организаціи Думы въ государственное учрежденіе». Предсѣдатель не является представителемъ одной какой-либо группы; вездѣ и во всемъ онъ можетъ быть только представителемъ всей Государственной Думы. Отсюда его власть и его авторитетъ. Онъ одинъ имѣетъ право дѣлать замѣчанія и останавливать оратора. Въ этой области Муромцевъ былъ щепетиленъ до суровости. Напомню, какъ сразу остановилъ онъ оратора, начавшаго свою рѣчь съ указанія, что «здѣсь много было сказано лишняго, не относящагося къ предмету». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сразу и рѣшительно заявлялъ, что по поводу замѣчаній, сдѣланныхъ предсѣдателемъ, никакой наказъ не допускаетъ никакихъ протестовъ, ибо эти замѣчанія дѣлаются въ интересахъ сохраненія достоинства Государственной Думы. Надо сказать, что эти указанія Муромцева никогда не встрѣчали прямого противодѣйствія. Самые горячіе и наименѣе дисциплинированные члены законодательной палаты подавали въ этомъ отношеніи примѣръ. Не было случая, чтобы даже излишняя, быть можетъ, иногда придирчивость предсѣдателя вызвала какое-либо возраженіе со стороны оратора или его единомышленниковъ. Ибо для всѣхъ было непреложной аксіомой, что, дѣлая свои замѣчанія, Муромцевъ всецѣло и исключительно исходилъ изъ соображеній о достоинствѣ и авторитетѣ Государственной Думы. Это знамя Муромцевъ держалъ высоко. И многочисленны тѣ случаи, когда въ сдержанныхъ, вѣскихъ и сильныхъ словахъ онъ призывалъ блюсти моральное значеніе Думы. «Не согласимся ли мы разъ навсегда, что личныя пререканія и оскорбительныя выраженія ниже достоинства Государственной Думы? Я продолжу свою мысль: старый строй, власть котораго во всемъ исходила сверху, пріучилъ къ тому, что люди, стоящіе у власти, часто считали себя въ правѣ наносить подчиненнымъ оскорбленія вмѣсто того, чтобы ограничиться спокойнымъ и авторитетнымъ указаніемъ на неправильность его поступковъ. Неужели же мы, представители русскаго народа, занявъ положеніе въ качествѣ органа государственной власти, будемъ подражать старымъ носителямъ власти?»

Авторитетъ Государственной Думы долженъ стоять высоко прежде всего въ глазахъ ея членовъ. Эта мысль лежитъ въ основѣ

того извѣстнаго афоризма, который въ свое время, въ переиначенномъ и извращенномъ видѣ, былъ истолкованъ, какъ заявленіе о томъ, что никто не смѣетъ критиковать Думу: «Никто не можетъ дѣлать упрековъ съ этой каѳедры Государственной Думѣ по поводу сдѣланныхъ ею постановленій: ея авторитетъ выше нашего личнаго авторитета». Когда одинъ изъ депутатовъ заявилъ, что Дума довольствуется крохоборствующими резолюціями, предсѣдатель трижды его остановилъ во имя достоинства Государственной Думы. «По поводу рѣшенія Думы,—замѣтилъ онъ депутату Петражицкому на его заявленіе, что, къ сожалѣнію, его предложеніе было отклонено,—члену ея не слѣдовало бы выражать сожалѣнія». Я не касаюсь здѣсь того, насколько правиленъ или неправиленъ такой взглядъ, мнѣ хотѣлось лишь отмѣтить его, поскольку онъ характеризуетъ представленіе Муромцева о великомъ значеніи должнаго авторитета Думы. Въ этой же связи можно привести сдѣланное Муромцевымъ указаніе о томъ, что комиссіи думскія обязаны самостоятельно собирать матеріалы для законопроектовъ, не поручая этого дѣла канцеляріи. «Мы не бюрократическое учрежденіе, мы учрежденіе законодательное, которое работаетъ своими силами, поэтому свои силы должны это сдѣлать».

На первыхъ порахъ дѣятельности Государственной Думы передъ нею всталъ вопросъ о порядкѣ осуществленія предоставленной ей закономъ функціи по повѣркѣ правъ. «Пока у насъ еще не произведена повѣрка выборовъ,—заявилъ Муромцевъ въ 6-мъ засѣданіи,—приступить къ законодательной дѣятельности представляется нѣсколько рискованнымъ. Законодательная дѣятельность уже предполагаетъ полную организованность собранія. Нельзя признать собраніе вполнѣ организованнымъ, въ законномъ составѣ, пока составъ его еще не провѣренъ». Въ дальнѣйшемъ предсѣдатель преподалъ цѣлый рядъ указаній, касающихся этой важной и отвѣтственной функціи Думы. Онъ подчеркивалъ, что Государственная Дума есть верховный судья въ вопросѣ о повѣркѣ правъ ея членовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ напоминалъ, что Государственная Дума не утверждаетъ выборовъ, а только провѣряетъ ихъ правильность, при чемъ провѣрка эта должна привести провѣряющую коллегію къ одному опредѣленному заключенію—«да» или «нѣтъ», подлежащему обсужденію и принятію или непринятію со стороны Думы.

Но вотъ Дума организована и приступаетъ къ своей дѣятель-

ности, приступаетъ съ страстнымъ нетерпѣніемъ поскорѣе подойти къ самой сути дѣла, добиться практическихъ результатовъ. Сразу же нетерпѣніе это прорывается въ рѣчахъ и отдѣльныхъ замѣчаніяхъ. Исполненные сознанія высокаго долга, на нихъ возложеннаго, горя стремленіемъ возможно лучше и полнѣе отвѣтить на всѣ предъявленныя требованія, народные представители могутъ легко позабыть о необходимыхъ условіяхъ внѣшняго порядка. Къ тому же въ первыхъ засѣданіяхъ трудность положенія увеличивается тѣмъ, что отсутствуютъ законопроекты. Дума должна либо отсрочить свои засѣданія, либо искусственно создавать себѣ дѣло. Какъ ни спѣшитъ руководящая партія, какъ ни быстро вносятся разработанные ею проекты, все же обязательные законные сроки стѣсняютъ Думу, мѣшаютъ ей; и вотъ придумываются всякаго рода суррогаты, которые должны наполнить пустое пространство. Часть Думы нервничаетъ и сердится, настаиваетъ на томъ, чтобы поскорѣе покончить съ формальностями. «Не для того мы сюда посланы». Сравнительно съ тѣмъ, что ожидается отъ Думы, какъ ничтожны и непонятны на первый взглядъ эти пренія о порядкѣ выборовъ должностныхъ лицъ Думы, о порядкѣ прекращенія преній, объ избраніи комиссіи для составленія наказа и т. д. Вносится предложеніе выработать законопроектъ объ освобожденіи всѣхъ политическихъ заключенныхъ, и предсѣдатель долженъ объяснить, что Дума въ полномъ составѣ не можетъ вырабатывать законопроекта.

Соблюденіе даже внѣшняго порядка представлялось зачастую затруднительнымъ. Непривычные къ строгимъ формамъ депутаты нерѣдко просятъ слова послѣ объявленія прекращенія преній, вносятъ новыя предложенія во время баллотировки и иногда настаиваютъ на этихъ предложеніяхъ, при чемъ предсѣдатель, отклоняя ихъ, вынужденъ опираться исключительно на свой личный авторитетъ, такъ какъ наказа еще нѣтъ. Когда въ третьемъ засѣданіи, послѣ бурныхъ и нѣсколько безпорядочныхъ преній по вопросу о немедленномъ до составленія адреса обращеніи къ Верховной Власти по поводу амнистіи и пріостановки смертной казни, было внесено предложеніе о прекращеніи преній, предсѣдатель своею властью предложилъ высказаться одному «за», другому—«противъ». Высказавшійся «противъ» внесъ въ то же время предложеніе въ новой формѣ. Возникло сразу запутанное положеніе, изъ котораго удалось выйти лишь благодаря твердости

и самообладанію предсѣдателя. «Можетъ быть, я дѣлаю ошибки,— заявилъ онъ,—дѣйствуя по своему разумѣнію, но положеніе предсѣдателя меня къ этому обязываетъ, ибо никакихъ другихъ руководящихъ указаній у меня къ этому нѣтъ. Если желаете, чтобы эта неопредѣленность положенія исчезла, составьте наказъ, который далъ бы вашему предсѣдателю возможно точныя указанія». Къ этому вопросу о наказѣ, о необходимости скорѣйшаго его составленія Муромцевъ нерѣдко возвращался и впослѣдствіи.

Къ той же области внѣшняго порядка относится и упорное стремленіе Муромцева, всячески отстаивая свободу слова, провести границу между рѣчами парламентскими и рѣчами митинговаго типа. По существу, конечно, это не могло всегда удаваться, и здѣсь Муромцевъ иногда встрѣчалъ, если не прямое противодѣйствіе, то нѣкоторый безформенный протестъ. Такъ, когда по поводу нападокъ на представителей правительства онъ заявилъ, что оцѣнка личности кого-нибудь не должна допускаться, что мы не имѣемъ права оскорблять другъ друга,—слова эти вызвали шумъ и тѣмъ не менѣе Муромцевъ тутъ же настойчиво продолжалъ: «Вы можете отнестись отрицательно къ положенію, но никакъ не дѣлать оцѣнки».

Въ интересахъ соблюденія истиннаго характера парламентскихъ преній и полной свободы сужденій предсѣдатель неоднократно обращался къ депутатамъ съ усерднѣйшей просьбой воздерживаться отъ знаковъ неодобренія по адресу ораторовъ. Всякія попытки обструкціи встрѣчали въ немъ рѣшительный отпоръ и указанія на недопустимость прекращенія рѣчей ораторовъ знаками неодобренія. И только въ одномъ случаѣ—извѣстномъ инцидентѣ съ генераломъ Павловымъ—Муромцевъ оказался безсильнымъ и вынужденъ былъ прервать засѣданіе. Помню то серьезное неудовольствіе, съ которымъ онъ отнесся къ этому стихійному взрыву негодованія всей Думы. Онъ понималъ психологію собранія, но съ неумолимой логикой доказывалъ, что тотъ образъ дѣйствія, который обусловленъ былъ такой психологіей, можетъ легко привести къ тупику. «Стоитъ генералу Павлову проявить настойчивость—и онъ сорветъ Думу, такъ какъ законъ не даетъ предсѣдателю права отказать въ словѣ представителю правительства». Какъ извѣстно, ген. Павловъ уѣхалъ—и собраніе успокоилось.

Протестуя противъ неодобренія, Муромцевъ логически долженъ былъ относиться отрицательно къ митинговому пріему под-

черкивать принятіе того или другого рѣшенія рукоплесканіями. «Постановленія Государственной Думы,—заявлялъ онъ,—мнѣ кажется, въ одобреніяхъ не нуждаются». И когда въ отвѣтъ на это замѣчаніе одинъ изъ членовъ Думы возразилъ, что «мы аплодируемъ не по поводу постановленія, а по поводу его единогласія», Муромцевъ тутъ же отпарировалъ это возраженіе, замѣтивъ: «Во всякомъ случаѣ не допускаю мысли, что при неединогласіи вы находите возможнымъ противное».

Въ спискѣ лицъ, призванныхъ къ порядку Муромцевымъ или получившихъ замѣчаніе, мы находимъ почти столько же его партійныхъ единомышленниковъ, сколько и представителей другихъ направленій. Это свидѣтельствуетъ о полномъ безпристрастіи предсѣдателя, проводившаго по отношенію къ всѣмъ безразлично тотъ принципъ, что рѣзкія мысли всегда допускаются, но не требуютъ непремѣнно рѣзкой формы. Къ сожалѣнію, иные изъ думскихъ ораторовъ забывали иногда о томъ, что «приличный образъ выраженій есть необходимое условіе достоинства законодательнаго собранія», хотя, конечно, въ первой Думѣ никто никогда не былъ свидѣтелемъ того грубаго попранія не парламентскихъ только, а общественныхъ и общечеловѣческихъ приличій, невольными свидѣтелями котораго мы сдѣлались впослѣдствіи. Предсѣдателю первой Думы не приходилось ее призывать къ порядку ссылкой на критическіе отзывы о ней, случайно подслушанные на улицѣ. Съ другой стороны, никому никогда не могла бы придти въ голову мысль, что то или другое замѣчаніе Муромцева вызвано желаніемъ посчитаться съ политическими противниками. И невозможно себѣ представить, чтобы Муромцевъ хотя бы на одну минуту попытался оправдать свое дѣйствіе или бездѣйствіе по отношенію къ тому или другому депутату соображеніями о томъ, какъ можетъ быть истолковано это дѣйствіе или бездѣйствіе съ точки зрѣнія интересовъ политической борьбы. Ибо самое примѣненіе этой точки зрѣнія къ предсѣдателю Думы недопустимо.

Какъ я уже замѣтилъ, учрежденіе Государственной Думы даетъ крайне скудныя указанія по цѣлому ряду отраслей парламентской дѣятельности. Самый порядокъ обсужденія и принятія законопроектовъ опредѣляется въ немногихъ общихъ статьяхъ. При строго формальномъ толкованіи относящихся сюда статей Дума на первыхъ порахъ оказалась бы въ безвыходномъ положеніи въ

виду требованія ст. 156 Учрежденія, согласно которой министры извѣщаются о слушаніи въ Государственной Думѣ заявленій объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго или объ изданіи новаго закона не позднѣе какъ за мѣсяцъ до дня слушанія. Для того, чтобы выйти изъ этого положенія, пришлось прибѣгнуть къ тому пріему, который графъ Гейденъ назвалъ нулевымъ чтеніемъ: къ общимъ преніямъ по существу подъ видомъ обсужденія вопроса о направленіи. Замѣтимъ, что это обсужденіе по вопросу о направленіи сохранилось и въ дѣйствующемъ наказѣ третьей Думы, обставленное, конечно, извѣстными ограниченіями.

Въ цѣломъ рядѣ подробныхъ указаній С. А. Муромцевъ разъяснялъ и устанавливалъ дальнѣйшій порядокъ обсужденія и принятія законодательныхъ предположеній: сперва по основнымъ началамъ, потомъ постатейно и, наконецъ, окончательно. Въ отчетахъ мы находимъ множество такихъ указаній, касающихся порядка постатейнаго обсужденія. Муромцевымъ установленъ тотъ принципъ, который фигурируетъ въ параграфѣ 72-мъ дѣйствующаго наказа, что отклоненіе предложенія о переходѣ къ постатейному обсужденію даннаго заявленія равносильно отклоненію всего заявленія. Порядокъ разсмотрѣнія поправокъ точно такъ же на первыхъ же порахъ былъ установленъ, согласно требованіямъ и указаніямъ предсѣдателя. Такъ, онъ ввелъ и неуклонно держался правила, что поправки должны быть представляемы въ письменной формѣ; и никакое предложеніе, сдѣланное съ мѣста или даже заявленное съ трибуны, для него не существовало до той минуты, пока оно не было облечено въ правильную письменную форму. Муромцевъ установилъ и моментъ для внесенія этихъ поправокъ. И здѣсь опять-таки дѣйствующій наказъ третьей Думы слѣдуетъ этому установленному Муромцевымъ порядку: поправки должны вноситься только при вторичномъ постатейномъ обсужденіи, а не при обсужденіи по общимъ основаніямъ. Поправки не могутъ быть вносимы послѣ окончанія постатейнаго обсужденія; онѣ должны вноситься до баллотировки основного предложенія и голосованія, раньше, чѣмъ голосуется это предложеніе. Принятіе поправокъ не препятствуетъ отклоненію всего предложенія при окончательной его баллотировкѣ. Наконецъ, Муромцевъ далъ руководящія указанія и касательно самаго порядка голосованія поправокъ, начиная съ поправокъ стилистическихъ, и продолжая въ порядкѣ большей или меньшей радикальности поправокъ.

Ходъ преній и порядокъ баллотировки, о которомъ законъ почти умалчиваетъ, съ самаго начала былъ налаженъ въ Думѣ и получилъ правильную и неизмѣнную форму, благодаря Муромцеву. Вопросы о признаніи предложенія спѣшнымъ, сложные и трудные вопросы о порядкѣ прекращенія записи ораторовъ и прекращеніи преній, вопросы о законности требованія раздѣленія вопроса передъ его баллотировкой, о повтореніи баллотировки въ случаѣ сомнѣнія въ ея результатѣ по требованію членовъ Думы, разъясненіе, что если предложены двѣ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ и одна изъ нихъ принята, то этимъ самымъ устраняется возможность баллотировать другую,—всѣ эти положенія, облеченныя Муромцевымъ въ ясную и точную форму, сдѣлались прецедентами, опредѣлившими правильное развитіе думской дѣятельности.

Наконецъ, въ области права запросовъ мы находимъ руководящія указанія Муромцева, касающіяся порядка ихъ внесенія и обсужденія, предложенія къ нимъ поправокъ, голосованія и формулировки постановленій по запросамъ. Съ особенною подробностью эти указанія были даны въ десятомъ засѣданіи, предварительно баллотировки одного изъ первыхъ запросовъ, о мѣрахъ борьбы съ голодомъ. И здѣсь опять-таки, Муромцевъ устанавливалъ прецеденты, разрабатывая нетронутую почву. И здѣсь онъ закладывалъ основы будущаго парламентскаго права.

Третья Государственная Дума, какъ извѣстно, отказалась почтить память предсѣдателя первой Государственной Думы. Но изъ всего предыдущаго мы можемъ вывести утвержденіе, что невольно и безсознательно эта память ежедневно и поминутно чтится тѣми самыми, которые хотятъ о ней позабыть.

Spiritus flat ubi vult. Духъ Муромцева вѣетъ все же въ залѣ Таврическаго дворца, облагораживая и нерѣдко очищая его затхлую, недоброкачественную атмосферу. Третья Дума, какъ никакъ, живетъ и работаетъ «по Муромцеву». Пройдутъ годы, уляжется ненависть, наступитъ время для открытаго воздаянія почестей тому, чья роль въ организаціи перваго народнаго представительства была такъ велика и такъ благотворна. Наступитъ день,—мы въ этомъ увѣрены,—когда предложеніе поставить памятникъ Муромцеву въ стѣнахъ Таврическаго дворца будетъ принято, какъ справедливое признаніе его исторической заслуги. Сейчасъ, конечно, этотъ день кажется намъ безконечно отдаленнымъ,

такимъ же отдаленнымъ, какъ дѣятельность самой первой Думы. Мы словно заблудились въ дремучемъ лѣсу, спотыкаемся и падаемъ ежеминутно, попадаемъ въ ямы и рытвины, и не видно конца-края, нѣтъ предчувствія той счастливой минуты, когда изъ этихъ дебрей и колючихъ терній мы выйдемъ на благословенный просторъ, на свѣтъ и воздухъ, на плодотворныя, озаренныя солнцемъ равнины. Но все же въ нашихъ рукахъ есть одно могучее средство. Идея народнаго представительства, нынѣ искаженная, и даже въ самомъ уродливомъ своемъ проявленіи заключаетъ въ себѣ великую силу дальнѣйшаго совершенствованія. Пожелаемъ борцамъ, защитникамъ свободы и правъ народа, чтобы они черпали вдохновеніе и бодрость въ воспоминаніи о томъ, кто своею дѣятельностью явилъ примѣръ такого полнаго и совершеннаго воплощенія этой великой идеи.

В. Набоковъ.

С. А. Муромцевъ и думскій распорядокъ.

Будущій историкъ русскихъ государственныхъ учрежденій получитъ возможность болѣе объективно, чѣмъ современники, оцѣнить всѣ трудности, стоявшія на пути русской конституціонной реформы,—трудности, которыя связаны были не съ однимъ матеріальнымъ, такъ сказать, соотношеніемъ силъ, удѣльнымъ вѣсомъ сталкивающихся соціальныхъ интересовъ, но и съ глубокими привычками и навыками, которые создавалъ въ русскомъ обществѣ весь укладъ стараго порядка. Несомнѣнно, однимъ изъ важнѣйшихъ психологическихъ препятствій являлось господствующее противопоставленіе элементовъ свободы и элементовъ порядка. Для политически неопытнаго сознанія эти начала слишкомъ часто представлялись взаимно исключающими. Поэтому въ Россіи было необыкновенно трудно создать то сочетаніе свободы и порядка, на которомъ только и можетъ держаться конституціонное государство,— сочетаніе, противъ котораго всегда подымается правый и лѣвый политическій максимализмъ. Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ принадлежалъ къ людямъ, которые совершенно живо чувствовали необходимость такого сочетанія, и если это сказалось во всей его политической дѣятельности, то особенно наглядно эти качества бросаются въ глаза, когда мы разсматриваемъ его организаторскую работу, которая неизгладимо вписана въ исторію русскаго народнаго представительства.

У всѣхъ въ памяти тѣ горячіе споры, которые возбуждали вопросы, связанные съ образованіемъ и дѣятельностью народнаго представительства. Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ былъ не единственнымъ, принявшимъ живое участіе въ ихъ разработкѣ, но онъ былъ, вѣроятно, однимъ изъ очень немногихъ, понимавшихъ, что общія конституціонныя рамки сами по себѣ еще слишкомъ широки

и недостаточны, дабы ввести работу парламента въ строго опредѣленное русло. Онъ чувствовалъ, что найти это русло тѣмъ необходимѣе, чѣмъ труднѣе можетъ быть налажена эта работа при общемъ возбужденіи въ атмосферѣ преувеличенныхъ надеждъ и преувеличенныхъ требованій, которыя предъявлялись къ Думѣ. И вотъ, когда члены первой Думы съѣхались въ Петербургъ, они съ удивленіемъ узнали, что у Сергѣя Андреевича уже готовъ проектъ наказа. Проектъ, конечно, не полный, но дающій совершенно готовыя рамки для послѣдующей комиссіонной разработки.

Въ подобной работѣ надъ наказомъ на первый взглядъ ничто не говоритъ чувству и воображенію. Она касается техники, а не принципа, и мы весьма склонны недооцѣнивать ея политическое значеніе. Въ дѣйствительности трудность созданія наказа именно основана на томъ, что здѣсь даются не только техническія заданія, но сталкиваются два принципа, которые во что бы то ни стало должны быть примирены. Прежде всего принципъ парламентской работоспособности. Необходимо, чтобы дѣятельность представительныхъ учрежденій обладала достаточной плодотворностью, чтобы она не тонула въ безконечныхъ преніяхъ, чтобы она не окружена была излишними формальностями. Если старые европейскіе парламенты, имѣющіе за собой долгую законодательную традицію, дѣйствующіе въ средѣ политически отстоявшейся, нуждаются въ условіяхъ, обезпечивающихъ такую производительность работы, насколько еще въ большей степени это относилось къ юному русскому представительству, передъ которымъ стояли такія огромныя перспективы, который самъ былъ окруженъ стихійнымъ броженіемъ? Не было ничего опаснѣе въ эту минуту, какъ скомпрометировать народное представительство, превратить его въ хроническій митингъ. Съ другой стороны, всякій наказъ, по самому смыслу народнаго представительства, долженъ бережно охранять права меньшинства, обезпечивать ему возможность выраженія своихъ мнѣній и своихъ пожеланій. Неуваженіе и нетерпимость къ меньшинству, готовность каждую минуту съ легкимъ сердцемъ зажать ему ротъ—влечетъ за собою неминуемую и полную деморализацію въ рядахъ самого большинства. Мы въ Россіи слишкомъ много страдали отъ нетерпимости и партійнаго сектантства, мы слишкомъ часто видѣли всѣ пагубныя послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ неспособности къ самоограниченію и самообузданію—и для насъ важность этой

стороны дѣла не можетъ подлежать сомнѣнію. Но какъ примирить эти два основныхъ интереса?

Помимо этихъ общихъ условій, сами наши основные законы 23 апрѣля 1906 года и Учрежденіе Государственной Думы 20 февраля, столь искусственно ограничившія полномочія народнаго представительства, дѣлали особенно необходимымъ внимательное отношеніе къ наказу, который хотя бы въ нѣкоторой степени могъ смягчать эти неудобства и стѣсненія.

Сказаннаго достаточно, чтобы оцѣнить интересъ Сергѣя Андреевича къ наказу. Извѣстно, что лишь небольшая часть его послѣ обсужденія въ Комиссіи по наказу, дошла до пленума Государственной Думы и принята была въ засѣданіяхъ 26 и 29 мая. Остальная работа Комиссіи осталась въ видѣ проекта и перешла ко второй Думѣ. Но какъ бы ни измѣнился позднѣе характеръ наказа въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ политическихъ направленій, извѣстное преемство все-таки сохранилось и оно связываетъ третью Думу съ началами русскаго народнаго представительства. Оно будетъ всегда связывать работу русскаго народнаго представительства съ личностью Сергѣя Андреевича Муромцева, положившаго начало „внутреннему распорядку Государственной Думы“ [1]).

Но это была дѣятельность, такъ сказать, подготовительная. Она отступаетъ на задній планъ передъ организаціонной работой, которую выполнилъ Сергѣй Андреевичъ въ качествѣ предсѣдателя, передъ тѣми прецедентами, сдѣлавшимися источникомъ парламентскаго автономнаго права, которые онъ создалъ. Именно, предсѣдатель собранія является, такъ сказать, естественнымъ органомъ подобнаго правотворчества, и роль его мы можемъ лучше всего понять тамъ, гдѣ прецедентъ есть основной источникъ права—въ Англіи. Ея автономное парламентское право покоится прежде всего на дѣятельности ея спикеровъ, авторитетъ которыхъ лишь возрастаетъ по мѣрѣ ихъ удаленія съ арены активной политической борьбы. Достаточно вспомнить все вліяніе, которое оказалъ на это право величайшій изъ спикеровъ 18-го вѣка Онслоу. Но вѣдь тамъ есть правовое и политическое преемство, восходящее къ 13-му вѣку, къ временамъ Великой Хартіи и Симона Монфора,—преемство, которое само составляетъ источникъ авторитета. Въ Россіи первый

[1]) Такъ называлась работа Сергѣя Андреевича, изданная въ 1907 г. передъ открытіемъ второй Думы.

предсѣдатель Государственной Думы долженъ былъ создавать все въ обстановкѣ, исключительно неблагопріятной.

У насъ есть простой способъ обозрѣть дѣятельность Сергѣя Андреевича въ качествѣ руководителя думскихъ работъ; для этого достаточно взглянуть въ указатель стенографическаго отчета Государственной Думы, стр. 202, гдѣ перечисляются всѣ указанія, съ которыми обращался Сергѣй Андреевичъ къ Думѣ. Еще въ самомъ началѣ думской сессіи Муромцевъ, по поводу возбужденнаго вопроса о прекращеніи преній замѣтилъ, что до составленія соотвѣтствующихъ главъ наказа онъ считаетъ необходимымъ самостоятельное руководство. „Когда вамъ, господа, будетъ угодно составить наказъ, то предсѣдатель будетъ всегда подчиняться правиламъ этого наказа. Теперь же, пока наказа нѣтъ, я по совѣсти долженъ руководиться тѣмъ, какъ я понимаю дѣло и какъ мнѣ указываютъ мои знанія и моя опытность“ (засѣданіе 30 апрѣля 1906 года) [1]). И дѣйствительно, если мы соберемъ эти частичныя указанія, то мы получимъ какъ бы цѣльный думскій распорядокъ. Мы имѣемъ здѣсь правила относительно докладовъ, вступившихъ въ дѣло (засѣданіе 30 апрѣля 1906 г.), правило относительно разсмотрѣнія законопроектовъ, ихъ внесенія (24 мая), разсмотрѣнія съ комиссіяхъ, въ общемъ собраніи (19 іюня), особаго порядка для бюджетныхъ законопроектовъ (22 іюня), рядъ правилъ относительно запросовъ, занимавшихъ такое большое мѣсто въ работахъ первой Думы (16 мая, 15 іюня, 4 іюля), относительно выработки порядка дня (29 апрѣля, 2, 5 и 29 мая, 15 іюня, 4 іюля), относительно выбора комиссій (12 мая, 30 іюня), повѣрки правъ членовъ Думы (29 апрѣля, 12 мая, 29 мая) и цѣлаго ряда другихъ сторонъ думской дѣятельности. Всѣ эти указанія предсѣдателя отличались, такъ сказать, полной объективностью: ни разу онъ не далъ повода къ упреку въ какомъ-нибудь произвольномъ толкованіи или непослѣдовательности. Всюду, изучая ихъ, мы чувствуемъ, какъ два упомянутые основные интереса, которые должны найти выраженіе въ правильно составленномъ наказѣ,—интересъ производительной думской работы и обезпеченіе правъ меньшинства,—съ чрезвычайной тщательностью охра-

---

[1]) Это не исключаетъ, по словамъ Сергѣя Андреевича, права предсѣдателя въ затруднительныхъ случаяхъ совѣтоваться съ собраніемъ или бюро (зас. 8 іюня). На основаніи этого предсѣдатель обращается къ собранію съ вопросомъ, какъ надо понимать 3-ью главу наказа о комиссіяхъ въ примѣненіи къ работамъ комиссіи равноправія.

нялись Сергѣемъ Андреевичемъ. Именно это и одухотворяло его формализмъ, именно это заставляло даже людей, весьма мало привыкшихъ къ соблюденію формъ, инстинктивно чувствовать, что здѣсь дѣло идетъ о чемъ-то дѣйствительно важномъ.

Смотря такъ на предсѣдательскія обязанности, Сергѣй Андреевичъ всегда стремился удержать Думу въ рамкахъ закономъ ей отведеннаго положенія [1]). Это не означало, конечно, принципіальнаго сочувствія къ тѣмъ дѣйствующимъ нормамъ учрежденія Государственной Думы и основныхъ законовъ, осуществленіе которыхъ было весьма далеко отъ „совершеннаго осуществленія правъ Государственной Думы, истекающихъ изъ самой природы народнаго представительства“ (рѣчь 27 апрѣля). Это означало сознаніе, что расширеніе правъ Думы можетъ идти только путемъ укрѣпленія ея авторитета, который можетъ быть сохраненъ только на почвѣ совершенной легальности, что примѣненіе методовъ захватнаго права можетъ быть только на руку явнымъ и тайнымъ врагамъ конституціоннаго строя. Чтобы понять всю трудность положенія предсѣдателя, нужно вспомнить, какой популярностью пользовались всякіе агитаціонные лозунги, какъ недавно еще крайними лѣвыми партіями былъ принятъ бойкотъ думскихъ выборовъ. Сергѣй Андреевичъ напоминалъ, что „на собраніяхъ и на митингахъ бываютъ постановленія въ виду заявленія декларацій, а Государственная Дума именно въ качествѣ законодательнаго учрежденія устанавливаетъ положенія, подлежащія тому или иному практическому осуществленію“. Дума не есть учрежденіе совѣщательное, какимъ она предполагалась по положенію 6-го августа. Она осуществляетъ законодательную власть. Ея дѣятельность поэтому совершенно отличается отъ дѣятельности законосовѣщательныхъ собраній; она сама есть часть правительства (24 мая и 16 іюня), поэтому нельзя признать желательнымъ, чтобы Дума, еще такъ сказать, не конституировавшись, не провѣривъ полномочій своихъ членовъ, приступала къ работѣ (8 мая) [2]).

---

[1]) Слова его въ засѣданіи 8 мая: „извѣстное наблюденіе за правильностью хода занятій въ Думѣ съ точки зрѣнія законовъ лежитъ на предсѣдателѣ“.

[2]) Интересны замѣчанія Сергѣя Андреевича по поводу провѣрки этихъ полномочій. При обсужденіи вопроса о выборахъ барона Роппа онъ напомнилъ, что „въ дѣлѣ рѣшенія о правильности избранія своихъ членовъ палата постановляетъ на правахъ суда присяжныхъ то или другое рѣшеніе по своему внутреннему усмотрѣнію, не мотивируя его въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ (Сергѣй Андреевичъ

Точно такъ же предсѣдатель Думы охранялъ тѣ формы, въ которыхъ Думѣ предоставлено право запроса. Здѣсь естественно задача осложнялась тѣми крайне обостренными отношеніями, которыя установились между Думой и министерствомъ, при которыхъ такъ нелегко было охранять думскій порядокъ. Но Сергѣй Андреевичъ энергично боролся съ тѣми проявленіями враждебныхъ думскихъ настроеній, которыя, такъ сказать, противорѣчили законнымъ правамъ власти. Когда въ засѣданіи 3 іюля товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ давалъ объясненія по запросамъ и его прерывали всевозможнымъ шумомъ, Сергѣй Андреевичъ обратился къ Думѣ со слѣдующими словами: „Запросы Государственной Думы сдѣланы, очевидно, для того, чтобы получить отвѣтъ. Чтобы судить о содержаніи отвѣта, нужно его выслушать. При этомъ обращаю ваше вниманіе, что ораторъ въ настоящее время отвѣчаетъ не на вопросы отдѣльныхъ членовъ Государственной Думы, воля котораго выслушать или нѣтъ, но отвѣчаетъ на запросъ Государственной Думы, какъ таковой, ибо такъ запросъ поставленъ въ самомъ законѣ. Ораторъ въ настоящее время желаетъ быть выслушанъ въ отвѣтъ на запросъ Государственной Думы". Когда изъ среды лѣваго крыла Думы дѣлались заявленія о томъ, что министры суть постороннія Думѣ лица, что ихъ необходимо игнорировать, предсѣдатель напоминалъ, что министры и главноуправляющіе на основаніи 40 ст. Учрежд. Госуд. Думы имѣютъ право выступать и по собственной инціативѣ и въ такомъ случаѣ должны быть выслушаны (23 мая). Наконецъ, въ знаменитомъ засѣданіи 19 іюня, когда появленіе главнаго военнаго прокурора вызвало такой протестъ, въ которомъ принялъ участіе и думскій центръ, Сергѣй Андреевичъ собственною властью закрылъ засѣданіе, не считая возможнымъ продолжать его въ такихъ условіяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что при предсѣдателѣ съ меньшимъ самооблада-

---

ссылается здѣсь на Пьера и практику французской палаты, но положеніе одинаково вѣрно относительно всѣхъ палатъ, обладающихъ правомъ провѣрять полномочія сочленовъ). Это право устраняетъ вопросъ о возможности формальной коллизіи съ Правительствующимъ Сенатомъ. Можетъ произойти коллизія матеріальная, но это уже вытекаетъ изъ правъ даннаго учрежденія (29 мая). Въ другомъ случаѣ Сергѣй Андреевичъ, когда отдѣлъ предлагалъ утвердить выборы, напомнилъ: „утвердить выборы нельзя, выборовъ мы не утверждаемъ, есть только провѣрка правильности выборовъ и поэтому заключеніе можетъ быть только такое: признаются ли выборы правильными или неправильными" (6 іюня).

ніемъ, безпристрастіемъ и рѣшимостью стоять на почвѣ закона столкновенія Думы съ министерствомъ могли бы принять еще болѣе рѣзкую, одинаково неправильную юридически и вредную политически форму. Это, конечно, не исключало полной свободы критики правительственныхъ дѣйствій и принятія порядка дня, выражающаго недовѣріе его представителямъ. Здѣсь предсѣдатель первой Государственной Думы совершенно расходился съ мнѣніемъ предсѣдателя совѣта министровъ, который своей декларацiей передъ второй Думой призналъ, что послѣдняя не имѣетъ права выносить вотума недовѣрія министерству. Для Сергѣя Андреевича такое право, не исключенное формально ни Учрежденіемъ Думы, ни основными законами, именно истекало изъ самой природы народнаго представительства.

Но самая интересная сторона дѣятельности Сергѣя Андреевича, какъ предсѣдателя, была та, которая обращалась къ членамъ Думы. Онъ былъ выбранъ единогласно, но это единогласіе не устраняло глубокихъ различій внутри самого народнаго представительства. Поведеніе каждаго члена опредѣлялось не только тѣмъ запасомъ навыковъ и привычекъ, которые онъ приносилъ въ Таврическій дворецъ, но и взглядомъ на значеніе самой Думы. А здѣсь, какъ извѣстно, начинались крайнія разногласія. Передъ предсѣдателемъ невольно возникалъ вопросъ, какъ установить не только внѣшній порядокъ, но и создать нѣкоторое внутреннее единство, я бы сказалъ— болѣе даже единство настроенія, чѣмъ единство пониманія.

Первая задача требовала, конечно, напряженнаго вниманія. Сергѣй Андреевичъ строго воздерживался отъ всякаго, такъ сказать, активнаго направленія думскихъ обсужденій: здѣсь въ его глазахъ и обязанности, и права предсѣдателя кончались [1]), но онъ былъ весьма дѣятеленъ, поскольку нужно было удержать это думское обсужденіе въ установленныхъ формахъ. Съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за говорящими и при всякихъ уклоненіяхъ отъ этихъ формъ ставилъ имъ это на видъ. Въ этомъ

---

[1]) По поводу заявленія относительно пополненія аграрной комиссіи представителями окраинъ, которые явились позднѣе, когда это предложеніе было принято, предсѣдатель заявилъ: „такъ какъ исполнять придется президіуму, то я бы просилъ сдѣлать разъясненіе. Принятая форма неясна; я не возражалъ раньше по существу, потому что предсѣдатель не участвуетъ въ преніяхъ, но когда наступаетъ моментъ исполненія, онъ долженъ получить инструкцію, какъ исполнять“ (30 іюня).

смыслѣ интересно сопоставить тѣ замѣчанія, съ которыми Сергѣй Андреевичъ обращался къ отдѣльнымъ ораторамъ. Основныя ихъ предпосылки могутъ быть формулированы словами его, обращенными къ члену Думы Аладьину, когда тотъ предлагалъ заставить господъ министровъ убраться изъ этого зала: „рѣзкія мысли всегда допустимы, но приличный образъ выраженій есть необходимое условіе достоинства народнаго представительства“ (25 мая). Поэтому же онъ остановилъ Тенисона, когда послѣдній говорилъ о министерствѣ, къ которому Дума относится съ недовѣріемъ, съ недовольствомъ и даже презрѣніемъ (26 мая), Рамишвили, когда послѣдній говорилъ, что въ лицѣ Думы и Правительства встрѣтились народные представители и народный врагъ (24 іюня). Выраженіе Аникина,—правительственные хулиганы,—заставляетъ Сергѣя Андреевича призвать къ порядку не только говорящаго, но и всѣхъ, кто ему апплодируетъ (15 іюня). Столь не недопустимы были, по мнѣнію Сергѣя Андреевича, всякія выраженія, которыя могли быть истолкованы какъ призывъ къ насильственному образу дѣйствія или даже одобренія ему (наприм., по поводу словъ Аладьина въ засѣданіи 26 мая). Недопустимы чисто личныя оцѣнки и нападки: „Мы не имѣемъ права оскорблять другъ друга; вы можете отнестись отрицательно къ положенію, но никакъ не дѣлать оцѣнки“ (засѣданіе 29 іюня). Члены Думы не должны также приводить искаженныхъ фактовъ; когда въ засѣданіи 1-го іюня Недоносковъ утверждалъ, будто Судебная Палата нашла нужнымъ, на основаніи 20 § устранить Ульянова, нашла, что Государственная Дума должна исключить его, Муромцевъ объяснилъ подробно всю неточность этихъ словъ: „простите, пожалуйста, гдѣ же Судебная Палата находитъ? Нигдѣ Судебная Палата этого не находила, никому этого не сообщала, а между тѣмъ вы говорите, что она рѣшила его устранить; такого факта она не сообщила... Ничего она не предлагала. Она просто сообщила Думѣ, что дѣлу данъ ходъ. Даже не Судебная Палата сообщила, вѣрнѣе—прокуроръ сообщилъ; ничего Государственной Думѣ не предлагается, ничего не подсказывается; ничего отъ Думы не испрашивается. Палата только сообщила фактъ, и я думаю, что мы въ правѣ знать тѣ факты, которые относятся къ членамъ Государственной Думы. Мы будемъ судить, правильны они или неправильны, но обязанность каждаго учрежденія сообщать намъ фактъ“. Это характерное замѣчаніе, такъ какъ оно показываетъ, какъ понималъ Сергѣй Андреевичъ обязан-

ность предсѣдателя не входить въ пренія по существу и въ то же время не сводить ихъ съ почвы фактической истинности [1]). Нарушеніе послѣдней являлось въ его глазахъ тяжкимъ умаленіемъ достоинства Государственной Думы.

Охрана этого достоинства заставляла дѣлать замѣчанія членамъ, когда они начинали выражаться въ несоотвѣтствующемъ тонѣ о различныхъ сторонахъ думской дѣятельности, напр., замѣчаніе Недоноскову, говорившему о крохоборствующихъ резолюціяхъ преобладающаго большинства въ засѣданіи 1 іюня, и Скирмунту, говорившему о пустыхъ воззваніяхъ въ засѣданіи 4 іюля.

Но не только отдѣльные члены, а и болѣе или менѣе значительная часть Думы можетъ создавать условія, не соотвѣтствующія необходимымъ формамъ работы народнаго представительства. Здѣсь требовались именно призывы къ порядку, къ соблюденію необходимыхъ формъ, отъ которыхъ зависитъ и сохраненіе свободы слова. Когда слова министра юстиціи въ засѣданіи 19 іюня, доказывавшаго невозможность отмѣны смертной казни въ политическихъ преступленіяхъ, вызвали негодующіе возгласы—„довольно", Сергѣй Андреевичъ сказалъ: „такого способа прекращенія преній въ наказѣ не указано". Такое же замѣчаніе онъ сдѣлалъ, когда при обсужденіи предложенія Стаховича отложить Бѣлостокскій запросъ, раздались голоса—„довольно": „существуютъ правила о томъ, какимъ образомъ прекращаются пренія. Вѣроятно, замѣчанія—довольно—идутъ отъ тѣхъ господъ членовъ Государственной Думы, которые при составленіи правилъ не присутствовали, а прибыли послѣ. Обращаю ихъ вниманіе на то, что такія правила есть: составлены они Государственной Думой, и предсѣдатель отступить отъ нихъ не въ правѣ" (засѣданіе 22 іюня). Естественно, предсѣдателю приходилось останавливать и злоупотребленіе знаками одобренія и неодобренія,—злоупотребленіе, столь трудно устранимое въ той атмосферѣ, въ которой жила первая Дума. По мнѣнію Сергѣя Андреевича, знаки неодобренія вообще не должны имѣть мѣста относительно высказанныхъ мнѣній. По поводу этихъ знаковъ, которыми была встрѣчена въ засѣданіи 16 мая рѣчь Скирмунта по аграрному вопросу, предсѣдатель произнесъ характерныя

[1]) Здѣсь имѣется въ виду, конечно, не фактическая истинность вообще, провѣрить которую предсѣдатель не въ состояніи, а точность въ передачѣ тѣхъ фактовъ, о которыхъ, какъ въ данномъ случаѣ, освѣдомляетъ Думу именно предсѣдатель.

слова: „прошу прощенія, что въ качествѣ предсѣдателя я позволю себѣ сказать слѣдующее: авторитетъ законодательнаго учрежденія, какова Государственная Дума, стоитъ высоко и можетъ стоять высоко только при томъ условіи, что всѣ члены Государственной Думы имѣютъ возможность высказать свободно свое мнѣніе; именно потому, что Дума выслушиваетъ всѣ мнѣнія и, выслушавъ ихъ, постановляетъ свое рѣшеніе большинствомъ голосовъ, именно потому, что рѣшеніе послѣдуетъ послѣ выслушанныхъ всякаго рода мнѣній, это рѣшеніе пріобрѣтаетъ особый авторитетъ и про него нельзя будетъ сказать, что рѣшеніе мотивировано подъ одностороннимъ вліяніемъ. Поэтому я васъ прошу, усерднѣйше прошу воздерживаться отъ знаковъ неодобренія. Эти знаки неодобренія всегда ораторовъ смущаютъ. Можно не одобрять дурной поступокъ, если только допустить, что кто-нибудь изъ насъ способенъ на такой поступокъ, но не одобрять взгляда, который высказывается членомъ Государственной Думы, мнѣ кажется, не слѣдуетъ". Столь же недопустимы эти знаки, выражающіе сочувствіе или несочувствіе постановленіямъ палатъ, что и признано во многихъ парламентскихъ наказахъ: „авторитетъ палаты по отношенію къ ея отдѣльнымъ членамъ стоитъ настолько высоко, что не вызываетъ и мысли о необходимости какого-нибудь одобренія или неодобренія" (засѣданіе 2-го іюня; ср. заявленіе предсѣдателя въ засѣданіяхъ 29 мая и 6 іюня).

Все это формальности, необходимыя для того, чтобы Дума безпрепятственно выполняла свои функціи, но все это еще далеко не исчерпываетъ того, чѣмъ былъ для первой Думы ея предсѣдатель. Его преемники, которые стали бы изучать думскіе протоколы съ цѣлью усвоить себѣ его взгляды на предсѣдательскія обязанности, могли бы здѣсь почерпнуть безъ сомнѣнія много для себя полезнаго; но они впали бы въ глубокое заблужденіе, если бы думали, что ими одними предсѣдательскій авторитетъ достаточно обезпечивается. Этотъ авторитетъ необходимо требуетъ прежде всего извѣстнаго фонда нравственнаго обаянія, котораго нельзя получить никакимъ усвоеніемъ техники. Бентамъ въ своей „Тактикѣ" далъ исчерпывающій анализъ внѣшнихъ, такъ сказать, качествъ, которымъ долженъ удовлетворять предсѣдатель законодательнаго собранія; но едва ли онъ въ должной мѣрѣ оцѣнилъ тѣ качества, которыхъ не можетъ предусмотрѣть никакой наказъ. И если Сергѣй Андреевичъ въ извѣстномъ смыслѣ могъ быть названъ предсѣда-

теле̃мъ Божіей милостью, то, конечно, именно потому, что его формализмъ былъ лишь средствомъ, а не цѣлью, техникой, а не существомъ.

Нравственный авторитетъ Муромцева держался прежде всего на его безусловномъ и полномъ безпристрастіи. Извѣстно, что многовѣковой опытъ англійскаго парламента достаточно показалъ, какое значеніе имѣетъ безпартійность спикера. Въ настоящее время эта безпартійность стала твердо установленной традиціей и она проводится болѣе послѣдовательно и всесторонне, чѣмъ во времена спикера Онслоу и даже „Тактики“ Бентама. Но вѣдь безпартійность можетъ быть выдержана до конца лишь тогда, когда она не есть лишь тактическій пріемъ, а вытекаетъ изъ глубокаго чувства справедливости, и наличность этого послѣдняго у Сергѣя Андреевича ясно сознавала въ себѣ первая Дума. Никто не могъ ему поставить на видъ даже тѣнь какого-либо пристрастія, даже тѣнь желанія примѣнять двѣ мѣры и два вѣса. Его поэтому шокировало всякое выраженіе, которое хотя бы въ силу неудачной редакціи могло быть истолковано въ смыслѣ признанія, что предсѣдатель спеціально связанъ съ какой-нибудь думской группой.

Когда въ засѣданіи 30 іюня Ковалевскій внесъ поправку: „предлагаю, чтобы письменное обращеніе къ 326 депутатамъ англійскаго парламента сдѣлано было отъ имени членовъ Государственной Думы, но за подписью предсѣдателя“, Сергѣй Андреевичъ замѣтилъ: „я просилъ бы выяснить, какимъ образомъ предсѣдатель Государственной Думы можетъ являться представителемъ одной группы? Предсѣдатель Государственной Думы можетъ являться только предсѣдателемъ Государственной Думы“. Всѣ знали, что это не слова. И вотъ почему въ концѣ-концовъ при всей пестротѣ состава Дума никогда не видѣла въ осуществленіи предсѣдательской власти нарушенія своихъ правъ [1].

Но самое то чувство справедливости—не могло ли оно иногда походить на холодный индиферентизмъ? Не могло ли получаться впечатлѣніе, что предсѣдатель чувствуетъ себя на этой недосягаемой высотѣ, недоступной для того, что поглощаетъ мысль и на-

---

[1]) Когда въ засѣданіи 1 іюня Сергѣй Андреевичъ заявилъ: „никакихъ протестовъ по поводу замѣчаній, дѣлаемыхъ предсѣдателемъ, никакой наказъ не допускаетъ, ибо эти замѣчанія дѣлаются въ интересахъ сохраненія достоинства Государственной Думы“, эти слова были встрѣчены общими аплодисментами...

строеніе собранія? Нѣтъ, такое впечатлѣніе ни у кого въ первой Думѣ не являлось. Слишкомъ ясно было, чѣмъ болѣлъ Сергѣй Андреевичъ, и какъ всю эту трудную, утомительную и въ концѣ-концовъ мало благодарную работу по обезпеченію думскаго распорядка онъ дѣлалъ во имя высшихъ морально-политическихъ цѣлей, служенію коимъ онъ себя посвятилъ. И если даже теперь, на разстояніи, когда „такъ мало прожито, такъ много пережито", мы вспоминаемъ дни первой Думы, то съ именемъ Сергѣя Андреевича Муромцева у насъ встаетъ воспоминаніе не объ этой декоративной внѣшности, а о томъ живомъ духовномъ обликѣ, который сквозь нее просвѣчивалъ.

С. Котляревскій.

Первая Дума и ея Предсѣдатель.

Покойный Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ обладалъ выдающимися, если не исключительными, качествами, нужными для предсѣдательствованія въ парламентѣ. По характеру спокойный, уравновѣшенный, нисколько не подавляемый толпой и публичностью, онъ на высокомъ предсѣдательскомъ мѣстѣ, т.-е. передъ лицомъ страны и народа, сохранялъ все свое самообладаніе, всѣ свои умственныя и нравственныя силы, или, вѣрнѣе сказать, тутъ-то именно и обнаруживалъ ихъ во всемъ блескѣ и обаяніи. Въ подвижной и измѣнчивой нравственной атмосферѣ парламентскихъ преній, какъ бы они ни разгорячались,—даже если бы дѣло доходило до настоящей парламентской бури,—онъ всегда оставался хозяиномъ положенія и твердою рукою направлялъ его къ благополучному и разумному исходу. Этотъ рѣдкій даръ: быть въ человѣческомъ общеніи, переполненномъ напряженіемъ человѣческаго ума, чувства, воли, воспринимать въ себя все это напряженіе, готовое нерѣдко вылиться изъ береговъ, и сохранять при этомъ всю свою нравственную независимость отъ происходящаго, вести и направлять эту взбудораженную человѣческую коллективность къ необходимой ей цѣли,—этотъ рѣдкій даръ былъ присущъ С. А. Муромцеву въ высочайшей степени и притомъ совершенно органически. Я думаю, онъ не стоилъ ему даже особаго труда,—онъ пребывалъ въ самой его натурѣ, въ его нервахъ и мышцахъ,—и предсѣдательствованіе въ парламентѣ давало только достойную арену для его проявленія.

Но не только личный характеръ, „темпераментъ“, былъ у Муромцева прирожденный „предсѣдательскій“, — таковымъ же былъ и его умъ. Трезвый, ясный, никогда не запутывающійся въ подробностяхъ или отвлеченностяхъ, онъ такъ же властвовалъ надъ

происходящимъ въ засѣданіи съ логической стороны, какъ его характеръ оставался тамъ хозяиномъ съ нравственной стороны. Самый трудный моментъ для предсѣдателя парламента наступаетъ тогда, когда пренія закончены и когда надо приступить къ голосованію. Тутъ надо формулировать все предложенное такъ, чтобы ничего не пропустить и все расположить въ такомъ порядкѣ, чтобы всякій оттѣнокъ мнѣнія нашелъ свое мѣсто,—чтобы никто при голосованіи не недоумѣвалъ, а, наоборотъ, сразу же видѣлъ и находилъ, гдѣ ему сказать свое „да“ или свое „нѣтъ“. И когда предметъ обсужденія былъ сложенъ, когда высказанныя по поводу него мнѣнія были разнообразны и противорѣчивы, когда внесено множество „поправокъ“, — когда всѣ взволнованы, устали и желаютъ поскорѣе знать „исходъ“ обсужденія,—тогда стройно проголосовать весь заданный матеріалъ становится задачей очень не легкой. Вотъ тутъ-то и сказываются собственныя логическія способности предсѣдателя, — его умѣнье провести „вопросъ“ черезъ баллотировку быстро, ясно, непререкаемо. Здѣсь требуется „чистая“ логическая обработка матеріала человѣческихъ мнѣній, подведеніе ихъ подъ стройную логическую схему, на которой ихъ уже и можно было бы быстро и съ удобствомъ исчерпать. И умъ С. А. Муромцева былъ въ высшей степени способенъ къ этой своеобразной логической работѣ и къ ея совершенію тутъ же, на мѣстѣ, по мѣрѣ развертыванія самыхъ преній. Самыя сложныя голосованія никогда не встрѣчали у него ни задержки, ни замѣшательства. Ораторы могли смѣло нагромождать груду сырого матеріала своихъ мнѣній, предложеній, поправокъ и пр., могли каждый „поворачивать“ предметъ обсужденія въ свою сторону, могли, наконецъ, какъ это бываетъ даже и въ парламентскихъ преніяхъ, тянуть иногда „кто въ лѣсъ, кто по дрова“, — сильнѣйшая логика того, кто слушалъ все это, сидя на предсѣдательскомъ мѣстѣ, превращала весь этотъ хаосъ въ стройный порядокъ и исчерпывала его простымъ въ своемъ логическомъ построеніи и для всѣхъ яснымъ голосованіемъ.

Однако у С. А. Муромцева, кромѣ нравственной твердости характера, кромѣ логической силы ума, былъ и еще одинъ важный рессурсъ для предсѣдательствованія въ парламентѣ: это „эстетика“, „красота“ его предсѣдательскаго руководства засѣданіями. Въ этомъ дѣлѣ покойный Сергѣй Андреевичъ не былъ простымъ, хотя бы и безукоризненнымъ техникомъ,—нѣтъ, онъ былъ здѣсь

настоящимъ художникомъ. Онъ находилъ для своего предсѣдательскаго поведенія такія формы, которыя восхищали своей пластичностью, своей художественной красотой, независимо отъ своей технической цѣлесообразности. Его нравственное господство надъ парламентскимъ засѣданіемъ не было отталкивающимъ, его логическій распорядокъ въ руководствѣ преніями не былъ сухимъ. Наоборотъ, и то, и другое носило на себѣ отблескъ какой-то красоты, было полно какого-то художественнаго обаянія. Его предсѣдательствованіе не столько покоряло, сколько очаровывало, какъ очаровываетъ насъ созерцаемая картина, какъ очаровываетъ слушаемая нами музыка. Иногда опредѣляютъ „прекрасное", какъ то, что „есть", какимъ ему „слѣдуетъ быть", и чему „слѣдуетъ быть" именно такимъ, каково оно „есть". Предсѣдательствованіе Муромцева было „прекраснымъ" именно въ этомъ смыслѣ. Глядя на него, вы чувствовали, что это какъ разъ то, что „надо"—ни больше, ни меньше—и что „надо" именно то, что въ немъ какъ разъ и „есть".

Природа какъ бы нарочно создала С. А. Муромцева для его послѣдней жизненной задачи—для предсѣдательствованія въ первомъ русскомъ парламентѣ—и богато одарила его всѣми необходимыми для этой цѣли средствами. А онъ самъ, какъ бы готовясь въ теченіе всей своей жизни къ этому послѣднему своему поприщу, развилъ и изощрилъ въ себѣ данныя ему природой „предсѣдательскія" качества, доведя ихъ не только до высшей силы, но и до художественной красоты. Впрочемъ, еще за годъ до открытія первой Думы онъ, уже вполнѣ опредѣленно предвидя близкую парламентскую жизнь Россіи, посвятилъ свое время самому тщательному изученію парламентскихъ наказовъ разныхъ странъ, парламентскихъ обычаевъ, прецедентовъ и т. п.

Такъ судьба выдвинула для первой русской Государственной Думы „прирожденнаго" предсѣдателя, — предсѣдателя, который могъ бы всюду съ честью занимать свое мѣсто и составить украшеніе любого европейскаго парламента.

* * *

Однако если мы хотимъ оцѣнить историческое значеніе и историческую роль С. А. Муромцева въ жизни Россіи, то намъ надо обратить вниманіе не на эти только безспорныя и выдающіеся „предсѣдательскія" качества покойнаго, а также и на то, гдѣ и

когда ему пришлось ихъ примѣнять. Вѣдь покойный не былъ предсѣдателемъ *любого* парламента; онъ былъ предсѣдателемъ *первой русской Государственной Думы* съ ея особымъ историческимъ положеніемъ и съ ея особой, выпавшей именно ей на долю, исторической задачей. Поэтому, если ему должно быть отведено достойное мѣсто въ русской исторіи, то только въ связи съ этимъ фактомъ. Роль Муромцева имѣетъ большое историческое значеніе для Россіи, но лишь въ томъ случаѣ, если его имѣетъ первая русская Государственная Дума; и это значеніе у нихъ совершенно общее, одно отъ другого неотдѣлимое. С. А. Муромцевъ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ участниковъ того историческаго вклада, какой сдѣлало первое русское народное представительство въ жизнь русскаго народа и русскаго государства. Поэтому при его оцѣнкѣ неизбѣжно поставить вопросъ:

А въ чемъ же заключается этотъ историческій вкладъ въ русскую жизнь первой Государственной Думы и чѣмъ въ немъ участвовалъ покойный С. А. Муромцевъ?

Вопросъ объ историческомъ значеніи первой Государственной Думы—въ настоящее время все еще вопросъ спорный и притомъ съ разныхъ сторонъ. Для него далеко еще не пришло то время, когда онъ будетъ разрѣшаться всѣми единодушно и съ исторической непререкаемостью. Но все же попытки уяснить его себѣ уже и въ настоящее время, хотя бы только предварительно, хотя бы безъ всякой претензіи на непререкаемость, представляются для всѣхъ, кому дороги судьбы Россіи, крайне важными. Вѣдь первая Государственная Дума—во всякомъ случаѣ центральный фактъ и высшій пунктъ нашего освободительнаго движенія. Активная русская политическая мысль, давая себѣ, съ одной стороны, отчетъ въ судьбахъ Россіи, а съ другой—пытаясь направлять эти судьбы въ ту или иную сторону, не можетъ ни пройти мимо этого факта, ни закрыть на него глаза. И мы думаемъ, что лучшею данью памяти покойнаго предсѣдателя первой русской Государственной Думы должно являться настойчивое стремленіе дать себѣ отчетъ въ значеніи для Россіи этого именно факта, т.-е. того, что первая Дума существовала и что она использовала свое существованіе для тѣхъ, а не иныхъ актовъ своей дѣятельности.

* * *

Какъ „произошла“ первая Государственная Дума?

Она родилась изъ нѣдръ той борьбы русскихъ общественныхъ силъ, которая заполнила собою конецъ 1904 года, весь 1905 годъ и начало 1906 года. Борьба эта къ моменту выборовъ въ первую Думу достигла весьма большого напряженія: достаточно вспомнить о серіи погромовъ, съ одной стороны, и о московскомъ вооруженномъ возстаніи—съ другой. Оружіе уже было поднято, кровь лилась съ обѣихъ сторонъ. Генію народа предстояло рѣшить вопросъ: продолжать ли и усиливать разрушеніе, стремясь довести его до самыхъ коренныхъ историческихъ учрежденій государства, или же, добившись по манифесту 17 октября признанія необходимости конституціонныхъ основъ для управленія государствомъ, приняться на этомъ фундаментѣ за работу созиданія? Иными словами, превратить ли русское освободительное движеніе въ настоящую *революцію*, въ тотъ государственный *переворотъ*, при которомъ прежняя власть опрокидывается и замѣняется иной, вновь созданной внѣ связи съ прошлой, или же оставить это движеніе только освободительнымъ,— освободительнымъ отъ старой немощи абсолютизма, съ цѣлью только поставить существующую монархическую власть во взаимодѣйствіе съ народнымъ представительствомъ?

Поставленный передъ такой исключительной проблемой геній народа рѣшилъ въ пользу второго, рѣшилъ безъ всякихъ колебаній. Внѣшніе руководители тогдашняго историческаго процесса въ лицѣ сложившихся уже политическихъ партій предлагали народу на выборъ *два* пути: одинъ путь—*бойкота* выборовъ въ Думу, т.-е. продолженія революціи и разрушенія, съ цѣлью закончить ихъ полнымъ государственнымъ переворотомъ; другой путь—*выборовъ* въ Государственную Думу, съ цѣлью остановить государственное разрушеніе и приняться за государственное созиданіе.

Народъ, можно сказать, даже и не задумался надъ этой дилеммой. Первый путь казался политическому сознанію широкихъ народныхъ массъ чѣмъ-то чуждымъ, непонятнымъ, даже „неудобомыслимымъ“. Народъ просто принялся за выборы въ Думу, принялся съ удивительнымъ энтузіазмомъ, съ крѣпкой вѣрой въ правоту и необходимость именно этого пути. Это состояніе энтузіазма и вѣры въ выборы, въ институтъ народнаго представительства, проникло въ народныя массы на такую глубину и стало тамъ столь мощнымъ, что сопротивляться ему было невозможно: подъ вліяніемъ его даже многіе изъ тѣхъ, кто проповѣдывалъ „бойкотъ“,

сами пошли къ избирательнымъ урнамъ, не будучи въ силахъ противостоять всенародному воодушевленію.

Такимъ образомъ первая Дума „произошла“, если и не прямо какъ отрицаніе революціи вообще, то, во всякомъ случаѣ, какъ отрицаніе *надобности* въ революціи тогда, когда явилась *возможность* законнаго народнаго представительства. Первая Дума по условіямъ самаго своего происхожденія воплощала въ себѣ народное рѣшеніе — оставить *разрушеніе* и перейти *къ созиданію*: созиданію института народнаго представительства въ давно существующемъ государственномъ зданіи Россіи, т.-е. *не на мѣстѣ* разрушеннаго, а *внутри* остающагося цѣлымъ многовѣковаго русскаго монархическаго строя.

Что же дѣлала первая Дума въ теченіе тѣхъ двухъ съ небольшимъ мѣсяцевъ, когда она существовала?

Она дѣлала именно то, что можетъ и должно дѣлать народное представительство—не больше и не меньше. Народное представительство должно быть прежде всего нелицепріятнымъ и мужественнымъ выразителемъ народныхъ нуждъ, народныхъ интересовъ, народныхъ желаній. Оно должно быть повѣреннымъ, и притомъ вѣрнымъ повѣреннымъ своего довѣрителя—народа. Первая Дума такъ и начала съ того, что она выразила народныя нужды, народныя желанія въ томъ актѣ, который навсегда останется лучшимъ памятникомъ ея вѣрности своему долгу передъ народомъ-довѣрителемъ:—въ отвѣтѣ на тронную рѣчь. Отвѣтъ первой Думы на тронную рѣчь—это вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтъ ея на народное къ ней довѣріе.

Таковъ былъ первый актъ въ дѣятельности первой Государственной Думы. Второй актъ наступилъ тогда, когда „декларація“ тогдашняго министерства, въ отвѣтъ на предъявленное Думой выраженіе народныхъ нуждъ и желаній, категорически заявила: „совершенно недопустимо“. Такъ какъ русская бюрократія этимъ самымъ стала на пути осуществленія тѣхъ желаній, которыя были заявлены отъ имени народа законнымъ его представительствомъ, то это представительство поспѣшило выразить свое „недовѣріе“ министерству и потребовало, чтобы оно вышло въ отставку, давъ мѣсто такому министерству, которое дорожило бы довѣріемъ народнаго представительства. Такимъ образомъ, второй актъ дѣятельности первой Государственной Думы заключался въ громко и категорически заявленномъ отрицаніи бюрократическаго способа

управленія страной и въ требованіи, чтобы это управленіе перестало быть „отрицаніемъ“ самого народнаго представительства.

Такъ совершились, въ первой половинѣ мая 1906 года, два важнѣйшихъ акта дѣятельности первой Государственной Думы. Дальше началась борьба,— борьба съ правящей бюрократіей,— какъ ее потомъ называли, „борьба за власть“. Министерство Горемыкина въ отставку не вышло. Оно стало просто игнорировать самое существованіе народнаго представительства, почти не появляясь на министерскихъ скамьяхъ Государственной Думы или появляясь тамъ въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ лишь для того, чтобы вновь и вновь возобновить свою распрю съ народными представителями.

Первая Дума пыталась воздѣйствовать на министерство путемъ запросовъ, но это ни къ чему, кромѣ обостренія уже получившагося конфликта, не вело; съ другой стороны, Дума обсуждала выдвинутые ею самою законопроекты. Это обсужденіе имѣло огромное воспитательное значеніе для населенія, которое съ жадностью читало тогда думскіе отчеты и находило для себя въ нихъ много поучительнаго съ точки зрѣнія пониманія условій новой конституціонной жизни Россіи. Но по существу это обсужденіе не обѣщало никакого удовлетворительнаго результата, пока бюрократическое министерство оставалось на своемъ мѣстѣ и продолжало занимать непримиримую позицію по отношенію къ народному представительству. Узелъ событій свелся такимъ образомъ къ вопросу о замѣнѣ министерства бюрократическаго „думскимъ“ министерствомъ, и, какъ извѣстно, въ теченіе нѣкотораго времени историческій маятникъ съ нерѣшительностью колебался тогда между этими двумя точками: призваніемъ къ власти „думскаго“ министерства и оставленіемъ ея въ рукахъ министерства бюрократическаго,—колебался, пока не остановился на одной изъ нихъ: на предпочтеніи министерства бюрократическаго министерству „думскому“.

Но если дѣло дошло такимъ образомъ даже до „борьбы за власть“, то какъ же Дума вела себя въ этой возникшей „борьбѣ“? Она вела себя, какъ народное представительство,—*и только* какъ народное представительство. Она бросила на вѣсы исторіи весь свой нравственный авторитетъ, какъ таковаго, — она добивалась *законнаго* результата *законнымъ* путемъ, но не сдѣлала ни одного шага въ сторону *узурпаціи* власти, въ сторону ея *захвата* неза-

конными средствами, въ сторону превращенія себя изъ законодательнаго учрежденія въ конвентъ. Народное представительство оставалось упорнымъ, несговорчивымъ, оно упрямо добивалось своего,—но въ предѣлахъ своей законной роли, какъ парламента.

И этимъ путемъ къ двумъ, указаннымъ выше, *положительнымъ* актамъ своей дѣятельности: отвѣту на тронную рѣчь и выраженію недовѣрія министерству, первая Дума присоединила длительный *отрицательный* актъ: свое принципіальное и твердое нежеланіе выйти изъ роли народнаго представительства и перейти къ такъ называемымъ „внѣ-парламентскимъ“ способамъ борьбы для достиженія своей цѣли. Дума осталась парламентомъ—и только парламентомъ въ теченіе всѣхъ 72 дней своего существованія. Она была таковымъ не только въ свои первые дни, когда ее отовсюду привѣтствовали и когда, казалось, передъ ней раскрылось свободное поле для необходимаго народу государственнаго творчества, но и тогда, когда передъ ней воздвигли глухую стѣну бюрократическаго противодѣйствія ея планамъ и когда началась у нея съ бюрократіей „борьба за власть“, борьба безкровная, законная, но рѣшительная, борьба не на животъ, а на смерть. Въ этой борьбѣ Дума осталась тѣмъ, въ качествѣ чего ее выбралъ народъ и чѣмъ она явилась съ самаго начала,—народнымъ представительствомъ, долженствующимъ занять свое необходимое мѣсто въ историческомъ строѣ русскаго государства,—занять *въ замѣну* и *въ отрицаніе* бюрократіи, но не монархіи.

* * *

Такимъ образомъ, первая русская Государственная Дума—это есть первое творческое усиліе русскаго народа, направленное на то, чтобы поставить и утвердить у себя, по примѣру другихъ народовъ, народное представительство, какъ факторъ своей государственной жизни, превращающій историческую русскую монархію изъ абсолютной въ конституціонную. Народъ сдѣлалъ это усиліе, выбравъ его какъ наилучшее изъ всего того, что онъ могъ сдѣлать, будучи призванъ исторіей—при обстоятельствахъ критическихъ и чрезвычайныхъ—къ устроенію своего государственнаго бытія; онъ сдѣлалъ его, полный энтузіазма и глубокой вѣры въ его необходимость и правоту. И первая Дума явилась вѣрнымъ выразителемъ и этого усилія народной воли, и этого энтузіазма, и этой вѣры въ народное представительство. Она въ этомъ отношеніи не

разошлась съ пославшимъ ее народомъ,—она приняла на себя данное ей предназначеніе и осталась ему вѣрна до конца. Она не хотѣла выходить изъ его предѣловъ, но внутри его она не отступила ни передъ однимъ шагомъ, который требовался временемъ и тѣми обстоятельствами, среди которыхъ пришлось дѣйствовать.

Первая Дума—это первый шагъ, совершенный Россіей въ сторону водворенія въ ней дѣйствительной конституціи; шагъ этотъ совершенъ не на бумагѣ и не по изволенію однихъ верховъ, а всенародно, волею и разумѣніемъ всего населенія Россійской имперіи. Это вся Россія, это русскій народъ вступилъ на путь конституціи, и значеніе первой Думы заключается въ томъ, что этотъ первый шагъ на неизбѣжномъ для Россіи конституціонномъ пути оказался твердымъ, увѣреннымъ, опредѣленнымъ, не погнувшимся ни вправо, ни влѣво.

Идея, смыслъ, историческое оправданіе первой Думы заключается въ принципѣ народнаго представительства и въ назрѣвшей необходимости ввести его въ составъ нашего государственнаго строя. Полное осуществленіе этого принципа—не легко, для него требуется и время, и преодолѣніе стоящихъ на пути его препятствій. Ожидать этого осуществленія разомъ, однимъ ударомъ—это значило бы вѣрить въ соціальныя чудеса. Но крайне важно было для всего послѣдующаго конституціоннаго развитія Россіи, чтобы этотъ первый напоръ народа на неподатливую инерцію стараго государственнаго устройства былъ въ сторону конституціи и *исключительно* въ сторону конституціи; крайне важно было, чтобы первое русское народное представительство, съ одной стороны, *не измѣнило* народу, а съ другой стороны, *не распоряжалось* народомъ для тѣхъ цѣлей, которыхъ народъ ему не ставилъ.

Первая Дума—это народное представительство во всей его силѣ, какъ таковаго, поскольку оно опирается на народъ и поскольку оно безстрашно и неуступчиво выражаетъ народную волю и народныя нужды передъ лицомъ другихъ факторовъ государственной жизни.

Но первая Дума—это вмѣстѣ съ тѣмъ народное представительство во всемъ его безсиліи передъ другими факторами государственной жизни, поскольку оно не хочетъ выходить изъ своей роли, какъ таковаго, и поскольку оно не прибѣгаетъ къ такъ называемымъ внѣ-парламентскимъ способамъ борьбы со своими противниками.

Первая Дума въ полной мѣрѣ имѣла за собою указанную силу; но ей въ полной мѣрѣ пришлось испить также и чашу указаннаго безсилія. Занявъ мѣсто на аренѣ русской государственной жизни, она предъявила здѣсь всѣ свои права, опираясь на волю народа, но ей пришлось тотчасъ уйти съ этой арены, ничего не сдѣлавъ для народа, потому что она непримиримо столкнулась съ силами, не желавшими признавать этихъ правъ, желавшими попрежнему безконтрольно хозяйничать въ Россіи.

Первая Дума — это цѣльный историческій образъ и цѣльный историческій поступокъ. Этотъ образъ—народное представительство, этотъ поступокъ—предъявленіе правъ народнаго представительства во вновь созданномъ манифестомъ 17 октября русскомъ государственномъ строѣ. Все остальное—только историческая обстановка, въ которой произошло это первое выступленіе народнаго представительства въ Россіи.

И если первая русская Государственная Дума получила этотъ свой цѣльный историческій обликъ, если дѣятельность ея оказалась однимъ цѣльнымъ историческимъ поступкомъ, то не слѣдуетъ забывать, что этимъ мы въ немалой степени обязаны тому, что во главѣ ея стоялъ С. А. Муромцевъ. И это уже не потому, что С. А. Муромцевъ былъ „прирожденнымъ“, исключительнымъ по своимъ качествамъ „предсѣдателемъ“, а потому, что онъ былъ внутренно „единосущенъ“ съ историческимъ предназначеніемъ и съ исторической ролью первой Думы по всему складу своей натуры, по самымъ глубокимъ своимъ убѣжденіямъ.

* * *

Натура Муромцева—въ самой своей основѣ—есть прежде всего натура *юриста*, но юриста въ лучшемъ смыслѣ этого слова, т.-е. не какъ дѣльца около права и не какъ искусника съ правомъ, а какъ истиннаго жреца права. И какъ общественный дѣятель, и какъ ученый, Муромцевъ видѣлъ въ правѣ величайшую общественную цѣнность, а какъ личность со своими особыми индивидуальными склонностями, онъ тянулся къ праву всѣмъ своимъ существомъ, онъ любилъ право, какъ священникъ любитъ свою службу или какъ художникъ любитъ свое искусство. Стихія права была родной ему стихіей, онъ въ ней плавалъ легко и свободно; общеніе съ ней его освѣжало, давало ему бодрость и силу. Въ этомъ

отношеніи, какъ личность, онъ былъ полной противоположностью, напр., Л. Н. Тостому, который ненавидѣлъ и презиралъ право.

Но Муромцевъ могъ и хотѣлъ быть только жрецомъ права; онъ не могъ и не хотѣлъ быть прислужникомъ при его храмѣ. Для служенія ему необходимо было божество, а не мертвое идолище; онъ могъ и хотѣлъ служить только настоящему одухотворенному, живому праву,—праву, какимъ ему слѣдуетъ быть, а не мертвому, отжившему, вредному праву,—тому праву, которое становится поперекъ дороги исторической жизни народа и задерживаетъ его въ его законномъ и неизбѣжномъ развитіи. Муромцевъ хорошо зналъ, что право должно служить жизни и должно слѣдовать за жизнью, организуя ее къ живому поступательному ходу, а не къ мертвому застою; вмѣстѣ съ своимъ учителемъ великимъ Іерингомъ онъ считалъ, что внутреннимъ движущимъ принципомъ права является „цѣль" и что эта цѣль заключается въ обезпеченіи „жизненныхъ условій" общества. Право для него было достойнымъ благоговѣйнаго, любовнаго служенія только тогда, когда оно „образовано" въ соотвѣтствіи съ жизненными условіями, и онъ хорошо зналъ, какъ право въ этомъ смыслѣ „образуется" и „преобразуется". Жить и дѣйствовать въ благоустроенномъ храмѣ подлиннаго, опирающагося на народное сознаніе и на народныя потребности права,—неспѣшно и истово, въ полной точности и съ любовью истолковывать и исполнять всѣ его предписанія—вотъ что соотвѣтствовало глубочайшимъ индивидуальнымъ запросамъ натуры Муромцева, вотъ что способно было въ высочайшей степени удовлетворять его, какъ личность. Это былъ вѣрнѣйшій, преданнѣйшій другъ „порядка" и самый непримиримый врагъ „безпорядка", но только другъ порядка „правового", а не просто кѣмъ-то приказаннаго,—и чѣмъ „право" отличается отъ простого приказа, хотя бы и облеченнаго въ изжившія себя правовыя формы, онъ отлично понималъ, какъ ученый, для котораго изученіе явленій права составляло призваніе всей жизни.

При такой натурѣ, естественно, Муромцеву было тяжело и неуютно въ нашемъ „старомъ" правовомъ храмѣ. Нашъ старый государственный строй, какимъ онъ былъ до манифеста 17 октября, давно уже отжилъ свое время и, какъ показала воочію японская война, давно уже стоялъ вредной, задерживающей плотиной поперекъ исторической жизни русскаго народа. Въ такомъ храмѣ Муромцевъ не могъ быть „жрецомъ", но и не хотѣлъ быть „при-

служникомъ". Онъ удовлетворялъ потребности своей натуры „служеніемъ" праву,—настоящему праву, какимъ ему слѣдуетъ быть,—но внѣ этого нашего стараго правового храма. Онъ служилъ праву—свободнымъ служеніемъ преподавателя и ученаго. Но ему дважды пришлось поплатиться за свою правовую непреклонность: одинъ разъ удаленіемъ съ каѳедры Московскаго университета, а другой разъ закрытіемъ Московскаго Юридическаго Общества, гдѣ онъ былъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ. Онъ ушелъ въ адвокатуру, гдѣ и продолжалъ свое общеніе съ правомъ. Однако адвокатура была тѣснымъ поприщемъ для широкихъ правовыхъ запросовъ С. А. Муромцева. Адвокатура—необходимая служительница правосудія; правосудіе есть одна изъ важнѣйшихъ основъ общественнаго быта. Но правосудіе, по самому своему существу, должно прежде всего отражать и воплощать въ себѣ *существующее* право; правда, оно способно переходить въ *творчество* права, но почти исключительно въ области гражданскаго права, да и здѣсь существующій законъ, каковъ бы онъ ни былъ, для него обязателенъ. „Правовая" натура Муромцева, несомнѣнно, жаждала болѣе широкаго служенія праву: непосредственнаго участія въ процессахъ его образованія и притомъ въ области публичнаго права,— тамъ, гдѣ заложены самыя основы всякаго правового строя, тамъ, гдѣ источники самихъ правовыхъ началъ.

Адвокатура—очень почтенное поприще, но все же она не могла въ полной мѣрѣ удовлетворить натуру Муромцева. Онъ занялъ въ ней мѣсто учителя и образца, но все же онъ тосковалъ по иному, болѣе широкому поприщу,—по той дѣятельности, которая могла быть ему дана только введеніемъ въ Россіи народнаго представительства съ законодательными правами. Парламентъ — вотъ то учрежденіе, которое одно было достаточно широко, чтобы вмѣстить въ себѣ его правовые запросы, и которое могло до конца удовлетворить его правовую натуру.

И онъ ждалъ русскаго парламента... И онъ его дождался.

* * *

Когда въ Россіи началось освободительное движеніе, Муромцевъ, какъ и всѣ люди его склада и его убѣжденій, привѣтствовалъ его, какъ давно жданное и давно желанное избавленіе отъ путъ абсолютизма, какъ зарю новой, прекрасной жизни. Его не

могло испугать то, что во всякомъ всенародномъ, глубокомъ движенiи развертываются силы народныя, обычно скованныя существующимъ порядкомъ и неподвижныя. Не могла его испугать самая возможность—возможность неизбѣжная—эксцессовъ въ проявленiи этихъ силъ. Вѣдь бояться всего этого значило бы бояться весенняго половодья, освобождающаго насъ отъ зимняго холода и льда. Пусть половодье кое-гдѣ и кое-что разрушаетъ, но зато оно все есть потокъ благодѣтельной силы, тепла, творчества. Не желать для Россiи того половодья, какое наступило въ ней въ 1905—1906 годы, вѣдь это значило предпочитать, чтобы наша родина оставалась подъ ледникомъ въ то время, когда все кругомъ нея цвѣтетъ и уже собираетъ въ житницы плоды расцвѣта, принесеннаго народамъ переходомъ государствъ отъ абсолютизма къ конституцiи; вѣдь это значило быть злымъ врагомъ Россiи, въ полномъ смыслѣ этого слова. Тогда это понимали и чувствовали лучше, чѣмъ теперь, и тогда такiе злые враги Россiи не осмѣливались громко возставать противъ наступившей весны и принесеннаго ею обновленiя.

Но, привѣтствуя наше освободительное движенiе и сопровождавшiй его весеннiй, оплодотворяющiй разливъ народныхъ силъ, Муромцевъ привѣтствовалъ въ нихъ, конечно, не совершаемое ими разрушенiе, а, наоборотъ, ихъ грядущее *созиданiе*. Первая часть половодья всегда бываетъ разрушительна, но зато потомъ всѣ разбуженныя имъ творческiя силы обращаются на созиданiе. И Муромцевъ, какъ и всѣ люди его склада и его убѣжденiй, не находилъ для себя никакого удовольствiя даже въ необходимомъ и исторически неизбѣжномъ разрушенiи. Нѣтъ,—они ждали перiода созиданiя и не хотѣли отдалять его ни на одну минуту. Въ этомъ отношенiи знаменательно, что уже законосовѣщательная дума, по закону 6 августа, *принималась* ими, какъ дающая переходъ отъ разрушенiя къ созиданiю. Они хотѣли идти въ нее и тамъ закладывать фундаментъ будущаго русскаго конституцiоннаго устройства. Но судьба Россiи сложилась благопрiятнѣе, и по манифесту 17 октября страна получила законодательную думу. Эта первая законодательная дума была избрана народомъ, избрана съ энтузiазмомъ и вѣрою,—избрана для того, чтобы перемѣстить Россiю на новыя правовыя основы, чтобы сдѣлать ея государственное право настоящимъ, живымъ правомъ, чтобы удалить изъ правового храма пожиравшаго своихъ собственныхъ дѣтей Молоха и замѣнить его благо-

дѣтельнымъ, творящимъ благо страны божествомъ. И Муромцевъ занялъ — по волѣ Москвы — свое мѣсто въ составѣ перваго русскаго народнаго представительства, и онъ сталъ—по единодушному избранію всѣхъ первоизбранниковъ Россіи—главою этого перваго русскаго народнаго представительства.

Это было великимъ личнымъ удовлетвореніемъ для Муромцева, что онъ нашелъ, наконецъ, свое настоящее мѣсто; это было великой удачей для первой Думы, что она нашла для предсѣдательскаго мѣста настоящаго человѣка. Муромцевъ развернулъ здѣсь, какъ нигдѣ, всю свою натуру жреца права и порядка; а Дума получила для выраженія и выполненія своего историческаго предназначенія „конгеніальную“ этому предназначенію живую человѣческую личность, которая слилась съ Думой въ одно неразрывное и нераздѣльное цѣлое. Никто не могъ лучше, чѣмъ Муромцевъ, „представлять“ собою существо первой Думы; никто лучше, чѣмъ Муромцевъ, не могъ помочь этому „существу“ выразиться вовнѣ такъ полно и ясно, чтобы ни у кого не было повода заблуждаться на его счетъ: ни у избравшаго Думу народа, ни у тѣхъ, кто встрѣтилъ Думу, какъ врага и соперника.

* * *

Истинное существо Думы и ея правильное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимое мѣсто въ строѣ русскаго государства Муромцевъ превосходно и со свойственной ему одному спокойной глубиной мысли и выраженія обозначилъ уже въ своей первой предсѣдательской рѣчи, обращенной къ Думѣ вслѣдъ за его избраніемъ. Кто не помнитъ этихъ краткихъ, простыхъ, сдержанныхъ, но поистинѣ величавыхъ словъ, которыми онъ выразилъ значеніе происшедшаго открытія Государственной Думы и которыми онъ твердо и точно поставилъ предстоящую ей задачу:

> **Совершается великое дѣло, воля народа получаетъ свое выраженіе въ формѣ правильнаго, постоянно дѣйствующаго, на неотъемлемыхъ законахъ основаннаго, законодательнаго учрежденія. Великое дѣло налагаетъ на насъ и великій подвигъ, призываетъ къ великому труду. Пожелаемъ другъ другу и самимъ себѣ, чтобы у всѣхъ насъ достало достаточно силъ для того, чтобы вынести его на своихъ плечахъ на благо избравшаго насъ народа, на благо ро-**

дины. Пусть эта работа совершится на основахъ подобающаго уваженія къ прерогативамъ конституціоннаго Монарха и на почвѣ совершеннаго осуществленія правъ Государственной Думы, истекающихъ изъ самой природы народнаго представительства.

Вотъ въ сущности и вся рѣчь перваго предсѣдателя первой русской Государственной Думы, обращенная имъ къ только что открытому именемъ Императорскаго Величества первому русскому парламенту. Но сколько въ ней выражено и какъ правильно выражено! Первая Дума сразу почувствовала въ рѣчи своего предсѣдателя біеніе настоящаго историческаго пульса, біеніе своей собственной политической мысли и воли. Два мѣста въ этой рѣчи она привѣтствовала бурными, радостными, единодушными аплодисментами: это—указаніе на „подобающее уваженіе къ прерогативамъ конституціоннаго монарха" и на „совершенное осуществленіе правъ Государственной Думы, истекающихъ изъ самой природы народнаго представительства".

Да, именно эти два мѣста и указывали подлинную, творческую, подлежащую непремѣнному осуществленію историческую задачу, ставшую передъ Россіей: установить въ предѣлахъ русскаго государственнаго строя настоящее народное представительство, сдѣлать русскую монархію конституціонной,—сдѣлать ее такой не на словахъ, а на дѣлѣ, — и притомъ съ двухъ сторонъ: какъ въ смыслѣ укрѣпленія подобающаго, высокаго, не вызывающаго и не допускающаго возраженій и пререканій положенія самой монархіи, такъ и въ смыслѣ полнаго осуществленія дѣйствительныхъ правъ народнаго представительства.

И первая Государственная Дума тотчасъ и съ энтузіазмомъ признала, что это какъ разъ и есть то, чего она хочетъ,—хочетъ во имя блага Россіи, для избавленія ея отъ тѣхъ опасностей, съ какими она встрѣтилась въ японской войнѣ, для возвращенія ей того историческаго положенія среди другихъ народовъ, какое она всегда занимала со временъ Петра.

Своей первой рѣчью предсѣдатель сразу сталъ главою первой Думы, не только формально, но и по существу: какъ ея мудрѣйшій и разумнѣйшій участникъ,—сразу слился съ первой Думой въ ея подлинномъ историческомъ призваніи,— сразу сдѣлалъ первую Думу выразительницей зрѣлаго политическаго стремленія России.

* * *

Больше Муромцевъ рѣчей въ Думѣ не произносилъ. По его понятіямъ о роли предсѣдателя въ парламентѣ, вся активность въ послѣднемъ, по существу его занятій и дѣятельности, должна принадлежать членамъ парламента, а не его предсѣдателю. Предсѣдатель парламента не вноситъ отъ себя и не поддерживаетъ никакихъ предложеній, не высказываетъ ни по какимъ вопросамъ своихъ личныхъ мнѣній и не присоединяется къ чужимъ мнѣніямъ. Онъ какъ бы отрекается здѣсь отъ всего личнаго и потому выходитъ изъ рядовъ активныхъ дѣятелей той партіи, къ которой принадлежалъ, чтобы дать себѣ возможность полнѣйшаго нейтралитета по отношенію ко *всѣмъ* мнѣніямъ, чтобы стать *надъ* партіями. Предсѣдатель не влагаетъ и не пытается вложить въ жизнь парламента никакого *содержанія* отъ себя: оно должно быть всецѣло принесено туда самими депутатами. И это потому, что парламентъ—всегда и неизбѣжно — есть арена столкновенія разныхъ мнѣній, арена борьбы разныхъ политическихъ партій. Присоединяясь по существу къ тому или иному мнѣнію или высказывая свое собственное, предсѣдатель становился бы въ ряды борющихся, дѣлался бы принадлежностью и орудіемъ той или иной *части* парламента, а между тѣмъ онъ долженъ быть главою, выразителемъ, блюстителемъ парламента, какъ *цѣлаго*. Ему нельзя *раздробляться*, онъ долженъ *сосредоточиться*. Поэтому предсѣдатель намѣренно и сознательно разрываетъ связь со всякимъ особымъ *содержаніемъ* парламентской жизни, искусственно становится по отношенію къ нему совершенно индифферентнымъ, но зато тѣмъ рѣшительнѣе привязываетъ себя къ формѣ парламента. Парламентъ долженъ быть парламентомъ. И всѣ заботы объ этомъ, такъ же какъ и всю отвѣтственность за это, беретъ на себя предсѣдатель. Парламентъ стоитъ на вершинѣ государственной жизни, рядомъ съ другой законодательной палатой, и непосредственно вслѣдъ за Монархомъ. Это—высокое учрежденіе, которое должно имѣть и свое внѣшнее, и свое внутреннее достоинство. Внутри—оно должно осуществлять законодательную власть вмѣстѣ съ контролемъ надъ управленіемъ страной,—это дѣлаетъ его носителемъ функціи высочайшей государственной важности, но это вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ ему и необходимыя рамки для его дѣятельности. И какъ бы кто изъ чле-

новъ парламента ни понималъ его задачъ, какого бы мнѣнія по этому поводу онъ ни придерживался, но онъ долженъ вмѣщать свою дѣятельность въ парламентѣ именно въ эти рамки. Съ другой стороны, при выполненіи этихъ задачъ внутри парламента должно быть дано мѣсто и свобода всякому мнѣнію, каково бы оно ни было по существу. Должны быть ограждены права меньшинства, не должно быть допускаемо тираніи большинства. Наконецъ, при полной свободѣ всякаго мнѣнія по существу, должны быть приложены заботы къ тому, чтобы борьба мнѣній не переходила въ борьбу страстей; чтобы принципіальныя возраженія не превращались въ личныя нападки; чтобы въ выраженіи мнѣній и во взаимномъ обращеніи членовъ парламента господствовало то уваженіе другъ къ другу, которое вытекаетъ изъ факта, что они всѣ народные представители и, слѣдовательно, несутъ на себѣ не только свое личное, но и общественное достоинство.

Блюстителемъ и хранителемъ всего этого становится предсѣдатель парламента. Онъ удерживаетъ работу парламента въ рамкахъ, отведенныхъ ей закономъ, онъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы ходъ этой работы во всемъ совершался въ формахъ, соотвѣтствующихъ „высокому" достоинству учрежденія. Но на немъ же лежитъ и не менѣе важная другая задача: охранять и поддерживать достоинство парламента *во внѣ*: въ сношеніяхъ и въ отношеніяхъ съ другими факторами государственной жизни. И здѣсь, какъ и внутри, предсѣдатель долженъ всецѣло проникнуться высокимъ „достоинствомъ" представляемаго имъ учрежденія, онъ долженъ воплотить его во всемъ своемъ поведеніи, предпринимаемомъ по обязанностямъ и по праву главы народнаго представительства. Показывая самъ первый примѣръ „подобающаго уваженія къ прерогативамъ конституціоннаго монарха", онъ долженъ настаивать на „подобающемъ уваженіи" къ парламенту со стороны органовъ исполнительной власти, кто бы они ни были и какъ бы высоко они ни стояли. Исполнительная власть прямо парламенту не подчинена, но она стоитъ *ниже* его, потому что она обязана повиноваться закону, она—подзаконна, а между тѣмъ парламентъ есть участникъ законодательной власти. Кромѣ того, ему принадлежитъ контроль надъ дѣятельностью исполнительной власти какъ въ смыслѣ ея закономѣрности, такъ и въ смыслѣ ея цѣлесообразности. Парламентъ по самому существу дѣла въ правѣ судить и о томъ, и о другомъ, и не только судить, но и *высказывать* свое сужденіе въ формѣ

одобренія или неодобренія. Такимъ образомъ и съ этой стороны „достоинство“ парламента должно стоять внѣ всякаго сомнѣнія, и его надо незыблемо хранить и твердо поддерживать.

Таковы были понятія Муромцева о роли предсѣдателя парламента, въ силу которыхъ онъ всецѣло сосредоточился на установленіи у насъ „формы“ парламентской жизни. И несомнѣнно, эта задача — установить и поддерживать правильную и достойную „форму“ парламентской жизни—имѣетъ огромное значеніе. Съ ней тѣснѣйшимъ образомъ связана самая возможность правильнаго функціонированія парламента, болѣе того: уваженіе къ парламенту извнѣ и его самоуваженіе внутри. Когда эта форма „установлена“ преемственными усиліями ряда парламентскихъ дѣятелей, тогда ее поддерживать уже не такъ трудно, такъ какъ ее цѣнятъ и „поддерживаютъ“ всѣ, кто съ ней соприкасается. Но когда ее надо еще только „создавать“,—когда ее еще не цѣнятъ и не уважаютъ ни извнѣ, ни извнутри,—тогда ея твердое и неуклонное соблюденіе становится дѣломъ величайшей трудности. И великая удача первой русской Государственной Думы заключается въ томъ, что она нашла предсѣдателя, который обладалъ совершенно исключительной любовью къ „формѣ“ парламентской жизни и совершенно исключительными способностями для ея установленія и поддержанія. Онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, *понималъ* все ея значеніе, и онъ же, какъ никто, обладалъ всѣми необходимыми данными для ея дѣйствительнаго утвержденія.

Впрочемъ, надо сознаться, что когда незабвенный Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ, сидя на высокомъ предсѣдательскомъ мѣстѣ, и внѣ его, въ сношеніяхъ съ Верховной Властью, съ депутатами, съ министрами, съ неутомимой энергіей и удивительнымъ тактомъ создавалъ „форму“ для нашей парламентской жизни,—форму математически правильную, нравственно безупречную и эстетически прекрасную, мы стояли, правда, въ изумленіи и восхищеніи передъ его работой, но умомъ еще не вполнѣ понимали всего ея огромнаго политическаго значенія. Въ этомъ отношеніи только позже, дѣятельность третьей Государственной Думы—увы! аргументами a contrario — воочію показала всю цѣну этого соблюденія „достоинства“ и „формы“ парламентской жизни какъ *внутри* самаго парламента, такъ и *внѣ* его. Но политическимъ инстинктомъ, чутьемъ уже и тогда чувствовалось, что вся дѣятельность Муромцева, направленная на „форму“ парламентской жизни, удиви-

тельно гармонируетъ съ основной задачей первой Думы. Уже и тогда было ясно, что эта форма не бездушная и не отвлеченная, а глубоко жизненная, органически вырастающая изъ самаго существа парламентской жизни, дѣлающая всю роль первой Думы передъ народомъ и передъ исторіей ясной, выразительной, не дающей мѣста перетолкованіямъ или клеветѣ. Первая Дума—это парламентъ, съ непререкаемой силой утверждала вся „формальная“ дѣятельность Муромцева. Не митингъ, не простая трибуна, не конвентъ, а парламентъ, законодательное собраніе, которое однако можетъ и должно „осуществлять“ всѣ права, „истекающія изъ самой природы народнаго представительства“. И члены первой Думы, можетъ быть и не всѣ одинаково сознательно, но чувствовали, что „утвержденіе“ Муромцева правильно, что оно соотвѣтствуетъ существу дѣла, что оно вѣрно выражаетъ все предназначеніе первой Думы. Въ Думѣ не только никогда не было недовольныхъ Муромцевымъ, но, наоборотъ, авторитетъ его съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ существованія Думы выросталъ, превращаясь въ нѣчто незыблемое и непререкаемое. Я умышленно говорю объ „авторитетѣ“, а не о „популярности“, потому что популярность всегда бываетъ условна, зависитъ отъ разныхъ побочныхъ обстоятельствъ и можетъ всегда такъ же быстро исчезнуть, какъ и появиться. Слово „популярность“ къ Муромцеву-предсѣдателю первой Думы неприложимо, такъ же какъ оно неприложимо къ Толстому, къ Пастеру, къ Эдисону. Нѣтъ, всѣмъ имъ по праву принадлежитъ „авторитетъ“, потому что это люди, которые, каждый въ своемъ дѣлѣ, стоятъ явно головою выше всѣхъ другихъ. Вотъ такой „авторитетъ“ быстро упрочился и за Муромцевымъ въ первой Думѣ. Но только замѣчу, что уже и тогда всѣмъ было очевидно, что это авторитетъ отнюдь не чисто „техническій“, а настоящій „политическій“. Не въ томъ дѣло, что Муромцевъ хорошо зналъ и удачно примѣнялъ парламентскія формы, а дѣло въ томъ, что онъ съ полной ясностью провидѣлъ, что существованію и дѣятельности первой Думы надо было—политически и исторически надо было—придать именно „парламентскую“ форму, и онъ твердо и увѣренно осуществлялъ эту мысль, какъ всякій „мастеръ“ своего дѣла, который лучше, чѣмъ всѣ другіе, знаетъ, что надо дѣлать и какъ надо дѣлать.

* * *

И вотъ, эта „форма“ парламента была разбита... Тяжкое испытаніе наступило для Муромцева. Тажкое испытаніе наступило для него, какъ для горячаго русскаго патріота, какъ для „создателя“, а не „разрушителя“ по всей своей натурѣ, какъ для „мастера“ своего дѣла, какъ для несравненнаго „художника“ парламентской формы... Но тутъ-то именно и обнаружилось, какъ жестоко, какъ непростительно ошибался бы тотъ, кто считалъ бы предсѣдателя первой Думы просто „формалистомъ“. Нѣтъ, Муромцевъ хорошо зналъ и всѣмъ своимъ „правовымъ“ существомъ понималъ, что у народнаго представительства есть не только своя внѣшняя „форма“, но и своя внутренняя „сущность“; онъ зналъ, что „форма“ есть только выраженіе „сущности“ и должна гибко приспособляться къ тѣмъ историческимъ положеніямъ, въ какія приходится попадать народному представительству. Первое русское народное представительство не было обыкновеннымъ народнымъ представительствомъ; роспускъ первой Думы не былъ обыкновеннымъ роспускомъ. Идея народнаго представительства—при своей первой реализаціи въ Россіи—натолкнулась на стѣну и разбилась объ эту стѣну. Надо было сдѣлать это крушеніе крушеніемъ временнымъ, крушеніемъ *факта*, а не самой *идеи*. Надо было *идею* народнаго представительства, встрѣченную отрицаніемъ со стороны русской бюрократіи, оставить крѣпкой въ самомъ народѣ. Надо было достигнуть того, чтобы народъ—послѣ перваго, не увѣнчавшагося удачей опыта—не впалъ въ отчаяніе и апатію, такъ же какъ не бросился бы въ междуусобицу, способную все перевернуть вверхъ дномъ въ Россіи, заливъ нашу родину потоками крови. Во всякомъ случаѣ надо было первому народному представительству не трусливо „смолчать“ передъ лицомъ создавшагося тяжкаго положенія, а мужественно „окликнуться“ къ родинѣ-матери, сдѣлавшей съ нимъ свой первый, полный такой чистой, почти дѣтской вѣры „опытъ“.

И Муромцевъ понималъ это, можетъ быть, лучше, чѣмъ всѣ другіе. „Достоинство“ парламента, его внутреннее „существо“ требовали на этотъ разъ шага экстраординарнаго, выходящаго за предѣлы обычной парламентской „формы“. Шагъ этотъ былъ тяжелъ, безконечно отвѣтственъ,—отвѣтственъ не въ смыслѣ болѣе легкомъ—личномъ, а въ смыслѣ болѣе трудномъ—общественномъ, но онъ былъ, по мнѣнію депутатовъ, явно необходимъ. И Муромцевъ ни минуты не поколебался его сдѣлать. Вмѣстѣ съ другими

онъ поѣхалъ въ Выборгъ; въ исторической отнынѣ залѣ отеля „Бельведеръ" онъ не отказался, по просьбѣ товарищей, въ послѣдній разъ принять на себя предсѣдательство и руководство преніями; а когда состоялось рѣшеніе, былъ выработанъ текстъ обращенія бывшихъ депутатовъ первой Думы къ русскому народу, онъ его подписалъ вмѣстѣ съ другими.

Здѣсь, какъ и въ Думѣ, С. А. Муромцевъ не говорилъ ни одного слова по существу; здѣсь, какъ и въ Думѣ, онъ не считалъ возможнымъ вліять на „существо" рѣшенія своимъ авторитетомъ, онъ попрежнему считалъ, что „существо" должно исходить отъ самого собранія, но когда это „существо" опредѣлилось, онъ къ нему присоединился, онъ скрѣпилъ его своей подписью.

И если связь Муромцева съ первой Думой была крѣпка уже и въ Таврическомъ дворцѣ, то въ Выборгѣ она стала неразрывной. Если *тамъ* члены Думы были исполнены къ нему глубокаго уваженія, то *здѣсь* они прониклись къ нему чувствомъ самой нѣжной любви, какую уже трудно въ обычныхъ условіяхъ испытывать взрослымъ людямъ, да еще на политической аренѣ.

Въ Выборгѣ—подъ вліяніемъ высокой температуры совершенно исключительнаго историческаго переживанія—Муромцевъ и первая Дума сплавились между собою въ одно неразличимое цѣлое. И ихъ уже никогда не отдѣлить другъ отъ друга. Здѣсь-то именно до конца обнаружилось, что Муромцевъ и первая Дума совершенно однородны по самому своему существу. Поэтому на вопросъ, что такое первая Дума, можно было-бы кратко и не рискуя ошибиться, отвѣчать: это—Муромцевъ. И такъ же наоборотъ: чтобы опредѣлить политическую сущность Муромцева, достаточно было бы сказать: Муромцевъ—это первая Дума.

Да, Муромцевъ и первая Дума слились въ одно нераздѣльное, неразличимое цѣлое.

Но если такъ, то въ чемъ же, спросимъ въ заключеніе, надо видѣть ихъ общій „смыслъ", ихъ общее историческое „значеніе" для Россіи?

Вопросъ, надъ которымъ стоитъ крѣпко задуматься не только потому, что мы стоимъ передъ могилой Муромцева, но и потому, что мы живемъ среди великаго разброда мнѣній по поводу всего нами пережитого.

Одинъ русскій политическій писатель, довольно вліятельный въ настоящее время и даже являющійся главою цѣлаго политическаго направленія, нашедшаго себѣ столь яркое выраженіе въ извѣстномъ сборникѣ „Вѣхи", въ своемъ некрологѣ, посвященномъ памяти Муромцева, между прочимъ говорилъ, что у насъ „живыя силы и живые люди, не давъ того, что въ нихъ было заключено реальнаго и существеннаго", превращаются въ какіе-то „идеальные знаки", окаменѣваютъ въ какіе-то „историческіе вздохи по неосуществившимся мечтамъ".—Такова, по мнѣнію этого писателя „вся первая Государственная Дума". Таковъ же, по его мнѣнію, и ея предсѣдатель—Муромцевъ. Онъ даже думаетъ, что самъ Муромцевъ всегда „таилъ" въ себѣ „эту скорбную мысль" и „пронесъ" ее „черезъ все свое историческое служеніе". Во всякомъ случаѣ, по словамъ этого писателя, Муромцевъ „своею смертью" „воплотилъ и запечатлѣлъ" эту мысль передъ русскимъ обществомъ, и самыя похороны его имѣютъ поэтому значеніе „какого-то символическаго жеста" остановленной, но не остановившейся въ своемъ развитіи страны.

Нѣтъ, русское освободительное движеніе, первая Дума, Муромцевъ—это не „знаки", не „жесты", не „вздохи", не „мечты". Нѣтъ, это—наша самая подлинная и самая большая историческая „реальность"; это то, на что новая русская исторія обопрется, какъ на каменную гору. Это и есть „самое существенное" для всей нашей дальнѣйшей исторической судьбы.

Въ самомъ дѣлѣ, что „существенно", что „реально" для народа, какъ и для отдѣльной личности? Не одинъ внѣшній фактъ, не голая экономическая или иная перемѣна. Существенно внутреннее состояніе, какъ народа, такъ и личности, то, что именуется ихъ „міросозерцаніемъ". Отъ „міросозерцанія"—въ человѣкѣ и обществѣ—всѣ остальныя перемѣны.

Недавно умершій великій американскій психологъ Вильямъ Джемсъ, въ столь извѣстномъ сочиненіи своемъ о „Прагматизмѣ", приводитъ, между прочимъ, слѣдующее мнѣніе Честертона: „Честертонъ говоритъ: „есть люди—и я принадлежу къ ихъ числу,—которые думаютъ, что практически самое важное въ человѣкѣ—это его міросозерцаніе... По моему убѣжденію, нечего даже и спрашивать, оказываетъ ли міросозерцаніе человѣка вліяніе на все его окружающее, скорѣе надо спросить: есть ли вообще что-либо другое, кромѣ міросозерцанія, что оказывало бы такое вліяніе".—

Приведя это мнѣніе, Джемсъ прибавляетъ отъ себя: „въ этомъ случаѣ я держусь того же убѣжденія, что и Честертонъ".

Нашъ великій практическій психологъ Левъ Николаевичъ Толстой, въ одномъ изъ своихъ недавнихъ сочиненій писалъ: „Причина совершающагося никакъ не въ матеріальныхъ событіяхъ, а все дѣло въ духовномъ настроеніи народа, которое измѣнилось и которое никакими усиліями нельзя вернуть къ прежнему состоянію, такъ же нельзя вернуть, какъ нельзя взрослаго сдѣлать опять ребенкомъ. Общественное раздраженіе или спокойствіе никакъ не можетъ зависѣть отъ того, что будетъ живъ или повѣшенъ Петровъ, или что Ивановъ будетъ жить не въ Тамбовѣ, а въ Нерчинскѣ на каторгѣ. Общественное раздраженіе и спокойствіе можетъ зависѣть только отъ того, какъ не только Петровъ или Ивановъ, но все огромное большинство людей будетъ смотрѣть на свое положеніе, отъ того, какъ большинство это будетъ относиться къ власти, къ земельной собственности, къ проповѣдуемой вѣрѣ,—отъ того, въ чемъ большинство это будетъ полагать добро и въ чемъ зло. Сила событій никакъ не въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, а въ *духовномъ настроеніи народа*" [1]).

Наконецъ, всѣ историки засвидѣтельствуютъ намъ то же самое. Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ нихъ, великій знатокъ именно исторіи человѣческихъ учрежденій, бывшій профессоръ Московскаго, а нынѣ и Оксфордскаго университета, П. Г. Виноградовъ: „Когда *сознаніе* права проникаетъ въ общество, оно становится самою могучею силою, передъ которой рано или поздно падутъ оплоты пережившей себя старины" [2]).

Вотъ истинный масштабъ для измѣренія „существеннаго" въ жизни народовъ: ихъ „сознаніе", ихъ „духовное настроеніе", ихъ „міросозерцаніе".

И что же, произошло ли что-нибудь „существенное" въ этомъ смыслѣ въ жизни русскаго народа въ теченіе 1905—06 гг.?

Да, именно: произошла величайшая историческая перемѣна; произошелъ коренной переломъ въ политическомъ міросозерцаніи народа.

Триста лѣтъ въ центрѣ этого міросозерцанія стояло признаніе абсолютизма власти самымъ важнымъ, самымъ необходимымъ для

---

[1]) Л. Н. Толстой „Не могу молчать", стр. 22.

[2]) П. Г. Виноградовъ „Исторія правовѣдѣнія", литографированный курсъ лекцій, читанныхъ въ Московскомъ университетѣ, стр. 19.

русскаго государства благомъ; теперь этотъ центръ политическаго міросозерцанія совершенно измѣнился: онъ занятъ другой *идеей*, другимъ *сознаніемъ:* сознаніемъ необходимости рѣшающаго участія въ дѣлахъ страны народнаго представительства. Безъ этого—сознаетъ теперь страна и народъ—государству нашему вѣрная *гибель*,—та гибель, только маленькій край которой мы увидѣли въ событіяхъ японской войны. При наличности этого—государству и нашей исторической жизни — *расцвѣтъ*, тотъ расцвѣтъ, который дастъ намъ вновь мѣсто великаго историческаго народа среди другихъ народовъ.

Вотъ то „существенное“ и „реальное“, что произошло на нашихъ глазахъ въ жизни русскаго народа, и „реальнѣе“ и „существеннѣе“ чего не можетъ быть ничего другого. „Отрицательную“ часть этой великой исторической перемѣны совершила японская война: *она* разбила въ глазахъ народа незыблемый дотолѣ авторитетъ абсолютизма власти. „Положительную“ часть ея совершила первая Государственная Дума, ибо историческій вопросъ, возникшій для народа вслѣдъ за паденіемъ въ его глазахъ авторитета абсолютизма,—вопросъ: *что же* надо теперь русскому государству? она превратила въ широко и сознательно усвоенный народомъ отвѣтъ: непремѣнно надо народное представительство, и не въ видѣ декораціи только, а въ видѣ настоящаго, вѣрнаго народу, рѣшающаго въ дѣлахъ государственныхъ фактора, такого фактора, какимъ хотѣла быть первая Дума съ Муромцевымъ во главѣ.

Это — только перемѣна народнаго міросозерцанія. Но это та перемѣна, о которой Джемсъ говоритъ, что едва ли не одна она только и способна оказать дѣйствительное вліяніе на событія; о которой Л. Н. Толстой говоритъ, что это та перемѣна, при которой такъ же нельзя вернуться къ старому, какъ нельзя взрослому вновь стать ребенкомъ; о которой Виноградовъ говоритъ, что она становится той могучей силой, передъ которой рано или поздно падаютъ всѣ оплоты пережившей себя старины.

Мы пережили не „мечту“, не „вздохъ“, не „жестъ“. Нѣтъ,—мы пережили *великую, рѣшающую* вопросъ о дальнѣйшихъ судьбахъ Россіи *историческую перемѣну*, въ полномъ и глубокомъ значеніи этого слова. И въ этой перемѣнѣ не малую роль сыграла первая русская Государственная Дума, а во главѣ ея стоялъ при этомъ ея незабвенный предсѣдатель Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ

Н. Гредескулъ.

Отрывокъ изъ „Исторіи выборгскаго воззванія“.

. . . .

. . . Сборнымъ пунктомъ въ Выборгѣ назначена была гостинница Бельведеръ, расположенная у самой морской бухты. Внутренній видъ гостинницы и зала, въ которомъ мы должны были засѣдать, вся сутолочная атмосфера, царившая на лѣстницѣ и въ прилегавшихъ къ «залу» комнатахъ, характеръ публики, запрудившей всѣ проходы,—все это производило тяжелое впечатлѣніе. Провинціальная гостинница второго разряда, узкая деревянная лѣстница, тѣсный корридорчикъ и всюду—на лѣстницѣ, въ корридорѣ—толпится наѣхавшая изъ Петербурга какая-то странная публика: смѣсь университетской молодежи, корреспондентовъ газетъ и неизвѣстныхъ подозрительныхъ личностей въ гороховыхъ пальто. Нынѣ стало извѣстно, что въ числѣ послѣднихъ былъ самъ Азефъ. Все это наступало на ноги, шумѣло, не давало проходу, осаждало вопросами.

Не лучше было и въ двухъ сосѣднихъ небольшихъ комнатахъ, гдѣ собрались депутаты и гдѣ неуспѣвшіе раньше пообѣдать подкрѣпляли свои силы. За этими двумя комнатами расположенъ былъ залъ, большая комната въ 5 или 6 оконъ, составленная изъ двухъ меньшихъ, соединенныхъ аркою. Въ меньшей стоялъ все время весьма дисгармонировавшій съ нашимъ настроеніемъ рояль, уготованный видимо для болѣе радостныхъ событій. Остальная часть зала была вся, параллельно окнамъ, уставлена рядомъ вѣнскихъ стульевъ, а у противоположной окнамъ стѣны, почти у самой арки, стоялъ простой столикъ—трибуна нашего предсѣдателя.

Пока еще шли приготовленія къ открытію засѣданія, депутаты, не участвовавшіе въ утреннемъ совѣщаніи въ Петербургѣ, поже-

лали ознакомиться съ текстомъ проекта. Мы вручили по экземпляру трудовикамъ и соціалъ-демократамъ; кадеты же собрались кучкою въ одной изъ переднихъ комнатъ, и здѣсь былъ вслухъ прочитанъ проектъ. Съ разныхъ сторонъ раздались оклики: «Слабо! надо рѣзче». Одинъ изъ депутатовъ-мусульманъ возразилъ противъ первыхъ словъ, гласившихъ въ первоначальной редакціи: «Русскіе граждане!» Онъ указывалъ, что съ манифестомъ обращаются представители всѣхъ народностей ко всѣмъ народностямъ Россіи и что слѣдовало бы потому редактировать обращеніе такъ: «Граждане всей Россіи». Предложеніе это было единогласно принято, и редакція эта сохранилась, какъ извѣстно, и въ окончательномъ текстѣ воззванія.

Шелъ уже десятый часъ—депутаты все еще собирались. Собралось всего въ этотъ вечеръ человѣкъ около 180, а съ тѣми, кто явился на слѣдующій день, оказалось свыше 200. Кадетовъ было около 120 человѣкъ; остальное составили трудовики и соц.-демократы. Нѣкоторые выдающіеся депутаты отсутствовали, такъ какъ были командированы Думою на происходившій въ то время конгрессъ международнаго союза. Таковы: Родичевъ, Ковалевскій, Аладьинъ, Острогорскій, Свѣчинъ, Васильевъ. Трудовикъ Аникинъ былъ на какомъ-то другомъ конгрессѣ. Нѣкоторые депутаты, какъ Котляревскій, кн. Урусовъ, Щепкинъ, Кузьминъ-Караваевъ, въ виду двухъ свободныхъ отъ засѣданій дней (суббота, воскресенье) разъѣхались къ себѣ по домамъ. Часть изъ нихъ явилась въ Выборгъ на второй день, уже послѣ подписанія воззванія.

Вмѣстѣ съ депутатами пріѣхали въ Выборгъ и члены центральныхъ комитетовъ партій, но ни одинъ изъ нихъ ни разу не былъ допущенъ въ залъ во время засѣданія. Правило это соблюдалось очень строго. Охрану дверей отъ вторженія кого бы то ни было посторонняго взялъ на себя и съ истиннымъ самоотверженіемъ исполнялъ эту свою роль товарищъ нашъ З. Г. Френкель. Члены нашего комитета участвовали въ нашихъ партійныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ промежуткахъ между засѣданіями депутатовъ; весьма вѣроятно, что бывшіе тогда въ Выборгѣ члены другихъ фракціонныхъ комитетовъ участвовали также въ частныхъ совѣщаніяхъ трудовиковъ и соціалъ-демократовъ; но, какъ сказано, въ засѣданіяхъ депутатовъ ни Милюковъ, ни кто-либо другой изъ не-депутатовъ ни въ качествѣ участника, ни даже въ качествѣ зрителя не участвовалъ.

Засѣданіе открылось около 10 часовъ вечера; поздній часъ не смущалъ насъ—всѣ готовы были сидѣть безъ сна, сколько потребуется. Съ момента открытія засѣданія все преобразилось. Исчезла и убогая, холодная обстановка, и мелкая суетливость, насъ обступавшая, и жуткое ощущеніе подневольной отторженности отъ родного угла—все исчезло. Въ собравшихся людяхъ разомъ проявилось нѣчто, что задвинуло куда-то въ даль всѣ внѣшнія впечатлѣнія. Весь залъ былъ объятъ единымъ настроеніемъ, необычайно серьезнымъ, приподнятымъ, но нарочито сдерживаемымъ,—настроеніемъ, при которомъ нѣтъ мѣста ни аффектированной фразѣ, ни излишнему жесту, ни заносчивой угрозѣ. Надъ заломъ носилась боль сердечная и скорбная рѣшимость.

Вошелъ Муромцевъ, наружно спокойный и величественный, какъ всегда,—въ черномъ сюртукѣ, какъ бывалъ въ Думѣ, но въ рукахъ шляпа и палка, руки въ черныхъ перчаткахъ, точно онъ среди насъ уже только гость на мгновеніе. Петрункевичъ предложилъ просить Муромцева предсѣдательствовать. Весь залъ поднялся и непрекращающеюся бурею аплодисментовъ, стоя, привѣтствовалъ появившагося у скромнаго столика предсѣдателя первой Думы; точно объединяясь въ этомъ чувствѣ преклоненія, люди хотѣли еще крѣпче связать себя другъ съ другомъ и съ своимъ прошлымъ, убѣдить себя, что они еще едины. Муромцевъ понялъ и это чувство, и настроеніе момента, и взволнованный, какимъ никто его ранѣе не видалъ, сказалъ дрожащимъ голосомъ: «Господа, этотъ пріемъ доказываетъ, какъ крѣпко мы связались за то время, что мы вмѣстѣ прожили...» Тутъ онъ какъ будто еще хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и закончилъ: «Впрочемъ, довольно: слова излишни,—къ дѣлу!» И затѣмъ, подавивъ волненіе, повелъ засѣданіе со свойственною ему предсѣдательскою точностью и элегантностью. Фразы: «Засѣданіе Государственной Думы продолжается», по поводу которой столько было потомъ шума, онъ не произнесъ. Она и не вязалась бы съ обстановкой,—была бы слишкомъ вычурно-торжественна для той сосредоточенной простоты, которая царила во всемъ. . . . . .
. . . .

М. Винаверъ.

На скамьѣ подсудимыхъ.

Съ 12-го по 18-ое декабря 1907 г. въ С.-Петербургѣ, въ Особомъ Присутствіи С.-Петербургской Судебной Палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, слушалось дѣло о выборгскомъ воззваніи. Однимъ изъ подсудимыхъ по этому дѣлу былъ предсѣдатель первой Государственной Думы Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Если процессъ этотъ является совершенно исключительнымъ событіемъ не только въ русской исторіи, но вообще, быть можетъ, въ исторіи народовъ и государствъ, процессъ, въ которомъ на скамьѣ подсудимыхъ находились сто шестьдесятъ народныхъ представителей, кворумъ парламента, то въ жизни Сергѣя Андреевича этотъ процессъ также долженъ былъ имѣть особое значеніе. Ему, человѣку строгаго соблюденія порядка, законности и справедливости, человѣку высокихъ моральныхъ правилъ, пришлось впервые, единственный разъ въ жизни, появиться на скамьѣ подсудимыхъ.

Засѣданія С.-Петербургской Судебной Палаты происходили въ залѣ I-го Отдѣленія Окружнаго Суда. Зала во время этихъ засѣданій представляла совершенно исключительное зрѣлище. Мѣста для публики были почти упразднены. Ихъ пришлось занять для такого необыкновеннаго количества подсудимыхъ и защитниковъ. Передъ открытіемъ засѣданія всѣ подсудимые были размѣщены по алфавиту, и Сергѣй Андреевичъ занялъ мѣсто, если смотрѣть отъ судейскаго стола, влѣво, въ крайнемъ углу залы подъ хорами. Во время обычнаго опроса подсудимыхъ Сергѣй Андреевичъ еще до того, какъ была названа предсѣдателемъ его фамилія, уже стоялъ. Мы видѣли на его лицѣ обычное спокойствіе и полную достоинства величавую осанку. Когда предсѣдатель назвалъ его фамилію, всѣ присутствующіе встали. На вопросъ предсѣдателя

Сергѣй Андреевичъ отвѣтилъ слѣдующее: „Мнѣ 57 лѣтъ, я статскій совѣтникъ, ординарный профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ гражданскаго права. Обвинительный актъ я получилъ и получилъ списокъ восьмидесяти судей". Предсѣдатель отвѣтилъ ему: „Да, но въ этомъ спискѣ есть тѣ лица, которыя вошли въ составъ присутствія. Вѣдь Вы отводовъ не заявляете?" Сергѣй Андреевичъ возразилъ: „Отводовъ не имѣю, но я хочу знать, кто меня судитъ!" Предсѣдатель огласилъ имена, отчества и фамиліи лицъ, вошедшихъ въ составъ Суда [1]).

По окончаніи опроса былъ сдѣланъ перерывъ, во время котораго подсудимымъ было разрѣшенно размѣститься такъ, какъ они хотятъ. Тогда, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обычно помѣщаются въ залѣ засѣданія присяжные засѣдатели, на скамьяхъ, стоящихъ перпендикулярно къ судейскому столу, возлѣ этого стола, на первыхъ мѣстахъ расположились: президіумъ первой Государственной Думы и лидеры фракціи Народной Свободы. Первое мѣсто занялъ Сергѣй Андреевичъ и на немъ онъ оставался до конца. Былъ оглашенъ обвинительпый актъ, самой своей формой обнаружившій, что здѣсь идетъ дѣло не объ отдѣльныхъ лицахъ, но о Государственной Думѣ. Такъ обвинительный актъ носилъ слѣдующій заголовокъ: „Обвинительный актъ о дворянахъ Сергѣѣ Муромцевѣ, князѣ Петрѣ Долгоруковѣ, Николаѣ Гредескулѣ, князѣ Дмитріи Шаховскомъ и др., обвиняемыхъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 51 и 3 п. 1 ч. 129 ст. Угол. Улож.". Въ заголовкѣ былъ указанъ президіумъ Думы. Заключительная часть обвинительнаго акта изложена такимъ образомъ: подсудимые „обвиняются въ томъ, что, задумавъ возбудить населеніе Россіи къ неповиновенію и противодѣйствію закону посредствомъ распространенія особаго воззванія, обращеннаго къ народу, по предварительному между собою уговору и дѣйствуя сообща, 10-го іюля 1906 года въ г. Выборгѣ составили для распространенія среди населенія Россіи и подписали, озаглавленное „Народу отъ народныхъ представителей" и обращенное „къ гражданамъ всей Россіи" воззваніе,

[1]) Предсѣдатель: старшій предсѣдатель С.-Петербургской Судебной Палаты Н. С. Крашенинниковъ, члены Палаты: В. Д. Олышевъ, А. В. Лихачевъ и С. А. Зейфартъ, сословные представители: с.-петербургскій губерскій предводитель дворянства гр. В. В. Гудовичъ, членъ городской управы В. Г. Ганьковъ и волостной старшина А. Э. Абрамовскій; обвинялъ товарищъ прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты Ф. С. Зибертъ, секретаремъ былъ А. Зивертъ.

по своему содержанію, завѣдомо для нихъ, возбуждающее населеніе Россіи къ отказу отъ взносовъ въ казну платежей по государственнымъ и общественнымъ налогамъ и сборамъ и отъ исполненія установленной закономъ всеобщей воинской повинности, каковое воззваніе было затѣмъ ими самими, или черезъ посредство другихъ лицъ, съ вѣдома и согласія участвовавшихъ въ упомянутомъ выше предварительномъ уговорѣ, дѣйствительно распространено во множествѣ экземпляровъ въ предѣлахъ Россіи. Преступное дѣяніе это предусмотрѣно 51 и 3 п. I части 129 ст. Угол. Улож.".

Послѣ оглашенія обвинительнаго акта былъ произведенъ краткій опросъ всѣхъ подсудимыхъ, признаютъ ли они себя виновными, на что всѣ дали отрицательный отвѣтъ. На этомъ было закончено первое засѣданіе 12-го декабря.

Еще во время подготовки къ процессу въ той группѣ подсудимыхъ, которая принадлежала къ фракціи Народной Свободы, въ количествѣ около ста человѣкъ, на предварительныхъ совѣщаніяхъ подсудимыхъ совмѣстно съ приглашенными ими защитниками, съ участіемъ Сергѣя Андреевича, было установленно, что сами подсудимые произнесутъ рѣчи, въ которыхъ укажутъ, почему народные представители вынуждены были составить и подписать выборгское воззваніе, укажутъ на политическое и общественное значеніе этого событія и на причины, его вызвавшія. Роль же защитниковъ должна была сосредоточиться исключительно на выясненіи вопросовъ юридическаго характера. Характерно отмѣтить, что Сергѣй Андреевичъ, самъ выдающійся юристъ, настаивалъ на томъ, чтобы защитникамъ была предоставлена полная свобода разработать юридическіе вопросы такъ, какъ они хотятъ. Подготовительныя совѣщанія между подсудимыми и защитниками начались задолго до процесса, происходили въ Москвѣ и Петербургѣ и заняли много времени. Сергѣй Андреевичъ мало принималъ участія въ обсужденіи юридическихъ вопросовъ, предоставляя ихъ всецѣло защитникамъ, но зато съ большимъ вниманіемъ относился къ подготовкѣ объясненій самихъ подсудимыхъ.

Незадолго до процесса подсудимые фракціи Народной Свободы окончательно установили, что всѣ объясненія отъ этой фракціи будутъ даны во время Суда четырьмя изъ нихъ: С. А. Муромцевымъ, И. И. Петрункевичемъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ и В. Д. Набоковымъ. Тщательно обсудили темы для рѣчей и самое ихъ

содержаніе. Было рѣшено, что во время судебнаго слѣдствія произнесутъ рѣчи: Петрункевичъ, Кокошкинъ и Набоковъ, а послѣднее слово будетъ сказано Сергѣемъ Андреевичемъ, при чемъ подсудимые, принадлежавшие ко всѣмъ фракціямъ, рѣшили, что послѣднее слово скажетъ только одинъ Сергѣй Андреевичъ, какъ бы отъ имени всѣхъ.

Второе засѣданіе С.-Петербургской Судебной Палаты происходило 13-го декабря. Въ этомъ засѣданіи произнесли рѣчи И. И. Петрункевичъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и В. Д. Набоковъ. Затѣмъ были допрошены немногіе свидѣтели, а отъ допроса остальныхъ, въ виду безспорности фактовъ, стороны отказались. Остальная часть засѣданія 13-го декабря и все засѣданіе 14-го декабря было посвящено объясненіямъ подсудимыхъ, принадлежавшихъ къ другимъ думскимъ фракціямъ. Въ засѣданіи 15-го декабря послѣ окончанія объясненій подсудимыхъ произнесли рѣчи прокуроръ и защитники подсудимыхъ, принадлежавшихъ къ фракціи Народной Свободы: Н. В. Тесленко, В. А. Маклаковъ, О. Я. Пергаментъ и подсудимый Е. Н. Щепкинъ.

Въ началѣ засѣданія 17-го декабря подсудимымъ предоставлено было сказать послѣднее слово.

„Господа Особое Присутствіе! — началъ Сергѣй Андреевичъ,— Учрежденіе Государственной Думы налагаетъ на предсѣдателя Государственной Думы обязанность слѣдить въ засѣданіяхъ Думы и въ стѣнахъ самой Государственной Думы за соблюденіемъ порядка и уваженія къ закону. Положеніе предсѣдателя Государственной Думы само по себѣ таково, что его вліяніе въ указанномъ направленіи распространяется и за стѣны Таврическаго дворца. И я понимаю, почему многіе изъ тѣхъ, которые послѣ 10-го іюля (1906 года) искренно, или, можетъ быть, и неискренно осуждали актъ выборгскаго воззванія, не разъ гласно задавали вопросъ, какимъ образомъ могло произойти, что предсѣдатель Государственной Думы не воспользовался этимъ своимъ положеніемъ и этимъ своимъ возможнымъ вліяніемъ и допустилъ появленіе означеннаго акта и даже самую поѣздку въ Выборгъ. Да, господа, дѣйствительно, положеніе предсѣдателя Государственной Думы было таково, каковымъ оно предполагается означенными вопрошателями; и оно обусловливалось не только тѣмъ, какъ его офиціальныя обязанности опредѣлены въ законѣ, оно обусловливалось еще и тѣмъ, что, въ силу своего положенія, онъ могъ многое знать, чего не

знали другіе члены Думы, такъ что, опираясь на эту свою особенную освѣдомленность, могъ сообщить членамъ Государственной Думы въ критическій моментъ нѣчто, что могло бы измѣнить направленіе ихъ дѣйствій. Въ виду поставленнаго мнѣ вопроса я начинаю припоминать, что именно я могъ бы тогда сообщить такое, что могло бы содѣйствовать успокоенію возникшаго настроенія..." Разобравъ различныя событія до и послѣ роспуска Думы, извѣстныя ея предсѣдателю, Сергѣй Андреевичъ приходитъ къ выводу, что онъ не могъ сообщить собравшимся въ Выборгѣ членамъ Думы что-либо содѣйствующее успокоенію.

„Что касается до самаго акта выборгскаго воззванія,—продолжалъ онъ далѣе, — то для правительства, вѣдь, это же былъ все тотъ же старый, давнишній вопросъ; правительству постоянно былъ выборъ между двумя возможными формами политики, примѣняемой въ тѣхъ случаяхъ, когда грозитъ политическое несчастье. Когда идетъ могучій горный потокъ, то, чтобы спасти деревню, лежащую на пути потока, бросаются строить плотину, чтобы потокъ остановить; но кто думаетъ, что потокъ нельзя остановить, тотъ ищетъ другія средства: онъ стремится прорыть каналы и отвести потокъ по этимъ каналамъ отъ угрожаемыхъ имъ жилищъ. Члены Государственной Думы думали, что правительство отнесется именно такъ къ акту воззванія. Но, говорятъ, въ минуту опасности всѣ партіи должны соединиться противъ общаго врага; въ минуту опасности нужно пойти рука объ руку съ правительствомъ; и, говоря такъ, разумѣютъ не Государя, но именно правительство, вѣрнѣе,— министерство; и если министерство нашло нужнымъ поставить глухую плотину, то и всѣ должны помогать ему въ этомъ. Намъ повторяютъ, что при наступленіи врага всѣ партіи соединяются, что на западѣ даже соціалъ-демократы слѣдуютъ этому пріему противъ врага. Но кто же въ данномъ случаѣ считается врагомъ?

„Вѣдь партіи соединяются, когда наступаетъ внѣшній врагъ, когда чужестранецъ наступаетъ на страну, когда нужно спасать страну отъ нашествія. Но развѣ свой народъ можетъ быть врагомъ? Народъ можетъ быть врагомъ правительства? Народъ можетъ быть врагомъ партій? Можетъ быть врагомъ кого бы то ни было? Развѣ возможно такое отношеніе къ народу? Такія воззрѣнія возвращаютъ насъ въ средніе вѣка, когда населеніе государства дѣлилось на завоевателей и завоеванныхъ и когда, дѣйствительно, правительство, состоявшее изъ завоевателей, смотрѣло на

населеніе, какъ на врага. (Общее движеніе.) Но развѣ теперь кто-нибудь, будь онъ той или другой партіи, того или другого сословія — крестьянинъ или дворянинъ, — развѣ можетъ такъ смотрѣть на свой народъ?! Господа судьи, вамъ называютъ рекомендуемое воззрѣніе патріотическимъ! Нѣтъ, это не патріотическая точка зрѣнія, и нѣтъ словъ для того, чтобы протестовать всей душой противъ такого антигосударственнаго взгляда.

„Но будемъ покойны и пойдемъ дальше. Актъ выборгскаго воззванія оглашенъ. Начинается о немъ сужденіе. Казалось бы, что разумная пресса, разумное общество, разумнѣйшее, выше всѣхъ поставленное дворянское сословіе въ своихъ собраніяхъ могли бы отнестись къ этому акту,—въ особенности въ виду того, что, какъ говорятъ, практически изъ него ничего не вышло,—могли бы къ нему отнестись спокойно, обсудить этотъ актъ съ точки зрѣнія того политическаго значенія, которое влагалось въ него его составителями, судить самихъ составителей съ точки зрѣнія тѣхъ мотивовъ, которыми они руководились. Но вмѣсто того поднялась полемика, получившая характеръ не критики, но травли. И травли не составителей выборгскаго воззванія. Травили первую Государственную Думу, какъ таковую. Вопросъ выборгскаго воззванія былъ обращенъ въ вопросъ первой Государственной Думы.

„Было позабыто, что эта Дума впервые придала неорганизованному, наполовину стихійному движенію народа формы организованныя, что въ стѣнахъ Государственной Думы партіи, встрѣтившись между собою, впервые поняли, что пора сойти съ почвы митинга и встать на почву организованнаго собранія, что Государственной Думой впервые ясно и авторитетно, потому что она была Государственной Думой, было показано различіе, которое отдѣляетъ положеніе Монарха отъ положенія министерства, что Думою было провозглашено: нападайте на министерство и не касайтесь Монарха, чего не знала митинговая политика...“

„Все это было забыто,—продолжалъ далѣе Сергѣй Андреевичъ,— Подъ видомъ нападенія на воззваніе шло нападеніе на Государственную Думу, и трудно было различить, что собственно въ концѣ-концовъ такъ раздражаетъ нападающихъ, что именно хотятъ погубить... Казалось иногда и то, что нападеніе имѣетъ личный характеръ, что кому-то, въ чью-то угоду, кого-то непремѣнно нужно погубить. Распространялись невозможнѣйшіе слухи, сплетни, клеветы...

„Г. предсѣдатель! я этой области и не касался бы совсѣмъ, если бы здѣсь не была сдѣлана попытка обратить трибуну прокурора въ мѣсто свидѣтеля по слухамъ. (Общее движенiе.) Скажу только одно по поводу всякаго рода слуховъ, отъ кого бы они ни шли, разъ уже здѣсь обратились къ нимъ за помощью: можете, господа, клеветать, сколько угодно, можете выдумывать, что угодно, можете изобрѣтать самыя несообразныя вещи—отвѣчать вамъ не будемъ. Ибо не достойно бывшихъ представителей Государственной Думы отвѣчать на подобнаго рода клеветы, которыя распространились только потому, что у распространяющихъ ихъ не было и нѣтъ другихъ болѣе реальныхъ, дѣйствительныхъ обвиненій..." (Движенiе.)

Въ концѣ своей рѣчи Сергѣй Андреевичъ сказалъ слѣдующее:

„Господа судьи, предстоитъ послѣднiй моментъ, моментъ постановленiя вашего рѣшенiя. Ваше рѣшенiе, по дѣйствующимъ законамъ, не будетъ мотивировано, и свѣтъ не узнаетъ, какими мотивами вы будете руководствоваться, когда произнесете тотъ или другой обвинительный приговоръ. Но, господа, гипнозъ произведенъ; онъ крѣпко проникъ во всѣ сердца, и народное сознанiе говоритъ: судятъ первую Государственную Думу. Пусть правители сами разрѣшатъ, насколько такая постановка дѣла соотвѣтствуетъ возвышенiю престижа государственной власти. Что же касается первой Государственной Думы, то скажу вамъ: какъ богатырь старыхъ русскихъ былинъ прiобрѣтаетъ все болѣе и болѣе мощи по мѣрѣ того, какъ пытаются его низвергнуть, такъ и идея Государственной Думы только ожила, благодаря тому, что настоящее дѣло было поставлено на судъ!" (Движенiе.)

Сергѣй Андреевичъ волновался рѣдко, но если онъ волновался, то слова его получали необычайную прелесть и производили совершенно исключительное впечатлѣнiе на слушателей. Вся рѣчь была прослушана въ глубокомъ волненiи. Его слово, дѣйствительно, было послѣднимъ словомъ, сказаннымъ въ этомъ процессѣ со стороны подсудимыхъ. Остальные отъ послѣдняго слова отказались.

Послѣ этого въ засѣданiи 17-го декабря началась формулировка вопросовъ, которые вызывали многократныя возраженiя со стороны защитниковъ фракцiи Народной Свободы и нѣсколько разъ измѣнялись въ своей редакцiи Особымъ Присутствiемъ Судебной Палаты. Вечеромъ, по окончанiи засѣданiя 17-го декабря,

при выходѣ изъ залы Сергѣй Андреевичъ былъ встрѣченъ группою членовъ третьей Государственной Думы, отъ имени которыхъ Ѳ. И. Родичевъ прочиталъ слѣдующій адресъ, подписанный 80 депутатами третьей Государственной Думы, принадлежащими къ оппозиціи:

„Глубокоуважаемый и дорогой Сергѣй Андреевичъ! Въ эти дни тяжкихъ испытаній мы въ вашемъ лицѣ привѣтствуемъ первыхъ народныхъ избранниковъ, неуклонно шедшихъ по пути служенія народу, неуклонно творящихъ великій подвигъ свой, не отступая передъ тяжелыми жертвами.

Вашимъ примѣромъ Вы вселяете вѣру и мужество въ сердца всѣхъ свободныхъ людей.

Носители надеждъ народныхъ!

Вы не преклонили знамени свободы и права въ дни гоненій. Пусть же дастся Вамъ великая честь и счастье снова развернуть это знамя въ неотвратимый день грядущаго торжества правды!“

Въ засѣданіи 18-го декабря продолжались пренія по постановкѣ вопросовъ. Около пяти часовъ вечера вопросный листъ былъ утвержденъ, и Судъ удалился въ совѣщательную комнату, пригласивъ подсудимыхъ явиться для выслушанія приговора къ 10 часамъ вечера. Главный вопросъ, поставленный на разсмотрѣніе Суда относительно 147 подсудимыхъ, въ томъ числѣ и Сергѣя Андреевича, былъ изложенъ въ слѣдующей формѣ: „Виновенъ ли подсудимый въ томъ, что вслѣдъ за роспускомъ Государственной Думы перваго созыва, членомъ которой онъ состоялъ, вступилъ въ г. Выборгѣ съ другими бывшими ея членами въ соглашеніе возбудить народъ къ отказу отъ платежа налоговъ и поставки новобранцевъ до созыва народнаго представительства, посредствомъ распространенія среди населенія Россіи обращеннаго къ нему призыва отъ лица народныхъ представителей, и съ этою цѣлью тамъ же, въ Выборгѣ, 10 іюля 1906 г., совмѣстно съ согласившимися съ нимъ лицами, составилъ и подписалъ воззваніе, озаглавленное „Народу отъ народныхъ представителей“, снабженное подписями бывшихъ членовъ Думы, призывающее отъ ихъ лица гражданъ всей Россіи не давать ни копейки денегъ въ казну, ни одного солдата въ армію и быть твердыми въ этомъ своемъ отказѣ, и заканчивающееся словами: „граждане, въ этой вынужденной, но неизбѣжной борьбѣ ваши выборные люди будутъ съ вами“,—каковое воззваніе другими участниками означеннаго согла-

шенія, для осуществленія вышеприведеннаго намѣренія согласившихся лицъ, и было затѣмъ распространено путемъ передачи крестьянамъ печатныхъ оттисковъ воззванія: 19 іюля 1906 года—въ Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губ., 20 іюля 1906 года—въ с. Суни, Слободскаго уѣзда, Вятской губ., въ іюлѣ 1906 года—въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ, Области Войска Донского; путемъ публичнаго чтенія или изложенія содержанія воззванія собравшимся крестьянамъ: 13 іюля 1906 года—въ с. Каменкѣ, Нижне-Ломовскаго уѣзда, Пензенской губ., 16 іюля 1906 года—въ с. Рамзаѣ, Пензенскаго уѣзда, 21 іюля 1906 года—въ с. Теребрино, Грайворонскаго уѣзда, Курской губерніи, 23, 30 іюля и 2 августа 1906 года—въ слободѣ Ракитиной, того же уѣзда, 23 іюля 1906 года—въ с. Велико-Михайловскомъ, Ново-Оскольскаго уѣзда, Курской губ., и путемъ изложенія и разъясненія текста воззванія на публичномъ собраніи 20 августа 1906 года въ г. Уральскѣ".

Въ 10 часовъ 25 мин. вечера приговоръ былъ объявленъ. Этимъ приговоромъ всѣ подсудимые, въ томъ числѣ и Сергѣй Андреевичъ, за исключеніемъ двухъ, признаны виновными въ совершеніи преступленія, предусмотрѣннаго 3 п. ч. I ст. 129 Угол. Улож. и приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца каждый. На основаніи этого приговора подсудимые не только должны были отбыть тюремное заключеніе, но также навсегда лишались избирательныхъ правъ при выборахъ какъ въ Государственную Думу, такъ и въ органы самоуправленія. Политическая дѣятельность Сергѣя Андреевича прекращалась.

Подсудимые, принадлежавшіе къ фракціи Народной Свободы, убѣжденные въ неправильности состоявшагося приговора, рѣшили черезъ своего защитника присяжнаго повѣреннаго Н. В. Тесленко принести кассаціонную жалобу въ Сенатъ. Во время совѣщаній по этому поводу Сергѣй Андреевичъ также находилъ, что тотъ путь юридической борьбы противъ обвиненія, на который вступили подсудимые, долженъ быть доведенъ до конца, и несостоятельность обвиненія должна быть доказана, хотя бы передъ судомъ общественнаго мнѣнія. Во время происходившихъ по этому поводу совѣщаній между защитниками и подсудимыми Сергѣй Андреевичъ попрежнему очень мало вмѣшивался въ разработку кассаціонной жалобы, предоставляя это всецѣло защитѣ. Но въ окончательномъ обсужденіи текста жалобы онъ принялъ дѣятельное участіе.

Кассаціонная жалоба была принесена защитникомъ, по уполно-

мочію ста одного подсудимаго, въ томъ числѣ и Сергѣя Андреевича. „Подсудимые,—говорится въ началѣ жалобы,—признаны С.-Петербургской Судебной Палатой виновными по 129 ст. Угол. Улож. въ распространеніи такъ называемаго „выборгскаго воззванія". Каждому изъ обвиняемыхъ вмѣнены въ вину одиннадцать отдѣльныхъ случаевъ распространенія, которые непосредственно приписываются восьми подсудимымъ. Обвинено въ этихъ дѣяніяхъ 155 лицъ. Отсюда остается заключить, что 147 подсудимыхъ, не изобличенныхъ непосредственно въ распространеніи, были привлечены въ качествѣ обвиняемыхъ вслѣдствіе того, что изслѣдованіе отдѣльныхъ случаевъ распространенія дало противъ нихъ серьезныя улики. Однако исторія возникновенія этого дѣла обнаруживаетъ нѣчто обратное.

15-го іюля 1906 года подписано предложеніе прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ, а 16-го начато предварительное слѣдствіе противъ всѣхъ обвиняемыхъ по признакамъ ст. 51 и 129 Угол. Улож., по обвиненію въ распространеніи воззванія. Но тѣ одиннадцать случаевъ распространенія, которые констатируетъ приговоръ Судебной Палаты, въ то время извѣстны еще не были ни прокурору, ни слѣдователю. Опредѣленіе круга обвиняемыхъ и статей, по которымъ они должны быть привлечены, предшествовало фактамъ, которые имъ инкриминируются.

Не было никакихъ основаній для возбужденія предварительнаго слѣдствія по 51 и 129 ст., нѣтъ данныхъ въ обвинительномъ актѣ для обвиненія въ распространеніи, по крайней мѣрѣ, большей части обвиняемыхъ, безъ уликъ прошло судебное слѣдствіе, не было ссылки на факты въ рѣчахъ обвиненія, безъ вывода изъ обстоятельствъ дѣла ставились вопросы, а приговоръ лишь повторилъ ту квалификацію, которая дана еще до возникновенія преступныхъ дѣяній и которая, однажды указанная въ предложеніи прокурора Судебной Палаты, сдѣлалась навсегда какъ бы обязательной въ этомъ дѣлѣ.

Конечно, такой небывалый ходъ процесса не могъ не столкнуться съ закономъ и не могъ не повести какъ къ серьезнымъ процессуальнымъ нарушеніямъ, такъ и къ отсутствію состава преступленія въ самомъ приговорѣ...

Указавъ далѣе на процессуальныя нарушенія, допущенныя Судебной Палатой при постановкѣ вопросовъ (ст. 751, 756, 758 и

760 Уст. Угол. Судопр.), жалоба переходитъ къ изложенію самаго важнаго нарушенія ст. 129 Угол. Улож. и говоритъ:

„Многочисленныя нарушенія Устава Уголовнаго Судопроизводства, допущенныя при постановкѣ вопросовъ, все же не привели къ установленію наличности въ дѣяніяхъ подсудимыхъ статей 51 и 129 Угол. Улож.

Въ приговорѣ Судебной Палаты нѣтъ фактическихъ признаковъ, описывающихъ какой-либо изъ видовъ соучастія. Чтобы окончательно въ этомъ убѣдиться, надо вспомнить продолжительную и тягостную исторію постановки вопросовъ по настоящему дѣлу, которая была въ сущности исторіей настойчивыхъ, но неудачныхъ попытокъ найти основанія для 51 и 129 ст., — попытокъ, сопровождавшихся каждый разъ нарушеніемъ закона и очевидными прегрѣшеніями противъ фактовъ.

Въ первой редакціи вопросовъ Палата совершенно неожиданно указала, будто каждый подсудимый еще 10 іюля въ г. Выборгѣ кому-то передалъ воззваніе. Такое утвержденіе, казалось, спасало ст. 129 и должно было оправдать предуказанную квалификацію, но оно столь явно противорѣчило обстоятельствамъ дѣла и такъ нарушало ст. 751 Уст. Уг. Суд., что даже представитель обвиненія не счелъ возможнымъ его поддерживать. И единственное фактическое указаніе на дѣятельность подсудимыхъ въ духѣ 129 ст. было отброшено. Послѣдовала новая редакція вопросовъ, согласно съ заключеніемъ прокурора, по обвинительному акту. Вмѣсто фактовъ обвиняемымъ было приписано какое-то непонятное отношеніе къ одиннадцати случаямъ распространенія, выраженное неопредѣленными словами: „съ вѣдома и согласія". Послѣ возраженій защиты и эта часть вопроса исчезла, а вмѣстѣ съ нею послѣдніе остатки какой бы то ни было фактической или юридической связи между 147 подсудимыми и отдѣльными случаями распространенія.

Даже то ничтожное фактическое отношеніе къ распространенію воззванія, которое опредѣлялось второй редакціей вопросовъ въ видѣ несуществующихъ въ новомъ уложеніи омертвѣвшихъ формъ прикосновенности, даже эта блѣдная тѣнь фактовъ не выдержала критики и исчезла изъ вопросовъ.

Появилась третья редакція, до очевидности лишенная фактическаго содержанія, которое могло бы свидѣтельствовать о дѣятельности 147 обвиняемыхъ при распространеніи воззванія. Насколько она нарушаетъ законы процессуально, мы старались уяснить выше.

Но что дала послѣдняя редакція вопросовъ для примѣненія ст. 129 Угол. Улож.?

Чтобы примѣнить ст. 129, приговоръ ссылается на 51 ст. Улож., возлагающую отвѣтственность на соучастниковъ преступленія. Статья эта дѣлитъ всѣхъ соучастниковъ на три категоріи: исполнителей, подстрекателей и пособниковъ, опредѣляя для нихъ разныя послѣдствія при наложеніи наказанія.

Примѣняя ст. 51, Палата должна была въ силу ст. 827 Уст. Угол. Судопр. указать въ приговорѣ, къ какому виду соучастія относятся дѣянія подсудимыхъ. Но Палата этого не сдѣлала и не могла сдѣлать, такъ какъ въ приговорѣ для этого нѣтъ никакого матеріала.

Въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ ясно, что всѣ подсудимые, отъ лица коихъ приносится настоящая жалоба, не изобличаются приговоромъ Палаты въ томъ, что они непосредственно распространяли воззваніе, были исполнителями дѣянія.

Нѣтъ никакого основанія считать ихъ подстрекателями, ибо не сказано, кого же и на какое дѣяніе они подстрекали.

Нѣтъ равнымъ образомъ ни малѣйшаго фактическаго указанія на то, что они были пособниками распространенія въ одиннадцати случаяхъ, указанныхъ приговоромъ. Эти случаи настолько оторваны отъ подсудимыхъ, что приговоръ прямо говоритъ: „каковое воззваніе было распространено другими участниками соглашенія". Такимъ образомъ изъ приговора достаточно ясно, что каждый изъ 147 подсудимыхъ въ одиннадцати случаяхъ распространенія никакого участія не принималъ. При ознакомленіи съ приговоромъ становится яснымъ, что приговоръ состоитъ изъ двухъ механически между собою соединенныхъ частей: изъ вмѣненія въ вину каждому подсудимому составленія воззванія съ цѣлью его распространенія, что предусмотрѣно ст. 132, и изъ описанія одиннадцати случаевъ распространенія, отношеніе къ которымъ 147 обвиняемыхъ ничѣмъ не установлено.

Цѣль, которую преслѣдовали составители и которая описана въ приговорѣ словами: „вступили въ соглашеніе... возбудить народъ... посредствомъ распространенія", нисколько не выходитъ за предѣлы ст. 132, являясь однимъ изъ составныхъ признаковъ этой статьи, карающей не всякое составленіе преступнаго сочиненія, но лишь такое, которое сопровождается цѣлью распространенія.

Если составитель сочиненія одинъ, то, очевидно, и цѣль распространенія опредѣляется описаніемъ, соотвѣтствующимъ его единичному желанію. Если сочиненіе—результатъ коллективнаго твор-

чества, если составители вступили въ соглашеніе, чтобы составить сочиненіе, то, очевидно, и цѣль распространенія, которая существуетъ у каждаго изъ нихъ, сдѣлается коллективной, общей для нихъ всѣхъ и получитъ соотвѣтствующее словесное опредѣленіе. Поэтому если нѣсколько лицъ виновны въ томъ, что они, вступивъ въ соглашеніе, составили сочиненіе съ цѣлью возбудить народъ путемъ его распространенія, очевидно, что они повинны лишь по 132 ст., если только они не были соучастниками распространенія. Послѣднее прямо предусмотрѣно заключительными словами ст. 132: „если распространенія не послѣдовало".

Окончаніе ст. 132 можетъ дать поводъ къ толкованію, будто авторъ сочиненія отвѣчаетъ по 132 ст. за одно лишь составленіе только въ томъ случаѣ, если сочиненіе не получило распространенія, осталось неизвѣстнымъ. Если же кто-нибудь распространилъ его хотя бы и безъ участія автора, то послѣдній отвѣчаетъ по 129 ст. за распространеніе. Такое толкованіе противорѣчитъ основному правилу уголовнаго вмѣненія, въ силу котораго каждый отвѣчаетъ лишь за дѣянія, въ которыхъ онъ умышленно принялъ участіе самъ въ одной изъ указанныхъ закономъ формъ. При такомъ толкованіи авторъ сочиненія всякій разъ долженъ привлекаться, какъ соучастникъ, когда дѣло идетъ о распространеніи его произведенія, хотя бы самъ онъ не участвовалъ въ распространеніи.

Практика установила, что авторы преступныхъ сочиненій, написанныхъ съ цѣлью распространенія, привлекаются лишь по 132 ст., а подъ ст. 129 дѣяніе подводится только въ томъ случаѣ, если они сдѣлались участниками распространенія.

Иное толкованіе опровергается и законодательными мотивами, послужившими основаніемъ ст. 132. Объяснительная записка къ проекту редакціонной комиссіи по составленію Уголовнаго Уложенія говоритъ, что ст. 132 примѣняется къ указаннымъ въ ней лицамъ, если они сами не сдѣлались участниками распространенія.

Итакъ, всѣ 147 подсудимыхъ, обвиненные въ томъ, что согласились возбуждать народъ путемъ распространенія воззванія и съ этою цѣлью составили воззваніе, каковое было распространено другими участниками соглашенія, могутъ разсматриваться только, какъ составители съ цѣлью распространенія по ст. 132 Угол. Улож., если есть, конечно, другіе признаки ст. 132.

Если бы Палата пришла къ такому выводу, она лишена была бы возможности постановить обвинительный приговоръ за силою ст. 5 Угол. Улож., воспрещающей примѣнять законы Россійской

Имперіи къ дѣяніямъ, совершеннымъ въ предѣлахъ Великаго Княжества Финляндскаго.

Въ такомъ случаѣ Судебная Палата пришла бы къ тому неизбѣжному выводу, который былъ очевиденъ въ этомъ дѣлѣ съ самаго начала и который былъ вопреки этой очевидности устраненъ упомянутымъ выше предложеніемъ прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты примѣнить ст. 51 и 129.

Палата должна была бы сказать, что карать подсудимыхъ по 132 ст. за составленіе воззванія она не въ правѣ, ибо дѣяніе обвиняемыхъ подсудно финляндскимъ судамъ и финляндскимъ законамъ, а для примѣненія къ нимъ ст. 129 нѣтъ никакихъ основаній..."

Въ заключеніе кассаціонная жалоба проситъ приговоръ Судебной Палаты отмѣнить и все производство по дѣлу за отсутствіемъ признаковъ преступленія прекратить.

Кассаціонныя жалобы обвиняемыхъ слушались въ засѣданіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената 11-го марта 1908 г. подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго В. А. Желеховскаго. Засѣданіе происходило въ большой залѣ Общихъ Собраній Сената. Присутствовали сенаторы: П. А. Арсеньевъ, В. Я. Бахтеяровъ, В. Н. Варваринъ, П. К. Гераковъ, А. А. Глищинскій, Ф. І. Гредингеръ, В. В. Давыдовъ, Г. В. Кастріото-Скандербекъ-Дрекаловичъ, В. Ф. фонъ-Клугенъ, И. С. Крашенинниковъ, А. М. Кузьминскій, А. К. фонъ-Резонъ, Д. Е. Рынкевичъ, В. Н. Семеновъ, В. К. Случевскій, В. В. Смиттенъ, В. Ф. Фененко, И. Я. Фойницкій Заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ сенаторъ П. А. Кемпе.

Явка подсудимыхъ въ засѣданіе Сената была не обязательна, и Сергѣй Андреевичъ отсутствовалъ. По открытіи засѣданія Сената, въ 12 час. 15 мин., сдѣланъ былъ докладъ сенаторомъ Гредингеромъ. Затѣмъ произнесены рѣчи защитниками, и выслушано заключеніе оберъ-прокурора.

Въ четыре часа была объявлена резолюція объ оставленіи жалобъ безъ послѣдствій.

Три сенатора: В. К. Случевскій, П. К. Гераковъ и В. В. Смиттенъ, остались при особомъ мнѣніи и высказались за отмѣну приговора С.-Петербургской Судебной Палаты. Мотивированныя особыя мнѣнія трехъ сенаторовъ пріобщены къ дѣлу.

Рѣшеніемъ Сената закончился судъ надъ Сергѣемъ Андреевичемъ Муромцевымъ и другими членами первой Государственной Думы.

Н. Тесленко.

С. А. Муромцевъ въ тюрьмѣ.

„Per me si va nella cita dolente.
Per me si va nel eterno dolore.
Per me si va la perduta gente“.

Dante Alighieri.

I.

Въ началѣ мая 1908 года намъ стало извѣстно, что состоявшійся по Выборгскому процессу приговоръ вскорѣ будетъ обращенъ къ исполненію и мы будемъ заключены въ тюрьму.

Всѣхъ насъ, жившихъ въ Москвѣ и рѣшившихъ отбывать въ Москвѣ наказаніе, было двѣнадцать: С. А. Муромцевъ, кн. Петръ Дм. Долгоруковъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, М. Г. Коммиссаровъ, М. Д. Лебедевъ, Ѳ. И. Иваницкій, В. С. Нечаевъ, П. А. Садыринъ, кн. С. Д. Урусовъ, В. Е. Якушкинъ, Г. Ф. Шершеневичъ и я. Впослѣдствіи присоединились В. П. Обнинскій, С. И. Бондаревъ и В. В. Недоносковъ.

Мы нѣсколько разъ собирались у меня на квартирѣ для совмѣстнаго обсужденія того, что намъ съ собою взять въ тюрьму, какъ туда попасть, выяснить, когда мы будемъ арестованы, однимъ словомъ, обсуждали всѣ тѣ практическіе вопросы, которые ставились предстоящимъ заключеніемъ. Самое непріятное изъ всѣхъ этихъ приготовленій было ожиданіе. Никто въ точности не зналъ, будетъ ли приведенъ приговоръ въ исполненіе въ началѣ, серединѣ или даже концѣ мая. И эта неизвѣстность больше всего насъ раздражала, хотѣлось, чтобы уже скорѣе неизбѣжное совершилось и мы попали въ тюрьму.

На всѣхъ нашихъ совѣщаніяхъ присутствовалъ и С. А., относившійся ко всему, какъ и всегда, ровно, спокойно и не выказы-

вая никакого волненія и лишь требуя самаго детальнаго разъясненія всѣхъ интересовавшихъ насъ вопросовъ. Наконецъ стало извѣстнымъ, что мы будемъ заключены въ тюрьму 13 мая. С. А. очень обрадовался этому. У него были свои любимыя цифры, нечетныя, съ цифрой „3" и наиболѣе любимой была цифра „13". Вспоминая разныя событія своей жизни, онъ часто говаривалъ, что все интересное въ его жизни съ нимъ случалось въ 13-е число. 13 октября онъ вышелъ въ присяжные повѣренные, 13 мая 1906 г. была прочитана декларація министерства Горемыкина и данъ отвѣтъ на нее въ Государственной Думѣ и 13 же мая онъ долженъ былъ наконецъ идти въ тюрьму. Мы имѣли возможность на день, на два оттянуть исполненіе приговора, но С. А. первый противъ этого возражалъ, говоря, что мы должны всячески настаивать на 13 мая. Въ этотъ день онъ ждалъ пріѣзда изъ-за границы своей дочери Ольги Сергѣевны, которая торопилась попасть въ Москву до заключенія отца.

Отбывать трехмѣсячное заключеніе намъ предстояло въ Московской Губернской тюрьмѣ, въ Каменщикахъ, что въ Таганкѣ. Согласно увѣдомленію полиціи мы должны были 13 мая явиться каждый въ свой участокъ, по мѣсту жительства, и оттуда въ сопровожденіи полицейскихъ офицеровъ отправиться въ тюрьму. Предписано намъ было явиться въ разные часы, дабы не съѣзжаться въ одно время въ тюрьмѣ. Мы съ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ, М. Г. Коммиссаровымъ и В. С. Нечаевымъ прибыли во 2 уч. Пречистенской части въ часъ дня, но въ участкѣ, гдѣ уже дожидались ближайшіе друзья, насъ продержали довольно долго, какъ оказалось, изъ-за задержки съ помѣщеніемъ. Отведенныя для насъ камеры—№№ 73 по 86, всѣ подрядъ, во второмъ этажѣ, только что были освобождены отъ заключенныхъ [1]), и такъ какъ ихъ утромъ 13 мая выбѣлили, то краска еще не просохла, и „квартиры не были еще готовы".

Около 3 часовъ дня мы прибыли въ тюрьму. У воротъ Каменщиковъ стоялъ взводъ солдатъ, тюремная стража, мѣстная поли-

---

[1]) № 73—Г. Ф. Шершеневичъ, № 74—В. Е. Якушкинъ, № 75—кн. П. Д. Долгоруковъ, № 76—М. Д. Лебедевъ, № 77—кн. С. Д. Урусовъ, № 78—П. А. Садыринъ, № 79—В. С. Нечаевъ, № 80—А. Р. Ледницкій, № 81—Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, № 82—М. Г. Коммиссаровъ, № 83—С. А. Муромцевъ, № 84—В. П. Обнинскій, № 85—Ф. И. Иваницкій, № 86—В. В. Недоносковъ; С. И. Бондаревъ былъ помѣщенъ въ крѣпостной корпусъ, гдѣ онъ отбывалъ годъ крѣпости за литературное дѣло.

ція и нѣсколько сотъ провожающихъ. Процедура водворенія насъ въ казенную гостинницу продолжалась довольно долго. Нужно было самимъ внести наполненные вещами чемоданы, затѣмъ въ конторѣ тюрьмы сняли съ насъ допросъ, обыскали самымъ тщательнымъ образомъ всѣ карманы, отобравъ все цѣнное, вплоть до карандашей, и наконецъ водворили въ одиночныя камеры.

Было около 6 час. дня; я провелъ уже нѣкоторое время въ своей камерѣ № 80, и такъ какъ моихъ вещей, разрѣшенныхъ къ помѣщенію въ камерѣ, еще мнѣ не выдали и дѣлать было нечего, я сидѣлъ въ какомъ то оцѣпенѣніи. Впечатлѣнія дня, новая обстановка, непріятное ощущеніе личнаго, грубаго обыска въ достаточной степени еще волновали. Кругомъ стояла необычайная для меня тишина, только издалека доносился стукъ проѣзжающихъ экипажей и переговоры другихъ арестантовъ, сидящихъ надъ нами, подъ нами, въ верхнемъ и нижнемъ этажахъ. Вдругъ раздался громкій крикъ „ура", подхваченный эхомъ московской набережной,—Каменщики помѣщаются на берегу Москвы-рѣки,—затѣмъ стукъ отъѣзжающихъ пролетокъ, экипажей, гудокъ автомобиля, потомъ опять все смолкло и погрузилось въ молчаніе. То личные друзья и недавніе избиратели, вѣрные прежнему стягу, провожали въ тюрьму перваго депутата города Москвы, перваго предсѣдателя перваго народнаго собранія; то прощались съ С. А. Муромцевымъ, за которымъ закрывались тяжелыя ворота губернской тюрьмы.

На слѣдующій день, когда насъ выпустили на общую прогулку, продолжавшуюся около 40 минутъ, мы всѣ встрѣтились. С. А. былъ помѣщенъ въ камеру № 83, сосѣдями его были: съ одной стороны М. Г. Коммиссаровъ (№ 82), а съ другой стороны В. П. Обнинскій (№ 84). С. А. былъ очень доволенъ тѣмъ именно, что камера носила № 83, цифра нечетная и ему пріятная. Но на мой вопросъ, „какъ себя чувствуете", онъ, улыбаясь и по обычаю нѣсколько покачиваясь, отвѣтилъ: „Впечатлѣніе такое, точно я путешествую, попалъ на захолустную станцію въ глуши Россіи, гдѣ ни сѣсть, ни лечь, гдѣ буфета нѣтъ и ѣсть нечего, а поѣзда надо ждать сутки, и вотъ сидишь въ какомъ то нелѣпомъ ожиданіи".

И дѣйствительно, надо сказать, это опредѣленіе совершенно правильное.

II.

Камера № 83 ничѣмъ не отличалась отъ другихъ, до С. А. ее занималъ какой-то уголовный арестантъ, наканунѣ нашего прибытія переведенный въ другое мѣсто. Она помѣщалась во второмъ этажѣ и выходила окномъ на узкій проѣздъ, окруженный стѣной, за которой помѣщался небольшой садъ начальника тюрьмы. Изъ окна камеры видна была тюремная башенка съ часами, которые, къ сожалѣнію, не ходили и постоянно показывали половину шестого, такъ что мы время опредѣляли по солнцу. Величиной 3×6 аршинъ, съ большимъ, но высоко помѣщеннымъ окномъ съ желѣзной рѣшеткой, камера была достаточно свѣтла, но нѣсколько сыра, а въ холодные дни, которыхъ въ теченіе первой половины лѣта 1908 года было довольно много, плохо защищалась старымъ, не затворяющимся плотно окномъ, отъ котораго сильно дуло. На небольшомъ столикѣ съ трудомъ могли помѣститься самые необходимые предметы, на немъ очень трудно было писать, ибо рука не умѣщалась и свѣшивалась. Кромѣ него, деревянный табуретъ, привинченная къ стѣнѣ желѣзная кровать, запиравшаяся на день, полочка на стѣнѣ для кувшина и миски и знаменитая „параша“— вотъ все убранство камеры предсѣдателя Государственной Думы.

С. А., какъ и всѣмъ остальнымъ бывшимъ депутатамъ, не разрѣшили пользоваться своей постелью, и на желѣзной кровати былъ положенъ сѣнникъ, скудно набитый не то соломой, не то морской травой, такая же подушка, кусокъ дерюги вмѣсто простыни, и кусокъ солдатскаго сукна вмѣсто одѣяла. Постель была очень жесткая и мало привлекательная; въ особенности непріятны были желѣзные прутья, которые рѣзали тѣло сквозь скудный тюфякъ и подушку. Въ шесть часовъ утра происходила утренняя повѣрка, будилъ насъ стукъ открывающихся окошечекъ, продѣланныхъ въ дверяхъ камеръ, сквозь которыя подаютъ пищу арестанту, выслушиваютъ его заявленія и т. п. Надъ такимъ окошкомъ, въ родѣ имѣющихся въ кассахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, помѣщался такъ называемый „глазокъ“, черезъ который дежурный надзиратель видѣлъ все происходящее въ камерѣ, но черезъ который ничего нельзя было видѣть изъ камеры, ибо онъ былъ чѣмъ-то заложенъ.

Послѣ повѣрки отпиралась дверь, входилъ „парашечникъ“-арестантъ, выносилъ парашу, надзиратель поднималъ кровать и за-

пиралъ ее на ключъ, арестантъ умывался и убиралъ камеру—и день начался.

Вскорѣ слышался голосъ, сквозь пріоткрытое окно въ двери, того же парашечника: „кипяточку вашей милости“, подавали бѣлый хлѣбъ, заваривался чай—и завтракъ готовъ.

Когда намъ объявили, что мы имѣемъ право пріобрѣтать черезъ тюремную контору нѣкоторыя необходимыя вещи, стаканъ, блюдечко, ложку, то С. А. первымъ дѣломъ выписалъ себѣ за 10 коп. половую швабру, которой съ особенной тщательностью каждое утро и даже днемъ нѣсколько разъ убиралъ свою камеру. Въ другой разъ онъ пожелалъ имѣть резиновый ручной приборъ для гимнастики, но въ этомъ ему отказали, вѣроятно изъ опасенія, что онъ можетъ связать имъ надзирателя и убѣжать. Въ камерѣ полъ былъ асфальтовый, пыльный, непріятный для ногъ и требующій особаго за нимъ ухода, чтобы хоть нѣсколько содержать его въ чистотѣ. С. А. какъ-то на прогулкѣ далъ мнѣ совѣтъ. Съ дѣтства у него сохранилось воспоминаніе о томъ, какъ прислуга, подметая полъ въ кухнѣ, чтобы меньше было пыли, посыпаетъ его вывареннымъ чаемъ изъ чайника. И съ этого дня мы всѣ слѣдовали его совѣту.

Въ 12 час. подавали обѣдъ. Обѣды въ тюрьмѣ двоякаго сорта. Одинъ—общій арестантскій, а другой—такъ называемый „дворянскій“, стоящій 25 коп. Перваго мы совсѣмъ не пробовали, за исключеніемъ каши, которую намъ иногда приносили арестанты, а отъ второго мы вскорѣ отказались. С. А. въ теченіе всего пребыванія въ тюрьмѣ питался молокомъ, яйцами, лактобациллиномъ, который намъ ежедневно благодаря заботливости Евдокіи Васильевны Юрьевой и съ разрѣшенія тюремной администраціи доставляли, и рисомъ, который онъ самъ заваривалъ въ кипяткѣ. Изрѣдка онъ спрашивалъ себѣ кусокъ сыра или колбасы, которую можно было выписывать разъ въ недѣлю по четвергамъ.

Послѣ обѣда на два часа опускалась кровать. Въ 4 часа обыкновенно насъ вызывали на прогулку. Выходили мы всѣ вмѣстѣ подъ конвоемъ тюремнаго надзирателя и гуляли на небольшомъ дворикѣ, посрединѣ котораго растетъ большой кустъ сирени, еще не зацвѣтавшій, когда мы попали въ тюрьму, и пожелтѣвшій, когда мы выходили на волю. Время прогулки было самое пріятное и оставило самое сладкое воспоминаніе, значительно скрасившее тяготу одиночнаго заключенія.

Мы разбивались обыкновенно попарно и все время прогулки ходили, а кто помоложе, даже бѣгалъ,—чтобы наверстать отсутствіе движенія. С. А. на этихъ прогулкахъ составлялъ особый центръ, открывъ, какъ мы шутили, чтеніе опытнаго курса по соціологіи, положивъ въ его основаніе Библію. Особенно внимательными слушателями его были М. Д. Лебедевъ, М. Г. Коммиссаровъ и П. А. Садыринъ. И было нѣчто трогательное и въ то же время забавное видѣть С. А. въ французской шапочкѣ на головѣ, а въ холодные дни въ пальто съ поднятымъ воротникомъ, своей мѣрной походкой гуляющаго и поучающаго о происхожденіи Библіи и о богатомъ ея содержаніи. Онъ неохотно говорилъ о тюремномъ режимѣ, никогда ни на что не жаловался и если что-либо вызывало его вниманіе, то говорилъ онъ объ этомъ полушутя, полусерьезно. На вопросы наши, не нужно ли ему чего-либо, не сдѣлать ли какое-либо заявленіе тюремной администраціи, онъ всегда съ улыбкой отвѣчалъ отказомъ, но желтый цвѣтъ лица, но большая сѣдая голова со все возрастающимъ подергиваніемъ доказывали, что тюрьма не даромъ ему дается и иной день заключенія сокращаетъ по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ, если не болѣе, его жизнь.

Прогулка кончена, надо возвращаться. Особенно непріятное чувство охватывало, когда камера съ трескомъ и шумомъ запиралась. Остаешься опять одинъ, совершенно одинъ. Только мысли тѣснятся, точно толпа при выходѣ изъ церкви, напирая другъ на друга, опережая одна другую и опять возвращаясь.

Разъ въ недѣлю намъ давалось свиданіе. Оно происходило въ особомъ помѣщеніи, спеціально для этого предназначенномъ. Небольшая низкая комната раздѣляется будками или перегородками, напоминающими не то конфессіоналы-исповѣдальницы въ католическихъ костелахъ, не то клѣтки для птицъ подобно устраивающимся на выставкахъ птицеводства. Входящій въ клѣтку съ одной стороны долженъ говорить въ частую двойную рѣшетку-сѣтку, за которой стоитъ пришедшій на свиданіе. Такъ какъ въ помѣщеніи этомъ очень темно, сѣтка густа, то говорящіе другъ друга почти не видятъ.

На свиданія допускались близкіе родные заключенныхъ, и первое время всѣ мы съ нетерпѣніемъ ждали дней встрѣчи съ родными, которые приносили не только свѣдѣнія о себѣ, семьѣ, но и общія извѣстія о жизни, о Думѣ, о томъ, что происходитъ въ

Европѣ. Но съ теченіемъ времени свиданія эти не только перестали доставлять какое-либо удовольствіе, но скорѣе, наоборотъ, стали вносить нѣкоторое раздраженіе, нарушали покой и систему дня и обостряли чувство скуки и тоски одиночнаго заключенія.

Какъ-то на свиданіе пришелъ А. А. Стаховичъ. Какимъ образомъ онъ получилъ разрѣшеніе, я не знаю, если не ошибаюсь, онъ былъ допущенъ въ качествѣ родственника кн. П. Д. Долгорукова; во всякомъ случаѣ никто изъ заключенныхъ не зналъ о томъ, что онъ придетъ, и не просилъ о дачѣ свиданія съ нимъ. Проходя въ клѣтку кн. П. Д. Долгорукова, А. А. Стаховичъ естественно поздоровался съ тѣми изъ насъ, мимо которыхъ проходилъ, можетъ быть, спросилъ одного-другого о здоровьѣ и получилъ столь же лаконическій отвѣтъ; никакихъ бесѣдъ ни съ кѣмъ изъ насъ, кромѣ кн. Долгорукова, онъ не велъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого насъ поочередно вызывали въ контору тюрьмы. Тамъ какой-то молодой человѣкъ съ университетскимъ значкомъ, кажется, помощникъ тюремнаго инспектора, производилъ дознаніе по поводу посѣщенія А. А. Стаховича и спрашивалъ насъ, съ кѣмъ Стаховичъ говорилъ, о чемъ именно и т. п. Допросъ этотъ, и самъ по себѣ не особенно пріятный, хотя и велся въ корректной формѣ, вызывалъ, кромѣ того, непріятныя послѣдствія—личный обыскъ. По правиламъ тюрьмы, арестантъ по выходѣ изъ конторы, куда онъ идетъ въ сопровожденіи надзирателя и гдѣ подъ его надзоромъ все время остается, подвергается личному обыску. Обыскиваются всѣ карманы, всего ощупываютъ, и есть что-то особенно унизительное въ этой процедурѣ, точно грубые, обыскивающіе пальцы тюремщика копаются въ вашей душѣ; послѣ нея съ особенно тягостнымъ чувствомъ приходилось возвращаться въ камеру. Каково же было наше удивленіе, когда дня два спустя послѣ допроса къ намъ явился начальникъ тюрьмы и объявилъ, что распоряженіемъ начальства С. А. Муромцевъ, кн. С. Д. Урусовъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, Г. Ф. Шершеневичъ и др. лишены права свиданій на недѣлю, а кн. П. Д. Долгоруковъ—на одинъ мѣсяцъ. Распоряженіе это вызвало большое недоумѣніе. За что мы были лишены свиданій? Развѣ отъ насъ зависѣло допускать къ свиданію съ нами А. А. Стаховича? Развѣ мы, арестанты, имѣли право спрашивать, имѣютъ ли законное право свиданій пришедшіе къ намъ на таковое, и только послѣ утвердительнаго отвѣта должны были вступать съ пришедшими въ бесѣду? Должны ли мы были удо-

влетвориться однимъ отвѣтомъ или, наоборотъ, требовать разрѣшенія начальства? Абсурдность всего этого слишкомъ ясна, и мы много смѣялись надъ этимъ, хотя нѣкоторые изъ насъ были этимъ раздражены и послѣ случившагося отказались отъ свиданій.

III.

Жизнь въ тюрьмѣ протекаетъ въ высшей степени однообразно, монотонно. Строгое дѣленіе дня на отдѣльныя части — повѣрка утромъ, уборка камеры, обѣдъ, прогулка, вечерній кипятокъ, вечерняя повѣрка—значительно сокращаетъ время и облегчаетъ заключеніе. Нѣкоторые изъ насъ въ цѣляхъ развлеченія составили свои календари, написали ихъ на все время заключенія и зачеркивали постепенно каждый прожитый день. Сколько было томительнаго наслажденія, когда послѣ вечерней повѣрки наступаетъ тишина, только далекій гулъ Москвы и пронзительный свистъ рѣчныхъ пароходовъ ее нарушаютъ, остаешься въ камерѣ одинъ, возьмешь въ руки календарь и начнешь высчитывать, сколько дней заключенія уже прошло, сколько ихъ еще осталось.

Есть одна сторона одиночнаго заключенія, которую съ особымъ чувствомъ вспоминаешь. Наша жизнь въ вѣчной сутолокѣ, полное подчиненіе жизни профессіональному станку, въ жертву которому такъ много приносишь, наши условія мѣщанскаго благополучія,— все это такъ мало способствуетъ созерцательному отношенію къ явленіямъ жизни, къ самому себѣ. Некогда углубиться, все время приходится скользить по поверхности жизни, некогда заглянуть на дно души своей и найти въ ней отраженіе прошлой жизни и дѣятельности. Но въ тюрьмѣ, когда остаешься одинъ, когда тебѣ ничто не мѣшаетъ, когда передъ глазами стоитъ вся жизнь съ ея успѣхами и неудачами, съ ея надеждами и ихъ крушеніемъ, съ ея положительной и отрицательной сторонами, самоуглубленіе—большое наслажденіе. Тюремная обстановка особенно способствуетъ развитію чувства мечтательной сантиментальности, мистицизма и вообще религіозно-философскаго настроенія. Но когда „это“ придетъ, не скоро вернешь себѣ вновь устойчивое равновѣсіе, не скоро пройдетъ волненіе, жажда жизни и суровая оцѣнка своихъ прошлыхъ поступковъ...

Въ такія минуты безконечно дорогимъ средствомъ успокоенія являются книги, книги серьезныя, научнаго содержанія. Намъ раз-

рѣшалось имѣть въ камерѣ не больше трехъ книгъ, но правило это не очень строго соблюдалось, и кое-кто изъ насъ имѣлъ и большее количество книгъ. С. А. свой досугъ посвящалъ главнымъ образомъ чтенію Библіи. Ее читалъ каждый день, главу за главой, и затѣмъ на прогулкѣ передавалъ ея содержаніе и ея объясненія. Изучалъ онъ Библію не съ точки зрѣнія религіозной, а исключительно съ точки зрѣнія историко-соціологической. Въ ней онъ находилъ объясненіе многихъ юридическихъ нормъ и этой стороной весьма интересовался. Читая Библію, онъ все время думалъ о предстоящихъ осенью лекціяхъ, о составленіи ихъ и о необходимости включить въ таковыя новыя данныя, почерпнутыя изъ Библіи. Особенно часто онъ останавливался въ бесѣдѣ на изученіи Библіи въ Германіи и на многочисленныхъ трудахъ нѣмецкихъ ученыхъ, этому посвященныхъ.

С. А. были выданы двѣ особыя тетради для письменной работы. Въ обѣихъ имѣется слѣдующая надпись: „Въ сей тетради пронумерованныхъ и скрѣпленныхъ (138) сто тридцать восемь листовъ. Старшій помощникъ начальника Печниковъ". Разбирая теперь эти тетради, исписанныя дорогой рукой, четкимъ, точно печатнымъ почеркомъ, перелистывая страницу за страницей, вспоминаешь долгіе дни и вечера заключенія уже больного старика, всю жизнь проработавшаго не покладая рукъ, не оставившаго работы и въ тюрьмѣ. Вотъ содержаніе первой страницы одной изъ тетрадей. (См. снимокъ при 360 стр.).

Далѣе имѣется начерченная имъ карта долины Евфрата съ указаніемъ границъ Аравіи, Сиріи, Іудеи и Мессопотаміи, съ указаніемъ народовъ, ихъ населяющихъ. За этимъ слѣдуютъ расположенныя въ систематическомъ порядкѣ выписки изъ Библіи и ссылки на тексты библейскихъ книгъ, относящіеся къ различнымъ вопросамъ: о возникновеніи права у евреевъ, о происхожденіи библейскаго текста, о различныхъ правовыхъ институтахъ еврейскаго народа и о его философскихъ и нравственныхъ воззрѣніяхъ.

Во второй тетради начато изложеніе того же въ болѣе переработанномъ уже видѣ. Вездѣ видна вдумчивая и кропотливая работа и тщательное знакомство съ научной литературой предмета. Наиболѣе часты ссылки на Stade: „Geschichte des Volkes Israel", Meyer: „Die Israeliten und ihre Nachbarstämme", Welhausen: „Prolegomena zur Geschichte Israels", Friedländer: „Die religiösen Bewegungen innerhalb des Judentums im Zeitalter Jesu"... Въ числѣ до-

ставленныхъ (изъ Московскаго университета и отъ И. С. Урысона) книгъ значатся еще сочиненія Бека и Брауна, Греца и Гольцмана... Изученіе и систематизація обильнаго матеріала иногда замѣняется болѣе монографическими работами, таковы: „Систематическое изложеніе наставленій о премудрости, изложенныхъ въ книгахъ Соломона и Іисуса сына Сирахова“, сопоставленіе русскихъ пословицъ съ изреченіями библейскихъ наставленій...

Въ серединѣ лѣта подъ вліяніемъ нашихъ бесѣдъ о заграничныхъ поѣздкахъ, о которыхъ все болѣе и болѣе говорилось по мѣрѣ приближенія конца заключенія, С. А., принимавшій особенно дѣятельное участіе въ этихъ бесѣдахъ и любившій давать совѣты по этой части, задумалъ написать брошюру о путешествіи за границу. Озаглавлена она такъ: „Какъ собираться за границу (нѣсколько бѣглыхъ совѣтовъ)“. Написанныя страницы имѣютъ цѣлью вызвать въ путешественникѣ болѣе осмысленное отношеніе къ посѣщаемымъ странамъ: къ особенностямъ природы и къ памятникамъ исторіи и культуры.

Въ другомъ мѣстѣ тетради имѣется нѣсколько страницъ, посвященныхъ итальянскому искусству, въ частности—сіэнской школѣ. Бѣглые наброски о Piero di Lino, Oderico, Гвидо и Мино, Уголино. Братья Lorenzetti. „1348—Чума. Паденіе искусства“. Особенное вниманіе С. А. останавливаетъ на себѣ эпоха реакціи 1384 г., изгнаніе 4.000 чел. художниковъ и ремесленниковъ. Далѣе указаны: Berna, Taddeo di Bartolo, Gregorio di Cecco, Domenico di Bartolo и др.

Еще находимъ замѣтки объ адвокатурѣ, о ея роли и значеніи. „Къ вопросамъ адвокатуры. § 1. Въ общемъ составѣ той дѣятельности, которая называется правосудіемъ, адвокатъ почитается необходимымъ ея участникомъ. Судъ осуществляетъ въ своихъ рѣшеніяхъ правосудіе не иначе, какъ при дѣятельномъ содѣйствіи адвоката. Содѣйствіе адвоката имѣетъ два вида: а) техническое, механическое и б) матеріальное“...

Имѣются и другія замѣтки юридическаго характера, а на ряду съ ними—„разныя мысли“ и рядъ стихотвореній Гете, написанныхъ по-нѣмецки. Чрезвычайно трудно въ бѣглой статьѣ о дняхъ, проведенныхъ въ тюрьмѣ Муромцевымъ, изложить содержаніе его письменныхъ работъ; многія изъ нихъ представляютъ сырой, необработанный матеріалъ, разъяснить смыслъ котораго нельзя безъ продолжительнаго и тщательнаго его изученія. Но все же и изъ бѣглаго обзора можно вывести ясное представленіе, что въ тюрьмѣ

умственная энергія и способность систематически работать не покидали С. А., что всѣ его мысли главнымъ образомъ сосредоточены на его лекціяхъ въ университетѣ (имѣется и календарь по недѣлямъ для расчета продолжительности курса), на желаніи возможно лучше ихъ обработать, дать имъ наибольшую научную цѣнность и новизну изслѣдованія.

IV.

Камеры наши шли подъ рядъ, одна за другой, и мы были такимъ образомъ изолированы отъ остальныхъ заключенныхъ. На прогулку насъ выпускали однихъ, мы молча проходили черезъ пустой корридоръ, пустой первый дворъ, и затѣмъ на другомъ маленькомъ дворѣ происходила наша прогулка. Но съ первыхъ же дней нашего водворенія тюрьма узнала, что здѣсь заключены депутаты, что среди нихъ находится и Муромцевъ. Нѣсколько дней спустя послѣ заключенія, вечеромъ, когда на улицѣ движеніе стихло, я услышалъ разговоръ нашихъ сосѣдей надъ нами и подъ нами. Арестанты взбирались на подоконники, усаживались на нихъ, и начинались сквозь открытыя окна бесѣды, подчасъ самыя оживленныя. Сидѣли въ этомъ корпусѣ исключительно общеуголовные. Политическіе помѣщались въ другой части зданія тюрьмы; мы съ ними вовсе не приходили въ соприкосновеніе.

— Осипъ, а Осипъ,—услышалъ я однажды,—кто сидитъ надъ нами, въ 83-мъ?“—„Чего орешь, молчи,—послѣдовалъ отвѣтъ.— Дума, первая Государственная Дума сидитъ и ея предсѣдатель Муромцевъ“.

Съ этого дня начались всякаго рода къ намъ ходатайства, которыя адресовались обыкновенно на имя С. А., а онъ ихъ передавалъ мнѣ, такъ какъ я исполнялъ обязанности старосты „выборгскаго крыла“. Посланія эти обыкновенно или бросались изъ окна во время гулянья въ коробкѣ отъ спичекъ, или передавались парашечникомъ, который вынималъ бумажку изъ-подъ туфли или шапки, или бросались сквозь окошко въ дверь камеры. Просили о разномъ—о выпискѣ провизіи, о табакѣ, чаѣ, о написаніи прошенія о помилованіи, о книгахъ и т. п. Были нѣкоторыя обращенія и отъ политическихъ, главнымъ образомъ, о пополненіи библіотеки. Обращенія эти оставлялись нами безъ отвѣта, ибо мы считали неудобнымъ нарушать въ чемъ бы то ни было тюремныя

Библія.

Вступленіе.

Данныя для установленія времени происхожденія.

Передача закона (и сказаній?) путемъ устнаго преданія

Исходъ, 10, 1-2: ... чтобы явить между ними (египтянами) знаменія Мои и чтобъ ты разсказывалъ сыну твоему и сыну сына твоего о томъ, что Я сдѣлалъ въ Египтѣ.......

ср. 13, 8 — 12, 26-27: И когда скажутъ вамъ дѣти ваши: что это за служеніе? скажите: это пасхальная жертва....

Второз. 6, 6-9: И да будутъ слова сіи, которыя Я заповѣдую тебѣ сегодня, въ сердцѣ твоемъ; и внушай ихъ дѣтямъ твоимъ и говори о нихъ, сидя въ домѣ твоемъ, и идя дорогою, и ложась и вставая и навяжи ихъ въ знакъ на руку твою, и да будутъ они повязкою надъ глазами твоими, и напиши ихъ на косякахъ дома твоего и [illegible] на воротахъ твоихъ

Второз. 11, 19. 20. повторяется.

Второз. 6, 20: Если спроситъ у тебя сынъ твой..: что значатъ сіи уставы, постановленія и законы...; то скажи...: рабами были мы у фараона въ Египтѣ, но Господь вывелъ насъ и т. д.

— 5, 1.. сказалъ (Моисей): слушай, Израиль, постановленія и законы, которые я изреку сегодня въ уши ваши, и выучите ихъ и старайтесь исполнить ихъ

ср. Баварію

1 Царствъ 24, 14: какъ говоритъ древняя притча: отъ беззаконныхъ исходитъ беззаконіе

правила, но нѣкоторыя просьбы исполнялись; такъ, С. А. постоянно выписывалъ разные продукты арестантамъ, которые и выдавались имъ по принадлежности черезъ тюремныхъ надзирателей. По выходѣ изъ тюрьмы онъ внесъ извѣстную денежную сумму въ пользу неимущихъ заключенныхъ и пожертвовалъ весьма значительное количество книгъ въ пользу тюремной библіотеки, которыя и были приняты тюремной инспекціей.

Иногда къ С. А. заходилъ начальникъ тюрьмы Я. И. Печниковъ, раза два былъ тюремный инспекторъ, спрашивая, нѣтъ ли заявленій, а тюремный врачъ И. О. Бортновскій заботливо слѣдилъ за его здоровьемъ, которое подъ конецъ заключенія стало внушать опасенія. Появилась одышка, онъ какъ-то отяжелѣлъ, не хотѣлъ двигаться, появился кашель, землистый цвѣтъ лица, типичный для арестантовъ, и все это насъ очень безпокоило.

По возвращеніи съ прогулки мы часто видѣли въ своихъ камерахъ слѣды обыска. Очевидно, пользуясь нашимъ отсутствіемъ, тюремная администрація обыскивала камеры, разсматривала письменныя работы, но такъ какъ ни у кого изъ насъ ничего недозволеннаго не было, то обыски эти были безрезультатны, и лишь оставляли непріятный осадокъ.

Какъ-то вскорѣ послѣ инцидента со Стаховичемъ мы, выходя на прогулку, замѣтили особый порядокъ въ корридорахъ и на дворѣ. Асфальтовый полъ въ корридорѣ блисталъ, вычищенный полотерами (въ нашихъ камерахъ это было воспрещено, какъ роскошь), дорожки посыпаны пескомъ: очевидно, ждали или ждутъ начальства. На вопросъ мой къ нашему конвоиру, что это значитъ, онъ не могъ ничего отвѣтить.

Къ концу прогулки мы, болтая, остановились у калитки, близъ скамейки, на которой обыкновенно сидѣлъ сопровождавшій насъ конвойный солдатъ. Какъ сейчасъ помню, я остановился возлѣ самой калитки съ С. Д. Урусовымъ, а напротивъ насъ тутъ же стояли С. А. Муромцевъ, Долгоруковъ, Г. Ф. Шершеневичъ; другіе гуляли. Вдругъ застучала калитка. Долгоруковъ, смѣясь, замѣтилъ: „Ужъ не Стаховичъ ли къ намъ ломится?“ и въ ту же минуту калитка отворилась, и передъ нами предсталъ тюремный инспекторъ, окруженный цѣлымъ штатомъ тюремнаго начальства, и какой-то молодой человѣкъ въ котелкѣ съ фотографическимъ аппаратомъ въ рукѣ. Въ ту же минуту надъ самымъ ухомъ С. А. нашъ солдатъ гаркнулъ во всю глотку: „смирно!“ и вытянулся въ струнку.

Стало всѣмъ какъ-то неловко; тюремный инспекторъ, приложивъ руку къ козырьку, спросилъ, нѣтъ ли заявленій, молодой человѣкъ снялъ шляпу, мы отвѣтили поклономъ и сказали, что заявленій нѣтъ. Гости удалились. Мы долго смѣялись по этому поводу, только Г. Ф. Шершеневичъ спорилъ, что кричали не на насъ „смирно", и я долженъ былъ спросить самого конвоира, на кого онъ кричалъ, и когда онъ объяснилъ, что это арестантамъ кричатъ „смирно" при входѣ начальства, Шершеневичъ въ этомъ убѣдился, а С. А., присутствовавшій при этомъ, замѣтилъ: „И охота вамъ ставить точки надъ і". Много времени спустя мы узнали, что молодой человѣкъ въ котелкѣ былъ сотрудникъ англійской газеты „Times", получившій изъ Петербурга разрѣшеніе осмотрѣть Каменщики и видѣть, какъ содержится въ тюрьмѣ предсѣдатель первой Государственной Думы, ея наставникъ и руководитель, и его товарищи-депутаты.

V.

„Смертная казнь отмѣняется... Принимается единогласно" — въ памятный день 19-го іюня торжественно провозглашаетъ предсѣдатель первой Государственной Думы. Неописуемое настроеніе охватываетъ весь залъ Таврическаго дворца. Первый законъ вотированъ народными представителями. Достигли, кажется, апогея общія надежды; казалось, найденъ выходъ, котораго тщетно Россія ждала цѣлыя столѣтія, разрѣшена трудная проблема государственнаго строительства, народъ сливается съ властью и участвуетъ въ ея осуществленіи, а власть воплощаетъ народныя стремленія.

Въ какомъ-то забытьи сижу я въ камерѣ, и точно въ калейдоскопѣ мелькаютъ историческіе дни открытія Думы, первыхъ дней ея засѣданій, общій подъемъ, высшая точка напряженія народной энергіи и труда.

— Товарищъ, товарищъ, я перерѣзалъ себѣ жилы, я умереть хотѣлъ, но меня спасли, чтобы повѣсить по закону,— слышу я точно изъ-подъ земли звучный молодой голосъ, полный страстнаго горя и отчаянія.

— Я—черный воронъ, дважды къ смертной казни приговоренъ—въ Ростовѣ и Москвѣ, но я смерти не боюсь. Товарищъ, я не боюсь, скажи всѣмъ, слышишь, всѣмъ, что черный воронъ смерти не боится. Мой братъ погибъ на Потемкинѣ подъ Одессой, я смерть приму безъ страха и боязни.

Съ ужасомъ и жадностью мы ловили слова, сначала не давая себѣ отчета, что это значитъ, и лишь немного спустя соображаемъ, догадываясь, что это голосъ арестанта, сидящаго внизу подъ нами, недавно приговореннаго къ повѣшенію и въ смертномъ страхѣ ожидающаго роковой минуты.

— Почему меня не вѣшаютъ, почему не казнятъ. Приговорили, чтобы черезъ три дня повѣсить, а вчера уже прошло двѣ недѣли, а меня не ведутъ на казнь; скажи, что это значитъ?—съ тоской, съ надеждой въ голосѣ продолжалъ вопрошать черный воронъ.

— Повеселить тебя желаютъ,—отвѣтилъ голосъ надо мной, и раскатистый смѣхъ поддержалъ остроту товарища.

— Я жалобы не подалъ, я на судѣ даже не былъ; вывели, я имъ всю правду въ глаза сказалъ; я отъ защиты отказался, а они все не вѣшаютъ. Что это значитъ?

— А когда помилованіе выходитъ, сколько времени нужно ждать?

Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ звукѣ молодого, съ южно-русскимъ акпентомъ голоса чувствовалась безконечная жажда жизни, безконечная боязнь смерти.

— Я тоже приговоренъ, — вмѣшивается новый собесѣдникъ, тоже молодой, но какой-то сдавленный голосъ, точно неизбѣжная петля уже обмотала его шею, — насъ вчера судили, было всѣхъ 12 человѣкъ, ну вотъ, пятерыхъ приговорили... Подали жалобу; уже были сегодня защитники.

— Не пропустятъ,—мрачно кто-то возражаетъ.

Далеко, далеко за полночь продолжались эти разговоры, пока часовые не разогнали всѣхъ отъ оконъ. Но тщетно заснуть мы старались,—какой-то кошмаръ все время давилъ, и на прогулкѣ мы встрѣтились больные, издерганные.

И С. А. нѣсколько разъ повторялъ своимъ слушателямъ свое любимое: „Сторожъ, сторожъ, скоро ль уже разсвѣтъ?—Еще темно, но день уже близокъ".

VI.

На слѣдующій день въ „клубѣ" вчерашняя бесѣда продолжалась. Все время шли споры, выйдетъ ли „помилованіе", дадутъ ли ходъ жалобѣ; только чернаго ворона не было слышно,—онъ разорвалъ на себѣ повязки и, если бы не замѣтилъ надзиратель,

истекъ бы кровью. На него надѣли смирительную рубаху, и весь день его не было слышно. Но къ вечеру звучный голосъ опять раздался, только какой-то болѣзненный, временами переходящій въ вопль, плачъ, рыданье. Онъ то ругался, то съ мольбой обращался, съ надеждой на помилованіе, пока окончательно не замолкъ.

— Убрали,—послышалось наверху.—Убрали въ карцеръ подъ конторой.

— Осипъ, а Осипъ, чего это онъ плакалъ?—спрашиваетъ вчерашній сдавленный голосъ.

— Смерти боится, а намъ пыль въ глаза пускаетъ, вотъ отчего,—отвѣтилъ Осипъ.

— А скоро ли насъ будутъ вѣшать?

— А кто жъ его знаетъ, можетъ быть завтра, а можетъ быть еще и поживемъ съ недѣльку.

— А гдѣ насъ будутъ вѣшать?

— Въ Хамовникахъ, въ части; раньше здѣсь вѣшали, да заключенные бунтъ сдѣлали, ну и перестали.

— А въ чемъ вѣшаютъ: въ своемъ платьѣ или переодѣваютъ?

— Въ своемъ, въ своемъ на тотъ свѣтъ пойдешь.

— Ну, тогда я скоро задохнусь,—вмѣшивается новый собесѣдникъ,—у меня сапоги толстые, большіе, тяжелые.

— А вѣдь пожалуй насъ на тотъ свѣтъ не примутъ: глаза вытаращены, языкъ виситъ, страшно, испугаются.—Замолкли.

— А гдѣ будутъ хоронить?

— Въ одной общей ямѣ человѣкъ по нѣсколько кидаютъ.

— Ну, кто подъ Осипа попадетъ, два раза задохнется, ужъ больно тяжелъ.

— Ха-ха-ха,—дружнымъ голосомъ отвѣтили слушатели.

— Осипъ, а Осипъ,—спрашиваетъ тотъ же полудѣтскій сдавленный голосъ „смертника",—страшно на эшафотъ идти?

— А ты зажмурься.

Красные круги передъ глазами, нѣтъ силъ больше слушать, бросаюсь на постель, закрываю голову подушкой, но тщетно. „Зажмурься" такъ и звучитъ. Галлюцинаціи одолѣваютъ. Въ Палермо есть мужской монастырь, кажется капуциновъ, въ которомъ до недавнихъ дней хоронили умершихъ монаховъ въ подземельѣ, при чемъ особымъ способомъ консервировали трупы и, одѣвъ ихъ въ рясы, ставили въ нишахъ стѣнъ, точно живыхъ. И когда попадаешь въ подземелье, кругомъ видишь одѣтые скелеты давно

ушедшихъ отъ насъ людей, которые, точно издѣваясь, съ наклоненными нѣсколько на бокъ черепами, пустыми отверстіями глазъ встрѣчаютъ пришельца.

Тюрьма вдругъ превратилась въ настоящій „Мертвый Домъ“, корридоры тюрьмы стали катакомбами съ живыми мертвецами...

VII.

С. А. былъ сильно удрученъ всѣмъ, что приходилось намъ слышать. Плохо спалъ, видимо осунулся и съ этихъ поръ особенно часто говорилъ о своихъ сновидѣніяхъ, о ихъ толкованіи, разсказывалъ свои наблюденія надъ спиритизмомъ и видимо очень волновался.

Былъ дивный вечеръ. Послѣ знойнаго дня стояла въ это время невыносимая жара, въ тюрьмѣ было очень душно, потомъ проливной дождь освѣжилъ воздухъ. Всѣ ожили. Былъ канунъ какого-то праздника, кажется Троицына дня. „Клубъ“ во всю говорилъ о разныхъ предметахъ: о деревнѣ, о страдной порѣ, шутили на тему о томъ, съ кѣмъ теперь жены арестантовъ снопы вяжутъ, политическіе пѣли „Gaudeamus“ и „Вы жертвою пали“, а „смертники“ радовались тому, что еще живы, и тѣшили себя надеждой на то, что всѣмъ „помилованіе“ вышло. Только что передъ тѣмъ Осипъ спросилъ своего сосѣда со сдавленнымъ голосомъ, была ли у него на свиданіи мать.

— Слава Богу, нѣтъ,— послѣдовалъ отвѣтъ. Мать допускали наканунѣ казни, и приговоренный со страхомъ ждетъ прихода матери, которая является для него вѣстникомъ близкой смерти.

Гдѣ-то вдали граммофонъ играетъ. Керосиновая тусклая подъ потолкомъ висячая лампа соперничаетъ съ яркимъ свѣтомъ луны, пытливо заглядывающей въ камеру заключеннаго. Какое-то блаженное состояніе наступило, въ томленіи одиночества свободная мысль бѣжитъ далеко за предѣлы тюрьмы, въ родную деревню, гдѣ теперь такъ привольно и весело.

Спать не хочется. Во власти мечты долго, долго остаешься безъ движеній, безмолвно.

— Фрося, а Фрося,—слышится страстный призывъ изъ сосѣдняго сада,—будетъ тебя дуться.—Кто-то захлопалъ въ ладоши. О, какъ прекрасна жизнь, свобода, которая, по выраженію Гейне, составляетъ современную религію.

Очарованные красотой ночи арестанты замолкли, притаились. Только гдѣ-то неподалеку кто-то громко молится. Полночь. Слышно, какъ подъѣхалъ экипажъ къ тюрьмѣ...

— Прощайте, товарищи! прощайте, товарищи!— гулко вдругъ раздается по всѣмъ корридорамъ тюрьмы сдавленный голосъ молодого приговореннаго.

— Прощай, товарищъ! — сотни, тысячи голосовъ отвѣчаютъ, кричитъ вся тюрьма, стукъ, грохотъ, бьютъ окна, вышибаютъ табуретами двери камеръ. Звонки надзирателей, окрики наружной стражи,— и все опять замолкло. Долго, долго въ наступившемъ молчанiи слышенъ стукъ отъѣзжающей тюремной кареты, въ которой увозятъ молодую жизнь на казнь.

— Вѣчная память,—говоритъ Осипъ.

Всевластная сила государства сказала свое слово, и погасла жизнь, точно свѣча задутая. О жизнь, какъ ты жестока!

VIII.

Съ особеннымъ удовольствiемъ получались письма. Письмо для арестанта—это больше, чѣмъ свиданiе. Свиданiе обостряетъ сознанiе лишенiя свободы; ставши на полчаса лицомъ къ лицу съ свободной жизнью, съ ея заманчивыми сторонами, тѣмъ непригляднѣе потомъ представлялась неуютная, холодная, грязная, со спертымъ воздухомъ одиночная камера. Письмо—иное дѣло. Правда, оно проходитъ черезъ цензуру прокурорскаго надзора, ничего, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ вещей, не напишешь, души не откроешь, но все это въ концѣ-концовъ не такъ ужъ важно. Со свиданья вернешься одинъ съ особенно острымъ чувствомъ одиночества, а письмо остается съ тобою въ камерѣ, оно замѣняетъ живого собесѣдника, его перечитываешь много, много разъ, и каждый разъ найдется нѣчто новое, между строкъ читаешь, иногда, кажется, сами буквы подсказываютъ свое особое, желанное содержанiе.

С. А. получалъ много писемъ, много привѣтствiй, конечно, едва ли половина посланныхъ достигла нашихъ камеръ, но все же это было самое большое наслажденiе въ дни нашей тюрьмы.

Письма составляли наше общее достоянiе. На прогулкѣ прочитывались вслухъ, дѣлились новостями. Помню, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ мы слушали разсказъ С. А., передававшаго

содержанiе одного письма, сообщавшаго о переворотѣ въ Персiи. Но были и непрiятныя извѣстiя. Очень огорчился С. А. и мы всѣ извѣстiемъ, что нѣкоторые наши товарищи по Думѣ были еще въ худшихъ условiяхъ, чѣмъ мы: кн. Д. И. Шаховской долженъ былъ надѣть арестантское платье, особенныя лишенiя выпали на долю костромичей...

Получилъ я однажды привѣтствiе, адресованное С. А. и мнѣ, отъ польскихъ адвокатовъ изъ Варшавы. С. А. очень былъ тронутъ добрымъ словомъ, къ нему обращеннымъ отъ моихъ соотечественниковъ. Вспомнили мы вечеръ 12 ноября 1904 года, въ Москвѣ когда при первомъ свиданiи русскихъ и польскихъ дѣятелей С. А. привѣтствовалъ, уже нынѣ покойнаго, талантливаго мечтателя, графа Адама Красинскаго (внука великаго польскаго поэта) и его товарищей Такъ ясно звучали слова тогдашняго привѣтствiя: „какъ проконсулы древняго Рима, развращенные безконтрольною властью надъ отданными въ ихъ распоряженiе провинцiями, возвращаясь потомъ въ священный городъ, вносили туда усвоенный ими развратъ и произволъ, заражая всю страну и тѣмъ подготовляя паденiе Великой Римской имперiи, такъ наши правители, получившiе государственный опытъ и воспитанiе на нашихъ западныхъ окраинахъ, не могутъ отрѣшиться отъ усвоенныхъ ими прiемовъ беззаконiя и вводятъ ихъ въ систему государственнаго управленiя“...

IX.

Послѣднее время насъ угнетала грязь. Рядомъ съ нашимъ корпусомъ строилось какое-то зданiе, и пыль отъ этой постройки, а также дымъ отъ какой-то трубы прямо отравляли намъ существованiе. Черезъ два дня носки бѣлье становилось чернымъ, а перемѣнить его можно было лишь разъ въ недѣлю. Большое удовольствiе доставляла ванна, которую мы по очереди — я даже составилъ расписанiе по днямъ — брали. Какъ сейчасъ слышу голосъ тюремнаго надзирателя: „Мартыновъ, № 83 ванную давай!“ — „Даю!“. Мартыновъ былъ фальшивомонетчикъ, который завѣдывалъ ванной.

Смущалъ насъ еще особый стукъ по оконнымъ рѣшеткамъ; сначала мы не понимали, что это значитъ. Потомъ оказалось, что это провѣряютъ, цѣлы ли рѣшетки, не подпилены ли. Шумъ и безконечная ругань, которая висѣла въ воздухѣ, на постройкѣ,

лязгъ кандаловъ возвращавшихся съ прогулокъ арестантовъ, всѣ эти звуки производили на насъ довольно тяжелое впечатлѣніе, и С. А. вдохновился по этому поводу нѣсколькими стихами, запись которыхъ его рукой на желтомъ обрывкѣ пакета „Введенской аптеки“ у меня сохранилась:

Гулъ въ корридорахъ, шумъ снаружи,
Стукъ топоровъ, подмостокъ скрипъ,
Рабочихъ крики, лязгъ металла,
„Давайте цементъ“—дикій вопль,
Свистъ фонарей, котовъ визжанье—
. . . .
Вотъ что культурѣ въ подражанье
Хотятъ уединеньемъ звать...

Фонарь, о которомъ здѣсь упомянуто даже во множественномъ числѣ, былъ дѣйствительно пыткой для насъ. Газокалильный фонарь, помѣщавшійся противъ нашихъ оконъ, вслѣдствіе порчи, издавалъ, когда его зажигали, какой-то протяжный, непрерывный свистъ, то ослабѣвающій, то вдругъ вырывавшійся съ двойной силой. Получалось ощущеніе, точно гвоздь въ голову вколачиваютъ. По временамъ это становилось прямо нестерпимо.

Подъ конецъ пребыванія въ тюрьмѣ всѣ очень страдали отъ пищи. Отъ обѣдовъ давно всѣ отказались: приготовленные на салѣ, неряшливо, съ тараканами и прусаками, поданные въ оловянныхъ мискахъ, они вызывали лишь чувство отвращенія. Питались преимущественно чаемъ, хлѣбомъ и колбасой. Подъ конецъ заключенія дважды было допущено „подаяніе“, доставленное тюрьмѣ, а въ томъ числѣ и намъ нашими друзьями — Н. Н. Баженовымъ и Е. В. Юрьевой. Приступилъ было я, по долгу старосты, къ исполненію обязанности дѣлежа провизіи, но—увы,—у Н. Н. Баженова оказались очень вкусныя вещи! пикули, сои, маринованный перецъ, которыми онъ хотѣлъ насъ полакомить; но все это было совершенно для насъ недоступно: просидѣвъ почти два мѣсяца на пищѣ св. Антонія, мы никакъ не могли рѣшиться отвѣдать присланнаго и братски подѣлились имъ съ нашимъ начальствомъ, тюремными надзирателями; только Ѳ. И. Иваницкій потребовалъ свою долю и со вкусомъ самъ ее уничтожилъ. Въ теченіе первыхъ девяти или десяти недѣль къ намъ даже не допускались огурцы, или апельсины, которые пытались доставлять намъ наши жены.

Но были у насъ и свои радостные моменты.

Передъ Сергіевымъ днемъ, 5 іюля, мы вспомнили, что среди насъ есть два Сергѣя: С. А. Муромцевъ и кн. С. Д. Урусовъ. Мы долго на прогулкахъ обсуждали, какъ намъ отпраздновать именины дорогихъ товарищей, какой подарокъ имъ поднести. Мечтаній было много, но у насъ не было ничего реальнаго, чѣмъ мы бы могли подѣлиться, мы и такъ всѣ жили на основахъ коммуны. Было однако страстное желаніе чѣмъ-нибудь доказать, какъ дорогъ намъ нашъ предсѣдатель, какъ цѣнимъ и любимъ мы Сергѣя Дмитріевича Урусова. И мы нашли. Съ большимъ трудомъ и громадными усиліями достали мы два персика. Въ нашей нищенской обстановкѣ, въ грязной, пыльной камерѣ, съ клопами, ползающими по столу и хлѣбу, съ парашей, отравляющей воздухъ, персикъ, хотя бы только одинъ, казался намъ чѣмъ-то сказочнымъ.

Вмѣстѣ съ персикомъ отправилъ я С. А. написанное отъ лица всѣхъ заключенныхъ поздравительное письмо слѣдующаго содержанія:

„С. А. Муромцеву. № 83. Дорогой товарищъ и предсѣдатель! Хотя вы и не именинникъ нынче, о чемъ вы торжественно заявили, но тѣмъ не менѣе мы пользуемся случаемъ, чтобы высказать вамъ наши чувства, наше сердечное къ вамъ отношеніе, наше безграничное въ вамъ уваженіе. Вы для насъ, а мы въ эту минуту только о васъ и другихъ товарищахъ по тюрьмѣ и говоримъ, всегда будете нашъ предсѣдатель, символъ нашихъ надеждъ и упованій. Вы не убоялись взять на свою сѣдую голову всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя на насъ послѣ Выборга обрушились, не убоялись и всѣхъ тѣхъ, которыхъ мы ждали, ждали тогда 10 іюля 1906 года. Вы этимъ доказали, что народный представитель, кто бы онъ ни былъ, обязанъ поставить въ опредѣленныя минуты борьбы все *свое* на карту, чтобы защитить по мѣрѣ силъ *народное*. Gloria tibi! Пусть этотъ маленькій подарокъ, съ трудомъ нами полученный, не только скажетъ вамъ о нашихъ чувствахъ, но и о томъ, что нѣжный персикъ таетъ, но косточка остается! Первая Государственная Дума жива! По порученію выборгской колоніи заключенныхъ старшина выборгскаго крыла А. Ледницкій. № 80. 5 іюля 1908 года“.

Былъ жаркій день, а въ полдень разразилась гроза, и вскорѣ мнѣ былъ поданъ отвѣтъ С. А.:

5 іюля 1908.

Дорогимъ друзьямъ и товарищамъ по заключенію [redacted] сердечное спасибо и искренній привѣтъ. Мои хорошія чувства къ нимъ столь же глубоки, сколь немногочисленны эти слова, ихъ выражающія. А небесамъ, яко въ библіи, угодно было запечатлѣть только что сказанное молніей и громомъ. . . .

С. Муромцевъ

№80

А. Р. Ледницкому

X.

Дни проходили за днями, близился конецъ нашему заключенію. Въ началѣ августа мы узнали, что насъ освободятъ не 13 августа, а 11, исчисляя трехмѣсячный срокъ въ 90 дней. Наканунѣ мы уложили наши вещи и ихъ отправили домой. Въ камерѣ стало опять пусто, какъ въ первый день. Уголовные арестанты, убиравшіе наши параши, подававшіе кипятокъ, воду, стали съ нами прощаться и просить что-либо дать имъ на память. С. А. отдалъ свой чайникъ Орлову, постоянному тюремному обывателю, профессіональному вору, въ общей сложности сидящему съ небольшими перерывами 19 лѣтъ, но глубоко несчастному, больному человѣку. Онъ въ теченіе всего нашего заключенія очень старательно ухаживалъ за С. А. и нами, и какъ то особенно ласково и привѣтливо къ намъ обращался, сокрушаясь по поводу того, что мы сидимъ въ тюрьмѣ, и насъ глубоко трогало его отношеніе.

Во время послѣдней прогулки къ намъ обратился сквозь рѣшетку съ рѣчью староста политическихъ заключенныхъ. Все это продолжалось одно мгновеніе, но мы съ волненіемъ выслушали сердечныя, искреннія слова и съ чувствомъ глубокой благодарности, съ умиленіемъ мы вспоминаемъ этотъ моментъ.

Признательностью мы должны помянуть и тюремную стражу предсѣдателя первой Государственной Думы. Тюремные надзиратели Зазыченко и Григорьевъ, старшій надзиратель Коровинъ и начальникъ тюрьмы Печниковъ,—добродушный, славный типъ добряка,—всѣ они были строги въ исполненіи тюремныхъ правилъ, но скрашивали суровость режима учтивымъ, доброжелательнымъ къ нему и намъ всѣмъ отношеніемъ.

Послѣднюю ночь мы не ложились спать. С. А. все время бодрствовалъ, не раздѣвался. Въ 4 часа ночи пришелъ Григорьевъ и сталъ открывать наши камеры, объявляя, что мы свободны. Поднялись въ контору, гдѣ добрыхъ два часа возились съ разными формальностями, и въ 6 часовъ утра С. А. и его товарищи на любезно заказанныхъ начальникомъ тюрьмы извозчикахъ покинули тюрьму. Три мѣсяца—немного времени, и теперь, когда все это прошло, и въ тюремной жизни много славныхъ минутъ вспоминаешь. Понесенное С. А. наказаніе, какъ бы оно губительно ни отозвалось на его здоровьѣ, конечно, ничтожно

по сравненію съ страданіемъ столь многихъ, съ мѣсяцами и годами болѣе тяжкихъ лишеній.

И все же есть что-то величавое и незабываемое въ этомъ образѣ заключеннаго въ русскую тюрьму предсѣдателя перваго русскаго народнаго собранія. И вспоминая всѣ реальныя подробности пережитаго, и оглядывая мысленнымъ взоромъ всю современную намъ русскую жизнь, невольно видишь въ лицѣ испытавшаго на себѣ тяжести тюрьмы достойнаго гражданина русской земли нѣчто глубоко знаменательное и значительное по внутреннему смыслу.

А. Ледницкій.

Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни.

I.

Великое общественное служеніе С. А. Муромцева въ Государственной Думѣ разомъ раскрыло передъ всей страной, какая сила столько лѣтъ оставалась въ его лицѣ неиспользованной у насъ, въ странѣ, столь скудной развитыми дарованіями, настоящими знаніями, даромъ творчества и умѣніемъ правильно работать. Послѣ 72 дней высочайшаго напряженія сила эта опять была выключена изъ той сложной машины, на которую возложено дѣло государственнаго строительства. Но работа С. А. не сошла на нѣтъ въ тѣ четыре съ небольшимъ года, которые ему довелось еще прожить послѣ возвращенія въ частную жизнь съ высокаго поста предсѣдателя Государственной Думы. Онъ подвергся при этомъ разнаго рода преслѣдованіямъ, лишился избирательныхъ правъ, служилъ предметомъ ожесточенныхъ нападокъ со стороны озлобленныхъ враговъ, которые не могли простить пережитого ими страха за свои незаслуженныя преимущества тому, который, казалось, былъ призванъ воплотить въ жизненныя начала дѣйствующаго права новые запросы современности. Но Сергѣй Андреевичъ съумѣлъ до смерти съ полнымъ достоинствомъ и съ неослабѣвающей готовностью работать донести тяжелую ношу, выпавшую ему на долю. И умеръ онъ не обезсиленнымъ, не разочарованнымъ, не поверженнымъ въ прахъ борцомъ, а передовымъ работникомъ въ лучшихъ начинаніяхъ русской общественности, прежде всего—на поприщѣ просвѣтительной дѣятельности. Необходимо напомнить нѣкоторые факты, относящіеся къ этому послѣднему періоду его жизни.

Нѣсколько разъ за это время побывалъ С. А. за границей, иногда на довольно продолжительное время. Много силъ потребовалъ выборгскій процессъ, 90 дней проведены въ одиночномъ заклю-

ченіи, приходилось считаться съ послѣдствіями постановленія тульскаго дворянства, исключившаго изъ среды своего общества лишняго въ немъ Муромцева... И при всемъ томъ въ русской и въ частности московской жизни за эти четыре года С. А. удалось оставить глубокій слѣдъ благотворнаго вліянія, и въ его лицѣ Москва лишилась отнюдь не только представителя славнаго прошлаго, не одного только „носителя надеждъ народныхъ", а и незамѣнимаго работника, опустѣлое мѣсто котораго въ ряду товарищей остается незанятымъ и долго еще будетъ напоминать о себѣ и въ повседневной жизни, и при всякомъ крупномъ общественномъ событіи.

На первое время, до конца 1907 года, дѣятельность С. А. сосредоточилась по преимуществу на чисто политическихъ вопросахъ. Ни одно выдающееся явленіе государственной жизни за это время не остается безъ немедленной оцѣнки со стороны Муромцева въ русской или заграничной прессѣ. Большинство написанныхъ за 1907 годъ политическихъ статей общаго характера вошло въ V выпускъ „Статей и рѣчей". Изъ нихъ легко убѣдиться, съ какой настойчивостью и съ какимъ блескомъ предсѣдатель Думы продолжаетъ на другомъ поприщѣ прежнюю борьбу все за тѣ же начала права и народной свободы. Цѣлый рядъ работъ сверхъ того посвященъ дальнѣйшему выясненію вопросовъ парламентской техники. Изъ приложеннаго въ концѣ книги библіографическаго указателя видно, что никогда, ни ранѣе, ни позднѣе, литературная дѣятельность С. А. по числу написанныхъ статей не была столь обильна, какъ именно въ этомъ 1907 году. Въ слѣдующіе годы политическія ноты въ писаніяхъ С. А. слабѣютъ, никогда однако не замирая окончательно, но главное вниманіе сосредоточивается на болѣе углубленной и длительной работѣ научнаго и просвѣтительнаго характера...

Сверхъ того въ послѣдній годъ своей жизни С. А. нашелъ время для новаго дѣла: онъ приступилъ къ пересмотру всего своего литературнаго вклада и рѣшилъ переиздать изъ него то, что заслуживаетъ переизданія. Результатомъ предпринятой работы явился, съ одной стороны, перечень его произведеній, который и послужилъ главнымъ матеріаломъ для вошедшаго въ настоящее изданіе „Списка работъ", съ другой же—пять понынѣ уже изданныхъ выпусковъ „Статей и рѣчей", въ которыхъ съ удивительною тщательностью, а иногда и съ дополненіями и весьма цѣнными указаніями воспроизведены изданныя ранѣе, а подчасъ и вовсе не появляв-

щіяся въ печати болѣе мелкія писанія С. А. Три первые выпуска увидѣли свѣтъ еще при жизни автора, четвертый и пятый были имъ приготовлены къ печати, но появились лишь послѣ его смерти. Этой предсмертной своей работой С. А. оказалъ существенную услугу любознательному читателю и особенно всякому изучающему судьбы русской общественности. Не говоря уже о доставляемомъ этимъ изданіемъ удобствѣ имѣть подъ руками въ одномъ мѣстѣ разбросанный на протяженіи 35 лѣтъ печатный и рукописный матеріалъ, благодаря этой работѣ вскрывается принадлежность перу С. А. нѣкоторыхъ статей, появившихся въ печати безъ подписи или съ подписанными буквами, по которымъ безъ прямого указанія не всегда можно было бы установить настоящаго автора. При этомъ нельзя не отмѣтить ту тщательность выполненія работы и ту внутреннюю стройность, которыми проникнуто все изданіе, и можно только пожалѣть, что смерть прервала работу въ самомъ разгарѣ ея. Надо надѣяться, что задуманное дѣло не останется незавершеннымъ, хотя бы и при менѣе благопріятныхъ условіяхъ...

II.

Съ 1907 года дѣятельность С. А. сосредоточивается главнымъ образомъ въ университетѣ. Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 24 іюня 1906 года за № 48 статскій совѣтникъ Муромцевъ былъ опредѣленъ сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета по каѳедрѣ гражданскаго права. Такимъ образомъ освободительное движеніе имѣло лично для С. А. и свои благотворныя послѣдствія: послѣ двадцатидвухлѣтняго перерыва онъ опять взошелъ на каѳедру родного университета, и слово его оттуда не замолкло до самой кончины. Осенью 1908 года, послѣ назначенія министромъ народнаго просвѣщенія быв. профессора Московскаго университета Шварца, была, правда, сдѣлана попытка создать условія, при которыхъ дальнѣйшее пребываніе въ университетѣ для С. А. и для его ближайшихъ политическихъ единомышленниковъ стало бы невозможно, но грозившій дѣлу просвѣщенія тяжелый ударъ тогда удалось отклонить.

Министерство народнаго просвѣщенія потребовало отъ С. А. и отъ другихъ профессоровъ, подписавшихъ выборгское воззваніе, подписку о непринадлежности къ противоправительственнымъ и противогосударственнымъ партіямъ и организаціямъ. Требованіе

это получено было С. А. почти тотчасъ послѣ выхода его изъ тюрьмы. По свидѣтельству А. А. Мануилова положеніе было таково, что шансы на счастливый исходъ дѣла казались очень незначительными. „Но грозная опасность этого рокового удара не сломила ни самообладанія С. А., ни его твердости. Достойный и мужественный образъ его дѣйствій при тяжелыхъ для него и для университета обстоятельствахъ осени 1908 года оставилъ во всѣхъ его близкихъ товарищахъ неизгладимое впечатлѣніе". Въ отвѣтѣ своемъ на предъявленное ему требованіе С. А. написалъ слѣдующее:

„На предложеніе дать подписку въ непринадлежности ни къ какимъ противогосударственнымъ и противоправительственнымъ партіямъ и организаціямъ и о ненарушеніи присяги и вѣрности служебному долгу полагаю соотвѣтственнымъ заявить, что, дѣйствуя всегда открыто, постоянно почиталъ государство за основную форму народнаго существованія и это свое воззрѣніе съ полною опредѣленностью проводилъ въ своихъ научныхъ и публицистическихъ работахъ и въ общественной дѣятельности, чѣмъ само собою устраняется всякая мысль о возможной принадлежности къ какой-либо направленной противъ государства партіи или организаціи. Въ своей ученой, общественной и государственной дѣятельности неизмѣнно памятовалъ и памятую, что государство Россійское управляется „на твердыхъ основаніяхъ законовъ", почему залогъ крѣпости правительственной власти полагалъ въ точномъ слѣдованіи представителей власти законамъ, въ твердомъ убѣжденіи, что цѣлямъ правительства не можетъ противорѣчить посильное распространеніе того установленнаго самимъ законодателемъ взгляда, что законы должны быть исполняемы безпристрастно, несмотря на лица и не внимая ничьимъ требованіямъ и предложеніямъ. Наконецъ, въ своей академической дѣятельности полагалъ и полагаю обязанностью профессора передавать преподаваемый предметъ съ полною научною объективностью, не оскорбляя достоинства каѳедры внесеніемъ какихъ-либо тенденцій, въ чемъ и заключается подобающее профессору исполненіе принятой присяги и соблюденіе вѣрности служебному долгу. Ординарный профессоръ Сергѣй Муромцевъ. Москва, 1908 г. сентября 1 дня".

Первое время С. А. читалъ въ университетѣ лишь „основы гражданскаго права", затѣмъ сверхъ того еще и „систему римскаго права". Число лекцій въ нѣкоторыя полугодія по двумъ этимъ предметамъ доходило до 10 въ недѣлю. Объ ихъ значеніи

для студенчества говорятъ многочисленные отзывы слушателей, появившіеся въ печати послѣ кончины С. А.

Помимо Московскаго университета С. А. работалъ еще и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ранѣе всего приступилъ онъ, въ началѣ 1908 года, къ чтенію лекцій въ Коммерческомъ Институтѣ по гражданскому праву. Съ открытіемъ Городского Народнаго университета Шанявскаго онъ явился въ немъ лекторомъ „перваго призыва", оказавъ своимъ участіемъ существенную помощь устроителямъ, когда имъ, по смыслу завѣщанія, необходимо было къ опредѣленному сроку—не позднѣе перваго октября 1908 года—наладить занятія. По свидѣтельству Н. Сперанскаго, нелегко было С. А. находить досугъ для поѣздокъ на лекціи въ скромную аудиторію Народнаго университета, но онъ говорилъ: „и все же я отъ обязанностей преподавать въ вашемъ университетѣ себя никогда не освобожу". Въ первый годъ жизни университета Шанявскаго (1908/9) онъ читалъ въ немъ энциклопедію права, а въ слѣдующемъ—4 часа въ недѣлю—гражданское право. Съ 1909 года къ этому присоединяются еще лекціи по тому же предмету на Высшихъ Женскихъ Юридическихъ курсахъ.

Въ связи съ чтеніемъ лекцій шла серьезная самостоятельная научная работа, которая выразилась и въ рядѣ статей въ юридическихъ журналахъ, и въ предварительномъ изданіи частей университетскаго курса. И здѣсь смерть застала С. А. среди широкихъ плановъ, оставшихся невыполненными, и ему не удалось вылить результы новой научной работы во вполнѣ законченныя формы.

Научной и преподавательской работой отнюдь однако не ограничивалась дѣятельность С. А. въ области высшей школы. Не менѣе важны его заслуги въ организаціонномъ отношеніи. Особенно существенный вкладъ внесенъ имъ въ организацію университета Шанявскаго. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ выработкѣ „Положенія" этого перваго у насъ въ Россіи городского высшаго учебнаго заведенія совсѣмъ своеобразнаго типа. „Положеніе" въ его именно редакціи, и отчасти можетъ быть именно благодаря участію его опытнаго пера въ этой работѣ, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями и получило затѣмъ силу закона. Онъ же составилъ и уставъ Общества для усиленія средствъ Городского университета. Дѣятельное участіе принималъ онъ и въ работахъ Академическаго Совѣта по созданію учебныхъ плановъ этого университета.

Не обошлось безъ участія со стороны С. А. и при организаціи

Высшихъ Женскихъ Юридическихъ курсовъ. Живое участіе принималъ онъ и въ выработкѣ „Положенія" Московскаго Коммерческаго Института.

III.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ еще одна сторона дѣятельности С. А., связанная съ работой въ высшей школѣ, его содѣйствіе студенческой молодежи въ устройствѣ научныхъ кружковъ и обществъ. Въ I выпускѣ „Статей" напечатаны двѣ рѣчи, произнесенныя въ 1908 году, первая—15 марта, въ студенческомъ Обществѣ цивилистовъ—о задачахъ студенческихъ обществъ,—вторая—на другой же день, 16 марта—въ студенческомъ Научномъ Обществѣ имени кн. С. Н. Трубецкого, посвященная памяти послѣдняго.

Представители двухъ студенческихъ организацій доставили небезынтересныя свѣдѣнія объ участіи С. А. въ развитіи этихъ организацій. Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь эти свѣдѣнія.

Въ февралѣ 1908 года иниціаторы созданія Общества студентовъ-цивилистовъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ обратились къ С. А. съ просьбой помочь имъ выработать проектъ устава. Просьба была выполнена, и написанный собственноручно Сергѣемъ Андреевичемъ проектъ хранится въ архивѣ Общества. „Вмѣстѣ съ тѣмъ С. А. далъ цѣлый рядъ цѣнныхъ указаній относительно постановки и характера занятій Общества и согласился быть въ числѣ руководителей его". Помимо произнесенной имъ при торжественномъ открытіи 15 марта 1908 года рѣчи, о которой помянуто выше, С. А. далъ еще совѣтъ Обществу „заняться, между прочимъ, разборомъ юридическихъ казусовъ. Казусы были заимствованы изъ обширнаго архива его дѣлъ. На засѣданіяхъ, посвященныхъ этимъ занятіямъ (30 окт. и 13 ноября 1908 года), С. А. присутствовалъ и руководилъ преніями. Въ 1908 году, 6 ноября, С. А. положилъ основаніе библіотекѣ Общества, пожертвовавъ около 100 томовъ русскихъ и иностранныхъ юридическихъ сочиненій. Въ февралѣ 1910 года С. А. прочелъ въ Обществѣ докладъ на тему: „Ошибки въ кодификаціи русскихъ гражданскихъ законовъ". Вообще со времени открытія Общества С. А. всегда интересовался его занятіями и былъ его идейнымъ вдохновителемъ. По смерти С. А., на могилу котораго „отъ бывшихъ и настоящихъ членовъ" Общества былъ возложенъ вѣнокъ,

въ засѣданіи 26 ноября 1910 года Общество, съ разрѣшенія проректора, постановило именоваться впредь: Общество студентовъ-цивилистовъ имени С. А. Муромцева".

Столь дѣятельное участіе С. А. въ судьбѣ этого Общества, близкаго его научной спеціальности, неудивительно. Но вотъ разсказъ представителя другого студенческаго кружка—секціи криминалистовъ при Студенческомъ Научномъ Обществѣ памяти кн. С. Н. Трубецкого. 16 ноября 1909 года было назначено торжественное засѣданіе этой секціи, посвященное памяти скончавшагося профессора Туринскаго университета извѣстнаго Ломброзо. „Я не криминалистъ и врядъ ли могу быть чѣмъ-либо вамъ полезенъ", сказалъ С. А. въ отвѣтъ на приглашеніе представителей секціи принять участіе въ качествѣ предсѣдателя на предположенномъ засѣданіи. Но послѣ того, какъ характеръ предстоящаго засѣданія былъ выясненъ, С. А. изъявилъ свое согласіе исполнить желаніе секціи, долго разспрашивалъ о порядкѣ засѣданія, о докладчикахъ и пр. Неоднократно вызывалъ онъ членовъ секціи въ профессорскую, чтобы поговорить о той или другой подробности, о темахъ, причемъ самъ входилъ въ малѣйшія детали организаціи. За нѣсколько дней до засѣданія С. А. составилъ полный порядокъ его, вычисливъ и время, отведенное каждому оратору. Громомъ аплодисментовъ было встрѣчено появленіе профессора въ Богословской аудиторіи, переполненной студентами. Первыя слова предсѣдателя были: „Сосредоточимъ всѣ наши помыслы на личности того, памяти котораго посвящено настоящее засѣданіе". Торжественно проходило собраніе. Послѣднимъ ораторомъ выступилъ самъ С. А. Вотъ рѣчь его, собственноручно имъ затѣмъ записанная.

„Мы выслушали, милостивые государи, очередные доклады. Припоминая общій ходъ уголовнаго правосудія по тому поводу, который собралъ насъ здѣсь, не отмѣтимъ ли въ заключеніе, что на первоначальной стадіи правового порядка отношеніе къ нарушителямъ этого порядка отличалось характеромъ рефлекса. Правонарушитель причинилъ зло и самъ разсматривается какъ самодѣйствующая злая сила.

Потомъ начинаетъ проникать въ право идея вмѣненія; происходитъ раздѣленіе правонарушителей на вмѣняемыхъ и невмѣняемыхъ, но корень вмѣненія полагается тогда въ злой волѣ, какъ силѣ самодѣйствующей.

Съ Ломброзо воззрѣніе на преступника окончательно поворачивается на новый путь. Дѣло не въ томъ, правильно ли онъ разрѣшилъ поставленные вопросы. Но важно то, что источникъ преступности былъ отдѣленъ отъ идеи личной виновности—преступникъ сталъ разсматриваться не какъ нѣчто самопроизвольное, но какъ произведеніе извѣстнаго ряда условій естественнаго характера.

Идея наказанія преступника стала перерабатываться въ идею борьбы съ преступностью, какъ общаго явленія, борьбы съ его условіями. Новое движеніе не остановилось на мѣстѣ. Дальнѣйшее движеніе указало новые круги условій, производящихъ преступность; и самый методъ изслѣдованія укрѣплялся. Невольно припоминаются слова Уэвелля, автора извѣстной исторіи индуктивныхъ наукъ: „Намъ можетъ казаться", говоритъ этотъ авторъ, „что старыя ученія разрушаются и падаютъ подъ ударами новыхъ ученій, но на самомъ дѣлѣ старыя ученія входятъ въ составъ новыхъ тою долею истины, которая была въ нихъ".

Наука есть общее дѣло, созидаемое сотрудничествомъ многихъ, одновременно работающихъ или преемственно слѣдующихъ одинъ за другимъ мыслителей. Чествованіе памяти умершаго ученаго есть чествованіе того элемента истины, который былъ внесенъ умершимъ въ общій запасъ знаній; это еще болѣе есть чествованіе того безкорыстнаго труда, который былъ вложенъ умершимъ въ общее дѣло науки. Сегодняшнимъ чествованіемъ секція криминалистовъ при Студенческомъ Научномъ Обществѣ памяти князя Сергѣя Николаевича Трубецкого, вѣрная своимъ объективно-научнымъ задачамъ, совершила лежащій на ней долгъ предъ памятью угасшаго дѣятеля науки".

Послѣдній разъ члены секціи видѣли Муромцева въ гробу, когда ея представители дежурили въ квартирѣ усопшаго. Былъ возложенъ отъ нея и вѣнокъ.

Секція приняла затѣмъ дѣятельное участіе въ организаціи соединеннаго засѣданія студенческихъ научныхъ обществъ въ память Муромцева. Но на поданное въ совѣтскую комиссію прошеніе объ этомъ засѣданіи послѣдовала резолюція „отложить". Засѣданіе было отложено на неопредѣленное время.

При столь отзывчивомъ отношеніи С. А. къ духовнымъ запросамъ молодежи, не удивительно, что память о Муромцевѣ, можетъ быть всего полнѣе жившаго за послѣдніе годы въ часы, посвященные общенію съ этой молодежью, такъ цѣнится среди московскаго студенчества.

Столь же внимательно относился С. А. и къ научной работѣ адвокатской молодежи. Свидѣтельствомъ его отзывчивости въ этомъ отношеніи служитъ напечатанный въ V выпускѣ „Статей и Рѣчей" докладъ въ собраніи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ московскаго округа 23 марта 1908 года.

IV.

Повидимому, никогда не прекращалась и работа по подготовкѣ законопроектовъ для того времени, когда, по собственному выраженію Сергѣя Андреевича, дѣятелямъ первой Думы придется войти въ новое движеніе для того, чтобы попрежнему сыграть въ немъ

все ту же организующую роль (см. рѣчь при выходѣ изъ тюрьмы 11 августа 1908 г., „Статьи и Рѣчи“, вып. V, стр. 132). Въ бумагахъ С. А. сохранился проектъ переработки дѣйствующихъ Основныхъ Законовъ, изданныхъ въ 1906 году, и работы по подготовкѣ новаго устава о гражданской службѣ. Постоянно побуждая другихъ готовиться къ близкому, по его мнѣнію, обновленію, онъ осуществленіе этой проповѣди начиналъ съ себя, при чемъ изъ всей серіи необходимыхъ подготовительныхъ работъ считалъ своимъ дѣломъ именно отдѣлку законопроектовъ. Живое участіе принялъ онъ въ редактированіи изданнаго къ открытію третьей Думы сборника выработанныхъ партіей Народной Свободы законопроектовъ [1]). Не отказывалъ онъ въ самомъ дѣятельномъ сотрудничествѣ и другимъ начинаніямъ въ этой области. Извѣстно его близкое участіе въ составленіи школьнаго закона Лиги Образованія, о чемъ между прочимъ разсказалъ съ приведеніемъ фактическихъ данныхъ Г. А. Фальборкъ въ интересной статьѣ, помѣщенной въ № 1 основанной имъ въ ноябрѣ 1910 года газеты „Школа и Жизнь“. Усердно работалъ С. А. и надъ проектомъ новаго университетскаго устава.

И въ гораздо болѣе скромныхъ начинаніяхъ по выработкѣ уставовъ частныхъ обществъ С. А. не уклонялся отъ указаній и помощи. Въ бумагахъ его сохранились два письма извѣстнаго московскаго общественнаго дѣятеля Митрофана Павловича Щепкина, касающіяся предполагавшагося къ открытію въ Москвѣ Общества Образованія. Интересно то, что оба письма относятся къ концу ноября 1907 года, за двѣ недѣли до начала выборгскаго процесса. С. А. въ это весьма тревожное для него время вкладываетъ въ дѣло, какъ видно изъ писемъ Щепкина, все, что можетъ дать ему его опытъ и юридическій тактъ. „Не знаю, какъ благодарить Васъ за Ваше личное участіе въ составленіи устава предполагаемаго Общества Образованія“. Этими словами начинается первое письмо Митрофана Павловича. Затѣмъ идутъ подробнѣйшія разсужденія о редакціи отдѣльныхъ статей устава и прилагается для дальнѣйшихъ замѣчаній его черновикъ. „Большое Вамъ спасибо за Ваши указанія и исправленія“, говорится во второмъ письмѣ. Необходимымъ признается и личное участіе С. А. при

---

[1]) Законопроекты и законодательныя предположенія партіи Народной Свободы. 1905—1907 гг. Спб., 1907 г.

обсужденіи проекта учредителями. И въ припискѣ значится: „Какъ бы не помѣшало намъ 12-е декабря. Проклятое число!“

Какъ отмѣчено уже въ статьѣ Н. И. Астрова, возобновилась за послѣдніе годы и работа С. А. въ комиссіяхъ московскаго городского самоуправленія. Въ своихъ личныхъ бесѣдахъ онъ разсказывалъ съ особеннымъ чувствомъ удовлетворенія объ этой дорогой ему сторонѣ своихъ занятій.

Продолжалось авторитетное участіе С. А. и въ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ, и въ третейскихъ разбирательствахъ по сословнымъ дѣламъ. Приходится удѣлять немало времени на участіе въ различныхъ обществахъ, преслѣдующихъ близкія С. А. цѣли; въ Обществѣ мира, въ Обществѣ Народныхъ Университетовъ, въ Обществѣ дѣятелей періодической печати и литературы и т. д.

Нѣсколько разъ приходится выступать и въ большихъ собраніяхъ съ рѣчами отъ тѣхъ учрежденій, въ которыхъ онъ работалъ. Въ первую годовщину Городского Народнаго университета имени А. Л. Шанявскаго, 22 сентября 1909 года, онъ произнесъ на торжественномъ собраніи большую рѣчь объ общихъ задачахъ современнаго знанія въ области соціологическихъ наукъ. Нѣсколькими мѣсяцами ранѣе онъ выступилъ по порученію Московскаго университета на столѣтнемъ юбилеѣ со дня рожденія Гоголя (26 апрѣля 1909 года) съ замѣчательной рѣчью объ основныхъ чертахъ творчества этого писателя, какъ поэта общественности. Выступленіе Муромцева въ многолюдномъ всероссійскомъ собраніи сопровождалось величественной оваціей, въ которой присутствующіе горячо привѣтствовали не только мыслителя и профессора, но и отбывшаго тюремное заключеніе стойкаго предсѣдателя первой Думы.

Всякаго рода выраженія общественнаго сочувствія, то устныя, то письменныя, разумѣется, повторялись за эти послѣдніе годы жизни не одинъ разъ: и во время процесса въ декабрѣ 1907 года, и при выходѣ изъ тюрьмы 11 августа 1908 года, и при чествованіи по случаю исполнившагося 25-тилѣтія адвокатской дѣятельности 13 октября 1909 года, и при возобновленіи Московскаго Юридическаго Общества 11 апрѣля 1910 года... Въ противовѣсъ постановленію тульскаго дворянства костромское дворянство предложило принять С. А. Муромцева и нѣсколькихъ его товарищей въ свою среду. Всѣ эти проявленія широкаго сочувствія послужили какъ бы предвареніемъ того огромнаго движенія, которое соеди-

нило въ общемъ порывѣ широкіе круги русскихъ людей вокругъ гроба Муромцева въ октябрѣ 1910 года.

Послѣдняго наиболѣе полнаго выраженія отношенія къ нему русскаго общества С. А. не могъ уже подвергнуть оцѣнкѣ. Во всѣхъ предыдущихъ проявленіяхъ сочувствія онъ оцѣнивалъ, конечно, не личный, а общественный моментъ. Постоянно чутко прислушивался онъ къ общественнымъ настроеніямъ, стараясь уловить въ нихъ ростъ дѣйственной силы. Съ твердой вѣрой ждалъ и съ болью въ душѣ жаждалъ онъ болѣе существенныхъ проявленій этой силы со стороны русскаго общества. Онъ хорошо зналъ его сильныя и слабыя стороны, зналъ онъ и внутреннюю цѣну реакціи. Поэтому ни отчаянія, ни рѣзкихъ разочарованій въ немъ не замѣчалось. Но не могъ онъ не страдать жестоко отъ всего, чему приходилось быть свидѣтелемъ; не могъ не болѣть при видѣ того, что дѣйствительное обновленіе, которое такъ неизбѣжно и логически ясно вытекало изъ всѣхъ поставленныхъ жизнью предпосылокъ, все медлитъ своимъ осуществленіемъ, при чемъ ходъ народной жизни все осложняется, и все затемняется возможность обновленія въ томъ чистомъ и стройномъ видѣ, какъ оно рисовалось въ сознаніи.

И болѣе всего заботилъ его при этомъ недостатокъ активности въ обществѣ. Вотъ что писалъ С. А. въ январѣ 1908 года одному изъ друзей, отвѣчая на его сочувственное письмо, одно изъ десятковъ привѣтствій, полученныхъ имъ послѣ выборгскаго процесса: „Да, было бы хорошо, если бы интенсивности, проявляемой общественнымъ чувствомъ въ минуты его видимаго обнаруженія, соотвѣтствовала его прочность... Но вотъ въ чемъ, живя долго, приходится терпѣть разочарованіе. Личнымъ почитаніемъ своихъ избранниковъ какъ часто русскіе люди стремятся возмѣстить недостатокъ активной поддержки! Въ этомъ отношеніи есть, пожалуй, что-то религіозное, напоминая почитаніе всякаго рода страстотерпцевъ, но мало политическаго. Будетъ ли на этотъ разъ иначе?“

Этимъ загробнымъ призывомъ С. А. Муромцева я и заключу свою статью.

Кн. Д. Шаховской.

Проектъ Основного и Избирательнаго законовъ въ редакціи С. А. Муромцева

(1905 годъ).

Въ настоящемъ сборникѣ нѣсколько разъ (особенно въ статьѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина, стр. 222—232) упоминается о редактированномъ Сергѣемъ Андреевичемъ и помѣщенномъ въ № 180 „Русскихъ Вѣдомостей“ за 1905 г. (отъ 6 іюля) проектѣ Основного закона. Ввиду того, что проектъ этотъ, равно какъ и проектъ напечатаннаго тамъ же Избирательнаго закона, съ тѣхъ поръ не появлялся въ общедоступномъ изданіи, оба проекта перепечатываются здѣсь въ томъ самомъ видѣ, какъ они появились въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Они были тамъ помѣщены въ статьѣ подъ общимъ заглавіемъ „Къ вопросу объ организаціи будущаго представительства“ безъ подписи и безъ указанія автора проектовъ. Тексту предпослано было краткое объясненіе ихъ особенностей по сравненію съ другими, ставшими уже ранѣе достояніемъ гласности.

Проектъ перваго закона не имѣетъ въ газетѣ особаго заглавія. Приводимое нами его наименованіе взято изъ первой его статьи.

Въ бумагахъ Сергѣя Андреевича сохранился экземпляръ проекта въ отдѣльномъ изданіи, выполненномъ по образцу офиціальныхъ записокъ, форматомъ въ листъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Проектъ, напечатанный въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“ отъ 6 іюля 1905 г. № 180“.

Текстъ подвергался затѣмъ и дальнѣйшей переработкѣ С. А. Нѣкоторыя изъ внесенныхъ имъ позднѣйшихъ исправленій приведены здѣсь на стр. 401.

Основной Законъ.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О законахъ.

1. Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ законовъ, издаваемыхъ въ порядкѣ, симъ основнымъ закономъ установленномъ.

2. Законы Имперіи суть общіе, когда дѣйствіе ихъ распространяется на все пространство Имперіи, и мѣстные, когда дѣйствіе оныхъ ограничивается предѣлами отдѣльныхъ мѣстностей. Законы мѣстные новымъ общимъ закономъ не отмѣняются, если въ немъ именно таковой отмѣны не постановлено.

3. Каждый законъ имѣетъ силу только на будущее время, кромѣ того случая, когда въ самомъ законѣ постановлено, что сила его распространяется и на время предшествующее.

4. Всѣ издаваемые законы не должны противорѣчить положеніямъ сего основного закона.

5. Проекты законовъ исходятъ отъ Императорской власти или отъ Государственной Думы и не иначе получаютъ силу закона, какъ по одобреніи Государственной Думы и по утвержденіи Императоромъ за собственнымъ Его Величества подписаніемъ.

6. Законы обнародуются во всеобщее свѣдѣніе Правительствующимъ Сенатомъ посредствомъ напечатанія въ установленномъ порядкѣ и прежде обнародованія въ дѣйствіе не приводятся.

7. Законодательныя постановленія не подлежатъ обнародованію, если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ положеніямъ сего основного закона, или когда таковыя постановленія нарушаютъ въ чемъ-либо точный смыслъ сего основного закона (ст. 4-я).

8. Судебныя установленія отказываютъ въ примѣненіи законодательныхъ постановленій, хотя бы обнародованныхъ въ видѣ за

коновъ, когда таковыя постановленія нарушаютъ своимъ содержаніемъ точный смыслъ сего основного закона (ст. 4-я).

9. По обнародованіи законъ получаетъ обязательную силу со времени назначенія для того въ самомъ законѣ срока, при неустановленіи же такового — по истеченіи двухъ мѣсяцевъ со дня напечатанія закона (ст. 6-я).

10. Сила закона равно для всѣхъ обязательна.

11. Законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ только силою закона.

12. Указы и другіе акты Императора, послѣдовавшіе въ порядкѣ верховнаго управленія, обращаются къ исполненію не иначе, какъ по скрѣпѣ государственнаго канцлера или одного изъ министровъ, которые своею скрѣпою принимаютъ на себя за нихъ отвѣтственность.

13. Образъ исполненія законовъ, поскольку не предопредѣленъ въ самомъ законѣ, можетъ быть устанавливаемъ указами Императора. Указы, дополняюшіе законъ, могутъ быть издаваемы лишь въ случаѣ, если изданіе ихъ предусмотрѣно тѣми самыми законами, которые означенными указами дополняются.

Таковые указы подлежатъ обнародованію въ порядкѣ, для законовъ опредѣленномъ (стт. 6 и 7-я).

14. Нарушающее законы распоряженіе правительствующаго мѣста или лица не имѣетъ ни для кого обязательной силы. Не пріемлется ссылка должностного лица на то, что дѣйствіе его, нарушившее законъ или право отдѣльныхъ лицъ, совершено имъ по приказанію начальства.

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

О правахъ россійскихъ гражданъ.

15. Условія и порядокъ пріобрѣтенія и утраты правъ россійскаго гражданства опредѣляются закономъ.

16. Всѣ россійскіе граждане, не взирая на различіе ихъ племенного происхожденія, вѣры или сословнаго положенія, въ отношеніи ихъ политическихъ и гражданскихъ правъ равны предъ закономъ.

17. Всѣ россійскіе граждане свободны въ исповѣданіи вѣры. Никто не можетъ быть преслѣдуемъ за исповѣдуемыя имъ вѣрованія или убѣжденія, ни понуждаемъ къ соблюденію религіозныхъ

обрядовъ; никому не возбраняется выходъ и оставленіе исповѣдуемой имъ вѣры.

18. Отправленіе богослуженія и религіозныхъ обрядовъ и распространеніе исповѣдуемаго каждымъ вѣроученія свободно, поскольку совершаемыя при этомъ дѣйствія не нарушаютъ общихъ законовъ.

19. Никто не можетъ подлежать преслѣдованію иначе, какъ въ порякѣ, закономъ опредѣленномъ.

20. Никто не можетъ быть задержанъ иначе, какъ по основаніямъ, опредѣленнымъ въ законѣ.

21. Всякое задержанное лицо въ городахъ и другихъ мѣстахъ пребыванія судебной власти въ теченіе 24-хъ часовъ, а въ прочихъ мѣстностяхъ имперіи не позднѣе какъ въ теченіе трехъ сутокъ со времени задержанія должно быть или освобождено, или представлено судебной власти, которая, по немедленномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ задержанія, или освобождаетъ задержаннаго, или постановляетъ, съ объявленіемъ основаній, о дальнѣйшемъ его задержаніи. Для отдаленныхъ сельскихъ мѣстностей, гдѣ соблюденіе вышеуказаннаго срока представится невозможнымъ, онъ можетъ быть продленъ особымъ закономъ.

22. Каждый, кому станетъ извѣстно о задержаніи кого-либо другого, имѣетъ право заявить о томъ ближайшему судьѣ, который по такому заявленію изслѣдуетъ наличность законныхъ основаній къ задержанію или его продолженію.

23. Никто не можетъ быть судимъ инымъ судомъ, кромѣ того, которому его дѣяніе во время учиненія было по закону подсудно, и подвергнутъ другому наказанію, кромѣ того, которое за его дѣяніе во время учиненія было закономъ установлено.

24. Никакія кары, взысканія или ограниченія въ пользованіи правами не могутъ быть налагаемы на частныхъ лицъ какою-либо иною властью, кромѣ судебной.

25. Безъ согласія хозяина помѣщенія входъ въ оное, а равно производство въ немъ обыска или выемки допускается не иначе, какъ въ случаяхъ и порядкѣ, закономъ опредѣленныхъ.

26. Частная переписка и иная всякаго рода корресподенція не подлежитъ задержанію, вскрытію и прочтенію иначе, какъ по постановленію судебной власти въ случаяхъ и порядкѣ, закономъ опредѣленныхъ.

27. Каждый воленъ, не снабжая себя паспортомъ или инымъ удостовѣреніемъ личности, въ общихъ предѣлахъ, установленныхъ

закономъ, свободно избирать и мѣнять свое мѣстожительство и занятіе, пріобрѣтать повсюду имущество, движимое и недвижимое, безпрепятственно перемѣщаться внутри государства и выѣзжать за его предѣлы.

Закономъ можетъ быть ограничено право выѣзда за границу только въ видахъ предупрежденія уклоненію отъ отбыванія воинской повинности или отъ суда и слѣдствія.

28. Каждый воленъ, въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно обнародовать ихъ и распространять путемъ печати или иными способами.

29. Никакая цензура не допускается.

30. Всѣ россійскіе граждане вольны собираться какъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, такъ и подъ открытымъ небомъ, мирно и безъ оружія, не испрашивая на то предварительнаго разрѣшенія.

Условія предувѣдомленія мѣстныхъ властей о предстоящихъ собраніяхъ, присутствія сихъ властей на собраніяхъ и обязательнаго закрытія сихъ послѣднихъ, а также ограниченія мѣстъ для собраній подъ открытымъ небомъ опредѣляются не иначе, какъ закономъ.

31. Всѣ россійскіе граждане вольны составлять общества и союзы въ цѣляхъ, не противныхъ уголовнымъ законамъ, не испрашивая на то предварительнаго разрѣшенія.

Условія освѣдомленія власти о составленіи обществъ и ихъ обязательнаго, въ случаяхъ нарушенія ими уголовнаго закона, закрытія опредѣляются не иначе, какъ закономъ.

32. Условія и порядокъ сообщенія обществамъ и союзамъ правъ юридическаго лица опредѣляются закономъ.

33. Всѣ россійскіе граждане имѣютъ право обращаться къ государственнымъ властямъ съ ходатайствами по предметамъ общественныхъ и государственныхъ нуждъ.

34. Иностранцы пользуются правами, предоставленными россійскимъ гражданамъ, съ соблюденіемъ ограниченій, установленныхъ въ законахъ.

35. Закономъ могутъ быть установлены изъятія изъ дѣйствія статей 21, 27, 28, 30, 31-й настоящаго основного закона для лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, и для мѣстностей, объявленныхъ на военномъ положеніи.

Внѣ района военныхъ дѣйствій военное положеніе каждый разъ можетъ быть вводимо лишь посредствомъ изданія о томъ особаго закона на срокъ не болѣе шести мѣсяцевъ.

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Учрежденіе Государственной Думы.

Глава первая.

О составѣ и порядкѣ образованія Государственной Думы.

36. Государственная Дума образуется собраніями довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія лицъ, призываемыхъ симъ избраніемъ къ участію въ осуществленіи законодательной власти и въ дѣлахъ высшаго государственнаго управленія.

37. Государственная Дума раздѣляется на двѣ палаты: земскую палату и палату народныхъ представителей.

38. Земская палата состоитъ изъ государственныхъ гласныхъ, избираемыхъ губернскими земскими или областными собраніями и городскими думами городовъ, съ населеніемъ свыше 100,000 жителей.

39. Отъ губерній и областей съ населеніемъ до 1.000,000 жителей избирается по два государственныхъ гласныхъ, съ населеніемъ отъ 1.000,000 до 2.000,000—по три, отъ 2—3-хъ милл.—по четыре, свыше 3-хъ милл.—по пяти. Отъ городовъ съ населеніемъ отъ 100 до 200 т. жителей избираются по одному государственному гласному; отъ 200 до 400 тыс.—по два, отъ 400 тыс. до милл.—по три, свыше 1 милл.—по четыре. Населеніе городовъ съ особымъ представительствомъ въ земской палатѣ выключается изъ общаго счета населенія губерніи.

40. Государственные гласные избираются изъ числа лицъ, могущихъ быть народными представителями (ст. 45).

41. Избраніе государственныхъ гласныхъ производится въ земскихъ собраніяхъ въ теченіе первой очередной ихъ сессіи и въ городскихъ думахъ въ одномъ изъ первыхъ трехъ засѣданій послѣ обновленія ихъ состава; съ послѣдовавшимъ избраніемъ государственныхъ гласныхъ новаго состава прекращаются полномочія государственныхъ гласныхъ прежняго состава. Въ случаѣ выбытія государственнаго гласнаго изъ состава земской палаты земское собраніе или городская дума избираетъ на его мѣсто новаго на на остающійся срокъ. Избраніе государственныхъ гласныхъ производится закрытою подачей голосовъ; губернскіе гласные отъ городовъ съ особымъ представительстомъ въ земской палатѣ не участвуютъ въ выборѣ государственныхъ гласныхъ, производимомъ

въ земскихъ собраніяхъ; въ остальномъ порядокъ выборовъ опредѣляется избирающими собраніями.

42. Палата народныхъ представителей избирается населеніемъ посредствомъ всеобщаго, равнаго, прямого и закрытаго голосованія.

43. Право участія въ выборахъ народныхъ представителей принадлежитъ каждому россійскому гражданину мужского пола, достигшему 25-тилѣтняго возраста, за исключеніемъ: 1) лицъ, состоящихъ подъ опекой или попечительствомъ; 2) лицъ, объявленныхъ несостоятельными должниками, кромѣ признанныхъ несчастными; 3) лицъ, лишенныхъ правъ по судебнымъ приговорамъ, на срокъ таковаго лишенія; 4) лицъ, призрѣваемыхъ въ благотворительныхъ заведеніяхъ; 5) лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, и 6) лицъ, занимающихъ должности губернаторовъ и вице-губернаторовъ, чиновъ прокурорскаго надзора и полиціи.

44. Порядокъ составленія избирательныхъ списковъ и производства выборовъ въ палату народныхъ представителей опредѣляется избирательнымъ закономъ.

45. Въ народные представители могутъ быть избираемы тѣ же лица, коимъ принадлежитъ право участія въ выборахъ, хотя бы они не были занесены въ избирательные списки даннаго округа.

46. Срокъ полномочій палаты народныхъ представителей каждаго состава четырехлѣтній, считая со дня открытія перваго собранія палаты послѣ ея избранія.

47. Указомъ Императора палата народныхъ преставителей можетъ быть распущена и ранѣе назначеннаго въ ст. 46-й четырехлѣтняго срока.

48. Выборы народныхъ представителей, какъ общіе, такъ и дополнительные для замѣщенія отдѣльныхъ открывшихся въ составѣ палаты народныхъ представителей вакансій, назначаются Императорскими указами на одинъ для всей имперіи воскресный день. День выборовъ долженъ слѣдовать не ранѣе трехъ мѣсяцевъ и не позже шести мѣсяцевъ по обнародованіи указа. Въ случаѣ досрочнаго распущенія палаты (ст. 47) въ указѣ о распущеніи долженъ быть назначенъ вмѣстѣ съ тѣмъ и день новыхъ общихъ выборовъ съ соблюденіемъ вышеозначенныхъ сроковъ.

49. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ предъ срокомъ выборовъ публичное выставленіе и распространеніе составленныхъ въ цѣляхъ предвыборной дѣятельности, отъ имени лицъ, ищущихъ

избранія, или отъ избирателей, и за подписью сихъ лицъ программъ, обращеній и воззваній не подлежитъ въ предѣлахъ избирательнаго округа никакимъ инымъ ограничительнымъ условіямъ, кромѣ обязательства доставить до приступа къ означенному выставленію и распространенію мѣстному представителю прокурорскаго надзора три экземпляра выставляемаго или распространяемаго произведенія.

50. Отведенныя палатамъ за счетъ государственной казны для занятій зданія съ прилегающею къ нимъ мѣстностью въ чертѣ, установленной особымъ закономъ, состоятъ въ исключительномъ распоряженіи самихъ палатъ по принадлежности.

Глава вторая.

О членахъ Государственной Думы.

51. Званія государственнаго гласнаго и народнаго представителя присвоиваются избраннымъ лицамъ съ момента оглашенія результатовъ выборовъ въ мѣстѣ ихъ производства.

52. Одно и то же лицо не можетъ быть одновременно членомъ обѣихъ палатъ. Кто, состоя членомъ одной изъ палатъ, принимаетъ избраніе въ составъ другой палаты, тотъ тѣмъ самымъ слагаетъ съ себя прежнія полномочія.

53. По заключеніи выборовъ отказы отъ званій государственнаго гласнаго и народнаго представителя заявляются письменно предсѣдателю подлежащей палаты.

54. Уклоненіе отъ отправленія обязанностей члена Государственной Думы по званію государственнаго гласнаго или народнаго представителя безъ прямого отказа отъ сихъ званій подлежитъ разсмотрѣнію и распоряженію каждой изъ палатъ по принадлежности.

55. Состоящіе на государственной службѣ, будучи избраны въ члены Государственной Думы, не нуждаются въ разрѣшеніи своего начальства для вступленія въ ея составъ и для явки въ ея собранія.

56. Члены Государственной Думы не могутъ быть жалуемы чинами, орденами или придворными званіями, а также арендами или какими-либо иными имущественными выдачами.

57. Члены Государственной Думы утрачиваютъ свое званіе, если, не состоя на государственной службѣ, вступаютъ въ оную

на должность, сопряженную съ чинопроизводствомъ или полученіемъ отъ казны какого-либо оклада содержанія, или если, состоя уже на государственной службѣ, назначаются на должность высшую по классу, либо сопряженную съ полученіемъ отъ казны высшаго оклада содержанія.

Правило настоящей статьи не распространяется на случай назначенія члена Государственной Думы министромъ.

58. Лица, выбывшія изъ состава Государственной Думы на основаніи статьи 57-й, могутъ возстановить свое положеніе путемъ новаго избранія ихъ.

59. Кромѣ смерти и случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ стт. 52, 53 и 57-й, члены Государственной Думы почитаются также выбывшими при наступленіи условій, препятствующихъ избранію (стт. 40, 43 и 45).

60. Въ своихъ сужденіяхъ и рѣшеніяхъ членъ Государственной Думы не можетъ быть связанъ наказами или указаніями своихъ избирателей.

61. Нарушенія должнаго порядка членами Государственной Думы при отправленіи ими своихъ обязанностей въ составѣ ея собраній подлежатъ разсмотрѣнію и распоряженію каждой изъ палатъ по принадлежности.

62. Внѣ Государственной Думы члены ея не подлежать никакому преслѣдованію или отвѣтственности за поданный при отправленіи обязанностей члена Государственной Думы голосъ или за выраженныя при отправленіи сихъ обязанностей сужденія.

63. Во время собраній Государственной Думы члены ея не могутъ быть, безъ предварительнаго разрѣшенія подлежащей палаты, ни привлечены къ уголовному слѣдствію и суду, ни подвергнуты домашнему аресту или взятію подъ стражу по подозрѣнію въ совершеніи преступнаго дѣянія или личному задержанію по несостоятельности, ни вызваны въ какой-либо судъ или иное мѣсто въ качествѣ свидѣтеля или свѣдущаго лица. Изъ сего исключается лишь тотъ случай, когда членъ Государственной Думы будетъ застигнутъ при совершеніи преступнаго дѣянія или тотчасъ послѣ его совершенія (п. 1-й ст. 257 Уст. угол. суд.), или когда въ теченіе сутокъ по обнаруженіи признаковъ преступнаго дѣянія (ст. 250 Уст. угол. суд.) возникнетъ противъ члена Государственной Думы подозрѣніе и основаніе для принятія противъ него мѣръ къ пресѣченію способовъ уклоняться отъ слѣдствія (ст. 257 Уст.

угол. суд.). Но и въ этихъ случаяхъ подлежащая палата Государственной Думы должна быть немедленно увѣдомлена о послѣдовавшемъ, причемъ отъ палаты, къ составу которой принадлежитъ задержанный членъ Государственной Думы, зависитъ утвердить или, наоборотъ, отмѣнить сдѣланное распоряженіе о задержаніи.

Возникшее до открытія собранія уголовное производство противъ члена Государственной Думы, равно какъ всякаго рода лишеніе его свободы прерываются на все время собранія, если того потребуетъ подлежащая палата.

64. Члены Государственной Думы получаютъ вознагражденіе въ размѣрѣ, опредѣленномъ закономъ. Отказъ отъ вознагражденія не пріемлется.

Глава третья.

О собраніяхъ Государственной Думы.

65. Собранія (сессіи) обѣихъ палатъ открываются, прерываются и закрываются одновременно.

66. Собранія Государственной Думы созываются и закрываются Императорскими указами.

67. Собранія Государственной Думы созываются ежегодно на третій понедѣльникъ октября мѣсяца, если не будетъ усмотрѣна надобность въ болѣе раннемъ, въ тотъ годъ, созывѣ палатъ.

Послѣ досрочнаго распущенія палаты народныхъ представителей (ст. 47) собраніе Государственной Думы созывается не позднѣе, какъ спустя два мѣсяца послѣ срока выборовъ.

68. Чрезвычайныя собранія Государственной Думы созываются по мѣрѣ надобности.

69. Для открытія и закрытія собранія члены обѣихъ палатъ соединяются вмѣстѣ въ помѣщеніи палаты народныхъ представителей.

70. Если открытіе или закрытіе собранія не воспослѣдуетъ въ личномъ присутствіи Императора, то собраніе открывается и закрывается отъ имени Его Величества государственнымъ канцлеромъ.

71. Перерывы въ занятіяхъ собранія не могутъ воспослѣдовать безъ согласнаго постановленія о томъ обѣихъ палатъ; такіе перерывы не могутъ быть продолжительнѣе одного мѣсяца.

Палаты не могутъ постановить о перерывѣ своихъ занятій болѣе чѣмъ на десять дней, если министрами будетъ заявлено противъ того возраженіе.

Прекращеніе занятій, обусловленное соблюденіемъ воскресныхъ, праздничныхъ и иныхъ неприсутственныхъ дней, не почитается перерывомъ собранія.

72. Когда на разсмотрѣніе собранія правительствомъ внесены: роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ, смѣтныя предположенія и отчеты по выполненію росписи или смѣтъ, то до полнаго разсмотрѣнія сихъ актовъ палаты не могутъ представлять Императору о закрытіи собранія.

73. Помимо согласнаго представленія обѣихъ палатъ собраніе Государственной Думы, до разрѣшенія всѣхъ находящихся на разсмотрѣніи палатъ дѣлъ, можетъ быть закрыто лишь путемъ распущенія палаты представителей въ порядкѣ, указанномъ въ статьѣ 35-й сего закона.

Глава четвертая.

О внутреннемъ устройствѣ и порядкѣ занятій Государственной Думы.

74. Каждая изъ палатъ избираетъ изъ своей среды закрытою подачею голосовъ, на сроки по своему усмотрѣнію, своего предсѣдателя, одного или нѣсколькихъ товарищей предсѣдателя и потребное число секретарей. Въ первомъ созванномъ послѣ новыхъ общихъ выборовъ собраніи, по состоявшемся открытіи его, въ каждой изъ палатъ предсѣдательствуетъ, впредь до выбора, членъ ея, старѣйшій по возрасту; обязанности секретарей, впредь до избранія таковыхъ, отправляются шестью членами, младшими по возрасту.

75. Палатамъ предоставляется для предварительной разработки подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію дѣлъ образовывать въ своей средѣ отдѣлы и подготовительныя комиссіи.

76. Засѣданія обѣихъ палатъ происходятъ публично; но по предложенію предсѣдательствующаго или десяти присутствующихъ членовъ засѣданіе объявляется тайнымъ, послѣ чего палатѣ сообщаются основанія, побуждающія требовать тайнаго продолженія засѣданія, о чемъ палата и постановляетъ свое рѣшеніе.

77. Никто не несетъ отвѣтственности за согласное съ дѣйствительностью оглашеніе въ печати происходившаго въ публичномъ засѣданіи палатъ.

78. Рѣшенія палатъ постановляются по простому большинству голосовъ за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ статьяхъ 95 и 96-й. Для дѣйствительности постановленнаго рѣшенія

необходимо участіе въ голосованіи по крайней мѣрѣ половины законнаго числа членовъ палаты.

Соблюденіе этихъ правилъ необязательно при выборахъ должностныхъ лицъ палаты (ст. 74-я) [1]) и при распоряженіяхъ, касающихся внутренняго распорядка въ палатѣ.

79. Министры, хотя бы они не состояли членами палаты, имѣютъ, по ихъ должности, право присутствовать во всѣхъ засѣданіяхъ ея и участвовать въ обсужденіи всѣхъ разсматриваемыхъ ею вопросовъ.

До приступа къ голосованію министру, желающему дать объясненіе по содержанію обсуждаемаго предмета, не можетъ быть отказано въ словѣ.

80. Высшее завѣдываніе охраною порядка внутри принадлежащихъ палатамъ зданій и въ чертѣ прилегающей мѣстности (ст. 50-я) принадлежитъ предсѣдателямъ подлежащихъ палатъ или, въ случаѣ пребыванія обѣихъ палатъ въ чертѣ одной и той же мѣстности, одному изъ предсѣдателей по очереди на время каждаго собранія. Въ распоряженіи предсѣдателей состоитъ для сего въ потребномъ числѣ особая стража, имъ исключительно подчиненная.

81. Составляемые палатами, каждою въ отдѣльности, наказы опредѣляютъ дальнѣйшія подробности ихъ внутренняго устройства и порядка занятій и правила ихъ дисциплинарнаго устава (ст. 54 и 61-я).

Глава пятая.

О предметахъ вѣдомства и простраствѣ власти Государственной Думы.

82. Проекты законовъ прежде представленія ихъ на усмотрѣніе Императора (ст. 84-я) предлагаются на обсужденіе и рѣшеніе обѣихъ палатъ Государственной Думы (ст. 5-я).

83. Означенные проекты предлагаются Государственной Думѣ путемъ внесенія ихъ въ одну изъ палатъ министрами, отъ имени Императора, или же возникаютъ въ средѣ которой либо изъ палатъ по предложенію не менѣе чѣмъ 30 членовъ въ палатѣ народныхъ представителей или 15 членовъ въ земской палатѣ. Проектъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ принятъ въ одной изъ палатъ, передается въ другую. Въ случаѣ предложенія этою послѣд-

---

[1]) Въ текстѣ „Русскихъ Вѣдомостей", очевидно вслѣдствіе опечатки, указана здѣсь ст. 79. *Ред. Сборника.*

нею поправокъ онъ возвращается на разсмотрѣніе палаты, обсуждавшей его первоначально.

84. Одобренные обѣими палатами проекты представляются Государственнымъ канцлеромъ Императору, располагающему ихъ утвержденіемъ.

85. Проекты законовъ, отклоненные одною изъ палатъ Государственной Думы или Императоромъ, не могутъ быть предлагаемы вновь въ теченіе того же собранія Государственной Думы.

86. Государственные договоры, мирные и торговые, а равно всѣ тѣ, которые сопряжены съ установленіемъ для государственной казны обязательствъ, съ измѣненіемъ границъ государственной территоріи или исполненіе которыхъ требуетъ измѣненія или дополненія дѣйствующихъ законовъ, получаютъ силу не прежде, какъ по одобреніи ихъ Государственной Думой въ законодательномъ порядкѣ (стт. 82—84-я).

87. Государственная роспись устанавливается не болѣе, чѣмъ на годичный срокъ, особымъ закономъ. Но сумма, отпускаемая изъ государственной казны въ личное распоряженіе Императора и на содержаніе Императорскаго двора, опредѣляется Государственной Думой въ началѣ каждаго царствованія и въ теченіе его не можетъ быть измѣняема безъ согласія Императора.

88. Проектъ государственной росписи предлагается сначала палатѣ народныхъ представителей, отъ которой, будучи одобренъ, передается въ земскую палату. Проектъ росписи, одобренный обѣими палатами, представляется Императору (ст. 84-я).

89. Установленіе податей, налоговъ, пошлинъ и иныхъ сборовъ, государственныхъ займовъ, принятіе государствомъ гарантій, установленіе штатовъ, разрѣшеніе государственныхъ сооруженій, отчужденіе отдѣльныхъ государственныхъ имуществъ или доходовъ, сложеніе недоимокъ и казенныхъ взысканій, и вообще установленіе всякаго рода государственныхъ доходовъ и расходовъ, если не предусмотрѣно государственной росписью, можетъ послѣдовать не иначе, какъ путемъ изданія особаго о томъ закона.

90. Палатамъ Государственной Думы предлагаются на ихъ разсмотрѣніе и утвержденіе всѣ отчеты по исполненію государственной росписи.

91. Палаты Государственной Думы принимаютъ письменныя ходатайства; личное представленіе таковыхъ ходатайствъ возбраняется.

92. Во время собраній Государственной Думы члены ея имѣютъ право обращаться съ запросами какъ къ отдѣльнымъ министрамъ, такъ и къ совѣту министровъ въ цѣломъ по предмету образа дѣйствій правительства или отдѣльныхъ правительственныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ. Объясненія по таковымъ запросамъ представляются министрами лично подлежащей палатѣ въ одномъ изъ ея засѣданій не позднѣе опредѣленнаго палатою срока.

93. Каждая изъ палатъ имѣетъ право производить повсемѣстно разслѣдованіе чрезъ посредство избранныхъ ею для того изъ своей среды комиссій.

94. Учрежденіе объ Императорской фамиліи (стт. 82—179-я ч. I т. I. Св. Зак. изд. 1892) въ частяхъ своихъ о степеняхъ родства въ Домѣ Императорскомъ (стт. 82—90-я) о рожденіи и кончинѣ членовъ Императорскаго Дома (стт. 91—99-я), о титулахъ, гербахъ и прочихъ внѣшнихъ преимуществахъ (стт. 100—119-я), о гражданскихъ правахъ членовъ Императорскаго Дома (стт. 139—174-я) и объ обязанностяхъ къ Императору (стт. 175—179-я) можетъ быть предметомъ пересмотра въ законодательномъ порядкѣ не иначе, какъ по указанію Императора.

Глава шестая.

Особенныя правила.

95. Если проектъ закона, принятый одною изъ палатъ, будетъ отклоненъ другою или если послѣ возвращенія проекта въ палату, разсматривавшую его первоначально, съ поправками другой палаты и послѣ новаго обсужденія такого проекта закона въ обѣихъ палатахъ, не послѣдуетъ согласія рѣшеній большинства обѣихъ палатъ, то каждая изъ палатъ имѣетъ право рѣшить о передачѣ проекта на обсужденіе общаго засѣданія Государственной Думы. Такое рѣшеніе считается состоявшимся, если за него будетъ подано не менѣе двухъ третей законнаго числа голосовъ.

96. Исполненіе по рѣшенію о созывѣ общаго засѣданія Государственной Думы пріостанавливается впредь до возобновленія полномочій народныхъ представителей. Послѣ сего въ теченіе трехъ мѣсяцевъ по открытіи собраній палатъ вопросъ о созывѣ общаго засѣданія Государственной Думы вторично обсуждается палатою, его возбудившей. Если палата большинствомъ двухъ третей за-

коннаго числа голосовъ одобритъ прежнее рѣшеніе, проектъ закона передается на обсужденіе общаго засѣданія Государственной Думы. День общаго засѣданія Государственной Думѣ назначается по соглашенію предсѣдателей обѣихъ палатъ и канцлера. Общія засѣданія Государственной Думы происходятъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ предсѣдателей палатъ, что опредѣляется по жребію. Засѣданіе Государственной Думы открывается старѣйшимъ по возрасту членомъ Государственной Думы, который и опредѣляетъ жребіемъ постояннаго предсѣдателя и передаетъ ему обязанности. Секретарями общаго засѣданія Государственной Думы состоятъ секретари обѣихъ палатъ. Разсмотрѣнію Государственной Думы подлежатъ лишь вопросы, внесенные въ указанномъ порядкѣ (стт. 95 и 96), и по рѣшеніи ихъ засѣданіе объявляется закрытымъ. Рѣшенія общаго засѣданія Государственной Думы принимаются простымъ большинствомъ голосовъ и почитаются равносильными согласному рѣшенію большинства обѣихъ палатъ.

97. Если разногласіе рѣшеній обѣихъ палатъ послѣдуетъ при обсужденіи государственной росписи и если послѣ вторичнаго разсмотрѣнія вопроса, возбудившаго разногласіе, согласіе рѣшеній большинства палатъ не будетъ достигнуто, — спорные вопросы вносятся на обсужденіе общаго засѣданія Государственной Думы, не выжидая возобновленія полномочій народныхъ представителей и безъ постановленія о семъ палатъ. Въ остальномъ при рѣшеніи такихъ вопросовъ соблюдается порядокъ, установленный въ ст. 96-й.

РАЗДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

О министрахъ.

98. Государственный канцлеръ и, по его представленію, прочіе министры назначаются указами Императора.

Таковыми же указами означенныя лица увольняются отъ должности.

99. Государственный канцлеръ предсѣдательствуетъ въ совѣщаніяхъ министровъ; званіе государственнаго канцлера совмѣстимо съ управленіемъ однимъ изъ министерствъ.

100. Каждый министръ въ отдѣльности отвѣтствуетъ: 1) за свои личныя дѣйствія или распоряженія; 2) за дѣйствія и распоряженія подчиненныхъ ему властей, основанныя на его указані-

яхъ; 3) за скрѣпленные его подписью указы и иные акты Императора.

101. Государственный канцлеръ и прочіе министры въ совокупности отвѣтствуютъ передъ палатами Государственной Думы за общій ходъ государственнаго управленія.

102. За совершенныя при отправленіи должности нарушенія законовъ или правъ гражданъ министры подлежатъ гражданской и уголовной отвѣтственности.

За умышленныя нарушенія постановленій сего основного закона и за нанесеніе тяжкаго ущерба интересамъ государства превышеніемъ, бездѣйствіемъ или злоупотребленіемъ власти министры могутъ быть привлекаемы каждою изъ палатъ Государственной Думы къ отвѣтственности съ преданіемъ суду общаго собранія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

103. Помилованіе осужденнаго министра можетъ послѣдовать не иначе, какъ по ходатайству той палаты, постановленіемъ которой онъ преданъ суду.

РАЗДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Объ основахъ мѣстнаго самоуправленія.

104. Области, губерніи, уѣзды и волости или соотвѣтствующія имъ дѣленія образуютъ самоуправляющіеся союзы, именуемые земствами. Города образуютъ самоуправляющіяся общины.

105. Границы областей, губерній, уѣздовъ и городовъ измѣняются въ законодательномъ порядкѣ; границы волостей измѣняются земскими, областными и губернскими собраніями.

Города выдѣляются изъ волостей въ самостоятельныя общины; города, имѣющіе населеніе свыше 100,000 жителей, выдѣляются изъ уѣздовъ.

106. Мѣстное самоуправленіе низшихъ союзовъ имѣетъ быть основано на всеобщемъ, равномъ, прямомъ и закрытомъ голосованіи. Каждое лицо, имѣющее право участія въ выборахъ въ палату народныхъ представителей, имѣетъ право такого же участія въ мѣстныхъ выборахъ, если оно прожило въ данномъ мѣстѣ— уѣздѣ или городѣ—не менѣе одного года или въ теченіе того же срока уплачивало мѣстные земскіе или городскіе сборы. Собранія высшихъ самоуправляющихся союзовъ могутъ быть избираемы собраніями низшихъ таковыхъ же союзовъ.

107. Устройство и предѣлы вѣдомства земскихъ и городскихъ учрежденій опредѣляются закономъ и, въ предѣлахъ послѣдняго, постановленіями областныхъ и губернскихъ земскихъ собраній.

108. Областныя и губернскія земства могутъ вступать въ соглашенія между собой для совмѣстнаго веденія дѣлъ, общихъ для нѣсколькихъ губерній. Подобныя соглашенія могутъ заключаться на опредѣленный срокъ, либо безъ обозначенія срока. Устройство органовъ для завѣдыванія такими дѣлами предоставляется усмотрѣнію и соглашенію земствъ.

РАЗДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

О судебной власти.

109. Мѣста и лица, отправляющія правительственную (административную) власть, не могутъ быть облекаемы судебною властью.

110. Судебныя установленія не могутъ быть въ подчиненіи иной власти, кромѣ судебной.

111. Судьи не могутъ быть, противъ своего желанія, ни увольняемы, ни перемѣщаемы, ни устраняемы отъ исполненія должности иначе, какъ по постановленію подлежащаго суда и по основаніямъ, въ законѣ опредѣленнымъ.

112. Никакія изъятія изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по роду преступленій, не допускаются, исключая случая, предусмотрѣннаго въ статьѣ 102-й настоящаго закона. Должностныя лица за нарушенія законовъ и правъ гражданъ, совершенныя при отправленіи служебныхъ обязанностей, подлежатъ судебной гражданской и уголовной отвѣтственности на общемъ съ прочими гражданами основаніи; для привлеченія должностныхъ лицъ къ суду не требуется ни заключенія, ни предварительнаго согласія ихъ начальства.

113. Никто не устраняется отъ внесенія въ списки присяжныхъ засѣдателей на основаніи своего имущественнаго или общественнаго положенія.

Въ бумагахъ Сергѣя Андреевича сохранился текстъ слѣдующихъ дальнѣйшихъ измѣненій перепечатаннаго выше законопроекта.

Измѣненія, внесенныя въ проектъ Основного Закона, напечатанный въ № 180 „Русскихъ Вѣдомостей".

I. Статьи 6 и 7 соединены въ одну подъ цифрою „6", при чемъ вовсе исключена вторая половина статьи 7-й, т.-е. слова: „или когда таковыя постановленія нарушаютъ въ чемъ-либо точный смыслъ сего основного закона".

Статьи 8, 9 и 10 переименованы въ статьи 7, 8 и 9.

II. Составлена новая статья 10-я, опредѣляющая, что Россійскіе законы не имѣютъ силы въ предѣлахъ Великаго Княжества Финляндскаго, если не будутъ одобрены законодательными учрежденіями Великаго Княжества.

III. Въ статью 12-ю въ началѣ ея вставлены слова: „Власть верховнаго управленія принадлежитъ Императору", и затѣмъ слѣдуетъ прежній текстъ статьи.

IV. Статьи 28 и 29 соединены въ одну подъ цифрою „28". Вслѣдствіе сего статьи 30—33 переименованы соотвѣтственно въ статьи 29—32.

V. Составлена новая статья 33 слѣдующаго содержанія: „Каждый, къ какой бы народности онъ ни принадлежалъ, воленъ въ общественной жизни и литературѣ употреблять языки и нарѣчія по своему усмотрѣнію и, въ цѣляхъ сохраненія и развитія языка, литературы и культуры той или другой народности, составлять собранія и союзы и установлять и содержать учебныя заведенія и иныя всякаго рода учрежденія".

VI. Статья 35 изложена слѣдующимъ образомъ: „Закономъ могутъ быть установлены изъятія изъ дѣйствія статей 21, 27, 28, 29 и 30 настоящаго основного закона для лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, и для мѣстностей, входящихъ въ районъ военныхъ дѣйствій".

Проектъ.

Избирательный законъ.

1. Настоящій законъ примѣняется ко всей Имперіи за исключеніемъ Печерскаго уѣзда Архангельской губерніи, Туруханскаго края Енисейской губерніи, Анадырскаго, Командорскаго, Петропавловскаго, Гижигинскаго и Охотскаго округовъ Приморской области, Сахалинскаго отдѣла, Березовскаго и Сургутскаго округовъ Тобольской губерніи, Памирскаго участка Ошскаго уѣзда Ферганской области и Верхоянскаго и Колымскаго округовъ Якутской области.

2. Избраніе народныхъ представителей производится по избирательнымъ округамъ, по одному представителю на каждый округъ.

3. Въ каждой губерніи или области, за выключенімъ изъ нихъ городовъ съ населеніемъ по переписи 1897 года въ 50,000 и болѣе жителей, избирается по одному народному представителю приблизительно на 150,000 лицъ наличнаго населенія по переписи 1897 года. Излишекъ населенія въ 96,000 и болѣе при исчисленіи населенія губерніи или области приравнивается при этомъ полнымъ 150,000. Въ губерніи или области съ населеніемъ ниже 150,000 избирается одинъ народный представитель. Каждый городъ съ населеніемъ въ 50,000 и болѣе составляетъ самостоятельную избирательную территорію. Въ такихъ городахъ одинъ представитель избирается приблизительно на 100,000 наличнаго населенія по переписи 1897 года. Излишекъ въ 64,000 и болѣе при исчисленіи народонаселенія города приравнивается полнымъ 100,000. Въ городахъ съ населеніемъ менѣе 100,000 избирается одинъ народный представитель.

Согласно сему общее число народныхъ представителей составляетъ 840, распредѣляемыхъ по губерніямъ, областямъ и городамъ, согласно расписанію, приложенному къ настоящей статьѣ.

4. Распредѣленіе округовъ производится въ законодательномъ порядкѣ. Каждый избирательный округъ не позднѣе, какъ за два мѣсяца до выборовъ, дѣлится для подачи голосовъ на участки. Раздѣленіе округовъ на участки производится: въ губерніяхъ и областяхъ губернскими и областными земскими управами, а въ городахъ, составляющихъ самостоятельныя избирательныя территоріи,—городскими управами.

5. Производствомъ выборовъ въ округахъ и избирательныхъ участкахъ завѣдуютъ комитеты, состоящіе изъ предсѣдателя, секретаря и не менѣе двухъ членовъ. Лица эти имѣютъ въ комитетахъ равный голосъ и назначаются изъ числа избирателей округа: въ городахъ—городскими управами, въ прочихъ мѣстностяхъ для округовъ — губернскими земскими управами, а для участковъ — уѣздными земскими управами. Обязанности лицъ, составляющихъ комитеты, почетны и безплатны.

6. Въ каждомъ участкѣ составляются для выборовъ участковыми комитетами при посредствѣ волостныхъ, уѣздныхъ и городскихъ управъ списки, въ которые вносятся лица, имѣющія мѣстожительство въ участкѣ и права избирателей. Въ списокъ вносятся: фамилія, имя, отчество, возрастъ, родъ занятій и мѣстожительство избирателей. Списки выставляются для обозрѣнія по крайней мѣрѣ за четыре недѣли до дня, назначеннаго для выборовъ, о чемъ и публикуется во всеобщее свѣдѣніе съ указаніемъ срока для заявленій объ исправленіи списковъ. Заявленія объ исправленіи списковъ принимаются участковыми комитетами въ теченіе восьми дней по выставленіи списковъ для обозрѣнія. Всѣ такія заявленія должны быть разсмотрѣны комитетомъ въ теченіе послѣдующихъ 14-ти дней, послѣ чего списки заключаются. Правомъ участія въ выборахъ пользуются лишь лица, занесенныя въ списки.

При дополнительныхъ выборахъ, если они имѣютъ мѣсто въ теченіе года послѣ послѣднихъ общихъ выборовъ, не требуется ни новаго составленія, ни выставленія для обозрѣнія избирательныхъ списковъ.

7. Не менѣе какъ за недѣлю до выборовъ избирателямъ предоставляется право заявлять письменно имена кандидатовъ, предлагаемыхъ ими въ народные представители. Дѣйствительными считаются заявленія, подписанныя десятью и болѣе избирателями. Заявленія подаются или присылаются предсѣдателю окружного комитета. На основаніи этихъ заявленій составляется списокъ кан-

дидатовъ, каковой и сообщается окружнымъ комитетомъ участковымъ комитетамъ. Списокъ кандидатовъ въ день выборовъ долженъ быть вывѣшенъ при входѣ въ помѣщеніе для выборовъ и въ самомъ помѣщеніи на видныхъ мѣстахъ. Лица, не занесенныя въ этотъ списокъ, не могутъ подлежать избранію въ народные представители.

8. Выборы и подсчетъ голосовъ производится публично. Во все время производства выборовъ и подсчета голосовъ въ помѣщеніи для выборовъ должны быть налицо не менѣе трехъ членовъ комитета, въ томъ числѣ предсѣдатель и секретарь, или члены, ихъ замѣняющіе. О ходѣ выборовъ ведется протоколъ, куда заносятся и всѣ замѣчанія избирателей по поводу выборовъ.

9. Подача голосовъ въ избирательныхъ участкахъ начинается въ 10 час. утра и оканчивается въ 8 час. вечера.

10. Передъ началомъ выборовъ предсѣдатель осматриваетъ ящикъ, предназначенный для опусканія избирательныхъ записокъ, предъявляетъ его присутствующимъ для удостовѣренія въ томъ, что въ немъ не имѣется никакихъ записокъ, и затѣмъ запираетъ его и опечатываетъ печатью избирательнаго комитета.

11. Выборы производятся каждымъ избирателемъ лично опусканіемъ въ прорѣзъ избирательнаго ящика закрытаго пакета съ вложеннымъ въ него листкомъ съ именемъ одного кандидата, за котораго подаетъ голосъ избиратель, но безъ подписи послѣдняго.

12. Отъ комитета выдаются избирателямъ пакеты съ печатью комитета. Избирательные листки должны быть изъ бѣлой бумаги и не носить никакихъ наружныхъ знаковъ, надписей, замѣчаній и отмѣтокъ. Въ запискахъ должно стоять лишь имя кандидата, написанное или воспроизведенное однимъ изъ множительныхъ способовъ. Одно имя можетъ быть зачеркнуто и замѣнено другимъ. Избирательную записку избиратель можетъ изготовитъ или внѣ помѣщенія выборовъ, или въ самомъ помѣщеніи. Помѣщеніе для выборовъ должно быть устроено такимъ образомъ, чтобы избирателямъ была предоставлена дѣйствительная возможность положить избирательный листокъ въ пакетъ тайно отъ комитета и присутствующихъ при выборахъ.

13. Въ 8 час. вечера предсѣдатель объявляетъ подачу голосовъ законченной. Послѣ этого опусканіе въ ящикъ избирательныхъ листковъ болѣе не допускается, и комитетъ приступаетъ къ подсчету голосовъ, при чемъ предварительно подсчитывается число

конвертовъ и свѣряется по избирательному списку съ числомъ лицъ, подавшихъ голоса и отмѣченныхъ на спискѣ, а затѣмъ комитетъ вынимаетъ избирательные листки изъ пакетовъ и дѣлаетъ подсчетъ записаннымъ въ нихъ именамъ.

14. Признаются недѣйствительными и подсчитываются особо:

а) избирательные листки, вложенные въ пакетъ безъ печати комитета или въ пакетъ, снабженный какой-либо отмѣткой;

б) избирательные листки не изъ бѣлой бумаги;

в) избирательные листки съ наружными знаками, замѣчаніями, надписями и отмѣтками;

г) избирательные листки, не заключающіе никакого имени, или имя, прочесть которое нельзя;

д) избирательныя записки, на основаніи которыхъ нельзя точно установить личность избираемаго;

е) избирательныя записки, въ которыхъ голосъ подается за лицо, не подлежащее избранію;

ж) избирательныя записки, заключенныя въ одинъ пакетъ и указывающія на нѣсколько лицъ.

Нѣсколько записокъ, указывающихъ на одно и то же лицо и заключенныя въ одинъ пакетъ, считаются за одинъ голосъ.

Недѣйствительные листки нумеруются и прилагаются къ протоколу.

15. По окончаніи подсчета голосовъ и подписаніи протокола наличными членами комитета, комитетъ отсылаетъ въ окружной комитетъ протоколъ, выборный листъ, избирательный списокъ съ отмѣтками о лицахъ, подавшихъ голосъ, письменныя заявленія объ исправленіи списковъ, письменные протесты по поводу выборовъ, избирательные листки, противъ которыхъ заявленъ протестъ, избирательные листки, признанные недѣйствительными.

Примѣчаніе. Избирательные листки, не отосланные въ окружной комитетъ, хранятся комитетомъ запечатанными до признанія выборовъ дѣйствительными.

16. Подсчетъ гососовъ, поданныхъ по участкамъ, производится окружнымъ комитетомъ не позднѣе какъ на третій день по полученіи изо всѣхъ участковъ избирательныхъ протоколовъ со всѣми приложеніями (ст. 15-я).

Для окружного комитета обязательны правила, изложенныя въ ст. 8-й настоящаго закона.

17. Избраннымъ считается лицо, за которое подано больше половины всѣхъ избирательныхъ листковъ, признанныхъ дѣйствительными окружнымъ комитетомъ. Если ни одно лицо не сосредоточитъ на себѣ простого большинства законно поданныхъ голосовъ, то выборы признаются несостоявшимися и комитетомъ назначается перебаллотировка въ одно изъ воскресеній, но не позднѣе, какъ въ третье послѣ объявленія результатовъ выборовъ въ комитетѣ.

18. Результаты выборовъ провозглашаются предсѣдателемъ комитета въ самомъ засѣданіи. Объ избраніи комитетъ письменно увѣдомляетъ избраннаго, отбирая отъ него письменное заявленіе о согласіи на принятіе избранія или объ отказѣ отъ таковаго. Въ случаѣ согласія избраннаго выборы почитаются заключенными. Въ случаѣ отказа — производятся новые выборы по прежнимъ избирательнымъ спискамъ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ первые выборы, въ одно изъ воскресеній, но не позднѣе, какъ въ третье воскресенье послѣ полученія отказа. Лицо, принявшее избраніе въ одномъ округѣ, почитается отказавшимся отъ избранія въ другихъ округахъ, гдѣ оно избрано.

19. Къ перебаллотировкамъ примѣняются правила, изложенныя въ стт. 5—18-й включительно, причемъ избраннымъ на перебаллотировкѣ признается лицо, получившее простое большинство голосовъ, а если таковаго не окажется, то лицо, получившее относительное большинство законно поданныхъ голосовъ.

20. Протоколъ засѣданія окружного избирательнаго комитета со всѣмъ выборнымъ производствомъ и приложеніями препровождается въ канцелярію палаты народныхъ представителей.

21. Повѣрка выборовъ и разсмотрѣніе жалобъ на дѣйствія избирательныхъ комитетовъ и признаніе выборовъ законно произведенными или подлежащими отмѣнѣ принадлежитъ палатѣ народныхъ представителей. Жалобы на дѣйствія комитетовъ и просьбы объ отмѣнѣ выборовъ приносятся на имя палаты народныхъ представителей въ теченіе семи дней со дня заключенія выборовъ.

22. Въ развитіе правилъ, изложенныхъ въ настоящемъ законѣ, издается въ законодательномъ порядкѣ наказъ о производствѣ выборовъ.

23. Всѣ издержки по производству выборовъ падаютъ на города и областныя и губернскія земства по принадлежности, но заготовленіе и разсылка бланковъ для избирательныхъ списковъ и протоколовъ лежитъ на обязанности министерства внутреннихъ дѣлъ.

Списокъ печатныхъ работъ Сергѣя Андреевича Муромцева.

Главнымъ пособіемъ для настоящаго списка послужилъ указатель на карточкахъ, имѣющійся въ бумагахъ Сергѣя Андреевича. Поэтому приводимыя здѣсь свѣдѣнія имѣютъ во многихъ случаяхъ значеніе показаній самого автора. Работа С. А. однако не была имъ вполнѣ закончена, и даже послѣ внесенныхъ въ списокъ для настоящаго изданія дополненій онъ все же не можетъ считаться окончательнымъ. Впрочемъ, и въ такомъ видѣ онъ довольно точно отражаетъ литературную дѣятельность С. А. въ послѣдовательномъ ея развитіи. Спеціалиста-библіографа списокъ этотъ, можетъ быть, и не удовлетворитъ. Зато и онъ найдетъ здѣсь нѣсколько существенныхъ частныхъ указаній и можетъ воспользоваться имъ какъ исходной точкой для дальнѣйшихъ изысканій. Особенно желательны были бы такія изысканія для болѣе полнаго выясненія принадлежащихъ перу С. А. замѣтокъ и статей въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" и „Русскихъ Вѣдомостяхъ".

Въ списокъ включалось по возможности все написанное С. А. и гдѣ-либо напечатанное, хотя бы и ничтожное по объему. Произведенія, сохранившіяся лишь въ рукописи, въ списокъ не вносились. Не внесены въ него также многочисленные рѣчи и доклады въ городской думѣ, земскихъ собраніяхъ и т. под., хотя бы и напечатанные въ свое время, если только они не включены Сергѣемъ Андреевичемъ въ изданныя имъ „Статьи и рѣчи". Исключеніе допущено для семи законопроектовъ, составленныхъ для земскихъ съѣздовъ въ 1905 году: всѣ они показаны въ спискѣ подъ этимъ годомъ. Включены въ него и нѣкоторыя бесѣды С. А. съ газетными корреспондентами о политическихъ дѣлахъ, хотя съ формальной точки зрѣнія нельзя считать С. А. авторомъ этихъ статей.

Въ спискѣ имѣются ссылки на слѣдующія періодическія изданія (при каждомъ изданіи приведены и №№ работъ, въ немъ напечатанныхъ).

Вопросы Права: 177, 179.
Вѣстникъ Европы (=Вѣст. Евр.): 79, 80, 88.
Вѣстникъ Народной Свободы (=Вѣст. Нар. Своб.): 144.
Вѣстникъ Права: 122.

Вѣстникъ Права и Нотаріата: 168. 180.
Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права (=Ж. Гр. и Уг. Пр.): 3. 5. 9. 14. 55.
Земство: 56. 57.
Знаніе: 10. 11. 12.
Критическое Обозрѣніе: 30. 31. 32. 34. 36.
Московскія Вѣдомости: 24.
Новь: 141.
Порядокъ: 58. 61. 63.
Право: 119. 120. 134. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 143. 157.
Русская Мысль: 96.
Русскій Курьеръ (=Рус. Кур.): 40. 41. 42. 46.
Русскія Вѣдомости (=Рус. Вѣд.): 7. 8. 15. 16. 17. 23. 71. 95. 98. 103. 107. 123. 129. 142. 145. 159. 164. 165. 166. 167. 169. 170. 174. 175. 176. 180.
Сборникъ Государственныхъ Знаній (=Сб. Гос. Зн.): 29.
Сборникъ Правовѣдѣнія и Общественныхъ Знаній (=Сб. Прав. и Общ. Зн.): 108. 111. 113. 115.
Слово: 22.
Судебная Газета: 109.
Утро Россіи: 150.
Часъ: 152.
Юридическая Газета (=Юр. Газ.). 109. 110.
Юридическій Вѣстникъ (=Юр. В.): 13. 19. 20. 21. 26. 27. 28. 33. 35. 37. 38 (40 изъ „Рус. Кур.“). 43. 44. 45 (46[1] изъ „Рус. Кур“.). 47. 48. 49. 50. 51. 54. 59. 60. 62. 66. 67. 69. 70. 72. 73. 74. 75. 78. 83. 84. 85. 86. 87. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 97. 99. 100. 112. 118.
Юридическія Записки Демидовскаго Юридическаго Лицея: 158.
Frankfurter Zeitung: 147.
Le Temps: 148.
Matin: 131.
Neue Freie Presse: 149.
Отдѣльныя изданія: 2. 4. 18. 25. 53. 65. 76. 77. 81. 82. 101. 102. 116. 117. 121. 124—128. 132. 133. 156. 173. 181.

1867.

1. Борисъ Годуновъ, драма Пушкина, гимназическое сочиненіе, вошедшее въ составъ книги: „Разборъ образцовъ русской словесности“ Ив. Соснецкаго, 1867 (безъ имени автора).

1874.

2. Нѣсколько словъ по дѣлу объ оскорбленіи бывшаго муромскаго предводителя дворянства Д. П. Засѣцкаго княземъ Л. С. Голицынымъ. Лейпцигъ, 1874, стр. 34.

1875.

3. Римское право, какъ предметъ науки, вступительная лекція, читанная въ И. М. У. 2 сентября 1875 года („Ж. Гр. и Уг. Пр." 1875, № 6).
4. О консерватизмѣ римской юриспруденціи. Опытъ по исторіи римскаго права. Москва, 1875, стр. 189, ц. 1 р. 50 к.
5. Критика: Миловидовъ, Законная сила судебныхъ рѣшеній, 1875 („Ж. Гр. и Уг. Пр." 1875, № 6, стр. 290—296).
6. Рѣчи: a) По вопросу объ отношеніи съѣзда къ обсужденію системы дѣйствующихъ законовъ XI тома; b) По вопросу объ объединеніи русскаго гражданскаго кодекса; c) О полномъ уравненіи въ правахъ дѣтей законныхъ и незаконныхъ,—произнесенныя на съѣздѣ русскихъ юристовъ 1875 года въ засѣданіяхъ 6 и 8 іюня („Первый съѣздъ русскихъ юристовъ въ Москвѣ въ 1875 году, изд. подъ редакціей С. И. Баршева, Н. В. Калачова, С. А. Муромцева и А. М. Фальковскаго, Москва, 1882".—„Статьи и Рѣчи", в. II, стр. 1—7).
7. Письмо къ редактору „Русскихъ Вѣдомостей", о диспутѣ Ляпидевскаго („Рус. Вѣд." 1875, №№ 125 и 147).
8. Извѣщеніе о выходѣ перевода Савиньи, Обязательственное право („Рус. Вѣд." 1875, № 219).

1876.

9. О владѣніи по римскому праву, по поводу сочиненія Іеринга („Ж. Гр. и Уг. Пр." 1876, № 4, стр. 1—41).
10. Критика: Любавскій, Юридическія монографіи и изслѣдованія, т. III, 1875. („Знаніе" 1876, апрѣль, стр. 15—20)
11. Критика: Рудольфъ Іерингъ, Духъ римскаго права на различныхъ ступеняхъ его развитія, ч. I, пер. съ нѣм. 1875 („Знаніе" 1876, № 8, стр. 47—49).
12. Критика: Post, Ursprung des Rechts („Знаніе" 1876, августъ).
13. Критика: Азаревичъ, Патриціи и плебеи въ Римѣ („Юр. В." 1876, № 12, стр. 1—12).
14. Критика: Рудольфъ Іерингъ, Значеніе римскаго права для новаго міра, 1875 („Ж. Гр. и Уг. Пр." 1876, кн. 7—8, стр. 1—41).
15. Отчетъ о диспутѣ Боголѣпова („Рус. Вѣд." 1876, № 80).
16. Отчетъ о диспутѣ Умова („Рус. Вѣд." 1876, № 97).
17. Отчетъ о диспутѣ Дроздовскаго и Янжула („Рус. Вѣд." 1876, № 277).

1877.

18. Очерки общей теоріи гражданскаго права, ч. I, Введеніе. О научно-историческомъ изученіи гражданскаго права. Объ образованіи гражданскаго права, М. 1877, стр. 316.

1878.

19. Критика: Любавскій, Юридическія монографіи и изслѣдованія, т. IV („Ю. В." 1878, № 4).
20. Критика: Загоскинъ, Методъ и средства сравнительнаго изученія древнѣйшаго обычнаго права славянъ вообще и русскихъ въ особенности, 1877 („Юр. В." 1878, № 4, стр. 594—596).
21. Критика: Медоксъ, О значеніи духовныхъ завѣщаній самоубійцъ по дѣйствующимъ законамъ Россіи, 1877 („Юр. В." 1878, № 4, стр. 596—597).
22. Замѣтка на рецензію („Слово" 1878, кн. 12. стр. 222).
23. Отчетъ о диспутѣ Гольцева („Рус. Вѣд." 1878, № 269).
24. Некрологъ: О. Б. Мильгаузенъ („Моск. Вѣд." 1878, № 19.—Статьи и Рѣчи, в. I, стр. 1—3).

1879.

25. Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Москва, 1879, стр. 240, ц. 2 р.
26. Авторское право („Юр. В." 1879, № 3, стр. 352—364).
27. Арендные договоры относительно недвижимостей, состоящихъ въ залогѣ („Юр. В." 1879, № 11, стр. 839—856).
28. Имущественная оцѣнка гражданскихъ правъ и неимущественные интересы въ гражданскомъ правѣ („Юр. В." 1879, № 9, стр. 501—520).
29. Критика: Нерсесовъ, Понятіе добровольнаго представительства въ гражданскомъ правѣ, 1878 („Сб. Гос. Знаній", 1879, т. VII, стр. 70—79).
30. Критика: Табашниковъ, Литературная, музыкальная и художественная собственность, т. I, 1878 („Крит. Обозр." 1879, № 13, стр. 8—16).
31. Критика: Кавелинъ, Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ въ примѣненіи къ русскому законодательству, 1879 („Крит. Обозр." № 18 стр. 11—17 и № 19, стр. 13—23).
32. Критика: Липинскій, Историческое изученіе права („Крит. Обозр." 1879, № 15, стр. 38—39).
33. Критика: Загоровскій, Незаконорожденные по саксонскому и французскому праву, 1879 („Юр. В." 1879, № 8, стр. 348—355).
34. Критика: Оршанскій, Изслѣдованія по русскому праву, семейному и наслѣдственному, 1877 („Крит. Обозр." 1879, № 1, стр. 21—27).
35. Критика: Носенко, Сборникъ рѣшеній 4 департамента и общихъ собраній Правительствующаго Сената, 5 томовъ, 1872—1882 („Юр. В." 1879, № 1, стр. 216—217 и № 4, стр. 265; 1881, № 2, на обложкѣ).
36. Критика: Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права, 1879, кн. I („Крит. Обозр." 1879. № 9).
37. Хроника гражданскаго суда („Юр. В." 1879, № 1, стр. 35—52 и 63—70 и № 3, стр. 399—412). Подпись подъ *всей* хроникой, въ которую входятъ сверхъ указанныхъ здѣсь частей еше и замѣтки другихъ авторовъ: въ № 1—М. П. Д., въ № 3—М. Н.

38. Некрологъ: Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ („Юр. В.“ 1879, № 11, стр. 701—704.—„Статьи и Рѣчи“, в. I, стр. 4—6).
39. Проектъ желѣзнодоржнаго закона. Докладъ комиссіи Московскаго Юридическаго Общества. („Проекты желѣзнодорожнаго законодательства, составленные и обсужденные въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ въ 1879—80 годахъ. М. 1882“.—„Статьи и Рѣчи“, в. II, стр. 65—68).
40. Корреспонденція изъ Тулы отъ 3 декабря („Рус. Кур.“ 1879, № 92. Безъ имени автора: перепечатано въ „Юр. В“.1880, № 1, „Земскія извѣстія“).
41. Четыре передовыя статьи въ газетѣ „Русскій Курьеръ“ 1879 г. о желѣзнодорожныхъ дѣлахъ. Судя по содержанію, это статьи въ №№ 60 (28 сент.), 62, 66 и 67 (4 окт.).
42. Въ матеріалахъ С. А. названа еще помѣщенная имъ въ „Русскомъ Курьерѣ замѣтка о непорядкахъ въ столичномъ мировомъ съѣздѣ. Установить, въ какомъ именно № помѣщена эта замѣтка, не удалось.

1880.

43. Судъ и законъ въ гражданскомъ правѣ („Юр. В.“ 1880, № 11, стр. 377—393).
44. Еще разъясненіе („Юр. В.“ 1880, № 1, стр. 219—221).
45. О вознаграждеціи за вредъ, причиненный неисправностями желѣзнодорожныхъ предпріятій. Проектъ закона, составленный комиссіею Моск. Юр. Общества, учрежденной 5 марта 1879 г. („Юр. В.“ 1880, № 1, стр. 70—98.—„Статьи и Рѣчи, в. II, стр. 68—96).
46. Правда ли, что законопроектъ Московскаго Юридическаго Общества потакаетъ желѣзнодорожнымъ владѣльцамъ („Руск. Кур.“ 1880, № 94, 6 апрѣля и „Юр. В.“ 1880, № 6, стр. 371—373).
47. Критика: Fanny Berlin. Beitrag zur Condictionenlehre. Bern, 1878 („Юр. В.“ 1880, № 4, стр. 830—832).
48. Земскія извѣстія. Подпись: С. М. („Юр. В.“ 1880, №№ 1, стр. 224—225 и 3, стр. 672—676).
49. Некрологъ: Никита Ивановичъ Крыловъ („Юр. В.“ 1880, № 2, стр. 231—241.—„Слова и Рѣчи“, в. I, стр. 7—15).
50. Хроника гражданскаго суда. Подпись: Мрц. („Юр. В.“ 1880, № 3, стр. 552—568 и 577—578, и № 5, стр. 153—168).
51. Письмо къ Н. С. Абазѣ 9 октября 1880 („Статьи и Рѣчи“, в. V, стр. 39—43).
52. Разныя замѣтки („Юр. В.“ 1880, № 1, стр. 226—230, № 3, стр. 677—678, № 4, стр. 841—844, № 10, стр, 315—320, № 12, стр. 650—652.—„Статьи и Рѣчи“, в. V, стр. 1—10 и 44—52). Въ „Юр. В.“ въ № 1 подписи не было, въ остальныхъ—подпись: С. М.

1881.

53. Въ первые дни министерства гр. М. Т. Лорисъ-Меликова. Berlin, Behrs Buchhandlung, 1881 („Статьи и Рѣчи“, в. V, стр. 11—38).

54. О задачахъ гражданскаго правосудія. Опытъ критическаго разсмотрѣнія господствующей теоріи толкованія закона („Юр. В." 1881, протоколы засѣданій Юрид. Общ., стр. 49—53).
55. Отвѣтъ автора г. Звѣреву („Ж. Гр. и Уг. Пр." 1881, № 2, стр. 171—178)
56. Законъ 14 августа („Земство" 1881, № 42.—„Статьи и рѣчи", в. V, стр. 53—62).
57. По поводу передовой статьи „Правительственнаго Вѣстника" о законѣ 14 авг. 1881 года („Земство" 1881, № 43.—„Статьи и Рѣчи", в. V, стр. 62—65).
58. Передовая статья о студенческихъ организаціяхъ („Порядокъ" 1881, № 48.—„Статьи и рѣчи", в. II, стр. 52—56).
59. Критика: Revue (nouvelle) historiqne de droit franais et etranger, 1880. Подпись: Wz. („Юр. В." 1881, № 10, стр. 396—399).
60. Некрологъ: Василій Николаевичъ Лешковъ, сост. совмѣстно съ В. А. Гольцевымъ („Юр. В." 1881, № 2.—„Статьи и Рѣчи", в. III, стр. 37—42).
61. Письма изъ Москвы. Подпись: Wz. (Газета „Порядокъ" 1881, №№ 1, 2, 5, 12, 14, 16, 19, 21, 24, 30, 40, 43, 52, 262, 264.—„Статьи и Рѣчи", в. III, стр. 1—48).

1882.

62. Къ теоріи юридическихъ сдѣлокъ („Юр. В." 1882, № 12, протоколы, стр. 24—27).
63. Письмо изъ Москвы. Подпись: Wz. (Газета „Порядокъ" 1882, № 7, „Статьи и Рѣчи", в. III, стр. 49—51).
64. Противъ тѣлеснаго наказанія. Рѣчь въ Московскомъ Губ. Зем. Собр. 21 янв. 1882 г. („Статьи и Рѣчи", в. V, стр. 66—67).

1883.

65. Гражданское право древняго Рима. Москва. 1883, стр. XXXV и 697, ц. 5 р.
66. Характеристическія черты древнѣйшаго гражданскаго правосудія („Юр. В." 1883, протоколы, стр. 36—51).
67. Древнее шведское обязательственное право („Юр. В." 1883, протоколы, №№ 3, стр. 47—48 и 4, стр. 49—55).
68. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, надгробное слово, сказанное надъ могилой 27 сентября 1883 года отъ имени Московскаго Университета („Статьи и Рѣчи", в. I, стр. 16—17).

1884.

69. Что такое догма права? Критико-полемическая замѣтка по поводу статьи Гольмстена „Нѣсколько мыслей о позитивизмѣ въ наукѣ права" въ „Ж. Гр. и Уг. Пр." 1884, № 3 („Юр. В." 1884, №№ 4, стр. 759—765 и 5, стр. 231—240).
70. Еще по вопросу о догмѣ права. По поводу послѣдней статьи г. Гольмстена („Юр. В." 1884, № 8, стр. 683—691).
71. Изъ опытовъ Бишопа („Рус. Вѣд." 1884, ноября 22.—„Статьи и Рѣчи", в. III, стр. 57—59).
72. Критика: Гвидо Паделетти, Учебникъ исторіи римскаго права въ переводѣ Азаревича („Юр. В." 1884, № 7, стр. 468).

73. Критика: Загурскій, Ученіе объ отцовской власти по римскому праву, 1884 („Юр. В.“ 1884, № 7, стр. 468).
74. Критика: Новая русская книга о желѣзнодорожномъ правѣ. Александръ Борзенко, Концессія желѣзнодорожнаго права („Юр. В.“ 1884, № 1, стр. 129—137).
75. Критика: Казанцевъ, Свободное представительство въ римскомъ гражданскомъ правѣ, 1884 („Юр. В.“, 1886, № 5—6, стр. 273—275).

1885.

76. Что такое догма права? Москва, 1885, стр. 35, ц. 50 к.
77. Was heisst Rechts-Dogmatik? aus dem russischen übersetzt von K. Esmarch, Prag. 1885.
78. Римское право въ Западной Европѣ („Юр. В.“ 1885, № 1, стр. 27—57, № 2, стр. 250—268, № 3, стр. 452—472, № 4, стр. 657—674 и № 5, стр. 27—57).
79. Музыкальное торжество въ Смоленскѣ: Письмо въ редакцію. Подпись: Wz. („Вѣстникъ Европы“, 1885, іюль. „Статьи и Рѣчи“, в. III, стр. 102—115).
80. Письма изъ Москвы. Подпись: Wz. („Вѣст. Евр.“ 1885, январь, февраль, апрѣль, май, октябрь, ноябрь.—„Статьи и Рѣчи“, в. III, стр. 60—101 и 116—121).

1886.

81. Рецепція римскаго права на Западѣ, Москва, 1886, стр. 159, ц. 2 р.
82. Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи, Москва, 1886, стр. 99, ц. 1 р.
83. Способъ исчисленія давностныхъ сроковъ, по уст. гражд. суд. („Юр. В.“ 1886, № 12, стр. 640—642).
84. О признакахъ права собственности на денежные капиталы („Юр. В.“ 1886, № 12, стр. 642—644).
85. Объ отвѣтственности репортера въ преступленіяхъ печати („Юр. В.“ 1886, № 12, стр. 652—653).
86. Изъ текущей судебной практики. Замѣтки по вопросамъ гражданскаго и уголовнаго законодательства („Юр. В.“ 1886, № 12, стр. 640—653).
87. Замѣтка по поводу статьи г. Зигеля „Исторія права“ („Юр. В.“ 1886, № 6—7, стр. 446—449).
88. Письма изъ Москвы. Подпись: Wz. („Вѣст. Евр.“ 1886, февраль.—„Статьи и Рѣчи“, в. III, стр. 121—128).

1887.

89. Критика: Суворовъ, О гражданскомъ бракѣ, 1887. Подпись: С. М. („Юр. В.“ № 8, стр. 620—621).
90. Критика: Творческая сила юриспруденціи. Kohler, Die Schöpferische Kraft der Jurisprudenz („Юрид. В.“ 1887, № 9, стр. 112—117).

91. Критика: Post, Einleitung in das Studium der ethnologischen Jurisprudenz, 1886 („Юр. В.“ 1887, № 2, стр. 381—383).

1888.

92. Московское Юридическое Общество за истекшее двадцатипятилѣтіе, рѣчь предсѣдателя Общества. („Юр. В.“ 1888, № 4, стр. 513—550.—Статьи и Рѣчи, в. II, стр. 8—37 и 42—61—съ дополненіями). Часть труда составлена Н. А. Каблуковымъ.

93. Пустоши на языкѣ крѣпостныхъ актовъ. Подпись: С. М. („Юр. В.“ 1888, № 9, стр. 161—164).

94. Критика: Харузинъ, Балтійская конституція. Подпись: С. М. („Юр. В“ 1888, № 6, стр. 417—418).

95. Рецензія: „Юридическій календарь на 1889 годъ М. Острогорскаго. Судебный календарь на 1889 годъ В. Балашева и В. Маркевича“. Подпись: Wm. („Русск. Вѣд.“ 1888, № 346).

1889.

96. Соціологическіе очерки. I. Происхожденіе сотрудничества. Первобытное общество („Русская Мысль“ 1889, № 1, стр. 1—32).

97. Хроника русскаго законодательства. Подпись: М. К. (=Муромцевъ, Каблуковъ, Н. А.—въ сотрудничествѣ съ нимъ статья написана). („Юр. В.“ 1889, № 10, стр. 310—322.—Статьи и Рѣчи, в. V, стр. 72—91).

98. Передовая статья о катастрофѣ со строящимся домомъ Купеческаго общества на Кузнецкомъ Мосту („Русск. Вѣд.“ 1889, 15 окт., № 285.—Статьи и Рѣчи, в. V, стр. 68—71).

99. Критика: Муравьевъ, Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности, т. I, 1889. Подпись: С. М. („Юр. В.“ 1889, № 5, стр. 142—144).

100. Критика: Фойницкій, Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ 1889. Подпись: С. М. („Юр. В.“ 1889, № 3, стр. 516—520).

1890.

101. Вопросъ: въ какихъ случаяхъ по римскому законодательству и по Базиликамъ отецъ имѣетъ право на возвращеніе ему приданаго, даннаго имъ своей дочери, если дочь умретъ раньше отца и состоя въ замужествѣ? Москва, 1890, стр. 19.

1891.

102. По вопросу объ обязательности для малолѣтнихъ векселя, выданнаго опекуномъ по праву опекуна и по праву „распорядителя торговли“. Москва, 1891 года.

1892.

103. О толкованіи духовныхъ завѣщаній. Докладъ въ Юридическомъ Обществѣ. („Русск. Вѣд.“ 1892, № 40).

104. Вдова и вдовецъ, о наслѣдственномъ правѣ (Брокгаузъ и Эфронъ, Энциклопедическій Словарь, т. V, стр. 676—679).
105. Возраженіе, въ гражданскомъ процессѣ (Брокгаузъ и Эфронъ, Энциклопедическій Словарь, т. VI, стр. 905).
106. Вступленіе въ законную силу рѣшеній гражданскихъ судовъ (Брокгаузъ и Эфронъ, Энциклопедическій Словарь, т. VII, стр. 427—428).
107. Некрологъ: Рудольфъ фонъ Іерингъ („Русск. Вѣд.“ 1892, № 263.—Статьи и Рѣчи, в. I, стр. 18—21).

1893.

108. Право и справедливость (Сб. Прав. и Общ. Знаній, 1893, т. 2, стр. 1—13).
109. Соображенія цѣлесообразности въ рѣшеніяхъ гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената („Юр. Газ.“ 1893, № 80 и „Судебная Газ.“ 1893, № 43).

1894.

110. Тридцатилѣтіе Судебныхъ Уставовъ въ Москвѣ. Рѣчь („Юр. Газ.“ 1894, №№ 93 и 94).
111. Соображенія цѣлесообразности въ рѣшеніяхъ гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената (Сб. Прав. и Общ. Знаній, 1894, т. 3).

1896.

112. Некрологъ: Эсперъ Николаевичъ Сумбулъ („Русск. Вѣд.“ 1896, № 65.—Статьи и Рѣчи, в. I, стр. 22—24).

1897.

113. Вопросъ о возникновеніи юридическаго лица въ примѣненіи къ поземельной общинѣ (Сб. Прав. и Общ. Знаній, 1897, т. 7, стр. 69—75).

1898.

114. Привѣтствіе Владиміру Ивановичу Герье, произнесенное 29 ноября 1898 года на праздновании юбилея 40-лѣтней научно-общественной дѣятельности. (Статьи и Рѣчи, в. I, стр. 25—26).
115. Критика: „Право“, еженедѣльная юридическая газета. Подпись: Ю. В—ъ (Сб. Прав. и Общ. Знаній, 1898, т. 9, стр. 310—315).

1899.

116. Изъ лекцій по русскому гражданскому праву. 1898—1899). С.-Петербургъ, 1899, стр. 17.
117. Введеніе въ курсъ гражданскаго судопроизводства. С.-Петербургъ, 1899, стр. 34. Изложено по пособіямъ проф. Гольмстена, Малышева и др. (безъ имени автора).
118. Привѣтствіе, произнесенное 26 мая 1899 г. отъ имени Московскаго Юридическаго Общества Обществу Любителей Россійской Словесности въ торже-

ственномъ засѣданіи въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина („Русск. Вѣд." 1899, № 144.—Статьи и Рѣчи, в. I, стр. 27—29. Съ присоединеніемъ объяснительныхъ примѣчаній).

119. Изъ практики обязательныхъ постановленій („Право", 1899, № 4).—Статьи и Рѣчи, в. IV, стр. 36—37, 41, 51—52, 55—57, 59—61, 63—64 и 65—69).

120. Къ вопросу объ обязательныхъ постановленіяхъ („Право", 1899, № 5).

1901.

121. По вопросу объ отдачѣ наслѣдственнаго имущества въ опекунское управленіе при наличности спора противъ духовнаго завѣщанія, 1901.

1904.

122. Гражданскій законъ и жизнь. По поводу проекта новаго гражданскаго уложенія („Вѣстникъ Права" 1904, № 2, стр. 1—16).

1905.

123. Къ вопросу объ организаціи будущаго представительства. (Проектъ основного закона въ 113 статьяхъ и избирательнаго закона въ 23 статьяхъ. Безъ указанія автора.) („Рус. Вѣд. 1905 г., № 180).

124. Законъ о союзахъ. Проектъ. (Безъ означенія года и мѣста изданія.)

125. Законъ о собраніяхъ. Проектъ. (Безъ означенія года и мѣста изданія.)

126. Необходимыя мѣры къ обезпеченію дѣйствительной неприкосновенности личности согласно Высочайшему манифесту 17 октября 1905 г. Проектъ. (Безъ означенія года и мѣста изданія.)

127. Положеніе объ Учредительномъ Собраніи Народныхъ Представителей Россійской Имперіи для выработки Основного Государственнаго Закона. Москва, 1905. 9 стр.

128. Положеніе о выборахъ въ Собраніе Народныхъ Представителей. Проектъ подкомиссіи бюро. Москва, 1905 г.

Пять послѣднихъ проектовъ составлены С. А. Муромцевымъ по порученію бюро земскихъ съѣздовъ на основаніи бывшихъ сужденій въ бюро или его подкомиссіяхъ и напечатаны для раздачи членамъ земскаго съѣзда въ ноябрѣ 1905 г. безъ указанія имени составителя.

1906.

129. Противъ смертной казни („Рус. Вѣд." 1906 г., № 52.—Статьи и Рѣчи, в. V, стр. 92—93).

130. Рѣчь предсѣдателя Государственной Думы 27 апрѣля 1906 года. (Статьи и Рѣчи, в. V, стр. 94).

131. Ce que dit Mouromzeff („Matin" 1906, № 8247).

1907.

132. Патріархальная семья и государство въ историческомъ процессѣ образованія гражданскаго права. Москва, 1907, стр. 15.
133. Внутренній распорядокъ Государственной Думы. Наказъ Государственной Думы (главы I—III) и временныя правила. Проектъ остальныхъ главъ наказа. Москва, 1907. Стр. II, 82.
134. Наказъ Государственной Думы („Право" 1907, № 7).
135. Порядокъ обсужденія законодательныхъ предположеній въ Государственной Думѣ („Право" 1907, № 12).
136. Правила о допущеніи въ засѣданія Государственной Думы постороннихъ лицъ. Подписано: Wz. („Право" 1907, № 8).
137. Порядокъ разсмотрѣнія въ Государственной Думѣ вопроса о „желательности" изданія новаго закона („Право" 1907, № 18).
138. Формализмъ въ Государственной Думѣ („Право" 1907, № 19).
139. Новыя главы наказа Государственной Думы („Право" 1907, № 24).
140. Предстоящее сокращеніе кодификаціонной разработки текущаго законодательства („Право" 1907, № 37).
141. О распредѣленіи функцій руководительства занятіями Государственной Думы („Новь" 1907, № 31).
142. Порядокъ засѣданій второй Думы („Рус. Вѣд." 11 февраля 1907).
143. Къ вопросамъ законодательной техники („Право" 1907, № 39).
144. Неприкосновенность депутатовъ („Вѣстн. Нар. Своб." 1907, № 48).
145. Безсильные законы („Рус. Вѣд." 1907 8 февраля).
146. Джузеппе Гарибальди. Къ празднованію столѣтія со дня его рожденія. (Напечатано на французскомъ языкѣ въ Юбилейномъ Сборникѣ „Garibaldi", изд. Римскаго университета. На русскомъ языкѣ: Статьи и Рѣчи, в. I, стр. 30—31.)
147. Значеніе происшедшихъ выборовъ (передовая въ „Francfurter Zeitung", 1907, № 58, перев. „Рус. Вѣд." 1907, № 38.—Статьи и Рѣчи, в. V, стр. 95—98).
148. Роспускъ Государственной Думы („Le Temps" 5/18 іюня 1907, № 16796.—Статьи и Рѣчи, в. V, стр. 99—102).
149. Будущая Дума („Neue Freie Presse" 12 окт. 1907, № 15496.—Статьи и Рѣчи, в. V, стр. 103—109).
150. Чего ожидать? („Утро Россіи" 1907, 17 октября, № 27.—Статьи и Рѣчи, в. V, стр. 110—113).
151. Письмо Ѳ. И. Родичеву 19 ноября 1907 года. (Статьи и Рѣчи, в. V, стр. 114).
152. Бесѣда съ С. А. Муромцевымъ. („Часъ" 1908, 24 ноября, № 53).
153. Послѣднее слово подсудимаго въ засѣданіи Спб. судебной палаты 17 декабря 1907 года по дѣлу о выборгскомъ воззваніи. (Статьи и Рѣчи, в. V, стр. 115—123.)
154. Наброски (въ концѣ 1907 г.). (Статьи и Рѣчи, в. V, стр. 124—126).
155. На новый годъ (на 1 января 1908 г.). (Статьи и Рѣчи, в. V, стр. 127—128).

1908.

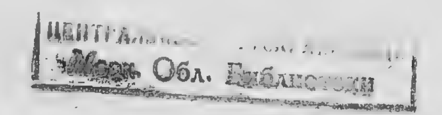
156. Основы гражданскаго права. Введеніе. Человѣкъ и общество. Москва, 1908, стр. 102. (Безъ имени автора).
157. Правильный путь („Право“ 1908, № 45).
158. Болѣзненные процессы общественности („Юридич. Записки Дем. Юр. Лицея“ 1908, № 1).
159. Положеніе объ университетѣ имени Шанявскаго („Рус. Вѣд.“ 1908, № 79).
160. Задача студенческаго научнаго общества. Рѣчь, произнесенная въ студенческомъ обществѣ цивилистовъ 15 марта 1908 года (Статьи и Рѣчи, в. I, стр. 56—58).
161. Отзывы на воззваніе противъ смертной казни (Статьи и Рѣчи, в. V, стр. 93).
162. Князь Сергѣй Николаевичъ Трубецкой, заключительное слово, сказанное въ засѣданіи студенческаго научнаго общества 16 марта 1908 г. (Статьи и Рѣчи, в. I, стр. 35—36).
163. Изъ доклада, сдѣланнаго въ собраніи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ московскаго судебнаго округа 23 марта 1908 г. (Статьи и Рѣчи, в. V, стр. 129—130).
164. Рѣчь, произнесенная въ день освобожденія изъ тюремнаго заключенія (11 августа 1908 г.). („Рус. Вѣд., 1908, № 186.—Статьи и Рѣчи, в. V, стр. 131—132).
165. Некрологъ: Александръ Ивановичъ Чупровъ („Рус. Вѣд.“ 1908, № 48.—Статьи и Рѣчи, в. I, стр. 32—33).
166. Надгробное слово, произнесенное надъ могилой А. И. Чупрова („Рус. Вѣд.“ 1908, № 54.—Статьи и Рѣчи. в. I, стр. 33—34).

1909.

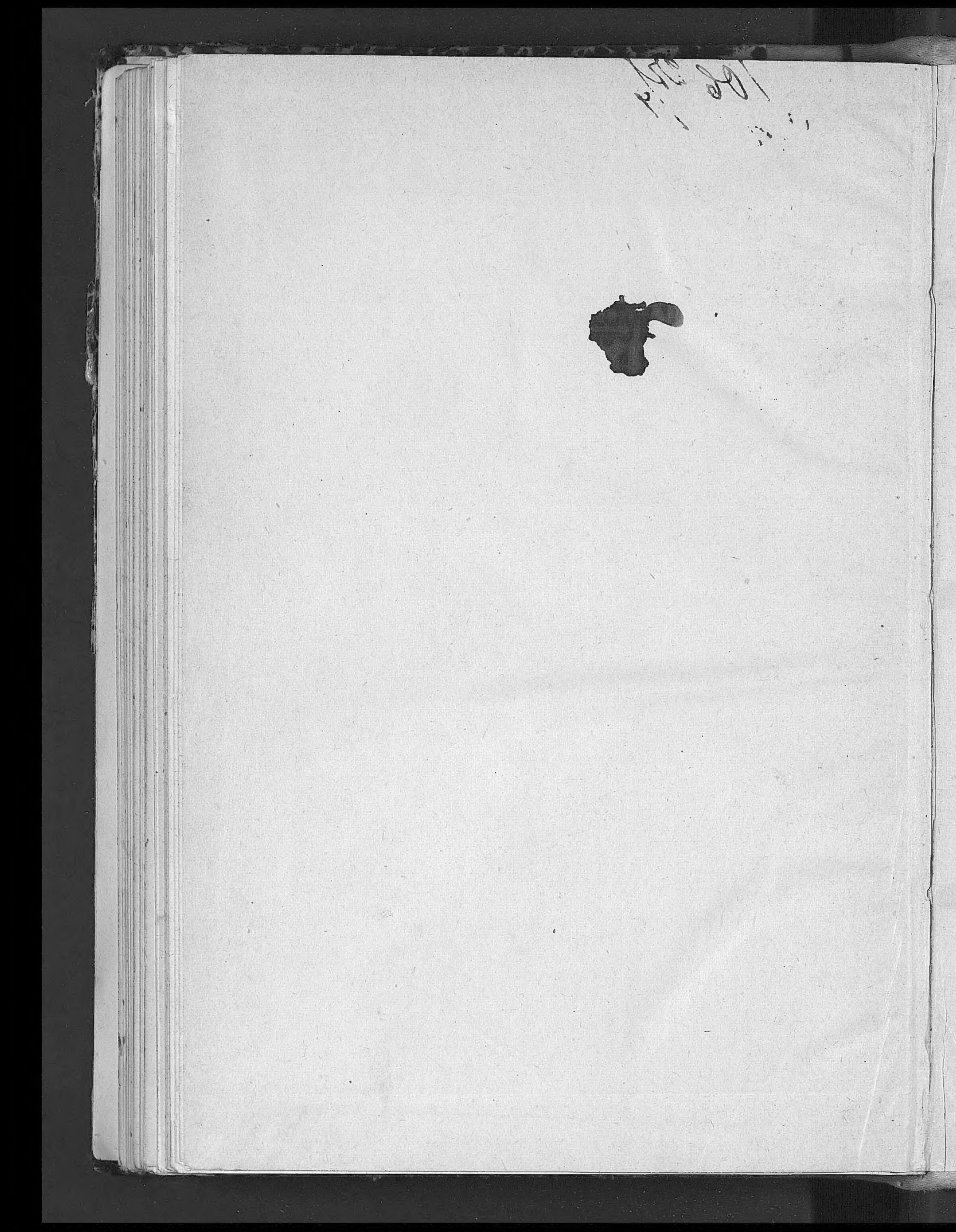
167. Законодательство въ 1908 году („Рус. Вѣд.“ 1909, № 1.—Статьи и Рѣчи, в. I, стр. 133—137).
168. Ближайшія перспективы въ области гражданскаго законодательства („Вѣстн. Права и Нотаріата“ 1909, № 28).
169. Рѣчь, произнесенная 26 апрѣля 1909 года въ торжественномъ собраніи въ Московскомъ университетѣ въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія Н. В. Гоголя („Рус. Вѣд.“ 1909, № 96.—Статьи и Рѣчи, в. I, стр. 37—41).
170. Теорія и практика. Рѣчь, произнесенная 20 сент. 1909 г. на торжеств. собраніи въ Городскомъ Народномъ Университетѣ имени Шанявскаго („Русскія Вѣдомости“ 1909, № 216.—Статьи и Рѣчи, в. I, стр. 59—67).
171. Благодарственное слово, произнесенное 13 октября 1909 года въ отвѣтъ на привѣтствіе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ по случаю исполнившагося 25-тилѣтія адвокатской дѣятельности (Статьи и Рѣчи, в. I, стр. 68—69).
172. Привѣтствіе С.-Петербургскому Юридическому Обществу (Статьи и Рѣчи, в. I, стр. 70).

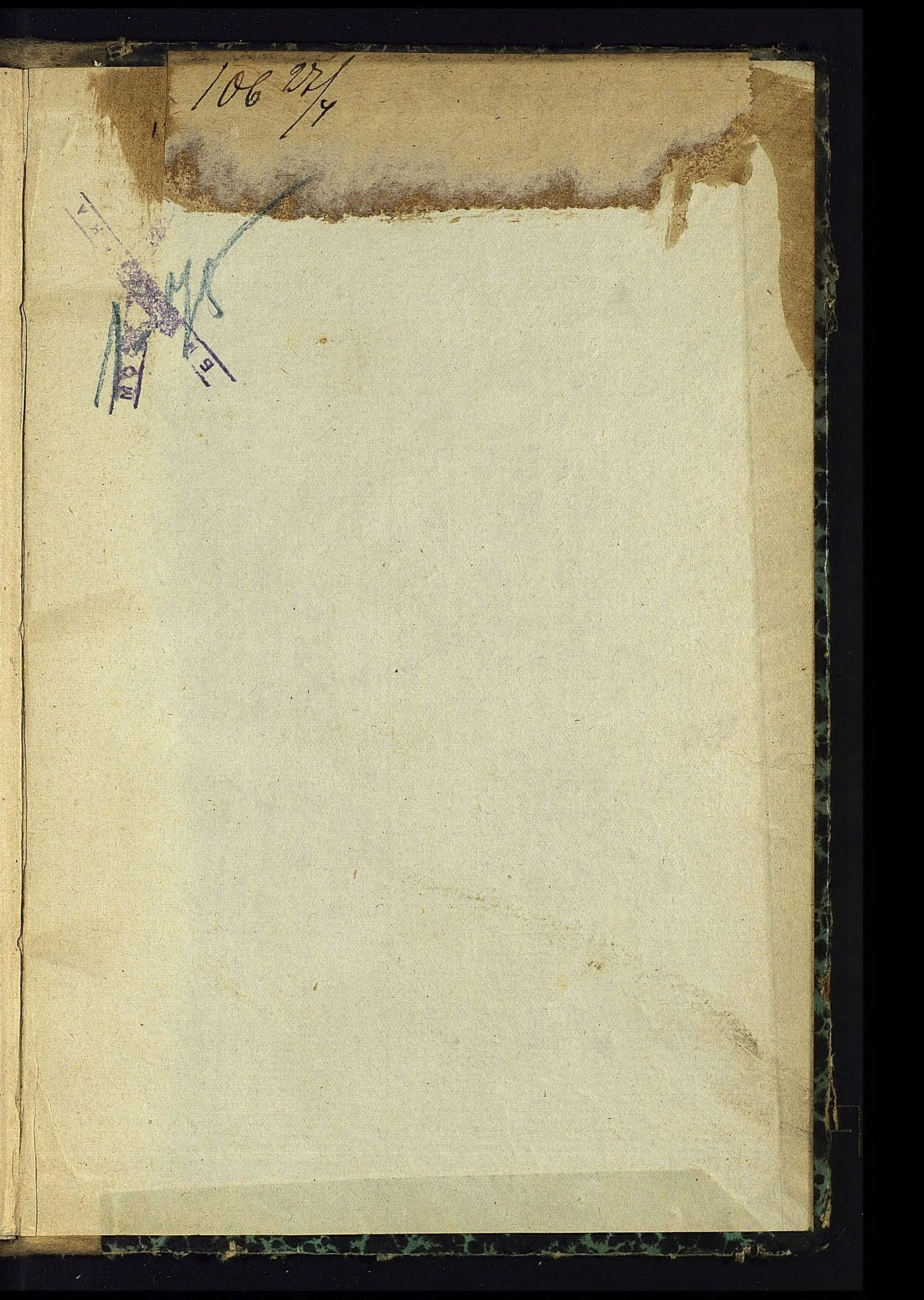
1910.

173. Заключеніе по вопросу о юридической природѣ концессіи и ея содержаніи, Москва, 1910, стр. 17.
174. Законодательство въ 1909 году („Рус. Вѣд.", 1910, № 1.—Статьи и Рѣчи, в. V, стр. 138—142).
175. Некрологъ: памяти князя Н. С. Волконскаго („Рус. Вѣд." 1910, № 45.—Статьи и Рѣчи, в. I, стр. 54—55).
176. Памяти К. Д. Кавелина („Рус. Вѣд." 1910, № 100).
177. Александръ Θедоровичъ Кистяковскій („Вопросы Права" 1910, № 1.—Статьи и Рѣчи, в. I, стр. 49—53).
178. Викторъ Александровичъ Гольцевъ („Сборникъ въ память В. А. Гольцева".—Статьи и Рѣчи, в. I, стр. 42—48).
179. Одиночная борьба и сотрудничество („Вопросы Права" 1910, № 3, стр. 5—28).
180. Памяти закрытаго общества. Рѣчь на торжественномъ собраніи Юридическаго общества 11 апр. 1910 года („Рус. Вѣд." 1910, № 84; „Рѣчь" 14 апр. 1910 г., № 102; „Вѣстникъ Права и Нотаріата" 1910, № 16—17.—Статьи и Рѣчи, в. II, стр. 62—63).
181. Статьи и Рѣчи. Москва, 1910.
    - Выпускъ I. Некрологи, привѣтствія, воспоминанія (1878—1910). Стр. 80. Ц. 50 к.
    - Выпускъ II. На первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ и въ Московскомъ Юридическомъ обществѣ (1875—1910). Стр. 96. Ц. 50 к.
    - Выпускъ III. Изъ общественной хроники (1880—1886). Стр. 128. Ц. 50 к.
    - Выпускъ IV. Въ Московской Городской Думѣ (1897—1906). Стр. V и 96. Ц. 60 к.
    - Выпускъ V. Въ области политики и публицистики (1880—1910). Стр. 142. Ц. 90 к.

106 27/7

